

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

13

Славянские диалекты
в ситуации языкового контакта
(в прошлом и настоящем)

**Российская академия наук
Институт славяноведения**

**Исследования по славянской
диалектологии**

13

**Славянские диалекты
в ситуации языкового контакта
(в прошлом и настоящем)**

Москва 2008

Издание выполнено в рамках программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории». Грант «Русские диалекты в общеславянском контексте».

Редколлегия издания:

д.ф.н. Л. Э. Калнынь

к.ф.н. М. И. Ермакова

к.ф.н. Г. П. Клепикова

Ответственный редактор выпуска:

д.ф.н. Л. Э. Калнынь

Рецензенты выпуска:

д.ф.н. Т. Н. Молошная

д.ф.н. Н. Н. Пшеничнова

13-й выпуск серийного издания «Исследования по славянской диалектологии» содержит статьи, посвященные теме контактов славянских диалектов с языковыми идиомами разного типа и тем результатам, которые возникают вследствие этих контактов. Обсуждается проблема особого статуса ареальных образований, локализованных в зонах диалектных / языковых контактов. Как вариант контакта на диахроническом уровне рассматривается проблема субстрата. Ситуация контактов исследуется не только в языковом аспекте, но и в этно-культурном. Сборник представляет интерес для специалистов в области славянского языкознания, особенно диалектологии и истории языка, а также духовной культуры.

The 13th issue of a serial “Research on Slavic Dialectology” contains articles devoted to the theme of Slavic dialects’ contacts with language idioms of different types and to the results emerging after such contacts. The problem of special status of area aggregation of dialects localized in the zones of dialectal/language contacts is particularly discussed. The problem of substratum is examined as a variant of contact on the diachronic level. The question of contacts is explored both in linguistic and ethno cultural aspects. This collection of articles is of interest for the specialists in the field of Slavic linguistics, especially dialectology and history of language, as well as spiritual culture.

Содержание

Предисловие.....	5
<i>Л. Э. Калынь.</i> О понятии «языковой контакт» в применении к русским диалектам.....	7
<i>Р. Ф. Касаткина.</i> Еще раз о статусе изменяемой частицы <i>-то</i> в русских говорах.....	18
<i>Е. В. Колесникова.</i> Заметки о семантике общерусских наречий <i>сейчас, теперь, ныне, нынче</i> в архангельских говорах.....	31
<i>М. Алексеева.</i> Лемковские говоры в контактах с другими славянскими языками.....	44
<i>О. А. Остапчук.</i> Украинско-польские контакты: уровни и способы манифестации.....	58
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Периферийные польские диалекты как результат взаимодействия с восточнославянскими и балтийскими языками.....	72
<i>Т. В. Попова.</i> О диалектной ситуации в зоне украинско-белорусского пограничья.....	80
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, А. В. Тер-Аванесова.</i> Говоры белорусско-русского пограничья	118
<i>М. И. Ермакова.</i> Особенности немецко-серболужицкой интерференции в отдельных говорах Лужицы.....	180
Г. П. Клепикова. К проблеме стратификации венгерских заимствований в карпатоукраинских диалектах	203
<i>С. А. Мызников.</i> О некоторых новых возможностях изучения финно-угорского субстрата в севернорусских говорах	213
<i>И. И. Исав.</i> Некоторые особенности фразовой фонетики в мещерском говоре.....	227
<i>К. А. Климова.</i> Балканские концепты в народной мифологии современной Греции и славянобалканского ареала.....	251
<i>А. А. Плотникова.</i> Слав. * <i>zтъjъ</i> на Балканах	267
<i>Е. С. Узенева.</i> Иноязычные заимствования в свадебной терминологии болгар.....	277
<i>Т. В. Попова.</i> О Пробном выпуске Лексического атласа русских народных говоров.....	285
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая.</i> Домашний скот в обычаях восточных славян. II (из диалектных записей Селижаровского р-на Тверской обл.).....	312
Памяти Галины Петровны Клепиковой (1931–2006)	348
Г. П. Клепикова. Очерки карпатской диалектологии: Предисловие. Введение	349
Библиография трудов Г. П. Клепиковой. 2002–2008.....	380

Предисловие

В основу данного выпуска ИСД положен материал Круглого стола, проведенного в Институте Славяноведения РАН в феврале 2007 г. на тему «Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем)».

Интерес к этой тематике обусловлен спецификой той языковой ситуации, которая характерна для функционирования диалектных форм языка, как в синхронном, так и в диахроническом плане. Существенным компонентом этой ситуации является возможность, а иногда и неизбежность, вступления диалектов в языковые контакты с другими языковыми идиомами. Реакция диалектов на эти контакты зависит от характера той языковой ситуации, в которую включены диалекта, и может неодинаково проявляться на разных уровнях языковой системы.

Современные диалекты функционируют в условиях контакта с кодифицированной формой национального языка, что вызывает определенные изменения в диалектной системе. В то же время, вопреки влиянию литературного языка, в некоторых своих проявлениях диалектная система может оказаться достаточно устойчивой. На материале русских говоров это показано в статьях Л. Э. Калнынь, И. И. Исаева (фонетика), Р. Ф. Касаткиной (соотношение вербальных и просодических средств), Е. В. Колесниковой (семантическая нагруженность лексической единицы).

Особенности изменения одного из украинских диалектов, носители которого благодаря историческим обстоятельствам оказались в сфере влияния разных языков/диалектов (польского и украинского), рассматриваются в статье М. Алексеевой. При этом отмечено, что влияние польского языка в меньшей степени, чем влияние украинского, вызывало изменения на грамматическом уровне диалектов, т.е. в фонетике и морфологии.

Параллельному анализу языковых систем (польской и украинской), находящихся в состоянии контакта, посвящена статья О. А. Остапчук. Показано, что контакты влияют на специфику функционирования и динамику обоих контактирующих идиомов.

Появление общих специфических особенностей у диалектов в зоне контакта и в результате этого контакта может стать поводом для ареального выделения группы соответствующих говоров.

Так, Н. Е. Ананьева считает возможным квалифицировать комплекс польских периферийных, белорусских, литовских и некоторых севернорусских говоров, находящихся в отношениях контакта, как вариант языкового союза, компоненты которого имеют ряд ареально обусловленных признаков.

Рассмотрение структуры говоров украинско-белорусского пограничья в статье Т. В. Поповой, подводит автора к выводу, что эти говоры образуют особую единицу в диалектном членении восточнославянского континуума, а их языковая принадлежность оказывается нерелевантной, так как не поддается определению.

К сходному выводу приходят И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, А. В. Тер-Аванесова относительно говоров, расположенных на границе белорусского и русского языков/диалектов. Комплекс особенностей фонетики, включая акцентуацию, морфологии, лексики дает повод для выделения этих говоров в качестве особого диалекта в системе диалектного членения соответствующей части восточнославянского диалектного континуума.

Результаты славяно-неславянских контактов в синхронном и диахроническом плане показаны в статьях М. И. Ермаковой и Г. П. Клепиковой.

Проблеме субстрата в применении к севернорусским говорам посвящена статья С. А. Мызникова. Автор, используя данные лингвогеографии, устанавливает состав заимствованной и субстратной лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада.

Сопоставлению фактов языка и народной культуры в зоне диалектных / языковых контактов посвящены статьи К. А. Климовой, А. А. Плотниковой, Е. С. Узеновой.

В настоящий выпуск ИСД помещена рецензия Т. В. Поповой на Пробный выпуск Лексического атласа русских народных говоров (СПб 2004), являющегося в настоящее время одним из главных проектов в изучении русской диалектной лексики.

В ИСД особое внимание уделяется публикации записей диалектных текстов, в которых отражено реальное состояние обследованных диалектов. В настоящем выпуске публикуются диалектные записи текстов из карпатоукраинского говора на тему «Домашний быт в обычаях восточных славян» (С. Л. Николаев, М. Н. Толстая) и из мещерского говора с. Уляхино (И. И. Исаев).

В заключительной части издания дается материал, посвященный памяти Г. П. Клепиковой, которая была членом редколлегии ИСД с момента основания данного серийного издания и принимала участие на начальном этапе работы над ИСД 13. Публикуются фрагменты задуманной Г. П. Клепиковой монографии и список печатных публикаций ее работ последних лет.

О понятии «языковой контакт» в применении к русским диалектам¹

Ситуация языкового контакта ассоциируется с «соприкосновением языков, возникающим вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках» (Ахманова: 535). Результатом этого является влияние одного языка на структуру и словарь другого языка (ЛЭС 1990: 237).

В трудах, посвященных контактам, это явление чаще всего ассоциируется с двуязычием/многоязычием, когда в процессе коммуникации происходит переключение с одного языкового кода на другой в конкретных условиях речевого общения. При этом понятие двуязычия/многоязычия в принципе считается возможным применять к идиомам независимо от степени различия между ними. По замечанию У. Вайнрайха, контакт разных языков (например, вьетнамского и французского) и региональных вариантов одного языка (например, таких вариантов французского, как парижский и марсельский) – это разновидности одного и того же явления. Важно то, что «проблема, стоящая перед говорящими, во всех этих случаях качественно одна и та же: следовать огромному количеству норм в соответствующих контекстах и в случае неудачи результат один и тот же – вторжение (интерференция) норм одной системы в пределы другой. И вовсе не очевидно, что четко разграничивающиеся системы норм легче спутать, чем системы сходные» (Вайнрайх: 27).

В пределах Славии языки/диалекты как в своей истории, так и в современном состоянии соприкасаются с языками родственными и неродственными. Результаты контактов по-разному хронологически маркированы. Контакты, относящиеся к ранним периодам существования языка, проявляются в виде фактов, связанных с категорией субстрата. Но достаточно распространены и такие явления, которые возникли в результате межъязыковых контактов более нового времени и имеют последствия преимущественно в виде создания в идиоме корпуса заимствованной по происхождению лексики. Ср. в этой связи помещенную в данном сборнике статью Г. П. Клепиковой.

Явление языкового контакта для диалектов актуально и в пределах одного языка. Это происходит при общении носителей разных диалектов, в той

¹ Работа выполнена в рамках программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», проект «Русские диалекты в общеславянском контексте».

или иной степени различающихся друг от друга и граничащих друг с другом на достаточно большой территории. Вследствие этого образуются переходные типы диалектов, в том или ином виде комбинирующие особенности контактирующих идиомов. В то же время следует иметь в виду, что при распространении языка на большой территории проявляется различие в интенсивности общения между носителями этого языка (Блумфилд: 60). В частности это проявляется в том, что носители диалектов, территориально отдаленных друг от друга, могут вообще никогда не общаться друг с другом.

Но все диалекты включены в такой вид языкового контакта, как соприкосновение с литературной формой соответствующего национального языка, происходящее на уровне синхронного функционирования диалектов. Высокий престиж литературного языка в обществе создает предпосылки для усвоения (с разным успехом) носителями диалектов его норм.

Различия между диалектами и литературным языком проявляются не только в их структуре. Имея разный социальный статус и используясь в разной сфере общения, диалекты и современный литературный язык (кодифицированная форма языка) располагают неодинаковыми возможностями вступления в контакт с языковыми идиомами, являющимися источниками иноязычных влияний. Для литературного языка в принципе возможен непосредственный контакт (через текст, устное общение) с языком, явления которого по разным причинам воспринимаются как образцовые и поэтому заимствуются. В диалектах такой контакт с другими языками отсутствует, но может осуществляться в виде трансляции заимствований через литературный язык. Это накладывает отпечаток на способ адаптации в диалекте элементов, первично появившихся в языке как следствие контактов.

В русских диалектах подтверждением этого является особенность фонетической коррекции той лексики, которая в литературный язык заимствована из западноевропейских языков.

Одним из результатов языкового контакта является создания в языке фонда иноязычной по своему происхождению лексики, особенно в сфере терминологии. При этом произношение таких слов может регламентироваться специальными правилами, которые предусматривают сохранение некоторых иноязычных элементов в произношении заимствованных слов. Так, указание на то, что в чешском языке заимствованный слой лексики отличается от лексики исконной составом фонем, их распределением и фонетической реализацией содержится в (Mathesius: 96) «Вторичная» фонологическая система, реализующаяся в иноязычной по происхождению лексике, для чешского и русского литературных языков выделяется в (Kučerа) В (Панов: 191)

аналогичное явление в русском языке объединено понятием «фонетическая подсистема малочастотных слов». В такой системе действуют правила не свойственные основной системе, в том числе и противоречащие ее правилам. Поэтому в (Аванесов: 113) особое произношение заимствованных слов трактуется как «выходящее за пределы общей системы».

Специальные правила произношения заимствованных слов в литературном языке устанавливаются внешним нормированием, которое, в свою очередь определяется фактами внешней истории слова (время заимствования, сфера использования и под.). Как отмечает У. Вайнрайх, сохранение такого рода «фонологических цитат» зависит от степени знакомства с языком-источником слова и от того престижа, которое связывается со знанием этого языка (Вайнрайх: 47). Никаких собственно языковых аргументов в пользу особого произношения заимствованных слов не существует. Этим объясняется и то, что рекомендуемые правила практически касаются произношения конкретных слов.

Так, согласно русской орфоэпии в некоторых заимствованных словах следует произносить твердый согласный перед гласным *e*; согласные *n*, *ф*, *м* произносятся полумягко (Аванесов, Ожегов: 551). Одновременно для многих заимствованных слов по нормам орфоэпии произношение твердого согласного перед гласным *e* недопустимо. Поскольку выбор качества согласного перед гласным *e* в заимствованных словах не вытекает из внутриязыковых закономерностей, русский орфоэпический словарь (*ibid*) снабжает многие заимствованные слова специальной пометой, указывающей на качество согласного перед гласным *e* – ср. *баронесса* – не [нэ] и *виконтесса* – [тэ] и др.

Согласно особым правилам русской орфоэпии, рекомендуется в некоторых заимствованных словах произносить безударный гласный *o* – в упомянутом орфоэпическом словаре дается *поэт* – [но] и допустимо [па], *колье* – [ко], *бордо* – [бо], *бонтон* – [бо] и др. То же относится к произношению долгих согласных не на стыке морфем в таких словах, как *касса*, *баронесса*, *ванна*, *иммигрант*, *эллин*, *аббат*, *труппа* (*ibid*: 561).

Практически только в заимствованной лексике широко допустимо произношение неприкрытого инициального гласного *e*. В орфоэпическом словаре среди слов, которые начинаются на букву Э, незаимствованными являются только междометия э, *э́hé*, *э́he-hé*, *э́х-ма́* и слова *э́кий*, *э́тот*, *э́так*. Все остальные слова являются иноязычными заимствованиями. При этом в заимствованных словах недопустимо изменение инициального гласного *e* в безударном слоге по модели русского вокализма – неприкрытый гласный *e* не подвергается редукции и произносится в словах *энергия*, *экзамен*, *эшафот* и под.

Особое произношение заимствованных слов отражает стремление сохранить в той или иной степени близость фонетического облика слова к его соответствию в языке-источнике. Само такое сопоставление предполагает изначальную возможность непосредственного контакта языка, в который слово заимствуется, с языком, из которого это слово берется. Такой контакт имеет статус первичного, поскольку он происходит в условиях, когда слово может восприниматься в своем оригинальном звучании или через написание, соотносимое со звучанием.

Правила орфоэпии заимствованных слов в русском литературном языке специальной смыслоразличительной функции не выполняют: противоречащее орфоэпии произношение типа *пайёт* (поэт), *к'ур'э* (кюре), *шас'э* (шоссе) и под. не затемняет смысла этих слов для лица, владеющего русским языком. Но степень владения этими правилами орфоэпии несет определенную внешнюю информацию о лице, говорящем по-русски (степень образования, социальная принадлежность и др.). Правила произношения заимствованных слов усваиваются говорящими по мере овладения нормами литературного языка.

Русские диалекты находятся в контакте с кодифицированной формой языка. Этот контакт осуществляется как в ходе повседневного общения носителей разных форм языка, так и в рамках официальной политики, ориентированной на замену диалектов литературным языком через школьное образование.

Лексический уровень диалектов наиболее открыт влиянию литературного языка. Это проявляется не только в усвоении литературных слов, эквивалентных диалектным словам. В диалектах начинают употребляться слова, для которых нет диалектных соответствий, т. е. ощущается «лексический дефицит» (Вайнрайх: 43). Основной корпус такой лексики составляют иноязычные по своему происхождению слова, которые используются для обозначения вновь возникших реалий и понятий. Однако при этом обнаруживается принципиально разное отношение к фонетике этих слов в диалекте и литературном языке. В диалектах отсутствует фактор внешнего нормирования, предписывающий произношение некоторых слов не по правилам основной системы. Вследствие этого литературная фонетика заимствованных слов ощущается носителями диалекта как чуждая и преобразуется по фонетическим правилам диалекта (не допускаются «фонологические цитаты»).

Свидетельства этого можно получить из описаний русских диалектов, сделанных в 50–60-е годы XX в. В те годы в русской диалектологии не

подвергался сомнению тезис об отмирании русских диалектов под влиянием литературного языка и освоении носителями диалекта кодифицированной нормы в ближайшее время. Процесс оценивался как однозначно положительный, поскольку именно с такой динамикой языковой ситуации в русском обществе ассоциировалось представление о социальном и культурном прогрессе. В труде по истории русской диалектологии, вышедшем в 1961 г., констатировалось – «исчезновение русских диалектов уже свершившийся факт» (История: 61). Ожидание быстрой утраты диалектов отнюдь не подтвердилось их реальной судьбой в последующие годы – территориально ограниченные формы русского языка оказались устойчивей, чем это предполагалось. В этом можно видеть частное подтверждение высказанного де Соссюром положения – «нельзя найти в самом языке возможность прекращения его существования: только случайность или непреодолимая высшая сила внешнего характера могут уничтожить его» (де Соссюр: 47).

В 90-е годы XX в. стали формироваться иные лингвистические оценки русских диалектов – предлагается рассматривать их в качестве важного компонент национального языка, который заслуживает поддержки, а при их исследовании применения таких же методов изучения, как это принято в отношении любого языкового идиома (Калнынь 1991; 1997; 2004). Эта идея нашла свое место и в новом пособии по русской диалектологии – ср. «Диалекты русского языка – реальность настоящего времени. Их исчезновение не произойдет и в ближайшем будущем... Кроме действий, направленных на задержку разрушения русских диалектов, нужна и наиболее полная фиксация их современного состояния» (Русская диалектология 2005: 16).

В работах 50-60-х годов специальное внимание уделялось влиянию литературного языка на русские диалекты в области лексики. Освоение литературных слов оценивалось как обогащение лексического фонда носителей диалекта и как знак сближения их речи с литературным языком. Поэтому в статьях / диссертациях / докладах того времени большое внимание уделялось фиксации появления в диалектах новой лексики, в том числе иноязычной по своему происхождению. Именно благодаря ряду таких работ можно создать представление о системной реакции диалектов на новую лексику. В более поздних исследованиях интерес к этому аспекту диалектной лексики снизился, и внимание в большей степени сосредоточилось на диалектных явлениях исконного происхождения (архаический слой говора)

Фонетика иноязычных слов, пришедших в диалекты из литературного языка, организуется по правилам фонетики того диалекта/говора, в который слово пришло. Это показывают следующие примеры.

Произношение гласных в иноязычных по своему происхождению словам никогда не вступает в противоречие с правилами организации вокализма данного говора.

В русском языке мало исконных слов, начинающихся на безударный гласный *a*. Почти все слова, имеющие такое начало, являются заимствованиями, в том числе, и старыми татарскими (*армяк, аришин, азия*). Ощущение чужеродности безударного гласного *a* в начале слова особенно выражено в окающих говорах (ср. северное произношение старых имен *Оксинья, Онисья, Ондрей, Онтон*). Поэтому в окающих говорах вновь заимствованные слова, начинающиеся в литературном языке на *a*, произносятся с инициальным *o*: *обожу́р / убожу́р, обо́рт, обрико́с / убрико́с, ова́нс, олимéнты* (Ворошилова: 71); ср. также в современном севернорусском говоре (Холмогорский р-н) – *осорт’им’энт, отла́с, олта́й, окорд’еон, осф’а́’т, олкого́л’ство, окуше́рка*.

В акающих говорах безударный начальный гласный *a* в заимствованных словах подвергается таким же изменениям, как и в исконных словах – *игити́ровать* как *идява́ют, иди́накъвъму* (Словарь Деулино). Если в говоре имеется тенденция устранять безударный инициальный гласный *o/a*, то это происходит и в заимствованных словах – *пъртуні́ст, тиста́т, пирáция, бли́гация, куше́рка* как *гурцы́, гаро́д* (Баранникова: 283).

Как в окающих, так и в акающих говорах безударный гласный *e* в начале слова заменяется другим гласным, допустимым в этой позиции, или устраняется: *око́ном, олекстри́чество, ополéты, отикéтка* (ibid); *листри́чество, спиди́ция, ваку́равали* (=эвакуировали), *малирбóванные* (Хоролец: 161, 163); *на алива́тър* (Ботина: 167); *гза́мин* (Говоркова: 225); *лестри́чество, йелестри́чество* (Светлова: 136); *мы канимй́ческие* (Каринский: 148).

В акающих говорах иноязычные по своему происхождению слова никогда не произносятся с безударным гласным *o*, как этого могут требовать правила орфоэпии. Ср. лит. *шо́ссé*, но *саи́а* (Говоркова: 224), *шасá* (Хоролец: 163), *шаи́ейка* (Турбин: 170); лит. *бордо́*, но *цвет барда́* (Словарь Деулино).

В якающих говорах по модели яканья могут изменяться гласные и в составе заимствованных слов. Так, *но́м’ар* (Словарь Деулино), *в рязо́н, на лясипéди, мугмята́ны* (Ботина: 167, 168), *сяклята́ршиа* (Говоркова: 216). В то же время понятны и случаи произношения *и* на месте гласного *e* в заимствованных словах – носителями диалекта гласный *и* в этом случае отождествляется с этимологическим *и*. Но в говорах, знающих изменение безударного *и* в *a*, это происходит и в заимствованных словах – *брыга́да, брыга́дный* (Баранникова: 283).

Русским диалектам не свойственны сочетания гласных в пределах одной морфемы, поэтому сочетания гласных в словах, пришедших из литературного языка, устраняются разными способами. Ср. *кака́ва, ра́дива, фезе́вэ, со́вус, аву́л, тийа́тер, шийо́н* (Говоркова: 225), *па ра́дивам, в фызывэ́* (Ботина: 166), *ало́й* < алоэ, *ла́ндра* < олеандр (Сафронова: 36); *ча́ва ба́бка* (= чао) записано в Моршанском р-не, 1980 г.

Консонантный состав заимствованных слов также организуется по нормам диалектной фонетики.

В большей части русских говоров твердые согласные не сочетаются с передними гласными, в том числе и с *e*; о говорах, в которых допустимы такие сочетания см. (Касаткин: 155). Под это правило попадают и заимствованные слова. Свойственные литературному языку сочетания твердых согласных с *e* устраняются смягчением согласного или изменением *e* > *ы* – *ф'ез'еву́, пратман'эт, йен'эргя, шас'э* (Говоркова: 224, 225), *в мытыйэ́с'е, на матыф'э, в фызыв'э* (Ботина: 166), *мытыфы́, мытысы́* (Селищев: 81).

В заимствованных словах последовательно происходит диссимилиация по месту образования в сочетаниях губного назального с губным смычным и *в* (черта, свойственная и русскому просторечию) – *ланпа́, бо́мба, канпа́ния, шинпала́* (Говоркова: 223), *конплéк, транва́й, конба́йны, конпа́нея* (Светлова: 137). Упрощение сочетания – *в булато́риш* < амб, *каплéт* < комплект (Хоролец: 160, 164).

Диссимилиация плавных сонантов в пределах слова широко распространена в диалектах в иноязычных словах, пришедших через посредство литературного языка – *марсилу́т, просепали́ровала молоко́, ветелина́р, секлета́рь, благади́рша, каликату́ра, галдеро́б* (Горева: 139), *кала́хтер, ветелина́ры, легули́руйут, колидо́р*, а также *не́крут* (Светлова: 139).

В говорах, изменяющих *кт* > *хт*, то же происходит в заимствованной лексике – *тра́хтер, праду́хто́вый, до́хтер, дирéхтер* (Баранникова: 283), *прахтика́нты, медпу́нхты, лехто́рий, в сэ́хторе, конду́хтор* (Горева: 16), *пра́хтика, фру́хта, праду́хта* (Говоркова: 223).

Русский литературный язык в сравнении с диалектами обладает более широким ассортиментом сочетаний согласных, возможных в исходе слова. Многие из таких сочетаний восприняты литературным языком вместе с иноязычными заимствованиями. Так, по данным, содержащимся в (Обратный словарь), только в заимствованных словах возможны конечные сочетания *мп* (орфографически *мб, мп*), *нт* (орфографически *нд, нт*), *нм, мс, пс, нч* и др. Попадая в говор, слова, оканчивающиеся на новые сочетания согласных, могут менять свою фонетику по линии преобразования этих сочетаний. Так,

каплёт (< мпл, кт#) (Хоролец: 164), *тур'нёпес*, *ба́нок* (< банк), *ми́тинок*, *та́нка* (N sg), *продо́кта* (N sg), *конплёк* (Светлова: 142), *ниф* (нифх – единственное слово, которое в литературном языке оканчивается на *фх*, орфографически *вх*) (Браславец: 63), *авáнец* (< нс#), *за́кса* (< кс#) (Селищев: 77).

Во многих русских говорах соблюдается правило, согласно которому в конце слова избегаются сочетания согласных, построенные по принципу повышения сонорности, т. е. сочетания типа tSon#. Это отражено и в диалектной фонетике иноязычных слов. Так, *рема́тис* (< зм), *ме́тра* (N sg), *ли́тра*, *сен'т'áп'*, *нойáп'* (Светлова: 142), *спекта́ктиль* (Каринский: 144), *механи́зма*, *социали́зма*, *ка́дра*, *ли́тра*, *ме́тра* (Селищев: 68, 73).

В русских диалектах долгие согласные (сочетание одинаковых согласных) допускаются только на стыке морфем. Поэтому долгие согласные в заимствованных словах не воспроизводятся. Ср. весьма распространенное в русских говорах произношение *касти́р*, *кас'ти́р* (< сс) (Хоролец: 164; Светлова: 137), *ка́сса* < касса (записано в Моршанском р-не).

Если в говоре заднеязычный смычный перед передним гласным заменяется дентальным согласным, то это происходит и в заимствованных словах – *т'илогра́м*, *д'екта́р* (Светлова: 129), *д'ихта́р*, *на ринд'э́нт*, *по т'инáм* (Турбин: 167).

Приведенные примеры не следует воспринимать как просто забавный фонетический курьез, эксплицированный неграмотной речью. Как отметил А. Мартине, «осознание структурной природы языка должно помочь нам в оценке любого наблюдаемого факта, каким бы мелким и неважным он ни казался, в свете языковой системы в целом» (Мартине: 92). Рассмотренные выше явления как раз и отражают реальные языковые реакции в системе русских диалектов. Лингвистическое значение этих фактов укладывается в общую модель реакции диалектов на контакт с литературным языком. Особенность этой модели состоит в том, что разные фрагменты диалектной системы дифференцированы с точки зрения подверженности влияниям со стороны стандарта.

На уровне собственно структурных компонентов диалектные системы обнаруживают высокую степень стабильности. Синтагматические и парадигматические правила организации фонетической системы в диалекте не поддаются избирательной замене на пути приближения к орфоэпической норме. Устранение диалектных черт на этом уровне и замена их литературными эквивалентами означает перестройку языковой модели в сознании носителей диалекта, что может быть достигнуто только с применением специальных образовательных процедур (подробнее см. Калнынь 2004а).

В то же время, контакты диалектов с литературным языком на уровне лексики имеют значительные последствия. Как отмечено в (Вайнрайх: 42), «ввиду легкости распространения лексических единиц (по сравнению с фонологическими и грамматическими правилами), для заимствования слов достаточно минимального контакта между языками». В диалектах расширяется синонимия за счет сосуществования исконных слов и их вновь освоенных литературных эквивалентов. Наряду с этим в диалекты из литературного языка приходят обозначения новых понятий, не имеющих диалектного эквивалента. Среди них находятся слова иноязычные по своему происхождению и включенные в литературном языке в специальные орфоэпические правила. Но в диалекте фонетика иноязычных слов подчиняется правилам общей фонетической системы – эксклюзивные правила фонетического оформления заимствованных слов отсутствуют («фонологические цитаты» недопустимы). Таким образом, тот сегмент системы диалектов, который образован пришедшими из литературного языка заимствованными / иноязычными по своему происхождению словами, отражает две стороны реакции диалектов на контакт с литературным языком – открытость в лексике и консервативность в фонетике.

В этом случае можно констатировать реализацию особого вида языкового контакта. Особенность такого контакта состоит в том, что между языком источником слова и диалектом имеется промежуточная ступень в виде литературного языка, в котором нормативно установлена определенная степень фонетической близости слова к языку-источнику. Диалект, опосредованно, через литературный язык, контактируя с языком-источником, полностью адаптирует заимствованное слово по правилам своей системы. Никакая близость к первоначальной фонетике слова не предусмотрена.

Может возникнуть вопрос, нельзя ли в рассмотренных случаях ограничиться констатацией контакта между литературным языком и диалектом, не привлекая язык-источник. Как кажется, при таком подходе будет утрачено представление о том виде языкового контакта с языком источником, в который вступают диалекты при посредничестве литературного языка. То, что происходит в диалекте, можно было бы назвать результатом «опосредованного или вторичного языкового контакта», который имеет свою системную экспликацию.

Литература

- Аванесов – *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов, Ожегов – Русское литературное ударение и произношение / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955.
- Ахманова – *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Баранникова – *Баранникова Л. И.* Изменения в лексике современных народных говоров // Ученые записки Саратовского пед. ин-та, т. 43, 1965.
- Ботина – *Ботина Л. Г.* Из наблюдений над лексикой села Нижний Гумберт Октябрьского района Оренбургской области // Труды Самаркандского ун-та. Новая серия, вып. 118, 1962.
- Вайрайх – *Вайрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972.
- Ворошилова – *Ворошилова Т. С.* Характерные особенности шуйских говоров // Ученые записки Шуйского пед. ин-та, вып. IX, 1960.
- Говоркова – *Говоркова А. П.* Говор станицы Вознесенской // Ученые записки Северо-Осетинского пед. ин-та, т. XXI, вып. 2. Орджоникидзе, 1956.
- Горева – *Горева Л. И.* Изменение словарного состава Кировских говоров за годы советской власти // Очерки по русскому языку. Киров, 1962.
- История – История русской диалектологии. М., 1961.
- Калнынь 1991 – *Калнынь Л. Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и перспективы русской диалектологии // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы русистики. Всесоюзная научная конференция. Доклады. Ч. 1. М., 1991.
- Калнынь 1997 – *Калнынь Л. Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // ВЯ, № 3, 1997.
- Калнынь 2004 – *Калнынь Л. Э.* Психолингвистический аспект результата контактов русских диалектов с литературным языком // Проблемы изучения межъязыковых влияний в истории славянских языков: социокультурный аспект. Тезисы. М., 2004.
- Калнынь 2004а – *Калнынь Л. Э.* О некоторых особенностях контакта русских диалектов с литературным языком // Исследования по славянской диалектологии. 9. М., 2004.
- Каринский – *Каринский Н. М.* Очерки языка русских крестьян. М. 1963.
- Касаткин – *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мартине – *Мартине А.* Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972.
- Обратный словарь – Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- Панов – *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967.
- Русская диалектология 2005 – Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
- Сафронова – *Сафронова А. Ф.* Из наблюдений над говорами трех сел Ширинакского района Хакасской автономной области // Ученые записки Абаканского пед. ин-та, вып. V, 1960.
- Светлова – *Светлова В. Н.* Фонетические процессы в некоторых говорах восточных районов Свердловской области // Ученые записки Уральского ун-та, вып. 36. Свердловск, 1960.

- Селищев – *Селищев А. М.* О языке советской деревни // Труды Московского ин-та истории, философии и литературы, т. 5, 1939.
- Словарь Деулино – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Турбин – *Турбин Г. А.* Говор тамбовских переселенцев в Челябинской области // Ученые записки Челябинского пед. ин-та, т. II, вып. 1, 1956.
- Хоролец – *Хоролец Г. И.* Наблюдения над говором русских старожилов Прииссыккуля // Ученые записки Филологического факультета Киргизского ун-та, вып. IV. Фрунзе, 1957.
- Kučera – *Kučera H.* Inquiry into Coexistent Phonemic Systems in Slavic Languages. 's-Gravenhage, 1958.
- Mathesius – *Mathesius V.* Čeština a obecný jazykozpyt. Praha, 1947.

Summary

The notion of «Languages in Contact» as Applied to Russian Dialects

The article compares the phonetic adaptation of foreign vocabulary to literary language with the situation in contemporary Russian dialects. In literary language, as a result of direct contact with the source-language the phonetics of the loan-words may be constructed according to the special rules belonging to orthoepy. The same vocabulary, having penetrated the dialect through the literary language, is adapted completely according to the phonetic rules of the dialect. Such contact with the source-language may be considered to be «secondary» or indirect.

Еще раз о статусе изменяемой частицы *-то* в севернорусских говорах

Ареальные характеристики частицы *-то* подробно обсуждаются в статье (Кузьмина, Немченко 1962). Данные о территориальном распределении изменяемой частицы *-то* в рамках Диалектологического атласа русского языка приведены на карте 12 «Постпозитивные частицы, восходящие к местоимению **тъ*, при именах» в (ДАРЯ 3, 2005). По свидетельству этой карты, изменяемая частица *-то* занимает обширную территорию севернорусского наречия восточнее Волхова, Устюжны, а также окающих среднерусских говоров восточнее Кашина, Калязина, Переславля-Залесского, Александрова. В западной части севернорусского ареала отмечены лишь единичные случаи употребления изменяемых частиц. Таким образом, говоры Харовского р-на Вологодской обл. полностью включены в ареал активного использования рассматриваемой частицы в речи.

Существует большое количество работ, в которых обсуждается происхождение этой частицы, сочетаемость ее с другими частями речи, а также ее функции. Ряд исследователей старшей поры усматривали определенное сходство между этой лексемой и постпозитивным артиклем в болгарском языке (см. Халанский 1901; Соболевский 1907: 228–229; Шахматов 1941: 499; Черных 1927; Богородицкий 1935: 116–117). Такое решение принималось на основании близости фонетического облика двух сравниваемых лексем, изменемости *-то* в ряде русских говоров, а также позиции *-то* в слове – постпозитивной. И в наше время, как отмечает В. И. Трубинский, «...не окончательно еще развеяна иллюзия, будто в ряде севернорусских говоров она (частица – *то* – *Р. К.*) является не частицей, а членом» (Трубинский 1970: 55). В современных работах эта точка зрения продолжает находить своих сторонников (см., например, Младенов 1979; Leinonen 1998; Stadnik-Holzer 2006; и др.).

Однако существует и другой взгляд на эту лексему: целый ряд исследователей склоняются к мнению, что функция диалектной постпозитивной частицы *-от*, *-та*, *-то*... фактически неотличима от функции частицы *-то* в литературном языке (см. Селищев 1939; Чичагов; Кузьмина и Немченко 1962). Наиболее четко эта точка зрения выражена в работах А. М. Селищева. Он писал: «...частицы [*от*, *та*, *ти*, *ту*, *те*] не имеют значения членных элементов, значения, свойственного болгарским *-ът*, *-та*, *-ту*, *-те*; русские *-от*, *-та*, *-то* имеют эмфатическое значение (подчеркнуто мною – *Р. К.*), а не значение определения называемого предмета... Роль этих частиц та же, что и частицы *-то*. ...С этими частицами употребляются не только имена нарица-

тельные, но и **собственные**, не только прилагательные и местоимения, но и **наречия**» (Селищев, 1939: 100). Добавим к этому, что с этими частицами также употребляются и глаголы. Подкрепим эту мысль примерами из записей диалектной речи разных населенных пунктов Слободского сельсовета¹ Харовского района Вологодской обл.:

Частица *-то* при местоимениях: *Она здоровая была, меня-то выше. Вот как мы-то работали, а сейчас-то леготá. Это уж на всю-ту семью вдруг-то не напекёт, а лишь человека по три. Вот Раиса всё знает, какой праздник, а я-то не знаю. А што ты Олёна к нам-то не привернула?*

Частица *-то* при наречиях: *Вода-та пойдёт вниз-от... Это уж на всю-ту семью вдруг-то не напекёт, а лишь человека по три. Огурцы раньше-то не сажали. Топерь-то он старше стал, топерь-то всё забывáт, да болиет да. Вот как мы-то работали, а сейчас-то леготá.*

Частица *-то* при глаголах: *И страшно бежать-то. Вдруг подлетает вот сюда, а я ведь слыхала, что летают-то эти тарелки-то (из рассказа о летающих тарелках). И побежали мы потом промышлеть-то. Приходили-от, да кланялись. Лён веце́рам всё трепали-то. Ткут вот эдак, ципают-то бёрдо. Кормиться-то ведь было надо, так я матрасов этих много продала. Эти половики труднее ткать-то. Как вот, попеку́й-то (испечь) надо пирожка-то.*

Частица *-то* при прилагательных: *Ну дак другое-то я не знаю...Тогда ведь не было белой-то муки. А сильной северной-от ветёр... Крупу-ту парену-ту ладили. Маленьки-ти вроде слушают. В свáлебной-от день молодую привозят сюда. Со всяя волости девки-ти встречаются с цюжым-то робятам. Заместо дрожжей дак свой-от мел-от дéлают.*

Но преобладают в текстах примеры с постпозитивной частицей *-то* (*-от*, *-та*, *-ту*, *-те*, *-ти*) при существительных:

Семьи-то большие раньше были. Снегом-то, водой разведёшь их, и тогда преснушки-те россы́пкие будут, хорошие. Дали какое-то хорошее лекарство, и вот этим натёрли ноги-те.

А я вот на сенокосе родилась: мать-то пошла косить, да говорит, что надо идти домой. Там был сарай, она пошла в сарай-то и родила. На другой день окрестили: церква-та рядом да. Бывало, и в пе́чке рожали, да в пе́чке-то тесно рожать, ну, на пе́чке-то.

Потом мукóй натолкёт, овёс-от. Напекёт блинов, блины-те только лишь слетали. Крупу-ту парену-ту ладили, дак шти и наваря́т из крупы-то.

¹ Здесь и далее расшифровки автора, Е. В. Щигель и Д. М. Савинова (см. Савинов 2004).

Потом в эту дыру-**ту** так и текёт сусло-**то**. Чтобы с дробинам-**то** не текло сусло-**то**, берут мётлу. А хмель вот с хмельников-**то** обернут, да и подсушат. А как сусло-**то** уж сбежит, так эти дробины-**ти** на этот на квас делают.

Робятнишек-**то** вот эво крестят. Ну вот они дом-**от** продали раньший, а тут вот был сенник. Вот летом он дров-**от** насбирает, вот их и потопит, а зимой он уж и не в состоянши и дров-**то** нарубит. Не он продал дом, а его двоюродный брат, а брат-**от** всё-таки вот эту избушку-**ту** выгоревшую, это уж Фёдору.

На картине Юда в ад-**от** бежит, ноги царапает. Даже эта вот старушка-**та**, как она верующая, всё богу молится.

Подберёзовики растут, **эти** вот цылики-**ти**. Бывает, что и рыжики-**те** можно сушить: суп очень хороший. Вытекет **эта** вода-**то** с овса-**то**.

Брёвна-**ти** такие были. Это цюжой дом-**от**. Она же в богатстве, а парень-**то** в бедности. У меня пять робёнков на одну муж-**от** оставил. Школе-**то** отопление надо, ну я и взялася. Парнишко-**то** у меня и жил, что там нехватает воздуху-**ту**. Я ей письма пишу, что парнишка-**та** мне бы надо.

Потом лён-**от** поспнёт, станут его рват. Это вот зёмлю-**ту** меряют? Посадят на эти, на воробы-**ти** и навивают на трубу-**ту**. Нитки-**то** эти просуят в бёрдо. Потом на сволок-**от** навьют, у меня свóлок-**от** валяется там, на избе-**те**, на сволок-**от** навьют, потом свóлок-**от** поставят на красна.

Молотили на поду, на долóне. Гумно-**то** длинное, долóнь-**та** убита. У нас ведь нет молока-**то**, коровы-**то** нет, и козы-**то** нету.

Девки-**ти** в шляпках-**то** ходили со цветами, с перáми, в платьях-**то** шёлковых, это мóдницы-**ти** самые богатые. Бывало, и калоши наденут на ботинки-**ти**, форсистее это было.

Из приведенного материала следует, что наиболее сочетаемыми с частицей **-то** в слободских говорах оказываются существительные, а другие части речи значительно реже допускают соединение с этой частицей. В. И. Трубинский произвел подсчеты употребления обсуждаемой частицы с разными частями речи в пинежских говорах Архангельской обл., и его данные хорошо согласуются с нашими: наиболее частотны в речи сочетания частицы с существительными (65,8% всех случаев), в то время как с местоимениями, прилагательными, наречиями и глаголами сочетания частицы составили от 7 до 10 % случаев (Трубинский 1970: 55).

Для того, чтобы частица даже на текстовом, дограмматическом уровне играла роль артикля, необходимо соблюдение целого ряда условий как формального, так и содержательного плана. Формальные правила: 1) лексема,

выступающая в роли артикля, должна сочетаться только с существительными; 2) она должна согласоваться в числе и роде со словом, к которому относится (для флективных языков). В содержательном плане она должна выполнять функции определенного артикля, а именно указание на определенный, известный, выделенный из класса подобных объект или выступать в функции анафоры в тексте (см. Виноградов 1999: 45). С точки зрения актуального членения определенный артикль обычно маркирует данное, старое, т. е. соотносится с темой высказывания, в то время как неопределенный артикль соотносится с новым, с ремой. Кроме этих основных функций определенного артикля, по разным языкам известны некоторые дополнительные функции (см. там же, с. 46).

Разные севернорусские говоры характеризуются разной частотностью употребления частицы *-от* в речи: от нулевой (западная часть севернорусского ареала) до очень высокой (некоторые говоры Архангельской области, в основном говоры побережья Белого моря и берегов рек Мезени и Пинеги). Примеры из записей на территории Архангельской обл. (записи из фонотеки отдела фонетики ИРЯ РАН):

Мы здесе промышляли (тюленей), дак принесло вѣтра на берег-от; ут-ром встали, трубы-ти отворили, а рѣву-ту, рѣву-ту росполно у тюлёня-та, и робята-ти у нас побежали промышлеть-то, а ножсика-та не взяли.

Нас Игнатий-эт вот этот по ропачкам провёл, дак тут жѣнки-те и тепере (за него) Бога молят: старух-то всех спас, а потом уносило в тот день-от много людей-то...а лёд-от несёт, а потом отсланивает его от берегу-ту опять...Пошли к берегу-ту, и отслонило уж, (кругом вода), никак нельзя и перейти, в море не спустишься, в воду-ту ведь. Лёд-от толстый, да отнесло лёд-от от берегу-ту (Архангельская обл., Мезенский р-н).

Такая же насыщенность текстов частицами *-от*, *-та*, *-то*... наблюдается и в пинежских говорах, обсуждаемых в работе (Трубинский 1970)².

Возможность сочетания частицы *-то* с разными частями речи как будто бы полностью снимает вопрос о ее артиклевой функции. В структуре актуального членения предложения *-то* играет активную роль, выступая то в составе тематической группы (*Робятишек-то вот эво крестят. Топерь-то он старше стал. Семьи-то большие раньше были. Парнишко-то у меня и жил.*), то в составе рематической группы (*Тогда ведь не было белой-то муки. Дали какое-то хорошее лекарство, и вот этим натёрли ноги-те. На карти-*

² См. такой пример: *А сусетка то Парамоновна то ягоды то красные то пихтерём носит* (Трубинский 1970: 56).

не Юда в ад-от бежит. Потом на волок-от навьют. У меня пять робёнок на одну муж-от оставил. Пиво варю, когда эти гости-те, невестка-та опеть приедет.). Возможно также появление -то в обеих группах – и тематической, и рематической (Вытекет эта вода-то с овса-то. Потом в эту диру-ту так и текёт сусло-то. Я с ондрецá-то – хлесть! И прямо на цёку (чеку), на залезку (железку), сёрдцем-то. Сердце-то и отшибла. Дёвки-ти в шляпках-то ходили. Вот дровá-ти привезли, литр вы́пошла, без вина-то ничё не делают). Таким образом, свободное употребление постпозитивной частицы -то и ее производных в тексте и на формальном, и на функциональном уровнях говорит о ее неартиклевой функции.

При этом использование частицы с разными частями речи и в обеих группах актуального членения позволяет предположить, что она подобна просодическому средству, служащему для выделения (проминентности) некоторых фрагментов высказывания. Иными словами, она является вербальной заменой тональных акцентов и выступает в роли лексического топика (о термине ‘топик’ см. Ladd 1996: 161) и/или лексического фокуса (о термине ‘фокус’ см. Ladd 1980: 111; 1996: 161). Из сказанного следует, что роль этой частицы – исключительно текстовая (дискурсивная).

Заметим, что прослеживается явная аналогия с употреблением частицы -то в литературном языке. Существенное различие между двумя системами – системой литературного языка и слободскими говорами состоит в частотности употребления частицы (в слободских говорах ее частотность несравненно выше) и в изменяемости форм частицы в вологодских говорах.

И если в литературном языке тот или иной фрагмент высказывания может быть выделен либо тоном, либо частицей -то, либо сочетанием этих двух средств, то в слободских говорах для этой цели имеется только лексическое средство – частица.

Ср. такие примеры из литературного языка: *Татья́на приехала, а другие будут позже* и *Татьяна-то приехала, а другие будут позже; Ты видел их но́вый дом?* и *Ты видел их но́вый-то дом?* или *Ты видел их но́вый до́м?* и *Ты видел их но́вый до́м-то?* (знаком ” помечен тональный акцент).

На **рис. 1** приведены тональные контуры двух высказываний: *Татья́на приехала...* с акцентным выделением темы *Татьяна* и *Татьяна-то приехала...* с выделением темы с помощью частицы -то. В первом случае акцент выражен резким подъемом тона (на октаву) на гласном ударного слога, после чего следует такое же резкое падение тона, во втором случае, при сочетании с постпозитивной частицей, тональные изменения выглядят более сглаженными.

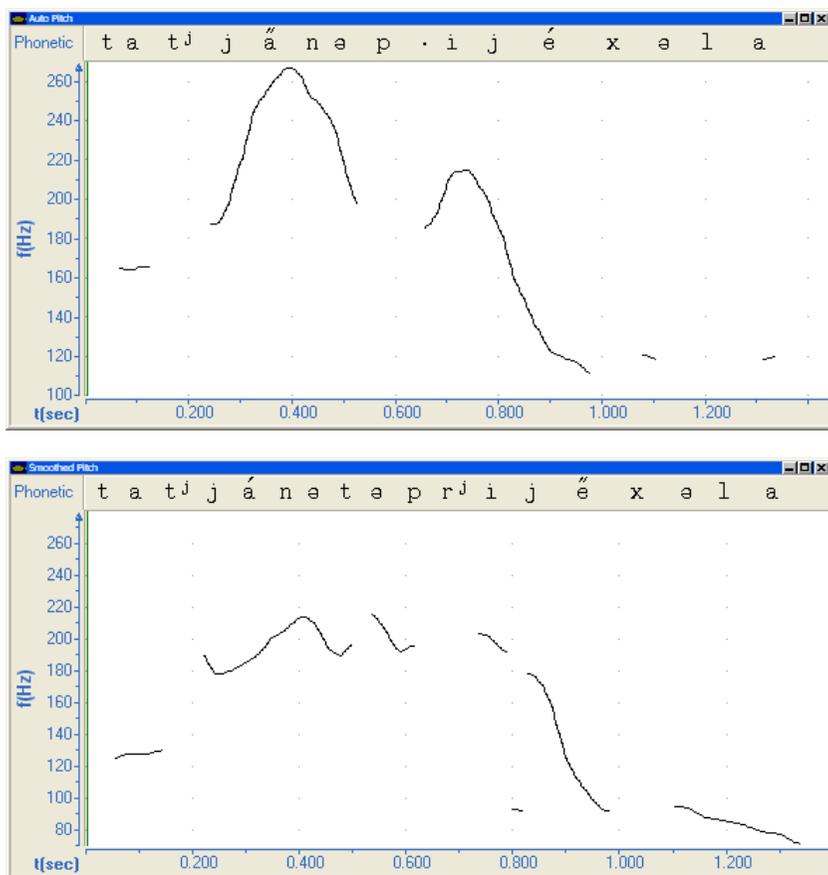

Рис. 1. На верхней интонограмме: *Татьяна приехала*, произнесено с акцентом на слове *Татьяна*; на нижней интонограмме: *Татьяна-то приехала*, произнесено с акцентом на слове *приехала*.

Но если в литературном языке в подобных случаях возможно использование обоих средств – и тонального, и лексического, и выбор того или другого как будто бы определяется стилем речи, то в рассматриваемом говоре единственным средством проминентности какого-либо слова (или группы слов) в высказывании служит постпозитивная частица.

Этой особенностью функционирования частицы в говоре объясняется возможность ее повторов в одном и том же высказывании (*Бывало, и в пецке рожали, да в пецке-то тесно рожать, ну, на пецке-то. Вытекет эта вода-то с овса-то. А я ведь слыхала, что летают-то эти тарелки-то*). Примечательно, что в говоре обнаруживается также одновременное использование частицы в одном высказывании и при определяемом, и при определяющем, ср. примеры: *Крупу-ту парену-ту ладили; Видишь, вот там новая-то изба-то? Заместо дрожжей дак свой-от мел-от делают.*

Такие повторы частицы, создающие выделенность не одного, а двух или более слов в высказывании, выглядят как аналоги широкого топики или широкого фокуса (об узком и широком фокусе см. Ladd 1996: 161). В литературном языке такая функция частицы *-то* отсутствует, например, в высказывании *Ты видел их нóвый дóм?* – широкий фокус (т. е. выделенность двух слов в составе ремы) не может быть заменен использованием двух частиц *-то* – **Ты видел их нóвый-то дóм-то?* В слободских говорах, как было показано, подобные случаи вполне возможны.

Повышенная функциональная нагрузка постпозитивной частицы в говорах по сравнению с литературным языком не представляется избыточной, если обратиться к специфике интонационной системы слободских говоров. Хотя диалектологи имеют дело с текстами звучащей речи, тем не менее до сих пор ее просодическая сторона, как правило, остается вне поля исследовательского внимания. А именно характер диалектной речевой просодии определяет многие системно-лингвистические особенности диалектов. Так, уже давно было отмечено, что обилие частиц в той или иной языковой системе коррелирует с недостаточно развитой интонационной стороной речи (Николаева 2000: 235; Касаткина 2005: 366).

В более ранних наших работах было показано, что слободским говорам свойственно пословное мелодическое оформление высказывания, т. е. в них наблюдается стремление к интонационной автономности каждого слова в высказывании (см., например, Пауфошима 1983; Касаткина 1988). Набор интонационных средств в севернорусских говорах более ограничен, чем в других говорах и в литературном языке. Интонация в них служит в первую очередь для оформления основных коммуникативных типов, а также выполняет делимитативную функцию, отделяя в высказывании тональными средствами одно фонетическое слово от другого. В этих говорах наблюдается явный диктат словесной просодии над просодией фразы. Естественно, что при таком характере интонирования возрастает роль лексических средств

для создания эффекта смысловой выделенности того или иного фрагмента высказывания. На **рис. 2** приведены интонограммы высказывания *А разве это лён?* в слободском говоре (верхний рисунок) и в литературном языке.

Верхняя интонограмма свидетельствует о том, что каждое слово высказывания в слободском говоре оформляется своим мелодическим контуром, при этом тональный акцент на слове *лён*, соответствуя оформлению общего вопроса, не так резко контрастирует с мелодикой предцентровой части, как это представлено на нижней интонограмме, отражающей то же высказывание в произношении носителя литературного языка.

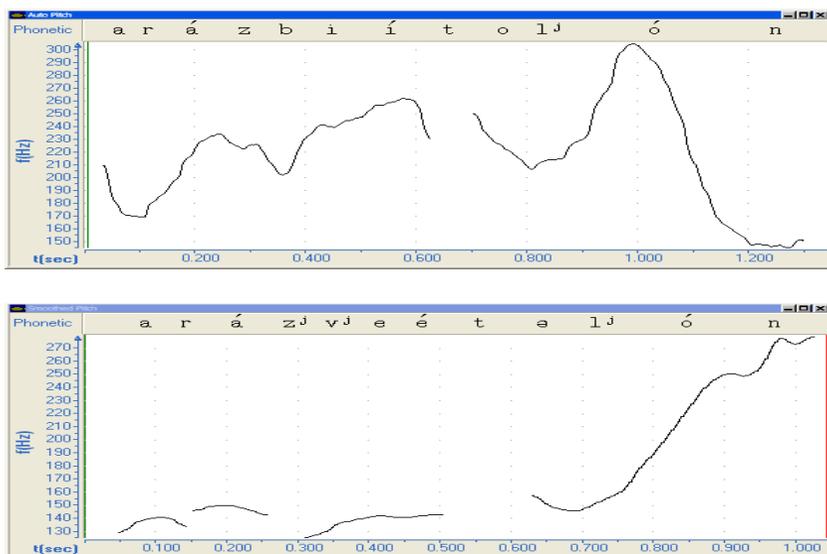
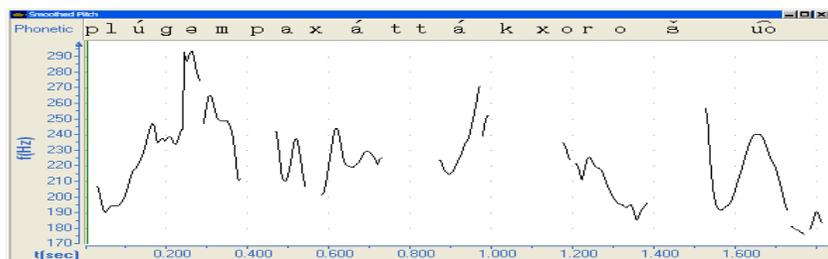

Рис. 2. На верхнем рисунке: *А разве это лён?* в слободском говоре, на нижнем – *А разве это лён?* в литературном языке.

Тональное выделение слов в слободских говорах осуществляется с помощью подъема тона как на ударном гласном (**рис. 3**), так и на безударных гласных (**рис. 4, 5**).

На рис. 3 в высказывании *Плугом пахат так хорошо* (свободской говор). «тональными скачками» маркированы безударные гласные в словах *плугом* и *хорошо* (эти гласные выделены полужирным шрифтом), а также ударные гласные в словах *пахат, так, хорошо*.

На рис.4 представлены интонограммы «ритмизованных» участков³ текста. На верхней интонограмме показано интонационное оформление поговорки *Лошадка худá, дак накладá дббра*, (*а лошадка подходяща, дак накладки нет совсем* – вторая часть высказывания относится к невесте-бесприданнице).

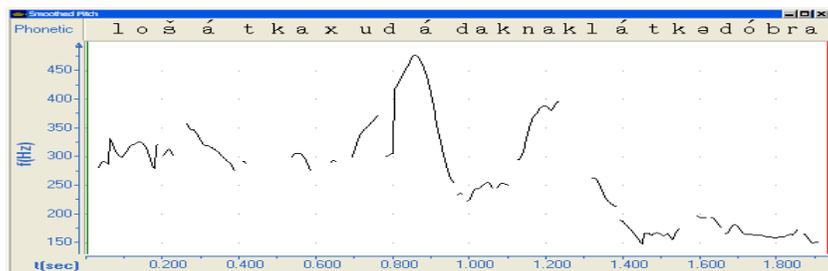

Рис. 4. *Лошадка худá, дак накладá дббра* (свободской говор).

Нижняя интонограмма отражает мелодику ритмизованного высказывания с многочисленными однородными членами: (*Сперва надо вспахáт,*) *потом посíять, вы́рывать, околотíть, постлáть, снеть, измéть, отрепáть*. Полужирным шрифтом выделены гласные, на которых отмечены подъемы тона. Видно, что это могут быть как ударные, так и безударные гласные, в разной степени удаленные от гласных под ударением.

³ О ритмизации речи см. (Брызгунова 1977: 247).

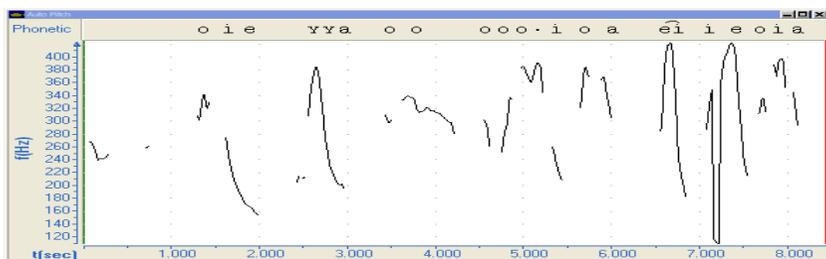

Рис. 5. (Сперва надо вспахát,) потом посíять, **вы́рывать**, околотíть, постлáть, снеть, измéть, *отрепáть* (слободской говор).

Однако в большом массиве примеров употребления постпозитивной частицы в севернорусских говорах можно обнаружить также и некоторые другие ее функции. Уже сейчас можно отметить, что она, подобно указательному местоимению, может употребляться в дейктическом и анафорическом значении, ср. примеры:

Вот яшиык-от я вам показывала; Я пошла туда на площадь, площадь-*ту* вы́дели ? Там был сарай, она пошла в сарай-*то* и родила. Парнишко-*то* у меня и жил , ...я ей письма пишу, что парнишка-*та* мне бы надо.

Напекёт блинов, блины-*те* только лишь слетали – анафора⁴. Если иметь в виду, что во многих языках (напр., а английском, немецком и др.), одной из функций определенного артикля является именно анафорическая функция (см., Виноградов 1999: 45; Dryer 2005: 154), то приведенные примеры из слободских говоров свидетельствуют о неустойчивости описываемого фрагмента диалектной системы: образно говоря, система находится в поисках лексического выражения категории определенности.

Вот за этот дом-от полетел – дейксис. Иными словами, как бы напоминая на свое происхождение – из указательного местоимения **тъ*, частица *-то* может в говорах и в наше время продолжать употребляться в своем первоначальном значении, отличая таким образом диалекты от литературного языка. Некоторые из этих функций приближены к функциям определенного артикля. Все сказанное позволяет говорить о многозначности частицы *-то* и ее производных как вообще в севернорусских говорах, так и в слободских говорах, в частности.

⁴ На это обращает внимание и В. И. Трубинский, говоря о возможности использования в пинежских говорах частицы *то* для указания на ранее упомянутый объект (Трубинский 1970: 56).

Заслуживает специального обсуждения единственный пример, отмеченный в огромном массиве (20 часов звучания) магнитофонных записей слободских говоров, – *А жерновá-то тѣ, вот и рушныи ест*. Здесь в постпозиции к одному существительному использованы две частицы: *-то* и *-те*. В данном случае первая частица играет выделительную роль, а вторая выступает в функции анафоры, поскольку в предшествующем фрагменте текста шла речь о жерновах. Функциональное различие между этими лексемами имеет и просодическое выражение: первая частица безударна, вторая маркирована ударением.

Современные исследователи функций постпозитивной частицы в севернорусских говорах пытаются примирить две точки зрения на нее, считая, что эта частица является маркером как экспрессивности, так и определенности. Они исходят из того положения, что в рамках евразийского языкового союза подобные постпозитивные частицы существуют во многих языках, но в каждом конкретном языке имеют свои особенности (см., например, Leinonen 1998; Stadnik-Holzer 2006: 350).

В одних языках значение определенности, передаваемое постпозитивными частицами, выражено сильнее (например, в балканских языках), в других слабее (в тюркских и уральских языках). К последней группе, по мнению этих исследователей, примыкают и севернорусские говоры. Так, австрийская исследовательница Е. Стадник-Хольцер, ряд работ которой посвящен статусу изменяемой частицы *-то* в русских говорах⁵, приходит к выводу, что частица «выполняет роль определенного артикля, но с экспрессивным значением» (Stadnik-Holzer 2006: 350).

Наше исследование, результаты которого приведены выше, не позволяют рассматривать обсуждаемую частицу как маркер определенности, даже на до-грамматическом, текстовом уровне, поэтому для нее был использован термин *псевдо-артикль*. В таком статусе частицы *-то* убеждает не только рассмотренный материал слободских говоров, но и тот факт, что в этих говорах существует другая лексема, более адекватно выражающая значение определенности, а именно местоимение *этот, эта, это...*

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что основная функция постпозитивной изменяемой частицы *-от, -та, то...* сводится к подчеркиванию, выделению того или иного слова (или слов) в высказывании, что сближает ее функцию с функцией просодических средств в литературном языке. Для определения этой языковой единицы в статье используется термин *псевдо-артикль*.

⁵ Е. Стадник-Хольцер ставит вопрос так: постпозитивное *-то* – «Partikel oder Artikel?»

Литература

- Богородицкий 1935 – *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.–Л., 1935.
- Брызгунова 1977 – *Брызгунова Е. А.* Анализ русской диалектной интонации // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977. С. 231–262.
- Виноградов 1999 – *Виноградов В. А.* Статья // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Яцева. М., 1999.
- ДАРЯ 3 – Диалектологический атлас русского языка Вып. 3. Ч. 2. Синтаксис. Лексика. М., 2005.
- Касаткина 1988 – *Касаткина Р. Ф.* Русская диалектная суперсегментная фонетика. Автореферат дисс. док. наук. М., 1988.
- Касаткина 2005 – *Касаткина Р. Ф.* Калейдоскоп частиц в русских говорах // Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 365–373.
- Кузьмина, Немченко 1962 – *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. М., 1962. С. 3–32.
- Младенов 1979 – *Младенов Стефан.* История на българския език. София, 1979.
- Николаева 2000 – *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М., 2000.
- Пауфошима 1983 – *Пауфошима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Савинов 2004 – *Савинов Д. М.* Быт вологодской деревни в устных рассказах // Живая старина. 2004, № 4. С. 32–34.
- Селищев 1939 – *Селищев А. М.* О языке современной деревни // Труды МИФЛИ, т V. М., 1939.
- Соболевский 1907 – *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Трубинский 1970 – *Трубинский В. И.* Об участии постпозитивной частицы *-то* в построении сложного предложения (по материалам пинежских говоров) // Севернорусские говоры I. Л., 1970. С. 48–64.
- Халанский 1901 – *Халанский М. Г.* Из заметок по истории русского литературного языка. О члене в русском языке. Известия ОРЯС, т. VI, 1901, кн. 3.
- Черных 1927 – *Черных П. Я.* Очерки по истории и диалектологии севернорусского наречия. Иркутск, 1927.
- Чичагов – *Чичагов В. К.* Членные формы в русском и болгарском языке. (*Рукопись*)
- Шахматов 1941 – *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Dryer 2005 – *Dryer M.* Definite Fricles // The World Atlas of Language Structures. Oxford University Press, 2005. P. 154–159.
- Ladd 1980 – *Ladd R.* The structure of intonational meaning: evidence from English. Bloomington: Indiana University Press, 1980.
- Ladd 1996 – *Ladd R.* Intonational phonology. Cambridge, 1996.
- Leinonen 1998 – *Leinonen M.* The postpositive Particle *-mo* of Northern Russian Dialects, compared with Permic Languages (Komi Zyryan) // Studia slavica Finlandensia XV. 1998. S. 74–90.
- Stadnik-Holzer 2006 – *Stadnik-Holzer E.* Zur Frage nach der Herkunft der sog. postponed Partikel in den nordrussischen Dialekten // Slavica Helsingiensia 27. Helsinki, 2006. S. 347–355.

Summary**Once again about the status of flexible particles in the North-Russian dialects**

The research of North-Russian dialects has shown that the postpositives particle *-om* (*-ma*, *-mo*, *-my*, *-me*) is not the marker of definiteness even at the pre-grammar level. That is why we use the term pseudo-article for it. Normally definiteness in these varieties is expressed by the pronoun *этот* (*эта*, *эту*, *это*, *эти*).

Заметки о семантике общерусских наречий *сейчас, теперь, ныне, нынче* в архангельских народных говорах

К проблеме функционирования наречий *сейчас, теперь* в современном русском языке в последнее время проявляется большой интерес со стороны исследователей. Эти наречия анализируются с точки зрения характера семантической структуры, состава языкового значения (ядра и прототипов), выявляются особенности их употребления в речи. (Мельчук 1995; Падучева 1996; Кошелев 1997 и др.)

Задача нашего исследования – показать своеобразие семантики наречий *сейчас, теперь, ныне, нынче*, проявляющейся в диалектах Архангельской области.

В нашей работе мы исходим из положения, согласно которому лексическая система архангельских народных говоров представляет собой исторически сложившуюся целостную языковую систему, состоящую из ряда частных диалектных систем. Каждая из данных систем имеет собственную структуру языковых элементов, но при этом особым образом взаимодействует с другими частными диалектными системами и подчиняется макросистеме в целом. «По нашему глубокому убеждению, каждый говор представляет собой свою, самостоятельную систему, свой языковой «микромир». С другой стороны, – и это в диалектном мире широко известно, – комплекс говоров одной территории (диалект) также обязательно характеризуется языковой общностью всех расположенных здесь говоров. Она может быть большей при условии большей территориальной близости населенных пунктов и меньшей – при условии их отдаленности друг от друга. Таким образом, говоры одной и той же территории в одних элементах своей системы очень близки друг другу, в других – достаточно сильно друг от друга отличаются. С этой точки зрения языковая картина любой русской территории очень сложна и имеет всегда как общие, так и различительные признаки» (Гецова 1997: 195).

Исходя из этого, мы рассматриваем семантику указанных наречий не в пределах отдельных частных диалектных систем, а в пределах макросистемы – архангельских народных говоров. Тем не менее, последовательно отмеченная нами географическая локализация каждого значения приводимого наречия, в той или иной мере позволит представить семантическую картину описываемых нами наречий в каждой отдельной диалектной системе в частности.

В статье последовательно будет рассмотрена семантика указанных выше наречий в архангельских народных говорах при сопоставлении с литературным языком. Следует отметить, что все рассматриваемые нами лексемы представлены в архангельских говорах различными фонетическими и словообразовательными вариантами (*топéре, топéрече, нóнека, нóнче* и др.), которые в данной работе специально не рассматриваются. Сочетание этих вариантов с выделенными нами семантическими дифференциальными признаками может быть самым разнообразным.

Сейчас

И. А. Мельчук, противопоставляя друг другу лексическую пару *сейчас – теперь*, выявляет их семантические различия. По его мнению, наречию *сейчас* свойственно четыре значения:¹

1. 'В момент речи или в период, включающий момент речи' (*Что же ты сейчас делаешь? Сейчас никто не станет носить такие шляпы*).

2. 'В ближайший момент после момента речи' (*Тебе что, а мне сейчас её домой провожать*).

3. 'В ближайший момент перед моментом речи' (*Линейка сейчас на столе лежала, не пойму, куда делась*).

4. 'В данный момент, имевший место в прошлом, но представляемый говорящим как момент речи' (*Если раньше машина Козлевича вызывала весёлое недоумение, то сейчас она внушала жалость*).²

Обратимся к вопросу о функционировании наречия *сейчас* и его семантики в архангельских говорах. Картотека «Архангельского областного словаря»³ представляет материал, на основе которого можно выделить в нем следующие значения:

¹ Все эти и последующие примеры для иллюстрации значений в литературном языке взяты из вышеуказанной книги И. А. Мельчука.

² Отметим, что данное значение не признаётся современными лингвистами: в словарях современного русского языка, в исследовании Е. В. Падучевой (Падучева 1996) выделяются только три первых значения, что, по мнению А. Д. Кошелева, также занимавшегося семантикой данного наречия, «свидетельствует о том, что приведённые описания адекватно отражают представления носителя русского языка о семантике этого слова» (Кошелев 1997: 242).

³ Материалом для статьи послужили данные более чем четырёхмиллионной картотеки «Архангельского областного словаря» кафедры филологического факультета МГУ, 12 выпусков «Архангельского областного словаря», а также личные наблюдения автора, сделанные им во время диалектологических экспедиций в Архангельскую область.

1. *‘В настоящее время’*

И сейчяс уход дэлаём, молодняк поднялся, то мы сёйем (Пин. Влт.). А вот йёсь сецяс помётки стоят, так мы таг жо (Лен. Лн.). Шчяс подоил корóву – нет жырóф, а фцерашно, ёсси корóва хорошó дойт, дак сине молокоб, дак приятно кúшать, синий ли жблтый устóй (Леш. Плщ.). Сицяс и кудёлка не нать сёять (Пин. Кшк. Лен. Схд. Усть. Син.)

В роли гл. чл. при им. п.: Сейчяс конфёта, прёник, печенюшка, вот ы кислы дёти стáли (Вин. Брк.).

В роли гл. чл.: Ягоды-то: мурóшка, клюквa и брусни́ка, мали́на, ра́ньшэ б́ыло, сейчяс нет (Вил. Пвл.). Сяс-то хлэбом так хúдо (Карг. Ош). Ра́ньшэ-то сисно городили, шяс рётко, штóбы то́лько корóвы не прошли (Лен. Лн.).

Безл.: Сицяс пóблиску – травóй заросло́ (В-Т. Пчг.).

2. *‘В настоящий, данный момент’*

Сейчяс оберу́ цяшки и пойдú (КАРГ. Нкл.). Устройся сейчяс, даром не тасись (КОН. Твр.). Сейчяс б́уду выпра́шивать их (ОНЕЖ. Хчл.). Поберёжник (ветер) сецяс фсё́ продрáл (разогнал облака) (ОНЕЖ. Лмц.). Иди́ сецяс с полосы́ (ВЕЛЬ. Сдр.).

В роли гл. чл.: Сецяс пóд вечер (ЛЕШ. Рдм.).

3. *‘В ближайшем будущем, в самом скором времени, вот - вот’*

Цвет у неё сечяс пойдёт (Леш. Блщ.).

‘Немедленно, в тот же момент, сразу же, тут же’

За столóм сидím, шяж ж́ыво лóшкой присóдит (Пин. Шрд.). Открóй, дак сецяс налетит полнó (комаров) (ПИН. Яв.). Реб́ята как сидят, так сицяс на прялку намотáют (Пин. Чкл.). Телефóн-то забúду сицяс ужэ (Мез. Кд.). Óля, Óля, сецяс повалó (Карг. Лкшм.).

4. *‘Недавно, в недалёком прошлом (о событиях текущего дня)’*

Сёдни, сёдни ви́дела, сейчяс. Там сейчяс ходил ктó-то (Леш. Плщ.)

‘Только что’

Она́ сейчяз закати́лась, сейчяз ука́тилась (Карг. Ошв.). Поди́ цяй пить! – Мы сичяс óтпили (Леш. Блщ.). Горячий, сичяс кипяти́ла (Вил. Пвл.).

5. *‘В одно и то же время, одновременно’*

Шяс се не поваляцэ, вдруг да зверь – храняцце (о табуне лошадей) (Нянд. Мш.).

На основании данного материала можно сделать вывод о том, что наречие *сейчас*, имея и в диалекте и в литературном языке четыре совпадающих значения⁴, отличается наличием в его семантике дополнительного, диалектного,

⁴ Значение, предложенное И. А. Мельчуком ‘в момент речи или в период, включающий

пятого значения ‘в одно и то же время, одновременно’, свидетельствующего о большей широте семантической структуры общерусского наречия в диалекте.

Теперь

Наречие *теперь*, согласно выводам И. А. Мельчука и данным словарей, в литературном языке имеет только 2 значения:

1. ‘В данный период или интервал времени, включающий момент речи или предшествующий ему’ (*В прежние времена ели друг друга, теперь мирно живут под одной крышей и те, кто ел, и те, кого ели, но не доели.* В. Войнович).

2. ‘Поскольку то, что имело место перед моментом речи и подразумевается в этом речевом акте окончилось, и теперь желательно перейти к чему-то другому’. (*Итак, гипотеза «первичного взрыва» отвергнута; мы проанализируем теперь остальные логические возможности.*)⁵

В говорах Архангельской области данное наречие имеет иные значения, чем в литературном языке. Его семантическая структура такова:

1. *‘В настоящее время’*

У нас и тепёрь ййсь кици́ги, кто уса́дбы се́ит (ПИН. Влт.). Де́фка оста́лась и тепе́рь живё́ (ЛЕШ. Рдм.). Посмотри́-ка, што тебе́ тепе́рь бу́дет (ЛЕШ. Вжг.). То на́ры, се́но тепе́рь йе́ш не су́шым (ПИН. Чкл.). Это уш не тепе́рь ска́зано (ОНЕЖ. АБ.). Но́нче типе́рь ку́цёй не живу́т, большо́й семье́й (ВИЛ. Пвл.). Тепе́рь ста́ли оди́и слепушы́ ма́ленькийе. КАРГ. Лкш. Нкл. ЛЕШ. Вжг. Смл. МЕЗ. Мд. ПИН. Нхч. ПЛЕС. Прш. ПРИМ. Ннк.

В роли гл. чл. при им. п.: На полу́не замёрзните, тепе́рь ле́то. (ЛЕШ. Кб.).

В роли гл. чл.: Ка́г да́ве бы́ло, так и тепе́рь (КАРГ. Нкл.). Иди́ отма́цивай (болячку), да иди́ в больни́цу-то, тепе́рь до о́динацать (УСТЬ. Снк.).

момент речи’, мы подразделяем на 2 отдельных значения: ‘теперь, в настоящее время’, ‘в настоящий, данный момент’.

⁵ И. А. Мельчук, выделяя особенности употребления наречия в данном значении, пишет о том, что ТЕПЕРЬ2 «имеет характер соединительного элемента – союза – и не может быть коммуникативно выделено» (Мельчук 1995: 59). В этой связи Даниэль Вайсс в своих замечаниях к статье И. А. Мельчука отмечает, что в этом случае «мы имеем дело с так называемым (по Ван Дэйку) **прагматическим коннектором**, т. е. с элементом, вводящим предложение с самостоятельной иллокуцией и тем самым связывающим не предложения, а речевые акты». Это, разумеется, вполне совместимо с трактовкой ТЕПЕРЬ2 как союза, предлагаемой Мельчуком: ТЕПЕРЬ2 оказывается классическим представителем суперкатегории прагматических коннекторов, каковая включает в себя как раз и союзы. (Мельчук 1995: 79).

2. *‘В настоящий, данный момент, сейчас’*

Хлёба нет, можно испечь, да теперь не буду заводить (тесто) (ПИН. Врк.). Теперь вода убывала (ЛЕШ. См.). Теперь вот пошло понесу офцам (ОНЕЖ. Врз.). Не теперь йисеть будут, успею (ЛЕШ. Блц. КАРГ. Оз. Ош. КОТЛ. Збл.) // Я как теперь помню (ЛЕШ. Тгл.).

В роли гл. чл.: Теперь нёту (его) дома то (ВИН. Слц.).

3. *‘В ближайшем будущем, в скором времени’*

Я теперь буду прясать шёрсть, приходи (КАРГ. Нкл.). Я теперь придю поманю (НЯНД. Мш.). Поди, поди, я придю теперь. Теперь покажу, как шамкают (КАРГ. Нкл.)

В роли гл. чл.: Мамо, пойдём! – Теперь, теперь (КАРГ. Оз.). Нинушка, лини в умывальник воды. – Ага, теперь (КАРГ. Нкл.).

4. *‘Недавно, в недалёком прошлом (о событиях последних дней)’*

Я теперь приехала. Теперь брала? А вот теперь давали, я ростянула (ЛЕН. Тхт.). Я теперь ходила, выбирала йагоды, у меня нажгло руки (ОНЕЖ. Врз.) Теперь привезён (ПИН.). Ср. // *‘Только что’*: Ну, здравствуй, теперь пила и забыла (КАРГ. Влс.). Теперь он поминал, што свету нёту (ПИН. Яв.). Теперь в воде была, вычистила, да ф котёл (о рыбе). Я теперь ходила, да ницего нёту (ЛЕШ. См.). Вехотёг где-то, я теперь затираю йим (МЕЗ. Дрг.). Я теперь пила. Я теперь ходила. Я теперь там был (ЛЕШ. Шгм.). Теперь тут на улице был. Я маме позвонила теперь (ЛЕШ. Рдм.). Теперь прошёл (ЛЕШ. Вжг.). Я теперь у Вальки хлебала суп (ОНЕЖ. Врз.). Я к Ылье теперь бегала (МЕЗ. Цлг.). Я теперь только йела (КАРГ. Ош.). Ф такой жэ косыночке теперь была? (ЛЕШ. Вжг.).

5. *‘Сегодня, в этот, сейчас идущий день’*

А теперь какó число? (ПИН. Влт.).

6. *‘До сих пор, до настоящего момента’*

У меня теперь фсё в глазах (ЛЕШ. См.).

Как видим, структура значений наречия *теперь* в диалекте сильно отличается от литературного языка также в сторону большего объёма его семантики: диалектах отмечено его шесть значений при одном в литературном языке.

Обратим внимание на значение ‘в настоящий, данный момент, сейчас’. С точки зрения И. А. Мельчука, данное значение нехарактерно для лексемы *теперь* в современном языке, особенностью которой является «наиболее нейтральный способ указать на определённый момент времени в прошлом. Этим фактом и объясняется выбор в толковании компонента “данный период, интервал”, а не «период, интервал речи», т. е. ссылка не прямо на момент речи»

(Мельчук 1995: 67–68). Более того, ученый сопоставляя наречия *сейчас* и *теперь*, приходит к выводу о том, что *сейчас* (в первом своём значении) «указывает, прежде всего, на МОМЕНТ, т. е., грубо говоря, на точку и её ближайшую окрестность; Т.1 (Теперь1 – Е. К.) говорит о ПЕРИОДЕ, т. е. о достаточно длительном отрезке времени. Верно, что С.1 (Сейчас1 – Е. К.) может задавать и период, а Т.1 – сравнительно малый интервал, но это возможно только при достаточной поддержке контекста, ибо компонент “период” для С.1 и “интервал” для Т.1 являются вторичными, контекстно зависимыми. Вне контекста вопрос *Где сейчас Катя?* означает скорее всего: «Где Катя находится в момент, когда задается вопрос?» (дома, у подруги, в магазине); *Где теперь Катя?* значит «где Катя живёт и/или работает в настоящий период?» (в каком городе, в каком учреждении и т. п.)» (Мельчук 1995: 68). Хотя И. А. Мельчук отмечает, что при подходе к контексту *теперь* может выражать небольшой временной отрезок и даже момент, но не считает эти употребления типичными для данного наречия.

В говорах Архангельской области, напротив, *теперь* свободно употребляется в вышеуказанном значении и не требует в этом случае серьёзной контекстуальной поддержки. Ср., например, *Теперь нэту (его) д́ома-то* (ВИН. Слц.). *Хле́ба нет, мо́жно испекчи́ть, да тепе́рь не бу́ду заводи́ть* (тесто) (ПИН. Врк.) *Не тепе́рь и́есть бу́дут, успею́* (ЛЕШ. Блц.) и т. д.

Во-вторых, в современном русском литературном языке невозможно употребление *теперь* в значении ‘в ближайшем будущем, в скором времени’, так как, с позиций И. А. Мельчука, в литературном языке «ни одно Т. (Теперь – Е. К.) не выражает идею ближайшего будущего момента». Действительно, такие примеры употребления, которые приводит исследователь: **Теперь как дам в морду*; **Теперь я приду*; **Теперь!* (как ответ на зов или просьбу сделать что-либо) подтверждают его мнение (Мельчук 1995: 73).

Однако в архангельских диалектах такое употребление вполне возможно. Ср.: *Поди́, поди́, я приду́ тепе́рь* (КАРГ. Нкл.). *Ма́мо, пои́едем!* – *Тепе́рь, тепе́рь* (КАРГ. Оз.). *Ни́нушка, лини́ в умыва́льник воды́ – Ага́, тепе́рь* (КАРГ. Нкл.).

Также невозможно ни обратить внимание на ещё одно значение в семантике *теперь*: ‘недавно, в недалёком прошлом, незадолго до настоящего момента; только что’. В литературном языке нет соответствия между *теперь* и *сейчас* в данном значении. [*Коля сейчас (*теперь) тут проходил. Линейка сейчас (*теперь) тут лежала*] (Мельчук 1995: 73).

В говорах же нет никаких ограничений для такого употребления: *Тепе́рь в воды́ бы́ла, вы́чистила, да ф котёл* (о рыбе) (ЛЕШ. Смл.). *Ну, здра́стуй, тепе́рь не́ла и забы́ла* (КАРГ. Влс.). А наречная частица ТОЛЬКО подтверждает значение наречия: *Я тепе́рь то́лько и́ела* (КАРГ. Ош.).

Таким образом, опираясь на наши наблюдения, мы можем сделать некоторые выводы не только о большем семантическом объёме лексем *сейчас* и *теперь*. Во-первых, судя по количеству значений в семантической структуре слов и по объёму материала на каждое из них, можно говорить о гораздо большей употребительности в говорах наречия *теперь* по сравнению с наречием *сейчас*.

Словари (Черных 1993, т. 2; Срезневский 1989) отмечают наречие *теперь* в разных корневых огласовках (*теперь*, *топерь*, *топерьво*, *топерва* и др.) примерно в тех же значениях, что и в говорах, кроме того, данное наречие имеет более ранние фиксации, чем наречие *сейчас*. Напротив, В. И. Даль (Даль 1992, т. IV: 171, 399) пишет, что *сейчас* употребляется только в значении 'тотчас, скоро, не мешкая, борзо, в скором времени', а значение 'теперь, в настоящее время' свойственно только для московского говора, во всех остальных случаях оно (значение) выражается наречием *теперь*. Кроме того, последнее наречие в говоре по семантике поддерживается наречиями группы *none – ныне*, которые практически дублируют некоторые из названных значений. Всё это позволяет сделать предположение о гораздо более позднем появлении в русских диалектах наречия *сейчас*, а также о его заимствовании говорами из литературного языка.

Ныне, нынче

Наречия *ныне*, *нынче* имеют в литературном языке следующую семантическую структуру:

1. 'Теперь, в настоящее время'.
2. 'Сегодня'.

В диалекте эти значения также имеются:

1. 'Теперь, в настоящее время'

Ны́не.

Сперва по волости один колхоз был, а ны́не перешли уш на софхос (ВИН. Мрж.). Розговóр ны́не переменя́лсе, а ра́ншэ-то до́лго говорили: "Куды пошóл-то-о" (В-Т. Врш.).

Ны́нче.

Я забы́фчива ны́нче ста́ла (В-Т. Грк.). Фчерá большóй прáзньниг бы́л, да ны́нче это фсё отхóдит (В-Т. Тмш.).

Наречия с данными корнями могут выражать интервал с неопределёнными границами, и поэтому могут обозначать более мелкие отрезки времени:

'в этом, текущем году'

Ны́не. Ны́не йешó коси́ть-то не зачина́ла дак (В-Т. Тмш.). Ны́не вы́родила ма́льчика дак (В-Т. Кчм.).

Ны́нче. У нас ны́нче, в этом году, мно́го при́мерло (ПИН. Яв.). Грибы́-то уш йе́сь ны́нче, йе́ти, бе́лы, на бору́ (В-Т. Тмш.).

‘сегодня, в этот, сейчас идущий день’

Ны́не. Не зна́ю, я-то ны́не то́лько ма́леньку взела́, з де́тком говрю́, дава́й, де́тка, выпью́м хоть ма́ленькую (В-Т. Вдг.). Ны́не у нас отку́ль-то вон залете́ла (птица), дак я её тенкану́ла (выгнала) (В-Т. Тмш.).

Ны́нче. Я што́-то ны́нче уста́ла (В-Т. Тмш.). Ны́нче гуля́ли, ходи́ли по-ста́риному(ЛЕШ. Лбс.).

‘в данный период этого, текущего года’

Ны́нче. Ны́нче што́-то пошли́ гробы́ сурыйбзны́е, цэрковь згорела́, до́м згорел (ОНЕЖ. Трч.). Ны́нче ра́но те́мница, цясо́ф в во́семь (МЕЗ. Длг).

В диалекте эти наречия имеют и другие значения:

2. *‘Скоро, в скором времени’*

Ны́не. Па́рень из а́рмии приде́т ны́не (В-Т. Тмш.).

3. *‘Недавно, в недалёком прошлом’*

Ны́не. У меня ны́не робя́та бы́ли, а́к я упроохо́т ола́дьи пикла́, жы́вуче́йо те́сто (В-Т. Вдг.). Ка́тя ны́не купи́ла ба́нку, так я ви́пружыла (В-Т. Пчг). Ны́не горе́ло, дак йе́ле огня́ли. Ны́не се́дьмо́во ци́сла Ива́н-де́нь бы́л (В-Т. Тмш.). То́жэ боле́ла ны́не (ВЕЛЬ. Лхд.). Она́, бу́ди, ны́не купи́ла (КОТЛ. Збл.). У Ва́ли, молоди́цы, то́лько сва́дьба ны́не отошла́ (КОТЛ. Фдг.).

Ны́нче. Я ны́нче в Ива́н де́нь-то ду́мала-то (В-Т. Тмш.). У нас де́душко ны́нче тут под газа́ми бы́л, пи́рова́л (ВЕЛЬ. Лхд.). Ны́нче кто́-то помина́л, како́й му́ш у тебя хоро́ший (ВЕЛЬ. Сдр.). В герма́нську войну́ (поги́б), вот ны́нче-то была́. Мы ны́нче́ ходили-то, дак не кружа́ли (за морошкой) (ЛЕШ. Ол.). Вот ны́нче, на то́й неде́ле это было́-то (ЛЕШ. Смл.). Ны́нче уш, по́сле оте́чественной войны́ (НЯНД. Мш.).

В сочетании. с синонимичным наречием: Бы́л случа́й ужэ ны́нче, неда́вно, годо́ф ф сб́рог де́вятом, пе́сятом (запись 1989 г.) (МЕЗ. Кд.).

4. *‘Сейчас, в настоящий момент’*

Ны́не. Ны́не мо́рошно, дак пойдите́ (ВИЛ. Слн).. Ны́не-то уш на́ть ма́леньку подотра́ть (КОН. Клм.). Когды́ крупный пойдё́, каки́е лату́шки ны́не летя́ (ПИН. Ср.). Ско́лько вре́мени ны́не? (КРАСН. ВУ.).

Ны́нче. А ны́нче до́ш иде́т(ПРИМ. Ннк.). Ны́нче этот просты́ў и су́п (ВИЛ. Пвл.).

Семантический объём наречий *ны́не ~ ны́нче* в диалекте также свидетельствует о более сложной структуре значений по сравнению с литературным языком.

Принятые сокращения населенных пунктов Архангельской области

(В-Т) ВЕРХНЕ-ТОЕМСКИЙ Р-Н

АП Аверин Починок

Вдг Вадюга

Врш Вершина

Грк Горка

Збр Заборье

Кнд Кондратьевская

Крн Корнилово

Кчм Качем

Лрн Ларионовская

НТ Нижняя Тойма

Пчг Пучуга

Тмш Тимошино

Тнв Тинева

Сгр Согра

Смн Семёновская

Сфт Сефтра

УВ Усть-Вья

УЁ Усть-Ёрга

ЧР Черный Ручей

(ВЕЛЬ) ВЕЛЬСКИЙ Р-Н

Брз Березники

Врх Верхопюя

Гр Горы

Длм Долматово

Лнв Леново

Лхд Лиходеево

Пвл Павловское

Пжм Пижма

Пкш Пакшеньга

Снг Синегга

Сдр Судрома

Уг Угренья

(ВИЛ) ВИЛЕГОДСКИЙ Р-Н

Грд Городок

Ив Ивновская

Пвл Павловск

Слн Селяна

Трн Теринская

Трп Тырпасовская

Шлм Шалимово

(ВИН) ВИНОГРАДОВСКИЙ Р-Н

Брк Борок

ВВ Верхняя Ваеньга

Зст Заостровье

Кнц Концгорье

Мрж Моржегорское

НВ Нижняя Ваеньга

Слц Сельцо

Тпс Топса

УВ Усть-Ваеньга

Шдр Шидрово

(КАРГ) КАРГОПОЛЬСКИЙ Р-Н

Ар Архангело

Влс Волосово

Грк Горка

Дмн Думина

Клт Калитинка

Крч Кречетово

Лдн Лядины

Лкш	Лёкшмозеро
Лкшм	Лёкшма
Мсл	Масельга
Нкл	Нокола
Оз	Озёрко
Ош	Ошевенское
Трф	Труфаново
Ус	Усачёво
Ух	Ухта
Хтн	Хотёново

(КОН) КОНОШСКИЙ Р-Н

Влц	Вельци
ГП	Грехнев Пал
Клм	Климовская
Кнш	Коноша
Пдг	Подюга
Твр	Тавреньга
Хмл	Хмельники

(КОТЛ) КОТЛАССКИЙ Р-Н

Блт	Болотиха
Збл	Заболотье
Збл	Забелино
Кзн	Кузнецово
Мкх	Мокеиха
Прв	Приводино
Фдт	Федотовская

(КРАСН) КРАСНОБОРСКИЙ Р-Н

Ббр	Бобровская
Блш	Блешково
БН	Березонаволок

БП	Большая Пихтовца
ВУ	Верхняя Уфтыога
Двд	Давыдовская
Ис	Истомино
Кзм	Кузьминская
Клг	Кулига
Нвш	Новошино
Нмц	Наумцево
Нрд	Нарадцево
Прж	Поржаковская
Прм	Пермогорье
Тлг	Телегово
Фмн	Фоминская
Чрв	Черевково
Шдр	Шадрово

(ЛЕН) ЛЕНСКИЙ Р-Н

Ир	Ирта
Лн	Лена
Пст	Паства
Рбв	Рябово
Схд	Суходол
Тхт	Тохта

(ЛЕШ) ЛЕШУКОНСКИЙ Р-Н

Блц	Белашелья
БН	Большая Нисогора
Брз	Березник
Вжг	Вожгора
Врх	Верхнее
Ед	Едома
Зсл	Засулье
Кб	Кеба

Клч	Кельчемгора
Кнс	Койнас
Крщ	Карашелье
Ксс	Кысса
Лбс	Лебское
Лшк	Лешуконское
Ол	Олема
Плм	Пылема
Плщ	Палашелья
Пст	Пустыня
Рдм	Родома
Рз	Резя
Смл	Смоленец
Слщ	Селище
Тгл	Тиглява
УК	Усть-Кыма
Цнг	Ценогора
Шгм	Шегмас
Юр	Юрома

(МЕЗ) МЕЗЕНСКИЙ Р-Н

Аз	Азаполье
Бкв	Баковская
Бч	Бычье
Длг	Долгошелье
Дрг	Дорогорское
Кд	Койда
Кмж	Кимжа
Крп	Карьеполе
Лбн	Лобан
Лмп	Лампожня
Мд	Майда
Мсв	Мосеево

Плг	Палуга
Рч	Ручьи
Свп	Совполье
Слщ	Селище
Сн	Сояна
Сфн	Сафоново
Тмщ	Тимошелье
Цлг	Целегора

(НЯНД) НЯНДОМСКИЙ Р-Н

Вдз	Вадзезерская
Врл	Верола
Лм	Лимь
Мш	Моша
Нкш	Никишинская
Стп	Ступино

(ОНЕЖ) ОНЕЖСКИЙ Р-Н

АБ	Анциферовский Бор
ББ	Большой Бор
Врз	Ворзогоры
Клщ	Клещёво
Кнд	Кянда
Крл	Корельское
Лмц	Лямца
Млш	Малашуйка
Пдп	Подпорожье
Прг	Порог
Прн	Пурнема
Тмц	Тамица
Трч	Турчасово
УК	Усть-Кожа
Хчл	Хачела

(ПИН) ПИНЕЖСКИЙ Р-Н		Црк	Церковное
Брз	Березник		
Влд	Валдокурье		
		(ПРИМ) ПРИМОРСКИЙ Р-Н	
Влт	Вальтево	ЗЗ	Зимняя Золотица
Врк	Веркола	КГ	Красная Гора
Гр	Гора	ЛЗ	Летняя Золотица
Ёр	Ёркино	Лпш	Лопшеньга
Ззр	Заозерье	Пшл	Пушлахта
Знх	Занюхча		
Зсл	Засулье	(ХОЛМ) ХОЛМОГОРСКИЙ Р-Н	
Квр	Кврола	Гбч	Гбач
Кгл	Киглохта	Звз	Звоз
Пкш	Покшеньга	Кзм	Кузомень
Ср	Сура	ПМ	Плѣсо-Мякурье
Шрд	Шардонемь	Сия	Сия
Шттг	Шотогорка	Члм	Чѣлмохта
(ПЛЕС) ПЛЕСЕЦКИЙ Р-Н		(ШЕНК) ШЕНКУРСКИЙ Р-Н	
Кнв	Конёво	ВП	Верхопаденьга
Прш	Першлахта		

Литература

- Даль 1992 – *Даль В. И.* Словарь живаго великорусскаго языка. М., 1992. Т. I–IV.
- Гецова 1997 – *Гецова О. Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Русские диалекты: история и современность. М.: Диалог – МГУ, 1997. С. 138–197.
- Кошелев 1997 – *Кошелев А. Д.* Наречие *сейчас* (ядро и прототипы) // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 241–253.
- Мельчук 1995 – *Мельчук И. А.* Русский язык в модели Смысл – Текст. М. – Вена, 1995.
- Падучева 1996 – *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива. М., 1996.
- Срезневский 1989 – *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989.
- Черных 1993 – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.

Summary

Semantic notes about adverbs *seychas*, *teper*, *nyne*, *nynche* ('now', 'present', 'today') in the modern Russian language and the dialects of Archangelsk region

This article considers the semantic of such adverbs as *seychas*, *teper*, *nyne*, *nynche* ('now', 'present', 'today') in the modern Russian language and the dialects of Archangelsk region. In these dialects adverbs have another, more detailed semantic structure in comparison with the literary language. Author supposes that the adverb *seychas* appeared in these Russian dialects later than *teper* and it was borrowed from the literary language.

Лемковские говоры в контактах с другими славянскими языками/диалектами

До середины 1940-х гг. группа лемковских говоров украинского языка функционировала на самом западе украинского и восточнославянского диалектного континуума. Будучи говорами карпатского региона, лемковские говоры контактировали с рядом карпатских языков и диалектов, в том числе и с диалектами славянских языков карпатской зоны, а именно с малопольскими говорами польского языка и восточнословацкими диалектами. Влияние славянских языков во многом обусловило развитие лемковского диалекта и способствовало возникновению ряда его отличительных черт, описанных в работах польских, украинских и словацких диалектологов¹.

На протяжении нескольких столетий лемки, носители лемковских говоров, проживали в горных районах на границе Польши и Словакии. Однако с 1945–47 гг. в результате принудительных переселенческих акций лемки были рассредоточены по различным областям Украины и Польши, в результате чего лемковские говоры перестали существовать как единая группа. Их функционирование продолжилось в ином языковом окружении, что привело к сильным изменениям в системе диалекта. При этом изменения происходили по-разному в зависимости от территории переселения и типа ситуации функционирования говора. Цель настоящей статьи – представить некоторые тенденции в современном развитии лемковских говоров, вызванные новыми контактами со славянскими языками.

¹ См. *Stieber Z.* Dialekt Łemków. Fonetyka i fonologia. Wrocław, 1982; он же: Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. T. I–VIII. Łódź, 1956–1964; он же: Toponomastyka Łemkowszczyzny, Łódź, 1948–1949; он же: Wpływ polski i słowacki na gwary Łemków // Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności, t. XLI, 1936. S. 45–50; *Rieger J.* Słownictwo i nazewnictwo łemkowskie. Warszawa, 1995; он же: Leksyka środkowej Łemkowszczyzny (materiały do słownika łemkowskiego) // Acta Universitatis Lodzensis – Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Seria I, z. 51, 1979. S. 97–130; он же: Wpływ polski i słowacki na gwary Łemków w zakresie leksyki // Zborník filozofickej fakulty Univerzity Komenského. R. XXX, Philologica (1979). Bratislava, 1980. S. 201–209; он же: Wyrazy “łemkowskie” i ich zasięgi // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. T. 20, Warszawa, 1981. S. 217–230; он же: Zapożyczenia węgierskie w ukraińskich gwarach karpaccich w świetle geografii językowej // Język i jego odmiany w aspekcie porównawczym. Wrocław, 1986. S. 217–226; *Ламта В.* Атлас українських говорів східної Словаччини. Братислава, 1991; *Ганудель З.* Лінгвістичний атлас українських говорів східної Словаччини. Братислава, 1981–1989; *Верхратський І.* Про говір галицьких лемків. Львів, 1902; *Wolnicz-Pawłowska E.* Antroponimia łemkowska na tle polskim i słowackim. XVI–XIX wiek. Warszawa, 1993.

Восточнославянское население появилось в Карпатах примерно в XIV–XVI вв. в результате пастушеских миграций. Со временем предки современных лемков ассимилировали местное западнославянское население, жившее на этих землях. Одним из подтверждений этого является языковая близость восточнословацких и малопольских говоров, которую возможно объяснить лишь непосредственными контактами этих групп диалектов в прошлом, когда между ними еще не существовало восточнославянского «клина» (Stieber 1938: 16).

Южные районы Лемковщины расположены на территории Словакии, соответственно, лемковские говоры Словакии принято называть южнолемковскими говорами, а те говоры, ареалом распространения которых являлись горные районы Польши – севернолемковскими. На западе условной природной границей Лемковщины служила р. Попрада, хотя несколько сел на территории Польши находились западнее Попрада; на востоке – р. Ослава в Польше и р. Лаборец в Словакии. Дальше на восток между р. Ославой и р. Солинкой шла полоса переходных лемковско-бойковских говоров. Таким образом, с севера и запада лемки контактировали с говорами польского языка, с юга – с говорами словацкого языка, с востока – с бойковскими говорами украинского языка, т. е. существовали на периферии украинского диалектного континуума в окружении западнославянских языков. Влияние словацкого языка на лемковский диалект сильнее прослеживается в южнолемковских говорах, а севернолемковские говоры были в большей степени подвержены влиянию польского языка.

В 1945 г. были осуществлены первые акции по переселению украинского населения Польши, к которому были отнесены и лемки. В рамках этой т. н. «репатриации украинского народа» около 70 тысяч лемков были в принудительном порядке вывезены на территорию Советской Украины. С целью скорейшей ассимиляции лемков, их, как правило, намеренно расселяли по 1–2 семьи на село, сначала преимущественно в восточных областях Украины (Донецкая, Кировоградская, Луганская области). Через некоторое время они начали перебираться обратно на запад в надежде вернуться на родные земли, но в этом им было отказано. В результате подобных перемещений внутри страны на территории западных областей Украины (Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской) возникли компактные поселения лемков, в которых условия для поддержания говора были более благоприятными. При этом в пределах этих компактных групп могли оказаться лемки, происшедшие из разных сел, зачастую заметно отличающиеся друг от друга своими говорами.

В 1946–47 гг. в рамках акции «Висла» оставшаяся часть лемков (около 35 тысяч) вместе с другими украинцами была переселена на западные и северные земли Польши (Легницкое, Олыштынское, Кошалинское воеводства). Политика польских властей была той же, что и на Украине: лемков не селили компактно, а намеренно рассредоточивали среди польского населения, зачастую враждебно по отношению к ним настроенного.

Стремление избежать конфликтов послужило для многих лемков причиной перехода на польский язык как в общении с местным населением, так и в общении между собой. Результатом можно считать то, что практически все лемки в Польше либо двуязычны, либо полностью перешли на польский язык. Это относится даже к представителям старшего поколения, вплотную столкнувшимся с польским языком уже после переселения. Причем если для старшего поколения родным языком был лемковский говор, то для младшего и во многих случаях для среднего поколения таковым является уже польский язык.

Таким образом, единая группа лемковских говоров перестала существовать. Говоры на территории Словакии не были затронуты переселением. Что касается севернолемковских говоров, то значительная часть их носителей оказалась на территории Украины, примерно треть осталась на территории Польши. На исконных территориях в Карпатах лемков практически не осталось за исключением небольшого числа тех, кому разрешили вернуться после 1956 г.

В условиях нового языкового и этнического окружения ускорились процессы языковой ассимиляции. Темпы ассимиляции различаются в зависимости от ситуации функционирования говора. Можно выделить несколько основных типов таких ситуаций. Это – некомпактное проживание лемков в сельской местности, компактное проживание в сельской местности, функционирование говора в городских условиях.

В Польше случаи компактного проживания лемков в сельской местности нечасты. Так, ситуация в с. Лисец (Легницкое воеводство), где практически все жители являются переселенцами из одного с. Бортне, является скорее исключением.

На Украине, как уже было сказано, компактные поселения могли складываться в результате миграций лемков внутри страны. Примером такого места компактного проживания лемков на Украине является, например, г. Монастырьськи Тернопольской области и прилегающие к нему села.

В результате оттока сельского населения в города, как в Польше, так и на Украине лемковские общины можно найти в крупных городских центрах. В

городских условиях говор быстрее утрачивает функции языка домашнего общения. При этом усиливается его этническая функция – само умение говорить «по-лемковски» (в ряде случаев только декларативное) в условиях разобщенности и угрозы языковой ассимиляции становится чрезвычайно важным. Интересна ситуация во Львове. Уже более 10 лет там действует лемковская греко-католическая церковь, в которой проповедь читается по-лемковски. После службы, как правило, у прихожан есть возможность пообщаться, и многие из них отмечают, что фактически церковь – это единственное место, где можно услышать свой «язык».

Важным фактором, способствующим сохранению диалекта, является отношение говорящих к своему идиому. В этой ситуации в Польше и на Украине сильно различаются.

Лемков в Польше можно условно разделить на две группы: тех, кто считает себя региональной группой украинского народа, а свой идиом диалектом украинского языка, и тех, кто считает лемков отдельной нацией (или же частью русинского народа) с самостоятельным языком – лемковским. «Автономистски» настроенные лемки предпринимают попытки кодификации своего идиома, создают грамматики, словари, издают литературу на лемковском языке, выпускают свои периодические издания, а также добились введения лемковского языка в качестве языка обучения в школах в районах проживания лемков².

На Украине подобного национального дуализма не существует, а попытки представить лемков отдельным народом воспринимаются как угроза целостности украинской нации. Следовательно, переход на украинский язык воспринимается как отрыв от корней, но не как переход на другой язык.

Материалом для настоящей статьи послужили магнитофонные записи, сделанные в 2005–2006 гг. в Польше и на Украине, а также записи 1992 г., любезно предоставленные проф. Янушем Ригером (Институт польского языка, ПАН, Варшава). Ниже будут рассмотрены отдельные особенности современных лемковских говоров, относящиеся к фонетическому, морфологическому и лексическому уровням, развитие которых обусловлено контактами со славянскими языками (польским и украинским) в новых условиях. Сопоставление современных говоров на территории Польши и Украины позволяет показать сходные и различные тенденции в их развитии. Следует, однако, отметить, что собранный материал ввиду своей фрагментарности позволяет сделать лишь предварительные выводы, нуждающиеся в дополнительной верификации.

² См., например, *Michna Ewa. Łemkowie. Grupa etniczna czy naród?* Kraków, 1995.

Фонетика

1. Вокализм

а) **Ударение.** Одной из наиболее ярких диалектных черт лемковских говоров является фиксированное ударение на втором от конца слоге, т. н. парокситоническое ударение, возникновение которого исследователи относят к проявлениям влияния польского субстрата (Stieber 1938: 17).

В настоящее время в речи лемков, проживающих на территории Польши, последовательно представлено постоянное ударение, чему, несомненно, способствуют контакты с польским языком, которому также присущ подобный тип ударения: *budyn'očok*, *devjat'oho*, *divč'yny*, *dla l'udej*, *do cerkavn'oho*, *f s'el'i*, *hr'eko-katol'yk'i*, *hov'orył*, *ohorodž'yn'a*, *ož'enył s'a*, *po-lemk'ifsky*, *prez t'amtu v'oynu*, *pr'yjšol*, *prod'avał*, *r'osly*, *t'eper*, *četv'ero*, *četvert'oho*, *šternast'oho*, *ž'yt'a*.

Отдельные формы с ударением не на втором от конца слоге, встречающиеся в речи польских лемков, возможно, возникли под влиянием литературного украинского языка, с которым лемки сталкиваются в греко-католической церкви, а молодое поколение и в образовательных учреждениях: *do Am'eriky*, *do j'asnoji*, *dr'uhoho*, *j'ednoho*, *zn'ajete*, *z n'ovoho*. В речи старшего поколения формы с не парокситоническим ударением могут возникать под влиянием речи детей, посещавших украинские школы и гимназии.

В лемковских говорах, функционирующих на территории Украины, прослеживаются значительные изменения в области акцентуации. Под влиянием украинского литературного языка и его говоров, в окружении которых находятся лемковские говоры сегодня, происходит дестабилизация акцентуационной нормы.

Более последовательно парокситоническое ударение реализуется в речи лемков, компактно проживающих в селах, в первую очередь у представителей старшего поколения, приобретшего языковые навыки до переселения или вскоре после него. Однако и в их речь активно проникают формы с непарокситоническим ударением: *d'it'ej*, *l'emkifska*, *l'emč'yxom*, *ob'ovjazok*, *pj'atero*, *po-n'ašomu*, *potuč'ok*, *syd'y*, *tak'a*, *tep'erišn'omu*, *v'ečora*, *v'yrosly*, *čolov'ik*, *zap'ovnyuj*, *z s'amoho malku*. Возможны колебания ударения в речи одного носителя: *m'uku* ~ *muk'y*.

Дестабилизация ударения заметнее в речи лемков, проживающих в городских условиях, в частности во Львове, где гораздо активнее протекают процессы языковой ассимиляции: *hr'eko-kat'olyck'i*, *jalov'ec*, *kol'y*,

m'isc'evyumu, molok'o, pas'ovyyska, pjats'ot, p'it nyz'om, pryj'ixaly, r'ospaču, tep'er, š'ists'ot, zeml'a, z k'amen'a.

Следует заметить, что в речи отдельных носителей диалекта непарокситоническое ударение было отмечено лишь в словах, заимствованных из украинского литературного языка, соседних украинских диалектов, а также из русского языка. В таком случае представляется возможным интерпретировать это явление не столько как фонетическое, сколько как лексикофонетическое, т. е. как случаи фонетически неадаптированных лексических заимствований: *avt'obusom, naz'ad', vzahal'i.*

б) **Соотношение *i – y – ы***. В системе гласных фонем изменения коснулись правил дистрибуции гласных верхнего подъема.

До переселения большей части лемковских говоров *Польши* была свойственная трехчленная оппозиция гласных верхнего подъема: гласный переднего ряда верхнего подъема [i] – гласный среднего (средне-переднего) ряда верхнего (верхне-среднего) подъема [y] – гласный заднего (средне-заднего) ряда верхне-среднего подъема [ы]. Гласный [ы] выступал в позиции после шипящих *š, ž, č* и заднеязычных согласных *k, h, g, x*, а также в ряде случаев после губных и переднеязычных зубных согласных на месте праславянского *у.

В современных лемковских говорах, оставшихся *на территории Польши*, гласный заднего ряда [ы] достаточно последовательно сохраняется во всех указанных позициях, хотя в некоторых случаях возможно его замещение гласным среднего/средне-переднего ряда [y]: *b'yto, po-lemk'ivsky, pust'yn'a, sl'ivky, zab'avy.* Наиболее последовательно звук [ы] реализуется в речи представителей старшего поколения: *band'urky, h'un'ky, jak'ysy, kl'ob'uky, k'yslyj, smer'ecky, tak'yma, z kyt; s'uxy, v'erxy, x'yz'a, x'iba; d'ovhy, n'ohy, vyhy'ana; m'orgy; dyt'ačyx, čyt'aty; od'ežy, ohorodž'yn'a, m'ežy, ž'yto; faš'yi, hr'upšy, š'yt'a; b'ыky, do šm'aty, kraf'ovy, prad'idy, ryl'n'uk'iv, sam'otnym.*

В лемковских говорах *на территории Украины* наблюдаются некоторые изменения в дистрибуции гласных верхнего подъема у представителей среднего (45–60) и младшего поколений. Под влиянием украинского литературного языка в их речи функциональная нагрузка звука заднего ряда [ы] уменьшилась в пользу гласного среднего/средне-переднего ряда [y], свойственного как литературному украинскому языку, так и большинству его говоров: *fs'ady, lem'uxa, m'uky, per'ohy, pol'aky, skl'epu, čyst'on'ko, ž'yly.* При этом в речи информантов старшего поколения, в особенности компактно проживающих в сельской местности, гласный [ы] реализуется более

регулярно: *hotub''in'ky, jal'unky, kos''ičky, smer'ečky, sol'otky, l'axy, x'byžax; pir'oHy; lam'ančyk, več'ыrky, č'ыraj; š'ыtkыт, š'ыŋky; b'aby, b'ыca, jaf'ыгы, sol'omy, v'ыhl'at; jah'ody, l'isы, сыр, z''v''iry, ž'olты.*

Расшатывание диалектной нормы может приводить к развитию фонетической вариативности, т. е. в речи одного носителя в одной и той же позиции могут встречаться оба конкурирующих звука: *bars'uky, kušč'ы, or'ixы, t'erky, trusk'avky, si'ešky, č'ыsto, ž'ыty, но b'yly, l'emčухom, mal'en'kyj, č'ysnyk, žyly.* Случаи подобной вариативности описывал З. Штибер, что говорит о том, что начало этого процесса относится ко времени еще до переселения (Stieber 1982: 31).

В речи городских жителей тенденция к сокращению употребления гласного [ы] проявляется несколько сильнее: *band'urky, gug'al'ky, jak'ysy, parc'a-jky, pol'aky, puhar'ыky, š'ыtky; m'orgy, per'oHy, žyta, hr'yby, z kap'usty.* Гласный [ы] выступает чаще после заднеязычных, реже после шипящих: *ang''el'sky, lemк'ын'a, na'uky, po-lemк''ifsky, po-ukra'insky, r'oky, zarob''itky, x'ыžы, ž'ыly.* После губных гласный [ы] был отмечен в отдельных случаях: *b'ыly, v'ыhl'at.* При этом в идиолектах может быть достаточно сильно развита фонетическая вариативность: *band'urky, bur'aky, l'emky, но band'urky, panc'aky, r''atky, сыр, t'akыj'.*

2. Консонантизм

а) *Соотношение l – ц.* Изменениям в новых условиях подверглись также отдельные звенья системы консонантизма. Для большинства лемковских говоров было характерно наличие билабиального звука [ц], часто выступавшего в говорах на месте твердого латерального сонанта перед гласными непреднего ряда [o], [a], [u].

В современных лемковских говорах в Польше этот звук, как правило, сохраняется: *b'уца, ц'ukat, ц'adn'e, тоцод''ižы, s'eta, Соцотv''iny, tam s''a p'asto, xl'opc'i, цум''iš'ацо s'a.*

На Украине влияние на лемковские говоры украинского языка, не знающего подобного звука перед гласным, после переселения привело к появлению тенденции к замене губно-губного [ц] в указанной позиции переднеязычным [п]: *b'ilo, k'olo, l'axy, najmol'otšy, narod'yla s'a, ost'ala, pol'oty, polov'un'i, роč'aly, pryjix'ala, xl'opy.* Это более характерно для городских жителей среднего возраста. Губно-губной [ц] также встречается, но реже, причем более последовательно у старшего поколения носителей, компактно проживающих в селах: *боц'ot'i, m'оhца, тоцод'a, тоц'окот, s'eцо, суš'уцо,*

ves'eцо, хоц'ošn'i. Также возможно параллельное употребление [h] и [l] в одном идиолекте: *коц'отув / kol'отув, m'асуот, m'асца / m'асла*.

б) **Дорсальный ряд** [s''], [z''], [c'']. До переселения твердым согласным [s], [z] и [c] в позиции перед гласными переднего ряда соответствовали в лемковских говорах т. н. дорсальные (с шипящим призвуком) согласные [s''], [z''], [c''], возникновение которых объясняют влиянием польского языка (Латта 1962, 17).

В говорах на территории Польши дорсальные согласные [s''], [z''], [c''] сохраняются: *l'ыs''t'a, s''imnac:at'oho, s'us''id, r'oc''i, v Amer'yc''i, na p'auz''i*.

В говорах переселенцев на Украине судьба дорсальных согласных складывается по-разному. Лемковские говоры на территории Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской области оказались в окружении поднестровских говоров украинского языка, которым также были свойственны дорсальные согласные [s''], [z''], [c''] в качестве реализации мягких фонем /s'/, /z'/, /c'/ (Бевзенко 1980: 210). Это стало благоприятным условием для сохранения этих согласных и в лемковских говорах, функционирующих в сельской местности: *fs''ady, s'us''it, s''viže, ves''il'a, v l'is''i, zas''p'iv'ala, pot'or'oz''i, hol'ovc''i*. Однако в ситуациях, когда подобной поддержки со стороны контактирующего идиома не было, в особенности в городах, наблюдается тенденция к постепенной замене дорсальных мягкими зубными переднеязычными согласными (свистящими). В частности, это касается ситуации во Львове, где в речи носителей диалекта наблюдаются колебания с преобладанием форм с мягкими согласными [s'], [z'] и [c']: *bes''idu, bes''iduv'aly, dev'atd'es''at, fs''u, hr'odyv s'a, hus''l'anka, mas''l'anka, na s''k'ipku, ne s''ije, s''p'iv'yu, s''piv'aly, s''v'atax*, но: *bes'iduv'aty, fs'i, m'is'ac'i, Oles'n'evyč, Petr'us', p'is'n'i, s'v'ato, t'ys'aču, ves'il'a, poč'av s'a, r'odyf s'a; vz''aty, vz''aly, no c''ipom, na Pr'az'i, n'oz'i, pin''az'i, r'az'iv; c''il'oho*, но: *b'abc'a, c'il'e, m'is'ac'i, r'oc'i, stol'yc'a*.

Морфология

а) **Спряжение глаголов. Настоящее время.** Наметились некоторые различия между лемковскими говорами Польши и Украины в спряжении глаголов. Ряду глаголов в настоящем времени было свойственно окончание *-at* для 1-го лица единственного числа (например, *tam*), вероятно, возникшее под влиянием польского языка. В современных лемковских говорах на территории Польши этот глагольный тип продуктивен, такие окончания прини-

мают и многие глаголы, заимствованные из польского языка: *sp'ivam, b'yvam, m'eškam, nazb'eram, p'ukam, zb'eram*. Безусловно, этому способствуют постоянные контакты с польским языком, в котором это окончание характерно для глаголов 3 спряжения. В лемковских говорах на Украине эти окончания сохраняются: *ja s'a ne st'ydam, pamn'atam, pamn'atam, znam*. Однако в ряде случаев было отмечено вытеснение окончания *-am* флексией *-aju*, свойственной украинскому литературному языку и поднестровским говорам: *ne pamjat'aju, zn'aju*.

б) Спряжение глаголов. Формы прошедшего времени. Другая глагольная особенность лемковских говоров – наличие составных форм прошедшего времени, образованных при помощи частиц *-(e)m, -(e)s, -zme, -ste*. Устойчивость сложных форм прошедшего времени также оказалась разной в зависимости от ситуации функционирования говора.

В Польше при поддержке со стороны контактирующего польского языка, которому также свойственны подобные формы прошедшего времени, эти формы последовательно сохраняются в речи представителей всех поколений: *pos'ij'ala m, pryn'esła m, r'odył jem s'a, tam jem v'yr'is, paz jem kor'ovu, do šk'oły jem x'odył, pomah'aly zme, zme p'išly do G'orlyc', m'aly zme, ž'yly zme, to zme pomah'aly*. Формы прошедшего времени, образованные без частиц, возможны при условии выраженности подлежащего личным местоимением: *ja f'ym r'is, ja zmoł'ota*.

На Украине, с одной стороны, шло сильное влияние украинского литературного языка, не знающего подобных сложных форм прошедшего времени, с другой стороны – поднестровских говоров, для которых характерны аналогичные формы. Следовательно, в зависимости от преобладания влияния литературного языка или соседних говоров устойчивость этих форм различается. В городских условиях преобладают формы без вспомогательных частиц: *ja juž był v v'ojsku, ja n'e čuł, ja z'abył, ja besid'uvał po-lemk'ivsky, my žyly k'olo 'ozera; my jizd'yly, my kupl'aly, my nazyv'aly*. Однако в ряде идиолектов, преимущественно в сельских говорах, сложные формы прошедшего времени сохраняются и активно реализуются в речи: *byv jem, n'e zbyv jem m'asta, xod'yla m, jak jem p'išta po ž'ebrax, što zme sad'yly, ost'aly zme, perexod'yly ste*.

Лексика

Наиболее сильному влиянию со стороны доминирующих языков подверглась лексическая система лемковских говоров. Лексика лемковского диа-

лекта до переселения отражала многовековые контакты с языками и диалектами карпатской зоны и была генетически весьма разнородна.

Польский диалектолог Януш Ригер к собственно лемковской лексике предлагает относить лексемы, функционировавшие только на исторической Лемковщине (на запад от р. Солинка и р. Вырава) и в то же время известные другим говорам украинского языка, которые при этом не находятся в непосредственном контакте с лемковскими (Rieger 1981: 217–219). К лемковской лексике относятся и многочисленные заимствования из польского языка (*bydła* «скот», *figli* «шутки», *kark* «задняя часть шеи», *wansy* «усы», *wantroba* «печенка», *źródło* «источник»), словацкого (*draha* «дорога», *hacza* «жеребенок», *hardyij* «красивый», *hej!* «да», *kłanycia* «опора у воза», *tem* «только», *maczka* «кошка», *palunka* «водка», *plannyj* «плохой», *prez* «через», *strana* «сторона», *zdrawia* «здоровье»). Это также слова венгерского (*bajusy* «усы», *basamunka* «ленточка», *bosorka* «колдунья», *duhan* «табак», *falat* «кусочек», *gazda* «хозяин», *juhas* «пастух овец») и румынского (*jafyry* «черника», *ku-rastra* «первое молоко после отёла», *koszara* «переносное ограждение для овец», *meryndia* «еда, которую пастухи брали в поле», *rumegaty* «жевать (о корове)», *strunga* «ворота, через которые овец пропускали в загон») происхождения, в большинстве случаев заимствованные не путем прямых контактов, а через посредничество словацких говоров (Rieger 1995)³.

При этом существует отдельная проблема различения полонизмов и словакизмов, поскольку есть целый ряд заимствований из западнославянских языков, для которых точный язык-источник указать практически невозможно: *barz* «очень», *bujak* «бугай, бык», *dzecko* «ребенок», *jelen* «олень», *mydło* «мыло», *pec* «печь», *wece* «больше».

Лексика лемковских говоров была предметом изучения многих ученых, в частности, занимающихся проблемами карпатистики. Имеется несколько словарей лемковских говоров⁴, уже упоминавшийся «Атлас лемковских говоров» З.Штибера, в которые вошли материалы, собранные до начала второй мировой войны. В последнее время появилось несколько работ, в которых предприняты попытки на примере отдельных сел охарактеризовать со-

³ В приведенных примерах соблюдается орфография источника.

⁴ См.: Rieger J. Słownictwo i nazewnictwo łemkowskie. Warszawa, 1995; он же: Słowniczek gwary łemkowskiej z okolic Grybowa Władysława Mossóczego // *Slavia Orientalis*, tom XXXVII, nr. 2. Warszawa, 1988. S. 269–288; *Вєрхпатський ІІ*. Про говір галицьких łemків. Львів, 1902; *Горбач О*. Південноłemківська говірка й діалектний словник села Красний Брід бл. Меджилаборец. Мюнхен, 1973.

циолингвистическую ситуацию и лексические процессы, типичные для переселенческих лемковских говоров в Польше⁵. Что касается лексических процессов в лемковских говорах на территории Украины, то они не были предметом исследований.

Активизация влияния польского языка после переселений 1947 г. привела к тому, что лексический состав лемковских говоров *Польши* пополнился целым рядом новых заимствований из польского языка. Прежде всего, новые полонизмы заполняли лакуны, появившиеся вследствие появления новых реалий: *laz''enka* «ванная», *pr'al'ka* «стиральная машина», *pr'yšn'ic* «душ». Новые заимствования вытесняли также и исконную лексику. В результате этого новые слова стали обозначать предметы домашнего обихода, явления природы, характеристики человека и пр. Ср. *b'ečka* «бочка» (лем. *b'očka*), *c'urka* «дочь» (лем. *d'iwka*), *g'arneк* «кастрюля» (лем. *h'ornec*), *ładny* «красивый» (лем. *h'ardy, kras*), *p'itka* «мяч», *na sk'rupc'ax* «на скрипке» (лем. *h'us''l'i*), *zap'alку* «спички» (лем. *pat'yčky*).

В ряде случаев новые заимствования из польского языка замещали собой старые полонизмы, на протяжении длительного времени функционировавшие в лемковских говорах. Это также в ряде случаев приводило к одновременному функционированию в говоре старого и нового полонизма, появлению своеобразных лексико-фонетических пар, оба члена которых являлись заимствованиями из польского языка. При этом более старый вариант был подвергнут процессу освоения лемковскими говорами, а новый сохранял черты языка-источника: *dz'ecko* ~ *dž'ecko*, *kob''ita* ~ *kob''eta*, *bor''ifky* ~ *bor''ufky*.

Что касается старых полонизмов, то в ряде случаев они могли получить более широкое распространение в говорах благодаря усилившемуся воздействию польского языка. Так, например, «Атлас лемковских говоров» З. Штибера фиксирует некоторые полонизмы лишь в отдельных населенных пунктах, а в настоящее время они расширили область функционирования. В качестве иллюстрации можно привести такой пример: согласно «Атласу...» на большей части территории Лемковщины до переселения функционировала общевосточнославянская лексема *xv'ist* 'хвост', которой в пограничных с польскими говорах соответствовал полонизм *og'in* (Stieber 1956–1964, III, К. 118). Однако в настоящее время лексема *og'in* употребляется и в говорах, которым она была неизвестна прежде, например, в говоре села Кремпна.

⁵ См.: *Lewicka U.* Sytuacja językowa ukraińskich przesiedleńców ze wsi Terka // *Język mniejszości w otoczeniu obcym.* Warszawa, 2002. S. 183–200; *Onyszkanycz-Kowalska M.* Sytuacja gwary lemkowej i ukraińskiego języka literackiego w Rzepedzi // *Język mniejszości w otoczeniu obcym.* Warszawa, 2002. S. 201–206.

В результате появления значительного числа новых заимствований из польского языка в лемковских говорах возникло большое число новых синонимических пар, члены которых были разного происхождения: *'og'in – xv'ist*, *p'in'andze – hr'ošy*, *kret – kыrt'yc'a*, *l'adny – h'ardy*, *l'adny – kras*, *b'ečka – b'očka*, *vor'eček – m'iš'očok*, *lat – r'ok'il*, *l'yka – k'otnuł*, *zap'atky – pat'učky*. Это явление зафиксировал в атласе в ряде населенных пунктов еще З. Штибер, однако после переселения эти процессы приняли более масштабный характер.

Новые заимствования могли подвергаться фонетической адаптации: *d'ov'id osob'ysty* «паспорт» – переход [o] в закрытом слоге в [i] (ср. пол. *dowód osobisty*); *cofn'ul'i* «отступили, вернулись назад» – замена носового [ą] гласным [u] (ср. пол. *cofnąć*); *p'id vzhl'adom jazyk'ovum* «с точки зрения языка» – замена заднеязычного взрывного [g] фрикативным [h] (ср. пол. *pod względem językowym*), замена носового гласного [ɛ] гласным [a]; *nakruč'enyj fil'm* «снятый фильм» – наличие гласного [u] на месте носового [ɛ], изменение [c] в [č] (ср. пол. *nakręcony film*); *perešk'adža* «мешает» – полногласное сочетание *ere* на месте неполногласного *re* (ср. пол. *przeszkadza*); *stverd'yty* «утверждать» – изменение сочетания *dži* в *dy*, отверждение [v] перед гласным переднего ряда [e] (ср. пол. *stwierdzić*). Однако в речи информантов было также отмечено большое число неадаптированных заимствований из польского языка, сохранивших фонетические черты языка-источника: *spšent do rob'oty*, *dž''ury*, *do s'qdu*, *očvн''iš'č'e*, *žyvnos''c''ovu*. В ряде случаев можно говорить о неполной адаптации, результатом которой является наличие гибридных форм. Например, *č'ekav'osty* (ср. пол. *ciekawości*) – сохранение польского мягкого *č'* при изменении сочетания *š'č'i* в *sty* (в переселенческих говорах на территории Украины был зафиксирован полонизм *cekav'osty* с начальным [c]).

Как уже было отмечено, не всегда можно определить выступала ли та или иная лексема в говоре до переселения. Одним из источников верификации могут служить переселенческие лемковские говоры на территории Украины. После переселения эти говоры не находились в непосредственном контакте с польским языком и его говорами и не были подвержены новым польским влияниям. Следовательно, можно утверждать, что фиксируемые в них полонизмы проникли в эти говоры до переселения. Особую ценность приобретают записи с территории Украины, в особенности словари отдельных говоров, которые могут помочь в реконструкции лексической системы лемковских говоров до переселения⁶.

⁶ См., например: *Пуртей П.* Короткий словник лемківських говірок. Івано-Франківськ,

Лемковские говоры на территории Украины были подвержены иным влияниям, а именно лексическому влиянию украинского литературного языка и его говоров, а также в меньшей степени лексическому влиянию русского языка, что характерно для языковой ситуации на Украине в целом. Влияние украинского литературного языка неуклонно возрастает по мере того, как он вытесняет диалект из повседневной жизни, в частности, заменяет его в качестве языка домашнего общения.

В ряде случаев происходила фонетическая адаптация украинизмов, прежде всего акцентуационная: *peredč'ut'a*, *n'amet*, *ho'losno*, *s'a kyn'ulo*. Некоторые заимствования не нуждались в адаптации, поскольку соответствовали фонетической и акцентуационной норме лемковских говоров: *x'ata* (лем. *x'byža*), *tr'ošky* (лем. *kus*). Однако большая часть украинизмов сохраняет в лемковских говорах свое первоначальное ударение, что способствует расшатыванию акцентуационной нормы лемковского диалекта: *zavd'ak'y*, *holodom'or*, *j'ahody* (при сохранении старого значения «земляника»), *ban'ak* (лем. *h'orec*), *l'ikar'i*, *žyvot'i*, *tert'ux'by* (лем. *grul'an'yky*), *s'imj'a*. Влияние украинского литературного языка на лексику лемковских говоров сильнее проявляется в речи лемков, проживающих в городах.

Кроме того, в лемковских говорах на территории Украины также заметны следы лексического влияния русского языка. Влияние русского языка осуществляется прежде всего при посредничестве украинского языка, на что указывает украинская огласовка заимствований, подвергшихся процессам адаптации, в частности непарокситоническое ударение: *p'idž'aryty*, *vzajemov'yručka*, *małol'itn'om*, *perepeč'atano*, *smor'odnyu*.

Однако ряд русизмов мог быть заимствован в результате прямых контактов (средства массовой информации, речевые контакты при длительном пребывании в России, например, служба в армии), что подтверждается сохранением фонетических особенностей русского языка, в частности сохранением мягкости согласных перед гласными переднего ряда: *'im'en:o*, *s'el'otku*, *sl'ežka*.

Таким образом, развитие лемковских говоров после переселения шло в двух направлениях в зависимости от территории функционирования – в Польше и на Украине. Общей для всех говоров является тенденция к языковой ассимиляции под влиянием доминирующего языка (польского или украинского). Изменения в системе диалекта в разной степени прослеживаются на фонетическом, морфологическом, лексическом уровнях. При этом важ-

ным фактором стала ситуация функционирования говора, которая могла способствовать ускорению или наоборот замедлению процессов языковой ассимиляции. Однако на основании рассмотренного материала представляется возможным сделать вывод о том, что влияние польского языка также способствовало сохранению ряда отличительных особенностей в области фонетики и морфологии, приведя при этом к серьезным сдвигам в лексической системе говоров. Фонетика и морфология лемковских говоров на Украине были в большей степени подвержены изменениям, вызванным контактами с украинским языком и его говорами после переселения.

Литература

- Бевзенко 1980 – *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.
Латта 1962 – *Латта В. П.* Словацько-українська мовна межа // Діалектологічний бюлетень, вип. IX. Київ, 1962.
Rieger 1981 – *Rieger J.* Wyrazy “łemkowskie” i ich zasięgi // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, t. 20. Warszawa, 1981.
Rieger 1995 – *Rieger J.* Słownictwo i nazewnictwo łemkowskie. Warszawa, 1995.
Stieber 1956 – *Stieber Z.* Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. T. I–VIII. Łódź, 1956–1964.
Stieber 1938 – *Stieber Z.* Sposoby powstawania słowiańskich gwar przejściowych. Kraków, 1938.
Stieber 1982 – *Stieber Z.* Dialekt Łemków. Fonetyka i fonologia. Wrocław, 1982.

Summary

The Lemko dialect in contact with other Slavonic language

The article describes the main tendencies in the development of the Lemko dialect in Poland and Ukraine. The forced resettlement of the Lemkos in 1945–47 and their further existence in new ethnic and linguistic surroundings caused changes in the system of their dialect at all levels: phonetics, morphology and most of all vocabulary. The situation in which the speakers of the dialect continue to use their ‘language’ (living in compact / non-compact groups, residing in a village / a town) also plays an important role in the preservation of its fundamental features. The author has tried to show and compare the common and differing tendencies in the development of the two branches of the Lemko dialect – the one spoken in Poland and the one spoken in Ukraine.

Украинско-польские языковые контакты: уровни и способы манифестации

Термин «языковой контакт», введенный в научный оборот А. Мартине и ставший популярным благодаря У. Вайнрайху (Ванрайх 2000: 22), первоначально охватывал довольно специфический круг явлений и обозначал, как правило, взаимодействие двух (или больше) языковых систем вследствие использования их одним носителем. Важно подчеркнуть, что противопоставлялись свой (родной, первый) – чужой (второй) язык независимо от статуса языковых идиомов, вступающих в контакт (литературный язык, диалект, койне, креольский язык и пр.).

Расширение проблематики контактологических исследований повлекло за собой дальнейшую детализацию их предмета. Особое значение имело здесь разграничение идиолектного и системного уровней контакта. При этом лингвистические последствия контакта на индивидуальном уровне рассматриваются как составная часть системных языковых изменений на уровне коммуникативного сообщества в целом (Sankoff 1998: 659). Было установлено также, что характер языкового контакта и его результаты не в последнюю очередь зависят от того, какие именно страты языка (языков) участвуют в нем и какая именно часть языкового сообщества задействована.

Особый интерес представляет коммуникативная ситуация на периферии национального языкового пространства, где пересекаются несколько этноязыковых ареалов. Это создает специфические зоны «контактной» напряженности, или, в терминологии известного украинского диалектолога Л. Коць-Григорчук, зоны языковой вибрации (Коць-Григорчук 2003: 230), особенно хорошо заметные в диалектном пространстве.

Диалектный язык в свете контактологии

Включение в сферу контактологии диалектного языка как особого предмета исследования предполагает уточнение методики анализа и введение дополнительных пространственных и временных координат.

В свою очередь, с учетом *географической компоненты* принято различать:

1) коммуникативные сообщества, возникшие на периферии некоторого языкового пространства вследствие непосредственной географической близости и пересечения диалектных ареалов разноязычных систем – переходные и смешанные говоры¹. Наложение диалектных ареалов происходит также

¹ О терминологическом разграничении «смешанных» и «переходных» говоров см. (Stieber

внутри национального языкового пространства, однако в случае столкновения разных этноязыковых систем возникает особая напряженность. В частности, на уровне самосознания носителей языка это находит свое выражение в желании языкового (этнического) отграничения из-за невозможности полной идентификации ни с одним из соседствующих языков-этносов. В качестве примера можно вспомнить о лемковской проблеме (Michna 1995) или о самоидентификации «полешуков»;

2) коммуникативные сообщества, возникшие вследствие существования (этно)языкового меньшинства внутри ареала доминирования другого языка – островные говоры. В зависимости от условий контакта и количества носителей говоров последние могут демонстрировать различную степень устойчивости к интерференционным влияниям доминирующей языковой системы.

При выделении названных типов коммуникативных сообществ в условиях контакта учитывается в первую очередь характер их связи с исходным языковым континуумом. Особый случай представляют так называемые периферийные говоры, также совмещающие в себе черты разных языковых систем и находящиеся в удалении от исходного языкового ареала; отсюда – название, закрепившееся, в частности, за одной из разновидностей польского диалектного языка (Ананьева 1994: 103). Периферийные говоры могут находиться как в непосредственной географической близости от основного диалектного массива (польскоязычные ареалы на польско-литовско-белорусском пограничье), так и в изолированном положении (польские говоры Центральной Украины)².

Пример развития юго- и северо-западной разновидностей периферийных польских говоров наглядно демонстрирует связь функционирования языковых систем с общим социокультурным и историческим контекстом. Таким образом, при анализе развития языкового образования, в том числе говора, в условиях языкового контакта, необходимым оказывается также привлечение экстралингвистических методик. Это позволяет, в частности, в большей степени учитывать зависимость направления и интенсивности контакта от того отрезка времени, на протяжении которого осуществляется контакт. В р е м е н н а я к о м п о н е н т а анализа предполагает преимущественное внимание либо к результатам интерференции (не без учета субстратных

1938), о данной проблематике в современной диалектологии см. также (Ананьева 1994: 66).

² О состоянии исследований польских периферийных говоров и их дифференциации см., в частности, (Rieger 2001).

влияний) на синхронном срезе, либо к генезису языковых сдвигов в системах контактирующих языков.

Определенные методологические расхождения при исследовании коммуникативных сообществ в условиях языкового контакта отражают и различия в терминологии. Преобладание географической компоненты при ориентации главным образом на синхронный анализ языковых явлений описывается в категориях широко понимаемого «языкового пограничья». Термин «контактная зона», которому мы склонны отдавать предпочтение, позволяет включать в анализ более разнообразные формы языкового взаимодействия и дает возможность сосредоточиться на проблеме генезиса, типологии и динамики языковых изменений, вызванных контактом. Заметим, что «контактная зона» как таковая не может быть определена исходя исключительно из современных государственных границ и границ исторических, хотя последние и дают определенные ориентиры для установления очертаний контактной зоны.

Правобережная Украина как особая контактная зона

К числу специфических контактных зон, дающих богатый материал для исследования межязыкового взаимодействия на разных уровнях, относятся территории современной Украины, Литвы и Белоруссии, входившие некогда в состав Речи Посполитой (отсюда и название «кресы»). В центре нашего внимания оказались земли Правобережной Украины (точнее – Подолье). Наблюдения основываются на исследовании диалектного материала – современных польских говоров, сохранившихся здесь в реликтовом виде (Остапчук 2002), и соседствующих с ними украинских диалектов, а также исторических текстов XIX в. с этих территорий (Ostapczuk 2000a; Остапчук 2003).

Несовпадение этнического и языкового ареала, а также неоднократное изменение государственных границ на протяжении XVIII–XIX в. и – как следствие – культурных парадигм создали на территории Правобережья специфическую коммуникативную ситуацию. В течение довольно долгого времени в контакт были вовлечены как диалектные системы польского и украинского языков, так и литературные идиомы (польский, русский, а затем и украинский). Для понимания сути языкового, и уже, междиалектного взаимодействия в данном регионе важное значение имеет специфика польской колонизации. По мнению историков, она проходила в виде нескольких волн на протяжении XVII–XVIII в., никогда не носила массового характера и при-

водила к появлению островных польскоязычных ареалов в целом украинскоязычном массиве. Причем если в польских крестьянских деревнях и шляхетских хуторах функционировали польские периферийные говоры, то польские школы (в начале XIX в. только средних школ и лицеев с польским языком обучения на Правобережье насчитывалось около 20) были средством распространения польского литературного языка и поддержания связи с исконным языковым массивом (Ostarczuk 2000b). Сохранение сильного польского культурного влияния всю первую половину XIX в. (вплоть до польского восстания 1830–31 гг., а в ряде случаев и до 1863 г.) закрепляло в языковом сознании высокий коммуникативный статус литературного польского языка. Это было дополнительным фактором, который способствовал отграничению языковых сообществ – украинского и польского – в повседневном общении (известно, что даже в 1930-е гг. число смешанных браков было ничтожно).

Для нас принципиальное значение имеет тот факт, что языковой контакт носил здесь *разноуровневый* характер, поскольку в него были вовлечены как диалектный язык, так и языковые идиомы более высокого уровня. На базовом – диалектном – уровне субъектами взаимодействия выступают польские островные и украинские (подольские, волинские) говоры; их взаимодействие охватило разные уровни языковой системы и носит длительный устойчивый характер (Rieger 2002).

Свидетельством активности языковых контактов, с одной стороны, являются многочисленные полонизмы в украинских говорах на разных уровнях системы. Так, изолекса *кугут* (пол.) – *півень* (укр.) используется как одно из традиционных средств лингвогеографического разграничения западно-подольских и южно-волинских говоров (Ткачук 1982). Как результат опосредованного польского влияния рассматриваются также передвижки ударения в направлении начального слога, зафиксированные в подольских и волинских говорах (Дејла 1968). Аналогично могут трактоваться некоторые морфологические черты юго-западного наречия украинского языка в целом. Среди этих черт наиболее заметные явления – это неполная лексикализация и подвижность частицы *ся*, возможность ее положения в препозиции по отношению к глаголу (Бевзенко 1980: 127–128, 212), а также наличие личных форм прошедшего времени с частицами *ес'*, *ас'* (*былас'*), восходящих к формам перфекта, в целом ряде юго-западных украинских говоров (Матвіяс 1990: 140–141). Впрочем, изменения в украинском диалектном языке, вызванные польским влиянием, не носят системного характера и, как правило, имеют двойственное объяснение. В то же время асимметричность языкового контакта и специфическое островное положение польских говоров на этих

территориях привели к кардинальной трансформации системы этих говоров, включая утрату ими ряда грамматических категорий («мужское лицо»). Именно украинское влияние и создало условия для возникновения особой территориальной разновидности польского диалектного языка – периферийных говоров юго-западного ареала (Rieger 2002).

Вовлечение в контакт языковых идиомов более высокого уровня, т.е. литературных языков, изменило характер контакта и привело к весьма важным последствиям в коммуникативном сообществе в целом. В XIX в. на Правобережной Украине субъектами контакта первоначально были польский и русский литературный языки, при этом взаимодействие осуществлялось в основном в сфере официальной (преимущественно письменной) коммуникации. Такой характер контактирования помогает понять, почему влияние русского языка на польский на первом этапе ограничивалось главным образом лексическими заимствованиями из сферы административного управления и общественной жизни (Karaś 1996). Кстати, польские островные говоры до сих пор сохраняют тенденцию к своеобразному распределению иноязычных влияний: русизмы концентрируются в сфере лексики, в то время как украинизмы, кроме лексической системы, фиксируются также на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса.

Польско-украинское взаимодействие на уровне литературных языков носило принципиально иной характер. Польский литературный язык, употреблявшийся на территории Правобережной Украины по крайней мере до середины XIX в., а в ряде случаев вплоть до 1930-х гг., активно взаимодействовал с диалектной стихией, впитал в себя элементы местных «кресовых» говоров, а также целый ряд украинских диалектизмов на разных уровнях системы, включая структурно значимые фонетику и морфологию. Об этом свидетельствует, в частности, анализ языка писателей-выходцев с «кресов» (начиная с М. Рея, С. Ожеховского, включая польских романтиков «украинской» школы, вплоть до Я. Ивашкевича), а также разнообразных польскоязычных текстов с данной территории, в том числе относящихся к началу-середине XIX в. (Ostapczuk 2000a). В свою очередь, украинский литературный язык еще на стадии своего формирования подвергся довольно активному польскому влиянию, что, в частности, способствовало появлению в XIX в. западноукраинского варианта литературного языка (Матвіяс 1998).

Важно отметить, что Правобережная Украина составляет лишь часть довольно обширной украинско-польской контактной зоны, которая включает как языковое пограничье в узком значении этого слова, так и территории, где польский язык в той или иной форме (диалектной или литературной)

сосуществовал с украинским в одном коммуникативном пространстве в различные исторические периоды. Таким образом, если языковое пограничье можно считать центром контактной зоны, то ее периферия, как видим, может включать довольно значительные территории. Рассматриваемая же в сугубо языковых (типологических) характеристиках, контактная зона как таковая характеризуется рядом специфических черт, которые выделяют ее на фоне других фрагментов национального языкового пространства.

Языковые последствия контакта

Наиболее существенной характеристикой контактной зоны в целом является изменение интенсивности языковых процессов по сравнению с базовым языковым континуумом. С одной стороны, в такой зоне дольше сохраняются архаизмы, особенно если они поддержаны иноязычным влиянием. С другой стороны, зона языкового контакта может становиться местом зарождения инноваций, в том числе благодаря взаимодействию языковых систем. Повышенный инновационный потенциал контактной зоны реализуется в активном создании гибридных образований, фиксируемых в нашем случае как в польских периферийных говорах, так и в соседствующих с ними украинских диалектах.

Активные украинско-польские языковые контакты обусловили, по мнению историков языка, определенные взаимные изменения в обоих языках на системно-структурном уровне.

Особое место среди результатов польско-украинской интерференции в данной контактной зоне занимают **фонетико-фонологические** сдвиги в системе обоих языков, в том числе в диахронии. Так, влияние украинского языка традиционно считается фактором, способствовавшим устранению из польской фонетической системы специфических «суженных» (*ścieśnionych*) звуков, что знаменовало окончательную утрату различия долгих и кратких гласных (Ткаченко 2004). Источником этой инновации явилась именно польско-украинская контактная зона, поскольку, как предполагают, носители языка из «русских» провинций первыми утратили эту оппозицию в своей речи. Аналогичное объяснение получает устранение из польской фонетической системы *rz* (< *r'*) под влиянием речевой практики и артикуляционной базы носителей польского языка с «кресов» (Ткаченко 2004).

В системе польских периферийных говоров к числу инновационных явлений, возникших под украинским влиянием, относится целый ряд других фонетических черт. Это касается, в частности, нетипичной для исходной

системы реализации звуков в речевом потоке. В первую очередь это так называемое «уканье» – появление характерного звука *o*^u на месте *o* не под ударением (*ro^udżina* в м. *rodżina*, *Boże naro^udzen'e* в м. *Boże narodzen'e*); в некоторых говорах отмечается полный переход *o* в *u* (*rudz'ina*, *dum* в м. *dom*), встречаются также отдельные гиперкорректные формы (*bez škół* в м. *škół*, *kłocić* в м. *klócić*). Нейтрализация оппозиции *o* – *u* в речи носителей говоров является также причиной ошибок в письменных текстах типа: *dóm*, *dyrektóra* в м. *dom*, *dyrektora* с одной стороны и *połodnie*, *nowili*, *wybor* в м. *połódnie*, *mówili*, *wybór* – с другой. Отметим, что аналогичное фонетическое явление распространено во всем юго-западном украинском наречии (Жилко 1955: 93–110; Бевзенко 1980: 215–219).

Другая характерная черта польских говоров на польско-восточнославянском языковом пограничье – параллельное функционирование переднеязычного зубного *t* и губно-губного *w* (*u* неслогового, т. е. *ɰ*) – может рассматриваться двояко: как инновация, возникшая под влиянием украинского языка, или как архаизм, поддержанный украинской фонетикой. Учитывая наличие морфонологических чередований типа: *było* / *byw*, *mus'alam* / *mus'aw* склоняемся к первому объяснению. В то же время многочисленны случаи параллельного употребления звуков в аналогичной морфологической позиции: ср. употребление *t*: *ułany*, *ładne*, *začęło s'e*, *było*, *wyjeχata*, *zrobiły*, *čytał*, *χę'at*, *ptačon*, *jodła*, *młode*, и неслогового *ɰ*: *spodobawo s'e*, *B'aworus'i*, *škuwka*, *interesowaw*, *pščuw*, *piwtora*, *vow*, *skońčuw*. При этом первый звук преобладает в речи носителей говоров, а второй – в региональном варианте польского литературного языка (Ostapczuk 2000b), что также может служить косвенным подтверждением сделанного предположения, поскольку во втором случае степень сопротивляемости иноязычному влиянию выше, чем языковая устойчивость говора.

Следует отметить, что в данной контактной зоне изменениям подвергаются не только фонетико-артикуляционные характеристики звуков, но и их функциональная нагрузка. Крайним случаем языкового взаимодействия этого типа является полное устранение из системы специфических звуков, отсутствующих в языке-доминанте. Тенденция к устранению носовых из фонетической системы известна польской диалектной системе в разных ее частях. Но в польских периферийных говорах она, очевидно, поддержана аналогическим влиянием украинской фонетики. В речи носителей польских говоров на месте носовых широко фиксируются как разнообразные двуфонемные сочетания, так и гласные *e*, *o*: *muwili tako gvaro podolsko*, *na prace samodz'elno*, регулярно – в частице *się*: *zostałam s'e*,

и́сус' s'e – в зависимости от фонетического окружения (то же в текстах). Примером, иллюстрирующим обратную логику этого процесса, может стать расширение сферы употребления определенных звуков на изначально «чужую» языковую территорию, как в случае с **h** фрикативным в польских говорах и текстах из этого региона. Неустойчивость оппозиции **ch // h // g** иллюстрируют примеры смещения названных букв на письме в произведениях писателя XIX в. Тимка Падуры, происходившего с Подолья. С одной стороны, фиксируем *gromada; grudy; Bogdan Chmielnicki*, с другой – *wataha; na porożach Dniepru; przybył do Bohusławia; Mohylów; Wyhowski; hordy katmuckie; w Hadziaczu; Hulanick* (Остапчук 2003). Здесь можно вспомнить также об усилении функциональной нагрузки **g** взрывного в украинских говорах всего западного ареала и в западноукраинском варианте литературного языка.

Весьма показательным в этом контексте является пример реализации в данной контактной зоне специфических польских согласных из ряда мягких среднеязычных. Названные звуки фактически отсутствуют в системе польских периферийных говоров; их последовательно заменяют палатализованные звуки: *s', z', c', dz'* вм. *ś, ź, ć, dź: gens'i, mus'imy, z'em'a, dz'en', osuvis'c'e, dz'ec'i, s'edz'iby, wupen'dz'ic'*. В речи представителей регионального варианта польского литературного языка эти согласные демонстрируют разную степень приближенности к среднеязычной артикуляции, в том числе фиксируются дорсальные *s'', z'', c'': vz''eli do pracy, c''ensko žyc'', dv'e s''ostru, dz''is'', cytac'', pisac'', gdz''es', s''n'adan'e, tatus'', mamus''a*. Типичные ошибки в текстах XIX в. с украинского Правобережья иллюстрируют аналогичное явление, которое находит свое проявление в смещении на письме *ś ~ sz, ź ~ ż*, в частности, в личных именах: *Żmudzi ~ Żmudzi; Konasiewicz ~ Konaszewicz; Wiśniowiecki ~ Wiszniowiecki*. Не вызывает сомнений, что расшатывание оппозиции мягких среднеязычных, шипящих и зубных и в польском диалекте, и в региональной разновидности польского литературного языка происходило не без влияния украинской фонетики. В свою очередь, для целого ряда украинских говоров юго-западного ареала характерно произношение среднеязычных мягких согласных с отчетливым дорсальным призвуком (Бевзенко 1990). По мнению К. Дейны, исследовавшего украинские говоры на Тернопольщине, в украинском диалектном языке эта инновация, будучи следствием языкового контакта, стала одним из проявлений нарушения оппозиции твердости-мягкости в фонологической системе.

Установление направления влияния в зоне контакта

Один из ключевых вопросов, возникающих при анализе региональных явлений, засвидетельствованных в обоих языках и возникших в результате долговременного языкового контакта – вопрос о направлении влияния в каждом из случаев. Так, например, диалектное отверждение палатализованного согласного *r'* в украинских юго-западных говорах исторически связано, в том числе, с возможным польским влиянием (Жилко 1955). В то же время анализ польских и украинских текстов XIX в. из зоны языкового контакта (например, произведений правобережного автора Тимка Падуры) демонстрирует иную логику этого явления. Появление в польских текстах примеров с твердым *r* на месте соответствующего мягкого согласного (*Waragow* вм. *Wariagów*, *Tetera* вм. *Тетеря*) трактуется уже как инновация, возникшая под влиянием украинской диалектной фонетики, поскольку в данном случае решающее значение имеет то, что данное фонетическое явление характерно для севера и юго-запада украинского диалектного массива (Бевзенко 1980: 102) и неизвестно польским периферийным говорам с аналогичной территорией. Этот вывод подтверждает тот факт, что примеры с твердым *r* преобладают именно в украинских, а не в польских текстах этого автора (*bura, zora, mora, zwir, car*).

В отличие от фонетики, **результаты межязыкового взаимодействия в сфере морфологии** проявляются преимущественно в смене частотности и регулярности аналогичных явлений, присутствующих в обоих языках, что совершенно естественно, учитывая структурно-функциональную близость грамматических систем украинского и польского языков. Однако и здесь возможны случаи упрощения элементов и категорий, отсутствующих в грамматической системе языка-доминанты. Яркий пример – устранение одной из наиболее характерных грамматических черт польского языка – категории мужского лица из системы польских периферийных говоров. Это явление широко засвидетельствовано в речи носителей польских говоров как в формах глаголов (*był'i zabudowy* вм. *były, kob'ety proš'il'i* вм. *proš'ily, dz'eci um'eral'i* вм. *um'erały, komary zagryz'I'i* вм. *zagryz'ly*), так и имен (*katol'ik'i* вм. *katolicy, m'ejscove χ'irurgi* вм. *m'ejscov'i χ'irurdy, ładne ulany* вм. *ładn'i ulan'i, tacy patr'ioty* вм. *tacy patr'ioč'i*). С разрушением категории мужского лица в диалектной системе связано появление в речевой практике параллельных форм типа: *same Pol'aky // sam'i Pol'acy*.

Свидетельством трансформации грамматической системы говоров под украинским (шире – восточнославянским влиянием) является также парал-

лельное использование разных по своему происхождению личных форм прошедшего времени глаголов: синтетических (= польских) типа: *pšeżyłem, byłem, zajmował'is'my se, podkres'l'alam, zrob'il'is'my, m'el'is'my, pośukalam*, и аналитических (= украинских) в сочетании с личными местоимениями типа: *my psyjechal'i, ja zobačyla, zbl'adła, my n'e pragnel'i*. Особенно выделяются тут примеры с личным местоимением в постпозиции (*ogłondal'i my, zaχovoval'i my*). При этом даже в речи одного носителя наблюдается вариативность форм (*ja skoncyła / byłam, ja został urodzony / wykladałem*), что свидетельствует о постепенном разрушении диалектной системы в условиях межъязыкового взаимодействия. Показательно, что диалектная система на юго-западе украинского языкового ареала сохраняет синтетические личные формы прошедшего времени типа *булась, робилисьмо*, подтверждая тем самым взаимно равноправный характер контактов в данном случае. Факты, подтверждающие двусторонний характер контактов, находим в истории некоторых других украинских морфологических форм. Как считается, обобщение окончаний *-и-склонения *-ові (-еві)* в дат. пад. ед. ч. существительных муж. рода могло произойти при опосредованной поддержке аналогичного явления в польском словоизменении. Наличие диалектных форм типа *товаришкоу* (вм. *товаришкою*), кратких форм местоимений типа *ню* и под. на юго-западе украинского диалектного континуума также находит свое объяснение с привлечением данных польского языка (Жовтобрюх 1980).

Важно подчеркнуть, что большинство специфических морфологических явлений в контактной зоне имеет двойственное толкование и может рассматриваться либо как результат межъязыкового контакта, либо как реализация собственных потенциалов системы, поддержанных влиянием другого языка. Так, если восточнославянский источник нестяженных форм глаголов и прилагательных очевиден (*uvažaje* вм. *uvaža, maje* вм. *ma; každyj* вм. *každy, kturyj* вм. *kturyj*), то в случае, например, с флексией *-i* в форме множественного числа имен (*s'v'in'i* вм. *s'v'in'e, ks'onški polsk'i* вм. *polsk'e, stroje polsk'i* вм. *polsk'e, na dva kraji* вм. *kraje*) иноязычное влияние – только одно из возможных объяснений. Здесь нужно учитывать также действие внутренней аналогии и фонетические особенности говоров, которым известно явление «иканья». Двояким может быть также объяснение генезиса формы Дат.пад.мн.ч. сущ. типа *ornatam* вм. *ornatom, dż'eč'am* вм. *dż'eč'om* в общепольском языке – как результат влияния украинской словоизменительной системы или как следствие развития собственной тенденции к унификации в сфере именного склонения (Ананьева 1994), о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные примеры употребления таких форм с континуантом долгого *a* в текстах XIX в.

Особое место занимают параллельные формы, присутствующие в обеих языковых системах в зоне контакта. Таким примером межъязыкового взаимодействия может служить функционирование окончания Gen pl **-iv** и **-ów** соответственно в украинской и польской словоизменительных системах. Данная флексия в существительных женского рода известна украинским говорам всего юго-западного ареала, причем исследователи чаще всего отрицают здесь возможное иноязычное влияние (Бевзенко 1960: 84, 103, 220; Жовтобрюх 1980: 131; Матвіяс 1990: 131). В то же время анализ польско- и украиноязычных текстов середины XIX в. (в частности, авторства Т. Падуры) свидетельствует о возможности такого влияния. С одной стороны, отмечается экспансия окончания **-iv** в словах женского рода в украиноязычных текстах: *horīw* вм. *gip*, *hlubynīw* вм. *глибин*, *prygodīw* вм. *пригод*, *chwyliw* вм. *хвиль*, *peluchiw* вм. *пелюх*. С другой стороны, в польскоязычных текстах данная флексия фиксируется как в существительных женского рода: *z więzów*; *modłów*, так и в именах мужского рода мягкого типа склонения: *kniaziów*; *zbawców*; *mscicielów*; *królów*; *Moskalów*; *zbawicielów*; *sobolów*; *bolów*; *bojów*; в том числе с основой на шипящий: *włodarzów*; *rycerzów*; *piesniarzów*; *przybyszów*; *wielmożów*; *towarzyszów*. Экспансия флексии **-ów** в этой морфологической позиции для разных типов склонения отмечена также в современных польских периферийных говорах (Ostapczuk 2000b). Примечательно, что наличие большого количества примеров с **-ów** в текстах “крезовых” авторов уже в XIX в. историками польского языка рассматривается как архаизм, не связанный с региональными факторами (Bajerowa 1992: 77; 2000: 44–48). Нам же представляется, что факт наличия аналогичного явления в двух языковых системах может служить примером поддерживающего взаимного влияния в рамках контактной зоны.

В числе других морфологических явлений, которые зафиксированы в украинских и польских говорах одного региона и допускают двойственное толкование, можно назвать также широко распространенные формы глаголов наст. вр. в 1 л. мн. ч. с флексией **-m** вм. **-my**: *koczujem*, *czatujem*, *nesem*, *szukajem*, *bjem*, *pjem* (параллельно с *nesemo*, *bjemos*') – примеры из литературных текстов правобережных авторов XIX в. Часто встречаются аналогичные формы и в подольских украинских говорах (Бевзенко 1980: 237). Аналогичное явление наблюдается в польских периферийных говорах на Подолье (Rieger 2002).

Определенные особенности наблюдаются также в лексических системах украинского и польского языков в контактной зоне (как в диалектах, так и в региональных вариантах литературных языков). Взаимное

украинско-польское влияние в данной сфере не ограничивается непосредственными заимствованиями, оно приводит к изменению в динамике развития лексического состава. Это проявляется, с одной стороны, в сохранении архаизмов, а с другой – в возникновении новообразований, фиксируемых в современных польских говорах на Украине. Ср., например, гибридные образования типа *wtohdi* при пол. *wtedy*, укр. *тоді* 'тогда'; *pry-bludeń* при пол. *przychodzień*, укр. *приблуда*. Аналогичные примеры словотворчества находим в украинских текстах двуязычных авторов XIX в. Ср. польские кальки у Тимка Падуры: *szczadky* (пол. *szczątki* 'остатки'), *proszlist* (пол. *przeszłość* 'прошлое') *śniuty* (пол. *śnić* 'мечтать'), *zmer* (пол. *zmarł* 'умер'), *zobaczat* (пол. *zobaczyć* 'увидеть'), *stremiń* (пол. *strzemię* 'стремя'), *bereze* (от *берег*, пол. *wybrzeże*). Часто новообразования являются реализацией словообразовательных или лексических потенций на исконной базе, как в случаях: *nebelyczno* (от *небилиця*, пол. *bajecznie*), *berezownia* (ср. *березень*, *березоль* 'март'), *witrok* (от *вітер* 'ветер'), *tumanok* (от *туман* по аналогии с *лісок*).

Выводы

Наблюдения над характером украинско-польского межъязыкового взаимодействия в диалектном пространстве и в системе литературного языка XIX в. позволяют сделать некоторые выводы обобщающего характера. В контактных зонах следствия межъязыковой интерференции на разных уровнях системы проявляются в изменении интенсивности, темпа и динамики развития языковых систем, что выражается с одной стороны в их архаизации, а с другой – в усилении инновационного потенциала систем. Этот факт, а также появление параллельных явлений, которые могут иметь двойное толкование, требует изменения методологических подходов к исследованию феноменов такого рода. Наиболее эффективным представляется в этой ситуации анализ результатов межъязыкового взаимодействия параллельно в обеих контактирующих системах. На диалектном материале этот подход был реализован на практике известным польским диалектологом Феликсом Чижевским (Czyżewski 1994). Богатую почву для такого рода исследований дают украинские и польские говоры юго-западного ареала Украины, а также тексты двуязычных авторов, писавших свои произведения одновременно на польском и украинском языках. Параллельный анализ языковых систем, находящихся в состоянии контакта, будет способствовать лучшему пониманию генезиса и природы интерференционного влияния, как непосредственного, так и опосредованного.

Література

- Ананьева 1994 – *Ананьева Н. Е.* История и диалектология польского языка. Москва, 1994.
- Бевзенко 1960 – *Бевзенко С. П.* Исторична морфологія української мови. Київ, 1960.
- Бевзенко 1980 – *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.
- Ванрайх 2002 – *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000.
- Жилко 1955 – *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.
- Жовтоброх 1980 – *Жовтоброх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинко І. І.* Исторична граматики української мови. Київ, 1980.
- Коць-Григорчук 2003 – *Коць-Григорчук Л.* Зона вібрації на західному мовному пограниччі // Діалектологічні студії 3. Збірник пам'яті Ярослави Закревської. Львів, 2003. С. 230-236.
- Матвіяс 1990 – *Матвіяс І. Г.* Українська мова і її говори. Київ, 1990.
- Матвіяс 1998 – *Матвіяс І.* Варіанти української літературної мови. Київ, 1998.
- Остапчук 2002 – *Остапчук О. А.* К вопросу о взаимодействии восточнославянских и польского языков (на примере польских говоров Центральной Украины) // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвгеография и славянский контекст. М., 2002. С. 88–102.
- Остапчук 2003 – *Остапчук О. А.* Мова “Українок” Тимка Падури: соціолінгвістичний контекст та діалектна база // Діалектологічні студії 3. Збірник пам'яті Ярослави Закревської. Львів, 2003.
- Ткачук 1982 – *Ткачук П. Є.* Взаємодія говіркових систем та явища інтерференції в подільському ареалі (лексичний рівень) // Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами. Тези доповідей. Ужгород, 1982. С. 111–113.
- Ткаченко 2004 – *Ткаченко О. Б.* Українсько-польські мовні контакти // Українська мова. Енциклопедія. Вид. 2, випр. і доп. Київ, 2004. С. 743–744.
- Bajerowa 1986, 1992, 2000 – *Bajerowa I.* Polski język ogólny XIX wieku. Stan i ewolucja // Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, nr. 1295. T. I. Fonetyka. Katowice, 1986; T. II. Fleksja. Katowice, 1992; T. III. Składnia. Katowice, 2000.
- Czyżewski 1994 – *Czyżewski F.* Fonetyka i fonologia gwar polskich i ukraińskich południowo-wschodniego Podlasia. Lublin, 1994.
- Dejna 1968 – *Dejna K.* Z dialektnych przesuniec akcentu w języku ukraińskim // Slavia Occidentalis, 1968. S. 50–53
- Karaś 1996 – *Karaś H.* Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie okresu zaborów. Warszawa, 1996.
- Michna 1995 – *Michna E.* Łemkowie: grupa etniczna czy naród. Kraków, 1995.
- Ostapczuk 2000a – *Ostapczuk O.* Należalosci regionalne w *Dzienniku codziennych wydarzen w Gimnazjum Podolskim z pierwszej polowy XIX wieku* // Studia nad polszczyzna kresowa. Księga ku czci profesora W. Werenicza. T. X. Warszawa, 2001. S. 277–284.
- Ostapczuk 2000b – *Ostapczuk O.* Uwagi o języku inteligencji polskiej w warunkach zanikania polszczyzny // Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim. Warszawa, 2000. S. 161–169.

- Rieger 2001 – *Rieger J.* Język polski poza wschodnimi granicami kraju w XX wieku – rewolucja, ewolucja, perspektywy // *Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju.* Warszawa, 2001. S. 211–219.
- Rieger 2002 – *Rieger J.* Język polski na Ukrainie w XX w. // *Rieger J., Cechosz-Felczyk I., Dziągiew E.* Język polski na Ukrainie w końcu XX wieku. Cz. 1. Stan i status. Cechy charakterystyczne. *Polszczyzna w Lwowskim, Tarnopolskim i na Podolu. Teksty.* Warszawa, 2002. S. 11–51.
- Stieber 1938 – *Stieber Z.* Sposoby powstawania słowiańskich gwar przejściowych // *Prace Komisji Językoznawczej PAU.* Kraków, 1938. № 27.
- Sankoff 1998 – *Sankoff G.* Linguistic Outcomes of Language Contact // *The Handbook of Language Variation and Change.* Blackwell Publishers, 1998.

Summary

Ukrainian-Polish Linguistic Contacts: Levels and Ways of Manifestation

Ukrainian-Polish interaction on the territory of South-Western Ukraine is analyzed. Polish and Ukrainian dialects functioning in the contact zone are inquired into, as well as the text of bilingual authors, who wrote in both languages. Interlinguistic interference manifests itself, on one hand, in archaization of linguistics systems, and, on the other – in growing innovative potential. Parallel analysis of contacting linguistic systems give most adequate picture of genesis and of interfering influence.

Периферийные польские диалекты как результат взаимодействия с восточнославянскими и балтийскими языками

Если в целом в славяноязычном мире существуют свои центральные и периферийные зоны (например, к славянской периферии относятся македонский и кашубский идиомы), то и на границах каждого отдельного славянского языка, где он обычно контактирует (или контактировал) с другим славянским (или неславянским) идиомом, также формируется периферийная зона, нередко имеющая переходный или смешанный характер. К таким областям относятся так называемые «*polskie gwary kresowe*» (периферийные польские говоры), возникшие на границах (польск. *Kresy*) бывшей Речи Посполитой. Излишне очередной раз останавливаться на истории (хотя до конца в деталях все еще не проясненной) формирования данного диалектного массива. Ограничимся следующим замечанием: временные границы образования этого феномена – XIV–XX вв.; раньше формируется юго-восточная разновидность «польщизны кресовой» (особенно интенсивно после Люблинской унии 1569 г.); значительно позднее польский язык проникает в белорусскую и литовскую деревню – массовая полонизация автохтонов, по Г. Турской (Turska 1982), относится ко II половине XIX в., хотя высшие и культурные слои бывшего Великого княжества Литовского говорили на региональной разновидности польского языка на протяжении четырех веков.

Как отметил Вяч. Вс. Иванов в докладе к XIII Международному съезду славистов, «польский язык становится одним из главных сакральных языков Литвы после принятия католической веры. С него выполнен ряд переводов на старолитовский, в котором содержится и много полонизмов. Разговорный польский был одним из языков Вильны и всего великокняжеского двора» (Иванов 2003: 265).

Таким образом, в каждой ареальной разновидности польского языка, как в юго-восточном подтипе, связанном с контактом польского и украинского идиомов, так и в северо-восточной разновидности «польщизны кресовой», впитавшей в себя белорусские и балтийские (в первую очередь литовские) черты, выделяются два лингвосоциальных подтипа: польский язык образованных слоев и польский крестьянский диалект. Феномен «периферийные польские говоры» может проиллюстрировать обе составляющие заявленной темы данного круглого стола («Славянские диалекты в ситуации языкового контакта в прошлом и в настоящем»), поскольку, возникнув вследствие контакта с инославянскими и балтийскими идиомами, функционирует также в условиях

непрекращающегося контакта с теми же или другими языками. Далее подробнее мы остановимся на северо-восточном подтипе крестьянских говоров.

Меняющаяся социолингвистическая ситуация (например, смена государственного языка, основного языка обучения в школе) ведет к изменению характера воздействующего на диалект идиома. Так, до начала 90-х гг. (а последние наши полевые наблюдения в этой зоне относятся к 1992 г.) в польской речи детей на территории Литвы и Белоруссии явно присутствовало влияние русского языка (основного языка обучения и межнационального общения, хотя в Литве, естественно, были и литовские школы, и польские классы). Например, типичный для северо-восточной разновидности альтернант *s'* в парадигме существительных женского рода на *-a* перед флексией *-e* в твердом подтипе склонения (*bl'axa ~ na bl'as'e'llna bl'as'e^a, mīxa ~ o mus'e'llo mus'e^a* и т. п.) – результат контакта при формировании говора с белорусским идиомом – заменялся под влиянием русского языка альтернантом *x'* (*o mīx'i, na bl'ax'i* и т. п.). Это пример прямой интерференции из русского языка и одновременно *конвергенции*, упрощения фрагмента одной из контактирующих систем под воздействием другой, в результате которого для одного означаемого, представленного разными означающими в польском диалекте и русском языке, устанавливается *единое означающее*. Подобные случаи разбирает в своей монографии «Языковые контакты» В. Ю. Розенцвейг. Он, анализируя «речевое общение между двумя языковыми коллективами», исключает из рассмотрения междиалектный контакт и контакт диалекта с наддиалектным языком, но вместе с тем признает, что «междиалектный контакт» может описываться в тех же терминах (Розенцвейг 1972: 3). Этими терминами мы воспользовались в предлагаемой статье.

Обследованные нами еще в 70-х гг. XX в. жители д. Гайде (литовск. *Gaidės*) и близлежащих деревень под Игналиной (Литва), для которых польский язык был родным, все были в той или иной степени полилингвами (билингвами или трехязычными). При этом двуязычие могло быть гомогенно-го характера (польско-русское или польско-белорусское) и гетерогенное (польско-литовское), а трехязычие относилось всегда к смешанному (гомогенно-гетерогенному) типу – польско-русско-литовское. Владение каждым идиомом различалось как пассивное и активное. Под первым имеется в виду способность к перцепции иноязычного текста и декодированию его, а под вторым – перцепция и фонация, т. е. способность не только к декодированию иноязычного текста, но и к кодированию его (Вайнрайх 1972: 31).

Из 77 информантов разных возрастов у 20-ти было выявлено польско-русское двуязычие (у троих пассивное владение русским, у 17-ти – актив-

ное), у 14-ти – польско-белорусское (у 9-ти активное, у пятерых пассивное). Только у одного информанта установлено гетерогенное польско-литовское двуязычие (при пассивном владении литовским), а у остальных 42-х – трехязычие. При этом из числа трехязычных полилингвов у троих было представлено пассивное владение русским и активное литовским, у 16-ти – пассивное владение литовским и активное русским, а у 23-х – активное владение как русским, так и литовским идиомами.

Таким образом, наиболее репрезентативными для обследованного нами региона в 70-х гг. XX в. были следующие типы многоязычия: польско-русское двуязычие с активным владением русским языком (17) и польско-русско-литовское трехязычие с активным знанием русского (16) или русского и литовского языков (23). Полагаем, что воздействие русского языка сейчас не столь мощно, но не исключено, что указанные выше морфологические особенности и другие русицизмы у выросших представителей диалекта сохранились до настоящего времени в их польской речи.

Вследствие активности культуртрегерской политики Польши могло усиливаться влияние польского литературного языка, что для диалектологов, естественно, не относится к позитивным моментам.

Предполагаем, что воздействие государственного языка (литовского) на современные польские говоры в Литве вследствие его большей отдаленности от польского по сравнению с русским, не столь активно, каким было влияние последнего. Особенно в случае *координативного* двуязычия, когда индивид одинаково хорошо владеет двумя языками (родным диалектом и неродной языковой системой) и умело переключается с одного кода на другой в соответствующих коммуникативных ситуациях.

В истории же формирования северо-восточного подтипа периферийного говора (и, возможно, в индивидуальных случаях далеко зашедшего двуязычия), когда автохтоны (литовцы и белорусы) овладевали региональным польским языком, имеющим, по всей видимости, ряд общих черт с северомазовскими говорами, когда формирующееся двуязычие имело *субординативный* характер (т. е. родная система довлела над приобретаемой и являлась источником интерференций во вторичную систему), роль воздействия литовского и белорусского субстратов была велика и число балтизмов, как и рутенизмов, по сравнению с культурной северо-восточной разновидностью «польщизны кресовой» было значительнее. Об ошибках литовцев, овладевающих польским языком, еще в межвоенный период писал Т. Пизло (Pizło 1936/37). Перечень лексических литуанизмов в польских «кресовых» говорах приводится в статье Я. Отрембского (Otrębski 1931). Наконец, вся клас-

сическая работа Г. Турской, посвященная образованию трех компактных ареалов польских говоров в Литве, построена на выделении в этих говорах литовских и белорусских черт (Turska 1982).

Как отмечали исследователи еще в XIX в. (в частности, Я. Гримм), «столкновение двух языков приводит к потере грамматики», к ее упрощению (Розенцвейг 1972: 41). На примере того, какие особенности формировались в польском периферийном диалекте, возникающем вследствие контакта с литовским и белорусским идиомами, можно выявить эту тенденцию к упрощению, конвергенции (однако не абсолютизируя ее). Причем указанная тенденция представлена не только на грамматическом уровне, но и на фонетическом. Так, при отсутствии *y* и *x* в литовском в периферийном польском диалекте они часто заменялись на *i* и *k*. У отдельных представителей старшего поколения, которые говорили, что «*naša ojcy L'itv'iny byl'i*», это явление, имеющее рецессивный характер, отмечалось и в 70-90-е гг. XX в. А в одном случае – во флексии I л. мн. ч. глаголов *am-* и *em-* спряжений – замена *i* закрепились морфологически и формы типа *gadam'i*, *v'em'i*, *um'em'i* относятся к системным особенностям ряда польских периферийных говоров на территории Литвы и Белоруссии.

Пример конвергенции на грамматическом уровне: отсутствие в литовском языке категории среднего рода вызвало появление соответствующей особенности в формирующемся северо-восточном подтипе периферийных польских говоров. Причина здесь не в аканье, как утверждал в свое время К. Нитч, а, как справедливо считала Г. Турская, именно в отсутствии данной категории в языке-субстрате. Определенным доказательством тому служат следующие факты:

1) употребление с существительными с ударным конечным *-o* адъективных форм женского рода (*ta škło*, *ta dno*, *v'el'k'a dno* и даже *ta škła*);

2) замена при проведенном нами эксперименте существительных *dno*, *škło* местоимением ж. р. *ona*.

Однако данное упрощение, в свою очередь, вызвало и усложнение, приводя к возникновению вариантов изофункциональных форм в парадигме. При им. ед. *ta dno* – в род. ед. функционируют формы *tej dny* и *tego dna*, в предл. ед. – *na tej dn'e* и *na tym dn'e*, в им. ед. *ta ram'a* и *ten ram'en'* (литер. *ramię*) и т. п. При этом преобладание флексий по женскому или мужскому роду нередко лексически характеризуемо (присуще определенным лексемам) и идиолектно обусловлено. Мы называем это смешанным (контаминационным) типом склонения, в отличие от Л. И. Масленниковой, которая полагала, что категория среднего рода присутствует в этих говорах. Подробнее

различные смешанные деklinационные типы субстантивов для польского говора д. Гайде были выделены нами в статье (Ананьева 1978).

К безусловному упрощению системы относится также отсутствие в обоих территориальных подтипах периферийного польского диалекта категории мужского лица (*te sons'ady pšyšl'i*).

Разновидностью упрощения является замена синтетических форм аналитическими. Такого рода явление представлено в прошедшем времени глагола, где под воздействием восточнославянских языков общепольским (литературным) формам с личными окончаниями соответствуют формы с местоимением: литер. *poszliśmy, poszłam* и т. д. соответствуют диал. *ty pošet / pošet*.

Сюда же относится неизменяемость частицы сослагательного наклонения. Ср. вторичное отражение подобных диалектных явлений в художественной литературе, описывающей жизнь на «Кресах». Например, у Т. Конвицкого в повести «Бохинь» («*Bohiń*») носитель местного говора кучер Константы говорит: *Ja by poszedł, ja popadł...* и т. д. К явлениям конвергентного характера относятся также употребление только форм 3 л. ед. ч. настоящего времени глагола *być (jest)* при отсутствии формы 3 мн. *są* и функционирование только полных местоименных форм лично-указательного местоимения и личных местоимений *ja* и *ty: jemu, tobie, jego, mnie*, а не *mi, ci, mi, go*. Та же тенденция нашла вторичное отражение, например, в произведениях А. Мицкевича виленско-ковенского периода: высокая частотность полных форм и «сверхправильное» употребление краткой формы *go* в функции притяжательного местоимения. Иначе говоря, А. Мицкевич не знал, где следует употреблять форму *go* (как, впрочем, и обучающиеся польскому языку русскоязычные студенты, у которых на начальном этапе овладения польским языком употребление формы *go* вместо притяжательной формы *jego* типичная, т. е. высокочастотная ошибка). Пример из баллады А. Мицкевича «Тукай» («*Tukaj*»): *A z jednej go strony końska*. Ср. отражение преимущественного употребления полных форм в повести Т. Конвицкого «Бохинь», где служанка Эмилька говорит: «*Mówi, że panienka zna jego*».

Кальками с соответствующих литовских форм считают В. Чекмонас и Э. Адомавичюте характерное для северо-восточных периферийных польских говоров функционирование причастий на *-szy, -wszy* в роли определения состояния говорящего (*ja zż'ec'in'afšy*), претеритального действия (*ona dawnu umaršy, ona dawnu vyjexafšy*) и др. (Адомавичюте, Чекман 1991). Ср. у Т. Конвицкого в повести «Бохинь»: «*Matka Boska Ostrobramska. Zdurniawszycy co?*».

Однако в ряде случаев контакт польской и иноязычной (литовской, белорусской) систем приводил не к упрощению (конвергенции), а к *усложнению, поливариантности языковых форм*. Если в уже упомянутых нами примерах смешанных типов склонения (*škło, tężczyzna, organisty / organista*) изофункциональные падежные флексии (по мужскому и женскому роду или по субстантивному и адъективному словоизменительным типам) генетически восходят к одной и той же системе (польской), то в других случаях источником этой *многовариантности* являются разные системы. Например, в парадигме существительных женского рода на *-a* в дат. п. ед. ч. наряду с флексией *-e* (элиминируем здесь и ниже ее фонетические варианты), отмечается (реже) окончание, завершающееся спирантом *j* (*-aj, -ej*): *krovaj* и т. п. Первая флексия – генетически польская, а с финальным *j* – восходит к литовскому субстрату.

В предложном падеже ед. ч. тех же существительных наряду с флексией *-e* (польский источник) отмечается (чаще после *r*) окончание *-y* (*v nory, ob yory*) – белорусизм. В творительном падеже ед. ч. этого же класса субстантивов наряду с флексией *-o* (в типичном северо-восточном периферийном диалекте нет носовых фонем) представлены также флексии, оканчивающиеся на *j* (*-oj, -aj* и т. п.): *krovaj* и т. п. Последние являются рутенизмами. Ср. также возможность употребления после предлога *o / ob* как предложного, так и винительного падежа. Чаще вин. п. фиксируется с вариантом *ob*: *gadať ob G'ed'uná, ap ščuru* – в диалекте представлена лексема женского рода *ščura*, которой в литературном польском соответствует существительное мужского рода *szczur*; *op kur* – в части микросистем во множественном числе, как в восточнославянских языках, представлена категория одушевленности-неодушевленности, которая находит выражение в употреблении для одушевленных существительных в функции винительного родительного.

В ряде случаев языковая форма, совпадающая с формой контактировавшего с польским идиома (это касается восточнославянских языков), на самом деле является периферийным архаизмом. Тем не менее, сохранению такого архаизма благоприятствовало наличие аналога или близкой формы в восточнославянских языках. Вероятно, таково происхождение презентной флексии 1 л. мн. ч. *-m* глаголов *e-* и *i-* спряжений – *iż'em, nos'im, kos'im* и т. п. Ср. то же у А. Мицкевича, язык которого является ценным источником для исследователя «виленского» диалекта: *walczym, legniem, polecim, tworzym, idziem, obierzem* и мн. др. формы 1 л. мн. ч. наст.-буд. времени. У Т. Конвицкого в «Бохини» уже упоминавшийся нами кучер Константы постоянно употребляет эти формы: *będziem, pośpiejem, podziękujęm, pojedziem*. Представлены в анализируемых говорах и периферийные архаизмы, не со-

относящиеся с формами языков-контакторов, например, лексикализованное окончание вин. п. ед. ч. *-o* репрезентировано одной лексемой *mša* (литер. *msza*): *ida na mšo* (= *idę na mszę*). Наличие флексии *-o* в вин. п. ед. ч. этого слова – следствие прежней долготы носового в вин. п. ед. ч., обусловленной, в свою очередь, былой долготой гласного *a* в им. ед. (т. е. гласный *o* здесь из $q \leq q$:). Аналогичный архаизм в литературном польском языке представлен в лексеме *pani* (вин. ед. *panią*).

К подобным периферийным архаизмам относятся также, например, формы именительного падежа мн. ч. *kot'i*, *Pol'acy*, которые не выражают ни категории мужского лица, ни одушевленности, а являются архаическими формами *ǰ*-основ, сохранившимися со времен недоформировавшейся категории так называемого «мужеско-анимального» рода (польск. *rodzaj męskozwierzęcy*).

Под влиянием белорусского языка установились формы с суффиксом *-inia* (*-ynia*) для номинации «высоты», «ширины», «длины» и т. п.: *šyžyn'a*, *vyžyn'a*, *džužyn'a*, *v'el'čyn'a*.

Так, у А. Мицкевича нами обнаружено 4 варианта для названия «глубины»: *głąb*, *głębia*, *głębina* и диал. *głębina*, причем в балладах, связанных с локальным белорусско-литовским колоритом преимущественно употребляется последний вариант («*Świtez*», «*Świtezianka*», «*To lubię*»).

Поливариантность характерна и для лексики периферийных польских говоров, что обусловлено нередким сосуществованием в одной микросистеме диалектного и наддиалектного вариантов, особенно если мы имеем дело с информантом, обучавшимся в польской школе. Ср. *žyv'ota* // *bydło* «домашняя скотина», *šeška*, *šašók* // *txuš* «хорек», *v'itka* // *gateż* литер. *gałąź* «ветвь». Пример из Т. Конвицкого: *Zerwał witkę* («*Bohiń*»).

Но есть такие слои лексики, которые соотносятся только с местными реалиями и для которых невозможно явление вариантности. Это: уходящая в прошлое микротопонимия – литуанизмы (например, названия лугов и полей: *Dob'el'in'a*, *Ažús'in'a*, *Režákal'n'a*, *P'in'ig'in'a*, *D'egutyn'a*, *L'ımarka*, *Łanka*, *Dyrvan* – от последнего образовано название деревни *Dyrvańk'i* и др.), белорусизмы (ср. *garetka* – подробнее о микротопонимии данного региона см. (Ananiewa 1993)); названия местных растений, зарослей, рельефа (например, *rojsty*, ср. название произведения Т. Конвицкого «*Rojsty*», *l'una*); названия специфических блюд (*k'inž'úk*, *ragojša*, *raug'en'a* и др.); названия хозяйственных построек (например, *odryna* «сарай» – балтизм, известный еще «Повести временных лет»). Такого рода лексемы широко используются как средства передачи местного колорита писателями-«кресовцами». Ср. у Т. Конвицкого: *kurz wolno opadał na dyrwan placu; Suszył ukradkiem w odrynie* («*Bohiń*»).

В конце хотелось бы заметить, что, по всей видимости, плодотворным является изучение периферийных польских говоров на данной территории как части ареального образования, куда входят белорусский язык, литовский (возможно, вымерший ятвяжский), некоторые северо-западные русские говоры, т. е. с точки зрения языкового союза, компоненты которого имеют ряд общих ареально обусловленных признаков.

Литература

- Адомавичюте, Чекман 1991 – *Адомавичюте И.-Э., Чекман В.* Образование и морфологический статус форм на *-f(szy)* в «польщизне кресовой» // *Studia nad polszczyzną kresową* T. VI. Wrocław, 1991. S. 85–94.
- Ананьева 1978 – *Ананьева Н. Е.* Деклинационные типы субстантивов в одном периферийном польском говоре // *Славянская филология. Сб. статей. Вып. X. М., 1978. С. 53–72.*
- Иванов 2003 – *Иванов Вяч. Вс.* Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 258–288.*
- Розенцвейг 1972 – *Розенцвейг В. Ю.* Языковые контакты. Лингвистическая проблематика Л., 1972.
- Вайнрайх 1972 – *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // *Новое в лингвистике, вып. VI. М., 1972. С. 31.*
- Ananiewa 1993 – *Ananiewa N.* Mikrotoponimia w gwarach polskich pogranicza słowiańsko-bałtyckiego // *Systemy onomastyczne w słowiańskich gwarach mieszanych i przejściowych. Księga referatów Międzynarodowej Sławistycznej Konferencji Naukowej w Lublinie 20–23 listopada 1991 roku. UMCS, Wydział Humanistyczny. Rozprawy Sławistyczne 5. Lublin, 1993. S. 39–47.*
- Otrębski 1931 – *Otrębski J.* Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie // *Język Polski 1931, R. XVI (3). S. 79–85.*
- Pizło 1936/37 – *Pizło T.* Błędy językowe polskie młodzieży litewskiej // *Poradnik Językowy, zes. 1. 1936/37. S. 12–18.*
- Turska 1982 – *Turska H.* O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie // *Studia nad polszczyzną kresową. T. 1. Wrocław, 1982. S. 19–121.*

Summary

Peripheral Polish dialects as a result an interaction with East-Slavonic and Baltic languages

The article is devoted to peculiarities of the North-Eastern subtype of peripheral Polish dialects which appeared as a result of the historical contact with Baltic (Lithuanian) and East-Slavonic (Byelorussian and Russian) languages. Particularly such results of the above-mentioned contact as the simplification (convergence) in these dialects on the grammatical level and the creation of favourable conditions for keeping of a number of peripheral archaisms like the inflexion *-m* in the 1st person plural in Present Simple of the verbs corresponding to the verbs of the I and II conjugation used in literary Polish and some other features have been noted.

О диалектной ситуации в зоне украинско-белорусского пограничья

Диалектная ситуация, характеризующая зоны междиалектных и межъязыковых контактов, всегда вызывала большой интерес у диалектологов и историков языка. На восточнославянской территории выделяется несколько таких зон. К исследованию одной из них, являющейся древнейшей на восточнославянском диалектном пространстве (это так называемое украинско-белорусское пограничье) на протяжении последнего столетия обращались многие известные, в основном украинские и белорусские, лингвисты (например, К. П. Михальчук, П. А. Бузук, В. Ганцов, Ф. Т. Жилко, Т. С. Янкова, Г. Ю. Шевелев, Т. В. Назарова, П. М. Лизанец, Г. П. Пивторак, Н. В. Никончук, Е. Ф. Карский, Ю. Ф. Мацкевич, Н. Т. Войтович, Н. И. Толстой и др.).

В подавляющем большинстве работ вопросы, связанные с украинско-белорусскими контактами, решались, преимущественно, на фонетическом материале, а главную задачу исследователи видели прежде всего в разграничении украинского и белорусского языков путем определения языковой границы между ними; см., например, (Жилко 1958: 86).

Целью настоящей статьи является описание некоторых аспектов диалектной ситуации в зоне украинско-белорусского пограничья по опубликованным материалам.

Между основными территориями, занятыми украинским и белорусским языками, располагается достаточно широкая полоса говоров, которым свойственны как украинские, так и белорусские черты. Эта полоса (или зона) действия междиалектных/межъязыковых контактов определяется путем проведения изоглосс на территории Беларуси и Украины следующим образом. На севере зоны (т. е. в Беларуси) релевантными считаются изоглоссы тех явно украинских явлений, которые продвинуты с украинской территории на север в наибольшей степени и относятся, в основном, к периферийным для украинского языка явлениям. На юге зоны (т.е. в Украине), соответственно, рассматриваются изоглоссы тех явно белорусских явлений, которые занимают наиболее южное положение и относятся к периферийным для белорусского языка явлениям. Именно территория, ограниченная этими двумя горизонтальными пучками изоглосс, считается зоной белорусско-украинского пограничья, «зоной взаимопроникновения украинско-белорусских изоглосс» (Назарова 1972: 230).

Северная часть данной полосы, локализующаяся на территории Беларуси, занимает пространство к югу от условной линии: Каменец – Пружаны –

Ясельда – нижнее течение Припяти – южная часть Гомельской области – и до государственной границы (это так называемые крайние юго-западные и южные белорусские говоры). Южная часть указанной полосы расположена в Украине. Она занимает территорию к югу от государственной границы до условной линии: Владимир-Волынский – к северу от Луцка – Ровно – Новгород-Волынский – Киев – Остёр – правобережье Десны и Сейма – далее от междуречья Днепра, Десны, Снова и Сейма к северу (здесь расположены украинские западнополесские и среднесполесские говоры, а также северо-западная часть восточнополесских говоров). Высказывается мнение (в частности, Ю. Шевелевым), что уже в IX в. на этой территории существовал один из древних диалектных типов правосточнославянского (или общевосточнославянского) языка, а именно – киевско-полесский тип. См. в (Шевелов 2002: 53, 272, 980): «две основные диалектные группы украинского языка – киевско-полесская и галицко-подольская – начали формироваться еще в доисторическое время»; позднее диалектное образование, которое «мы условно называем киевско-полесским наречием, ... распалось: его *северная часть вступила в процесс формирования белорусского языка, а южная – украинского*» (курсив мой. – Т. П.).

В настоящее время попытки определения *современной* принадлежности говоров, входящих в данную полосу, либо украинскому, либо белорусскому языкам, неоднократно предпринимались украинскими и белорусскими лингвистами. Так, украинские диалектологи склоняются к мнению о том, что на территории Беларуси современные юго-западные брестские говоры (к юго-западу от Ясельды) и говоры, расположенные к югу и юго-востоку от Дрогичина и Пинска, – это в основе своей западно- и среднесполесские говоры *украинского* языка, что и отражено на картах (АУМ 2). Данную традиционную точку зрения о том, что говоры белорусского Полесья можно квалифицировать или как говоры украинского языка, или как переходные украинско-белорусские, разделяет и А. А. Кривицкий (Кривицкий 1983: 50). Следует, однако, отметить, что современное состояние этих говоров свидетельствует о том, что они постепенно утрачивают свои местные (северноукраинские) черты под воздействием наступающих на них с севера белорусских говоров и сильного влияния белорусского литературного языка и отдаляются от украинского языка (Гапанович, Мацкевич 1959: 94).

На территории Украины зону северноукраинских говоров в междуречье Припяти и Десны и в бассейне Днепра, имеющих многие белорусские черты, белорусские и украинские диалектологи рассматривают обычно в качестве продолжения ареала *белорусских* говоров. Как известно, данная территория –

в направлении с севера вдоль Днепра – была издавна открыта для белорусского влияния, а в период XVI–XVII вв. подверглась достаточно мощной белорусской экспансии (Шевельов 2002: 241, 338). Однако специальные исследования данного белорусского клина позволяют доказать наличие в нем первоначальной северноукраинской диалектной архаической основы, которая в дальнейшем стала, по сути дела, общей основой как для южнобелорусских, так и для северноукраинских говоров (см. Назарова 1964; 1965; 1972; 1985).

Вопрос о современной языковой/диалектной принадлежности указанных северноукраинских и южнобелорусских говоров является очень сложным из-за причудливого вариативного употребления многих фонетических, морфологических, синтаксических и лексических черт, которые, с одной стороны, имеют явно белорусское или украинское происхождение, а с другой – не обнаруживают аналогии ни в украинских, ни в белорусских говорах. Ср. сохранение отдельных архаизмов и наличие различного рода гиперизмов и контаминированных форм, встречающихся только в говорах данного украинско-белорусского пограничья (Жилко 1964; Жылко 1972; Назарова 1964; 1965; 1968; 1972; 1975; 1985; Шевельов 2002; Гапанович, Мацкевич 1959; Мацкевич и др. 1964; Нарысы 1964; Босак, Клімчук 2003; Говірки 1996 и др.). Необходимо при этом отметить, что в указанных работах анализируется, в основном, фонетический и реже морфологический материал, поэтому и выводы современных авторов основаны, прежде всего, на данных фонетики и морфологии.

В перечисленных работах фиксируются многие архаические явления, характеризующие современные говоры украинско-белорусского пограничья. Некоторые диалектологи на основании этих сведений допускают предположение о сохранившихся до наших дней отдельных следах (подтверждаемых, в основном, результатами лингвогеографического исследования диалектного материала) племен, населявших киевско-полесскую диалектную зону. Считается, что центр данной этно-языковой области принадлежал древлянам и северянам, а периферия – дулебам, дреговичам и полянам (Шевельов 2002: 271); см. также (Жилко 1964: 30–31; Жилко 1990: 21–22). При этом подчеркивается, что северная часть области – от доисторических времен и на протяжении всей истории – наиболее стабильно сохраняла свою основную территорию. Стабильностью характеризовалось и население этих мест. А в связи с тем, что земли, на которых размещались древляне, в наименьшей степени были охвачены людскими миграционными потоками, возможно, диалектные черты древлян и оставили какие-то следы в современных говорах. См. об этом (Шевельов 2002: 52, 271), а также указанные выше работы

Ф. Т. Жилко и Т. В. Назаровой, в которых рассматривается языковая ситуация в говорах украинско-белорусского пограничья.

О том, что некоторые территории демонстрируют «непрекращающуюся языковую традицию с тех пор, как сюда пришли первые носители славянской речи», пишет В. Б. Крысько, основываясь на заключении Я. И. Бьёрнфлатена (Крысько 1998: 88). Речь в данной работе идет о Псковской земле, но с равным правом такое мнение можно отнести и к ситуации украинско-белорусского пограничья. Ср. «северноукраинские диалекты (имеется в виду киевско-полесское наречие – *Т. П.*) сохранили на протяжении тысячелетней общей (с галицко-подольским наречием – *Т. П.*) истории не только собственные архаические черты, но и особенности в процессах развития» (Шевельов 2002: 961). Ф. Т. Жилко, касаясь вопроса о наличии следов племенных диалектов в зоне украинско-белорусского пограничья, полагал, что южная граница полесских говоров, обозначенная густым пучком изоглосс многих архаических, прежде всего, фонетических явлений (ср., например, рефлексy *ĕ, *ę, замены *e и *o в новых закрытых слогах, а также сравнительно древние по своему происхождению некоторые морфологические явления), – это «проявление наличия в прошлом своеобразного барьера в языковых контактах между древлянами и полянами... Безусловно, эта племенная граница до некоторой степени сдвинута, но она убедительно подтверждается лингвистическим картографированием. Как известно, на территории современной правобережной Киевщины никаких барьеров, кроме племенной границы между полянами и древлянами, не было. Пучок изоглосс разных языковых уровней на данной территории именно и свидетельствует о существовании этой племенной границы. Причем изоглоссы ареалов отдельных диалектных элементов относятся ко времени утраты носовых в восточнославянских языках» (Жылко 1972: 148). Он также отмечал, что «указанный...пучок изоглосс, совпадая с частью границ условной территории расселения некоторых восточнославянских племен, реконструированной по археологическим и летописным данным, по-видимому, на правобережье Днепра возник на основе южной границы диалекта древлян, отделяющей его от других диалектов – предков украинского языка (дулебов, полян)» (Жилко 1964: 30–31). О том, что «основные изоглоссы доисторического и староукраинского периодов располагаются между северно- и южноукраинской зонами», т. е. «киевско-полеской» и «галицко-подольской», писал и Ю. Шевелев (Шевельов 2002: 979).

Поэтому при анализе современной языковой (диалектной) ситуации в говорах украинско-белорусского пограничья необходимо учитывать, что эта территория вполне определенно соотносится с территорией расселения древ-

лян (между Горынью и Днестром) и дреговичей (среднее течение Припяти), что может служить доказательством длительности существования данного диалектного образования.

Ю. В. Кухаренко (Кухаренко 1968), обобщивший результаты археологических исследований Полесья, приводит большой материал, доказывающий архаичность этой территории, заселенной уже в период мезолита и особенно неолита (о чем свидетельствуют раскопки древних стоянок, например, у дер. Юревичи). Начиная с середины неолитического периода и вплоть до средневековья – до эпохи Киевской Руси, Полесье делилось на две культурно-исторические области: западную и восточную; граница между этими областями шла по Ясельде до впадения ее в Припять, по Припяти до впадения в нее Горыни и по Горыни. О появлении славян в Полесье также свидетельствуют раскопки, открывшие, что первые достоверно славянские памятники вообще (это памятники пражского типа) появились на всей территории Полесья к югу от Ясельды и Припяти во второй половине VI в. н. э. Эти памятники вместе с подобными памятниками соседних с Полесьем районов Волыни указывают на восточную окраину территории, занятой славянами в VI–VIII вв. н. э. Вероятнее всего сначала эти памятники принадлежали только дулебам, но позднее они распадаются уже на две группы: западную – дулебскую и восточную – древлянскую. Территорию к северу от Припяти в V–VIII вв. н. э. продолжали занимать балты. В X–XIII вв. н. э. к западу от Ясельды и Горыни на месте проживания дулебов появились волыняне (с этого времени какие-либо сведения о дулебах уже отсутствуют). В восточных районах Полесья, за Горынью, к югу от Припяти, на своих старых местах продолжали жить древляне. С X в. н. э. в районах к северу от Припяти, занятых до этого балтами, появились памятники славянских племен дреговичей, пришедших из земли древлян не ранее VIII в. н. э.

Таким образом, археологическая граница в X–XIII вв. н. э. между древлянами и волынянами проходила, примерно, по Горыни и совпадала с границей между современными западнополесскими, т. е. собственно волынскими, и среднеполесскими говорами украинского языка. На севере граница расселения древлян проходила по Припяти, обходя с юга небольшую территорию в районе Мозыря, и полностью совпадая с современной языковой украинско-белорусской границей. В западной части Полесья дреговичей отделяла от волынян граница, идущая по Ясельде. К началу II тысячелетия н. э. Полесье стало полностью славянским, т. е. моноэтничным, но не единым по своим языковым и этнографическим особенностям. В это же время исчезло и резкое деление Полесья на две сформировавшиеся еще в глубокой древности исто-

рико-культурные области – западную и восточную, что свидетельствует о том, что указанное деление было обусловлено, скорее всего, только различием в этнической принадлежности прежних обитателей этих областей (Кухаренко 1968: 30–45). См. приведенную в конце данной статьи карту № 1, перепечатанную из работы Ю. В. Кухаренко, которая показывает расселение славянских племен в Полесье в X–XIII вв. н. э.; см. также карту «Старажытныя ўсходне-славянскія плямёны на тэрыторыі Беларусі (сярэдня IX – сярэдня XI ст.» в (ДАБМ).

Наиболее густые пучки изоглосс различных явлений, пересекающие всю территорию украинско-белорусского пограничья и соответствующие установленным археологами границам (фактически, совпадающие с ними), разделяют современное украинское Полесье на три основные диалектные зоны: западнополескую, среднеполескую и восточнополескую, а современное белорусское Полесье – на две диалектные зоны: западнополескую, или брестско-пинскую, и мозырскую (см. карту № 2 в конце статьи).

В последние годы идея восстановления (или подтверждения наличия определенных следов) племенных диалектных границ с помощью данных современной лингвогеографии восточнославянских языков в сочетании с достижениями археологии становится все более популярной (ср., например, работы С. Л. Николаева и его последователей). Однако фактическое отсутствие разработанной методики исследований такого рода существенно ослабляет убедительность как приводимых аргументов, так и сделанных на их основании выводов. Поэтому в настоящее время мы пока еще «вынуждены либо гадать о реальном соотношении древнерусских диалектных систем – что едва ли плодотворно, либо экстраполировать на ситуацию тысячелетней давности современное диалектное членение – что методологически неверно...» (Крысько 1998: 89).

Сложность нахождения в современных говорах следов племенных диалектов и тем более племенной диалектной дифференциации, отраженной в современном диалектном членении языкового континуума, несомненна. Р. И. Аванесов в этой связи писал – эпоха первобытного родоплеменного строя «характеризовалась многочисленными, но весьма близкими друг другу племенными диалектами, вероятно, не образующими больших, цельных в территориальном отношении компактных групп... О племенных диалектах восточных славян эпохи первобытнообщинного строя и их территориальном распределении мы мало что можем сказать, так как они не только затемнены последующими процессами, но, можно сказать, почти полностью перекрыты ими и не оставили после себя достаточно осязуемых следов» (Аванесов 1947: 124, 129).

В то же время важно подчеркнуть, что в комплексном исследовании этнолингвистических проблем, учитывающем достижения лингвистики, истории, этнографии и археологии, неизбежно возникает понимание необходимости в разработке научно обоснованной методики, направленной на интерпретацию лингвистических и археологических границ.

Обращая специальное внимание на совпадение установленной археологами границы между восточной и западной культурно-историческими областями Полесья (прослеживаемой от древних доисторических времен вплоть до эпохи Киевской Руси и идущей по Ясельде, Припяти и Горыни), которая «иногда почти до деталей совпадает с современной диалектной границей, с линией, где проходят основные фонетические и морфологические изоглоссы», Н. И. Толстой справедливо пишет: «И хотя многие лингвисты и археологи требуют чрезвычайно осторожного отношения к случаям совпадения современных (и даже исторических) диалектных изоглосс и границ археологических ареалов, предостерегая представителей обеих наук от поспешных выводов на основании таких совпадений, призывая к тщательной проверке материала и независимой от данных другой науки стратификации явлений, подобные совпадения не могут быть игнорированы и остаются научным фактом, требующим своего объяснения, а не скептического отношения» (Толстой 1968: 8).

Весьма содержательный и очень полезный обзор работ украинских диалектологов и историков украинского языка, посвященных этногенезу украинского языка и происхождению его диалектной дифференциации, затрагивающих также и историю возникновения украинско-белорусской диалектной зоны, см. в (Німчук 1994).

Следует отметить, что в наибольшей степени многовековое взаимодействие между украинскими и белорусскими диалектами проявилось в зоне правобережного Полесья. На этой территории, которая простирается от бассейна Припяти и занимает пространство от Днепра (на востоке) и до Горыни (на западе), распространены украинские среднеполесские (или надприпятские) говоры с исходной северноукраинской основой. Западнополесские говоры (или говоры Волынского Полесья) охватывают территорию к западу от Горыни. Они обычно не рассматриваются в составе правобережнополесских говоров, так как характеризуются сочетанием северноукраинских и южноукраинских (в основном, волынских) явлений; взаимодействие же этих говоров с белорусскими диалектами было на протяжении истории минимальным. Также при исследовании украинско-белорусских контактов, как правило, редко обращаются и к материалу восточнополесских говоров, в формирова-

нии которых, наряду с влиянием белорусских, большое значение имело и влияние южнорусских говоров.

Именно поэтому украинские и белорусские диалектологи и историки языка при исследовании проблем, связанных с формированием украинско-белорусского ареала, обращаются прежде всего к изучению говоров украинского правобережного Полесья. В зону активного взаимодействия украинских и белорусских диалектов включаются также юго-западные, южные и крайние юго-восточные белорусские говоры, расположенные южнее Ясельды и относящиеся также к правобережным полесским говорам. Следовательно, под говорами украинско-белорусского пограничья понимаются правобережнополесские украинские и белорусские говоры. Условной северной границей данной зоны контактов может служить изоглосса оканья/аканья: к северу от нее располагаются акающие белорусские говоры, к югу – окаяющие украинские; что касается говоров правобережного Полесья, то аканье характеризует лишь крайние северо-восточные говоры этого ареала (см. карту № 10 в ЛГГБГ 1969) и карту № 3 в конце статьи).

Правобережнополесские говоры характеризуются, как уже указывалось выше, многими *архаическими чертами*, перечисление которых содержится в целом ряде работ. В то же время важной характеристикой данных говоров следует считать и то, что в них, наряду с явными архаизмами, присутствуют и другие черты, возникшие в разные, более поздние, периоды развития украинского и белорусского языков и являющиеся разновременными и разнотипными *новообразованиями*. Эти черты могут совпадать с чертами, свойственными либо большинству белорусских, либо большинству украинских говоров.

Из числа новообразований важное место в говорах украинско-белорусского пограничья занимают и такие явления, которые зафиксированы исключительно только в данных говорах. В этом плане Ф. Т. Жилко и А. Н. Залесский отмечают, например, различную рефлексацию **ę*, **ě*, **a* в ударных и безударных слогах, например, **ę*: *пiят'* – *петá*, *вонi сид'ám'* – *хóдет'*; **ě*: *д'iед* – *дeдóк*, *л'iес* – *лeсóк*; совр. **á* > *e*: *йак* – *йегн'á*, *йáблокo* – *йезiк*. Различна и изначальная судьба гласных **o* и **e* в новых закрытых слогах и **ě* в зависимости от ударения: в этих говорах, с точки зрения их современного состояния, можно говорить о наличии чередования дифтонгов [yo, ye, yi, ie] (или монофтонгов, т. е. напряженных [ǒ] и [Ǒ]), находящихся в ударных слогах, с гласными [o] и [e] – в безударных слогах (Жилко 1983: 53; Залесский 1983: 49).

Но наибольшее внимание исследователей говоров украинско-белорусского пограничья привлекают новообразования, называемые *гиперизмами*. Они

представляют собой одну из разновидностей таких явлений, которые порождены непосредственными и, как правило, длительными междиалектными контактами. Нередко наличие гиперизмов ведет к перестройке диалектных систем.

В диалектологической литературе гиперизмам отведено заметное место. Подробный обзор гиперических явлений, характерных для русских говоров, содержится в (Касаткин 1999: 115–130). Автор выделяет две группы гиперизмов. Первую группу составляют явления, которые возникают в результате «стремления говорящих «исправить» свое произношение и приблизить его к нормам воздействующего диалекта или литературного языка, так как эти нормы воспринимались этими говорящими как более правильные» (Там же: 128). Во вторую группу входят гиперизмы, возникающие «тогда, когда представители диалекта считают более правильным свое произношение, а не то, которое они наблюдают в соседнем диалекте или даже в литературном языке. Стремясь отстоять нормы своего диалекта от воздействия другой системы, ...они могут усилить различия между своим диалектом и воздействующим, заменяя в своем языке исконно совпадающие элементы своей и чужой системы различающимися» (Там же).

В полесских говорах отмечается большое число гиперизмов именно второго типа, и их возникновение Т. В. Назарова объясняет сопротивлением воспринимающей системы. В ее работах справедливо указывается, что при изучении любой формы межъязыкового/междиалектного контактирования, когда, как правило, каждая из контактирующих систем может быть одновременно и воспринимающей, и воспринимаемой, следует различать механизм ареального контакта (т. е. фронтального, или маргинального, и афронтального, или интрарегионального) и его результаты (Назарова 1975: 93, 94).

Все типы существующих фронтальных контактов, условия их возникновения и результаты междиалектной интерференции Т. В. Назарова убедительно иллюстрирует конкретным и тщательно проанализированным полесским диалектным материалом. Под сопротивлением воспринимающей системы она понимает активность данной системы, проявляемой в ее способности сохранять свои элементы, модели, тенденции развития. Именно сопротивление воспринимающей системы и лежит в основе различных реализаций интерференции, которые могут существенным образом влиять на диалектный ландшафт той территории, в рамках которой говоры с разными системами тесно взаимодействуют между собой. Поэтому в зоне контактов так важно изучать в качестве основного объекта возникшие в результате междиалектных контактов интерферентные ареалы, а также те закономерности

сопротивления систем, которые привели к возникновению интерферентных явлений (Там же: 94–95).

Одним из проявлений сопротивления воспринимающей системы в говорах украинско-белорусского пограничья является нейтрализация оппозиций в противоположном (полярном) ее члене. Непременным условием данного взаимодействия является междиалектный контакт микроструктур с оппозицией (например, /o/ ~ /a/) и с нейтрализацией оппозиции (например, /o/ ~ /a/ > [a]), при этом более предпочтительным обычно оказывается принцип нейтрализации (как простейший), а не оппозиции. Важно напомнить здесь слова Р. И. Аванесова: «При встрече окающего и акающего говоров благодаря структурным особенностям оканья и аканья перевес должен оказаться за аканьем, так как принцип аканья, т.е. неразличения в безударных слогах гласных неверхнего подъема проще, принципа оканья, который заключается в различении их (Курсив мой – Т. П.)» (Аванесов 1947: 147). Т. В. Назарова разъясняет, что именно сопротивляемость воспринимающей системы, выражающаяся в полярном изменении направленности нейтрализации и тем самым в синтагматическом сохранении элемента нейтрализуемого в воспринимаемой системе, ведет к возникновению гиперизмов. Также она подчеркивает, что гиперизмы могут возникнуть только в результате давних и длительных междиалектных/межъязыковых контактах и при наличии четко обозначенной зоны этих контактов.

Примером регулярной гиперкоррекции может служить гиперическое оканье, широко известное полесским говорам: оно возникло как проявление сопротивления систем с оканьем (/o/ ~ /a/) в воспринимающей системе воздействию систем с аканьем (/o/ ~ /a/ > [a]: *травá*) в воспринимаемой системе. В результате этого сам принцип аканья (т.е. нейтрализация оппозиции /o/ ~ /a/ в гласном [a] в безударной позиции), безусловно чуждый для воспринимающей системы, тем не менее был ею воспринят, хотя и реализован средствами своей собственной (окающей) системы, сохраняющей в безударной позиции [o] (в результате /o/ ~ /a/ > [o]: *травá*) (Назарова 1975: 101–102).

Данный принцип возникновения гиперизмов в говорах украинско-белорусского пограничья распространен, как уже указывалось выше, достаточно широко и не только в отношении оканья-аканья. Так, в окраинных полесских говорах, т.е. на границе с акающими говорами белорусского языка, а также в западном Полесье отмечена закономерная нейтрализация в безударном положении некоторых фонемных оппозиций. Это: а) /a₁ ~ /o₂ > [a]₁, [a]₂ – аканье; б) /y₁ ~ /o₂ > [y]₁, [y]₂ – уканье; в) /и₁ ~ /е₂ > [и]₁, [и]₂ – иканье. В зонах же активной диалектной интерференции нейтрализация ука-

занных противопоставлений в безударной позиции выглядит по-другому, представляя собой гиперическую (интерферентную) нейтрализацию, а именно: а) /a/₁ ~ /o/₂ > [o]₁, [o]₂; б) /y/₁ ~ /o/₂ > [o]₁, [o]₂; в) /и/₁ ~ /e/₂ > [e]₁, [e]₂, см. (Жилко 1983: 53; Залесский 1983: 49).

На основании изучения этих явлений, характерных для полесских говоров интерферентных ареалов, А. Н. Залесский сформулировал следующую типологическую закономерность: «Типология восточнославянских редутивных фонологических нейтрализаций, обусловленных фонетической редукцией гласных безударных слогов, свидетельствует об элиминации в безударных слогах гласных среднего подъема в пользу гласных крайних подъемов (ср., например, аканье, уканье, сужение *e>u*). В Полесье же наоборот: в безударной позиции обобщаются гласные среднего подъема за счет гласных крайних подъемов, например, *ie/é ~ e > e*, *yo/ó ~ o*, *'a ~ e > e* (имеющиеся случаи, как правило, нерегулярного замещения безударных *a*, *y*, *и* гласными *o*, *e*, несомненно, контактно-гиперического происхождения)» ([Залесский 1983: 49–50]).

Те же гиперизмы (т. е. явления, обратные аканью и уканью, а также нейтрализация противопоставления гласных *ы* и *е* в безударной позиции в гласном неверхнего подъема), возникшие в результате диалектной интерференции между белорусскими и украинскими говорами, отмечают М. И. Лекомцева и С. М. Толстая в говорах белорусского Полесья, например, *снос'ібо*, *долá*, *сáхор*, *плáкот'* (говор с. Конотоп Наровлянского р-на), *томáн*, *кокору́за*, *на соду́*, *крошы́на*, *росáлка* (говоры сел в Наровлянском, Малорытском, Дрогичинском, Столинском р-нах), *вѣмэтэ*, *збѣвэлэ*, *купэ́на*, *сэротá*, *вóзэмо*, *сэджу́*, *у́лэца* (говоры сел Олтуш Малорытского района и Сварынь Дрогичинского р-на) (Лекомцева, Толстая 1968: 51, 52).

Глубокий анализ возникновения разных стадий гиперического оканья, проведен Н. Т. Войтович (Войтович 1964: 114–123) на материале белорусских окраинных окающих говоров (северная часть Березовского и Лунинецкого р-нов и южная часть Ляховичского р-на Брестской обл.) и особенно белорусских окающих говоров на востоке территории распространения оканья, т. е. на стыке оканья и аканья (Житковичский, Петриковский, северо-западная часть Мозырского, южная часть Ельского р-нов Гомельской обл.).

Таким образом, гиперическое оканье возникло на основе архаического оканья, характерного для северноукраинских говоров, в результате наступления на них активно развивающегося белорусского аканья – и только в условиях длительного взаимодействия между украинскими и белорусскими говорами. Однако в настоящее время под влиянием все более и более расши-

ряющегося ареала акающих говоров, системы с оканьем (в том числе и с гиперическим оканьем) постепенно разрушаются. Поэтому на всей границе аканья и оканья (см. ДАБМ: карта и комментарий № 3, а также Войтович 1964: карта № 2) говоры с гиперическим оканьем встречаются не повсеместно.

В то же время в говорах южного клина зоны украинско-белорусского пограничья (нижняя Припять), где контакты были наиболее интенсивными, гиперическое оканье достигает наибольшей регулярности и практически не имеет ограничений (за исключением конечных открытых слогов, представляющих здесь, как считает Т. В. Назарова, частную систему делимитативных средств: *копу́ста, мол'і́на* (Назарова 1975: 102).

В результате в говорах с гиперическим оканьем меняется система безударного вокализма: в ней элиминируется гласный нижнего подъема в пользу среднего. Такая система безударного вокализма с регулярным гиперическим оканьем представляет собой особый тип среди окающих и акающих систем и свидетельствует о формировании в интерферентной зоне специфической третьей системы, принадлежащей к особому диалектному образованию, который Т. В. Назарова называет *переходным говором* (см. об этом ниже). Данные системы третьего типа отмечены в говорах сел: Новошепеличи, Усов, Машево, Красне (северная часть Чернобыльского р-на Киевской обл.), Оревичи, Дроньки (Хойницкий р-н), Конотоп, Тешков, Вяжище (Наровлянский р-н Гомельской обл.) и нек. др. (Назарова 1975: 102). Случаи замены безударного [а] безударным [о] (с разной степенью последовательности их употребления и различной обусловленностью), которые отмечены в пограничных районах между ареалами с аканьем и оканьем на основе окающих говоров, представляют собой вытянутую полосу, идущую от белорусской восточной Брестщины через юго-западные районы Гомельской обл. до Припяти; см. подробнее (Войтович 1964). Крайней юго-восточной частью этой полосы являются нижненадприпятские говоры, где гиперическое оканье носит системный характер.

Однако следует обратить специальное внимание на то, что гиперическое оканье, даже в тех говорах, где оно считается последовательно реализованным, не затронуло, как было отмечено выше, заударного [а] в позиции перед паузой (например, *копу́ста, мол'і́на, робо́та*). Л. Э. Калнынь при изучении различных случаев проявления фонетической программы слова на материале отдельных славянских диалектов пришла к выводу, что коммуникативная нагруженность разных частей слова (например, предупредительной и заударной) неодинакова, и именно это обстоятельство может явиться причиной разного синтагматического поведения одних и тех же звуковых единиц в этих двух

частях слова. Предударная часть (по сравнению с заударной) находится в сфере большего внимания со стороны говорящего. Поэтому любая перестройка фонетической системы в первую очередь начинается со звуковых единиц предударной части: в ней гласные и согласные способны активно развиваться и изменяться, в то время как звуковые единицы, входящие в состав заударной части слова, которая является более инертной, подвержены изменениям в значительно меньшей степени (Калнынь 2001: 56–59).

В полесских говорах с оканьем предударный исконный [a] отреагировал на воздействие наступающих акающих говоров переходом в гиперическое [o]; заударный же [a] остался при этом без изменения. Важно учитывать также и то, что заударный гласный [a] реализует, как правило, флективную морфему и является (и в говорах с гиперическим оканьем) признаком формального словоизменительного аффикса с определенным грамматическим значением (например, в *кору́ста* флексия, выраженная заударным гласным [a], имеет грамматические значения ‘существительное, женский род, И. п., ед. число’). Таким образом причинами сохранения заударного [a] в говорах с гиперическим оканьем можно считать комбинацию его положения в зоне более инертной заударной части слова с выполнением им функции грамматического показателя словоформы.

При обсуждении проблемы гиперизмов хотелось бы прислушаться к мнению П. Е. Гриценко о том, что для придания какому-либо явлению значения гиперизма необходимо провести его тщательное исследование на максимально большом диалектном материале. На конкретном примере изменения **ы* > [y] в условиях соседства с губными в среднеполесских украинских говорах (например, *бук* ‘бык’, *ву* ‘вы’, *муш* ‘мышь’) П. Е. Гриценко доказывает важность обращения не только к диахроническим фактам, но и к данным славянской лингвогеографии. Такой подход позволит проанализировать все зафиксированные в разных славянских диалектах случаи наличия изучаемого явления, а также его синтагматику. Это даст возможность более адекватно квалифицировать данное явление либо как действительно гиперическое (т.е. возникшее в условиях интерференции), либо же – как развившееся закономерно в разных говорах (в том числе и интерферентных), в которых существуют для одинаковой реализации явления аналогичные (например, фонетические) условия (Гриценко 1994: 105–106).

К отличительным особенностям говоров украинско-белорусского пограничья (наряду с *архаизмами* и *новообразованиями* – *гиперизмами*, о чем говорилось выше) относится и наличие чрезвычайно развитой и многообразной *вариативности*, изученной, в основном, на материале фонетики и мор-

фологии. См. работы Ф. Т. Жилко, Т. В. Назаровой, Н. Т. Войтович и других украинских и белорусских диалектологов, а также карты и комментарии в четырех выпусках коллективного труда «Восточнославянские изоглоссы»; большой и чрезвычайно ценный конкретный диалектный материал, иллюстрирующий вариативность в говорах белорусского Полесья, содержится в (ДАБМ, каментарыі).

Как уже было отмечено ранее, вся территория украинского и белорусского Полесья распадается на пять диалектных зон, диалектные границы которых сформировались, возможно, еще в давние времена. В то же время каждую из этих диалектных зон пересекает в разных направлениях множество изоглосс – в большинстве случаев тех явлений, которые относятся к новообразованиям; некоторые из них образуют пучки, выделяющие микроареалы.

Так, на территории украинского правобережного Полесья наиболее часто рассматриваются следующие диалектные микроареалы, очерченные более или менее густыми пучками изоглосс: северский (на крайнем северо-востоке), черниговский (в междуречье Днепра, Десны и Снова), нижненадприпятский (к северу от Чернобыля Киевской обл.) и овруцко-сарненский (западная часть Правобережного Полесья) (Назарова 1972).

В области Брестско-Пинского Полесья выделяются обычно такие диалектные микроареалы, как: гродненско-барановичский (или понеманский), севернобрестский, верхнеясельдский, севернозагородский, среднезагородский и малецкий (Босак, Климчук 2003). Характеризуя брестско-пинскую диалектную зону, А. А. Кривицкий отмечает ярко выраженную пестроту ее диалектного ландшафта и «резкую и глубокую противопоставленность» всем остальным белорусским говорам; мозырская же группа, объединяющая более однородные по структуре говоры, с полным основанием может рассматриваться как составная часть юго-западного белорусского диалекта (наречия) (Кривицкий 1983: 51); см. также карты изоглосс №№ 2–10 в (ЛГГБГ 1969). Данная информация свидетельствует о чрезвычайно дифференцированном и поэтому сложном диалектном ландшафте зоны украинско-белорусского пограничья.

Наряду с локальными явлениями, обусловившими выделение перечисленных выше диалектных микроареалов (описание их см. ниже), зона правобережного Полесья характеризуется и общеполесскими чертами. Отметим некоторые из них.

Кроме гиперического оканья, здесь получили широкое распространение лабиализованные и нелабиализованные дифтонги как рефлексy *o и *e в новых закрытых слогах и рефлексy *ѣ. Так, например, в белорусском Поле-

сье в районе нижней Припяти выделяется один из ареалов с дифтонгами, который соединяется с большим и компактным украинским дифтонгическим ареалом.

Свойственная полесским говорам тенденция к диспалатализации согласных привела к тому, что в зоне украинско-белорусского пограничья вырисовываются достаточно большие ареалы с твердыми губными, [p], твердыми шипящими и [ц] в позиции перед рефлексами *ѣ. Например: *биѣли, ниѣч, виѣтер* (в северной и западной частях Правобережного Полесья); *горѣх, рѣдко* (в большей части данного ареала, распространившегося на юг, до Житомира); *чиѣнок, шиѣст', на ножѣѣ; циѣли, циѣп, у молоциѣ* (ареал с [Šue] и с [Cue] несколько более разрежен вкраплениями с [Š'ue] и с [C'ue] – с полумягкими [Š'], [C']). Указанные явления диспалатализации характерны как для украинского, так и для белорусского Полесья. Архаическое правило твердого произношения переднеязычных согласных перед рефлексами *i, *e и *ъ распространилось в ряде случаев и на позицию перед *ѣ, дав новообразования типа: *диѣд, тиѣн', сиѣно* (к юго-востоку от Сарн Ровенской обл., на юго-западе Олевского р-на Житомирской обл. и в ряде говоров Брестщины). В отдельных ареалах, охвативших почти всю Киевщину, значительную часть северной Житомирщины и отдельные районы Ровенщины, на месте сочетания губных с *ѣ отмечено употребление сочетания с немотивированным (или вставным) спирантом [й] в результате диспалатализации предшествующего согласного: *виѣера, биѣели, ниѣси'а, миѣсеѣ* (и *мн'ѣсеѣ*), а в говорах устья Припяти и нижнего Тетерева – рефлексы *рѣ имеют также немотивированный [й]: *рѣѣчка, рѣѣдко, грѣѣх, на горѣѣ* (Назарова 1968: 83 и след.).

Из полесских диалектных микроареалов наиболее подробно исследована украинская среднеполесская диалектная зона, особенно ее северо-восточная часть с прилегающими белорусскими говорами. Это так называемый *нижне-надприпятский* диалектный микроареал.

Т. В. Назарова, составившая атлас говоров Нижней Припяти (территория южного междуречья Днепра и Припяти и прилегающей части среднего Полесья), затрагивает и вопрос об этно-языковом прошлом этой области: «данная территория – это зона исконных контактов украинского и белорусского диалектов, где сходятся границы нескольких больших диалектных групп. Здесь издавна граничили районы расселения таких племен, как древляне, дреговичи, северяне. Северо-восточная часть Киевского княжества (граница с Черниговским княжеством проходила приблизительно вдоль Днепра, по Правобережью) в XV в. являлась окраиной Киевской земли, которая занимала территорию от Мозыря и Брагина; нижнее Надприпятье было надежно

защищено лесами, отдалено от небезопасной степной и лесостепной зон и веками сохраняло местное население. Это обусловило появление характерных черт в данной зоне междиалектных взаимодействий, сформировало особый переходный украинско-белорусский тип со своими специфическими особенностями, связанными не только с взаимопроникновением, но и с взаимоотталкиванием диалектных черт. Нижнее Надприпяттье – это крайняя южная часть всей полосы украинско-белорусской общности... Важно выделить структурные особенности этих говоров и определить наличие переходных между украинским и белорусским языками говоров» (Назарова 1985: 8–9). В пространство Нижней Припяти входят говоры Чернобыльского р-на Киевской обл. (Украина) и говоры юго-востока Ельского и юга Хойницкого и Брагинского р-нов Гомельской обл. (Беларусь).

В нижненадприпятские говоры белорусские черты проникли в наименьшей степени. Эти говоры представляют большой интерес, так как наряду с сосуществованием украинских и белорусских черт в них отмечены специфические диалектные особенности, которые возникли в результате длительной межъязыковой/междиалектной интерференции и приобрели системный характер.

Нижненадприпятские говоры неоднородны по своей структуре. На основе лингвогеографического изучения этих говоров Т. В. Назарова выявила несколько пучков изоглосс, выделяющих в нижненадприпятском микроареале еще более мелкие диалектные островки. Наиболее значительными являются два пучка изоглосс – северный и южный.

Северный пучок проходит с северо-запада на юго-восток через белорусское Надприпяттье, пересекает Припять в районе с. Синюха Ельского р-на, затем идет к с. Борщовка Хойницкого р-на, через с. Сувиди Брагинского р-на (Гомельская обл.) и далее пересекает Днепр. Этот пучок представляет собой северо-восточную границу распространения целого ряда черт, свойственных:

а) либо украинским и юго-западным белорусским говорам; ср. такие черты, как: сохранение **o*, **e* в конечных безударных открытых слогах – *nól'e*, *л'áдо*; наличие флексии *-a* в И. мн. сущ. ср. р. – *с'óла*, *оз'óra*; последовательное различие рефлексов **o* и **e* в новых закрытых слогах и **ě* в зависимости от ударения (дифтонги – *кyбн'*, *стубл*, *при'í"н'уóс*, *л'і́ес*, *п'і́еч*, *д'і́ед* и монофтонги – *кон'á*, *в'і́нес*, *дeдóк*); зависимость рефлексации **ě* и **e* от ударения и появление в связи с этим так называемого еканья – *п'іат'*, *л'і́ес* : *п'етá*, *л'есóк* и др.);

б) либо только северноукраинским говорам: отсутствие протетического *в* перед ударным [ó] – *óсен'*, сохранение частичной мягкости *p* [p'] перед *і́е*, *é* –

р'ічка, р'ёдко: унификация основ по шипящему варианту в глагольной парадигме наст. вр. глаголов на заднеязычный согласный – *сечу́, бережу́ – сечу́т', бережу́т'* и др.

Южный пучок проходит вблизи государственной границы по условной линии: с. Денисовичи – севернее Чернобыля – с. Староселье (Чернобыльского р-на Киевской обл.), далее пересекает Днепр и поворачивает на север, охватывая говоры Ельского и южной части Брагинского р-нов (Гомельская обл.).

В говорах северной части украинского нижнего Надприпятья отмечено наличие таких общебелорусских или только юго-западных белорусских явлений, как: [е > о] перед твердыми согласными в ударном слоге – *орóл, с'óла*; непоследовательное и позиционно обусловленное изменение [ы > у] после губных – *вуб'іт', вўкопат', му́ло*; мягкость переднеязычных согласных перед [і, е] – *т'іхо, ст'енá*; сочетание [д'в, т'в] – *д'в'єри, бат'віна*; диспалатализация аффрикаты [ц]; формы 1 л.мн. наст. типа *несу́м, будом, кіном* и др. К востоку и к северу от линии Чернобыль – Староселье, в районе устья Припяти, расположены говоры с аканьем, которые представляют собой юго-восточную окраину большого белорусского ареала с аканьем и соседствуют на востоке с акающими черниговскими говорами. Кроме того, на север от первого пучка изоглосс в северо-восточной части левобережного белорусского Надприпятья расположены говоры, характеризующиеся в значительной степени чертами юго-западных белорусских говоров с наличием инноваций, свойственных более северным белорусским говорам.

К югу и западу от второго пучка изоглосс (это говоры южного и юго-западного украинского Надприпятья) сохраняется множество типично северноукраинских (среднепопелескоукраинских) особенностей и отмечаются сравнительно немногие белорусские черты: например, глагольные формы 1 л. ед. наст. типа *ход'у́, нос'у́*; глагольные формы 3 л. ед. и мн. наст. на [т] типа *вуб'іт' хóдит, воні хóдет*; формы инфинитива на [т] типа *копáт* и др. Говоры к югу и западу от Чернобыля, а также ряд говоров белорусского Надприпятья (на юге Ельского и Брагинского р-нов Гомельской обл.), представляют собой северо-восточную окраину среднепопелеских говоров (Назарова 1965: 94–97).

В нижненадприпятском диалектном ареале зона наиболее результативно-го взаимопроникновения украинских и белорусских черт представляет собою достаточно узкую полосу, заключенную между двумя пучками изоглосс. По мнению Т. В. Назаровой, этот факт может служить доказательством древности данной территории, на которой, при стабильности населения, в течение длительного времени происходили активные междиалектные контакты и

взаимодействие архаических черт, свойственных северноукраинской основе, с белорусскими инновациями (Назарова 1972: 237).

Об этих контактах особенно красноречиво свидетельствует наличие отдельных специфических черт, таких, как:

а) сохранение реликтов, например, [e] после шипящих перед твердыми согласными – *пчелá, шчекá*, частичное смягчение шипящих и [р] перед гласными переднего ряда – *ч'íсто, ж'íт', ш'íр'ок'í, говор'íт'*;

б) появление контаминированных форм, типа *д'в'іе рук'іе* из совмещения разнодиалектных сочетаний *д'в'іе руц'іе* и *д'в'іе рук'і*;

в) и, наконец, развитие гиперизмов, например, замена безударного [а] безударным [о] – *тровá*; переход [а] > [е] (ср. *грeн'іца, жeрá, шeр'і*) как реакция на изменение *e > a под влиянием аканья в белорусских говорах с развитием *e > e^a > a после шипящих и [р]: *ракá, шaптáт'*; мягкость губных перед рефлексом *ы в результате взаимодействия белорусских говоров, содержащих противопоставленность губных согласных по твердости–мягкости, и украинских говоров, не имеющих этой оппозиции – *м'іло, в'ін'ім', коб'іла*; изменение [ц'] > [ц'^т] > [т'] – *м'інл'á, м'вет'ок* в результате взаимодействия белорусских говоров с цеканьем и украинских без цеканья. Указанные гиперизмы носят в этих говорах системный характер (Назарова 1965; 1972).

Следует, однако, отметить, что все перечисленные нижненадприпятские черты встречаются в отдельных говорах в разных сочетаниях друг с другом. Наиболее последовательно и в комплексном употреблении они отмечены только в вышеупомянутой довольно узкой полосе, границами которой служат два пучка изоглосс. Данные говоры Т. В. Назарова считает переходными. См. в (Назарова 1985) карты изоглосс №№ 102–106, на которых показано распространение в нижненадприпятских говорах явлений, иллюстрирующих результаты взаимодействия украинских и белорусских диалектов. См. также в (Назарова 1985) карту № 107, показывающую группировку говоров Нижней Припяти (она воспроизведена в настоящей статье – карта № 5).

Черниговский диалектный микроареал расположен к востоку от нижненадприпятского и занимает северо-западную часть Черниговской обл., в междуречье Днестра, Десны и Снова. В говорах этой зоны отмечено довольно большое количество белорусских явлений (например, мягкость согласных перед гласными переднего ряда, дзеканье и цеканье, аканье во флексиях – типа *над хáтайу, д'бáмá*, глагольные формы 1 л. мн. наст. типа *н'ес'ом, в'ед'ом* и др.). Так, на крайнем северо-западе Репкинского р-на и на севере Городнянского р-на Черниговской обл. воздействие белорусских говоров юго-восточ-

ной Гомельщины проявилось особенно ошутимо, в результате чего данные говоры приближаются по своим чертам к периферийным белорусским говорам.

В последнее время наблюдается активизация влияния белорусских говор на украинские черниговские говоры. В результате отмечается наличие множества фонетических и морфологических вариантов в речи молодого и среднего поколения (до 50 лет); в речи старшего поколения по-прежнему преобладают исконные украинские черты. Говоры черниговского диалектного микроареала исследованы недостаточно, хотя имеющиеся сведения об этих говорах свидетельствуют о том, что для всех говоров северо-западной Черниговщины (как и для соседних говоров Лоевского р-на Гомельской обл.) характерны особенности исконной (первичной) украинской полесской основы, на которую позднее наслоились белорусские черты (ср. непоследовательность или отсутствие изменения [e] > [o], непоследовательность таких явлений, как аканье, дзеканье и цеканье и др.).

Наибольший интерес представляют те явления, которые свидетельствуют о длительной междиалектной интерференции и реализованы в специфических чертах, свойственных только данным черниговским (и некоторым другим правобережнополесским) говорам. В этой связи можно отметить: гиперризм [ц'] > [т'] в *m'v'im'é* из *ц'v'im'é* в результате воздействия белорусских говоров с цеканьем на украинские говоры, которым цеканье не было известно; сохранение архаизмов, что выразилось в частичном смягчении шипящих и [р] перед гласными переднего ряда, а также наличие контаминированных форм типа *д'в'іє пук'іє* и др. Эти же явления были отмечены и в нижненадприпятских говорах. Однако различие заключается в том, что в черниговском микроареале они встречаются в меньшем количестве говоров и могут употребляться как варианты наряду с белорусскими формами. И тем не менее, Т. В. Назарова считает, что и в этой диалектной зоне выделяется достаточно компактная группа говоров с такими специфическими чертами, которые могли сформироваться только в результате длительного контакта между украинскими и белорусскими говорами (см. [Назарова 1972: 233–235]).

К овручко-сарненскому диалектному микроареалу относятся говоры северной части Житомирской и Ровенской областей, расположенные между городами Овруч и Сарны (это северо-западные среднеполесские говоры), и говоры соседних южных районов Беларуси. Говоры этой зоны граничат на северо-востоке с белорусскими ареалами, а на юго-западе – с волинскими. В районе Нижней Припяти, севернее Овруча Житомирской обл. и севернее и северо-восточнее Сарн Ровенской обла. украинские говоры подверглись интенсивному белорусскому влиянию. Следует сказать, что овручко-сарнен-

ские говоры исследованы пока еще очень слабо, хотя ряд изученных явлений характеризует их достаточно ярко. На севере Житомирской и Ровенской обл. отмечен довольно разреженный пучок изоглосс юго-западных белорусских явлений. Эти изоглоссы распределены веером по всей территории данного микроареала – с севера на юг; некоторые из них достигают Житомира. Это следующие явления:

а) возвратные частицы *-ca*, *-ce* (саканье), которые характеризуют украинские говоры (от Овруччины до Щары и к югу до Ровно); указанное явление распространено во многих говорах белорусского Полесья и к северу от него (по Уборти, через Припять до Слуцка и на западе по Ясельде);

б) мягкость переднеязычных согласных перед гласным [i] (*m'íxo*, *n'íva*, *ð'ík'i*), которая отмечена в говорах к востоку от Горыни, на севере Ровенской и Житомирской обл.;

в) изменение [e > o], характерное для говоров северной части микроареала и широко известное белорусским говорам;

г) дзеканье и цеканье;

д) указательное местоимение *гэти*, *гэта*, *гэто*;

е) отмечено в этих говорах и гиперическое оканье (*клюдом*, *конáva*), в то время как в соседних районах белорусского Полесья такие случаи встречаются редко и непоследовательно

Целый ряд перечисленных черт может рассматриваться как общее полесское образование. Но в некоторых говорах употребляются редкие явления. Так, в Ровенской обл. зафиксирована реализация дифтонга [yo] на месте *o в закрытом слоге с консонантизацией первого вокального элемента, например: *пвел* 'пол', *свел* 'соль' (с. Сарны Сарненского р-на), *твик* 'ток', *пвізно* 'поздно' (с. Смородок Дубровицкого р-на), *ствол* 'стол', *рвог* 'рог' (с. Речица Гошанского р-на) и др. Указанные говоры находятся на границе дифтонгических и недифтонгических ареалов. Поэтому данное явление может быть обусловлено их взаимодействием. Это привело к сокращению в их системах вокального инвентаря, т. е. к перестройке вокальной системы данных говоров. По своей сути указанное явление представляет собой гиперизм, но вызвано оно взаимодействием не белорусских и украинских диалектов, а северно- и южноукраинских, поэтому его нельзя назвать типично правобережнополесским (Назарова 1968: 75–77). Недостаточность материала, характеризующего говоры ровенско-житомирского Полесья, не дает возможности выявить ядро этого микроареала, свидетельствующее об интенсивной и длительной интерференции между украинскими и белорусскими диалектами (см. Назарова 1972: 237–240).

Северский диалектный микроареал расположен в междуречье Десны, Снова и Сейма, на северо-востоке украинско-белорусского пограничья (Черниговская обл.). Северская группа изоглосс отделяет эту зону от соседних говоров восточной Гомельщины (в Беларуси) и Стародубщины – юго-западной окраины Брянщины (в России). Изоглоссы указанных областей проникли на территорию Украины, очертив северо-восток Семеновского и север Новгород-Северского р-нов Черниговской обл., а также север Середина-Будского р-на Сумской обл. В северских говорах, на правом берегу Десны, отмечены многие черты, характеризующие юго-восточные, центральные и северо-восточные белорусские говоры как, например: цеканье-дзеканье (проявляющееся непоследовательно); местоимения *йон, йена́, йено́, йені́*; наличие протетического [в] перед ударным [о] (*вбсен', вбзеро*); глагольные формы 1 л. ед. наст. типа *леку́, стригу́*; формы Тв. ед. типа *хатай, кр'ін'іцай* и др. Отмечено много явлений, общих с русскими стародубскими говорами. В то же время отсутствуют такие типично правобережнополесские черты, как, например, дифтонгические рефлексy **ѣ* и **о*, **е* в новых закрытых слогах. В качестве проявления давних контактов между украинскими и белорусскими диалектами можно рассматривать мягкость губных перед [і] из **ы* (*в'ісók'і, м'і, в'і*), а также непоследовательность некоторых белорусских инноваций (спорадичность цеканья-дзеканья, переход [е > а]). Таким образом, можно заключить, что на левобережном Полесье влияние белорусских говоров было наиболее интенсивным. Это выразилось в наличии множества белорусских черт в современных северских говорах, хотя данное междиалектное взаимодействие и не привело к возникновению таких интерферентных явлений, как, например, гиперизмы, что характерно для большинства говоров правобережного Полесья (Назарова 1972: 231–233).

В Беларуси зона украинско-белорусского пограничья представлена, в основном, говорами брестско-пинского ареала (это говоры южной, или полесской, группы юго-западного наречия). Их характеризуют такие признаки, как: а) наличие оканья, б) протеза [в] в формах местоимений *вон, вонá, вонó, воны́*, в) [ʼа > е] в формах 3 л. мн. наст. глаголов II спряжения типа *сп'ец', хóдз'ец'* и некоторые др.

На крайнем юго-западе отмечены такие яркие диалектные черты, как, например: а) твердые согласные перед гласными переднего ряда (*идé, хóдыт*), б) [и] на месте **ѣ* (*д'ид, хл'иб*), в) наличие глагольных форм 3 л. ед. и мн. наст. на [т] (*хóдыт – ходéт*) и др.

По своей основе все эти говоры объединяются с северноукраинскими говорами. Однако их современное состояние свидетельствует о том, что под

влиянием соседних с ними северных белорусских говоров и литературного белорусского языка специфические местные особенности, в том числе и общеполесские, разрушаются, в то время как белорусские черты, характеризующие говоры центральных и северных областей, активно распространяются в южном направлении (Гапанович, Мацкевич 1959: 93–94, карты №№ 5, 6).

Белорусские правобережнополесские диалекты, фактически, не исследованы. Характеристика отдельных микроареалов территории верхнего течения Ясельды (это, в основном, говоры Пружанского и отчасти Березовского р-нов Брестской обл.), содержащаяся в (Босак, Климчук 2003), является очень поверхностной. Это следующие микроареалы:

Севернобрестские говоры находятся в западной части Пружанского р-на. Они делятся на окающие (в юго-восточной части ареала) и акающие (северо-западная часть ареала). В них современную основу составляют общеполесские черты.

Верхняясельдский диалектный микроареал расположен в центральной и восточной частях Пружанского р-на, а также в северо-западной и центральных частях Березовского р-на. В говорах этой группы отмечены твердые согласные (кроме [л']) перед [e]: *дэнь, вэрх, нэсу*; перед [i] согласные являются мягкими; **ě* > *ie* и *é* (*сіэно, сэно*); **o* > *yo, ó* в закрытом слоге (*стyoг, стóг*); глагольные формы 3 л. ед и мн. наст. имеют конечный [т] (*вон кóсiт, рóбiт – вонi кóсят, рóбят*).

Малецкий диалектный микроареал занимает юго-западную часть Березовского р-на и характеризуется следующими чертами: **ě* > *ie* и *é* (*ліес, лёс*); **o* > *yo, ó* в закрытом слоге (*стyoг*). К этой же группе относятся и говоры юго-восточной части Пружанского района.

Севернозагородский диалектный микроареал находится в южной части Пружанского р-на, а *среднезагородский* диалектный микроареал – в юго-западной части Пружанского р-на. В говорах этих микрорайонов также отмечены дифтонги и некоторые другие полесские белорусские черты (Босак, Климчук 2003: 109–111).

Диалектные микроареалы зоны украинско-белорусского пограничья, исследованные украинскими и белорусскими диалектологами, показаны на карте № 4 в конце статьи.

Следует еще раз подчеркнуть, что говоры украинско-белорусского пограничья изучены неравномерно. Наиболее полную лингвогеографическую картину представляют собой нижненадприпятские говоры (см. статьи Т. В. Назаровой и ее «Атлас говоров Нижней Припяти»). Другие говоры требуют дальнейшего изучения во всех возможных аспектах.

В последнее десятилетие в рамках лингвогеографического научного проекта «Восточнославянские изоглоссы» (далее – ВСИ) данный ареал показан в целостном виде (что очень важно): он не расчленен на северную (белорусскую) и южную (украинскую) части, которые по отдельности и независимо друг от друга рассмотрены в двух национальных атласах – АУМ и ДАБМ. О некоторых преимуществах региональных и проблемных атласов (к последним относится и ВСИ) по сравнению с национальными см., например, в (Гриценко 1989: 279). Важно, что на картах ВСИ данный ареал украинско-белорусского пограничья включен в единый восточнославянский диалектный континуум, и это обстоятельство позволит, возможно, в дальнейшем более реально оценить его место на восточнославянском пространстве в лингвогеографическом, историческом и содержательном аспектах.

Ниже приводится описание некоторых явлений, связанных с *морфологией глагола* и характеризующих южнобелорусские и северноукраинские говоры. Данные явления были рассмотрены в 4-х выпусках коллективного труда «Восточнославянские изоглоссы».

1. Только ряду говоров украинско-белорусского пограничья (это некоторые среднепопесские украинские говоры и белорусские говоры юго-восточной части Гомельской обл.) свойственна особая морфонологическая характеристика исхода основы глаголов II спряжения на губной согласный типа *любить, спать*. В глаголах с наосновным или подвижным ударением в парадигме настоящего времени ступень чередования, реализованная сочетанием губного с [л'] (т. е. <Pl'>), представлена в одной лишь форме 1 л. ед. наст. (*л'убл'у, ловл'у//лавл'у, кормл'у//кармл'у*), в остальных же формах парадигмы настоящего времени находим чаще всего твердый губной (<P>) – *л'убиш...*, *л'убет'//л'уб'ат'*. В глаголах же с наконечным ударением ступень чередования <Pl'> характеризует наряду с формой 1 л. ед. наст. и форму 3 л. мн. наст.: *спл'у, спл'ат'; шумл'у, шумл'ат', но спиш, шумиш* (см. ВСИ-2 1998: 89).

2. В глаголах этого же типа в отдельных среднепопесских украинских говорах, расположенных в междуречье Случи и Уборти, и в белорусских говорах Каменецкого и Березовского р-нов Брестской обл. находим в формах 1 л. ед. наст. и 3 л. мн. наст. в исходе основы ступень чередования, реализованную губным с йотом (т. е. <Pj>), в остальных формах – представлен губной (чаще всего – твердый): *л'убйу, л'убйат'//л'убйет' ~ л'убиш...* (Там же: 95).

3. В глаголах II спряжения с основой на [м] типа *ломить, кормить* в некоторых украинских западнопопесских (севернее Ковеля и Владимира-Вольнского) и в западной части среднепопесских говоров, а также в белорусских говорах Пружанского, Малоритского и Березовского р-нов Брестской

обл. в формах 1 л. ед. наст. и 3 л. мн. наст. употребляется ступень чередования, реализованная сочетанием [мн']: *ломн'у, лóмн'ат'*; *кормн'у, кóрмн'ат'*; в остальных формах парадигмы настоящего времени представлены согласные [м] или [м'] (реже): *лóмиш, кóрмиш*. Данный тип чередования отмечен также и в немногих юго-западных украинских говорах (мараморошских и гуцульских) (Там же: 96), где он возник, скорее всего, независимо от полесских говоров.

4. В некоторых крайних юго-восточных и юго-западных белорусских говорах (южная часть Брестской и Гомельской обл.) выделяется группа глаголов I и II спряжений с основой на губной типа *дремать, щипать, трепать, клепать, сыпать* (I спряжение) и *кормить, ставить, робить* (II спряжение), имеющих наосновное или подвижное ударение в парадигме настоящего времени, которые не различают тип спряжения в форме 3 л. мн. наст. Если в белорусских говорах, расположенных к северу от Припяти, и в украинских говорах к югу от обозначенной нами условной линии данные глаголы I спряжения имеют в форме 3 л. мн. наст. окончание [ут'//уц'] (*дрáмл'уц', дрéмл'ут'*), а глаголы II спряжения – окончание [ат'//ац'] (*кóрм'ат', кóрм'ац'*), то в указанных крайних южных белорусских говорах эти глаголы выступают как единая целостная глагольная микрогруппа, имеющая одинаковое строение исхода основы (губной согласный): указанные глаголы образуют форму 3 л. мн. наст., независимо от спряжения, либо с флексией [ут'//уц'] – в одних ЧДС (т.е. *дрéмл'ут', кóрмл'ут'*), либо с флексией [ат'//ац'] – в других ЧДС (т.е. *дрéм'ат', кóрм'ат'*) (Попова 2004: 127–128). К сожалению, материал из украинских говоров в том объеме, который позволил бы сделать аналогичные выводы, найти не удалось.

5. Кроме того, данные глаголы в целом ряде южных белорусских и северных украинских говоров унифицировали и свою морфонологическую структуру: в рамках одной ЧДС мы находим в формах 1 л. ед. наст. и 3 л. мн. наст. либо альтернант <Р1> (*дремл'у, дрéмл'ат'*; *кормл'у, кóрмл'ат'*), либо альтернант <Р'> (*дрем'у, дрéм'ат'*; *корм'у, кóрм'ат'*).

6. В некоторых белорусских говорах, образующих довольно значительный ареал (бассейн р. Случь, территория к югу от среднего и нижнего течения Припяти и междуречье Припяти и Днепра), и в украинских говорах Чернобильского р-на Киевской обл. отмечена морфонологическая черта, относящаяся к одному из специфических признаков белорусского языка. Имеется в виду особая морфонологическая характеристика парадигмы настоящего времени глаголов I спряжения с основой на твердые зубные, губные и заднеязычные согласные (типа *идти, жить, печь*). Альтернант, реализованный твер-

дым согласным, характеризует не только формы 1 л. ед. и 3 л. мн. наст., но и форму 1 л. мн. наст.; в остальных формах парадигмы настоящего времени употребляется альтернант, представленный соотносительным мягким согласным (т. е. *иду́, ид'эш//идз'эш, ид'э//идз'э, идбм//идэм, ид'эт'е//идз'эц'е, идут'//иду́ц'*; *жыво́м, п'ако́м* и т. п.) (Назарова 1985: карты №№ 74 и 105; ВСИ-1 1995: 52; Нарысы 1964: 236).

7. Говоры белорусского Полесья (Наровлянский, Лельчицкий, Туровский, Петриковский, Мозырский и некоторые другие р-ны Гомельской обл.), а также украинские среднеполюсские говоры (бассейн р. Уж через г. Коростень до р. Ирши – притока р. Тетерев) образуют ареал, который характеризуется образованием инфинитивных форм от глаголов с основой на гласный с помощью инфинитивного суффикса /t/: *писáт, купíт, ходíт*. Здесь же необходимо отметить и наличие изменения конечного [u'] > [ц] в отдельных белорусских туровских говорах (например, в говоре с. Запесочье Туровского р-на) – ср. формы инфинитива *кос'у́ц, нос'у́ц* (а также формы 3 л. ед. наст. *воз'у́ц, ку́риц*; 3 л. мн. наст. *ва́рац, жну́ц, но́с'ац*). Следует подчеркнуть, что подобные формы инфинитива характерны только для указанных говоров. Единичные и нерегулярные случаи употребления инфинитивов на /t/ от некоторых глаголов встречаются еще лишь в отдельных полтавских и буковинских говорах (ВСИ-3 2000: 124–125, 127), см. также (Дорошко 1983: 54–55).

Перечисленные выше явления, характеризующие морфологию глагола, относятся к явным новообразованиям. Важно при этом подчеркнуть, что они органически включены в диалектные системы указанных выше говоров.

Как показал весь приведенный выше материал, характеризующий диалектную ситуацию в зоне украинско-белорусского пограничья, многие явления имеют общеполесский характер. В то же время в правобережном Полесье образовались и локальные микроареалы, в которых общеполесские тенденции сосуществуют с узко местными (локальными) особенностями. Все это позволяет рассматривать украинско-белорусский ареал в качестве самостоятельной диалектной единицы, поскольку он, во-первых, четко очерчен густыми пучками изоглосс украинских и белорусских явлений, принадлежащих всем говорам данного региона, во-вторых, говоры этой зоны характеризуются целым рядом свойственных только им черт, и, наконец, данный ареал объединяет несколько диалектных микрогрупп, своеобразные системы которых зафиксированы только в границах украинско-белорусского пограничья. Важно также отметить, что в формировании украинско-белорусского ареала существенную роль сыграли длительные междиалектные контакты. Именно поэтому правобережное Полесье, как уже указывалось выше, с полным пра-

вом можно считать территорией древнейшего украинско-белорусского заселения и одним из наиболее стабильных в лингво-этническом плане ареалов. Его изоглоссы отражают, наряду с современными, и очень древние диалектные отношения.

Лингвогеографическое изучение говоров украинского и белорусского Полесья показало, что основной интерес представляют *переходные говоры*, сохранившие архаику северноукраинской (среднеполесской) основы, на которую наслоились белорусские черты в результате последовательного и длительного расширения белорусского влияния в направлении с северо-запада на юго-восток по бассейну Припяти; только тесное и длительное взаимодействие двух диалектных стихий и могло привести к развитию особого диалектного образования, называемого переходным говором.

Как следует из работы Т. В. Назаровой, границей между украинскими и белорусскими языками можно считать *переходные говоры*, которые не только объединили особенности контактирующих диалектных групп, но и, что особенно важно, развили в своих системах в результате многовековой интерференции специфические черты, не свойственные по отдельности контактирующим диалектам (гиперизмы, контаминированные формы, разного рода реликты и т. п.) (Назарова 1965; 1972: 235). Такие говоры она обнаружила в северо-западной черниговской и нижней надприпятской диалектных группах и отчасти в говорах западной зоны среднеполесского ареала. Квалифицировать западно-полесскую (т. е. овруцко-сарненскую) и особенно восточно-полесскую (т. е. северскую) диалектные группы в качестве безусловно переходных говоров Т. В. Назарова не решилась из-за недостатка диалектного материала.

Тот факт, что в большей части правобережного Полесья сформировались *переходные говоры* разных типов, по-видимому, очевиден. Напомним, что разновидность диалектного образования, называемого в лингвистике переходным говором, должна отвечать ряду критериев, а именно:

а) переходный говор может возникнуть лишь в зоне междиалектных/межъязыковых контактов;

б) по составу (инвентарю) своих черт он, фактически, не совпадает ни с одним из контактирующих языков/диалектов;

в) переходный говор предполагает наличие *системы*, которая постоянно находится в процессе изменения и развития; ср.: «Принцип беспорядочного смешения, формируемый как закон развития говоров в условиях междиалектного контактирования, должен быть признан необоснованным» (Пеньковский 1969: 176);

г) переходный говор должен иметь достаточно длительную историю, что на современном этапе развития может подтверждаться наличием архаизмов;

д) «развитие, приводящее к образованию переходных говоров, не есть лишь достояние истории языка, но происходит и в современном состоянии говоров» (Там же: 159); поэтому в переходном говоре неизбежно возникновение новообразований в виде различного рода гиперизмов и контаминированных форм.

Отсюда следует, что переходный говор представляет собой совершенно особое, специфическое по сумме и составу своих признаков, лингвистическое явление. Однако необходимо подчеркнуть, что не все говоры, расположенные в зоне междиалектных контактов, можно назвать переходными. Так, например, контакты архаических говоров с соседними дозаселенными или переселенческими говорами, что, естественно, сопровождается их междиалектным взаимодействием, вряд ли создадут условия для формирования того особого типа говоров, который обозначается термином «переходный» (Назарова 1965: 102–103). Кстати, важно отметить, что использование термина «переходный говор» принимается далеко не всеми диалектологами. См., например, (Орлова 1972), а также работы московских диалектологов, обобщившие опыт лингвогеографического изучения русских говоров и вообще не употребляющие термины «переходный говор» и «смешанный говор». Вместо них по отношению к совмещенным окраинным частям ареалов, присущим наречиям, диалектным зонам и группам говоров в пределах одного языка, применяется, как правило, описательный метод, констатирующий наличие совмещенных черт (Русская диалектология 1964; Образование 1970).

На основании исследований украинских и белорусских диалектологов, а также данных ВСИ можно утверждать, что целый ряд *говоров украинско-белорусского пограничья* обладают *всеми* перечисленными признаками и поэтому их действительно можно считать *переходными говорами*. Они прошли длительный путь развития, который привел к формированию многих микродиалектных ареалов, характеризующихся *самостоятельными* системами, имеющими *специфические* черты. Т. В. Назарова для признания говора переходным придает, как уже указывалось выше, большое значение системному характеру гиперизмов, возникших в результате длительной интерференции. По ее мнению, именно системность данных новообразований в говорах зоны украинско-белорусского пограничья свидетельствует не только об интенсивности белорусского влияния на говоры с первичной северноукраинской основой, но и о сопротивлении этому влиянию данных говоров в процессе заимствования белорусских элементов (Назарова 1965: 103).

Таким образом, переходные полесские говоры характеризуются сохранением явных архаизмов, появлением многочисленных и многообразных новообразований, а также высокой степенью вариативности. Факт наличия особых и одновременных новообразований, свойственных только говорам данного ареала, имеет важное значение, поскольку вполне убедительно свидетельствует о том, что и в историческое время развитие различных фрагментов фонетических и морфологических систем говоров украинско-белорусского пограничья идет по *единым* для них внутренним законам. Данные говоры, следовательно, и сейчас продолжают развивать ту тенденцию к изменениям, которая, возможно, была сформирована (возникла) еще в доисторический (позднепраславянский) период в результате общего происхождения и сосуществования этих говоров. Иными словами, в переходных говорах всегда сохраняется тенденция к движению, изменению и развитию, так как импульсом в их формировании служит столкновение разнодиалектных (разноязыковых) черт в течение всего времени – с момента их возникновения и до последних дней. Следует согласиться с мнением о том, что «системы контактирующих диалектов менее стабильны по сравнению с более “далекими” системами» (Назарова 1975: 94). О важности и значимости новообразований в переходных говорах пишет А. Б. Пеньковский: «Изучение новообразований имеет важное значение для исторической диалектологии и истории языка, так как открывает причинно-следственные связи между явлениями, которые в иных говорах оказываются разобщенными или частично утраченными в процессе развития... Это способствует значительному расширению наших представлений о явлениях конвергенции в историческом развитии говоров, когда различные или сходные, но независимые процессы приводят в разных говорах к возникновению тождественных результатов» (Пеньковский 1969: 180).

Из сказанного следует, что в настоящее время переходные говоры в рамках украинско-белорусского пограничья образуют компактный ареал и представляют собой *отдельное и самостоятельное диалектное образование*.

Необходимо при этом отметить, что вряд ли можно легко решить важную для украинских и белорусских диалектологов проблему о *языковой* принадлежности этих говоров и ответить на вопрос о том, относятся ли они к украинскому или белорусскому языкам, или же к тому и другому языкам в равной степени. Тем более представляется по меньшей мере нецелесообразным пытаться определить границу между украинским и белорусским языками, идущую внутри этого ареала, путем, например, количественного сопоставления украинских и белорусских черт в тех или иных говорах или призна-

вать по каким-либо иным критериям одни говоры украинскими, а другие – белорусскими.

Как указывалось выше, говоры, образующие весь ареал украинско-белорусского пограничья, отличаются ярко выраженной диалектной дифференцированностью. Это обусловило наличие в данном ареале множества диалектных микрогрупп. Вместе с тем все эти говоры характеризуются одной важной, *общей* для них чертой, а именно – способностью образовывать уникальные, в ряде случаев *типологически* схожие, новообразования, не отмеченные в других восточнославянских диалектах. Это обстоятельство свидетельствует о наличии внутренних, свойственных только говорам данного ареала, законов диалектного развития. Следует также подчеркнуть, что в этих говорах фиксируется множество архаических черт.

Данному сравнительно небольшому и вытянутому с запада на восток ареалу свойственны определенные лингвогеографические закономерности: он имеет свое *ядро* – это переходные говоры и *периферию*, говоры которой на севере постепенно утрачивают свои индивидуальные особенности, сливаясь с общим массивом белорусских говоров, а на юге – постепенно включаются в общий массив украинских говоров, демонстрируя тем самым континуальность диалектного пространства. Кроме того, выходя за рамки оценки Полесья только в лингвистическом аспекте, можно с полным правом сказать, что в этой области сформировался особый культурный (в широком смысле этого слова) восточнославянский ареал, одной из ярчайших характеристик которого являются, безусловно, его говоры. В результате «чрезвычайная архаика этой зоны в языковом и этнокультурном отношении дает материал для исследования важнейших для славистики вопросов этногенеза, глоттогенеза и этнокультурной истории славян» (Толстой 1983: 3).

Отсюда напрашивается вывод, что на современном этапе говоры зоны украинско-белорусского пограничья нельзя отнести ни к украинскому, ни к белорусскому *языкам*. Ср. в связи с этим мнение Т. В. Назаровой о переходных говорах: «...было бы неправомерным определять принадлежность этих переходных говоров к какому-либо одному из родственных языков» (Назарова 1965: 103) В то же время, обсуждая проблему украинско-белорусской языковой границы, Т. В. Назарова полагает, что переходные говоры выполняют как бы «барьерную» функцию между украинскими и белорусскими говорами (Назарова 1972: 235, 240), а поэтому они могли бы быть зоной разграничения двух языков, ср.: «эта переходная полоса говоров в Нижнем Надприпятье может служить условным кордоном, разграничивающим говоры украинского и белорусского языков» (Назарова 1965: 103). Данную точку

зрения разделяет и Ф. Т. Жилко (Жылко 1972: 149). В конце статьи под № 5 воспроизводится карта из (Назарова 1985: «Группировка говоров Нижней Припяти» № 107), на которой четко показана полоса переходных говоров в нижненадприпятском ареале.

Однако В. Г. Орловой, изучавшей говоры русско-белорусского пограничья, принадлежит мнение о том, что общие явления двух языков, характеризующие говоры территорий взаимопроникновения этих явлений, «не могут быть использованы при определении границы между этими языками» (Орлова 1961: 13).

Проведение реальной границы между украинскими и белорусскими языками возможно, по-видимому, прежде всего на основе экстралингвистических факторов.

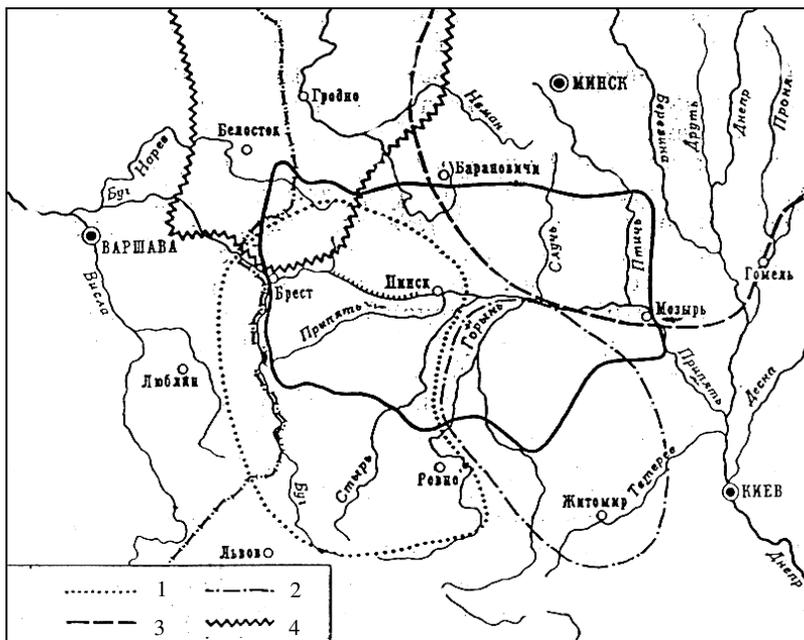
Таким образом, на основании вышеизложенного, представляется целесообразным считать ареал, образованный говорами украинско-белорусского пограничья, *одной из разнообразных единиц диалектного членения* всего восточнославянского диалектного пространства. Для этой единицы определение языковой принадлежности нерелевантно, а существенно в первую очередь то, что данный ареал является органической частью восточнославянского *диалектного* континуума и занимает в пространственном аспекте место между территориями распространения говоров белорусского языка (на севере) и украинского языка (на юге). При этом как ареал говоров украинско-белорусского пограничья, так и отдельные ареалы явно украинских и явно белорусских говоров являются неотъемлемой частью единого восточнославянского диалектного континуума. Это означает, что говоры украинско-белорусского Полесья, рассматриваемые в качестве особой единицы диалектного восточнославянского ландшафта, не представляют замкнутого ареала. Об этом свидетельствуют тесные связи этих говоров с говорами соседних и более отдаленных территорий, что показано на многих картах, содержащихся в четырех выпусках коллективного труда «Восточнославянские изоглоссы».

Здесь уместно напомнить слова С. В. Бромлей о том, что «те элементы языкового ландшафта восточнославянской языковой области, которые не укладываются в рамки современных национальных языков, относятся к наиболее древним. Они несут на себе отпечаток тех исторических эпох племенного и раннефеодального периодов, на протяжении которых шел процесс формирования отдельных восточнославянских языков и их диалектов. Причем процессы языковые и диалектные были настолько тесно взаимосвязаны и близки по времени, что и поныне явления языковые и диалектные с трудом

поддаются разграничению. Из этого следует, что заключенную в восточно-славянском ландшафте историко-лингвистическую информацию надо изучать на диалектном уровне, вне республиканских границ» (Бромлей 2006: 173).

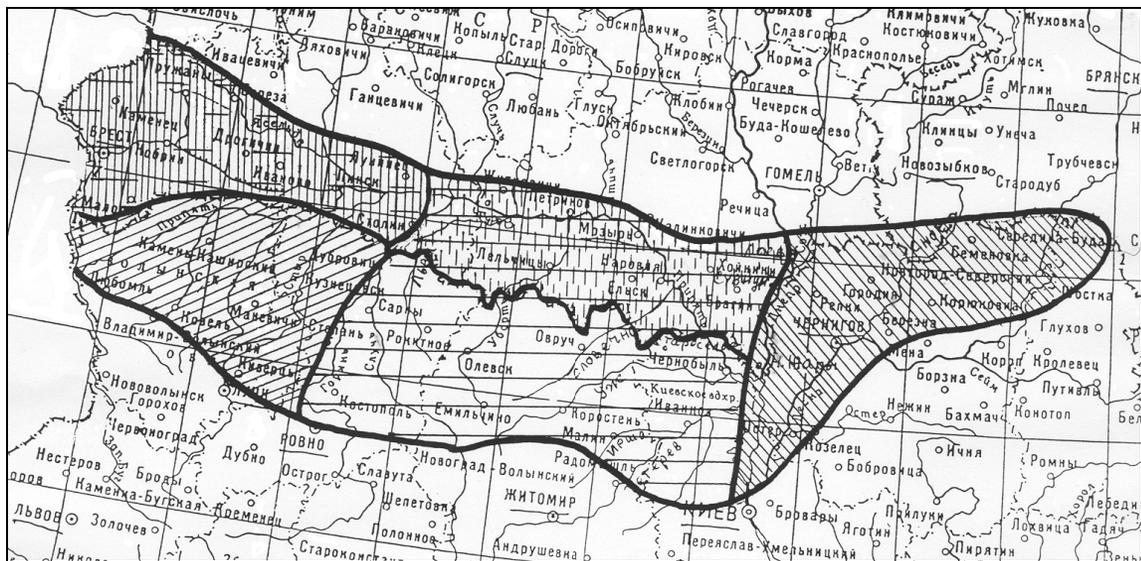
Для более правильного определения границ данного ареала и получения адекватного представления об его лингвогеографическом ландшафте, необходимо составление атласа говоров украинско-белорусского пограничья с предельно густой сеткой населенных пунктов и подробной программой, специально ориентированной на исследование явлений, обусловленных междиалектными контактами. Эта программа должна была бы содержать вопросник по сбору не только фонетического и морфологического, но и акцентологического, синтаксического и лексического материала. При работе над атласом этих говоров можно было бы воспользоваться опытом составления «Лингвистического атласа Нижней Припяти» Т. В. Назаровой (Назарова 1985) и «Лексического атласа Правобережного Полесья» Н. В. Никончука (Никончук 1994).

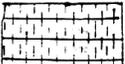
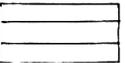
Карты

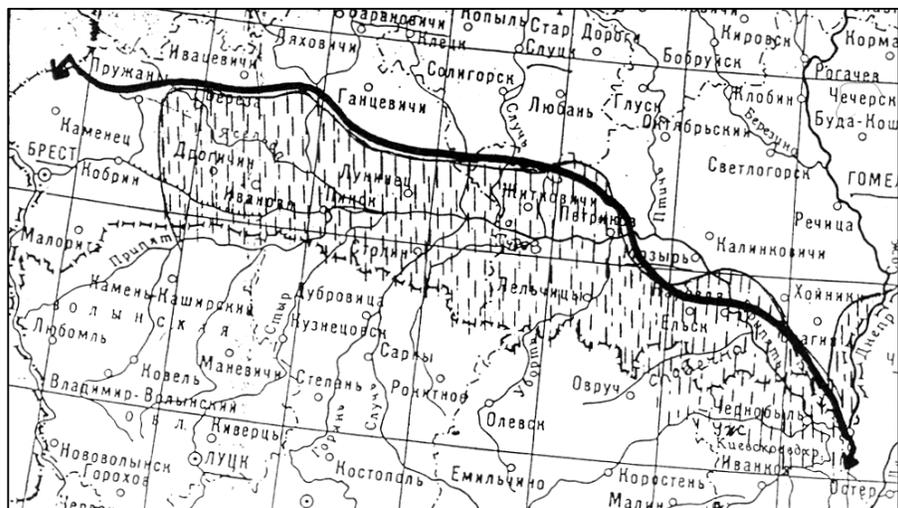
- 1. вольняне
- 2. древляне
- 3. дреговичи
- 4. ятвяги

Карта № 1. Расселение славянских племен в Полесье в X–XIII вв. (Кухаренко 1968: 44).

1		западнополюсская	3		восточнополюсская	5		мозырская
2		среднеполюсская	4		брестско-пинская			

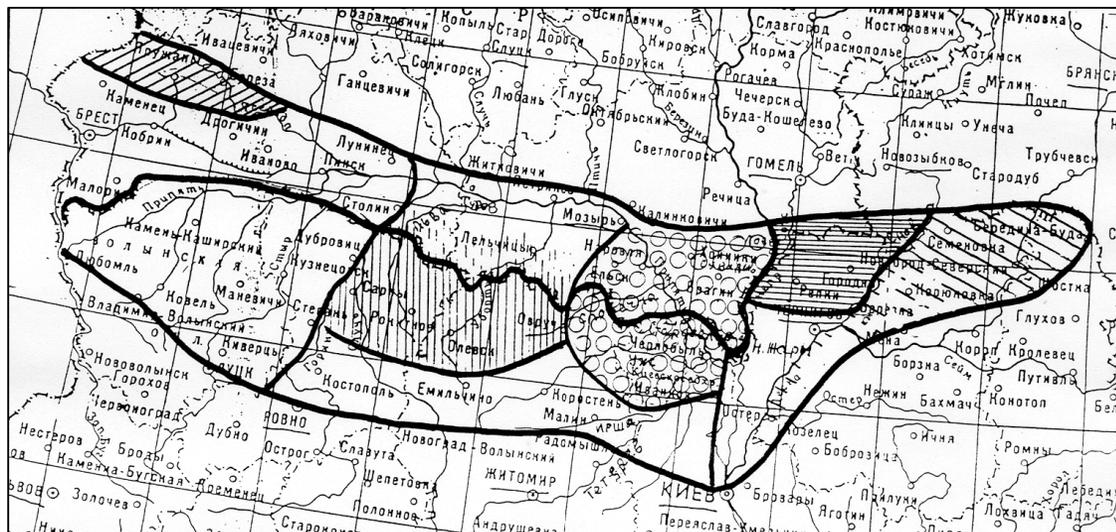
Карта № 2. Основные диалектные зоны современного Полесья (в рамках ареала украинско-белорусского пограничья).

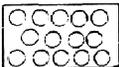

1 оканье

2 безударный [o] на месте безударного [a]

Карта № 3. Изоглоссы северной границы оканья (1-ый предударный слог) и зона распространения безударного [o] на месте безударного [a] на территории Беларуси (Войтович 1964: 115, карта № 2).

1 нижненадприпятский

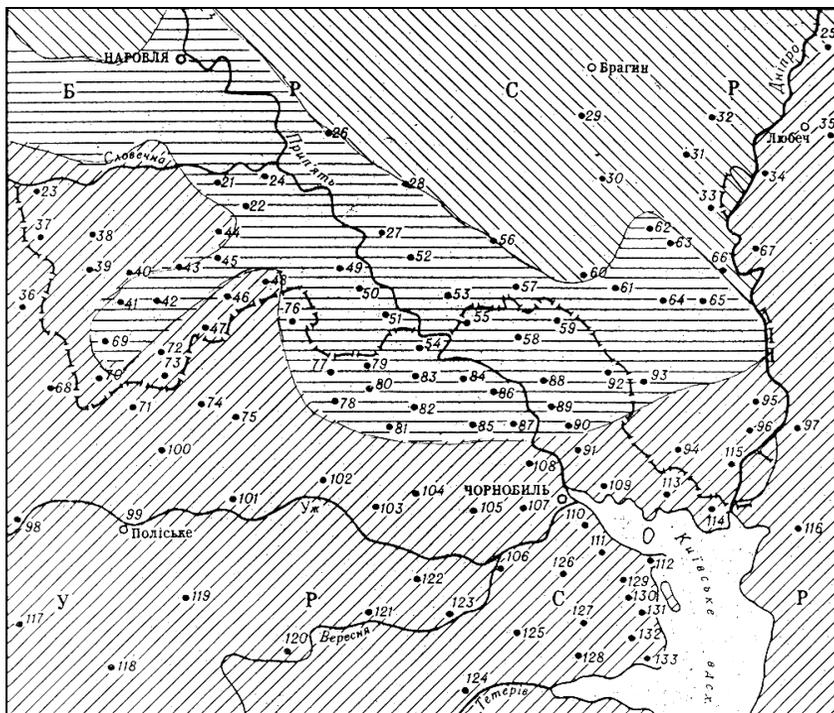
2 черниговский

3 звручко-сарненский

4 северский

5 микроареалы района верхней Ясельды (севернобрестский, верхнеясельдский, малецкий, севернозагородский, среднезагородский)

Карта № 4. Диалектные микроареалы Полесья, описанные в диалектологической литературе.

- 1 украинские говоры
- 2 белорусские говоры
- 3 переходные говоры

Карта № 5. Группировка говоров Нижней Припяти (Назарова 1985: карта № 107).

Литература

- Аванесов 1947 – *Аванесов Р. И.* Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ, № 9, 1947.
- Аванесов 1963 – *Аванесов Р. И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V МСС. Доклады советской делегации. М., 1963.
- Босак, Клімчук 2003 – *Босак А., Клімчук Ф.* Группы говоров верхняга Над'ясельддзя (Брэсцкая вобласць) // Діалектологічні студії. 3. Львів, 2003.
- Бромлей – *Бромлей С. В.* Восточнославянские изогlossы // Восточнославянские изогlossы. Выпуск 4. М., 2006.
- ВСИ 1995 – Восточнославянские изогlossы – 1995. М., 1995.
- ВСИ-2 1998 – Восточнославянские изогlossы. Выпуск 2. М., 1998.
- ВСИ-3 2000 – Восточнославянские изогlossы. Выпуск 3. М., 2000.
- Гапанович, Мацкевич 1959 – *Гапанович П. Н., Мацкевич Ю. Ф.* О классификации белорусских диалектов // ВЯ, № 6, 1959.
- Говірки 1996 – Говірки Чорнобильської зони. Тексти. Київ, 1996.
- Гриценко 1989 – *Гриценко П. Е.* [Рец.]: Т. В. Назарова. Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті. Київ: Наукова думка, 1985 – 136 с. // ОЛІА.МИ – 1985–1987. М., 1989.
- Гриценко 1994 – *Гриценко Павло.* Простір і час у лінгвістичній географії // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994.
- ДАБМ, каментарій – Діялектологічний атлас беларуской мовы. Уступныя артыкулы. Да-ведачныя матэрыялы, каментарій да карт. Мінск, 1963.
- Дорошко 1983 – *Дорошко Н. А.* Диспалатализация $\partial z', \psi' < [\partial', m'] >$ $\partial z, \psi$ в туровских говорах // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983.
- Жилко 1958 – *Жилко Ф. Т.* Деякі питання класифікації говорів української мови в світлі даних лінгвістичної географії // «Филологічний збірник». Київ, 1958.
- Жилко 1964 – *Жилко Ф. Т.* Особливості діалектних груп українського языка // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.
- Жылко 1972 – *Жылко Ф. Т.* Палескія гаворкі українскай мовы // Беларускае і славянскае мовазнаўства. Мінск, 1972.
- Жилко 1983 – *Жилко Ф. Т.* Вокализм полесских говоров украинского языка // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983.
- Жилко 1990 – *Жилко Ф. Т.* Ареальні системи української мови // «Мовознавство», № 4, 1990.
- Залесский 1983 – *Залесский А. Н.* Некоторые спорные вопросы в изучении украинских полесских говоров // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983.
- Калынь 2001 – *Калынь Л. Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.
- Касаткин 1999 – *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Кривицкий 1983 – *Кривицкий А. А.* Полесские говоры Белоруссии и современный белорусский диалектный язык // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983.
- Крысько 1998 – *Крысько В. Б.* Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // ВЯ, № 3, 1998.
- Кухаренко 1968 – *Кухаренко Ю. В.* Полесье и его место в процессе этногенеза славян (по материалам археологических исследований) // Полесье. (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968.
- ЛГТБГ 1969 – Лінгвістычная географія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969.

- Лекомцева, Толстая 1968 – *Лекомцева М. И., Толстая С. М.* Фонологический комментарий к полесским диалектам // Полесье. (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968.
- Мацкевич и др. – *Мацкевич Ю. Ф., Мурашко А. Г., Орешионкова А. В.* Об итогах работы по составлению атласа белорусских народных говоров // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.
- Назарова 1964 – *Назарова Т. В.* Украинско-белорусская языковая граница в районе нижней Припяти // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.
- Назарова 1965 – *Назарова Т. В.* Проблема переходных говоров между украинской и белорусской мовами (Говорки нижней Припяти) // Праці XI респ. діал. наради. Київ, 1965.
- Назарова 1968 – *Назарова Т. В.* Некоторые особенности вокализма украинских правобережно-полесских говоров // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). Наука. М.: Наука, 1968.
- Назарова 1972 – *Назарова Т. В.* Беларускія ізагласы на тэрыторыі Украіны // Беларускае і славянскае мовазнаўства. Мінск, 1972.
- Назарова 1975 – *Назарова Т. В.* Из наблюдений над междиалектными контактами (к понятию сопротивления системы) // ОЛА. МИ – 1973. М., 1975.
- Назарова 1985 – *Назарова Т. В.* Лингвистичний атлас Нижньої Прип'яті. Київ, 1985.
- Нарысы 1964 – *Нарысы па беларускай дыялекталогіі.* Мінск, 1964.
- Образование 1970 – *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров.* М., 1970.
- Никончук 1994 – *Никончук М. В.* Лексичний атлас Правобережного Полісся. Київ, Житомир, 1994.
- Німчук 1994 – *Німчук Василь.* Проблема українського діалектогенезу // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994.
- Орлова 1961 – *Орлова В. Г.* Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Выпуск II. М., 1961.
- Орлова 1972 – *Орлова В. Г.* Еще раз о терминах “смешанные” и “переходные” говоры в истории русской диалектологии // Русское и славянское языкознание. М., 1972.
- Пеньковский 1969 – *Пеньковский А. Б.* К проблеме смешанных и переходных говоров // Ученые записки. Серия «Русский язык». Выпуск 2. Владимир, 1969.
- Попова 2004 – *Попова Т. В.* Безударные флексии в глагольной форме 3 лица множественного числа настоящего времени в современных восточнославянских диалектах // ОЛА. МИ – 2001–2002. М., 2004.
- Русская диалектология 1964 – *Русская диалектология.* М., 1964.
- Толстой 1968 – *Толстой Н. И.* О лингвистическом изучении Полесья // Полесье. (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968.
- Толстой 1983 – *Толстой Н. И.* Полесье и его значение для славянской ареалогии // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983.
- Шевельов 2002 – *Шевельов Ю.* Історична фонологія української мови. Харків, 2002.

Summary

The dialectal situation in the Ukrainian-Belorussian Region

The article deals with Ukrainian-Belorussian Polesye dialectal and their subdivision in this area. The study comes to the conclusion that those dialects belong neither to the Ukrainian nor to the Belorussian language. They are a part of the East Slavonic area.

*И. А. Букринская, О. Е. Кармакова,
А. В. Тер-Аванесова*

Говоры белорусско-русского пограничья¹

1. Задачи работы и материал. Статья основана на материалах, собранных в экспедициях 2003–2006 гг. в Городокский и Полоцкий р-ны Витебской области — говоры северо-востока Белоруссии, а также в Невельский р-н Псковской области. Цель этой работы — методом лингвистической географии выделить особый диалект, объединяющий говоры указанных территорий, и дать описание фонетики, основных фрагментов систем словоизменения, акцентуации и лексики некоторых наиболее типичных для этого диалекта говоров.

Выбор территории обследования осуществлялся на основе анализа карт ДАРЯ, ДАБМ и выпусков атласа «Восточнославянские изоглоссы». Следует заметить, что именно работа над последним показала необходимость и актуальность изучения говоров пограничья: «Особый интерес представляют ареалы так называемых «пограничий» — русско-белорусского, русско-украинского, украинско-белорусского, в которых наблюдается переплетение языковых и диалектных черт, в связи с чем сложившаяся в них лингвистическая ситуация требует специального исследования. И все эти разнообразные ареалы расположены в рамках единого восточнославянского пространства» (Попова 2007). Диалекты русско-белорусского пограничья привлекали внимание многих ученых, которые отмечали континуальный характер этого лингвистического пространства, т. е. отсутствие резкого перехода от одной языковой системы к другой, в отличие от русско-украинского пограничья. При этом статус пограничных говоров, их принадлежность к русскому или белорусскому языку по-разному оценивались лингвистами (Дурново, Соколов, Ушаков 1915; Бузук 1928; Орлова 1961).

¹ В сборе материала, использованного в этой статье, помимо авторов, принимала участие Н.М. Якубова. Материал из д. Смородник обработан М.Н. Толстой. Авторы благодарны М.Н. Толстой за помощь в работе над статьей и за подготовку статьи к печати. Авторы приносят самую искреннюю и глубокую благодарность С. Л. Николаеву, который взял на себя нелегкий труд внимательно прочитать и научно отредактировать статью, его ценные замечания позволили во многом улучшить работу.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 06-04-12408 «База данных Диалектологического атласа русских говоров северо-западных областей России»), Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта») и Программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Русская историческая акцентология на общеславянском фоне»).

Говорам описываемой в настоящей работе территории свойствен ряд признаков, называемых в русской диалектологии «общезападными», — диалектных черт, которые распространены в западнорусских говорах, а также обычно встречаются (по крайней мере в граничащих с последними) белорусских и украинских говорах. К их числу относятся, например, окончания адъективного склонения в формах ном.-асс. sg. f., n. и pl. указательных местоимений: *тáйа, тўйу, тóйе, тыйе, тых; j* в основе местоимения 3 лица: *йна́, йаны́*; деепричастия в функции сказуемого: *Ты ид'ёш как чóрт з вады́ вы́ль'шиши; Так н'ь было́ зарóбиши как с'ьч'ас; Бы́ла научы́вши кр'учко́м в'аза́ц'*; лексема *толока́* в значении 'коллективная помощь в сельской работе'; дериваты от глагола *праць*: *пра́льник, пра́нник, пра́йник* 'орудие для выколачивания белья при стирке' (в изучаемых говорах отмечен *пра́йник*), предлог *з* в соответствии с **iz*: *з Масквы́, з бéлай мукé*, и некоторые другие.

Особый статус русских западных говоров впервые показали (Захарова, Орлова 1970: 83–85), выделив западную диалектную зону. Впоследствии этот факт подтвердила структурно-типологическая классификация русских говоров Н. Н. Пшеничновой, в которой говоры Псковской, Смоленской и Брянской областей выделились уже на первом уровне членения в единый западный диалектный тип, противопоставленный севернорусскому и южнорусскому диалектным типам (Пшеничнова 1996; 2006). Что касается интересующей нас территории, то по диалектному членению русского языка Захаровой — Орловой говоры юга Псковской области (Невельский р-н) и севера Смоленской обл. (Велижский р-н) относятся к юго-западной диалектной зоне и входят в западную группу южного наречия. Однако в соответствии с классификацией Н. Н. Пшеничновой большая часть говоров Невельского и Велижского р-нов выделяется в «однородную совокупность говоров Западно-русского диалектного типа», не относящуюся ни к юго-западному, ни к северо-западному подтипам как основным единицам членения «Западно-русского диалектного типа».

Исследуемые говоры на территории Белоруссии относятся к северной группе говоров (Витебская подгруппа) северо-восточного диалекта белорусского языка (Лінгвістычная геаграфія 1968: карты 72, 74, 75).

1.1. Экспедиции авторов настоящей работы в Белоруссию начались в 2003 г. с поездки в село Меховбе к северу от Городка. В 2004 г. были обследованы говоры сс. Бычыха, Меховое и д. Дрожáки. Их население составляют как местные уроженцы, так и люди, переселившиеся сюда из окрестных деревень в послевоенные годы. В Меховом были изучены говоры выходцев из д. Смóрдник (в 5 км от Мехового) и из северо-восточной части Городок-

ского района, непосредственно граничащей с Псковской областью (с. Хмельник)², были установлены отдельные различия между говорами Хмельника и Мехового – Бычихи. Эти различия были условно охарактеризованы как различия между восточной и западной разновидностями одного говора.

Одновременно была записана речь жителей г. Городка — уроженцев окрестных сел и деревень 1920-х–1950-х гг. рождения, как малообразованных, так и со средним образованием, и кроме того, речь местной интеллигенции (работников общественных учреждений, бывших учителей), которая представляет собой диалектно окрашенный русский литературный язык, имеющий отдельные особенности местной фонетики: фрикативный [γ]; «шепелявые» [с’], [з’] на месте с’, з’; диссимилятивное аканье и яканье белорусского типа, ударный гласный е среднего, а иногда средне-нижнего подъема. Записи крестьянской речи передают местные говоры, при этом выделяются и разного рода переходные формы от диалекта к упомянутой региональной разновидности русского литературного языка.

В 2005 г. был собран материал в с. Межа́ на северо-востоке Городокского р-на (местное название также *М’эжа*; жители Межи полагают, что название их села происходит от латышского *težs* ‘лес’). Там была записана речь выходцев из других деревень и сел северной части Городокского р-на: дд. Рудня, Берёзно, Долгань, Коробь, с. Хмельник, в которых представлен более или менее единый диалект (между говорами этих нас. пп. наблюдаются отдельные лексические различия, например, названия можжевельника: *глухыйо́вка* (Межа, Рудня) : *в’эрес* (Берёзно, Смородник) : *йел’эн’ьц* (Бычиха); названия овина: *р’эйа* (Берёзно) : *йёвн’а* (проч.), *йёвн’а* (Хмельник).

Носители говоров Городокского р-на считают свой язык русским, добавляя, что он не чистый, а «смешанный», так как в нем есть белорусские элементы. Все они признаются, что им гораздо легче воспринимать печатный текст, радио- и телепередачи на русском языке, чем на белорусском³. По

² Одна информантка родом из-под Хмельника рассказывала, что она училась в школе в *В’ал’і́к’р’у́с’иш*, а именно в ближайшем к ее родной деревне селе на территории Усвяцкого р-на Псковской обл.

³ Себя, как и всех жителей Белоруссии независимо от языка, национальности и вероисповедания, они называют белорусами. Католиков из близлежащих сел в Меже называют *латышами* (подчеркивая, что «латыши» говорят на том же диалекте, что и не «латыши»), католиков из Западной Белоруссии — *поляками*. По языку, а также, возможно, по исторической памяти жители Городокского р-на называют себя и соседей другого вероисповедания русскими. Ср.: *Поляки нас спасали* (во время войны помогали выжить переселенцам из восточных областей Белоруссии), *ну што ш, веть и яны, и мы беларусы* (Л. Л. Куренёнок, д. Дрожаки); *Там жы́лі латы́шы. Но йань тўтошны́я руск’и́е, но у н’іх касц’о́в. С’ы́стар’и з’амл’у́ кул’ал’и тут* (В. А. Марач, с. Межа).

замечанию школьных учителей, изучение русского языка дается школьникам гораздо легче, чем белорусского; в частности, местным ученикам незнакома специфическая белорусская лексика. Взрослые, как правило, пассивно владеют большим запасом белорусских слов. Так, все информанты, которых нам довелось опрашивать по вопросникам, без затруднений выделяли среди предлагаемых им слов специфически белорусские и предлагали их «русские» соответствия, а среди последних иногда различали «русские» и «деревенские» (местные) слова.

В том же 2005 г. был обследован говор деревень Зелёнка и Богатырское на северо-востоке Полоцкого р-на, относящийся, как показали материалы, к западному подтипу изучаемого диалекта. Кроме того, нам удалось побывать в селах, находящихся на западной границе Полоцкого р-на. На основе сравнения говоров разных территорий удалось заключить, что по мере продвижения на запад и юго-запад, в Задвинье, отмечается нарастание в народно-разговорной речи белорусских черт, таких, например, как последовательное употребление твердого [р] в соответствии с *p'*, мена заднеязычных и свистящих в конце основы (*рукá*, dat.–loc. *руцэ, нгá*, dat.–loc. *наз'э*), сосуществование [ч'] и [ч] при преобладании [ч], различие флексий dat. и instr. pl. у имен, флексии nom. sg. m. *-ы(й), -и(й)* прилагательных и местоимений (*м'ялады́й, м'ялады́, так'ый, так'ы*, ср. формы *м'яладе́й, так'е́й, друг'е́й* в говорах Городокского р-на), наличие лексем *працува́ць* 'работать', *буды́нак* 'постройка', *гэсп'да́рства* 'хозяйство', *в'ас'э́л'л'е* 'свадьба' и др. (записи сделаны в д. Шпаковщина Полоцкого р-на).

В 2006 г. исследовались говоры нескольких деревень Невельского района Псковской области: Усть-Дольсы (в 22 км на север от Невеля в сторону Пскова), Иванóво (в 7 км на северо-восток от Невеля) и Лобóк (в 18 км на юг от Невеля на границе с Белоруссией). Помимо этого была записана речь местной интеллигенции, которая представляет собой русский литературный язык, регионально окрашенный, где есть фрикативный [γ], элементы диссимилятивного аканья и яканья, при этом в отличие от речи интеллигенции Витебской области здесь отсутствуют шепелявые звуки [с''], [з''] и вообще отмечено меньше диалектной специфики.

Характеризуя невеликие говоры в целом, можно утверждать: они относятся к тому же диалекту, что и говоры Городокского района. Однако по мере удаления от границы с Белоруссией увеличивается число лингвистических и этнографических псковских особенностей: окончание nom. pl. существительных м. рода *-а*: *домá, городá*; лексема *хорóмы* в значении 'хорошая постройка'; нарастает удельный вес форм с сильным яканьем на фоне диссимилятивного.

Диалект, разновидности которого представлены в обследованных населенных пунктах, в данной работе условно назван городокско-невельским.

2. Изоглоссы городокско-невельского диалекта. Ряд изоглосс, проходящих примерно по Западной Двине, выделяет говоры Полоцкого и Городокского р-на в особый диалект, в котором обнаруживаются яркие севернорусские и северозападнорусские черты, более нигде не встречающиеся на территории Белоруссии, а на территории южнорусского наречия — только в южнопсковских и северных смоленских говорах. Двина является также границей, севернее которой не заходят изоглоссы ряда типично белорусских явлений или явлений, свойственных южной части северо-восточного диалекта белорусского языка. Таким образом, можно считать, что по комплексу языковых признаков говоры Невельского и Себежского р-нов Псковской области, а также часть говоров Велижского р-на Смоленской области составляют с говорами Городокского и части Полоцкого р-на Витебской области единое целое.

По своим признакам рассматриваемый диалект сближается, с одной стороны, с псковскими говорами; с другой стороны, он имеет ряд черт, свойственных смоленским и могилевским говорам.

Своеобразие северных витебских говоров по сравнению с другими белорусскими показано на карте № 45 «Езьярышчанска-Ульска-Лёзненскі пучок» (Лінгвістычная геаграфія 1969). Основные черты, характеризующие этот пучок: диссимилятивное яканье витебского типа в отличие от белорусского яканья, распространение слов *крóшні* 'приспособление для переноски сена или соломы' (в отличие от *рэзгіны* на прочей территории), *жбанок* 'глиняная посуда для молока', *згарода* 'забор из жердей', форма 1 л. мн. ч. *спём* [с"п'ом], *сядзём* [с"адз'ом]. Эти явления характеризуют также неveltские и велижские говоры. Однако территория, очерченная «езьярышчанска-ульска-лёзненским» пучком изоглосс, уже, чем выделяемая в настоящей работе территория городокско-невельского диалекта (этот пучок фактически выделяет восточную разновидность рассматриваемого нами диалекта).

На карте 1 показаны изоглоссы, выделяющие городокско-невельский диалект. Его южная граница определяется следующим пучком изоглосс.

(1) Для него, в отличие от подавляющего большинства говоров Белоруссии (и Украины), характерно отсутствие чередования заднеязычных и свистящих перед окончаниями *dat.-loc. sg. I* склонения существительных (*рукá – рук'э, нга́ – наг'э, блъхá – блах'э*). На карте 1 показана территория максимального распространения форм с чередованием типа *руцэ, наз'э, благ'э* без учета варьирования их с формами типа *рук'э* (в соответствии с (ДАБМ: карты 65, 66)). Помимо говоров к северу от Двины, полное отсутствие чередова-

ния заднеязычных и свистящих характерно для белорусских говоров в пределах линии Витебск – Орша – Смоленск. Наличие/отсутствие чередования заднеязычных и свистящих на стыке основы и окончания является одним из важнейших признаков, противопоставляющих белорусские и русские говоры (на территории России это чередование отмечено лишь в узкой полосе говоров вдоль границы с Белоруссией и на территории так называемого «брянского угла» — ВСИ III: 62–63).

(2) Важной языковой границей, идущей по Двине, но в районе Витебска слегка отклоняющейся к югу, является изоглосса форм типа *кричэць* (гласный [е] в суффиксе «ятевых глаголов» после ч). Эта изоглосса объединяет южные говоры северо-восточного диалекта белорусского языка с юго-западными русскими говорами. Однако говоры Белоруссии к северу от Двины и западные смоленские, не говоря о псковских и тверских, знают только формы типа *крича́ть* (ДАРЯ II: карта 103; ДАБМ: карта 36).

(3) Северная граница распространения форм типа *кричэ́ць* практически полностью совмещается с южной границей совпадения окончаний *dat.* и *instr. pl.* у имен (*к двум больш́ім дома́м, за дв́ум больш́ім дома́м* и под.). Синкретизм форм *dat.-instr. pl.* считается одним из важных признаков севернорусского наречия, однако он характерен и для западных среднерусских, в частности псковских и гдовских, и небольшого числа западных южнорусских говоров, а именно говоров окрестностей Невеля и Велижа. За исключением велижских, в смоленских говорах данное явление не представлено. На белорусской территории синкретизм форм *dat.* и *instr. pl.* отмечается лишь в говорах к северу от Двины (ДАБМ: карта 104; Пожарицкая 2000: 88–90).

(4) Синкретизм *gen., dat., loc. sg.* у существительных женского рода I склонения характерен для северных и северо-восточных говоров Витебской обл. (ДАБМ: карта 67). Ср. ударные окончания слов с основами на парный твердый согласный в говоре д. Берёзно Городокского р-на: *у вады́, к вады́, нь вады́; в говоре д. Рудня: у вады́ ~ у вадз'э́, к вады́ ~ к вадз'э́, нь вады́ ~ нь вадз'э́*. Синкретизм указанных падежей первого типа (без варьирования ударных показателей *gen., dat., loc. sg.* у основ на парные твердые согласные) широко распространен в пределах северо-западной диалектной зоны и западных среднерусских говоров, т. е. на территории Новгородской и Псковской земель, и во многих новгородских по происхождению севернорусских говорах, прежде всего олонечских и поморских (ДАРЯ II: карта 2). Синкретизм с варьированием показателей *gen., dat., loc. sg.* встречается главным образом в говорах Псковской группы, в части тверских говоров и в полосе южнопсковских говоров, идущей вдоль границы с Белоруссией, где он представлен вперемежку с так называемыми «обратными» системами, т. е. выравненными по

мягкой разновидности *a*-склонения, и некоторыми другими типами систем флексий *gen., dat., loc. sg.* Синкретические системы указанных флексий характерны также для говоров в окрестностях Велижа, см. (Тер-Аванесова 2002). Таким образом, в отношении этого признака городокско-невельские говоры относятся к довольно обширному ареалу северозападных русских систем флексий *a*-склонения и противопоставлены граничащим с ними на юге говорам с «белорусской» и «смоленской» системами флексий.

Особенностью большинства систем флексий *a*-склонения, относящихся к описанному выше псковско-тверскому, или «севернокривичскому», ареалу, является различие двух (иногда и более) разновидностей *a*-склонения. Как во множестве южно- и среднерусских говоров, в данном ареале имеется противопоставление «ударной» и «безударной» разновидностей склонения у основ, оканчивающихся на парный твердый, ср. в говоре д. Берёзно: *gen., dat., loc. б'ьс с'астры́, к с'астры́, нъ с'астры́; ат с'ылы, па с'ылы, в с'ылы; ат шкóл'и, к шкóл'и, при шкóл'и*. Далее, для «севернокривичского» ареала систем *a*-склонения характерно наличие особой мягкой разновидности склонения с ударным окончанием *gen., dat., loc. -e*, реже *-e ~ -и*; к ней относятся, помимо основ на парные мягкие, также основы на заднеязычные согласные (*gen., dat., loc. sg.* по говорам *рук'э́, з'емл'э́* или *рук'э́ ~ рук'и́, з'емл'э́ ~ з'емл'и́*). В части систем «севернокривичского» ареала основы на заднеязычный и губной согласный принадлежат к особой разновидности склонения, отличающейся как от твердой, так и от мягкой (чаще всего это системы типа *gen., dat., loc. стороны́; с'ылы, шкóл'е; рук'э́, ба́б'е; з'емл'и́*, ср. ниже материал из Рудни и Берёзна). Таким образом, в отношении системы флексий *a*-склонения городокско-невельский говор обладает яркими особенностями, объединяющими его с псковскими и тверскими говорами (карты, посвященные флексиям *gen., dat., loc. a*-склонения, и анализ материалов ДАРЯ см. в (Тер-Аванесова 1998, 2000, 2001); анализ нескольких диалектных систем *a*-склонения «севернокривичского» ареала см. в (Абраменко 2000)). В настоящей работе на карте 1 показана изоглосса систем с ударным окончанием *-ы* в *dat.* и *loc. sg. a*-склонения после твердых согласных. В пределах этой изоглоссы на карте 2 показан «севернокривичский» ареал систем *a*-склонения.

Северной границей рассматриваемого диалекта, по-видимому, является пучок изоглосс южнорусского наречия, отделяющий говоры Псковской группы от западных говоров южнорусского наречия (Образование 1970: 392–396; 440–445): граница распространения /ɫ/ : /ʎ/; граница распространения лексем *кваши́я, кваши́нка* : *дежá, де́жка* 'деревянная посуда для растворения ржаного теста', *сковоро́дник* : *чепельни́к* (а также других образований от **serati*).

На карте 1 показаны: изоглосса диссимилятивного аканья и яканья белорусского типа, изоглосса /г/ : /γ/ и ареал лексемы *дежа́*.

3. Изоглоссы, общие для городокско-невельского диалекта и псковских говоров. (1) Синкретизм показателей *dat.–instr. pl.* у имен и синкретизм *gen.–dat.–loc. sg.* существительных *a*-склонения объединяют рассматриваемые говоры с обширной псковско-новгородской (северозападнорусской) диалектной зоной и противопоставляют их соседним смоленским. Специально с псковскими и западными тверскими говорами их объединяет наличие разновидностей *a*-склонения в системах с синкретизмом показателей *gen.–dat.–loc. sg.*

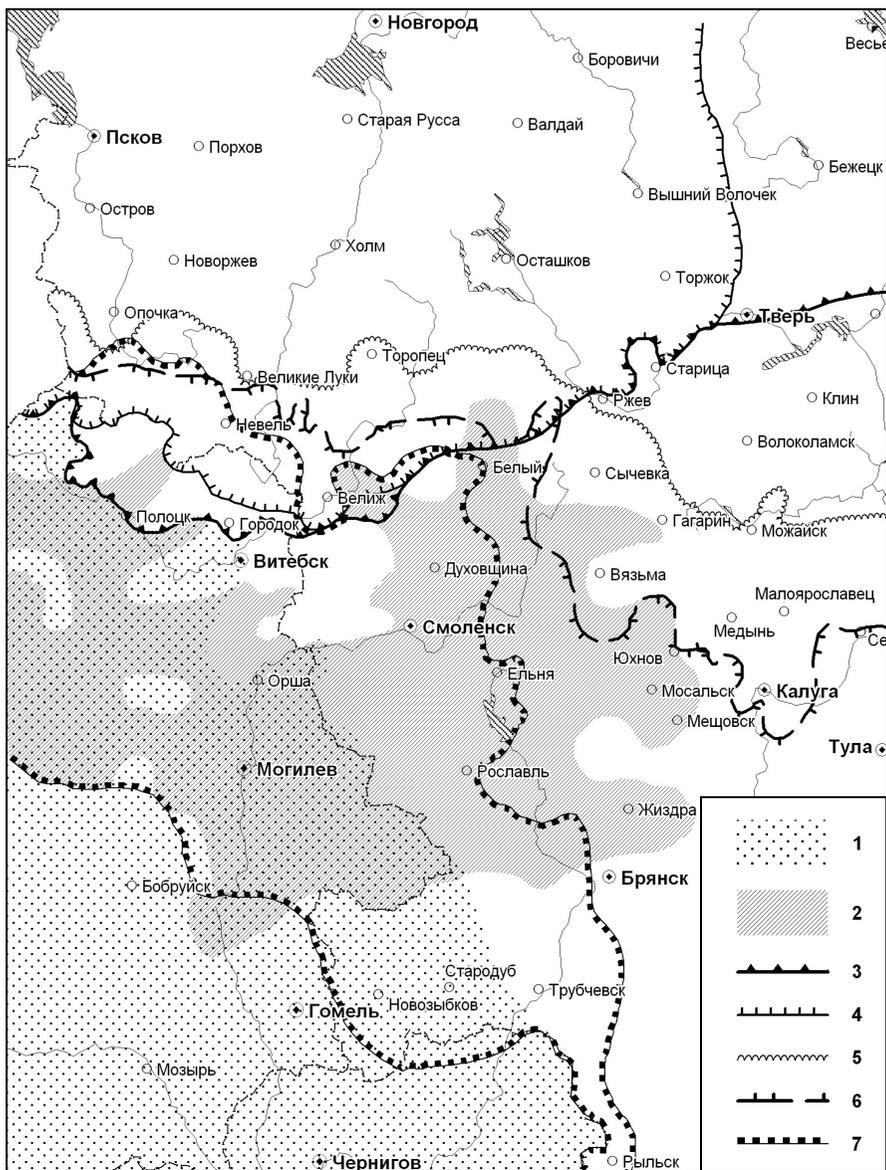
В отдельных говорах городокско-невельского диалекта представлены редкие, по-видимому, лексикализованные примеры ярких псковских фонетических явлений. Это (2) отдельные формы с вторым полногласием в корнях структуры **TъRT*, зафиксированные в Бычихе и Хмельнике: *в'ар'о́х*, *с'м'а-р'о́тнѣѣ* и под. Стандартными рефлексами корней такой структуры являются *t'er't*, *t'ert*, *t'ort*, *tort*, *tolt*, ср. *в'ерх* и *в'ер'х*, *с'м'ер'ц'*, *ц'о́ртѣѣ*, *гопн*, *холм*. (ДАРЯ I: карты 91, 92) показывает, что наиболее южные случаи фиксации второго полногласия в словах *серп* и *верх* доходят до границы Псковской и Витебской обл.

(3) В Хмельнике, Берёзне и Лобке фиксируется рефлекс **sj > [x]* перед [а, ъ] в единственной основе: *нав'эхай*, *нав'эхѣѣ*, *выв'эхѣѣц'*. Эти примеры представляют собой наиболее южную фиксацию такого развития **sj*, см. материал и карту в (Николаев 2005: 102).

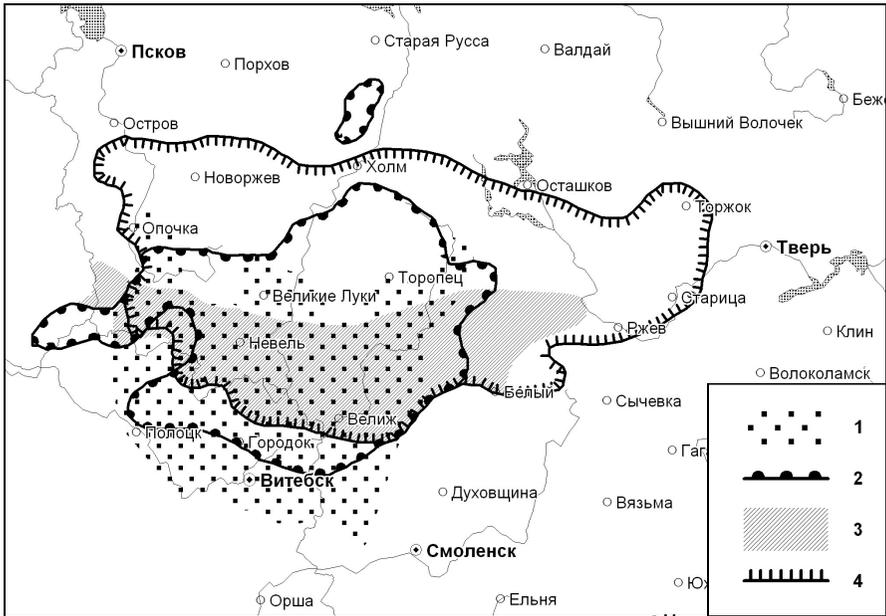
(4) Как фонетический псковизм следует оценивать случаи перехода не на стыке приставки и корня **m > [к]*, **m' > [к']*, **d' > [г]* перед мягкими сонантами и в соседстве с [ч] (в недавнем прошлом на месте последнего произносилось [ц]): *пачк'и́* (почти), *пр'чклá*, *нъзг'á* (ноздря).

(5) Отмечено несколько важных лексических изоглосс, объединяющих рассматриваемые говоры с псковскими: распространение слов *голоси́ть* 'причитать по покойнику' (в смоленских — *выть*), *тяги́ть* 'убирать лен с поля' (в смоленских — *брать*), *сто́йка*, *сто́янка* 'малая укладка снопов' (в смоленских и белорусских — *ба́бка*), *лю́лька* и *зы́бка* 'колыбель' (в смоленских только *люлька*), *о́зимь* 'всходы зерновых культур' (в смоленских — *зе́лень*, в белорусских — *рунь*), *ка́лика* 'брюква' (в смоленских и белорусских — *грѣ́жа*, *бру́ква*), глагол *ора́ть* в значении 'возделывать землю с помощью орудия', а глагол *пахáть* помимо значения, связанного с процессом возделывания земли, имеет значение 'выращивать какую-либо сельскохозяйственную культуру', а также 'мести (пол, двор), сметать (пыль)' (в смоленских последнее не отмечено).

Карта 1. Изоглоссы городокско-невельского диалекта

Карта 2. Лексическое своеобразие говоров русско-белорусского пограничья

Легенды к картам

Карта 1. Изоглоссы городокско-невельского диалекта

1 — чередование заднеязычных и свистящих на стыке основы и окончания существительных I склонения (*рукá* – dat.–loc. sg. *руцѣ*); 2 — гласный [e] в суффиксе глаголов типа *кричать*, *дышать* (inf. *кричѣу́*, *дышѣу́*); 3 — синкретизм показателей dat. и instr. pl. у имен (*к двум большѣм домáм*, *за двум большѣм домáм*); 4 — окончание *-ы* dat.–loc. sg. существительных I склонения с основами на твердый согласный (*к водѣ*, *на водѣ*)*; 5 — произношение [γ] или [h] на месте *g; 6 — лексемы *дежка*, *дѣжка*; 7 — диссимилятивное аканье и яканье белорусского (жиздринского) типа.

Карта 2. Лексическое своеобразие говоров русско-белорусского пограничья

1 — лексемы *жбан*, *жбанок*; 2 — лексема *пра́йник*; 3 — *чапельник*; 4 — «севернокривичский» ареал систем флексий gen., dat. и loc. sg. I склонения: «обратные» системы (например, одна из их разновидностей: gen. *нет водѣ*, *без водѣ*, dat.–loc. *к водѣ*, *на водѣ*); системы с синкретизмом показателей gen., dat. и loc. sg. и различием разновидностей склонения (например, gen.–dat.–loc. *водѣ*, *хатѣ*, *рукѣ*, *землѣ* или *водѣ/водѣ*, *хаты/хате*, *рукѣ*, *землѣ/землѣ*).

* В пределах этой изоглоссы встречаются системы с синкретизмом показателей gen., dat. и loc. sg. I склонения и другие системы «севернокривичского» ареала, см. карту 2.

4. Изоглоссы, общие для городокско-невельского диалекта и смоленских говоров. К ним относятся: (1) диссимилятивное аканье и яканье белорусского (жиздринского) типа (в псковских говорах — сильное яканье), см. карту 1; (2) рефлексy напряженных редуцированных, изучению которых в славянских диалектах посвящен ряд работ (Пшеничнова 1964; Филин 1972; Николаев 1988; Калнынь 1993; Пшеничнова 1998), см. также (ДАРЯ II: карты 99, 42; ДАБМ: карты 110, 119, 121, 125, 134).

Подробно остановимся на положениях, выдвинутых в работах С.Л. Николаева, который анализирует системы напряженных *ъ, *ь и *у, *i перед *j* на территории западной диалектной зоны. Им выделены две основные позиции, в которых рефлексy *ъ, *у перед *j* под ударением могут быть различными внутри одной системы: 1) перед праславянским редуцированным следующего слога, например, в окончаниях членных прилагательных типа *молодѡй, глухой*; 2) в прочих условиях, например, в настоящем времени глаголов типа *рыть*.

Самыми распространенными являются «общерусская» система с *-о-* в обеих позициях (*молодѡй : крѡю*) и западная с *-ы-*, представленная в большей части украинских и белорусских говоров (*молодѡй : крѡю*). В исследованном нами ареале отмечено соотношение *молодѡй : крѡю*. Такая система в работе (Николаев 1988: 118–120) условно названа «смоленской»; она характерна для большей части северо-восточных витебских и восточной части могилевских говоров, а также говоров Новоржевского, Великолукского, Невельского районов Псковской области и говоров Смоленской области. Кроме того, (Николаев, там же) выделил два подтипа «южнопсковской» системы — *молодѡй : крѡю* и *молодѡй : крѡю*. Отметим, что в говоре Рудни в качестве вариантной встречается первая из «южнопсковских» систем.

(3) В области лексики чертами, объединяющими смоленские и городокско-невельские говоры, являются следующие: распространение лексем *бич, цеп* 'орудие для ручной молотѡбы' (в псковских *прѡвязь, вѡлы, вѡлки* 'ухват' (в псковских *ухват*), *дѡжка* 'посуда для теста' (в псковских *квашня*), *дѡже* 'очень' (в псковских *горѡзд*), *мѡрква* 'морковь' (в псковских *боркѡн*), *бурѡк* 'свекла' (в псковских *свекла*), *чепѡльник, чепельник* 'приспообление, с помощью которого держат сковороду' (в псковских *сковорѡдник*), глагол *ховѡть* 'прятать' (в псковских *прѡтѡть*), наличие лексем *лѡпина, лѡпик* 'заплата' (в псковских *заплѡтка*), глагола *лѡпить* 'чинить одежду, ставя заплату'; семантические различия: употребление лексемы *жѡто* в значении 'рожь' (в псковских 'ячмень'), *лѡда* 'росчисть под пашню' (в псковских употребляется *лѡдина* 'лес'). Как видно из перечня признаков, это в основном лексические черты, общие для всей юго-западной зоны или для южного наречия в целом.

Все они имеют продолжение в Белоруссии, охватывая северо-восточные и восточные говоры.

5. Некоторые лексические явления, представленные в городокско-невельском диалекте.

В исследованном говоре зафиксирована лексема *сўпрядки* со значением 'вечерние собрания молодежи с работой', обычно её упоминание сопровождалось уточнением информантов: «устраивались раньше». Ареал охватывает псковские говоры, западную часть новгородских и смоленских, отчасти брянские. По материалам словарей, лексема известна и в диалектах Белоруссии, но на картах ДАБМ не представлена, поэтому говорить определенно о ее локализации затруднительно. Эта изоглосса объединяет смоленские и псковские говоры. Примерно на той же территории, но не компактным ареалом, а отдельными прерывистыми, островными ареалами распространена лексема *мост* 'пол', имеющая продолжение в восточных белорусских говорах (ДАБМ: карта 336).

Интересно название *печына* для участка земли, на котором находятся дом, хозяйственные постройки, сад, огород. Оно зафиксировано в рассматриваемых говорах наряду с наименованиями *уса́дьба*, *сели́ба*, *сели́тба* и входит в пассивный словарь людей старшего поколения. Надо заметить, что по материалам ДАРЯ это слово образует компактный ареал в говорах Псковской области, а именно в междуречье верхнего течения Великой и Зап. Двины, но не достигает границы с Белоруссией (подробнее см. Мораховская 1996: 144–146).

Название вязаных рукавиц с одним пальцем *испóдки* в свою очередь имеет ареал, схожий с вышеназванным, однако спускающийся южнее, захватывая территорию как Невельского района, так и Велижского. Он продолжается в северо-восточном диалекте белорусского языка (ДАБМ: карта 333). Изоглосса лексемы *жбанóк* 'название глиняной посуды для молока' на севере проходит по линии Опочка – Торопец – Андреаполь, на юге достигает Велижа и Духовщины, на западе — в Белоруссии — входит в езерищанско-лэзненский пучок изоглосс. На территории, где распространено упоминаемое слово, отмечаются «севернокривичские» системы флексий *a*-склонения (см. выше). Эти явления, а также еще две изоглоссы, имеющие близкую конфигурацию (*п्रा́йник*, *чепельні́к*), показаны на карте 2.

Далее перечислим слова, имеющие распространение в изучаемых говорах, но в основном отсутствующие на картах ДАРЯ: *агрэ́ст* 'крыжовник', *ба́бка*, *стоя́нка* 'укладка в 10–15 снопов', *братей́ник* 'двоюродный брат', *бры́ксы* 'застолье в складчину, гулянье', *вздóлить*, *вздóлевать* 'смочь, мочь', *во́уна* 'овечья шерсть' (в пассивном запасе людей старшего поколения), *гри-*

бы́ 'губы' (ну что́ ты гри́бы наду́м), гриба́тенький 'губастый', груд 'костер', зу́ли 'гулянья', дете́ниха 'курица с цыплятами', дика́рь 'дикое место', жура-ви́на 'клюква', жури́ха 'кисель', кину́ть 'оставить', коро́мисел 'коромысло, имеет особую форму: выемку для шеи, на прямых концах крючки из гвоздей', клу́ньки экспрес. 'вещички, монатки', колоту́ха 'каша из гороховой муки', костёр 'поленница', 'сложенные в клетку дрова', лоза́ 'кора ивы', лубя́нка высокая корзина из лозы для лука, лу́сточка хлеба 'ломоть, срезок хлеба' (от *лущить*), ма́лец 'мужчина, молодой парень, подросток', мураши́ 'черные муравьи', сикля́хи 'рыжие муравьи', найти́, найти́сь 'родить', 'родиться' (у деу́ках нашла́ 'родила в девках — без мужа'), нечи́стики, недобри́ки 'бесы, злые духи', нива́ 'поле', обáбки 'опята', у других информантов 'подберезовики', одо́нок 'стог сена', пали́ть 'жечь', пожни́нки 'конец жатвы', по́пел 'пепел', поре́чка 'красная смородина', прочи́няться 'просыпаться', полёвка 'тип супа: жидкая кислая похлебка из муки на закваске (*расчине*)', пя́сточка ('горсть'), рету́ньки — междометие, выражающее удивление, ужас, са́желка 'выкопанный пруд', сестру́шка 'двоюродная сестра', скорю́ночка хлеба ('краюшка'), сы́рница 'творожная запеканка', туесо́к 'коробка из картона или бересты', чу́ни 'вид обуви типа тапочек из лозы или льняных ниток'.

Многие из этих слов, судя по словарям и материалам ДАРЯ, имеют западную локализацию, например: **гриб** 'губа' — смоленск., псков., Брянск., русск. гов. Прибалтики, *грыбы* (Зап. Брянщина. Расторгуев), то же — сев. блр. Могилевщина (ЭССЯ 7: 127); **грыб** — губа, усы. Слоу́нік беларускіх гаворак. Верхнедвинский р-н (северные блр. гов.) *Грыбаты*. Губаты. **Груд** 'костер' Новгор. губ., *груда* 'костер' новг. смоленск. Филин 7, 158, в тех же говорах *груд* 'куча, груда' (ЭССЯ 7: 147).

6. Фрагмент системы говора северо-восточной части Городокского р-на Витебской обл. Предлагаемый ниже краткий очерк фонетики, фрагментов системы словоизменения и акцентуации построен на материале нескольких очень близких друг другу говоров (точнее, представляющих их идиолектов), записанных от уроженцев сёл *Бычиха, Межа, Хмельник* и деревень *Смородник, Рудня, Берёзно* Городокского р-на Витебской обл., которые в настоящее время живут в сс. Меховое, Бычиха и Межа. В этом очерке отсутствие указания на источник записи (село, фамилия информанта) означает, что описываемое явление свойственно говорам всех перечисленных нас. пунктов.

6.1. Фонетика. Диалект характеризуется пятифонемным ударным вокализмом. Его особенностью являются: широкий, относительно ровный гласный *e* любого происхождения (из **e*, **ь*, **ѣ*) перед твердым согласным, при значительном повышении подъема и дифтонгизации *e* перед мягким; гласный *ы*

не после губных согласных — передне-среднего ряда, верхнего подъема, близкий к [и]⁴.

Рефлексы напряженных редуцированных. На месте *ь, *ь перед *j* во флексии ном. sg. m. адъективного склонения под ударением выступают *e*-образные гласные среднего или верхне-среднего подъема. Такие же *e*-образные гласные находим в ударных флексиях gen., dat., instr., loc. sg. f. адъективного и местоименного склонений перед конечным *j*, где /e/ выступает на месте других праслав. гласных. Гласный /e/ в указанных флексиях по своим свойствам смягчать предшествующий согласный подобен /ы/: заднеязычные перед ним смягчаются, а парные твердые не смягчаются: ном. sg. m. *л'аснѣй, мьладѣй, как'ѣй, н'уплах'ѣй, бал'шѣй*; gen. sg. f. *пустѣй, у дз'ік'ьѣй, самѣй, мѣй*; dat., instr., loc. sg. f.: *мьладѣй, теѣй, как'ѣй*. Гласный /e/ выступает также на месте *ь в окончании gen. pl. *-ьj: *с'в'ин'н'ѣй, кас'ц'ѣй, л'удз'ѣй*.

В корнях на месте *у, *и и *ь перед *j* представлены гласные /ы/, /у/: праes. *мьійу, падмьійеш, рьійу, закрьійу*, имп. *мьй, рьй, л'ий и л'и, н'ий и н'и*; ном. sg. *шьія, чьй 'чей' (ф. чьіа, чьіу)*. Приведенные примеры указывают на «смоленский» тип рефлексии напряженных редуцированных (об этих типах см. Николаев 1988).

В приставках на месте *ь перед *j* также представлен гласный /ы/: *зьійдз'еш, падыійдз'ец'*, ср. также в безударной позиции: *зыйшów у блóт, зыйшла́, зыйшл'і́, пьдыйшлó*.

У информантки из Рудни отмечен «южнопосковский» рефлекс напряженных редуцированных в корне наряду со «смоленским»: *аткрѣйу, аткрѣйеш и аткрійу, аткрійеш*.

«Вставные» гласные перед долгим мягким сонантом, возникшим из сочетания *Sj < *Сьj*, имеют стандартные рефлексы ненапряженных редуцированных: *абалóн'н'е 'сырой, болотистый луг'*, ср. также аллофоны /o/ / /a/ в безударной позиции: *мьл'н'н'а́, мьлан'н'у́*. Редко встречается ударный вставной [а]: coll. pl. *иугáл'л'а 'угли'* (ср. также *мьлáнка 'молния'*).

Анализ рефлексов редуцированных перед мягкими сонантами в северо-западных русских говорах см. в (Николаев 1988).

Рефлексы редуцированных после плавных. Гласные, совпадающие с корневыми рефлексами напряженных редуцированных, т. е. /ы/ < *ь, /и/ < *ь, отмечены в сочетании *Тръv: *астръіжкы 'островье, жерди с сучками для просушивания сена'* — и в сочетании *ТръT (перед сонантом?): *гр'им 'шум, грохот'*, gen. *гр'іму*, праes. *гр'им'эль*. В Меже отмечено также аномальное развитие

⁴ При описании фонемного состава флексий и явлений на морфемном шве условно вводится шестая фонема /ы/.

*ръ > [р'и] в *астр'іўк'и* 'островье'. В подавляющем большинстве примеров в этой позиции представлены обычные рефлексы ненапряженных редуцированных: *ТръТ — *xp'ect* ~ *xp'ost*, *xp'ьста́*, *xp'асты́*, *xp'обна́*; *ТръТ — *кrow*, *крóви*, *крьва́въй*; gen. pl. *дрow*, nom. pl. *дрьва́*; *крот*, *крьта́*, *краты́*; *ТльТ — *с'л'ьза́*, *с'л'азу́*, *с'л'обзы́*; *ТльТ — *блѣха́*, *блѣху́*, *блѣх'и*.

Рефлексы сочетаний редуцированных с плавными. Второе полногласие не характерно для диалекта в целом, что видно из примеров *с''ер'п* и *с''ёрп*, *с''арпóm*; *с'ц'ёржын'*; *в'ер'х* и *в'ерх*, *з''в'ёрху*, *в'ар'х'и́*, *в'ьр'ха́*, *в'ар'хóm*; *в'ьрста́*, *в'арсту́*; *шёр'с'ц'и́*; *жьрствá*, *жарству́*; *б'ордъ*; *жордѣчка*, *горп*; *долх*, *дóлга*, *далг'и́*, *далжón*; *столп*, *стѣлба́*, *сталбы́*. Вставной гласный имеется между плавным и следующим сонантом, в положении перед выпавшими *ъ, *ь: *мълън'н'а́*, *мълан'н'у́*; m. *пóльн* (ср. f. *пóльня́*); *горън* (в кузнице) (ср. gen. *гóрна*).

Некоторым крайним говорам рассматриваемой территории, возможно, было свойственно второе полногласие, поскольку в идиолектах встречаются отдельные содержащие его формы. Оно отмечено в корнях структуры *тыт: *в'ар'ох* Бычиха, *с''м'ар'отнѣя́* *плáт'т'ь* Долганы–Хмельник, *тыт: *хóльст* Бычиха.

Особо отметим вариативность переднего/непереднего гласного в *астр'іўк'и* ~ *астр'іўки* и *аз''арóт* ~ *азарóт* 'зород, сушилка для сена и снопов'; сохранение заударного слабого *ъ в *нав'ёсама* (Хмельник).

6.2. **Предударный вокализм** характеризуется диссимилятивным аканьем и яканьем белорусского (= жиздринского) типа, однако белорусский тип яканья, очевидно, осложнен «наложенными» на него принципами так наз. витебского и в меньшей степени умеренного яканья.

В структурах типа *вѣда́*, *н'ѣсла́* гласный первого предударного слога краткий, как в безударных слогах кроме первого предударного; в структурах типа *ваду́*, *б'аду́*, *вады́*, *б'ады́*, *вадбѣ́*, *майѣ́й* длительность предударного *a* примерно равна длительности ударного *a*. Перед мягкими согласными в структурах типа *н'ес''ѣц' ~ н'ас''ѣц'*, *в'едз'óm ~ в'адз'óm*, *в'едз'и́ ~ в'адз'и́* в первом предударном слоге произносится «некраткий» гласный среднего или средне-нижнего подъема, причем перед ударными [и, о], как кажется, чаще встречается *a*-образный звук. Тем самым в говоре наряду с диссимилятивным яканьем белорусского типа действует принцип витебского яканья, при котором в I предударном слоге после мягких произносится [а] перед слогом с ударными [и, ы, у, о], [е] — перед слогом с ударным [е], [ь] — перед слогом с ударным [а], а также (менее последовательно и, возможно, лишь в определенных фразовых условиях) действует принцип повышения подъема преду-

дарного гласного между мягкими согласными. Длительность предударного [e] в структурах типа *н'ес'эц'*, однако, больше, чем длительность предударного [ь] в структурах типа *стр'ъл'áц'*, instr. pl. *с'ыц'ám* 'сеть'. Витебское яканье распространено на востоке Витебской обл. по обе стороны от Двины, см. (ДАБМ, карта 4).

Витебский тип диссимилятивного аканья, при котором редуцированный гласный произносится перед ударными слогами, содержащими *e, a*, нами не зафиксирован. Атласы отмечают его ареалы на востоке Городокского р-на, юго-западе Витебской обл.; подобный тип отмечен и в невельских говорах (ДАБМ, карта 1; Образование: 425, карта 115); это одна из изоглосс «езерищенско-ульско-лэзенского» пучка (Лінгвістычная геаграфія 1969, карта 45).

В безударных слогах, кроме первого предударного, фонемы /a/, /o/ после твердых согласных, в том числе шипящих, обычно совпадают в [ь]: *гэльва́, гя́лвү; мьля́да, мьляде́й, зьглум'íl'и, жьлудá*, nom. sg. *м'э́сть, ба́бь*; реже отмечается [a]: *ба́ба, м'э́ста*, в частности, на месте *o в полногласии во втором предударном слоге перед слогом с [ь]: *гальва́, ма́льдáйа*. После мягких согласных в безударных слогах, кроме первого предударного и конечного открытого, фонемы /a/, /o/, /e/ обычно совпадают в [ь]: *с'эм'анó, р'ьшатó, н'эр'ьжыла́, р'ьспр'ьэ'ец'ó; б'эр'ьгэм, на́м'ьт', б'эр'ьц'*, — однако встречается и произношение *и*-образного гласного: *б'ир'агóм, наб'эр'ис'с'ь*.

В начальных неприкрытых слогах произносится нередуцированный [a]: *аткрывáц'*, *азарóт*.

В конечных открытых слогах после мягких согласных фонемы /e/ и /и/ совпадают в звуках [ь] или [и]: loc. *во́л'и, ба́б'ь*, 2 pl. *б'эр'ьц'ь*; праet. *н'íl'и, éц'ь* 'эти', — и отличаются от фонемы /a/: nom. sg. *во́л'ь*, и, возможно, от /o/: *но́л'ь*. Безударный аллофон [ь] (фонем /a/ или /o/) выступает на конце адъективных флексий nom. sg. f. и n., nom. pl.: *тэка́йь, такóйь, так'ййь*, и в окончаниях nom., gen. sg. и nom. pl. собирательных форм: *вуга́л'л'ь*.

В безударных слогах, кроме первого предударного, не в абсолютном начале и конце слова гласный у утрачивает огубленность. Особенно ярким в этом отношении является диалект информантки из Берёзна: inf. *к'исну́ц'* 'киснуть', *вёц'ьгн'л'и* 'вытянули, вытащили', асс. sg. f. *по́лн'йу, в óтп'ьск, нь х'т'ьра́х*, и даже изредка — в первом предударном слоге: *с'ьро́вийь з'ймы*. Исключение составляет окончание праes. 3 pl., где в заударном слоге регулярно представлен у после мягкого согласного: *но́л'уц', насóдз'уц'*.

Гласные первого предударного слога *ь, ы* приобретают огубленность перед *в (w)*: *ьстowl'át'*. Ср. также корневой гласный в формах глагола *быть*: *быц', бы́w, бы́л'и ~ был'и́, бу́ла ~ бы́ла*.

6.3. Система согласных показана в таблице 1.

Таблица 1.

п – п'	т – ц'	ц	ч		к
б – б'	д – дз'				г
(ф – ф')	с – с''		ш		х
в – в'	з – з''		ж		г
м – м'	н – н'				
	л – л'				
	р – р'			й	

6.3.1. Диалекту свойствен фрикативный *г*. Звук [г] взрывной встречается в заимствованиях, например, в польской фамилии бывшего владельца соседними с Межой землями: *пан Гал'ят*.

Взрывной [г] отмечен также (1) на месте *д* в предлоге *гл'а* 'для' (в начальном сочетании **дл'*-) и в *нъзр'á* 'ноздря' (в сочетании **-здр'*-), (2) в позиции озвончения *к*: *г бóку, г дз'элу*.

Выше сказано о палатализации заднеязычных перед /е/ адъективных флексий: *nom. sg. m., gen.-dat.-instr.-loc. sg. f. как'эй, друг'эй, плах'эй*.

6.3.2. Фонема /в/ представлена губно-зубными звуками [в], [в'] перед гласными, кроме *у*, губно-губным [w] на конце слова, перед *у* и после гласного перед согласным: *п'áвда, п'рав, н'а вc''ú*; гласным [у] между согласными и в абсолютном начале перед согласным: #*у Г'враткú, рабóтаw у л'асу*. Фонема /в/ перед *о* реализуется как губно-зубной звук: *вóс''ьн', вóрьт, а* перед *у* — как губно-губной: *вусú, вúгъл, вугáл'л'ь, вúл'ица, карóву*.

6.3.3. Реализации фонемы /л/ различаются по говорам. Как губно-губной [w] она представлена во всех говорах на конце форм прош. времени: *шow, спaw, н'шw*. Лишь в отдельных говорах губно-губной [w] представлен на конце и перед согласным, в большинстве же в этой позиции и перед гласными непоследнего ряда произносится веляризованный [л]. Так, информантка из Хмельника специально подчеркивала, что в ее говоре произносится *волк, пáлка, стол*, в отличие от «белорусского» произношения *воwк, пáwка, стow*.

6.3.4. Консонантизм городокско-невельского диалекта характеризуется наличием коррелятивных пар согласных по твердости/мягкости; непарными по данному признаку являются /ц/, /ч/, /ш/, /ж/, представленные непалатализованными звуками, среднеязычные /й/, заднеязычные /к/, /г/, /г', /х/.

Специально подчеркнем существенное для характеристики данного диалекта противопоставление фонем /p/ : /p'/ во всех позициях: *p'am* – *бра́ц'*, *кp'ук* – *кp'ух* 'круг', *кp'от* – *б'ар'о́за*, *кp'ыйыц'* – *кp'ы́га* 'льдина', *жар* – *п'ачк'ур'* 'печник', *з'в'ёр'*. Имеется, впрочем, несколько слов с твердым *p* в корнях перед **i*: *грип*, *скрип* — и другие нарушения стандартной рефлексии **p* > [p], **p'* > [p'] , например, *гр'am* 'град'.

Как известно, в большинстве белорусских говоров и в лит. белорусском имеется непарная по твердости/мягкости фонема /p/, представленная непалатализованным звуком. Противопоставление /p/ : /p'/ характерно лишь для северных и восточных говоров Белоруссии вдоль границы с Россией: северных и восточных витебских, северных полоцких и могилевских говоров к востоку от Днепра (ДАБМ, карта 42). Различение /p/ и /p'/ может считаться одной из изоглосс, выделяющих говоры Белоруссии к северу от Двины.

Особенностью корреляции согласных по твердости/мягкости является противопоставление твердых и мягких губных согласных только в середине слова; на конце слова оно нейтрализуется. Примеры: *ма́ц'* – *м'áлка*, 3 sg. *ва́р'иц'* – *в'áн'ыц'*, 3 pl. *жы́ўиц'* – *ста́в'иц'*, *ну́ц'* – 3 pl. *л'én'иц'*, 3 pl. *гр'аб'у́ц'* – *л'уб'и́ц'*; на конце слова только твердые губные: *дуп*, *го́луп*; *фс'им* 'всем', *с'ем* 'семь'; *жу́рав*, *бpоу*. Неразличение на конце слова твердых и мягких губных, как известно, свойственно украинскому и белорусскому языкам, а также западным, северо-западным и в значительной части северным русским говорам (ДАРЯ I, карты 70, 71).

6.3.5. Рефлексы заднеязычных и переднеязычных согласных показаны в таблице 2.

Таблица 2

1. <i>*k</i> (I палатализация), <i>*kj</i> , <i>*kti</i> , <i>*gti</i>	ч, редко ц
2. <i>*k</i> (II и III палатализации)	ц (и ц'в'-)
3. <i>*g</i> (I палатализация), <i>*gj</i>	ж
4. <i>*g</i> (II палатализация)	з''
5. <i>*x</i> (I палатализация), <i>*xj</i>	ш
6. <i>*x</i> (II и III палатализации)	с'' ~ ш
7. <i>*tj</i>	ч
8. <i>*dj</i>	ж
9. <i>*sj</i>	ш (и х в <i>павéхать</i> , <i>вывéхывать</i>)
10. <i>*zj</i>	ж
11. <i>*s</i> не в позиции вторичного смягчения	с
12. <i>*z</i> не в позиции вторичного смягчения	з

13. *s в позиции вторичного смягчения	c''
14. *z в позиции вторичного смягчения	z''
15. *s перед мягким согласным	c'' ~ ш; c' ~ c'' перед ц'
16. *z перед мягким согласным	z'' ~ ж; z' ~ z'' перед dz'
17. *t не в позиции вторичного смягчения	t
18. *d не в позиции вторичного смягчения	d
19. *t в позиции вторичного смягчения	ц'
20. *d в позиции вторичного смягчения	dz'
21. *t перед мягким сонантом	ц' ~ т ~ к
22. *d перед мягким сонантом	dz' ~ d ~ r
23. *stj, *skj	шч, шиш
24. *zdj, *zgj	жджж, жжж

6.3.6. С точки зрения фонетической реализации твердых и мягких согласных фонем особенностью говора являются: отсутствие дополнительной артикуляции веляризации у ж, ш, ч, ц, шч (шиш), жддж (жжж); наличие рядов согласных т, д, с, з и ц', dz', c'', z'', попарно соотнесенных по признаку непалатализованности/палатализованности. В говоре, тем самым, мягкими коррелятами т, д являются палатализованные свистящие аффрикаты, а мягкими коррелятами с, з являются палатализованные шипящие («шепелявые») фрикативные звуки. Реализации фонем /ш/, /ж/ и /с'/, /з'/ на слух различаются как «не вполне твердые» и «мягкие» шипящие ш, ж.

«Шепелявые» c'', z'' в соответствии с мягкими c', z' отмечаются в русских говорах псковской группы, южнопсковских и гдовских, а также имеется три небольших западносмоленских ареала на границе с Беларуссией; в эти ареалы вписываются меньшие ареалы ц', dz' «в соответствии с мягкими т', д'» (Образование: 405, карта 110). Границы распространения шепелявых c'', z'' на территории Беларуссии в ДАБМ не показаны.

В рассматриваемых говорах имеется достаточно сложное распределение [ш] / [c''] / [с] и [ж] / [z''] / [з], допускающее различные интерпретации (как с позиций синхронной, так и с позиций исторической фонетики).

а) На месте *х в позиции II палатализации в большинстве говоров регулярно представлен [c'']: c''éръй, 3 sg. c''ap'эиц'. В позиции II палатализации *g во всех говорах находим [z'']: z''в'ьздá, асс. z''в'аздú.

В говоре Хмельника столь же регулярен в позиции II палатализации [ш] < *х: шéръй. В этом же говоре известен пример шар'йó 'ветошь, рваные тряпки', из *хёр-ьје (это слово встречается также в материалах западного тома ДАРЯ на севере Смоленской обл. и, вероятно, является производным от *хёрь

‘грубая льняная ткань’ — см. об этом слове в древненовгородском диалекте: Зализняк 2004: 42–43).

В смоленских и северных белорусских говорах широко отмечается [ш] на месте *x в позиции II палатализации (*шэ́рый*), что С. Л. Николаев считает сохранением древнего рефлекса, свойственного диалекту смоленских кривичей (Николаев 1988: 143–144, 152–153).

б) В говоре Хмельника достаточно последовательно представлено чередование [с’] (перед гласными переднего ряда) / [ш] (перед гласными непреднего ряда) в основе местоимения *в’ес’* и производных от него, т. е. в позиции III палатализации *x: ном. sg. f. *шша*, acc. sg. f. *шшу*, ном. sg. n. *шшо*, gen. sg. m. *шшагó*, dat. sg. m. *шшаму́*, *шшак’ьй*, *шшуды́*: перед гласными переднего ряда: ном. pl. *шс’и*, gen.–loc. pl. *шс’их*, instr.–loc. sg., dat.–instr. pl. *шс’им*, gen.–dat.–instr.–loc. sg. f. *шс’ей*. В других говорах звук [ш] в основе местоимения *в’ес’* редок, обычным является произношение *шс’а*, *шс’у* и т. п.

в) Всем говорам свойственны [ш] < *sj и [ж] < *zj: *м’ьша́ц’*, *угр’ьжа́ц’*, *но́ша*, *ко́жа* — перед гласными непреднего ряда, *н’и́шэц’*, *ма́жэц’* — исторически перед гласными переднего ряда. Наряду с этим отмечен лексикализованный рефлекс [x] < *sj (перед гласными непреднего ряда суффиксов *-а* и *-ова-*) в *нав’эхай* ‘повесь’, *выв’эхэв’ят* ‘вывешивать’ (белье и освежаванную тушу), что представляет собой яркий фонетический псковизм (Николаев 2005) и является наиболее южной фиксацией такого развития *sj.

г) На месте с’ из *s (и *z) в позиции вторичного смягчения и в местоименной основе *s’-, перед любыми гласными и на конце слова произносится [с’]: *с’а́ду*, 1 pl. *с’адз’óm* ‘сидим’, *п’рас’о́нжк*, *с’уды́*, *с’и́вьй* ‘седой’, *с’и́ла*, *с’ем*, *пас’е́ил’и*, *ба́л’эс’*. Аналогично з’ из *z в позиции вторичного смягчения: *з’и́ма́*, *з’ьмл’а́*, *з’ац’*, *в’аз’о́м* и т. п.

Перед мягкими губными и *н’*, *л’*, *с’*, *з’* в результате ассимиляции по мягкости обычно произносятся *с’*, *з’*: *из’ в’акów*, *з’в’ер’*, *с’в’о́кэр*, *с’в’ет*, *з’м’ь-йа́*, *с’м’эх*, *с’н’аку́ц’*, *с’н’ех*, *з’н’ей*, *с’и́н’им*, *з’з’ал’о́ным*, *пл’ас’н’и́вьй*, *с’л’э́а́*, *пóс’л’ь*, *вóз’л’ь*: перед *ј* на стыке приставки и корня: *з’йэ́ла*. Реже перед мягким сонантом отмечается произношение твердых шипящих: *шм’ашно́* ‘смешно’, *шм’эшн’ый л’ес*, *вóжл’ь* ‘возле’.

В сочетаниях из *sj, *zj не на стыке приставки и корня, как правило, имеет место ассимиляция *ј* предшествующему согласному: ном. pl. *кало́-с’с’а*, *палóз’з’а*, instr. sg. *зр’аз’з’у*.

Перед *ц’*, *дз’* обычно произносятся мягкие свистящие (не шепелявые) *с’*, *з’*: *с’ц’э́б’ьл’*, *с’ц’агн’у́ц’*, *з’дз’э́льц’*, *з’дз’ес’*, и с утратой смычки — *з’з’э́льц’*. Встречается также произношение *с’т’*, *з’д’* (у информантки из Рудни и членов ее семьи, родившихся и живших в Меже): *с’т’акло́*, *с’т’э́б’ьл’*, *з’д’э́льw*.

Таким образом, говор Хмельника, где зафиксировано *шерый* и формы *виш*, *вишо* и под., может считаться обладающим бóльшим числом «смоленских» особенностей отражения **sj* и **x* в позиции II и III палатализаций по сравнению с другими говорами севера Городокского р-на. В отличие от «классической смоленской» системы, в говоре Хмельника представлено развитие **x > c''* в позиции III палатализации по крайней мере перед гласными переднего ряда. По мнению С. Л. Николаева, система рефлексов **sj > [ш]* и **x > [c'']* в позиции II палатализации, **x > [c''] / [ш]* в зависимости от ряда гласного в позиции III палатализации, встречающаяся в говорах Берёзна, Рудни, Смородника, структурно близка к древненовгородской (устное сообщение).

д) В диалекте различаются аффрикаты [ц] и [ч], однако сохраняются следы твердого цоканья: произношение [ц] зафиксировано в словах *цалó* 'устье русской печи', *цат* 'чад, дым', *аб'иц*, pl. *аб'ицы́* 'бьющая часть цепа' и 'цеп' (только из **k* в позиции I палатализации)⁵.

е) На месте **k* в позиции II палатализации в корнях имеется [ц] (*цѣвка*, *цеп*, *цѣльй*, *цѣркава*, *цадз'иц'*). Мягкий [ц'] произносится в *ц'в'ет* 'цветение', *ц'в'ис'* 'цвести' (из **t'v-*?). У информантки из Смородника имеется также чередование *ц'* (перед ударным гласным) / *ц* (перед безударным гласным) в слове *ц'ен*, *ц'на́*, *цапóм* 'орудие ручной молотьбы', однако эта лексема в говоре не исконна, ср. *аб'иц*. Устаревшее *кв'атк'и́* 'полевые цветы', очевидно, представляет собой полонизм. На стыке основы и окончания чередования заднеязычных и свистящих отсутствуют.

ж) Переднеязычные *t*, *d*, *s* связаны чередованиями как с переднеязычными *ч*, *ж*, *ш*, так и с заднеязычными *к*, *г*, *х*. Так, на месте **t*, **d* в соседстве с аффрикатами, *л*, *л' р'* в архаичном слое говора отмечаются заднеязычные взрывные *к*, *г*: *пачк'и́* 'почти', *гл'а* 'для', прош. вр. *пр'чклá*, *прчкл'и́* 'прочеть', *н'згр'á* 'ноздря', о *в'эхац'* см. выше, — кажется, все эти примеры лексикализованы.

6.3.7. Сочетания *Sj > C'S'*: *абалóн'н'е*; *с''в'ин'н'á*, *с''в'ин'н'у́* и по аналогии gen. pl. *с''в'ин'н'эй*; *с'учча* 'сучья', nom. pl. coll. *плáт'т'и*. Ассимиляция *n'* предшествующему *л'*: *л'л'анóйь*. Ассимиляция *j* предшествующему согласному имеет непоследовательный характер.

7. Словоизменение и акцентуация.

7.1. Существительные I склонения.

7.1.1. Образцы I склонения существительных с основами, оканчивающимися на парный твердый согласный, показаны в таблице 6.

⁵ Кроме того, в Невеле известна дразнилка: *Псковицáне – те же англицáне, только нарѣцáя другáя*.

Яркой особенностью городокско-невельского диалекта является синкретизм gen., dat., loc. sg. у существительных I склонения, сохраняющийся сейчас только в речи старшего поколения. Синкретизм gen.–dat.–loc. sg. сочетается с наличием разновидностей I склонения. В таблицах 3–5 приводятся подпарадигмы I склонения, составленные по записям связной речи информантов родом из дд. Рудня, Хмельник и Берёзно. Материал классифицирован по завершителям основ (выделены следующие типы основ: на парные твердые согласные, кроме губных, на губные, на парные мягкие, на заднеязычные и на твердые шипящие). У основ, оканчивающихся на парные твердые согласные, отдельно показаны ударные и безударные окончания; у основ на парные мягкие, шипящие и заднеязычные показаны только ударные окончания, поскольку в безударном положении противопоставление /и/ и /е/ после этих согласных нейтрализовано.

Таблица 3. В. А. Марач (Рудня)

ТИП ОСНОВЫ	на парные твердые, кроме губных	на губные	на заднеязычные	на парные мягкие
gen. sg.	-b́í, -é, -bɨ, -e	-bɨ, -e	-é	-í
dat. sg.	<u>-bɨ</u>		-é	-í
loc. sg.	-b́í, -é, -e	-b́í, -é	-é	

Материал: gen. у n'íl'é; с вайн'ы, вайн'ы н'эт, с тей ст'ран'ы; к'яла ц'ёрк-вы, с п'олнаты, с'ылы н'ет, с к'оф'ц'и, б'ул'б'и м'аль, са шк'ол'и, ат шк'ол'и; к'ял р'ак'э; д'ал'и з'амл'и; dat. В'эры Ал'екс'эивны; п'я р'ак'э, дачк'э з'ац'; з з'амл'и; loc. на тей гар'ы, в пл'ит'ы, в вад'ы, у кап'ы, в г'ялав'э, у вадз'э; в х'ац'и, у шк'ол'и; н'я наг'э, у р'ак'э.

Таблица 4. М. И. Жукова (Берёзно)

ТИП ОСНОВЫ	на парные твердые	на губные	на заднеязычные	на парные мягкие	на шипящие
gen.	-b́í, -bɨ, -e	b́í-e	-é, -í	-í	-b́í
dat.	-b́í	-e	-é		
loc.	-b́í, -bɨ	b́í -e	-é		

Материал: gen. трав'ы, з друг'ей ст'р'янь; н'ет мук'э, дай мн'е мук'э, ат мук'э, з мук'и, мук'и, з' М'аж'ы, дз'в'е с'астр'ы; шк'олы н'э был'ь, з' Л'ал'ешчыны, у В'эры Ив'ан'ы, у В'эры, м'ак'ины штоп н'ь бул'о, у мушч'ын'ь,

ат *ма́м'ь*, у *те́й каро́в'и*, *ры́б'и кúп'им*, *кэ́ль ха́ц'и*, с *те́й ха́ц'и*; *ух'и зва́р'им*; у *с'в'ин'н'и́*, *dat. с'астры́*; *ба́б'ь пьмьга́л*, к *ма́м'и*; *пъ мукé*; *loc. у Маскв́и*; у *сту́п'ь апта́лкьвайуц'*, *нъ с'винаф'э́рмы*, *нъ п'ильтра́мы рабо́тэл*; в *мук'э*, в *рук'э*.

Таблица 5. Т. И. Коробова (Хмельник)

тип основы	на парные твердые, кроме губных	на губные	на заднеязычные	на парные мягкие	на шипящие
gen.	- <i>б́</i> , - <i>ы</i>	- <i>е</i>	- <i>э́</i>		- <i>б́</i>
dat.	- <i>б́</i> , - <i>ы</i>	- <i>е</i>	- <i>э́</i>		- <i>б́</i>
loc.	- <i>ы</i> , - <i>е</i>	- <i>э́</i> , - <i>е</i>		- <i>и́</i>	- <i>б́</i>

Материал: *gen. залы́, вады́, с' ма́жы́; сто́рны, у ба́б'ь, бу́л'б'ь; н'ет му́к'э, шьлу́х'э́; dat. пь вады́, з ба́б'и, пь ба́б'и, па бу́л'б'ь, пь ма́жы́; пь рук'э́, loc. нъ гьльв'э́, на В'и́ц'ипи́чыны, нъ (у) ква́рц'и́ры, у ха́ц'и, нъ ра́н'и, нъ са́ло́м'и; ма́жы́, у йе́жы, нъ з'амл'и́.*

Таким образом, для синкретических систем флексий *gen.–dat.–loc. sg.* существительных I склонения в диалекте характерно: 1) преобладание окончания *-е* у основ на губные и заднеязычные согласные (образцовым в этом отношении является говор Хмельника, где встречается исключительно *-е*); 2) преобладание *-и* у основ на мягкие согласные; 3) варьирование окончаний *-ы* и *-е* у основ на парные твердые согласные, примером чего может быть говор Рудни; 4) у основ на парные твердые, кроме губных, с ударными окончаниями *gen.–dat.–loc. sg.* в одних идиолектах (говорах?) наблюдается варьирование *-ы* и *-е*, в других — исключительно окончание *-ы*. Подобные разновидности синкретических систем I склонения отмечаются в окрестностях Невеля по данным ДАРЯ (Тер-Аванесова 2002: 196–197). Своеобразная система зафиксирована у информантки из Берёзна, для которой характерны: ударное окончание *gen.–dat.–loc. sg.* существительных I склонения *-ы* — у основ на парные твердые, безударное окончание *-е* — у основ на губные и остатки «обратной» системы безударных окончаний — у основ на парные твердые, кроме губных.

7.1.2. Акцентуация существительных I склонения. В рассматриваемом диалекте различается два акцентных типа у существительных I склонения: а. т. А — с неподвижным ударением на корне и а. т. В — с подвижным ударением. А. т. В характеризуется ударением на окончании в ед. ч. и на слоге, предшествующем окончанию, в *nom.* и *gen. pl.* Подтипы В₁ и В₂ соответственно различаются нафлекссионным/накоренным ударением в формах *dat.–*

instr. и loc. pl. (см. таблицу 6). Редчайшие примеры подвижности ударения в ед. числе: у слова *душá*, асс. *ду́шу* — по свидетельству информантки, это новое, неисконное ударение; у топонима *Межа* — как следствие контаминации исконного *М'эжа* (а. т. А, топоним) и *м'эжа́* (а. т. В, 'межа, граница').

Таблица 6. Акцентные типы существительных I склонения

	А	В ₁	В ₂
sg. nom.	<i>кало́да</i>	<i>гъльва́</i>	<i>нъра́</i>
gen.-dat.-loc.	<i>кало́ды</i>	<i>гълаввы́</i>	<i>нары́</i>
acc.	<i>кало́ду</i>	<i>гълаву́</i>	<i>нару́</i>
instr.	<i>кало́ды</i>	<i>гълаво́й</i>	<i>наро́й</i>
pl. nom.	<i>кало́ды</i>	<i>галовы́</i>	<i>но́ры</i>
gen.	<i>кало́т</i>	<i>гало́в</i>	<i>но́р</i>
dat.-instr.	<i>кало́дам</i>	<i>гъльва́м</i>	<i>но́рам</i>
loc.	<i>кало́дах</i>	<i>гъльва́х</i>	<i>но́рах</i>

Ниже приводится материал по акцентуации существительных I склонения, записанный от З. Н. Крутиковой (1944 г. р., род. в с. Хмельник, живёт в д. Долганы, что около с. Межа). Этот материал непоказателен с точки зрения словоизменения: молодая образованная информантка предпочитает «стандартные» (как в рус. литературном языке и не как в белорусском литературном) флексии gen., dat., loc. sg., к тому же в ее идиолекте различные флексии имеют dat. и instr. pl. При этом акцентуация слов рассматриваемого класса у этой информантки совершенно соответствует норме диалекта.

А. т. А, непроезженные существительные: *бу́л'ба* 'картошка'⁷; *бу́р'а*; *в'эжа*: *ба́ин'а*; *в'ечер'а* 'ужин'; *в'ика* 'чечевица'; *гл'ина*; *глы́ба* (льда, камня); *гн'и́да*; *гр'и́ва*; *гру́да*; *гу́шча* 'ячменная каша на молоке': *гу́шча э́та круп'э́н'а малочны́а*; *с' n'арло́вэй крупы́ су́п с късц'ам'и* — *круп'э́н'а*, а *нъ мьлак'э́* — *гу́шча*; *до́л'а*: *э́та судз'ба́ мыйа́ тькайы́ пьга́нны́а*, и *до́л'а* — *час'ц'*; *даро́га*; *до́ча*; *жа́ба* 'жаба'; *и́ва*; *ка́л'ика* 'свёкла'; *куча́*; *кра́л'и* 'бусы'; *кр'и́га* 'льдина, ледоход' (у *кр'и́гу* — 'во время ледохода'); *ла́па* (у зверя); *лу́жа*; *лу́ста* 'кусоч хлеба'; *ма́ра*: *э́та б'ьлару́скы́й сло́вь м'ьчта́*; *М'эжа* (~ *М'эжа́*, *М'ажу́*, топоним); *м'э́на*; *м'э́ра*: *пасу́дз'ина*, *като́рый м'э́р'ут'*; *м'ер'о́жа* 'рыболовная снасть' (*их ста́в'уц' дз'в'э́ штук'и*); *маро́ка*; *му́ка*; *н'и́ва* 'поле'; *но́ша* (за спи-

⁷ В списках слов даются три типа семантических помет: толкования (в «лапках»), пояснения (в скобках), объяснения информанта (после двоеточия). Отсутствие семантических помет означает, что слово имеет то же значение, что и в русском литературном языке.

ной); *о́л'ха* (~ *ал'ха*); *па́ра* (о людях и предметах); *па́сма*: *вот кро́сны, там па́сма бы́ла, па́сму нър'ьжа́л'и*; *па́ша* 'пашня'; *па́шин'а*; *па́лова*: *атхо́ды ад з'ьрна́; пр'а́жа; пр'оса кака́йа; пун'а* 'сенной сарай'; *ра́на; раки́та; р'е́а* 'овин'; *р'е́па; раго́жа; ро́шча; са́жа; с'и́ла; ску́ла* 'нарыв': *чыр', нары́г; с'л'и́на; са-ло́ма; са́рока*: *адна́ са́рока — адна́ ма́рока, со́рэк са́ро́к — со́рэк ма́ро́к; сту́па; ц'ел'е́га; ц'о́шча; ц'и́на; ц'а́га* (у *труб'е*); *у́да* 'удилище'; *хво́йа* 'хвойное дерево': *гаво́р'уц' на йо́лку и нъ сасну́; шку́ра; ха́та; ча́шиша* 'густой лес', ср. *чыши́а*.

А. т. А, некоторые производные существительные I склонения: *изна́р'и́на* 'ключ, родник' (Берёзно); *ба́нк'а* 'укладка снопов'; *глу́хайо́лка* 'можежевелик' (Рудня); *гэ́лав'е́шка; ду́тка* (народный музыкальный инструмент); *дз'е́шка* 'деревянный бочонок, кадушка': *йос' дз'е́шкь хл'ебо́н'яа и пьд ъгурцы́; йе́в-н'а* (Хмельник *йо́вн'а*) 'овин'; *жо́рдьчка; За́ло́мн'ица* (топоним); *зга́рода* 'изгородь'; *кла́тка* 'мост'; *ла́вка; л'ашчы́на; лу́стьчка* 'кусочек хлеба'; *маг'и́лк'и* 'кладбище', *мьла́нка, мо́л'н'а* 'молния'; *маты́ка; надз'е́а, pl. надз'е́и, надз'е́й мно́гь* 'дождевой червь' (Хмельник); *надз'е́йка; н'ев'е́ска; адз'е́жа; па-бо́йн'а* 'бьющая часть цепа'; *по́жн'а* 'сжатое поле'; *по́з'ьмка* 'земляника'; *ра́дуга; ску́лка* 'чирей, прыщ'; *с'ц'е́шка* 'тропинка', *трас'ц'и́нка* (элемент ткацкого бёрда).

А. т. В. *бля́ха, дз'в'е́ блах'и́, бля́ху, бло́х'и; бьр'ьда́, з бьрады́, баро́ды, з баро́т, з баро́дам; бьр'ьзна́, бьразну́* 'борозда'; *бьр'ьзда́, дз'в'е́ бьразды́, бьразо́у бу́л'бы ц'и бурако́в, баро́зды (бо́р'ьзды), пь бьр'ьзда́м* (нов.?): *бьр'ьна́, бьрану́, зь бьрано́й, баро́ны, зь баро́н'ьм; бьт'ва́, nom. coll. бато́вийь; буза́* 'ряска или другие водоросли?'; *в'ьсна́, в'асну́; в'ьрста́: к'и́лам'е́тр; в'ьха́, в'аху́, в'е́х'и, в'е́шк'и; уд'ва́, удаву́, удо́вы, удо́вам; вьда́, у ваду́; гьльва́, гьлаву́, гало́вы, пь гьльва́м, нь гьльва́х; гьра́, нь гару́, го́ры, пь гьра́м; гьрза́, гьразу́, гьро́зы; губа́, губу́, гу́бы, пь губа́м: пь губа́м ил'и пь гр'иба́м пьлучы́г* (в обоих случаях 'по губам') 'гриб; губа'; *дз'ьсна́, дз'асну́, дз'о́сны, з дз'о́сн'ьм'и; дз'ьжа́: бьл'и́ийь бо́чка з дасо́к, бо́л'ше дз'ьс'ац'и́ в'о́дз'ьр*, ср. *дз'е́шка; дьска́, даску́, до́ски, дасо́к, зь дьска́м; на́дъ ду́га́, ду́гу́, зь ду́гой, ду́ги; ду́ша́, ду́шу́: ц'ап'е́р' гаво́р'уц' ду́шу; жьрста́, жьрству́, шурьва́ла по́л жьрствой́: п'а-со́чк так'е́й кру́пн'н'к'ьи́ нъ даро́г'ь; кума́, куму́; л'ьб'о́да́, л'ьб'аду́; л'ьха́: пь-з'дз'е́шн'ьму гр'а́тка, л'аху́, л'е́х'и, у л'е́х'и паи́бо́в* 'на грядки, на огород'; *м'ьжа́, м'ажу́, нь м'аже́, пь м'аже́, и пь м'ажы́, нь м'ажы́, м'е́жы, па м'е́ж'ьм; м'ьтла́, м'атлу́, м'о́тлы, за м'о́тлам; мука́, муку́; ньга́, нагу́, но́ги, з но́х, пь ньга́м; ньзг'ра́, назг'ру́; нужда́, нуждо́; ньра́, в на́ру, но́ры, па но́р'ьм; авца́, авцу́, о́вцы, ав'е́ц, за о́вца́м; ал'ха́ (~ о́л'ха), ньру́б'и́ль ал'х'и́, ал'ху́; аса́, асу́, о́сы; аська́: катора́а р'е́жыци́ць, нь абало́нн'и рас'ц'о́т, асаку́; п'и́ла, п'илу́,*

п'ілы; п'льса́ (на поле), на п'ласу́, п'лас''е, палосы, п'льса́м; п'ьта́, п'ату́, п'аты́ 'пятка'; п'ра́, w пару́; пчя́ла, пчалы́, пчалу́, пчо́лы, кяла пчо́л, за пчя́ла́м; р'ька́, р'ек'и́, р'ак'и́ н'ет, w р'аку́, зь р'акой́, в р'ек'е́, у р'ек'е́; р'ьса́ йос'', п' рас''е́, расу́; рука́, w руку́, р'ук'и, рука́м; с''ер'ьда́, у с''ьр'аду́ (день недели); с''ьр'ьна́, с''ьр'ану́ 'наст'; с''ьстра́, с''астру́, с''астрой́, с''естр'е́, с''о́стры, с''ас'ц'о́р, с''ьстра́м; скя́ла, скалу́; скя́ба, скабу́; с''льза́, с''л'азу́, с''л'озы вьц'ьрла; смя́ла, смалы́, смалу́, ф смал'е́; сн'ьха́ (бо́л'иш н'ев'еска), снаху́; сьсна́, сасну́, со́сны, coll. п' сасо́н'н'у; сьва́, саву́, со́вы, cow, за со́вами; сьха́, саху́, со́хи; с'ц'ьга́, н'ь с'ц'ьазу́, п' с'ц'ьаг'е́, с'ц'ьэг'и, на с'ц'ьегам 'тропинка'; с'ц'ьна́, с'ц'ьаны́, с'ц'ьану́, с'ц'ьан'е́, сц'ьены́, с'ц'ьен'; стьр'ьна́, стьр'ану́, на о́б'ь сто́р'ьны; стя́на, стяну́; стр'ьла́, стр'алу́; стр'ьха́, стр'аху́, gen. сь стр'ах'е́; с''в'ьча́, с''в'ьчу́, с''в'ьчы́, с''в'ьча́мы; с''в'ин'на́, с''в'ин'ну́, с''в'ин'ни́, с''в'ин'н'ей́, с''в'ин'на́м; тья́ка, тья́ку 'коллективная помощь в работе'; тья́ва, тья́ву; тья́ста́ 'стебель'; тья́ха́, тья́ху́; тья́ка: с'ку́кь, с''ердз'ечны́е м'ук'и, таску́; узда́, узду́; ця́на́ цану́, ця́ны, за ця́нам; чыши́а: ета в'етк'и́ йяло́вий чышч'а́, ш чаши́, чаши́чу́; чьр'ьда́: тья́ва́, чьр'ьду́; чьрта́, чарту́ прав'о́в; з''ьмл'а́, з''амл'у́; з''има́, з з''им'е́, з''иму́; зья́: п'еп'ьл, залу́, зьр'а́, у зар'у́.

А. т. В, некоторые производные: *н'ь гл'уб'ин'е́, -ну́; д'ьх'ьта́ 'мор на животных'; мя́л'н'на́, мя́л'н'ну́ 'молния'; сь стьр'ини́, иья́лу́ха́.*

У существительных I склонения праславянские а. п. *b* и *c* в рассматриваемом диалекте совпали в акцентном типе В (колонная окситонеза форм sg., ударение на последнем слоге основы форм nom. и gen. pl.). Ср. формы с полногласием: nom. pl. *баро́ды, баро́зды, баро́ны, гало́вы, палосы́, старо́ны*, исключения: *бо́разды, на о́б'ь сто́р'ьны*; gen. pl. *дасо́к, ав'ец, с''ас'ц'о́р, с''в'ин'н'ей́*). Переход а. п. *c* > а. т. В у существительных I склонения характерен для обширного ареала, включающего псковские, частично тверские, гдовские говоры, русские говоры юго-западной диалектной зоны, северо-восточные белорусские говоры, см. (Образование: 404, карта 108).

Различие а. т. В₁ и В₂, возможно, когда-то отражало противопоставление а. п. *b* и *c* или какое-то иное распределение акцентных контуров dat., inst., loc. pl., например, по длительности корневого гласного. У З. Н. Крутиковой какого-либо исторического основания противопоставления двух подтипов В усмотреть не удастся. А. т. В₁: *з баро́дам, баро́нъм, дз'о́снъм, м'эжъм, м'от-льъм, но́ръм, о́ицьъм'и, со́вьъм'и, с'ц'ьэгъм'и, с''в'ечъмы, ця́ньъм, удо́вьъм;*

А. т. В₂: *бья́рзда́м, губа́м, гья́ва́м, п' ньга́м, пчя́ла́м, гья́рам, дья́ка́м, ньга́м, с''ьстра́м, с''в'ин'на́м.*

7.1.3. Как вариант I склонения можно рассматривать склонение уменьшительных имен собственных м. рода типа *Ваня, Саша* и нарицательных оду-

шевленных существительных м. рода с суффиксами *-к-*, *-ушк-*, *-ишк-*: ном. sg. *Сáша, мал'чýшка*, gen.-dat.-loc. sg. *Сáшы, мал'чýшк'и*, acc. sg. *Сáшу, мал'чýшку*, instr. sg. *Сáшым, мал'чýшкым*, ном. pl. *мал'чýшк'и*, gen. pl. *мал'чýшк*.

7.2. Существительные II склонения мужского рода. Основной материал записан от Йвлиевой Лидии Константиновны (род. в 1928 г. в с. Бычиха, зап. в Бычихе в 2004 г.; И.), Марáч Веры Андреевны (род. в 1929 г. недалеко от Рудни; зап. в Меже в 2005 г.; М.), Чапéлкиной Марии Николаевны (род. в 1940 г. в д. Смородник в 5 км от Мехового; зап. в 2003 г. в Меховом; Ч.), Кóрбовой Татьяны Ивановны (род. в 1928 г. в д. Берёзовка около Хмельника, зап. в 2005 г. в Меже; К.). Дополнительный материал записан от Жýковой Марии Ивановны (род. в 1930 г. недалеко от Берёзна; зап. в 2005 г. в Меже; Ж.) и Кру́тиковой Зинаиды Николаевны (род. в 1938 г. в Хмельнике, зап. в 2005 г. в д. Долгань; Кр.). Материал приводится в приложении к статье.

7.2.1. Окончания существительных II склонения показаны в таблице 7.

Таблица 7

	sg.	pl.
nom.(-acc.)	-Ø	-ы/-и, -а
gen.(-acc.)	-а, -у	-ов, -ей, -Ø
dat.	-у	-ам
instr.	-ом	-ам
loc.	-е, -и, -у	-ах

Образцы II склонения существительных м. рода с основами на твердый согласный показаны в таблице 9, на мягкий согласный — в таблице 10.

7.2.2. Варьирование падежных показателей существительных м. рода.

7.2.2.1. Показателями **gen. sg.** существительных м. рода являются *-а, -у*.

1) Под ударением в подавляющем большинстве случаев выступает *-а*: *вля́, вьля́са, с са́мьгь в'ьр'ха́, б'ьз гьрба́, н'ет грузда́, жьлуда́, без зуба́, хля́ка, кья́са, кья́ма, дь кьр'н'а́, дь кр'ьста́, кр'ьта́, круга́, л'ьм'ьха́, л'ьн'а́, б'ьз л'иста́, з лькц'а́, б'ьз лья́ма, з лыча́, з' м'ьха́, з мя́ста пьдым'и́, мазьл'а́, мха́ н'ету́, б'ьз нькц'а́, оьса́, б'ьз ьгн'а́, пльда́, прута́, н'и́жы пупа́, р'ьмн'а́, рьга́, рья́я, р'ьда́, с'льда́, сньпа́, ствьла́, стьга́, стья́ла, сь стья́ла, с сука́, трусá, вугл'а́, з ул'и́а, ума́, хвьста́, хр'ька́, ц'в'ьта́ н'ет нь картóшк'и, н'ет шы́па, мья́та.*

Исключения: *н'эту м'лату́, н'эт саду́* (но: *ис са́да*).

Безударными окончаниями *геп. sg.* бывают *-а* и *-у*.

2) Окончание *-а* присоединяют существительные одушевленные и неодушевленные, считаемые и несчитаемые: *з б'эр'ьга, блуда, п'ос'л'ь бо́йь, бо́рьва, з бо́ра, б'р'ода, ат в'эр'ха, в'этра, да в'эчира, з' в'ира, в'ихра, б'ез (з) во́р'ята, з во́ска, з во́за уп'аль, з в'аза, б'аз г'рузь, б'аз до́лга, з дуба, жо́льба, у м'йаго́ жу́рава, зво́на, без зу́ба, с кл'она, н'ет хр'ес'ц'ика, с к'руга 'из круга', з ла́за, з ло́га, з ло́йа вы́ск'рк'и, з лу́га, мо́льта, н'ита, н'эт но́р'ьтъ, з но́са, з ва́ла, ат но́та, р'ова, з ро́ва, ро́га, ихн'ва ро́да, (ис) н'и ъднаго́ са́да, (нет) с'в'о́кра, с' с'эв'ьра, сло́йа, с'ц'э́ржн'а, н'эт сто́рьжа, истру́ба, сту́ка, ц'э-р'има, х'ода, ат (с) хо́льда, хо́лта.*

3) Окончание *-у* присоединяют только неодушевленные существительные: *ад бо́йу, с пра́вьгь бо́ку, з бо́ку, спрад в'эку тако́йе быва́иц', з' в'эрху, з' л'эсу, з' н'изу, н'ет саду́, с пат с'н'эгу, н'ь да с'м'эху, с то́ку, то́лку н'эт с'ц'еб'э.* В следующих примерах окончание *-у* присоединяется к несчетным существительным, причем формы *геп.* имеют партитивное значение: *в'эр'и-су, во́ску, н'ет в'азу, в'азу мно́го, струк гаро́ху, йо́ху, жа́ру, мно́гь л'о́ду, мно́гь ло́йу, н'чап'ила наво́зу, (нет) мно́гь ма́ку, куп'ила м'о́ду, дай м'элу, н'ет м'иру, н'ь было́ мо́ру, на́р'ьсту н'э был'ь, асо́ту, мно́гь по́п'илу, (нет) с'н'эгу, т'ь ст'к'ану со́ку, (нет) со́льду, стра́му, тво́рьгу, хво́рьсту в'аску, н'эт хво́рьсту, хр'ону н'ет, ш'уму у хат'и.*

7.2.2.2. Показателями **loc. sg.** являются *-е, -и, -у*, распределенные в зависимости от исхода основы и акцентного типа слова.

1) Окончание *-е* присоединяют все основы а. п. А, оканчивающиеся не на *к, г*; некоторые основы а. п. В, D₁ и D₂, оканчивающиеся не на *к, г*; некоторые основы на парные мягкие согласные. А. т. А: *у гаро́дз'е, н'ь гаро́х'ь, на стру́-б'ь, в калхо́зн'ьм хл'эв'и, на стру́п'е*; а. т. В: *н'ь брус'э, в куц'э, н'ь стал'э, н'ь цап'э 'цепь', н'ь ступн'э* (Рудня); а. т. D₁: *н'ь с'ц'абл'э* (Рудня); а. т. D₂ (~С): *н'ь в'рац'э; у дуб'и, на с'ц'э́ржн'ь.*

2) Окончание *-и* зафиксировано у отдельных слов с основами на парный мягкий согласный, в имеющихся примерах — только на мягкий *н'*: *на пн'и* (Хмельник), *в агн'и, н'ь кан'и* (Смородник). Однако ср. *н'ь ступн'э, н'ь с'ц'абл'э* (Рудня).

3) Окончание *-у* присоединяют основы на *к, г* и основы на *х*, не относящиеся к а. т. А: *н'ь б'ьр'агу́, н'ь баку́, м'эс'ьц' н'ь в'ятаху́, н'ь в'яташк'у, у В'и-ц'ьпску, н'ь валку́, у Г'ьратк'у, у лагу́, в М'инску, ва мху́, л'э́мьх у плугу́, у с'ьпа-гу́, у с'н'агу́, н'ь с'ц'ьб'ал'ку́, н'ь стагу́, у струку́, н'ь так'у, н'ь и́зьк'у.*

4) Окончание *-у* присоединяют основы на парный твердый, *j* и отвердевший согласный, не относящиеся к а. т. А.

А. т. В: *гарбу́, нь жьслуду́, в агури́у, нь снапу́ с''адз'ом, на адным сталбу́;*
а. т. С: *в байу́, в бару́, нь б'раву́, у в'иру́, нь в'азу́, в как'им гаду́, на л'ду́;* а. т. D₂: *нь вазу́, нь в'азу́, нь жьслабу́, в зубу́, нь н'изу́, нь насу́.*

Таким образом, в лос. sg. существительных м. рода противопоставлены те же разновидности склонения, что и у существительных ж. рода. Они показаны в таблице 8, где в качестве позиций различения разновидностей склонения выделены: 1) основы, оканчивающиеся на парный твердый, с ударными окончаниями лос. sg. (а. т. В, С, D₁, D₂), 2) основы на парный твердый с безударными окончаниями лос. sg. (а. т. А, С, D₂), 3) основы на задненебный, кроме основ на *-х* а. т. А, 4) основы на парный мягкий, 5) основы на отвердевший согласный. Основы на задненебный столь же последовательно, как и в I склонении, выделяются в особую разновидность склонения, прочие типы основ обнаруживают колебания показателей лос. sg.

Таблица 8

	1) <i>стол</i> В, <i>год</i> С, <i>нос</i> D ₂	2) <i>город</i> А, <i>дуб</i> С/D ₂	3) <i>Минск</i> , <i>в'етох</i>	4) <i>пень</i>	5) <i>огурец</i>
лос. sg.	<i>-е, -у</i> (а. т. С – только <i>-у</i>)	<i>-е</i>	<i>-у</i>	<i>-и, -е</i>	<i>-у</i>

7.2.2.3. Особенностью говора является употребление локатива с предлогом *по*. Во мн. числе это не имеет исключений (*нь л'ьса́х, нь г'льва́х*) и является важной изоглоссой, отделяющей русские говоры, где *по* управляет дативом, от белорусских и украинских. Последние в этом отношении объединяются с западнославянскими языками и диалектами (Лопатина 1998).

В единственном числе конструкция *по* + лос. представлена у части существительных м. рода а. п. С и D, имеющих в лос. sg. окончание *-у́*. Формы dat. и лос. sg. различаются местом ударения (начальное — в dat., нафлексивное в лос.): лос. *нь б'ьр'азу́, нь б'ьр'азу́, dat. з б'ьр'ьзу (D₂); лос. нь бару́, в бару́, dat. з бо́ру (D₂); лос. нь браду́, нь браду́, dat. з брóду (С); лос. нь зубу́, в зубу́ (В~D₂); лос. на л'ду́, на л'ду́ (С), лос. нь л'асу́, в л'асу́, dat. к л'эсу (С); лос. на н'изу́, нь н'изу́, dat. к н'изу́ (D₂); лос. нь с''н'азу́, у с''н'азу́, dat. к с''н'эзу (D₂); по-видимому, на это указывают также формы *нь з''в'ар'у́* (и *на з''в'эр'у́* D₂~С), *нь са-ду́* (D₃~С), *нь с''ладу́ найшо́в* (D₃~С), *нь раву́* (D₂). Реже у существительных а. п. С и D в конструкциях с *по* выступает форма dat. sg.: dat. к во́зу, на во́зу, лос. нь вазу́ (D₂); то же можно предполагать у следующих слов, у которых не*

зафиксирован loc. sg.: *нъ зáду* (C); *на лóқи*'у (D₂, C); *на м'úру пушишú* (C?); *на с'л'éду* (D₃~C); *на сóльду* (C); *на хвóръсту* (C); *на хóльду* (C~D₂); *на хóлсту*.

У слов а. т. В с окончанием loc. sg. -ý эта форма совпадает с формой dat. sg.: *нъ бакú*, *нъ бакú*, *з бакú*. У слов а. т. В с окончанием loc. sg. -é в конструкциях с предлогом *по* выступает дательный падеж: dat. *з брусú*, *нъ брусú*, loc. *нъ брус'é*, dat. *к цанú*, *нъ цанú*, loc. *нъ цан'é*.

7.2.2.4. Формы **пот.(-асс.) pl.** в говоре имеют ярко выраженный «белорусский» характер: окончанием здесь является -ы/-и, ударное у слов всех акцентных типов, кроме а. т. А. Специально отметим, что часть слов праславянской а. п. *а* во мн. числе развивает нафлексивное ударение и переходит в а. т. С (*дз'эт*, *дз'éда*, пот. pl. *дз'ады*).

Накоренное ударение за пределами а. т. А имеется (1) у нескольких слов с твердыми основами: *гóды* (C), *рóг'и* (B, D₂), *рóды* (C), *зúбы* (B, D₂), а также *вóрах'и* 'деревянные грабли для сена' (с тенденцией к переходу в а. т. А); (2) у слов с основами на парные мягкие согласные и на -ей с беглым *е*: *нóқи'и*, *лóқи'и* (D₁), *вúл'йи* (D₃/C); (3) у слов с основами на *зд* во мн. числе основа становится мягкой, как в типе *черти*, *соседи*, однако варианты с твердыми основами тоже встречаются: *груды́* ~ *груд'дз'и*.

Ударное окончание пот. pl. -á зафиксировано в единичных случаях, скорее всего, представляющих собой заимствования (из русского языка): Рудня *учыц'ыл'á*, *л'ьса́* (строит.); Бычиха *кэлькэ́лá*, *л'ьса́*, *лугá* ~ *луг'й*.

7.2.2.5. В говоре имеются собирательные формы в функции множественного числа: пот. *такóйъ брус'йъ*, *дз'ьр'ьв'áннйъ брус'йъ*, ген. з *брус'йъ*; пот. *вс'о л'ис'ц'йъ прьпáль*, ген. *б'аз л'ис'т'а*; пот. *сúччъ*, *вугáл'л'ъ*.

7.2.2.6. Акцентуация существительных м. рода. В говоре противопоставлены шесть акцентных типов у непроезженных существительных м. рода, см. таблицы 9 и 10. А. т. А характеризуется неподвижным ударением на корне; В — неподвижным ударением на окончании (в случае нулевого окончания — на последнем слоге основы). Имеется четыре подвижных акцентных типа С и D, различающиеся рисунком акцентных кривых в формах ед. числа, или тем, в каких именно падежах имеются рефлексы форм-энклиноменов, а в каких представлено нафлексивное ударение. Во мн. числе а. т. В, С и D у подавляющего большинства слов не различаются, совпадая в акцентной кривой, восходящей к а. п. *b*. Накоренное ударение слов, у которых по каким-либо причинам зафиксированы только формы ед. числа (т. е. невозможно различить а. т. А и С), ниже обозначается как а. т. *a*.

Таблица 9. Акцентные типы существительных муж. рода с основами на парный твердый согласный

	А	В	С	D ₁	D ₂	D ₃
sg. nom.	<i>марѠс</i>	<i>стѠл,</i> <i>жѠлѠт</i>	<i>гѠт,</i> <i>вѠрах</i>	<i>мѠлт</i>	<i>вѠрът,</i> <i>нѠрът</i>	<i>с'л'Ѡет</i>
gen.	<i>марѠза</i>	<i>стѠлѧ,</i> <i>жѠлѠдѧ</i>	<i>гѠдѧ,</i> <i>вѠръхѧ</i>	<i>мѠлтѧ,</i> <i>мѠлатѠ</i>	<i>вѠрътѧ,</i> <i>нѠрътѧ</i>	<i>с'л'Ѡдѧ,</i> <i>сѧдѠ</i>
dat.	<i>марѠзу</i>	<i>стѠлѠ,</i> <i>жѠлѠдѠ</i>	<i>гѠду,</i> <i>вѠръхѠ</i>	<i>мѠлатѠ</i>	<i>вѠръту,</i> <i>нѠръту</i>	<i>с'л'ѠѠду</i>
instr.	<i>марѠзѠм</i>	<i>стѠлѠм,</i> <i>жѠлѠдѠм</i>	<i>гѠдѠм,</i> <i>вѠръхѠм</i>	<i>мѠлатѠм</i>	<i>вѠратѠм,</i> <i>нѠратѠм</i>	<i>с'л'ѠѠдѠм</i>
loc.	<i>марѠз'Ѡ</i>	<i>стѠл'Ѡ,</i> <i>жѠлѠдѠ</i>	<i>гѠдз'Ѡ,</i> <i>гѧдѠ</i>	<i>мѠлац'Ѡ,</i> <i>мѠлатѠ</i>	<i>вѠрац'Ѡ,</i> <i>нѠратѠ</i>	<i>с'л'ѠѠдѠ</i>
pl. nom.	<i>марѠзы</i>	<i>стѠлѧ,</i> <i>жѠлѠдѧ</i>	<i>гѧдѧ,</i> <i>вѠрах'Ѡ</i>	<i>мѠлатѧ</i>	<i>вѠратѧ,</i> <i>нѠратѧ</i>	<i>с'л'ѠѠдѧ</i>
gen.	<i>марѠзѠв</i>	<i>жѠлѠдѠв</i>	<i>гѧдѠв</i>	<i>мѠлатѠв</i>	<i>нѠратѠв</i>	<i>с'л'ѠѠдѠв</i>
dat.-instr.	<i>марѠзѠм</i>	<i>жѠлѠдѠм</i>	<i>гѠдѠм</i>	<i>мѠлтѠм</i>	<i>нѠрътѠм</i>	<i>с'л'ѠѠдѠм</i>
loc.	<i>марѠзѠх</i>	<i>жѠлѠдѠх</i>	<i>гѠдѠх</i>	<i>мѠлтѠх</i>	<i>нѠрътѠх</i>	<i>с'л'ѠѠдѠх</i>

В таблице 10 приводятся формы, иллюстрирующие акцентное и морфологическое варьирование у существительных м. рода с основами на мягкий согласный.

Таблица 10. Акцентные типы существительных муж. рода с основами на мягкий согласный

	А	В	С	D ₁	D ₂	D ₃
sg. nom.	<i>м'адз'в'Ѡц'</i> <i>чѠр'ѠиѠ</i>	<i>мазѠл'</i>	<i>з'в'Ѡр'</i>	<i>лѠкѠц'</i> <i>р'Ѡм'Ѡн'</i>	<i>сѠ'ѠрѠжн'</i>	<i>гѠс'</i> <i>вѠл'ѠиѠ</i>
gen.	<i>м'адз'в'Ѡдз'ѧ</i>	<i>мѠзѠл'ѧ</i>	<i>з'в'Ѡр'ѧ</i>	<i>лѠкѠц'ѧ</i>	<i>сѠ'ѠрѠжн'ѧ</i>	<i>гѠс'ѧ</i> <i>вѠл'ѠѠѧ</i>
dat.			<i>з'в'Ѡр'Ѡу</i>	<i>лѠкѠц'Ѡ</i>		
instr.	<i>чѠр'Ѡм</i>	<i>мѠзал'Ѡм</i>	<i>з'в'Ѡр'Ѡм</i>	<i>лѠкѠц'Ѡм</i>	<i>сѠ'ѠрѠжн'Ѡм</i>	<i>гѠс'Ѡм</i> <i>вѠл'ѠѠм</i>
loc.		<i>нѠ стѠпн'Ѡ</i> <i>нѠ кан'Ѡ</i> <i>агн'Ѡ</i> <i>на пн'Ѡ</i>		<i>нѠ с'Ѡ'Ѡбл'Ѡ</i>	<i>сѠ'ѠрѠжн'Ѡ</i>	
pl. nom.	<i>чѠр'Ѡи</i>	<i>мѠзал'Ѡи</i> <i>угл'Ѡи</i> <i>кѠн'Ѡи</i> <i>кѠр'н'Ѡи</i> <i>лас'Ѡи</i> <i>л'Ѡн'Ѡи</i>	<i>з'в'Ѡр'Ѡи</i>	<i>лѠкѠц'Ѡи,</i> <i>кѠхѠц'Ѡи</i> <i>нѠкѠц'Ѡи</i> <i>р'Ѡмн'Ѡи</i> <i>гр'Ѡбн'Ѡи</i> <i>гр'Ѡбн'Ѡи</i>	<i>сѠ'ѠрѠжн'Ѡи</i>	<i>гѠс'Ѡи</i> <i>вѠл'ѠѠиѠ</i>

	A	B	C	D ₁	D ₂	D ₃
gen.		у́гл'эй ко́н'эй ла́с'эй а́гн'эй ле́н'эй сту́пн'о́в ка́р'н'о́в	з'в'ар'эй	ла́кц'эй на́хц'эй р'амн'о́в зр'абн'о́в		зус'эй
dat.-instr.	чи́р'ъм	ко́н'ъм кѡ́н'ъм				
loc.		ко́н'ѡх лѡ́с'ѡх		ко́хц'ѡх кѡ́хц'ѡх		

Распределение существительных м. рода по акцентным типам. Городокско-невельский диалект по характеру сохранения в нем акцентологических диалектизмов позднеславянского времени относится ко 2-й группе славянских диалектов (Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 109–159). Для этой группы характерны оттяжка ударения с долгих гласных и дифтонгов, на которых в праславянском находилось ударение «типа нового акута», на предшествующий слог с кратким гласным и окситонеза всех форм, кроме nom.-acc. sg., производных существительных а. п. *d*. Северо-восточные говоры Городокского р-на Витебской области сохраняют последнюю особенность в гораздо большем объеме, чем все известные восточнославянские диалекты, относящиеся ко 2-й группе, ср. материал в (Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 129–154; Тер-Аванесова, Рыко 2004; Шрагер 2004).

(1) **А. т. А** в говорах продолжает праслав. а. п. *a*: *гад* К., *горóх* К., М., *гляк* 'глиняный кувшин' К., *лаз* Ж., *мак* М., *медвѣдь* М., *морóз* М., *орѣх* М., *осóт* М., *порóг* Кр., *струб* М., *я́сень* К., *я́стреб* К.

К а. т. А отнесены слова а. п. *a*, у которых имеются или зафиксированы только формы ед. числа: *бруд* 'мусор', *глум* 'шум' К., *зряд* 'град' К., Ж., *лад* Ч., *мел* М., (*мýсор* М.,) *сѣвер* М., *чад* Ч., *щáвель* М., *язы́к* М.

Вторично в а. т. А вошли слова других праслав. акцентных парадигм, а также слова с неполногласием: *во́рох* 'деревянные грабли' М. (*c?*), *клѣн* К., И. (*b/d*), *со́кол* М. (*b/d*), *трѣпет* Кр. (*c?*), *страм* М., *хрѣн* М. Напротив, некоторые слова а. п. *a* вторично развили подвижность ударения, как *дед*, *камень*, *нит* (а. т. С).

(2) **А. т. С** включает слова праслав. а. п. *c* и *d*, а также несколько слов других праслав. акцентных парадигм.

А. п. *c*: *вѣрес* 'чабрец?' М., 'можжевелик' Ч., *во́рон* М., *год* (рл. *го́ды* ~ *гады́*) К., Ч., *го́луб* 'голубь' (рл. *гѡлубы́*) К., *го́лод* К., *зук* Ч., *дом* Ч., *лѣд* Ж., *лес* Ж., Ч., *ло́й* 'нутряное сало' Ж., *род* М., *со́лод* М., Ч., *смо́род* Ч., (*твóрог* М.), *ход* М.

А. п. *d* (и *d/b*): *бой* И., Ч., *брод* И.(?), К., Ч., *вётах* 'третья фаза луны' М., Ч., *вёчер* И., М., *вир* 'водоворот' М., *гóрод* К., Ч., М., *зоб* Ч., *корм* Ч., *кóроб* 'берестяной рюкзак' К., *лог* И., Ж. 'низина', *луг* И., Ч., *пёрстень* Кр., *под* Ч., *пóрох* Кр., *пот* Кр., И., Ч., *хвóрост* И., М., Ч.

К а. т. С могут быть отнесены слова праслав. а. п. *c* и *d*, у которых имеются или зафиксированы только формы ед. числа с накоренным ударением. А. п. *c*: *век* М., *гнев* К., Ч., *зной* К., Ч., *гнус* 'скупец' К., *гóрън* (в кузнице) К., *грим* 'грохот' К., *гром* К., *гул* К., *ѣх* М. ~ *ѣг* Ч. (ядовитое растение), *зад* И., *звон* И., *зной* Ч. 'озноб', *кал* К., *мёд* М., *мор* М., *рѣв* М., *сок* М., *стук* М., *чирь* ~ *чíрей* Ч., *шум* И. Слова а. п. *d* и *b/d*: *блуд* И., *воск* М., *гон* (на охоте) К., *груз* И., К., Ч., *жар* М., *нáрост* 'нерест' М., *пóпел* И., Ч., *пот* И., *свѣкор* И., М., *слой* М., *слух* М., *смех* М., Ч., *сом* М., *сор* М. Условно сюда же относим *глузд* 'пустая болтовня' (ср. *глуз'дз'иц'* 'болтать') К.

К а. т. С относится несколько слов а. п. *a*, вторично развившие подвижность ударения: *дед* (рл. *дз'ады́*, *дз'адów*) Ж., К., *ка́мень* (рл. *ка́мн'и*, *камн'ей*) К., *нит* (рл. *н'иты́*) Ч.

А. т. С у ряда слов праслав. а. п. *d* зафиксирован в части идиолектов, тогда как у другой части информантов те же слова относятся к а. т. В, D₁, D₂ или D₃, то есть сохраняют окситонезу всех или части форм ед. числа: *бор* И., К., *бóров* К., *в́ихорь* ~ *в́ихор* М., *вóлос?* И., *вóрот* (ворот рубахи; ширинка) М., Ч., *вяз* (дерево) М., *гóлос* К., *долг* И., *жѣлоб?* И., *круг* (танец) И., *нѣрест?* И., *ряд* И., *сад* И., *слой* И., *ток* М., *хóлод* М., *холст* 'холст' М. Сопоставление идиолектов в отношении рефлексов а. п. *d* см. в таблице 12.

(3) К а. т. В относятся слова а. п. *b*, *d*, редко — других праслав. акцентных парадигм.

Подавляющее большинство слов а. п. *b* сохраняет ее в говорах в виде а. т. В: *бобёр* Ч., *бык* Ч., К., И., *валу́й* К., *вуж* Ч., *гвозд* ~ *гвоздь* К., Ч., *глист* К., Ч., *гриб* Ч., Ж., *груд* 'костёр' Ч., *гуж* Ч., *двор* И., Ч., Ж., *ѣри* К., *кара́сь* К., *клѣст* К., *клѣши* К., *хлок* (клок, напр. шерсти) И. ~ *клок* Ч., *клоп* К., Ч., *конь*, *кот*, *котёл* Ж., *крот* Ж., Ч., *лень* 'линь' Ж., *лист* Ж., *лыч* 'пяточок свиньи' И., М., *мозóль* М., *моты́ль* 'бабочка' М., *овѣс* М., *огóнь* М., Ч., *оку́нь* Ж., *паву́к* Ч., *пласт* (сена) И., Ч., *пост* Кр., *прут* И., *пук* 'пучок' Кр., Ч., *скот* Ч., *сноп* М., Ч., *ствол* (ствол дерева, стрелка лука) М., Ч., *стол* М., Ч., К., *ступе́нь* 'ступня ноги' М., *сук* И., М., Ч., *трус* 'трус; кролик' М., *шип* М., *шмель* Ч., *хвост* М., Ч., *хряк* М., *ячме́нь* К.

Некоторые производные а. т. В: *ветошóк* 'старый месяц', *лизу́н* 'слизень', *норото́к* (сеть), *оби́ц* 'молотило, цеп' (рл. *аб'ицы́*), *червя́к*, instr. *с песня́ком*, *глику́н* (роль на охоте), *стебелёк*, *кориша́к* 'коршун', *печку́рь* 'печник'.

Небольшое число слов а. п. *b* имеет накоренное ударение в какой-нибудь из форм ед. числа во всех идиолектах, см. таблицу 11:

Таблица 11

И.	Ч.	М.	К.	другие инф.
<i>вал С~D₃</i> (сена)	<i>кут</i> 'угол' D ₃ <i>пруд</i> D ₂ <i>крест</i> В <i>боб</i> С <i>вал</i> В	<i>кут</i> В <i>хольст</i> С <i>вал</i> В	 <i>боб</i> В <i>хлев</i> С?	 <i>крест</i> D ₃ (Ж.)

Оттяжка ударения на корень у существительных м. рода а. п. *b* встречается в говорах 2-й акцентологической группы, в том числе псковских, тверских и витебских, где она представлена у значительно большего числа слов, чем в городокско-невельском диалекте, и объясняется влиянием слов а. п. *d* (Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 135, 138; Шрагер 2004).

(4) В таблице 12 дается сопоставление акцентуации существительных м. рода праслав. а. п. *d* в разных идиолектах. Приводятся слова с окситонезой всех (а. т. В) или некоторых форм ед. числа (а. т. D₁, D₂, D₃), а также их соответствия, имеющие баритонированные формы ед. числа в других идиолектах. В таблицу 12 включены также отдельные слова а. п. *c* (*волк*, *тесть*) и а. п. *a* (*клин*), обнаруживающие акцентуацию, подобную словам а. п. *d*.

В таблице 12 выделены следующие типы развития а. т. *d* в акцентные типы с окситонезой форм ед. числа: 1) а. п. *d* > а. т. В во всех идиолектах; 2) а. п. *d* > а. т. В/D₂/D₃/С (а. т. В хотя бы в одном идиолекте при других акцентных типах в остальных идиолектах; этот и предыдущий типы развития характерны также для существительных а. п. *b*, см. выше); 3) а. п. *d* > а. т. D₁ хотя бы в одном идиолекте; а. т. В и D₁ противопоставлены только у существительных с неодносложной основой; 4) а. п. *d* > а. т. D₂ и 5) а. п. *d* > а. т. D₃ хотя бы в одном идиолекте.

Таблица 12

	И.	Ч.	М.	К.	другие инф.
1) а. п. <i>d</i> > а. т. В	<i>ком</i> В 'комок' <i>мост</i> В 'пол; мост' <i>рой</i> В <i>стог</i> В (обычно <i>одбнок</i>) <i>колокол</i> В	<i>ком</i> В <i>мост</i> В <i>стог</i> В <i>лось</i> В <i>мозг</i> В	<i>мост</i> В <i>рой</i> В <i>стог</i> В <i>мох</i> В 'мох; болото' <i>тесть</i> В	<i>гроб</i> В	<i>волк</i> В (Ж.)

	И.	Ч.	М.	К.	другие инф.
	дуб D ₂ зуб D ₂ снег D ₂ вяз D ₂ низ D ₂	ток D ₂ /C дуб D ₂ зуб C снег C цвет D ₂ низ D ₂ чин D ₂ верх C	ток C зуб B снег D ₂ вяз C (дерево) низ D ₂ зверь D ₂ /C верх/верёх D ₂ стержень D ₂		
5) а.п. <i>d</i> > а. т. D ₃ (/C/B/D ₂)	ряд C след D ₃ рог D ₂ лом D ₃ бор C (лес) ком D ₃ круг D ₃ /C	голос D ₃ /B ряд C след D ₃ цеп D ₃ /B рог D ₃ плот D ₃ бор D ₃ /B гусь D ₃ /B круг C	ряд D ₃ след D ₃ сад D ₃ улей D ₃	голос C бор C	

Основы на мягкие согласные (старые **jo-*, **i-*основы и основы на согласный) имеют тенденцию к окситонезе форм ед. числа. Так, к а. т. В относятся *лень* 'линь', *мозóль*, *моты́ль*, *огóнь*, *оку́нь*, *ступе́нь*, *тесть*, к а. т. D₁ — *но́коть*, *ко́готь*, *ло́коть*, *ре́мень*, *сте́бель*, *уго́ль*, и лишь четыре слова — к другим акцентным типам: *зверь* (C/D₂), *сте́ржень* (D₂), *гусь*, *у́лей* (D₃).

Таким образом, в северо-восточных говорах Витебской обл. начальное ударение в формах ед. числа имеют чуть более 30 существительных м. рода а. п. *d*, тогда как нафлекссионное ударение представлено у 86 из них. При этом у одного информанта количество существительных а. п. *d* с нафлекссионным ударением может составлять 51 слово (М. Н. Чапёлкина из Смородника), 40 слов (В. А. Марач из Рудни), 33 слова (Л. К. Ивлиева из Бычихи). Приблизительно те же статистические показатели имеют различные рефлексы а. т. *d* в говорах Заонежья (Тер-Аванесова, Рыко 2003: 280–284). Закономерностей распределения слов а. п. *d* между синхронными типами В/D₁, С, D₂, D₃ (зависимость от качества корневого гласного, структура корня) выявить не удастся, предположения относительно а. т. D₃ см. ниже. При этом обращает на себя внимание относительная стабильность лексического состава акцентных типов в исследованных говорах.

А. т. D₁ может рассматриваться как прямое отражение а. п. *d* (рефлекс формы-энклиномена в ед. ч., ортотонических форм с нафлекссионным ударением — в остальных формах парадигмы). А. т. D₂ и D₃, возможно, представ-

ляют собой развитие окситонированного или «смешанного» акцентного типа в сторону а. т. С; во всяком случае, варьирование у одного слова $D_2 \sim C$ или $D_3 \sim C$ встречается достаточно часто как в рамках одного идиолекта, так и между разными идиолектами, в то время как варьирование $D_2 \sim D_3$ является сравнительно редким. А. т. D_3 , наименьший по охвату лексики, включает в себя, в частности, **u*-основы а. п. *d* с долгим корневым гласным, и притом похожей структуры (*ряд, след, сад, голос*), и **u*-основу *бор*. Рисунок акцентной кривой а. т. D_3 напоминает праслав. акцентную парадигму с **u*-основ (Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 48).

Обращает на себя внимание сильное взаимовлияние (или подобие друг другу) а. т. В, С, и типов D не только в отношении акцентуации, но и в отношении словоизменительных парадигм: в отличие от восточнорусских говоров, окончание loc. sg. -*ú* часто встречается не только у слов а. т. С и D, но и В (что, по-видимому, объясняется вхождением в этот тип большого числа слов а. п. *d*); неразличение а. т. В, С и D во мн. числе и формы nom.-acc. pl. с окончанием -*ýi/-í*. Эти особенности, а также другие (формы gen. sg. с окончанием -*ú*, в том числе у **u*-основ; особенности склонения основ на задненебный), заставляют ставить вопрос о влиянии **u*-основ как в плане словоизменения, так и в плане акцентуации, на **o*-основы в рассматриваемых говорах.

7.3. Существительные II склонения среднего рода. Небольшой материал по словоизменению и акцентуации существительных ср. рода показывает противопоставление трех акцентных типов и в целом стандартный набор окончаний, см. таблицу 13. Приведенный материал записан в основном от В. А. Марач в Меже. Особенности словоизменения существительных ср. рода являются безударное окончание nom.-acc. pl. -*ы*, как в белорусском лит. языке и подавляющем большинстве русских говоров с аканьем, а также возможность употребления окончания loc. sg. -*ú*, очевидно, под влиянием существительных м. рода.

Из особенностей акцентуации отметим характер акцентных кривых слов а. т. В с тенденцией к ударению на окончании в косвенных падежах мн. числа; в nom.-acc. pl. при этом встретилось исключительно ударение на последнем слоге основы.

Важнейшей особенностью акцентуации слов ср. рода рассматриваемых говоров является а. т. В слов *глаз* ‘глаз’, *ух* ‘ухо’ и *аз’ар* ‘озеро’: gen. sg. *гльзá, ухá, аз’ьрá*, loc. sg. *гльзú, ьз’ар’é, ухú*, nom. pl. *гльзы, аз’оры, úши*, gen. pl. *глас, аз’ор, ушэй*, dat.-instr. pl. *гльзám, аз’ьрám, ушám*. Здесь можно видеть рефлекс а. п. *d* существительных ср. рода.

Таблица 13

	А	В	С
sg. nom.	<i>пал'эна</i>	<i>п'ьр'ьв'асл'о</i>	<i>п'ол'ь</i>
gen.	<i>ш'и́ла</i>	<i>с''ьла́</i>	<i>н'э́ба</i>
dat.		<i>с''алу́</i>	
instr.		<i>п'ар'ом</i>	
loc.	<i>с''и́ц'и</i>	<i>у бр'авну́ у в'адр'э нъ с''с''абл'э</i>	<i>у п'ол'и</i>
pl. nom.	<i>с''и́ты</i>	<i>п'ьр'ав'ослы</i>	<i>п'ьл'а́</i>
gen.		<i>п'и́ц'ьн р'об'ьр с''ц'ак'ол</i>	<i>пал'э́й</i>
instr. dat.–		<i>р'ьбра́м р'об'рам в'ьдра́м п'ьтна́м с''ьдла́м с''ц'ькла́м</i>	<i>п'ьл'а́м</i>

Ниже приводится материал. А. т. А: *б'орда* (ткацк.), *ж'ита* 'рожь', *пав'э-сама*, *пав'эсамца*, *пал'эна*, *пр'асль*: *жардз'ина*, *п'ута*, *рыла*: *л'ий па рыла* 'горлышко бутылки, носик чайника', *с'ала*, *с''итъ*, *ц'эсть*, *ш'ыль*, gen. *ш'ыль*;

а. т. В: *б'ал'й'о*; loc. *у бр'авну́*; loc. *у в'адр'э*, nom. pl. *в'одры с'ьбруч'ам*, instr. pl. *в'ьдра́м*; *нутр'о*, loc. *в нутр'э н'ьхъраш'о*; *вакн'о*, loc. *у вакн'э*, nom. pl. *в'окны*; *пал'т'о*, loc. *нъ пал'ц'э*; *п'ьр'ьв'асл'о*, nom. pl. *п'ьр'ав'ослы* 'ручка ведра'; *п'ар'о*, instr. *п'ар'ом*, nom. pl. coll. *п'эр'й'ь*; *пл'ач'о*; *п'ьлатн'о у п'ил'э*; *п'атн'о п'ьлаж'ыла*, gen. pl. *мн'ога п'и́ц'ьн*, instr. pl. *с'ьп'ьтна́м*; *р'абр'о*, nom. pl. *р'об'ры*, gen. pl. *р'об'ьр*, instr. *р'ьбра́м ~ р'об'рам*; *р'ьшат'о*, nom. pl. *р'аш'оты*; *с''адл'о с''ц'ан'и́*, nom. pl. *с''одлы*, instr. *с''ьдла́м*; *с''ал'о*, *у с''ал'о пайду*, dat. *нъ с''алу́ прайду́* 'по деревне, по улице'; *карт'ошка на с''ьм'ан'о*, *п'ол'ь к'и́нутъ нъ с''ьм'ан'о* (не убрано), gen. pl. *с''ьм'ан'нет*, instr. pl. *с''ьм'ьна́м*; *с''ьр'абр'о*, gen. *с''ьр'ьбра́*, loc. *у с''ьр'абр'э*; *с''с''абл'о*, *нъ с''с''абл'э* 'стебель'; *с'ц'агн'о* 'бедро, ляжка'; *с''ц'акл'о*, nom. pl. *с''ц'оклы*, gen. *с''ц'ак'ол*, instr. pl. *с''ц'ькла́м*; *сукн'о*; *т'ьлакн'о*; *ушк'о*, loc. pl. *в ушк'ах*;

а. т. С: *бр'ухъ* 'живот'; *на дз'ива б'ыла* 'удивительно': loc. *нъ свайм м'эс'ц'и*, *н'оба ва рту́*; *з' н'эба звал'и́мс''е*; *волава*; *п'и́ва*; *п'ол'ь*, gen. *с' п'ол'ь*: *куд'а гьн'айуц' кар'ов*, *гдз'е п'аиуц'*; *п'уза*; *с''эм'а: атъ л'на́*, *у бык'а*; *с''эна укль'дац'*, *кап'ан'о пр'ьвал'и́льс''*; *сл'ова д'ала*, nom. pl. *сл'ьв'а*; *с''эр'ц'ь*; *ц'эла*.

Еще менее полный материал имеется по существительным ср. рода с основами на **-ten-*, сгруппированный в таблице 14 в зависимости от места ударения и характера основы; выделяемые классы примеров с праслав. акцентными парадигмами прямо не соотносятся.

Таблица 14

	1	2	3
sg. nom.	<i>плáм'а, плáм'ьн'ъ</i> <i>ц'ém'а</i> <i>пл'ém'а</i> <i>с''ém'а</i>	<i>стр'ам'она</i>	<i>с''ьм'анó</i>
gen.	<i>пл'ém'а</i>		
dat.	<i>на ц'ém'у</i>		
instr.	<i>плáм'ьн'ьм</i>	<i>стр'ам'оньм</i>	
pl. nom.		<i>стр'ам'оны</i>	
gen.			<i>с''ьм'án</i>
dat.-instr.			<i>с''ьм'ьнám</i>

Формы ном. sg. *плáм'а* и *плáм'ьн'ъ* являются вариантами; формы *с''ém'а* и *с''ьм'анó* имеют если не разные значения, то разное употребление, см. примеры выше.

8. Прилагательные и местоимения.

8.1. Парадигма **адъективного склонения** показана в таблице 15.

Таблица 15

	m.	n.	f.	pl.
nom.	<i>мъладѣй</i> <i>так'ѣй</i> <i>слáвнѣй</i>	<i>прáстѣйъ</i> <i>такѣйъ</i>	<i>тѣкáйъ</i> <i>лáднѣйъ</i>	<i>пустѣи</i> М. <i>мъладѣйъ</i> Ж.
gen.	<i>мъладѣга</i> <i>такѣга</i>	<i>прáстѣга</i>	<i>кл'учавѣй</i> <i>так'ѣй</i>	<i>пустѣх</i>
dat.	<i>такѣму</i>			<i>так'ѣм</i>
acc.			<i>другѣу</i> <i>лáднѣу</i>	
instr.	<i>мъладѣм</i> <i>так'ѣм</i>		<i>пустѣй</i> <i>плах'ѣй</i>	<i>так'ѣм</i>
loc.	<i>мъладѣм</i> <i>так'ѣм</i>		<i>так'ѣй</i>	<i>пустѣх</i>

Материал: *nom. sg. m. м'яладэй, дз'ушавэй, б'равэй, г'лавнэй, сплашнэй, л'аснэй, бал'шэй, скупэй, ж'аднэй, пр'яславнэй, пл'ас'н'івэй гр'ип, бал'отн'ий, так'эй, как'эй, н'ий'ак'ьй 'какой-то', н'иплах'эй, б'азм'озг'ий, др'обн'ин'к'ьй, кар'офск'ьй; gen. м'ялад'ога, так'ога; dat. н'ь так'ому; instr. м'ялад'ым, так'ым; loc. с'ь'едым, у начным кл'уб'и, у калх'озн'ьм, у как'ым, н'ь сух'ым;*

nom. sg. n. пр'аст'ойъ, так'ойъ;

nom. sg. f. хр'осн'ийъ м'атка, л'адн'ийъ дз'ар'эвн'а (л'адн'ь нар'оду 'довольно, достаточно много'), т'ьк'айъ; gen. п'устэй, кл'учавэй, з' друг'эй, у дз'ик'ьй, асс. п'олн'ийу, instr. кл'учавэй, loc. так'эй;

nom. pl. чуж'ьийъ, gen.-loc. п'уст'ых, шм'эшаных л'ас'ов.

Гласный [e] в окончаниях *nom. sg. m.* и косвенных падежей *sg. f.* обсуждается выше (разделы 4, 6.1). Система флексий адъективного склонения, характерная для говоров Городокского р-на, распространена широко в восточной части северо-восточного диалекта белорусского языка. В западной части этого диалекта, в частности в говорах Полоцкого р-на, представлена иная система адъективных флексий: *nom. sg. m. -ей (м'яладэй), gen.-dat.-instr.-loc. sg. f. -ой (м'ялодой)* (ДАБМ: карты 110, 120, 121, 125).

8.2. Местоименный тип склонения представлен в рассматриваемых говорах у указательных, определительных, притяжательных, вопросительно-относительных местоимений, личных местоимений 3 лица, числительного *один*. Как известно, для местоименного типа склонения характерны: 1) односложные окончания в формах *nom. sg. f.* и *n.*, *асс. sg. f.*, *nom. pl.* и нулевое окончание в форме *nom. sg. m.*; 2) окончания, содержащие рефлексы **ě*, в формах *instr. sg. m.* и *pl.*; 3) ударение на втором слоге окончаний в *gen.* и *dat. sg. m.* Местоименное склонение достаточно хорошо сохранено в городокско-невельском диалекте, но часть форм перечисленных выше категорий слов приобрела окончания адъективного типа вместо окончаний, характерных для местоименного типа склонения.

Для говоров Городокского р-на характерна форма *nom. sg. m. тот*; южная граница ее распространения примерно совпадает с изоглоссой синкретизма флексий *gen.-dat.-loc. sg. I* склонения, то есть проходит несколько севернее границы городокско-невельского диалекта (ДАБМ, карта 134). К югу от нее на территории рассматриваемого диалекта встречаются формы *тей* (в восточной части говоров), *тей* и *тый* (в западной части говоров).

Парадигмы местоименного типа склонения показаны в таблице 16. Окончания, проникшие в местоименный тип из адъективного, выделены в таблице жирным шрифтом.

Таблица 16

	m.	n.	f.	pl.
nom.	<u>-Ø</u> : адз'ин, сам, тот, вес', йон <u>-ей</u> : йётый	<u>-о</u> : адно́, вc'о/вшо, йано́ <u>-ойе</u> : то́йе	<u>-а</u> : адна́, сама́, вc'а/вшиа́, чыйа́, йьна́ <u>-а́йа</u> : та́йа	<u>-ы/-и</u> : са́мы, йаны́, вc'и, аба́и <u>-ыйе</u> : ты́йе
gen.	<u>-ога</u> : адно́га, то́га, н'ико́га <u>-ого</u> : аднаго́, йаго́, каго́, чаго́		<u>-ей</u> : адне́й, самей́, тей <u>-ейе</u> : йа́йе	<u>-ых/-их</u> : ты́х, вc'их <u>-ех</u> : вc'ех
dat.	<u>-ому</u> : йа́му. вшаму́		<u>-ей</u> : адне́й, самей́, тей	<u>-ым</u> : адны́м
acc.	<u>-ого</u> : йаго́		<u>-ыйу</u> : ту́йу <u>-у</u> : адну́ <u>-ейе</u> : йа́йе	
instr.	<u>-ым/-им</u> : адны́м, чы́м, ты́м, йи́м, совc'и́м		<u>-ей</u> : адне́й, самей́, тей	<u>-ым/-им</u> : адны́м, ьба́йм
loc.	<u>-ым/-им</u> : адны́м		<u>-ей</u> : тей	<u>-ых/-их</u> : ты́х, адны́х

Материал: nom. sg. m. тот, йон, чый, gen. таго́, то́га, з адно́га, (зъ) йаго́, м'йаго́, dat. йа́му, instr. с адны́м, ты́м шиас'л'и́ва, йи́м, loc. н=адны́м;

nom. sg. n. то́йе, майо́, адно́, хто, што, gen. каго́, чаго́, н'ико́га 'никого' и 'ничего', н'ико́х, н'ичо́га, н'ичо́х, loc. нь свай́м;

nom. sg. f. та́йа, чыйа́, йьна́, ши́а, вc'а́ пь ба́б'и (похожа на бабушку), gen. самей́, с адне́й, тей́, йейе́, acc. на ту́йу, ёту, шиу́, вc'у́, йейе́;

nom. pl. са́мы, йаны́, ты́йе, вc'и, н'а вc'и, май́, gen.-loc. вc'ех, вc'их, dat.-instr. вc'им, з ьба́йм гльза́м.

9. Глагольное словоизменение и акцентуация.

9.1. **Тематические глаголы.** Ниже приводится материал, сгруппированный по морфонологическим и акцентным типам (он записан в 2004 г. в Меховом у Татьяны Ильиничны, род. в 1930 г. в д. Крайице, неподалеку от Хмельника и Усвят; дополнен данными из текстов).

9.1.1. Тематические глаголы с корнями, оканчивающимися на шумные гласные.

В этом классе глаголов обращает на себя внимание архаичность акцентуации отдельных глаголов: *красть* (а. т. А); накоренное ударение в праet. гла-

голов *класть*, *-насть* 'упасть' и 'пасти', *прясть*, *сечь*, *бечь*, *скубсть*; сохранение противопоставления а. т. В и С в презенсе глаголов с неслововым корнем (*зайдú, зáйдз'ьц' : зажгú, зажгэц'*). Инновацией является а. т. С *стричь* (прает. *стригá*), накоренное ударение в прает. глагола *везть* (*раз"вэз"л'и*). Последнее является особенностью крайних северных и центральнобелорусских говоров (ДАБМ, карта 203), а также некоторых северо-западно-русских говоров.

А. т. А: (A praes./A praet.) 1 sg. *н'а вкράду*, 3 sg. *укрэдз'ьц'*, inf. *укрác"*, праet. *укрáла*;

1 sg. *л'эзу*, 3 sg. *л'эз"ьц'*, inf. *л'ес"*, *вз"л'ес"*, праet. *з"л'эз"л'и*, *У нórьт рыба вл'эзла*;

1 sg. *с"áду*, 3 sg. *с"áдз'ьц'*, inf. *с"ес"*, праet. *с"éла, с"éл'и*;

(A praes./C praet.) 1 sg. *л'áзу*, 3 sg. *л'áжэц'*, 1 pl. *л'áжэм*, inf. *л'эч*, праet. *л'эгла, л'ох, л'агл'и*.

А. т. В: 1 sg. *прайдú*, 2 sg. *пройдз'ьш ~ пр'адз'эш*, 3 sg. *зáйдз'ьц', взыйдз'ьц', нáйдз'ьц'*, inf. *прайц'и*, праet. *прайшóв, зыйшла* (ср. формы без приставок, относящиеся к а. т. С);

1 sg. *мазú*, 3 sg. *мóжэц'*, 3 pl. *мóгуц'*, inf. *памóч*, праet. *тэмзгла*.

А. т. С: (C praes./A praet.) 3 sg. *пéб'аг'эц'*, inf. *пр'иб'эч*, праet. *б'эгл'и, пр'и-б'эгл'и*;

1 sg. *пéкладú*, 3 sg. *пéкладз'ьц'*, inf. *клас"*, праet. *пéклáл'и*;

1 sg. *упадú*, 3 sg. *упадз'ьц'*, inf. *упас"*, праet. *упáла*;

3 pl. *насúц'*, inf. *нас"*, праet. *насла, нác"л'и*;

3 sg. *пр'едз'ьц'*, 3 pl. *пр'адúц'*, inf. *пр'ас"*, *пр'эс"*, праet. *нэпр'áлтс"ь, вóлну пр'áла*;

1 sg. *с"акú, нэс"акú*, 3 sg. *с"ак'эц'*, 1 pl. *нэс"ак'óm*, inf. *с"еч*, праet. *на-с"экла, нас"экл'и* 'рубить; косить';

1 sg. *апскубú*, 3 sg. *скуб'эц'*, imp. *скуб'и*, inf. *скус"*, праet. *апскубла* 'ощипывать' (курицу);

(C praes./C praet.) 1 sg. *в'адú, пэв'адú*, 3 sg. *пр'ив'едз'ьц'*, 3 pl. *пр'ив'адúц'*, праet. *пр'ив'óв, пр'ив'эла, пр'ив'ел'и*;

1 pl. *в'эз"óm*, inf. *разв'эс"*, imp. *пр'ив'аз'и*, inf. *пр'ив'эс"*, праet. *пр'ив'эзла, пр'ив'эз"л'и, пр'ив'óс*; Бычиха, Хмельник *з"в'эз"л'и, раз"в'эз"л'и*;

1 sg. *зр'абú*, 3 sg. *зр'еб'эц'*, inf. *зр'ес"*, праet. *зр'оп, зр'эбла, зр'ебл'и*;

1 sg. *идú*, 3 sg. *идз'ьц'*, 3 pl. *идúц'*, inf. *иц'и*, праet. *ишóв*;

3 sg. *м'ец'ьц'*, 2 sg. *эбм'ац'эш*, 1 pl. *м'ац'óm*, inf. *надм'эс"*, праet. *пéдм'э-ла, надм'óв*;

1 sg. *н'асú*, 3 sg. *н'ес"ец'*, 3 pl. *н'асúц'*, inf. *н'ес"*, праet. *пр'ин'ес"л'и, пр'и-н'эсла*;

1 sg. *пл'ату́*, 3 pl. *пл'ату́ц'*, imp. *эпл'еу'и́*, inf. *пл'ес'*, praet. *спл'о́в*, *спл'е-л'и́*, *спл'ьла́*;

1 sg. *палз'у́*, 3 sg. *палз'еу'и́*, inf. *полс'*, praet. *палз'л'и́*, *пр'ип'эльз'ла́*;

3 sg. *п'эдрас'и́*, 3 pl. *рас'ту́ц'*, inf. *рос'*, *падр'ос'*, praet. *р'ьсла́*;

2 sg. *с'ьскр'еб'эиш*, inf. *скр'ес'*, praet. *скр'ьб'ла́*;

3 sg. *тр'ес'еу'и́*, 3 pl. *тр'асу́ц'*, imp. *тр'ас'и́*, inf. *вь'итр'ес'*, praet. *тр'ьсла́*, *тр'ос*, *тр'ес'л'и́*;

3 sg. *ц'в'иц'еу'и́*, *з'ьц'в'иц'еу'и́*, 3 pl. *ц'в'ит'у́ц'*, inf. *ц'в'ис'*, praet. *зац'в'и́в*, *ц'в'ьла́*;

2 sg. *заж'э'эиш*, inf. *ж'ж'еч*; praet. *з'ьж'э'ла́*;

3 sg. *п'ек'еу'и́*, 1 pl. *п'ак'о́м*, 2 pl. *п'ак'о́ц'е* ~ *п'ьк'еу'о́*, 3 pl. *п'ак'у́ц'*, inf. *п'еч*, praet. *п'ьк'ла́*;

1 sg. *з'ьпр'аг'у́*, 2 sg. *з'ьпр'аг'эиш*, 2 pl. *р'ьспр'ьг'еу'о́*, 3 pl. *з'ьпр'аг'у́ц'*, praet. *запр'о́х*, *з'ьпр'ьг'ла́*, *з'ьпр'аг'л'и́*, part. *спр'эж'ено*;

inf. *нар'эч*, praet. *н'ь м'ьн'а н'ьр'ьк'ла́*, *ур'екл'и́*, *н'ьр'екл'и́* 'сглазить';

1 sg. *с'ц'ьр'аг'у́*, 3 sg. *с'ц'ьр'аг'еу'и́*, inf. *с'ц'ер'эч*, praet. *с'ц'ар'о́х*, *с'ц'ир'ьг'ла́*;

1 pl. *стр'ыг'о́м*, inf. *стр'ич*, praet. *п'ьстр'ыг'ла́*, *стр'ыгл'и́* *ав'эчак н'ьжн'ам*;

3 sg. *ц'ек'еу'и́*, inf. *ц'еч*, praet. *н'ьц'ьк'ла́*, *н'ьц'ак'ло́*;

inf. *тал'о́ч*, praet. *т'ьльк'ла́*.

9.1.2. Глаголы с корнями, оканчивающимися на нешумные, с основной инфинитива без суффикса -а-.

В этом классе глаголов в праes. сохраняется противопоставление а. т. В и С у глаголов с неслоговым корнем (*в'о́з'м'ьц' : начн'еу'и́*). Следующий ряд акцентуационных особенностей рассматриваемых говоров представляет собой инновации, характерные для обширного ареала северо- и центральнобелорусских и западнорусских говоров. У глаголов а. т. С в праet. ударение стремится к выравниванию по ударению глаголов с корнями на шумные а. т. С (*н'ьч'ьла́*, *пал'и́в*, *н'ьчал'и́*, *п'ьл'ил'и́*, *було́*); в качестве вариантных сохраняются формы с исконным начальным ударением (*п'одн'ьв*, *д'ал'и*, *з'в'и́л'и*, п. *б'ьль*), а также изредка — выравненные по последним начальноударные формы ж. рода (*н'ач'ьла*, *д'ала*). Глагол *стать* в качестве вариантной акцентовки имеет подвижность ударения в праet. (*вст'ала / атст'ьла́с'а*). Глаголы с корнями на -r обобщают основу инфинитива -*мерть*, -*перть*, -*терть*; при этом у -*мерть* и -*перть* заметна тенденция к накоренному ударению в праet., по видимому, под влиянием ударения глагола -*терть*.

А. т. А: 1 sg. *кр'ы́у*, 3 sg. *закр'ы́йц'*, imp. *закр'ы́й*, inf. *закр'ы́ц'*, praet. *за-кр'ы́в*;

2 sg. *пам'ы́йш*, praet. *пам'ы́ла*;

3 sg. *н'ы́йеу'и́*, inf. *н'ы́ц'*, praet. *зан'ы́ла*;

- 3 pl. *рѣйуц'*, imp. *рѣй*, inf. *рѣц'*, praet. *рѣла йáму* (чаще *кѣпáц'*);
 3 sg. *с'н'ѣиц'*, praet. *нас'н'ѣл'и хл'ѣба*;
 3 sg. *пр'ѣиц'*, 3 pl. *пр'ѣйуц' нóg'и*, praet. *сапр'ѣла*;
 1 sg. *знáйу*, 3 sg. *знáиц'*, inf. *знáц'*, praet. *н'ѣ знáла*;
 3 sg. *раздúиц'* (живот), inf. *дúц'*, praet. *раздúла*;
 1 sg. *встáну*, 3 sg. *стáн'ѣц'*, inf. *встац'*, praet. *атстáвс'а* 'остаться',
встáла, *встáл'и*, *стáли*, *ѣтстѣлáс'а*, *атсталóc'а*;
 1 sg. *чúйу*, 2 sg. *чúйши*, 1 sg. *чúйшм*, praet. *пачúл* 'слышать; обонять';
 3 sg. *вдз'ѣн'иц' с'ар'зú*, inf. *вдз'ѣц'*, praet. *вдз'ѣла*;
 2 sg. *прастын'ѣш*, inf. *застыц'*, praet. *прастыла*.
А. т. В: (B praes./C praet.) 1 sg. *пѣдымú*, 3 sg. *падýм'ѣццѣ*, inf. *пѣдн'áц'*;
 1 sg. *ваз'мú*, 2 sg. *вóз'м'ѣш*, 3 sg. *вóз'муццѣ*, inf. *вз'ац'*, praet. *вз'ѣла*,
пóдн'ѣш, *уз'алóc'а*, *пѣдн'алóc'*, *вз'ал'ú*;
 (B praes./A praet.) 1 sg. *нѣкал'ú*, 3 sg. *накóл'ѣц'*, inf. *калóc'*, praet. *нѣкалów*;
 1 pl. *м'ѣл'им*, inf. *малóc'и* у *жóрны*, *змалóc'и*, praet. *малóл'и*;
 1 sg. *пал'ú*, 1 pl. *пóл'им*, *прапóл'им*, inf. *палóc'и*, praet. *палóл'и* 'полоть', в
начóвачк'ѣ пóл'уц' 'провеивать';
 3 pl. *пóр'уц'*, inf. *парóc'и*, *рѣспарóc'и* (пороть одежду).
А. т. С: (C praes./C praet.) inf. *быц'*, praet. *была* ~ *бѣла*, *был'и*, *было* ~ *було*,
 3 sg. *йос'*;
 1 sg. *вѣйу*, 2 sg. *вѣйши*, praet. *з'в'илá*, *з'в'ил'и*, *пѣв'ил'ú*;
 1 sg. *паймú*, 2 sg. *пайм'биш*, praet. *пѣн'ѣлá*;
 1 sg. *начнú*, 3 sg. *начн'ѣц'*, praet. *начѣла*, *нѣчал'ú*;
 1 sg. *дам*, 2 sg. *дас'ú* (см. спряжение этого глагола в praes. в разделе 9.2),
 praet. *дáл'и*, *ѣддѣлá*;
 3 sg. *пал'л'ѣц'*, inf. *л'úц'*, *вѣл'иц'*, *вл'иц'* 'налить', imp. *л'и* ~ *л'ий*, *пал'иц'а*,
 praet. *пѣл'ил'ú*, *пѣл'илá*, *вл'илá*, *пал'úш*;
 1 sg. *жыгú*, 3 sg. *жыг'ѣц'*, praet. *п'ѣр'ѣжылá*, *прѣжылá*, *пражыл'и* ~ *пра-
 жыл'ú*, *зѣжыл'úс'*;
 3 pl. *кл'анúц'*, 3 sg. *прѣкл'ен'ѣц'*, praet. *прѣкл'ал'ú*, *прѣкл'ѣлá*, *прѣкл'áш*;
 3 pl. *р'авúц'*, praet. *р'ѣвлá*;
 1 sg. *умрú*, 3 sg. *умр'ѣц'*, inf. *пѣм'ѣр'ѣц'* ~ *пам'ѣр'ц'*, praet. *úм'ѣрла*; *пам'óр*,
 f., n. *пам'óрла*, *пам'óрл'и*, *úм'ѣрл'и*;
 (C praes./A praet.) 2 sg. *убѣѣс'с'ѣ*, *прабѣѣш*, imp. *адб'ú*, praet. *раз'б'úла*;
 2 sg. *сашиѣш*, imp. *пашѣй*, inf. *ишыц'*, praet. *пашѣла*, *сашыла*;
 1 sg. *сажнú*, 2 sg. *жн'ѣш*, praet. *нѣжáла*, *жáл'и*;
 2 sg. *пр'имн'ѣш*, 3 sg. *памн'ѣццѣ*, *самн'ѣц'*, *мн'ѣц'*, inf. *м'ац'*, praet. *м'áл'и*
 у *йóун'и* (лѣн), *м'áла*;
 1 sg. *дму*, 3 sg. *дм'ѣц'*, praet. *дúла* 'дуть';

inf. *рѣс"н'áц'*, part. *рѣс"н'áтъй* (о Христе);

1 sg. *пайѹ*, 2 sg. *пайѹи*, 3 pl. *пайѹц'*, inf. *п'еу'*, праet. *зап'эл'и* 'петь' (о человеке);

3 sg. *п'ейѹц'*, 3 pl. *п'ейѹц'*, inf. *зап'эw* 'петь' (о петухе);

3 sg. *пaтp'эц' б'ул'б'и*, 2 sg. *пaтp'эи*, impreg. *пaтp'и*, inf. *ц'ер'ц'*, праet. *на-ц'óрла*, *нац'óр*;

3 sg. *пp'еу'*, inf. *п'ер'ц'* 'тащить', *зап'эр'ц'* редк. 'запереть', праet. *пaп'óр*, *пp'ип'óрла*, *зап'óр'л'и*.

9.1.3. Глаголы с корнями, оканчивающимися на нешумные, с основой инфинитива с суффиксом -а-. Здесь рассмотрены также некоторые глаголы с корнями, оканчивающимися на шумные согласные, и подвижным ударением в праet.

Яркими особенностями акцентуации в этом классе глаголов являются: накоренное ударение в праet. глаголов *брать* и *драть*, встречающееся широко в псковских, смоленских и севернобелорусских говорах и рассматриваемое как черта говоров, которые восходят к диалекту кривичей (Николаев 1989); колонное ударение на суффиксе -а- в праet. глаголов а. т. С с неслоговым корнем: *брáла*, *нѣдрáла*, *пъзвáw*, *пъзвáл'и*. Таким образом, в рассматриваемых говорах обнаруживается система ударения форм прош. времени тематических глаголов с корнями на нешумные от глаголов а. п. с, характерная для западнорусских, белорусских и украинских говоров. Существенным образом ее характеризует конечное ударение форм ж. рода у глаголов со слоговым корнем: *далá*, *пилá*, и оттяжка ударения на суффикс -а- у глаголов с неслоговым корнем: *брáла*, *содрáла*, см. карту в (Николаев 1995: 12–14).

Говоры обнаруживают обобщение а. т. С у глаголов типа *ковать*.

А. т. А: 3 sg. *в'ѹц'*, inf. *в'ѹц'*, *в'ѹил'и* (зерно);

1 sg. *каѹс"*, 3 sg., inf. *каѹцѹ*;

3 sg., inf. *лаѹц'*, праet. *зѣлáл'и*;

3 sg., inf. *маѹцѹ*;

3 sg., inf. *с"ѹц'*, 3 pl. *с"ѹцѹ*;

3 sg., inf. *хáѹц'*: *хул'иц'*;

2 sg. *чѹиш*, inf. *чѹиц'* 'обонять'.

А. т. В: 1 sg. *ган'у*, 3 sg. *гón'иц'*, inf. *гнáц'*, праet. *пpьгнáла*, *гнáл'и*;

1 sg. *стану*, 3 sg. *стón'ьц'*, imp. *стан'и*, inf. *стѣнáц'*;

1 sg. *с"с"ал'у*, 3 sg. *с'ц'эл'уц'*, inf. *слац'*, праet. *пъслáла*, *пъслáл'и*;

1 sg. *пaсpу*, 3 sg. *с"эр'иц'*, 3 pl. *сpуц'*, inf. *пъсрáц'*, праet. *пъсрáла*.

1 sg. *б'эру*, 2 sg. *наб'эр'ис"ь*, *б'эр'иш*, 3 sg. *б'эр'ицѹ*, *з'б'эр'иц'*, 3 pl. *б'эруц'*, inf. *брáц' л'он*, *брáла*, *нѣбрáла*, *зѣбрáл'и*, *брáл'и*;

2 sg. *абдз'эр'ьш*, 3 sg. *дз'эр'ьц'*, праet. *нѣдрáла*.

А. т. С: (C praes./A praet.) 1 sg. *пъзаву́, заву́*, 3 sg. *зав'е́ц, inf. зва́ц'*, praet. *пъзв́ала, пръзв́ала*;

1 sg. *ар'у́*, 3 sg. *ар'е́ц*, 1 pl. *н'ър'ар'ом*, 3 pl. *ар'у́ц, н'ур'ар'у́ц*, inf. *ара́ц'*, praet. *ара́л'и нъ каро́внх* 'пахать' (ср. имперфектив *або́рывац' бу́л'бу*);

3 sg. *сас'е́ц*, inf. *сэса́ц'*, praet. *пъсэса́в*;

2 sg. *жр'ош, сажр'ош*, inf. *жрац'*, praet. *сэжр́ала*;

3 sg. *лг'е́ц, налг'е́ц*, inf. *лга́ц'*, praet. *сэлга́ла, нълга́ла, сэлга́в*;

3 sg. *арж'е́ц, ирж'е́ц*, praet. *зэирж́ала*;

3 sg. *ѣтапр'е́ц*, imp. *ѣтапр'у́*, inf. *пра́ц' пра́йн'икъм* (ср. имперфектив *ат-п'ира́иц' б'ал'л'о; н'ира́ли б'ал'л'о; атп'ира́ц'*) 'отколачивать бельё пральником при стирке';

1 sg. *нарв'у́*, 3 sg. *нарв'е́ц, н'ур'ерв'е́ц*, inf. *рва́ц'*, praet. *нърв́ала*;

1 sg. *тку*, 3 sg. *н'а тк'е́ц*, 3 pl. *н'а тку́ц*, praet. *тка́ла, нътка́ла*;

1 sg. *бл'уйу́*, 3 sg. *бл'уй'е́ц*, inf. *бл'ува́ц'*;

2 sg. *жу́йеш*, imp. *жу́й*, inf. *жува́ц'*;

3 pl. *клу́йу́ц'* (чаще *дз'авбу́ц'*), praet. *скл'ува́л'и*;

3 sg. *куй'е́ц, пъкуй'е́ц*, 3 pl. *куй'у́ц*, inf. *кува́ц'*;

2 sg. *пл'уй'ес'с'а*, 3 sg. *пл'уй'е́ц*, inf. *пл'ува́ц'*;

2 sg. *снуй'е́ц*, inf. *снуба́ц' крoсна*, praet. *снуба́л'и*;

2 sg. *суй'еш*, 3 sg. *суй'е́ц*, inf. *сува́ц'*;

1 pl. *с'м'айомс'ь*, 3 sg. *с'м'ей'е́ццъ*, inf. *с'м'ѣй'а́ццъ*.

9.2. «**Ятевые**» и **атематические глаголы**. Наряду с I, или *e*-спряжением, и II, или *и*-спряжением, в говорах Городокского р-на имеется III «смешанное» спряжение, имеющее небольшие разновидности, к которому относятся атематические, *ѣ*-глаголы и глагол *спать*:

1 sg. *дам, ѣм, с'ажу́* 'сизжу', *дз'аржу́, спл'у*;

2 sg. *дас'у́, ѣас'у́, с'адз'у́ши, дз'арж'ыши, с'п'иши*;

3 sg. *дас'', ѣес'', с'адз'у́ц, дз'арж'ы́ц, с'п'иц'*;

1 pl. *дадз'ом, ѣадз'ом, с'адз'ом, дз'арж'ом, с'п'ом*;

2 pl. *дъдз'иц'о, ѣдз'иц'о, с'ъдз'иц'о, дз'ърж'ыц'о, с'п'иц'о*;

3 pl. *даду́ц, ѣаду́ц, с'ъдз'а́ц, дз'ърж'а́ц, с'п'ац'*.

10. Заключение. Городокско-невельский диалект на границе Белоруссии и России является псковским в своей основе, на что указывают специфическая лексика, фонетические, морфологические и акцентуационные черты образующих его говоров.

В Белоруссии этот диалект занимает территорию к северу от Западной Двины (север Витебской обл.: Городокский и часть Полоцкого р-нов), а в России — юг Псковской обл. (Себежский, Невельский, Усвяцкий р-ны) и

часть Велижского р-на Смоленской обл. В имеющихся опытах диалектного членения белорусского и русского языков этот диалект не выделяется, хотя есть попытка несколько иначе показать специфику крайних северных говоров Белоруссии в (Лінгвістычная геаграфія 1969), где выделен езеришанско-ульско-лэзненский пучок изоглосс. Согласно диалектному членению русского языка Захаровой – Орловой, полоса южнопсковских говоров вдоль границы с Белоруссией относится к юго-западной зоне южнорусского наречия. В качестве особой единицы диалектного членения южнопсковские и северносмоленские говоры выделяются в классификации Н. Н. Пшеничновой как совокупность однородных говоров западнорусского диалектного типа, не относящаяся ни к его северному, ни к южному подтипам.

В нашей работе предлагается южную границу этого диалекта определять пучком изоглосс, идущих приблизительно вдоль Западной Двины. Двина, во-первых, является границей, севернее которой не заходят изоглоссы ряда типично белорусских явлений (II палатализация *к, г, х* на стыке основы и окончания; неразличение *р* и *р'*) или явлений, свойственных южной части северо-восточного диалекта белорусского языка (*е* в суффиксе глаголов типа *кричать*). Во-вторых, по Двине проходят изоглоссы типично русских, точнее, севернорусских явлений: омонимия *dat.* и *instr. pl.*, считающаяся первоначально псковско-новгородской чертой. Чуть севернее Двины идет граница распространения синкретизма *gen., dat., loc. sg.* I склонения — яркой особенности как современных северо-западных русских говоров, так и древних новгородских и части псковских говоров.

Северной границей диалекта (на территории России) является пучок южнорусских изоглосс ([*γ*] фрикативный, ряд лексических изоглосс, например, граница распространения слов *квашня : дежа*) и юго-западнорусских изоглосс (в первую очередь диссимилятивное аканье и яканье белорусского типа). Северный и южный пучки изоглосс, выделяющих городокско-невельский диалект, пересекаются чуть северо-восточнее г. Велижа Смоленской области.

Северная граница диалекта представляется достаточно поздней, во всяком случае она приблизительно соответствует границе Польши вплоть до второй половины XVIII в., а позже — границе Витебской губернии. Так, по историческим данным, Невельская волость входила в состав Торопецкого княжества в XII–XV вв.; с середины XVI в. до 1772 г. Невель был в составе Польши (временами и ненадолго возвращаясь к России). С 1772 г. Невель — уездный город Полоцкой, а с 1802 г. Витебской губернии. Черты, свойственные юго-западной зоне южнорусского наречия, восточным витебским и мгилилевским говорам, по-видимому, являются в этом диалекте более поздними по сравнению с «псковскими» и, очевидно, усвоены им в период вхожде-

ния витебских, полоцких, невеличских, смоленских земель в состав Великого княжества Литовского, затем Речи Посполитой, Польши и, наконец, — Витебской губернии.

К числу явлений сравнительно позднего распространения в рассматриваемом диалекте, таким образом, следует отнести характер рефлексов напряженных редуцированных (*молодѣй, мѣйу*), в отношении которого рассматриваемый диалект объединяется со смоленскими и моголевскими говорами; отсутствие второго полногласия как стандартного рефлекса сочетаний типа **ТЬРТ* и особый тип спряжения у ятевых и атематических глаголов. Последний является локальной смоленско-витебской особенностью.

Южные же изоглоссы диалекта кажутся более древними и малоподвижными и очевидно указывают на первоначальное единство говоров к северу от Двины с псковскими. Это единство подтверждается целым рядом лексических изоглосс, объединяющих рассматриваемый диалект специально с псковскими говорами. Важнейшим псковизмом также являются системы I склонения с синкретизмом *gen., dat., loc. sg.* и различием разновидностей склонения. На территории диалекта в лексикализованном виде встречаются отдельные формы с вторым полногласием в корнях структуры **тырт*, зафиксированные в Бычихе и Хмельнике (*в'ар'ох*).

Диалект, названный городокско-невеличским, обладает и собственными лексическими чертами, отделяющими его от соседних говоров, например, наличие лексем *жбанѡк, прѣйник, чепельник*. Ареал распространения этих лексем охватывает также торопецкие, великолукские и частично велижские говоры.

Литература

- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части РСФСР. Вып. I. Фонетика. М., 1987. Вып. II. Морфология. М., 1989. Вып. III. Лексика. Ч. 1. М., 1997; Ч. 2. Синтаксис. Лексика. М., 2004.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Дурново, Соколов, Ушаков 1915 — *Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков*. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением «Очерка русской диалектологии». М., 1915.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — *В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Захарова, Орлова 1970 — *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова*. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Калынь 1993 — *Л. Э. Калынь*. К вопросу о рефлексии редуцированных во флексии им. ед. м. р. местоименных прилагательных (по материалам ОЛА) // ОЛА. Материалы и исследования. 1998–1990. М., 1993.

- Лінгвістычная геаграфія — Лінгвістычная геаграфія і групка беларускіх гаворак. Мінск, 1969.
- Лопатина 1998 — Л. Е. Лопатина. Употребление предложно-падежных сочетаний типа *по лесам* — *по лесях* // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. М., 1998.
- Мораховская 1996 — О. Н. Мораховская. Крестьянский двор. История названия усадебных участков. М., 1996.
- Николаев 1988 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
- Николаев 1989 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.
- Николаев 1994 — С. Л. Николаев. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994, № 3.
- Николаев 1995 — С. Л. Николаев. Ударение формы *l*-причастия женского рода единственного числа от глаголов подвижной акцентной парадигмы от односложных основ на гласный // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 1. М., 1995.
- Николаев 2005 — С. Л. Николаев. Рефлексы **s(*z)*, **š(*ẓ)* и **sj(*zj)* в псковских говорах и в двух псковских рукописях XV–XVI вв. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005.
- Образование 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Орлова 1961 — В. Г. Орлова. О «переходных» говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961.
- Попова 2007 — Т. В. Попова. «Восточнославянские изоглоссы». Некоторые итоги работы над темой. Русский язык в научном освещении. М., 2007, №1 (13).
- Пожарицкая 2000 — С. К. Пожарицкая. Флексии творительного падежа множественного числа существительных // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 3. М., 2000.
- Пшеничнова 1964 — Н. Н. Пшеничнова. К истории редуцированных **y*, **i* в восточнославянских языках. АКД. М., 1964.
- Пшеничнова 1996 — Н. Н. Пшеничнова. Типология русских говоров. М., 1996.
- Пшеничнова 2006 — Н. Н. Пшеничнова. Некоторые итоги структурно-типологических классификации русских говоров в соотношении с археологическими и историческими данными: западнорусские говоры // ОЛЯ. Материалы и исследования. 2003–2005. М., 2006.
- Тер-Аванесова 2002 — А. В. Тер-Аванесова. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных **a*-склонения в восточнославянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002.
- Тер-Аванесова, Рыко 2004 — А. В. Тер-Аванесова, А. И. Рыко. «Говорить по-культурному» и «лявзять по-заонежски» (о языковых разновидностях в Заонежье) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 9. Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX века. М., 2004.
- Филин 1972 — Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
- Шрагер 2004 — М. Shragr. The accentual system of several northwest Russian dialects (Материалы к докладу на конференции памяти В. М. Иллич-Свитыча. М., 2004).
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.

Приложение

Материалы по акцентуации существительных мужского рода

Материал по акцентуации существительных м. рода записан от информантов Ж., И., К., Кр., М. и Ч. (см. сведения о них в разделе 7.2.2.6). Ниже он приводится в форме словаря; в него вошли преимущественно непроездовые существительные м. рода.

Толкования слов или пояснения их семантики даются лишь в тех случаях, когда значения слов в говорах отличаются от их значений в рус. лит. языке, когда слово не встречается в рус. лит. языке, а также во избежание двусмысленности.

Словоформы снабжены грамматическими пометами. Словоформы ед. числа с предлогом *по* помечаются «dat.», если они имеют показатели dat. sg. (*пъ кан'у, па л'эсу*), и «loc.», если они имеют показатели loc. sg. (*пъ кан'у, пъ л'асу*). Таким же образом словоформы существительных, вступающие в сочетаниях с числительными *два, три, четыре*, помечаются «gen.», если они по форме совпадают со словоформами gen. sg. (*дв́а д́ома*), и «n.(acc.) pl.», если они совпадают со словоформами nom.-acc. pl. (*дв́а дам́ы*). Собираательные образования также получают грамматические пометы в соответствии со своими формальными показателями, независимо от их функции, например, gen. sg. coll. *з б́у́с"с"а*, gen. pl. coll. *з б́у"с"ъм*. В отдельных случаях в словарные статьи включены диминутивы (dim.).

Акцентные типы слов указаны в квадратных скобках. Если во всех идиолектах слово относится к одному и тому же акцентному типу, то соответствующая помета ставится после толкования, а в случае его отсутствия — после заглавного слова; если между идиолектами есть различия в акцентуации слова или это слово записано только от одного информанта, то акцентуационная помета ставится после инициала информанта.

барсук К. [В] *барсу́к*, gen. *бърсука́*.

берег И. [C/D₂] *б'эр'их*, gen. *з б'эр'ьга*, in. *б'эр'ьгьм, б'эр'агóm*, loc. *пъ (пъ) б'эр'агу́* 'берег реки, озера'; Ж. *эта б'эр'ьх, а этъ лóх* 'пригорок, возвышенность?'; Ч. [C] *б'эр'ьх*, gen. *з" б'эр'ьга*, in. *б'эр'ьгьм*, loc. *пъ б'эр'агу́*, n. pl. *б'ер'ьгá*; К. [D₂] *б'эр'их*, gen. *зыйшóм з б'эр'ьга*, dat. *з б'эр'ьгу*, in. *пъд б'эр'агóm*, loc. *пъ б'эр'агу́*, n. pl. *б'эр'аг'у, б'ер'ьгá, абáи б'эр'аг'у*.

бич (**биц, обич, обниц**) 'цеп, орудие ручной молотыбы' [В] Кр. n. pl. *аб'ицý, б'ицý*, in. *б'ицáм, этъ хм'ел'н'ицкýй слóвъ*; К. *аб'иц*, in. *аб'ицóm*, n. pl. *аб'ичý, аб'ицý*, in. *аб'ицáм*.

блуд И. [а] *зыйшлá в блýт*, gen. *блýда*.

боб 'бобы' Ч. [а] *бон*, gen. *бóба*, in. *з бóбам*.

бой 'сражение' [C] И. *бой*, gen. *ад бóйу, пóс"л'ь бóйь*, loc. *в байу́*, n. pl. *бай; Ч. бой*, gen. *бóйа*, n. pl. *бай*.

бобёр Ч. [В] *баб'ор*, gen. *бѣбра́*, n. pl. *бабры́*, gen. *бабрѡв*.

бок И. [D₂] *бок*, gen. *с прѣвъгъ боку*, з *боку*, in. *пѣд бакѡм*, n. pl. *бак'и́*; Ч. [С] *бок*, gen. *боку*, *бока*, in. *бокѣм*, n. pl. *бак'и́*, loc. *у бѣка́х*; К. [В] *бок*, gen. *бѣка́*, dat. *г бакѹ*, in. *пѣд бакѡм*, loc. *нѣ бакѹ*, n. pl. *бѣл'ѡц' бак'и́*, *абѡи бак'и́*.

боров (поросёнок; часть дымохода) И. [С] *бѡръв* (*парс'ук*), gen. *бѡръва*, in. *бѡръвъм*; Ч. [В/D₂] *бѡръв*, gen. *бѡръва*, *б'ыз барьва́*, in. *бѣравѡм*, n. pl. *бѣравы́*; К. [С] *бѡрав*, gen. *бѡрава*, dat. *г бѡраву*, in. *за бѡръвъм*, loc. *нѣ бѣравѹ*, n. pl. *два бѡравы*, *маи́ бѣравы́*.

бор 'основной лес, бор' И. [С] *бор*, gen. з *бѡра*, in. *бѡръм*, loc. *в барѹ*, *пѣ барѹ*, n. pl. *бары́*; Ч. [В/D₃] *бор*, gen. *бѣра́*, in. *бѡръм*, *барѡм*, n. pl. *бары́*; К. [D₃] *бор*, gen. *бѡра*, dat. *з бѡру*, in. *бѡръм ишла́*, loc. *пѣ барѹ*, *у барѹ*, n. pl. *два бары́*.

брод [С] И. *пайшѡв* *у брот* *п'ешйу*, gen. *брѡда*, in. *за брѡдѣм*; Ч. *брот*, gen. *брѡда*, in. *брѡдѣм*; К. *в брот* *ишла́*, gen. *брѡда*, dat. *з брѡду*, in. *брѡдѣм*, loc. *пѣ брадѹ*, n. pl. *брады́*.

бруд 'мусор, сор' Ч. [а] *брут*, gen. *брѹду*.

брус (строительный материал) М. loc. *нѣ брус'ѣ*; И. n.sg.coll. *такѡйѣ брус'и́ѣ*, gen.sg.coll. з *брус'и́ѣ*; Ч. [D₃] *брус*, gen. *брусá*, in. *брусѣм*, gen.pl. *брусѡв*, gen.pl.coll. *брус'и́ѣм*; К. [В] *брус*, gen. *брусá*, *два брусá*, dat. *з брусу́*, in. *брусѡм*, loc. *нѣ брус'ѣ*, n. pl. *брусы́*, n.pl.coll. *брус'с"а*.

бык Ч. [В] *бык*, gen. *бѣка́*, loc. *нѣ бѣкѹ*, n. pl. *бѣк'и́*, *бык'и́*.

вал (сена; отвал земли) И. [D₃/С] *вал*, gen. *валá*, *váла*, dat. *к валѹ*, in. *валѣм*, n. pl. *два валы́*; М. [В] *вал зьгр'абл'и́*, gen. *въла́*, in. *пѣд валѡм*, acc.pl. *у валы́*, n. pl. *два валы́*; Ч. *вал*, gen. з *въла́*, loc. *у валѹ*, n. pl. *валы́*, loc. *у вълах́*.

валѣнки 'валенки' М. n. pl. *вал'ѡнк'и*.

валуй (гриб) К. [В] *валуй́*, n. pl. *вълуй́*.

век [а?] И. *в'ек*, gen. *два в'ѣка*; М. *в'ек*, gen. *спрад в'ѣку* *такѡйѣ бѣваиц'*.

верес [С] М. 'чабрец'? *в'ѣр'ис* *у л'асу сплаинѣй* *па гѣрам*, gen. *в'ѣр'ису*, in. *за в'ѣр'исѣм*; Ч. *в'ѣр'ис*: *мѣжыв'ѣл'н'ик*, gen. *в'ѣр'иса*, in. *за в'ѣр'исам*.

верх (*верьх*, *верѣх*) М. [D₂] *в'ерх*, *нав'ѣрх*, gen. з" *в'ѣрху*, in. *пѣт сáмым* *в'архѡм*, n. pl. *в'ар'х'и́*; И. [D₃/В] *нѣв'ѣр'ѡх* ~ *нав'ѣр'х*, gen. *с сáмгъ* *в'ѣр'хá*, *ат в'ѣр'хá*, in.-adv. *в'ѣр'хѡм* *йѣдз'иц'*, in. *в'ѣр'хѣм* *прайшѡв*; Ч. [С] *в'ѣрх*, gen. з" *в'ѣрху*, in. *в'ѣрхѣм* *идз'ѣц'*.

ветер М. [С] *в'ѣц'ир*, gen. *в'ѣтра*, in. *в'ѣтрѣм*, n. pl. *в'атры́*.

вѣтох 'третья фаза луны' М. [С] *в'ѡтѣх*, loc. *м'ѣс"ѣц* *нѣ в'ѣтахѹ*; Ч. *в'ѡтах* — *у нас* *н'ѣту*; dim. *в'ѣташѡк*.

вечер [С] М. *в'ѣчыр*, gen. *два в'ѣчыра*, *да в'ѣчыра*, in. -ѣм, n. pl. *в'ѣчары́*, *в'ѣчарá*; И. *в'ѣчир*, gen. *да в'ѣчира*, in. *в'ѣчирѣм*, n. pl. *два в'ѣчары́*.

вир 'водоворот' М. [С] *в'и́р* *у ѣз"ар'ѣ*, *у р'ак'ѣ*, gen. *из" в'и́ра*, in. *в'и́рѣм*, loc. *у в'и́ру́*.

вихорь (вихор) ‘вихрь’ М. [С] *в’ихър’ ть дарог’е круц’иц’*, gen. *в’ихра*, in. *в’ихрѣм*, n. pl. *в’ихры*; Ч. ‘вихор’ или ‘вихрь’? [В] *в’ихор*, gen. *в’ихра*, in. *в’ихрѣм*.

воз М. [В] *вос*, gen. *два възá*, in. *зъ вазѣм*, loc. *нѣ вазу*, n. pl. *вазы*; И. [D₂] *воз дрѣв*, gen. *з вѣза ипáлѣ*, dat. *к вѣзу*, in. *пѣд вазѣм*, loc. *нѣ вазу*, n. pl. *вазы*; Ч. [D₂] *вос*, gen. *з вѣза*, in. *зъ вазѣм*, n. pl. *вазы*.

волк [В] М. *волк*, gen. *вълкá*, dat. *к валкú*, in. *валкѣм*, loc. *нѣ валкú*, n. pl. *валк’и*, gen. *валкѣм*; Ч. *вѣлк*, gen. *вѣлкá*, in. *вѣлкѣм*, n. pl. *вѣлк’и*.

волос ‘волос’ М. [D₁~D₃] *вѣлѣс*, gen. *вълѣсá*, in. (привязала) *вѣлѣсѣм*, *з аднѣм вѣласѣм*, n. pl. *въласы*; И. С? *вѣлѣс*, in. *штѣ-йтъ з вѣлѣсѣм*, gen. pl. *въласѣм* *многъ*, in. *з маимъ вѣлѣсам*.

М. ‘болезнь’ *вѣлѣс и бал’ѣс’ йѣс’*, *у ц’ѣл’и рана буваиц’ тѣкайа вѣлѣсáтѣйа*. *Йѣс’л’и йагѣ н’ѣ ун’истѣжыц’*, *н’а вѣл’ичыц’*, *н’ѣ угѣвар’иц’*, *мѣжыц’* и *пáл’ѣ атр’ѣзыц’ таб’ѣ*. *Йѣн кѣс’ йѣс’*. *И вѣласы видáц’*. *Какъ зѣражѣн’иѣе, такѣйе тѣган’иѣе*.

вор М. [С? (n. pl. !)] *вор крáдз’ыц’*, gen. *вѣра*, dat. *к вѣру*, n. pl. *вѣры*, gen. *варѣв*.

ворон М. [С?] *вѣрѣн*, асс. *вѣрѣна*.

ворот ‘ворот рубахи; ширина’: М. [D₂] *вѣрѣт*, gen. *б’ез вѣрѣта*, in. *вѣратѣм*, loc. *нѣ вѣрац’ѣ*, n. pl. *вѣраты*; И. [С] *вѣрѣт* и *штѣнах*, *што ѣц’с’ц’áгѣвѣицѣ*, gen. *з вѣрѣта*, in. *з вѣрѣтѣм*, pl. *вѣраты*; Ч. [С] *вѣрѣт*, gen. *вѣрата*, in. *за вѣратам*.

ворох ‘деревянные грабли для сена’ М. [А~С] *вѣрах ѣт с’ѣнѣ што вѣрáчу-йц’*, *так’иѣе грáбл’и*, gen. *вѣрѣхъ*, in. *вѣрѣхѣм пѣв’арнú*, *зѣгр’абл’у*; n. pl. *вѣрѣх’и*, gen. *вѣрѣхѣм*.

воск [а] М. *воск*, gen. *вѣску*, in. *з вѣскѣм м’от*; И. *вѣск* у *пчѣлах*, gen. *з вѣска*, in. *за вѣскѣм*; Ч. *вѣск*, gen. *вѣска*, in. *вѣскѣм*.

угол, угол М. [D₁] *уѣгл*, gen. *4 углá*, in. *зъ углѣм*, асс. pl. *пѣд углы*; Ч. *уѣгл*, gen. *с углá*, in. *зъ углѣм*, n. pl. *углы*.

уголь М. [D₁?] *уѣгл’*, gen. *угл’á*, n. pl. *угл’и*, n. coll. *угл’л’а*; И. n. pl. *угл’и*.

вуж Ч. [В] *вуш*, gen. *вужá*, n. pl. *вужи*.

вузел [D₁] М. *уѣз’ъл*, in. *уѣзлѣм*, n. pl. *уѣзлы*, in. *уѣзлам*; Ч. *уѣз’ъл*, gen. *н’и-днагѣ уѣзлá*, in. *уѣзлѣм*, n. pl. *двá уѣзлы*.

вулей, улей М. [D₃] *уѣл’ий*, gen. *с ул’йá*, in. *за уѣл’ийѣм*, n. pl. *уѣл’ийи*.

вус, вусы [В] М. *уѣс*, n. pl. *уѣсы*; Ч. n. pl. *уѣсы*, in. *з уѣсам*.

вяз М. [С] *в’ас* (дерево; в собирательном и единичном значении), gen. *н’ѣт в’áзу*, *в’áзу много*, in. *пѣд в’áзѣм*, loc. *нѣ в’áзу*; И. [D₂~С] *в’ас дз’ѣр’ѣва йѣс’*, gen. *з в’áзѣ*, in. *зъ в’áзѣм*, *в’áзѣм*, n. pl. *в’áзы*.

вяз ‘связь, крепление’ Ч. [А] *в’ас*, gen. *в’áза*, in. *с’* *в’áзѣм*, n. pl. *в’áзы у сан’ѣй*.

гад (ругательство) Ч. [А] *гат*; К. *гат как’ѣй*, gen. *зъ гáда зáмѣш*, in. *гáдѣм*, n. pl. *гáды*, gen. *гáды*.

- гай** К. [С] *гай* — *ро́шиша, украї́нці гаво́р'уц'*, gen. з *га́йа*, in. *га́йѣм*, n. pl. *га́й*.
- гвозд** 'гвоздь' [В] Ч. *гвост*, gen. *гвѣздá*, in. *гвездóм*, n. pl. *двá гвезды́*, gen. *гваздóв*, loc. *нѣ гвѣзда́х*; К. *гвост*, gen. *гвѣздá*, in. *гвездóм*, n. pl. *гвезды́*, gen. pl. *гваздóв*, *гваз'дз'ѣй*, gen. sg. coll. *гвóз'з'а*.
- глист** 'глист' [В] Ж., Ч., К. *гл'íst у дз'иц'áх*, gen. *глиста́*, n. pl. *глисты́*.
- глузд** 'разговор; пустая болтовня' К. *глúст; што ты глуз'дз'иш, вр'ош*.
- глум** 'надоедливый шум' [а] К. *глум*, gen. *глúму; нѣглум'ил'и*; ТИ *зѣглум'ил'и шиу́ гѣлаву́* (популярной музыкой).
- гляк** 'глиняный кувшин' К. [а] *гл'ак, тóлстый как гл'ак*, gen. *гл'áка*.
- гнев** [а] Ч. *гн'ew*, gen. *гн'ѣва*, in. *гн'ѣвѣм*; К. *гн'ew*, gen. *б'аз гн'ѣва*, in. *гн'ѣвѣм*.
- гной** 'гной; навоз' [а] Ч. *гно́й*, gen. *гно́йу*, in. *гно́йѣм*; К. *гной* — *навóс*, и на *рáн'и гно́й*; gen. *гно́йа*, in. *гно́йѣм*.
- гнус** К. *гнус* — *скупѣй, жаднѣй*.
- год** [С] И. gen. *гóда*, n. pl. *гѣдá*, *двá гады́*; К. *гот*, gen. *гóда*, in. *гóдѣм*, loc. *нѣ гадú*, в *гадú*, n. pl. *гады́*, *тр'и гады́*, gen. *н'ац' гадóв*.
- голень** 'метла, веник без листьев' Кр. [В?] *гал'ѣн'*, *в'ѣн'ик катóрым пáр'и-л'ис'* у *бáн'ь*.
- голод** К. [С] *гóлт*, gen. з *гóльд*у, in. *гóльдѣм*.
- голос** Ч. [В/Dз] *гóльс*, gen. *б'ез гѣльса́*, in. *гѣласóм*, *гóльсѣм*, n. pl. *гѣласы́*; К. [С] *гóльс*, gen. *н'ед гóльсу*, in. *гóльсѣм*.
- голуб** К. [С] *гóлѣп*, gen. *гóлуба*, in. *гóлубѣм*, n. pl. *гѣлубы́*.
- гон** (на охоте) К. *гон* — *на-хóту гл'икуны́ идúц'*, *крича́ц'* и *зáйцѣ выгѣн'áйцү'*.
- горб** [В] И. *горп*, gen. *б'ѣз гѣрбá*, in. з *гарбóм*, n. pl. *гарбы́*; Ч. *горп*, gen. *гѣрбá*, in. *гарбóм*, n. pl. *гарбы́*; К. *горп*, gen. *гѣрбá*, in. з *гарбóм*, loc. *гарбу́*, n. pl. *гарбы́*, *два гарбы́*.
- горн** (в кузнице) К. [а] *гóрѣн раздúй*, gen. *б'ез гóрна*.
- город** [С] Ч. dat. на *гóрьд*у, in. *зá гѣрьдѣм*, *за гóрьдѣм*, loc. *в гóрьдз'е*, n. pl. *гѣрады́*; К. *гóрът*, gen. з *гóрьда*, in. *гóрьдѣм*, loc. *у гóрьдз'и*, n. pl. *гѣрады́*.
- горох** [А] М. gen. *струк гарóху*, loc. *нѣ гарóх'ь*; К. *гарóх*, loc. *нѣ гарóх'и*.
- гребень** (гребень в волосы; петушиный гребень) Ч. [D₁] *гр'ѣб'ьн'*, gen. *гр'ѣб-н'á*, in. *гр'ѣбн'óм*, n. pl. *гр'ѣбн'и*, *гр'абн'и́*, gen. *гр'абн'óв*; К. *гр'ѣб'ин'* *чый*, *н'ьту-хóв?*
- грех** Ч. [В] *гр'ех*, gen. *гр'ѣха́*, in. *гр'ахóм*.
- гриб** 'гриб', мн. также 'губы' [В] Ж. *гр'ибы́*; Ч. *гр'ит*, gen. *гр'ѣба́*, n. pl. *гр'ибы́*, gen. *гр'ибóв*.
- грим** 'шум, грохот' К. [а] *гр'им*, *гр'им'ѣла у кварц'иры*; gen. *гр'иму*, in. *гр'и-мѣм*.
- гроб** К. [В] *грон*, gen. *грѣба́*, in. *грабóм*, n. pl. *грабы́*, gen. *грабóв*.
- гром** К. [а] *гром* — *н'арúн на б'ѣларуск'и*, gen. *н'а чúтна грóму*, in. з *грóмѣм*.

груд 'костер' Ч. [В] *грут*, gen. *груда́*, *два́ груда́*, loc. *нъ грудз'э*.

груз [а] И., Ч., К. *грус*, gen. *б'аз гру́зь*, in. з *гру́зьм*.

грузд 'груздь' [В] И. *груст*, gen. *н'ет грузда́*, *два́ грузда́*, in. *груздóм*, n. pl. *грузды́*, n. coll.? *гру́з'дз'и*; Ж. n. coll.? *гру́з'дз'и*, *мачо́н'ик'и*; Ч. *груст*, gen. *грузда́*, in. *груздóм*, n. pl. *грузды́*, gen. *груздóв*, in. *за грузда́м*, in. pl. coll. *за гру́з'дз'ьм*; К. *груст*, *их мо́чцу'*, gen. *два грузда́*, in. *груздóм*, n. pl. *грузды́*, n. pl. coll. *гру́з'дз'а*, gen. *груздóв*.

гряд 'град' [а] Ч. *гр'ат*, gen. *гр'ада*; К. *гр'ат*, gen. *гр'ада*, in. *гр'адьм*.

гуж [В] Кр. *гуш*, gen. *два́ гужа́*, n. pl. *гужа́*; Ч. *гуш*, gen. *гужа́*.

гук 'звук' Ч. [А] *зук*, gen. *зу́ка*, in. *зу́кьм*, n. pl. *зу́к'и*.

гул К. [а] *гул*, gen. *зу́лу*.

гусь Ч. [В/D₃] *гус'*, gen. *гус'а́*, in. *гус'ьм*, *гус'о́м*, n. pl. *гус'и*, gen. *гус'ей*.

дед Кр. [С] *дз'ет*, gen. *дз'эда*, in. *дз'эдьм*, n. pl. *дз'ады́*.

двор Ч. [В] *двор*, gen. з *двэ́ра*, in. *дваро́м*, n. pl. *двары́*.

дёрен Ч. *дз'ор'ен*, gen. pl. *дз'арно́в*, in. *дз'ьрна́м'и*.

долг И. [С] *долх*, gen. *б'аз до́лга*, in. *до́лгьм*, n. pl. *далг'и́*, gen. *далго́в*; Ч. [В] *допх*, gen. *долга́*, in. *далго́м*, n. pl. *далг'и́*.

дом Ч. [С] *до́м*, gen. з *до́ма*, dat. *на до́му*, loc. *нъ даму́*, *у даму́*, *у до́м'ь*, n. pl. *дамóв*, dat. *нъ дьма́м*.

дрозд [В] И. *дрост*, gen. *дрэ́зда́*; Ч. *дрóст*, gen. *дрэ́зда́*, in. з *драздóм*, n. pl. *дразды́*.

дуб (дерево) И. [С/D₂] *дуп*, gen. з *дуба*, in. *над дубьм*, *нъд дубо́м*, n. pl. *дубы́*; М. loc. *w дуб'и*; Ч. [D₂] *дуп*, gen. з *дуба*, in. *нъд дубо́м*, n. pl. *дубы́*.

ёг / ёх (ядовитая трава) [а] М. *йох трэ́ва йос'*, *йьна́ рас'ц'эц' кьл аз'ор*, *кьла р'эк*. *Вот карóва йес'л'и з'йес'*, *то йийе разду́иц'*; gen. *йóху*, in. *йóхьм*; Ч. *йóх*, gen. *йóгу*, in. *йóгьм*.

ёриш К. [В] *йорш*, gen. *йьриша́*, in. *йаришо́м*, n. pl. *йаришы́*.

жар [а] М. *жа́р у н'эчк'и*, gen. *жа́ру*; И. *жар у рук'э*.

жёлоб М. [D₂] *жольп*, gen. *жольба*, in. *жэлабо́м*, loc. *нъ жэлабу́*, n. pl. *жэлабы́*; И. *жольп* (техн.: на жел. дороге, где стрелка), gen. *жольбъ-тът н'ийакэ́г у нас н'ет*.

желуд 'желудь' М. [В] *жалу́т*, gen. *два жэлу́да*, (ни одного) *жэлу́да*, in. *жэ-лудо́м*, loc. *нъ жэлу́ду*, n. pl. *два жэлу́ды*, *жэлу́ды w дуб'и*, gen. *жэлу́до́в*.

журав, **журавль** 'колодец-журавль'; 'мужчина': И. gen. *у мыйаго́ жу́рэва* (о муже); Ч. *жу́рэв*, *жура́вл'*, dat. *з жура́вл'у* (колодец).

зад [С] М. *зат*, in. *за́дьм*, n. pl. *зады́*; И. dat. *нъ за́ду*, in. *за́дьм*, adv. *зза́дз'и*; Ч. *зат*, gen. з *за́ду*, in. *за́дьм*; К. gen. *зза́ду иду́ц'* 'сзади, позади'.

зверь М. [С/D₂] *з'в'ер'*, асс. (поймал) *з'в'э́р'а*, in. з *з'в'аро́м*, *с ётым з'в'э-р'ьм*, dat. *на з'в'э́р'у*, loc. *нъ з'в'ар'у́*; n. pl. *з'в'э́р'и*, gen. *з'в'э́р'ей*.

звон 'звон' [а] М. *звон з'в'ен'иц'*; И. *звон кълъкълѧ*, gen. *звона*; М. dim. *званок* 'коровий колокольчик'.

зной 'жара; жар, озноб' [а] М. *зной — етъ бал'ез'ън'*: *жѧркѧ, знобнѧ*; Ч. *зной — с'ил'нѧа жарѧ*, gen. *зноѧа*.

зоб [а] М. *зоп етъ бал'ес'*, и *w кур'ѧх зоп*; Ч. *зоп* (у кур), gen. *зоба*, in. *зобѧм*.

зуб И. [С/D₂] *зуб*, gen. *зуба*, in. *зубом*, *зубѧм*, n. pl. *зубы*, gen. *зубов*, б'аз *зуп*, in. *зубам*; М. [В/D₂] *зуп*, gen. *б'ъз зубѧ*, б'аз *зуба*, in. *зубом*, loc. *нѧ зубу*, *w зубу*, n. pl. *зубы*; Ч. [С] gen. *зуба*, in. *зубѧм*, n. pl. *зубы*, gen. *зубов*.

зятъ Кр. [а] *з'ац'*, gen. *з'ац'а*, in. *з'ац'ѧм*.

зал К. [а] *кал карѧвск'ей*, gen. *калу*, in. *калѧм*.

камень К. [а] *кам'ън'*, gen. *камн'а*, in. *камн'ѧм*.

карась К. [В] *кѧрас'*, gen. *кѧрс'ѧ*, in. *кѧрас'ом*, n. pl. *кѧрас'ѧ*.

квас Ч. [а] gen. *гл'ъ квѧса*.

клѧн [А] И. gen. *с кл'она*, in. *пат кл'онѧм*, n. pl. *кл'оны*; К. *кл'он*, gen. *с кл'она*, in. *кл'онѧм*, n. pl. *кл'оны*, gen. *кл'онѧw*.

клѧст К. [В] *кл'ос*, gen. *кл'оста*, in. *кл'астом*, n. pl. *кл'асты*.

клѧщ [В] Ж., К. *кл'оши*, gen. *кл'ышиѧ*, in. *кл'ашиом*, n. pl. *кл'ашиы*.

клин (земли; деревянный; при кройке) К. [В] *кл'ин*, gen. *кл'ина*, in. *с кл'ином*, n. pl. *кл'ины*, gen. *кл'инов*.

клок, хлок [В] И. *хлок шѧр'с'ц'и*, *хлѧпѧчык*, *пахлѧпѧчык*; gen. *хлѧкѧ*, in. *хлѧком*, n. pl. *хлѧк'ѧ*; Ч. *клок*, gen. *клѧкѧ*, in. *клѧком* (клок волос).

клоп [В] Ч., К. (*балѧтн'ѧй*) *клоп*, gen. *клѧпѧ*, in. *клѧпом*, n. pl. *клѧпы*.

коготь [D₁ (loc. pl. !)] Ч. *кѧгъц'*, gen. *кѧхц'ѧ*, in. *кахц'ом*, n. pl. *кѧхц'и*, loc. *у кѧхц'ѧх*, *у кѧхц'ѧх* (у *к'ипц'ѧх*, у *к'ипц'урѧх*); К. *кѧгъц'*, gen. *кѧхц'ѧ*, in. *кахц'ом*, n. pl. *кѧхц'и*.

кол Ч. [D₃] *кол*, gen. *кѧлѧ*, н'и *кѧлѧ н'и двѧрѧ*, in. *колѧм*, gen. pl. *калѧw*, gen. pl. coll. *кол'ѧw*, loc. *нѧ кѧлѧх*.

колокол И. [В/А] *кѧлакол*, gen., n. pl. *кѧлъкѧлѧ*, in. *с кѧлъкѧлом*, *с кѧлаколѧм*.

колос [D₁] И. *колѧс*, gen. *кѧлѧсѧ*, in. *кѧласом*, n. pl. *кѧласы*; Ч. *колѧс*, gen. *кѧлѧсѧ*, in. *кѧласом*, n. pl. *кѧласы*, gen. *кѧласов*.

ком И. [В/D₃] *ком*, gen. *кѧмѧ*, in. *с комѧм с'н'ѧга*, *с камом*, n. pl. *камы*; Ч. [В] *ком*, gen. *кѧмѧ*, in. *камом*, n. pl. *камы*.

конь [В (pl. !)] Ч.: *кѧн'*, gen. *кѧн'ѧ*, in. *кан'ом*, loc. *нѧ кан'ѧ*, n. pl. *кѧн'и*, gen. *кѧн'ѧй*, loc. *на кѧн'ѧх*, in. *за кѧн'ѧм'и*, *зѧ кѧн'ѧм'и*; К. gen. pl. *кѧн'ѧй*.

копыль К. [В] in. *кѧпыл'ом фсѧпыл'ѧл'и*.

корень М. [D₁] gen. *дѧ кѧр'нѧ*; Ч. *кѧр'ън'*, gen. *кѧр'нѧ*, in. *нѧт кар'нѧм*, n. pl. *кѧр'н'и*, gen. *карн'ов*.

корм Ч. [С] *корм*, gen. *кѧрму*, in. *с кѧрмѧм*, n. pl. *кармы*.

короб И. *кѧрѧп*, n. pl. *кѧрѧбѧ*; К. [С] *кѧрѧп пл'ац'онѧй*, gen. *с кѧраба*, in. *кѧрѧбѧм*, n. pl. *кѧрабы*; топон. (n. pl.) *Кѧрабы*.

коромысел 'коромысло' [A?] М. п. sg. *карóмыс*"ьл.

кот Ч. [В] *кот*, gen. *кѣтá*, in. *катóм*, gen. pl. *катóв*.

котёл [В] Ж. у *кац'ól*; Ч. *кац'ól*, gen. *кѣтлá*, in. *катлóв*.

крест, крёст Ж. [D₃] *кр'эст*; *кр'óс н'асуц' уп'ар'ót пакóйн'ика*, in. *в'анк'ú н'асуц'* за *кр'эстѣм*, gen. *дѣ кр'ѣстá*; Ч. [В] *кр'эст*, gen. *кр'ѣстá*, in. *кр'эстóм*, n. pl. *кр'эсты*; Ж. dim. gen. *н'ет хр'эс"ц'ика*.

крот [В] Ж., Ч. *крот*, gen. *крѣтá*, in. *с кратóм*, gen. pl. *кратóв*.

круг И. 'вязаный круглый половинок' [D₃] *крух*, gen. *кругá*, in. *с кругѣм*; 'круг; танец' [С] асс. *в крух пл'ѣсáц'*, gen. *с круга*; n. pl. *круг'ú* (половики, пляски); Ч. 'круг' [С] *крух*, gen. *круга*, in. *кругѣм акруж'ил'и*, n. pl. *круг'ú*.

кряж 'толстяк, крепыш' Ч. [В] *кр'аш*, gen. *кр'ѣжá*, in. *кр'ажóм*.

кут М. 'угол' [В?] *кут*, loc. *в куц'ѣ*; Ч. 'красный угол' [D₃] *кут*, gen. *кутá*, in. *н'ир'ет кутѣм*, loc. *нѣ куц'ѣ*, *в куц'ѣ*.

лад Ч. [а] *лат*, gen. *лáда*, in. *лáдѣм*.

лаз Ж. [А] *лас пат нóл*, gen. *з лáза*, in. *лáзѣм*, n. pl. *лáзы*.

лёд Ж. [С] *л'от*, gen. *многѣ л'óду*, in. *пад л'óдѣм*, loc. *па л'óу*, *на л'óу*.

лемех [D₁] Ж., Ч. *л'эм'ѣх у плугу*, gen. *л'эм'ѣхá*, in. *зѣ л'эм'ахóм*, n. pl. *л'эм'е-х'ú*, gen. pl. *л'им'ахóв*.

лень 'рыба линь' Ж. [В] *л'ен'*, gen. *л'ѣн'á*, in. *л'ен'óм*, n. pl. *л'ан'ú*, gen. pl. *л'ѣ-н'ѣй*.

лес [С] Ж. *л'ес*, gen. *с" л'эсу*, dat. *к л'эсу*, in. *л'эсѣм*, loc. *пѣ л'асу*, n. pl. *л'есá*, *л'асѣ*; Ч. *л'ес*, gen. *л'эса*, in. *л'эсѣм*, loc. *пѣ л'асу*, *в л'асу*, n. pl. *л'асѣ*; К. gen. pl. *им'ѣшаных л'асѣв*.

лизун 'слизень?' Кр. *л'изун пѣмáѣт* (пугали детей).

лист [В] Ж. *л'ист*, gen. *б'ѣз л'истá*, in. *пѣд л'истóм как'úйѣ там куз'áшк'и*, gen.sg.coll. *б'аз" л'ис"ц'á*; И. *л'ист*, gen. *л'истá*, in. *л'истóм*, n. pl. *л'ист'и* *л'истѣ* (бумаги), n.sg.coll. *л'ис"ц'ѣ прѣпáль* (листья дерева); Ч. *л'ист*, gen. *л'истá*, in. *л'истóм*.

лог 'низина' [С] Ж. *лох*, gen. *з лóга*, in. *прайшóл лóгѣм*, loc. *у лагу*, n. pl. *лаг'ú*; И. *лох*, gen. *з лóга*, loc. *нѣ лагу*, n. pl. *лаг'ú*.

лой 'нутряное сало' [а] Ж. *лóй* — *жыр с"в'ин'н'ú*, gen. *з лóйа вѣскѣрк'и укѣс-ныйѣ*, gen. *пѣрас"óнкѣ рѣз"б'ирáшѣ* — *многѣ лóйу*, in. *лóйам уз"алóс"á*.

локоть М. [D₁/D₃] *лóкѣц'*, gen. *з лѣкѣ'á*, dat. *к лóкѣ'у*, in. *лóкѣ'ѣм*, *пад лóкѣ'ѣм*, *пѣд лаку'óм* — *лучшы, пр'иц'úснѣла лаку'óм*; Ч. [D₁] *лóкѣц'*, gen. *з лѣкѣ'á*, in. *лак-ц'óм*, n. pl. *лóкѣ'и*.

лом (орудие) И. [D₃] *лом*, gen. *б'ѣз лѣмá*, in. *лóмѣм*, n. pl. *ламѣ*; Ч. [В] *лом*, gen. *лѣмá*, in. *з ламóм*, n. pl. *ламѣ*.

лось Ч. [В] *лос"*, gen. *лѣс"á*, in. *лас"óм*, n. pl. *лас"ú*, gen. *лас"ѣй*, loc. *нѣ лѣс"áх*.

луг [С] И. *луг*, gen. з *луга*, in. (идёт) *лугъм*, за *лугъм*, n. pl. *луг'у*, *луга*; Ч. *луг*, gen. *луга*, in. *лугъм*, n. pl. *луг'у*.

лук К. [а] gen. *луку*, in. з *лукъм*.

лыч 'пяточок свињи' М. [В] *лыч* – у с''в'ин'н'у *нос*, gen. з *лыча*, in. *лычом*, асс. *нъчап'ила навóзу на лыч*, n. pl. *лычы*; И. [В/D3?] *лыч*, in. *лычъм*, *лычом*, n. pl. *лычы*.

мак М. [А] *мак*, gen. (нет) *маку*, *мно́го ма́ку*, in. *макъм*, n. pl. *маки*, gen. *маков*.

мёд М. [а] *м'от*, gen. *купи́ла м'óду*, in. *пъмáзала м'одъм*.

медведь М. [А] *м'едз'в'ец'*, gen. *м'едз'в'едз'а*, in. *м'едз'в'едз'ъм*, n. pl. *м'едз'в'едз'и*.

мел М. [а] *м'эл*, gen. *дай м'элу*, in. *нъкр'ас''у'ил'и м'эльм*.

мех 'мешок' [В] М. *м'ех*, gen. з'' *м'эхá*, in. з'' *м'ахóm*, n. pl. *м'ех'у*; И. gen. *м'ь-хá*, in. *м'ахóm*, n. pl. *м'ах'у*, *двá м'ех'у*, gen. *м'ахów*; Ч. *м'ех*, gen. *м'эхá*, in. *м'а-хóm*, gen. pl. *м'ахów*.

мир М. [а] *м'ир йóс''вз''в'акów*, gen. *н'ет м'иру*, dat. *па м'иру пушиу́*.

мозг, мозги М. *мо́сх в зълав'е*, асс. pl. *мазг'у зълажълъ*, *наплъ́w нъ мазг'у* (опухоль), loc. *в (нъ) мъзгáx*; И. n. pl. *мазг'у*, *б'азмóзг'ий дура́к*; Ч. [В?] *мо́сх*, in. з *мазгóm*, n. pl. *мазг'у*, loc. *w мъзгáx*.

мозоль М. [В] *мазól'*, gen. *мазъл'á*, in. *мъзал'óm*, n. pl. *мъзал'у*.

молот М. [D₁] *мóлт*, gen. *н'ету мълату́*, *мълта́*, in. *мълатóm*, n. pl. *мълат'ы*, in. *мълтáм*; И. [С] *мóлт* у *куз'н'ицы*, gen. *мóлта*, in. *мóлтъм*, n. pl. *мълат'ы*; Ч. [С] *мóлт*, gen. *мóлта*, in. *мóлтъм*.

молочник 'молочай' [А] М. *малóшин'ик*, ТИ *малóтн'ик*.

мор М. [а] *мóр*, *ум'ирайу́ц' л'удз'и* (нъ жывóтных гавор'уц' — *дъх'та*, *пáдъл'*, *зóдхла*; *кало́да пчол пам'óрла*), gen. *н'ь былó мóру*.

мороз М. [А] *марóс замъраз'иw*, n. pl. *марóзы*, gen. *марóзъw*.

мост [В] 'пол; мост': М. *пад мóст*, gen. з *мъста́ пьдым'у*, in. *пъд мастóm*, асс. *на мóст*, loc. *пъ масту́* (*адно́ мóст* и *пóл*), n. pl. *масты́*, in. *пъ мъстáм*; И., Ч. *мост*, gen. з *мъста́*, in. *мастóm*, n. pl. *масты́*.

мотыль 'бабочка' М. [В] *маты́л'*, асс. *мътыл'á пъймáл*, in. *зъ мътыл'óm*, n. pl. *маты́л'у*.

мох 'мох, болото' М. [В] *мо́х нъ балóц'и*, gen. *мхá н'эту*, in. *мхóm*, loc. *ва мху́*.

нараст, нерест, норост М. [С] *нарь́ст пашów*, gen. *нарь́сту н'э былъ*, in. *на-рь́стъм*; И. [С] *н'эр'ьст*, gen. *н'эр'ьста*; Ч. [С/В] *нóрьст*, gen. *нóрьста*, *нарь-ста́*, in. *нóрьстъм*, *нърастóm*.

низ [D₂] М. *н'ис у пла́ц'и'ь*, *н'ис у гарóдз'ь*, gen. с'' *н'изу*, dat. *к н'изу*, in. (–adv.?) *пъд н'изóm* (*пъд машы́нъй*), loc. *пъ н'изу́*, *нъ н'изу́*; И. *н'ис*, gen. с'' *н'изу*, in. (–adv.?) *пъд н'изóm*, loc. *пъ н'изу́*; Ч. *н'ис*, gen. *н'изу*, in. (–adv.?) *пъд н'изóm*.

нит [С] (в ткацком стане): М. *нит*, gen. *н'ита*, in. *за нитом*; Ч. *н'ит*, in. *н'и-тъм*, n. pl. *н'иты́ у крьсна́x*.

нокоть, ноготь [D₁] М. *но́кыц'*, ген. *б'ыз нькыц'а*, ин. *пѣд накы'ом*, п. pl. *но́кыц'и*, ин. *пѣд нькы'ам*; Ч. *но́гыц'*, ген. *нькыц'а*, ин. *пѣд нахы'ом*, п. pl. *но́хыц'и*, ген. *нахыц'ей*.

нож, ножик: М. *нош ета па-ру́ски, но́жык пѣ-нашьму*; Ч. [В] *но́ш*, ген. *нь-жа́*, ин. *наж'ом*.

норов 'нрав, поведение' [С?] И. *но́рѡв*, ген. *но́рѡвѡм*.

норот (небольшая рыболовная сеть) [D₂] М. *но́рѡт*, *в но́рѡт рѣ́ба* *вл'э́ла*, ген. *не́т но́рѡтѡ*, ин. *з нѡрат'ом*, п. pl. *нѡраты́*; dim. *нѡрат'ок*; М. *но́рѡт*, ген. *но́рѡрта*, ин. *нѡрат'ом*, п. pl. *нѡраты́*, ген. *нѡрат'омѡ*, dim. п. pl. *нѡратк'и*.

нос (человека, лодки) М. [D₂/С] *нос*, ген. *но́са*, ин. *з нас'ом*, *пѣд нас'ом*, *ткнѡм-с'ь но́сѡм*, loc. *нѡ нас'у*, п. pl. *насы́*; И. [D₂] *нос*, ген. *з но́са*, ин. *пѣд нас'ом*, п. pl. *насы́*; Ч. [В/D₂] *но́с*, ген. *ньса́*, *з но́са*, ин. *пѣд нас'ом*, п. pl. *насы́*.

обабок 'гриб подберезовик' [А] Ж. *аб'аб'ьк*; К. п. pl. *аб'апк'и*.

обич, обиц см. **бич**.

овёс М. [В] *ав'ос*, ген. *овса́*, ин. *з овс'ом*, п. pl. *овсы́ харо́шьйе*.

одонок 'стог сена' [А] М. *пѣ б'ялару́ску стох*, *па ру́ску ад'о́нак*.

огонь [В] М. *аго́н' в пл'иты́*, ген. *б'ыз агн'а*, ин. *агн'ом*; Ч. *аго́н'*, ин. *с агн'ом*, loc. *н-агн'и́*, ген. *агн'ей*.

огород 'изгородь' М. *ѡгар'ом нѡ йѡзык'у*; ср. *л'эх'и* 'грядки, огород'.

озерод, озород 'зород, сушило для сена' [А] М. *аз'ар'ом*, п. pl. *дв'а аз'ар'оды́*; К. *азар'ом*, ген. *азар'ода*.

окунь Ж. [В] *акун'*, ген. *акун'а*.

орех 'лесной орех' М. [А] *рѡзлуши́у ар'эх*, п. pl. *ар'эх'и*, ген. *ар'эх'ом*.

освер 'подвижный брус у колодца-журавля' Ч. [а] *ас'в'ер*, ген. *ас'в'ера*.

осот (трава) М. [а] *ас'от*, ген. *ас'оту*.

остривки, острывки 'сушило для сена: жерди с сучьями' [А] М., Ж. *астр'и́вк'и*, *астр'и́вк'и*, М. *астр'и́вк'ом*.

павук Ч. [В] *паву́к*, ген. *пѡвук'а*, п. pl. *пѡвук'и́*, ген. *пѡвук'ом*.

перед И. *п'ер'ѡт*, adv. *уп'ар'ом*, ин. *п'ер'ѡдѡм*, *п'ер'ад'ом*.

перст 'палец' устаревш. Кр. [В] *перст*, ген. *п'ерста́*, ин. *п'арст'ом*.

перстень Кр. [а] *п'ер'с'и́'ьн'*, ген. *п'ер'с'и́'а*, ин. *п'ер'с'и́'ьм*.

пласт 'куча сена, поднимаемая за один раз вилами' [В] И. *пласт* — *с'э́на зѡ-ра́з уз'ац'и* *и пѡлажы́ц'*, *а вал ва вс'у по́жн'у агр'э́бл'ьн'й*; ген. pl. *з адно́гѡ ва́ла дз'э́с'и́ц'* *пласт'ом з'б'и́ц'*; ген. *плѡста́*, ин. *пѡт пласт'ом*; Ч. *пласт*, ген. *пласта́*, ин. *з'б'ив'а́им с'э́на пласт'ом*, п. pl. *пласти́*.

плод М. [В] *плот мушк'ей*, *плот же́нск'ей* (ребенок), ген. *плѡда́*, ин. *плад'ом*; Ч. [С] *плот* *у кар'ови*, ген. *плѡда*, ин. *с плѡдѡм*.

плот 'забор' М. *плот* *з л'эсу*; Ч. [D₃] *плот*, ген. *кѡл'а плѡта́*, ин. *за плѡтѡм*, п. pl. *плати́*.

под (в печи) Ч. [С] *пот*, gen. *пóда*, in. с *пóдъм*, n. pl. *падí*.

пол Ч. gen. *б'ъс пóла*, *пóла н'и булó*; К. gen. *да пóла*.

попел 'зола' [а] И. *пón'ъл*; *угл'и*, *жар*, *згар'иц'*, и *пón'ъл ъстайеца*; gen. *мнóгъ пón'ьлу*, in. *пón'илъм*; Ч. *пón'ил* и *злá* (синонимы), gen. *пón'ьлу*, in. *пón'ьлам*.

порог Кр. [А] *парóг*, in. с (*път*) *парóгъм*.

порох Кр. [С] *пóрѣх*, gen. *пóрѣху*, in. *пóрѣхъм*.

пост Кр. [В] *пост*, gen. *пѣста*, in. *пастóm*.

пот [а] И. *пот*, gen. *ат пóта*, in. *пóтъм*; Ч. *пот*, gen. *пóта вѣшила* (безличн.), in. *пóтъм*; Кр. *пот*, gen. *пóту*, in. *пóтъм*, loc. *у пату*.

пруд Ч. [D₂] *прут*, gen. *да прúда*, in. зъ *прудóm*, gen. pl. *прудów*.

прут И. [В] *прут*, gen. *прута*, in. с *прутóm*, n. pl. *пруты*, n. pl. coll. *пруц'и'а*.

пук 'пучок' [В] Ч. *пук* — *ичáв'ил' идз'от ф пук*, *у пук с'в'ьзál*, gen. *пукá*, in. с *пукóm*, n. pl. *пук'и*; Кр. *пук*, gen. *пукá*, in. *пукóm*, n. pl. *пук'и*.

пуп [В] И. *пуп*; gen. *н'и́жы пунá вѣшы кал'эна* — *згáтка*; in. *пупóm*, n. pl. *пупы*; Ч. *пуп*, gen. *дъ пупá*, in. с *пупóm*.

раз М. gen. *н'и рáзу*, n. pl. *два разы*.

рѣв М. [а] *р'ow* (*карóвы р'авуц'*, *р'ьчáиц'*), gen. *р'óва*, in. *р'óум р'ьвлá*.

ремень [D₁] М. *р'эм'ин'*, gen. *р'ьмн'á*, in. *р'амн'óm*, n. pl. *р'амн'и*, gen. *р'амн'ów*; Ж. топон. *Р'амн'и*; Ч. *р'эм'ин'*, gen. *р'ьмн'á*, in. *р'амн'óm*, n. pl. *р'амн'и*.

ров М. [D₂] *row* (*къл р'ак'э абрѣw*), gen. з *рóва*, in. *равóm*, loc. *пъ раву*, n. pl. *равы*.

рог М. [В (n. pl.!)] *рóх*, gen. *рѣгá*, in. *рагóm*, n. pl. *рóг'и*; И. [D₂ (n. pl.!)] *рох*, gen. *рóга*, in. *рагóm*, n. pl. *рóг'и*; Ч. [D₃ (n. pl.!)] *рóх*, gen. *рѣгá*, in. *рóгъм*, n. pl. *рóг'и*.

род М. [С] *рót*, gen. *и́хнѣва рóда*, in. *рóдъм*, n. pl. *рóды*, gen. *радów*.

рой М. [В] *рой бал'шѣи*, gen. *рѣйá*, in. *райóm*, n. pl. *райи*; И. [В/D₂] *рой*, gen. (ни одного) *рѣйá*, *чатыр'ь рóйа*, in. зъ *райóm*, *сук з райóm*.

рост М. *в рóст пѣишла бул'ба*; Ч. [а] *рост*, gen. *рóста*, in. *рóстъм*.

рык 'плач, крик; мычание коровы' К. [а?] *w рык*, in. *рыкъм*.

ряд М. [D₃] *р'ат*, gen. *р'ьдá*, in.–adv. *р'адъм* (встаньте), acc. pl. *у двá р'ады*; И. [С] *р'ат*, gen. *р'адъ*, in. *р'адъм*, n. pl. *р'ады*; Ч. [С] *р'ат*, gen. з *р'áда*, acc. *у р'ат*, in.–adv. *р'адъм*, acc. pl. *у р'ади*.

сад И. [С] *сат*, gen. *сада*, in. зъ *сáдъм*, n. pl. *сады*; М. [D₃/С] *сат*, gen. *н'ет саду*, *ис сада*, *ни ъднагó сада*, in. зъ *сáдъм*, loc. *пъ саду*, n. pl. *сады*; Ч. [С] *сат*, gen. с *сада*, in. зъ *сáдъм*, loc. *пъ саду*, n. pl. *сади*.

свѣкор [А] И., Ч. *с'в'óкър*, gen. *с'в'óкра*, in. *с'в'óкръм*, n. pl. *с'в'óкры*; М. *с'в'óкър*, gen. (нет) *с'в'óкра*, in. *с'в'óкръм*, dat. к *с'в'óкпу*.

север М. gen. *с' с'эв'ьра*.

серен 'наст' (также fem.) Ч. *с'эр'ьн*, loc. *пъ с'ир'ану* и *с'ьр'ьна*, acc. *нъ с'ьр'ену*.

серп [В] И. *с"ерп*, in. *с"арпóm*, in. pl. *с"арпám*; М. *с"ерп*, in. *с"арпóm*, gen. *двá с"ьрпá*, n. pl. *с"арпý*; Ч. *с"ьрп*, gen. *с"ьрпá*, in. *с"арпóm*; dim. Кр. *с"арпók*.

скот Ч. [В] *скот*, gen. *скьтá*, in. *скатóm*.

след [D₃] И. *с"л'ет*, gen. *с"л'ьдá*, dat. *пъ с"л'ьду*, in.-adv. *с"л'ьдъм*, n. pl. *с"л'а-ды*; М. *с"лет*, gen. *с"льдá*, in.-adv. *с"лэдъм пайшów*, loc. *пъ с"ладу найшów*, n. pl. *с"лады*; Ч. *с"л'эт*, gen. *с"л'ьдá*, in.-adv. *с"л'ьдъм*, gen. pl. *с"л'адów*.

слои М., И. [С] *слои*, gen. *два слóйá*, *слóйá*, in. *слóйъм*, n. pl. *слай*; Ч. [В] *слóй*, gen. *сл'йá*, in. *слайóm*.

слух М. [а] *сл'х харóш'й*, *слух пр'ьпáw*, gen. *н'и сл'ху н'и д'ху*, in. *са сл'хъм*.

смех [а] М. асс. *на с"м'эх пóдн'ьw*, gen. *н'ь да с"м'эху*, in. *с"м'эхъм скьзáла*; Ч. *с"м'эх*, gen. *с"м'эха*, in. *с"м'эхъм*.

смород 'смрад, дурной запах' Ч. [С] *смóрьт*, gen. *смóрьда*, in. *смóрьдъм*.

снег И. [D₂] gen. *н'ет с"н'эгу*, in. *път с"н'агóm*; М. [D₂] *с"н'ех*, gen. *с-пат с"н'эгу*, dat. *к с"н'эгу*, асс. *пат с"н'эх*, in. *път с"н'агóm*, loc. *пъ с"н'агу*, у *с"н'агу*; Ч. [С] *с"н'эх*, gen. *с"н'эга*, in. *с"н'эгъм*, loc. *пъ с"нагу*, ф *с"н'агу*, n. pl. *бал'шыйъ с"н'ьгá*.

сноп [В] М. *сноп*, gen. *н'и аднагó сньпá*, in. *съ снапóm*, loc. *нъ снапу с"адз'óm*, асс. pl. *w снапы*, *двá снапы*, gen. *снапów*; Ч. *снóп*, gen. *сньпá*, in. *снапóm*, n. pl. *двá снапы*.

сок М. [а] *сок*, gen. (выпил) *сóку*, по *ст'ькáну сóку*, in. *сóкъм*.

сокол М. [А] *сókъл*, gen. *сókъла*, in. *сókълъм*, n. pl. *сókълы*, gen. pl. *-ow*.

солод М. [С] *сóльт рас"ц'иц'*, gen. *нет сóльду*, in. *за сóльдъм*, dat. *на сóльдү*; Ч. 'прарóшишын'яа з"арно рж'ь' С *сóльт*, gen. *с сóлада*, in. *сóльдъм*.

сом М. [а] *сом*, gen. *сóма пойъмáw* (не водится).

сон К. loc. у *с"н'э*.

сор М. *сор этъ пъ б'елар'уску*, *м'ус'ьр на р'уск'и*;

став 'ткацкий стан' И. [В?] in. *ставóm*, n. pl. *ставы*; Ч. *стáw*.

ствол (ствол дерева, стрелка лука) [В?] М. *ствол*, *пайшów л'ук у ствóл*, *р'эц'ка у ствóл*, gen. *съ ств'лá*, dat.? loc.? *пъ ствалу*; Ж. *ствол*, in. *ствалóm*.

стержень 'сердцевина' М. [D₁ (loc.sg.!)] *с'ц'эржын'* у *агуриц'*, у *р'учк'и с"а-р'отка*; gen. *с'ц'эржн'а*, in. *с'ц'ержн'óm*, loc. *на с'ц'эржн'ь*, n. pl. *сц'эржн'и*.

стог [В] М. *стох эта пь-б'ьлар'уск'и*, *адон'к па-руск'и*, gen. *двá ст'ьгá*, *н'и ъднагó ст'ьгá*, in. *път стагóm*, loc. *нъ стагу*, n. pl. *стаг'и*; И. gen. *ст'ьгá*, in. *път стагóm*, n. pl. *стаг'и*; Ч. *стóх*, gen. *ст'ьгá*, in. *зъ стагóm*, n. pl. *двá стаг'и*, асс. pl. у *стаг'и*.

стол [В] М. *стол*, gen. *wстáw из-зъ ст'лá*, loc. *нъ стал'э*; Ч. *стол*, асс. *сц'óр-ла стóл*, gen. *съ ст'лá*, in. *сталóm*, n. pl. *стали*.

столб [В] М. *столп*, gen. *съ ст'лбá*, in. *за сталбóm*, loc. *на адн'ым сталбу*, n. pl. *двá сталб'ы*, *сталб'ы*; Ч. *стóпн*, gen. *ст'лбá*, in. *сталбóm*, n. pl. *сталб'ы*.

сторож М. [D₂] *стóръши*, gen. *н'эт стóръжа*, in. *зъ стъражóm*, n. pl. *стъражы́*, gen. *стъражэй*; Ч. [C] *стóръши*, gen. *стóража*, in. *стóръжам*, n. pl. *стъражи́*.

страм М. [а] *страм*, gen. *стра́му*, in. *стра́мъм*.

струб, иструб, зруб 'сруб' М. [А] *истру́п* — *што до́м стрóйуц'*, *си'эны*, gen. *истру́ба*, in. *пат стру́бъм*, loc. *на стру́п'е*; Ж. *зруп*.

струк 'стручок' [В] М. *струк гарóху*, gen. *ни аднаго́ струка́*, *два струка́*, in. *струко́м*, loc. *у струку́*, n. pl. *струк'и́*; Ч. *стру́к*, gen. *струка́*, in. *струко́м*, n. pl. *струк'и́*, loc. *у струка́х*.

стук М. [а] *чу́ц'ьн стук*, *стúкайец'* *што-та*, gen. *стúка*, in. *стúкъм*.

ступень 'ступня' М. [В] *ступéн* *нъ наг'э*, loc. *нъ ступн'э*, in. *ступн'óm*, gen. pl. *ступн'ów*.

сук [В] М. асс. *сук атс'эк*, gen. *два сукá*, *с сукá*, in. *идз'ец'* *с адным сукóм*, loc. *пъ сукú*, n. pl. *сук'и́*, асс. coll. *сúчча склав*; И. *сук*, gen. *сукá*, in. *сукóм*, n. coll. *сúчча*; Ч. *сúк*, gen. *сукá*, in. *сукóм*, gen. sg. coll. *многэ́ сúчу*.

сын К. [C] асс. *сы́на*, in. *сынъм*, n. pl. *сыны́*.

сябр М. *с'áбр* — *дру́х па-б'яларúску*.

творог М. *твóръх*, *тварóх*, gen. *твóръгу*, in. *твóръгъм*.

терем [D₂] 'большой красивый дом' М. *ц'ёр'ьм как'эй*; И. *ц'ёр'ьм*, gen. *ц'ёр'ьма*, in. *ц'ёр'амóм*; Ч. *ц'ёр'им*, gen. *с'' ц'ёрима*, dat. *к ц'ёр'иму*, in. *ц'ир'амóм*, n. pl. *ц'ир'амы́*.

тесть М. [В] *ц'эс'ц'* (*дачк'э мúжу дачк'ин ац'эц*), gen. *ц'ьс''ц'á*, in. *ц'ас''ц'óm*, dat. *ц'ас''ц'ý*.

ток М. *то́к*, gen. *с то́ку*, loc. *нъ такú*, gen. pl. *такów*; Ч. [C/D₂] *то́к*, gen. *н'и то́ка*, in. *с то́към*, *такóм*, loc. *суи́ьли нъ такú*, n. pl. *так'и́*.

толк М. [а] *толк*, gen. *то́лку н'ет с'' ц'аб'э*.

толкач 'пест' [В] Ч. *тълка́ч*, in. *тълкачóм*.

трус М. [В] *трус* — *эта байúс''с''е*, gen. *трусá*, in. *трусóм*, n. pl. *трусы́*, gen. pl. *трусów* (*трусы́ па б'яларúску* — *крóл'ик'и*).

ум М. [В] *ум*, gen. *умá*, in. *умóм*.

хворост [C] И. gen. *н'асú хвóръсту в'áску*, in. *с хвóръстъм*; М. *хвóръст*, gen. *н'эт хвóръсту*, dat. *па хвóръсту*, in. *за хвóръстъм*; Ч. *хвóръст*, gen. *хвóръста*, in. *за хвóръстъм*.

хвост [В] М., Ч. *хвост*, gen. *хвэста́*, in. *хвастóм*, n. pl. *хвасты́*.

хлеб Ч. [а] gen. *дл'а хл'эба*; К. dat. *к хл'эбу*.

хлев К. loc. *у калхóзнъм хл'эв'и*.

ход [C] М. *хот у хáту*, *чóрней хот*, gen. *хóда*, in. *хóдъм*, n. pl. *хады́*; К. in. *хóдъм*.

холод [C] М. *хóльт*, gen. *ат хóльда*, dat. *по хóльду*, in. *хóльдъм*, n. pl. *хьлады́*; И. gen. *с хóльдъ*, in. *так'им хóльдъм* *ъдайец'*; Ч. *хóльт*, gen. *с хóлада*, in. *хóладам*.

холст М. [а?] *хóльст*, gen. *хóлста*, in. *хóлстѣм*, dat. *на хóлсту*.

хрѣн [а] М. *хр'он*, gen. *хр'ону н'ет*, in. *хр'онѣм*; Ч. *хр'он*, gen. *хр'она*, in. -ѣм.

хряк М. [В] *хр'ак*, gen. *хр'ѣка*, in. *хр'акóм*.

цвет 'цвет, цветение', 'цветок' И. gen. *ц'в'ѣта н'ѣт нѣ картóшк'и*, instr. pl. *ц'в'ѣтам*; Ч. [D₂] *ц'в'ет*, gen. *ц'в'ѣта*, in. *ц'в'ѣтóм*, gen. pl. *ц'в'ѣтóв*.

цеп 'цепь' К. [В] *цеп*, асс. *за цеп*, gen. *с цѣпá*, in. *цапóм*, loc. *нѣ цап'ѣ*.

цеп 'орудие ручной молотбы' (нов.) Ч. [В/D₃] *ц'еп*, gen. *цѣпá*, in. *цепóм*, *ц'ѣ-пѣм*, n. pl. *цѣп'ы*.

чад Ч. [а] *чат*, gen. *чада*.

челнок Ч. *чалнóк* (в кроснах).

червь: *черв'ák*, n. pl. *чѣрв'и* (гусеницы, черви).

череп И. in. *пат чѣр'ипѣм*; Ч. [D₂] *чѣр'ип*, gen. *ш чѣр'ипа*, in. *чѣр'апóм*, n. pl. *чѣр'ап'ы*.

черѣд: Кр. *чар'ót*, *óч'ър'ьч'*.

чин 'чин, должность' Ч. [D₂] *чин*, gen. *ч'ина*, in. *ш чинóм*, pl. *чин'ы*.

чирь, **чирей**: Кр. *чыр'* 'нарыв'; Ч. [А] *ч'ир'ий*, *чир'*, in. *ч'ир'ѣм*, n. pl. *ч'ир'и*, in. *ч'ир'ѣм'и*.

шип М. [В] *шып у сьпаг'у*, *у бр'авн'у*, gen. *двá шыпá*, *н'ет шыпá*, in. *шыпóм*.

шмель Ч. [В] *шм'ѣл'*, gen. *шм'ѣл'á*, in. *шм'ѣл'óм*.

щавель: М. [а] *шиáв'ил' трѣвá*, gen. *шиáв'ил'у*.

щѣлок: Кр. [С] in. *шчóл'кѣм*.

язык [В] М., К. loc. *нѣ й'зык'у*.

яр К. *йар*, in. *зѣ йáръм* — *гавóр'уц' тудá*, *пѣд Украй'ину*.

ясень К. [А?] *йáс'ьн'*, n. pl. *йáс'ьн'и*.

ястреб К. [А] *йáстр'ьп*, gen. *йáстр'ьба*, in. -ѣм, n. pl. -ы.

ячмень К. [В] *йачм'ѣн'*, *йашм'ѣн'*, gen. *й'шим'ьн'á*, in. *й'шим'ан'óм*.

Summary

The dialects on the border of Byelorussia and Russia

The article deals with the isoglosses of the dialect now located partly in Byelorussia (the northern part of Vitebsk district) and partly in Russia (the southern regions of Pskov district, the north of Smolensk district). The dialect is regarded as originally Pskovian, it's specific Byelorussian and Smolensk features being for the most part the result of later influence in the period when it's territory was a part of Lithuania, Poland and finally Vitebsk district. The systemic description of some fragments of declension, conjugation and accentuation of the dialect is adduced.

Особенности немецко-серболужицкой интерференции в серболужицких говорах

Основным носителем серболужицкого языка на территории Германии является сельское население Лужицы, которое в большинстве своем владеет тем или иным серболужицким диалектом. Серболужицким литературным языком (верхне- и нижнелужицким) владеет незначительная часть серболужичан, главным образом, городская и сельская интеллигенция, получившая знание серболужицкого языка в школе.

Преимущественным средством общения в районах со смешанным немецко-серболужицким населением является немецкий язык – общегосударственный язык Германии. При этом большинство населения немецкой национальности не говорит по-серболужицки, а все лужичане владеют немецким языком, то есть являются двуязычными. Доминирующее влияние немецкого языка проявляется во всех сферах коммуникации, что обусловлено целым рядом внеязыковых причин. В общих чертах языковую ситуацию на территории Лужицы там, где серболужицкий язык сохраняет в той или иной степени свою роль в процессе коммуникации, можно охарактеризовать как господство массового двуязычия наряду с немецким одноязычием. При этом роль немецкого языка обратно пропорциональна возрасту лиц, владеющих серболужицким языком. По мере уменьшения возраста лиц, говорящих по-лужицки, интерференция серболужицкого языка в немецком уменьшается, а интерференция немецкого языка в серболужицком увеличивается.

Развитие языковой ситуации в Лужице на протяжении длительного времени эксплицирует процесс перехода от существовавшего когда-то одноязычия (серболужицкого) через двуязычие (немецко-серболужицкое) к новому одноязычию (немецкому). В исследовании этого процесса на современном этапе большое значение имеет количественная оценка интерференции – немецко-серболужицкой и серболужицко-немецкой. В данной работе рассматривается немецко-серболужицкая интерференция, которая преобладает на территории распространения серболужицких диалектов.

На всей территории Лужицы со смешанным серболужицким и немецким населением отмечаются различные типы немецко-серболужицкого двуязычия. Это – комплексное двуязычие и координированное двуязычие. В отдельных районах Лужицы может преобладать тот или другой тип двуязычия, но может наблюдаться и переход от одного типа двуязычия к другому или даже процесс перехода от немецко-серболужицкого двуязычия к немецкому одноязычию.

Характер немецко-серболужицкого языкового контакта проявляется по-разному в зависимости от возраста информатора. Так, в западной части Верхней Лужицы в католических районах с более или менее компактным серболужицким населением преобладают случаи перехода от комплексного (смешанного) двуязычия к более координированному немецко-серболужицкому двуязычию. Здесь в немецком произношении представителей среднего и старшего поколения серболужичан проявляется сильное влияние серболужицкого языка, а на других уровнях языковой системы – влияние немецкого языка на серболужицкий. В протестантской части Верхней Лужицы и центральной части Нижней Лужицы со смешанным немецко-серболужицким населением можно говорить о быстром переходе от комплексного (смешанного) немецко-серболужицкого двуязычия к немецкому одноязычию. У представителей среднего и старшего поколений серболужичан, хорошо владеющих обоими языками, немецкое влияние проявляется на всех уровнях языковой системы (Nedo 1976: 261; 361-376; Michałk, Protze 1974: 8–9; Jodlbauer 2001; Калнынь 1997; Ермакова 1988; 1999; 2006; 2007).

Наибольший материал для изучения немецко-серболужицкой языковой интерференции, если понимать ее как взаимопроникновение языков, сопровождающееся возникновением факультативных вариантов в том языке, который подвергается влиянию доминирующего языка, дает комплексное (смешанное) двуязычие (Michałk 1968: 102–103). Эти варианты являются отклонениями от одноязычной нормы и могут привести к изменению структуры микросистем, способствовать появлению новых омонимов и синонимов, модифицировать дистрибуцию и частотность употребления различных элементов. Но известный материал для наблюдений над немецко-серболужицкой языковой интерференцией, в частности, явлений интеграции (или адаптации) в серболужицком языке немецких элементов, дает и координированное двуязычие (переключение с одного кода на другой, смена языков).

При изучении языковой немецко-серболужицкой интерференции в отдельных серболужицких говорах требуется учет целого ряда факторов на стадии сбора материала. Это, прежде всего, учет внеязыковых факторов, которые могут влиять на характер и степень проявления влияния немецкого языка на язык носителей данного серболужицкого диалекта. Это – возрастной фактор; степень владения информатором данным диалектом, а также серболужицким литературным или разговорным языком; конкретная ситуация общения с носителем диалекта – официальный/неофициальный характер общения, наличие/отсутствие при общении в качестве партнера двуязычного представителя того же диалекта или какого-либо постороннего наблюдателя,

а также выбор предмета разговора. Определенное значение имеет и пол информатора – представителя обследуемого диалекта. При конкретной коммуникативной ситуации, определяемой совокупностью названных факторов, возможно более свободное или более ограниченное употребление немецких заимствований.

При сравнении языковой ситуации в протестантских деревнях Верхней Лужицы выделяются два основных, различных по своему характеру типа немецко-серболужицкого языкового контакта.

Первый тип характеризуется тем, что у представителей всех трех возрастных групп серболужичан происходит переход от комплексного немецко-серболужицкого двуязычия к немецкому одноязычию. Часть информаторов (представители молодого поколения) владеет серболужицким языком или в очень незначительной степени, или вообще не владеет; лишь немногие читают по-лужицки; среди лиц старше 14 лет некоторые владеют серболужицким языком пассивно; на рабочем месте используется или только немецкий язык или попеременно серболужицкий и немецкий; знакомство с прессой в этих деревнях среди серболужичан очень ограничено; серболужицкая литература практически остается неизвестной; церковная служба на серболужицком языке не ведется здесь уже с 50-х годов XX века. У представителей старшего поколения, хорошо владеющих обоими языками, наблюдается особенно сильное немецкое влияние на серболужицкий на всех уровнях языковой системы (Nedo 1976; Michałk 1978).

Второй тип немецко-серболужицкого языкового контакта характерен для языковой ситуации в католических деревнях Верхней Лужицы, где наблюдается переход от комплексного двуязычия к координированному двуязычию. Большинство детей моложе 14 лет активно владеют серболужицким языком, а подавляющее большинство серболужицкого населения читает и пишет на серболужицком языке, который используется также и на рабочем месте. Практически в каждом доме знакомы с серболужицкой прессой и читают лужицкие книги; служба в католической церкви в этих деревнях идет на серболужицком языке (Ермакова 2006).

Но и в условиях языковой ситуации этого типа немецкий язык постепенно начинает занимать доминирующее положение: немецкий разговорный язык все больше проникает в сферу семейной жизни серболужичан; все серболужицкое население владеет немецким языком в различных его вариантах и пользуется им в той или иной степени в повседневной жизни. Литературный и диалектный немецкий язык оказывает влияние на местный лужицкий литературный язык и соответствующий серболужицкий диалект.

На территории Нижней Лужицы процесс ассимиляции зашел так далеко, что здесь существует прямая угроза самому существованию серболужицкого языка как языковой субстанции (Jodlbauer 2001).

В тех серболужицких говорах, где наблюдается тот или иной тип языковой немецко-серболужицкой интерференции, влияние немецкого языка проявляется на всех языковых уровнях – в фонетике, морфологии, лексике, словообразовании, синтаксисе, но в разной степени. Именно степень языковой интерференции в той или иной области языка, связанная в том числе и с характером конкретной языковой ситуации в соответствующем говоре, определяет различия между диалектами в области интерференции.

Характеристика степени немецко-серболужицкой языковой интерференции в каждом конкретном говоре предполагает, прежде всего, определение норм данного говора в процессе общения с его представителями, а затем на этой основе выяснение отклонений – качественных и количественных – от этих норм, вызванных влиянием немецкого языка. Статистика этих отклонений в различных серболужицких говорах и их сопоставление может дать общую картину немецко-серболужицкой интерференции на территории распространения серболужицкого языка.

В результате монографического изучения отдельных серболужицких говоров, в том числе и непосредственно с точки зрения влияния на них немецкого языка, появился ряд работ, посвященных отражению немецко-серболужицкой интерференции в области фонетики и фонологии, диалектного синтаксиса, грамматики и лексики (Michałk 1959, 1962, 1962', 1968, 1969, 1971; Michałk–Protze 1967, 1974; Летч 1956; Radłowski 1968; Jentsch 1980; Fasske 1964).

Наряду с монографическими описаниями отдельных диалектов важным источником изучения немецко-серболужицкой интерференции являются: серия *Sorbische Dialekttexte* (Bautzen, 1963–1972, I–X), материалы Серболужицкого лингвистического атласа (*Sorbischer Sprachatlas*. 1–15 Bände. Bautzen, 1965–1996) и материалы фонотеки Института серболужицкого народоведения (ISL).

Исследование немецко-серболужицкой интерференции на разных языковых уровнях требует выработки специальной методики, особенно если речь идет о сопоставительном характере изучения серболужицких говоров в этом аспекте и определении степени языковой интерференции в этих говорах.

Как убедительно показал Ф. Михалк (Michałk 1968), количественную оценку интерференции возможно осуществить только в области фонетики и фонологии; см. его количественную оценку интерференции на материале говора Вохозы (Michałk 1968: 95).

При исследовании немецко-серболужицкой интерференции в области грамматики, лексики, синтаксиса в конкретных говорах с целью дальнейшего сопоставления полученных данных, обязательным предварительным условием является составление специальной программы, учитывающей все позиции, в которых проявляется влияние немецкого языка на данный серболужицкий диалект, создание одинаковых, релевантных в языковом отношении внешних условий для всех информаторов с целью получения сравнимого материала (Michałk 1968: 94–95). Определенный текст переводится на местный немецкий язык и на данный серболужицкий говор, а затем проводится беседа на одни и те же темы. См. публикации двуязычных текстов в серии *Studien zur Sprachlichen Interferenz* (Michałk–Protze 1967; 1974).

В настоящей работе на основе упомянутых выше источников будут рассмотрены некоторые результаты немецко-серболужицкой интерференции в серболужицких говорах в области грамматики, лексики и частично в синтаксисе, которые характеризуют все серболужицкие говоры, где речь идет о том или ином типе немецко-серболужицкого языкового контакта. Таким образом, в данном случае объектом изучения являются такие особенности в проявлении немецко-серболужицкой интерференции, которые по существу объединяют все серболужицкие говоры, независимо от степени влияния немецкого языка в каждом отдельном серболужицком говоре.

В грамматике и синтаксисе к таким особенностям относятся: употребление указательных и неопределенных местоимений в функции определенного и неопределенного артикля; образование пассивных конструкций и временных форм (будущее время); употребление указательного местоимения *to* и личного местоимения 3 л. ср. р. в безличных предложениях; типы глагольных конструкций и изменения под влиянием немецкого языка в падежном управлении некоторых глаголов и предлогов; применение временных союзов в составе сложно-подчиненных предложений с придаточным времени; особенности употребления некоторых глаголов (например, *daś*).

При рассмотрении лексических заимствований выявляются различные способы интеграции или адаптации слов немецкого языка, случаи субституции серболужицких слов немецкими и соотношение явлений адаптации и субституции, распространение так называемой новой префиксации в серболужицком языке.

При рассмотрении немецко-серболужицкой интерференции в области грамматики одним из важных вопросов является проблема существования в серболужицких говорах грамматической категории артикля, выраженной с помощью указательных местоимений *tón, ta, to, te* и неопределенных место-

имений *jeden, jedna, jedne (jen, jena, jene)*. Предполагается, что употребление их в функции артикля могло возникнуть под влиянием немецкого языка. Ср. немецкие определенные артикли *der, die, das* ед. ч. и *die* мн. ч., неопределённые *ein, eine*, употребление которых подчиняется определённым правилам дистрибуции (см. Летч 1956; 1966; Michałk 1968; Jentsch 1980). Речь идет о таких контекстах, где данные местоимения не имеют свойственных им значений пространственного или временного удаления предметов, а выступают как грамматически вспомогательные слова, сопровождающие существительные. Такое употребление указанных местоимений встречается в серболужицких текстах раннего периода, где влияние немецкого языка было достаточно сильным, а также в серболужицком разговорном языке. В современном серболужицком литературном языке подобное употребление указательных и неопределённых местоимений не характерно и обычно избегается, однако полностью еще не исчезло (Grammatik 1981: 568). Отметим, что употребление данных местоимений в функции артикля в серболужицком языке не дает возможности выявить строгие правила их дистрибуции. Это подтверждается результатами монографических описаний отдельных говоров (см., например, Jentsch 1980), а также записями серболужицких диалектных текстов и сравнительным анализом материала двуязычных (серболужицко-немецких) текстов (Michałk–Protze 1967). Указанные местоимения в функции артикля в серболужицких говорах выступают факультативно, а не в качестве обязательного грамматического слова. Кроме того, существуют и отличия между употреблением так называемого артикля в серболужицких говорах и в немецком языке. Так, серболужицкое указательное местоимение *tón* в функции артикля иногда употребляется в сочетании с собственными именами и притяжательными местоимениями: ср., например, *tón Budyšin, te Chrósćicy, tón jeho bratr, to jeho dźěčo, tón jeho bratr, ta joho knjeni, po tej našej žony*, но чаще употребляются без «артикля» – *Mužakowska hola, z Wochoz, do Budyšina, do Drajždžan, do Choćeбуза, do Sprjewje, do Wuskidž, do Hamora, we Worcynje, srjedž Bukec a srjedž Trjebjeńc*.

Встречаются случаи, когда в серболужицком тексте отсутствует определенный «артиклъ» (например, при указании даты), являющийся обязательным в соответствующем немецком тексте. Ср., например, *Džensa je pjatnatož; A k přějom ja moju službu wopušču*.

На употребление указательных местоимений в функции артикля могут влиять как внеязыковые, так и языковые факторы. Так, для говора Вохозы исследователи отмечают большее влияние немецкого языка на серболужицкий язык старшего поколения, чем на серболужицкий язык среднего и младшего поколений (Michałk–Protze 1967: 39). Об этом, в частности, свиде-

тельствует и употребление указательных и неопределенных местоимений в функции артикля: в языке представителей старшего поколения оно наиболее адекватно их употреблению в немецком языке, что, возможно, обусловлено большей ролью в жизни старшего поколения церковного языка серболужицан – Библии, Катехизиса, церковных проповедей. На частотность употребления в серболужицких говорах так называемых артиклей влияет и такой внеязыковой фактор, как условие записи, характер беседы или текста, предлагаемого информатору для перевода на соответствующий серболужицкий говор: в фамиллярной по характеру беседе чаще, чем в официальной, могут употребляться местоимения в функции артиклей. Это подтверждается материалами записей из фонотеки (ISL).

Из языковых факторов, влияющих на употребление местоимения в функции артикля, можно отметить позицию после предлога. Там, где в немецком языке предлог и артикль сливаются в одно целое, в соответствующем серболужицком тексте двуязычного носителя говора местоимение в функции определенного артикля часто может отсутствовать.

Ср., например, в говоре Вохозы: **K řězņikej doch móž(eš) ty twoju holcu póslać u Tem řězņikej móž(eš) doch twoju holcu póslać** – нем. **Zum Fleischer kannst du doch dein Mädēl schicken; ... da su woni hižo wšicke w ložu byli...** – нем. ... **da sind die anderen schon alle im Bett gewesen.** Но: **A k tej žone..., A při tej žonje; při tej žony...** – нем. **Und zu der Frau..., bei der Frau...; A jen(e) — hrozny čas sym na dompuću měł, jo so sněh šol** – нем. **Eine schlechte Zeit habe ich auf dem Heimweg gehabt: es hat geschneit; Hubjene wjedro smy na dompuću měli, jo sněhlo** – нем. **Schlechtes Wetter haben wir auf dem Hemweg gehabt, (es) hat geschneit.**

Иногда в одном и том же говоре у разных лужицких информаторов наблюдается различное употребление указательного местоимения в переводе одного и того же базового немецкого текста. Так, в говоре Вохозы наблюдается как точное соответствие немецкому тексту с определенным артиклем, так и отсутствие артикля: с.-луж. **Ja sym slyšal, zo tón sej nohu zlamal u ja sym slyšal, zo jo won sej tu nohu zlamal** – нем. **Ich habe gehört, dass der sich ein (das) Bein gebrochen hat; ich habe gehört, dass der sich das Bein gebrochen hat; ich habe gehört, das der sich das (ein) Bein gebrochen hat;** с.-луж. **A sněh jo lejžo wostał w nocy, a tón sněh jo w nocy lejžo wostał.**

Если речь идет о ситуации, определяемой для говорящего и слушателя однозначно, то употребление указательного местоимения в функции определенного артикля в серболужицком тексте может соответствовать правилам дистрибуции немецкого определенного артикля.

Ср., например: *A mi so te džěło jara derje spodobało, lubilo; Ta hola, haj, to jo Mužakowska hola, Graf Arnim, ta byla jara wulka; A poton jo byla ta hola roztelowana do — ... my prajimy, němski tež rěka jogen, a serbski tež prajimy jogen; Te puće, te su byli, přec wordowali in ordnung dźeržane, zakopane; A te jelenje, te su byli tak skłudne, te su njejsu bojali...; A pon tón(je)n jelenj přeni wen přišoł...; Hač by emt ta cyła črjoda nutř, durich byla přez te puće; A njejo da pon ta ranca a tón krabat chopili te korjenje přeč kusać, zo dyrbišo ta chojca powalić; **Te ludžo** su wšicke wenka **na polu** – нем. **Die Leute sind alle draußen auf dem Felde**; A te burja maja swinje, kruwy, woły, a wowcy... – нем. **Die Bauern haben Schweine, Kuhe, Ochsen und Schafe...***

В последнем примере ряд существительных во множественном числе употреблен без артикля, что также соответствует ситуации в немецком языке, где при употреблении соответствующих существительных в единственном числе следовало бы использовать неопределенный артикль *ein, eine* – с луж. *jeden, jedna, jedne*.

Как показывает материал серболужицких говоров, в частности, говора Радвора (Michalk–Protze 1967: 39) неопределенные местоимения в функции неопределенных артиклей употребляются здесь значительно реже, чем так называемые определенные артикли, и их соответствие правилам дистрибуции в немецком языке значительно выше, чем в случаях употребления так называемых определенных артиклей. Ср., например: *Na, to(je) dže tla jena twjerda zyma wordować tela lěto* – нем. *Na, das ist, das wird doch ein harter Winter werden dieses Jahr*; *Jedne nješwarne wjedro jo było...* – нем. *Ein unfreundliches Wetter war...* *A jemól jo jedn jene prosatko wot teho swinja popanul a do mecha tyknul* – нем. *Und einmal hat einer einen Frischling von dem Schwein geflängen end in einen Sack gesteckt*; *A na jenej hontwje – ja wěm – ten smy my sto tych jelenjow zatřelili; ... pon su tam w tej jenej korčmje sedžo swaćili* – нем. *Und auf einer Jagdich weiß – damals haben wir hundert Hirsche geschossen*; *Ja, und dann, wie einmal; dann saßen sie dort in der einen Schenke und frühstückten*; *Nět te cyłe pjenjezy do jenoh, do jeneho měcha tykli...* – нем. *Jetzt hatten sie das ganze Geld in einen Sack gesteckt...*; *A tam so nět wo jenu štom, wo jenu chójcu tón chribjet šurowal tu drastu...* – нем. *Und dort rieb er sich an einem Baum, an einer Kiefer den Rücken, die Kleidung...*

Ср. такие примеры на употребление неопределенного артикля в говоре Радвора, где его употребление может соответствовать или не соответствовать правилам применения неопределенного артикля в немецком языке: *Ha, ha ta stara wowka, ta mi božom dzěšću daše jene rubiško, žowte z čerwjenyymi rózeni ha zez módrej suknu a zez čornej; z čornym bantom* – нем. *Und, und die*

alte Großmutter, die gab mir zu Weihnachten ein Kopftuch, ein gelbes mit roten Blumen und mit einem blauen Rock und mit einem schwarzen Band. Ha pon wordowaše em jen wyčor před kwasom ta ernpřorta stajana; To daše pon, tykanc sydaše a kofej, no amende jenu flešu palenca tej; To za jenem blidom sydžachu, te holcy ... za dolhe tafle, ha na jenej tafli sydčichu či mlodži karlojo; в говоре Чельно: То jena žona bjez hlowy; A potom so jem jena stimma praji...; в говоре Бьедрихецы: Mó džemó sej jenu wječor wuhotować; Tak bó to jena hosćina bólo, kaž wuhotowana; Haj to bó tak pon zas jene léto...; mó šće mamó džensa... jednu kantorku...; ...Druhdy bó tři dyrbjeli jenom statoku spēwać...

Как показывает материал серболужицких говоров, здесь отсутствует категория артикля, с помощью которой в немецком языке выражается грамматическая категория определенности–неопределенности. Можно говорить лишь об использовании под влиянием немецкого языка в некоторых контекстах указательных и неопределенных местоимений в функции определенного или неопределённого артикля при отсутствии строгих правил дистрибуции.

Часть заимствований из немецкого языка в серболужицких говорах характеризует некоторые грамматические категории глагола и глагольное управление.

В сфере залоговых отношений заимствования из немецкого языка касаются морфологических форм прямого пассива. Так, если в серболужицких литературных языках для выражения прямого пассива употребляются сочетания личных форм вспомогательного глагола, образованного от основы *bu-* с формами *-n/-t* причастий (ср. *bu bity*), то в серболужицких диалектах и разговорном языке под немецким влиянием получили распространение формы вспомогательного глагола *wordować/wordowaś* (нем. *werden, wurde, geworden*). Наряду с этими формами в говорах существуют и синтаксические конструкции, представленные сочетанием вспомогательного глагола *być/byś* с *-n/-t* причастиями. В связи с синтаксическими конструкциями, содержащими формы глагола *wordować/wordowaś*, можно упомянуть выражение страдательного залога в немецком языке с помощью сочетаний глагола *werden* и партиципа II спрягаемого глагола (*Haus wurde von Maurern gebaut* ‘дом строился каменщиками’), которые имеют обычно процессуальное значение и с точки зрения выражения признака *процессуальность* противопоставлены синтаксическим конструкциям, представленным сочетанием форм глагола *sein* и партиципа II переходных глаголов. Последние имеют обычно статальное значение и образуются от глаголов, способных выражать состояние, а значение партиципа II в этих случаях приближается к значению прилагатель-

ного (в.-луж. *Durje su zawrjene* ‘дверь закрыта’). Ср. в верхнелужицких говорах: ... *ta hródž ... je vierundzwanzig twarjena; tón... a to bě tola prjedy... kryte, te domske tež; To běše kaž tajke, em na “Wirstschaften” položene; to nětkle womlócene bolo...; Tam je wón zabonowany; ... a te štomy su wšitke popušćene* (ISL 53/37 и 53/18); *A te su byle total přepočene* (ISL 53/37). И ср. с употреблением пассивных конструкций с глаголом *wordować* в контекстах, содержащих описание привычных, обычных действий или процессов, как, обработка льна, мяса, хлебопечение, обряды (пасхальный, свадебный). Ср., рассказ об обработке льна из говора Жиджино (в.-луж.): *A nětk móžomu powědaš wot lenu, kak wordijo najprjedy ton len syty. Won rosćo takle wusoki, a poten wordijo plěty a poten rosćo, poten kćejo a poten, poten krydnjo hłowki a poten zrawjo. A hdyž su te hłowki brune, a poten wordijo ryty a poten wordijo rozkladwany, zo wón suchi wordijo. Poten wordijo mlóćeny... a poten wordijo wuśaswany... a zasej hromadu wjazany a pon wordijo zas won pórany na luku a tam wordijo zas rozklđwany... a poten se wón tak lama... jo wón dosć ležany, poten wordijo zas zběraný, poten wordijo dom woženy...* (ISL 54/26).

Глагол *wordować* в качестве вспомогательного глагола, употребляемого для обозначения форм прямого пассива (в конструкции со страдательным причастием) применяется в различных временных формах. Например, в говоре Радвора форма пассива с глаголом *wordować* имеет значение претерита – *A či mějachu najbólen fasku piwa kózdu njezlu, a to poton wordowaše z tej faski em piwo pite*. Это грамматическое заимствование из немецкого языка встречается и в высказываниях информаторов об отдельных событиях, как, например, в говоре Серньяны: *wordwje ćahane* (нем. *wird gezogen*), *worduje přeprošene* (нем. *werden eingeladen*), *wordweja mjetane* (нем. *werde ngeworfen*), употребляемые в речи представителей всех поколений – младшего, среднего и старшего. После модальных глаголов в разговорном языке вместо глагола *wordować* при образовании процессуального пассива может употребляться вспомогательный глагол *być*: ср., например, в говоре Церна – *...Kiž dyrbyja na kwas přeprošeni być...* (нем. *die zur Hochzeit eingeladen werden müssen*). Ср. также *Jow njeworduje tam a sem tažena*.

Как и в серболужицких литературных языках, синтаксические конструкции с глаголом *być/byś* в серболужицких говорах не всегда дают возможность определить их значение – процессуально-пассивное или статально-пассивное. Отметим, что существует точка зрения (Grammatik 1981: 320), согласно которой конструкции *być* + причастие не являются аналитическими формами пассива, а представляют собой синтаксические конструкции, образованные глаголом-связкой и страдательным причастием полнозначного гла-

гола, которое употребляется в своих собственных причастных функциях (в частности, атрибутивной). Они стоят на периферии грамматической категории залога и противопоставлены всем залоговым формам глагола как немаркированные в отношении выражения признака *процессуальность*.

О влиянии немецкого языка в области грамматической категории залога свидетельствуют и серболужицкие формы косвенного пассива, которые в верхнелужицком литературном языке образуются с помощью сочетаний личных форм вспомогательного глагола *dostać* (*dostawać*) с -n/t причастиями полнозначного глагола, а в нижнелужицком литературном языке в роли вспомогательного глагола выступает *dóstaś*. В серболужицких диалектах более употребительным является глагол *krydnuś*. Ср. с немецкой конструкцией с глаголом *kriegen* + причастие – например, *krydnu darjone, krydnuch darjone... Som darjone krydnuł ... běch darjone krydnuł*.

К германизмам в системе серболужицкого глагола в говорах следует отнести широко распространенные аналитические формы будущего времени от глаголов обоих видов. Ср., например, *Budu zworać, budu ćehnyć; Ty b'džeš jocolo te sedzeć... a pon b'džeš k na poł dwě zawołać* (Чельно); *ja sej móslach mó budžemó iom něšto postać* (Розводецы).

Только в собственно нижнелужицких говорах глагол *daś* используется для образования косвенного пассива (Kausativ) в качестве вспомогательного глагола: ср. *dam to pšepytowaś* в соответствии с немецкой конструкцией *Ich lasse das untersuchen*.

В серболужицких говорах в результате языковой интерференции в области грамматической структуры глагола возникла новая префиксация. Очень широкое распространение получили образования по образцу немецких глаголов с отделимым префиксом типа *nutř hić* (= *hineingehen*), *sobu hić* (= *mitgehen*), *preč hić* (= *weggehen*), *prjotkprjnc* (= *vorkommen*), *fört wozyc* (= *fortfahren*), *mimobyć* (= *vorbeisein*). Известно, что в немецком языке у значительной части глаголов реализуется принцип раздельности приставки и глагола. В подобной ситуации в серболужицком литературном языке и серболужицких говорах в качестве эквивалента немецким приставкам используются наречия *dele, deleka(ch), horje, horjekach, domoj, doma, hromadže, hromadu, nutř, překi, sobu, wokolo, wón, różno, hori, wokolo, lós, jow*. Например, *hinein* – (*hineingehen*), *mit* – (*mitgehen*), *hinaus* – (*hinausgehen*), *lós* – (*losgehen*), *weg* – (*weggehen*), *herauf* – (*heraufkommen*), *herum* – (*herumfahren*), *aus* – (*aussehen*) и т. д. В серболужицких литературных языках указанные наречия часто используются в качестве конкурентов серболужицким глагольным префиксам там, где в языке отсутствуют глагольные приставки с таким же или подоб-

ным категориальным значением. Как и в немецком языке, такие наречия могут стоять на конце предложения, но в говорах они встречаются и не в конечной позиции (Faßke 1981: 529). В результате языковой интерференции в этой области грамматической структуры из двух подсистем, основанных на немецком и серболужицком материале, возникает одна интегрированная система. При этом новая префиксация не предполагает автоматической ликвидации старых словообразовательных оппозиций, выражающих грамматическую категорию вида. Значение глаголов, образованных новыми префиксами, полностью включает в себя значение немецких глаголов, то есть *horje wzać* означает не только *příjeć*, но и *ein Aufnahme machen* (Radłowski 1968: 92). Ср., в говоре Радвор: *Na, něk sym ja šwa won ha sym tu swužbu horje dawa; Mój smój hromadu přičahnywoj, ha mój hromadu zas počehnjemoj; A něk je šwa kucharka nutř, prajiwa wona tež...; Na, hač ja njecham z njej sobu hić* (Michałk–Protze 1974: 141).

Распространение новой префиксации в серболужицком языке под немецким влиянием, по мнению некоторых ученых (Radłowski 1968: 92), может сыграть свою роль в изменении структуры лужицкого глагола и, в частности, оказать воздействие на такую важную грамматическую категорию, как категория вида, путем замены видовой оппозиции, создаваемой бесприставочными глаголами, глагольными образованиями, включающими наречия. Наречия используются для семантической модификации глаголов и могут рассматриваться как конкуренты глагольных приставок.

Таким образом, рассмотренные выше германизмы имеют отношение не только к чисто лексической сфере лужицкого языка, но и к грамматическому уровню, поскольку речь может идти о принципиальных изменениях в структуре глагола, о судьбе одной из важнейших его грамматических категорий – грамматической категории вида.

К влиянию немецкого языка можно отнести и употребление в серболужицких говорах конструкций типа *tam* + причастие: ср., в говоре Радибора *Tón přec dyrbjal hłowu schilenu měć* (нем. *Der mußte immer den Kopf eingezogen haben*) (Lötzsch 1968).

Контактом с немецким языком объясняются некоторые особенности в управлении серболужицких глаголов в говорах. Немецким влиянием, вероятно, обусловлено изменение в управлении глаголом *boleć/š* и родственных слов: от [*boleć* + В. п.] к [*boleć/š* + Д. п.] в некоторых серболужицких диалектах. В различных говорах соотношение сочетаний глаголов данного типа с В. п. или Д. п. различно. Только в единичных случаях наблюдается *boleć/š* + В. п. в собственно нижнелужицких говорах и переходных диалектах, где

boleć/ś употребляется исключительно с Д. п.: *Tomu ta głowa byli* (Бург), *Jomu bruch boli* (Кошина), *Ta wunda, ta mi palila kaj wojen* (Муков). На севере собственно верхнелужицких говоров – в католической и в северной части Будышинского диалекта глаголы, обозначающие болевые ощущения, употребляются, как правило, с В. п.: *moja hlowa mje boli* (Рахлов), *To jo jowo palilo kaj woheń* (Шульшецы). На остальной территории обе конструкции употребляются с различной степенью частотности.

Влиянием немецкого языка можно было бы объяснить и утрату двойного аккузативного управления у глаголов типа *slec, woblec, zuć, wuzuć*, имеющих значение ‘раздеть, одеть, обуть, разуть’. Как отмечается в (SS 15.: 16), изменение в управлении названных глаголов типа [глагол + 0₄ (одушевленное существительное в В. п.) + 0₄ (неодушевленное существительное в В. п.), глагол + 0₃ (одушевленное существительное в Д. п.)], имеющее место в некоторых серболужицких говорах, не может быть объяснено достаточно аргументированно в виду недостаточности фактического материала (т.е. примеров типа *někoho/někomu něšto woblec*) и сведений о территориальном распространении подобного изменения. Можно лишь предположить, что утрата двойного аккузативного управления в некоторых серболужицких говорах для данного типа глаголов могла быть вызвана влиянием немецкого языка, не знающего такого двойного управления. Ср., например, нем. глагол + 0₃ + 0₄ типа *jemandem (dem Kind die Schuhe aus* или *anziehen*). Если управление интересующих нас глаголов идентично при возвратном и невозвратном употреблении (ср. *so košlu slec* и *košlu slec*), то можно предположить, что в говорах с конструкциями типа *sej košlu slec* были бы допустимы и конструкции типа *někomu košlu slec* с такой же частотностью, что указывало бы на влияние немецкого языка. По говорам наблюдается различное соотношение конструкций с данными глаголами, где при рефлексивном употреблении используется морфема *so* или *sej* (Д. п.): *so košlu slec – sej košlu slec*. В ряде говоров предпочтение отдается морфеме *sej*, в других говорах такое употребление является единственно возможным (окраинные территории собственно верхнелужицких говоров) и немецкие предложения типа *Sie hat sich die Schuhe ausgezogen* переводятся на серболужицкий с помощью рефлексивной морфемы *sej*. *Wona je sej košlu zlekla* (Журицы).

Влияние немецкого языка можно наблюдать также и в особенности управления предлогов со значением *против* – в.-луж. *přećiwo* / н.-луж. *pše-šiwjo*. Так, влиянием немецкого языка объясняется управление винительным падежом данных предлогов вместо более распространенного управления с дательным падежом (в некоторых говорах эти предлоги управляют роди-

тельным падежом – собственно нижнелужицкие говоры, шпрейчанский диалект). Ср., например, данный предлог + В. п. при переводе немецкого предложения *Was habt ihr gegen uns?* – *Što maće wy přećiwo nas?* Ср. также: *će-ćiwo moja nana* (Михалки), *Přećiwo Jurja* (Джежникецы) в (SS 15: 57–58). Но предлог *přećiwo* / *pšešiwo* в народном языке употребляется редко, а его место часто занимает предлог, заимствованный из немецкого – *gegen* (*gegn*).

Заимствованием из немецкого языка является союз *ob* / *op* (нем. *ob*), который иногда расширяется с помощью частицы *lik* (*oplik* в говоре Требин, Яблоньц, Полпица): *Ten Juro by ćel rad wědžeć, oplik ta gólica tak jara rjana jo; Ten Juro jo cel wedžeć, ob ta gólica wyrklich rjadna jo; wón doch musy raz hogledać, ob njejo tam te pjenjeze wóstajil*. Употребление союза *ob* в структуре сложноподчиненного предложения характерно для центрального пограничного диалекта, северной части воеровского и шпрейчанского диалектов, в диалекте Ветшау, говоре Радуша на западе собственно нижнелужицкой диалектной территории. Ср., например, отмеченные в (SS 15: 104): *Ži raz glědat, ob naš Awgust pžižo bald domoj* (Радуш), *Ži raz glědaj, ob naš Awgust dom šizu* (Терпе); *Ten Juro co rady wěžeś, ob to źowćo tak ředne jo* (Блунь); *Dže mól ladać, ob naš ran hew niźi domoj ćidžo* (Кошина); *Ten Jurij jo cył wědžeć, ob ta holca wirklich tak rjana jo* (Шпрейцы).

О возможном влиянии немецкого языка на серболужицкий в сфере употребления союзов свидетельствуют, прежде всего, особенности применения так называемых временных союзов в серболужицких говорах: *ak(o)*, *jako*, *(h)až*, *hać*, с одной стороны, и *gaž* (*dyž*), с другой, которые находятся в отношениях асимметричной оппозиции. Первые (*ako...*) в качестве маркированного члена оппозиции употребляются, только если во временном придаточном предложении речь идет об актуальном прошедшем действии однократного характера, являющемся точкой отсчета события, о котором речь идет в главном предложении. Употребление же союзов *gaž* (*dyž*) как немаркированных членов оппозиции не связано ни с какими определенными условиями (SS 15: 117–118). Употребление союзов *ak(o)...* уже в ранних серболужицких текстах абсолютно совпадает с условиями применения немецкого союза *als* (Michałk 1967). В оппозиции с немецким *als* находится немецкий союз *wenn*, который употребляется, если речь идет о действиях, происходивших неоднократно в прошлом, настоящем или будущем. В серболужицком ему соответствует союз *gaž* (*dyž*), употребление которого не совпадает полностью с употреблением *wenn*. В немецком языке оппозиция союзов *als* и *wenn* является комплементарной, что, по мнению авторов SS, не исключает возможности влияния немецкого языка на *ak(o)...* и *gaž* (*dyž*). Появление строгих раз-

граничений в применении союзов *als* и *wenn* в немецком языке относится к позднему периоду (к XIX в.). Но еще во второй половине этого века в применении этих союзов возможна была дистрибуция, аналогичная дистрибуции соответствующих союзов в современных серболужицких говорах.

В серболужицких говорах союзы *ak(o)*, *jako*, *(h)až*, *hač* и *gaž* (*dyž*) конкурируют друг с другом, частотность их употребления различна по говорам. При этом выделяются две центральные области: 1) собственно нижнелужицкая на севере с союзом *ako* и редкой его заменой союзом *gaž* (*až*) и 2) собственно верхнелужицкая область на юге, где почти исключительно используется союз *dyž* и лишь в редких случаях *jako*, *hač* или *kaž*, если речь идет об одноразовом действии в прошлом. В направлении с севера на юг и с запада на восток в зоне переходных говоров наблюдается уменьшение частотности употребления союзов *ak(o)*, *(h)až*, *hač* и *kaž* наряду с *dyž*. Ср. в собственно нижнелужицких говорах – говор Радуш: *Ak jo do jšpy stupił, jo se z nim chopila grjakaś*; говор Турнов: *Ako smy młode byli, pen jo była pšece ow wjelika pšeza*; говор Матыйойце: *Gaž pen smy byli ze šule, pen jo šel kuždy na želo* В собственно верхнелужицких говорах – говор Вохоза: *Až wen jo se najedl, pen jo tu cajtungu ljazował; Dyž sym ja młody był, da ja z mojim džědom a wowku k milarrej šowl*; говор Злычин: *Dyž je wona tón štom zlečala, da je so jena haloza wotlamala*.

Как свидетельствует материал серболужицких говоров, в котором используются союзы, характеризующие придаточные предложения времени, оппозиция союзов, соответствующих немецким *als* и *wenn*, является асимметричной.

Материал SS указывает на употребление в собственно нижнелужицких говорах глагола *daś* в предложении, где выражается ‘существование ~ несуществование’ чего-либо (в.-луж. *dawać*). Ср., например, *Ženso to (= ein Jugendbrauch) wjecy njedajo, ale ten cas to dalo; njedawa ničo nowo* (SS 15: 34), что соответствует немецкому выражению существования/несуществования – *es gibt*.

Немецкой структуре *es gibt* в серболужицких говорах соответствуют различные структуры: *Sydać + N₁*; *dawać + N₁*; *Sydać + N₄*, *dawać + N₄*, которые указывают на значение существования. Ср., например, с моделью немецкого языка выражения со структурой глагол + N₄: *Džens njejsu žane běrny dawali* (Кубшицы); *što ha je džensa k wobjedu dawalo* (Копорцы).

Под влиянием немецкого языка в его разговорной форме в серболужицких говорах указательное местоимение *to* (нем. *das*) и личное местоимения ср. р. *wone* (нем. *es*) употребляются в функции так называемого фиктивного

субъекта в безличных предложениях. Однако такое употребление этих местоимений в серболужицких говорах является факультативным, в то время как в немецком языке, особенно в разговорной его форме, оно является обязательным. В позиции начала предложения возможна конкуренция между местоимениями *to* и *wone*, но в абсолютно начальной позиции может также употребляться личный глагол без предшествующего фиктивного субъекта. В середине высказывания *wone* не употребляется, а *to* и \emptyset практически конкурируют друг с другом (Protze–Michałk 1967: 91). Ср., например, *to* в функции фиктивного субъекта: *To so schopnje wot jen, dwaj, tři a dže hač do por stow...* (нем. *Das beginnt von eins, zwei, drei, und geht bis paar hundert weit...*); *Haj, to był, to rěkało brunstcajt* (нем. *Ja, das war, das hieß Brunstzeit*). *Deleka so chopnje palić, a pon so wone pali* (нем. *Unten fängt es an zu brennen und dann brennt es*). *No, haj, to pon rěka...* (нем. *Na ja, das heißt dann...*); *To su tajke...* (нем. *Das sind solche...*); *Aber to emt richtich suche nihdy njejo...* (нем. *Aber eben richtig trocken ist es nie...*) – говор Вохозы, ср. также приводимые из этого говора примеры в (Protze–Michałk 1974: 92): а) без фиктивного субъекта — *kak so nam dže? Njetraješe dolho; Je pak čopwo*; б) с *wone/wono* в функции фиктивного субъекта (говор Радибора): *Wone njeje tak prawje čopwo*. (нем. *Es ist nicht so recht warm*); *wone bě tak daloko* (нем. *Es war so weit*).

В говоре Радвора отмечаются случаи, когда вместо *wone/wono* или *to* выступает личное местоимение 3 л., согласующееся с личным субъектом в роде и числе. Таким образом, немецкое личное предложение с *es* в начале предложения возвращается в лужицкий в качестве заимствования, но и в этих конструкциях *wone/wono* или *to* в серболужицком, как и в немецком, не является обязательным, как в немецком, если даже личный глагол стоит в начале высказывания. Ср.: *Dawaše tam tež palenc* (нем. *Es gab dort auch Schnaps*); *Přindžechu potom hišće Bačonscy* (нем. *Es kamen dann noch die Störcher*). (Protze–Michałk 1967: 92).

В обобщенном виде структура предложений с фиктивным субъектом может быть представлена высказываниями типа *Wón/wone/wono to je džensa jara mjerzło* (нем. *Es hat heute sehr gefroren*) и *Wón/wone/wono to je so husto hižo powědalo, zo...* (нем. *Es ist schon oft gesagt worden, dass...*). К этому типу принадлежит подгруппа с некоторыми бессубъектными структурами, которые описывают душевные или физические состояния лиц, названных в предложении в качестве дательного объекта: *Jemu so derje dže; mi je zuma*.

В отличие от немецкого языка, где употребление фиктивного субъекта является обязательным, число структурных типов, допускающих в серболужицких говорах фиктивный субъект, значительно меньше, чем число моде-

лей предложений, которые в немецком языке требуют обязательного употребления фиктивного субъекта (SS 15: 75). При изменении порядка слов в немецком языке сохранение фиктивного субъекта осуществляется иначе, чем в серболужицком. Ср., например, в вопросительном предложении в немецком *Es regnet // Regnet es?*; в серболужицком *(To) so dešćuje // Dešćuje so (to)?* (SS 15: 75).

Материалы Серболужицкого лингвистического атласа (SS 15: 74-78) подтверждают точку зрения Г. Шустера-Шевца, что употребление фиктивного субъекта в серболужицком (и в других славянских языках) не восходит к немецкому языку, который, вероятно, мог повлиять только на частотность применения структур с фиктивным субъектом в серболужицком языке. Различия между серболужицкими диалектами касаются соотношения *wón/won – to* при использовании их в функции фиктивного субъекта (а также *wóne(wón) – to, wone – to*) со структурами, не имеющими в своем составе фиктивный субъект. Ср. в собственно нижнелужицких говорах (кроме говоров к северу от Коттбуса), в мужаковском и слепянском диалектах и некоторых других анафорическое личное местоимение в качестве фиктивного субъекта почти не употребляется. В (SS 15: 78) зафиксировано лишь 16 примеров от информаторов старшего поколения с *wóno* в качестве фиктивного субъекта. Ср.: *Wóno taje, wóno se grima – Sněg se źo; Marznjo; Tajo; Swita.*

Особенно высокого развития немецко-серболужицкая интерференция достигает в области серболужицкой лексики. Если в сфере грамматической системы немецкое влияние охватывает отдельные фрагменты этой системы (отдельные категории и формы), то в процессе развития серболужицкой лексики можно наблюдать не только заимствование отдельных слов, но и формирование из заимствований функционально связанных лексических слов, относящихся, например, к церковной сфере, сфере культуры, науки и т.д. Судьба германизмов в серболужицких литературных языках и серболужицких диалектах складывалась по-разному (Ермакова 2007). В серболужицких литературных языках германизмы прошли несколько этапов развития, часть их и на современном этапе истории серболужичан входит в состав стандартной, относительно стабильной формы существования серболужицкого языка, что является результатом длительных немецко-серболужицких языковых контактов и доминирующего влияния немецкого языка. Серболужицкие диалекты не были затронуты изменениями, характерными для серболужицких литературных языков. Судьба германизмов здесь складывается иначе, так как речь идет об условиях живого общения серболужицкого и немецкого населения, о незначительном влиянии нормы серболужицких литературных

языков на диалектную норму вследствие их невысокого престижа сравнительно с престижем немецкого литературного языка среди сельского населения Лужицы. Немецко-серболужицкая интерференция в области лексики оказала значительное влияние на “славянский облик” серболужицких диалектов, их лексику при сохранении в основном серболужицкого грамматического механизма.

Немецко-серболужицкая интерференция в области диалектной лексики серболужичан проявляется не только в заимствовании отдельных немецких слов, их интеграции или адаптации в говорах, но и в субституции отдельных лужицких слов в процессе общения немецкими словами. Иногда можно наблюдать достаточно большие фрагменты немецкой речи в рамках беседы, ведущейся на соответствующем серболужицком говоре.

Как отмечают исследователи языковой интерференции в говоре Радвор (Michałk–Protze 1974: 51), установить точные критерии для разграничения явления интеграции (адаптации) и субституции на материале конкретных серболужицких диалектов достаточно трудно – четкая граница между этими двумя явлениями отсутствует. Речь идет о границе между интеграцией и переключением кода (code switching), то есть о переключении с одного языка на другой.

Ср., например, такие встречающиеся в говорах заимствования, как: *šmarka, šmara* (нем. *Schmarre*), *wotlodować, lodować, besuchować, bimske, cufus, doch, dron, em(te), for přińć, fraj, hamende, lenkować, loftować (so), procent, rewěr, rynk, šichta, štyma, šusej, ajnkom, blak, cantnar, papěrfabrika, foršand, futrowane, hěca, gmejna, hektar, kał, kofej, kulki, lofta, mól, motorkolesa, ordnunga, rum, štóm, šula, tyšler, wordować, zicher* (Michałk–Protze 1967: 32–38).

В серболужицких говорах возможны различные способы интеграции (адаптации) слов, заимствованных из немецкого языка:

1) морфологическая интеграция характеризуется тем, что заимствованное немецкое слово склоняется или спрягается с помощью лужицких окончаний. Ср. (*prědy tych*) *Napfkuchenow, (tych) Plätzchenow* Р. мн. (Нове Место ISL 55/7); *smu se einbildowali* 1 мн. перф; *z awtom* Т. ед. (там же), *ten awto je nas gut (ärgerowal)* 3 л. ед. перфекта; *wšycko zasej wurumowali ... (zrychtowali)* 3 л. мн. перфекта;

2) словообразовательная адаптация, при которой немецкое слово принимает лужицкий словообразовательный суффикс. Например: *banćiki* (нем. *Bändchen*), *blěšku* (нем. *Fläschchen*), *bongbonsku* (нем. *Bonbons*), *burik* (нем. *Bäuerlein*), *dinej* (нем. *Diner*), *enderwać* (нем. *ändern*), *fryšny* (нем. *frisch*), *gme-*

jska (нем. *Gemeinde*); Р. ед. *pudlka* (нем. *Pudel*), *ramiki* (нем. *Rähmchen*), *strusk* (нем. *Strauß*), *eimar* (нем. *Eimer*);

3) фонетическая адаптация, при которой слово, заимствованное из немецкого языка в серболужицкий, отличается от синхронного соответствующего немецкого слова своим фонетическим составом. Ср. *mišter* (=Meister), *mól* (=Mal), *murjer* (=Maurer), *je musal* (= [er] hat müssen), *kěrluš* (=Choral), *lóst* (=Lust), *nyšpor* (=Vesper), *hermank* (=Jahrmart), *pačerje* (=Perlen), *punte* мн. ч. (=Pfund), *rops* (=Raps), *rum* (=Raum), *ryna* (= Rinne), *štendar* (=Ständer), *štuk* (=Stück), *tyšer* (=Tischler), *urlob* (=Urlaub), *zirop* (=Sirup), *durich* (=durch), *durika* (=durch).

Примеры не только морфологической, но и фонетической адаптации немецких заимствований приводятся списком в (Michałk–Protze 1974: 57–83).

Поскольку лексических критериев для определения адаптации не существует, то в серболужицких говорах выделяется большая группа слов, которые нельзя с уверенностью считать интегрированными или не интегрированными в серболужицкие говоры. Решению этого вопроса не помогает и существование лужицкого слова-синонима наряду с заимствованием из немецкого. Отсутствие исконно лужицкого слова для обозначений известных лужичанам реалий также ничего не говорит об адаптированности соответствующего немецкого слова, обозначающего эти реалии (Michałk–Protze 1974: 52). К данной группе слов, заимствованных из немецкого языка, относятся, например, такие, как: наречия *bald*, *fört*, *direkt*, *feste*, *förtlojfic*; прилагательные *ajnfach*, *dichtig*, *gut*, *landwirtsfilich*, *myrbe*, *fajge*; числительные *cwejomfufcich*; местоимения *dacu*, *dafon*, *ganc*, *por*; причастия *gebildet*, *gešpert*; союзы *aber*, *ald*, *denn*, *etweder*; частицы *bis*, *blows*, *doch*, *e(b)m* (=eben); междометия *achzow*, *halt*, *ju*; модальные слова *frajlich*, *fylajcht*, *iberhawt*, *natěrlich*.

Вид адаптации непосредственно связан с тем, к какой части речи относится заимствованное из немецкого языка слово. Так, существительные могут быть адаптированы фонетически, морфологически, в словообразовательном отношении. Такие же виды адаптации могут характеризовать и прилагательные, частично глаголы.

Некоторые закономерности адаптации существительных, заимствованных из немецкого языка, были освещены в работе Ф. Михалка, посвященной изменению рода существительных при адаптации их в верхнелужицком литературном языке (Michałk 1963). Автор определяет роль того или иного грамматического рода существительных, соотношение суффиксов, характеризующих существительные соответствующих родов в немецком и верхне-

лужицком языке. Здесь же отмечается, что немецкие прилагательные адаптируются в верхнелужицком языке чаще всего в несклоняемой форме (ср. *to je fajn čłowjek*), что наблюдается и в серболужицких говорах.

Случаи субституции возможны при определенных условиях, которые характеризуют данную языковую ситуацию. Переключение с одного кода на другой может, например, встречаться при непринужденном, легком разговоре. Ср., например: *A ordnunga była wotem wo tej noli jary, jary wilka u Te puće, te su byli, přec wordowali in ordnung dźeržane, zakopane* (Michałk–Protze 1967: 93); *Poten pćidžo zasej na tajki Gestelle...* (ISL 54/26). *Tež drjewnjany Gestelle tajke* (ISL 54/26); *A te rjane by byli fünfundfünfzig a fufzig a te hubjeńše by byli pon fünfunddreissig, tajke te wjaťše* (SIL 56/004); *Haj, to był, to rěkało brunstcajt* (Michałk–Protze 1967: 95); *Wot dwajuncwancigsten dwajadwacetoh' měrcu džewjatnaće šesć stow jo wo nas so ta genosenšaft hromadée stajila...* (Michałk–Protze 1967: 137); *Ende April sajdžamy kulki; Te su feršwunden buli... Hdy by tam něchtó přijěl, dann süssen wir aber zusammen... Die haben gesagt, dass sie die vor drei Jahren gehabt haben.*

Переключение с одного кода на другой иногда выражается во включении немецкой цитаты в серболужицкий текст. Ср. пересказ разговора, который велся на немецком языке – *Ta kucharka je prajila: "Hańža, jetzt gehst du rein und tust kündigen!"*.

Субституция иногда наблюдается там, где возможна адаптация. Ср., например, *Chcu jenu Aushilfestelle wzać* вместо *chcu jenu awshylfeštelu wzać*.

Только субституция наблюдается у предлогов, которые всегда употребляются вместе с морфологически неадаптированным немецким словом, имеющим падежное значение, требуемое данным предлогом: *My smy in Leipzig byli; je šoł zum Militär; My byli bei Leibe*.

Субституция немецких заимствований часто наблюдается в группе слов, состоящей из числительного и существительного. Ср. в говоре Вохозы (Michałk–Protze 1967: 137): *Drajsich morgen; fymfunfyrnich procent, fymfincwancich morgen, cwajhundredsibcich centner, zechcich mark, zechcentawznt mark ajnkom*. Если при немецком существительном употреблено лужицкое количественное числительное, то они соответственно склоняются по лужицкому образцу. Ср. в этом же говоре: *Dwasći hektarow, šesćdžesać hektarow, tauznt a fymf centnaři*. Ср. также субституцию всей немецкой группы слов без грамматической интеграции: *Sechcentawzent mark ajnkom*.

Исследование говоров Радвора, Серньяны и Ракель указывают на широкое распространение таких калек с немецкого языка, как конструкции по типу немецких *vorbei sein*. Ср., *To su nětk trů lěta jow* (= нем. *Das ist nun drei*

Jahre her); *čas běše wokolo* (= нем. *Die Zeit war um*); *Tam njesym sobu byla* (= нем. *Dort war ich nicht mit*); *To su nětk tři lěta jow* (= нем. *Das ist nun drei Jahre her*).

Многие немецкие фразеологические выражения и конструкции, в которых присутствуют формы глаголов *gehen* и *kommen*, переводятся на серболужицкий дословно. Ср., например: *Bjez togo tež póndze* (= нем. *Ohne das wird's auch gehen*); *Wšitko dobre dže jónu kóncej* (= нем. *Alles Gute geht einmal zu Ende*); *Takle to njemóže dale hić* (= нем. *So kann das nicht weitergehen*). К калькам с немецкого относятся и многие примеры, записанные в говорах Радвора, Вохозы, Серньяны, Вотров и др. Ср., *To smy tutón wulět činili* (= нем. *Da haben wir diesen Ausflug gemacht*); *Tendyn smó tón... ferwaltungsgebojde wjetši činjeli* (= нем. *Damals haben wir das Verwaltungsgebäude größer gemacht*); *Wownunki njeběchu žane k krynjenu* (= нем. *Wohnungen waren keine zu bekommen*); *To tež wot mje njej prawje bólo* (= нем. *Das war auch nicht richtig von mir*) (Michałk–Protze 1974: 98–99).

В диалектных текстах из Серньяны зафиксированы также и гибридные конструкции типа: *To dawje mjaso a juška* (= нем. *Fleisch und Soße*); *To móže jen sam činić, kaž jen chce* (= нем. *Das kann man selbst machen, wie man will*); *Hdyž jen družka je, něšto wjac daš* (= нем. *Wenn man Brautjungfer ist, gibt man etwas mehr*).

Почти полностью совпадает применение лужицких отрицательных местоимений *žadyn, žana, žane* с употреблением их немецких соответствий *keiner, keine, kein*, однако в серболужицких говорах в предложениях с этими отрицательными местоимениями присутствует двойное отрицание в отличие от немецкого языка. Ср. в говоре Вохозы – *Peeñez nejo žanych měl a tóć nejo žane žito kryn(u)l* (Stieber 1956: 102); *žane drjewo njej' krydnjenu Bolborcy* (ISL 53/18). **Žana kruwa wjace njewolaše:** “*Mußkomm!*” (говор Гучина); *Ja žanu štelu šće nimam* (= нем. *Ich habe noch keine Stelle*). *A něk tež njeje žan hermank wjac* (= нем. *Und jetzt gibt's auch keinen Markt mehr*). *Tuž sej woni žaneje rady wědželi njesu* (ISL 53/37, Мьешицы).

По немецкому образцу в серболужицких говорах иногда образуются сложные существительные типа *dompuć* (= *Heimweg*), *domjězba* (= *Heimritt*), *mědnošenje* (= *Honigtragen*), а также гибридная сложная конструкция типа *kinderholca, šwigerdžowka, kadetnhauza, do gezelnhauza, kolnkostni, na 'entštacjonje, na bakštubje, 2 medrešerom, droschkenkučer*.

В нижнелужицких говорах, на крайнем севере верхнелужицкой диалектной территории и в переходных говорах часто встречаются заимствованный из немецкого языка глагол *musym* (нем. *müssen*). Его синоним *dyrbim*, также

заимствованный из немецкого, распространен на всей лужицкой языковой территории. Ср. в в.-луж. говоре Болборцы – *Ja sym tež dyrbjala kóždy džen swoju wottylu mlócić* (ISL 53/18). В говоре Вохозы – *A k tyšarjej tež musym jemól jěć...* и *Ja dyrbim tež pola blidarja nimo hić...* (Michałk–Protze 1967: 55).

Как показывает материал серболужицких говоров, немецко-серболужицкая интерференция при доминирующем одностороннем влиянии немецкого языка на серболужицкий вызывает такой наплыв германизмов, особенно в лексике, который в значительной мере изменяет облик серболужицкого языка, репрезентированного серболужицкими говорами. Динамика процессов интерференции на территории распространения серболужицких диалектов отражает такую языковую ситуацию в современной Лужице, которая может быть чревата ускоренным переходом через стадию двуязычия к немецкому одноязычию (Калнынь 1997; Ермакова 2006).

Литература

- Ермакова 1988 – *Ермакова М. И.* Особенности функционирования современных серболужицких литературных языков // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988.
- Ермакова 1999 – *Ермакова М. И.* Развитие норм серболужицких литературных языков в связи со спецификой языковой ситуации // Проблемы славянской диахронической социолингвистики и динамика литературно-языковой нормы. М., 1999.
- Ермакова 2007 – *Ермакова М. И.* Отражение серболужицко-немецких языковых контактов в истории серболужицких литературных языков и диалектов // Межъязыковые влияния в истории славянских языков и диалектов. М., 2007.
- Ермакова 2006 – *Ермакова М. И.* Перспективы развития языковой ситуации в Лужице в свете действия тенденций глобализации // Глобализация – этнизация. Этнокультурные и языковые процессы. Кн. II. М., 2006.
- Калнынь 1997 – *Калнынь Л. Э.* Особенности языковой ситуации в Нижней Лужице как следствие языковой ассимиляции // Славяноведение № 2. М., 1997.
- Лётч 1956 – *Лётч П.* О характере влияния немецкого языка на словоизменение имени и глагола верхнелужицкого языка (дипломная работа). Л., 1956.
- Grammatik 1981 – *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart, Verfasst von Helmut Fasske unter Mirarbeit von Siegfried Michalk. Morphologie.* Bautzen, 1981.
- Fasske 1964 – *Fasske H.* Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.
- ISL – Institut za serbski ludospyt / Institut für sorbische Volksforschung. Phonotek.
- Jentsch 1980 – *Jentsch H.* Die sorbische Mundart von Rodewitz/Spree. Bautzen, 1980.
- Jodlbauer 2001 – *Jodlbauer R., Spiess G., Steemwijk H.* Die aktuelle Situation der niedersorbischen Sprache. Ergebnisse einer sociolinguistischen Untersuchung der Jahre 1993–1995. Bautzen, 2001.
- Michalk 1959 – *Michalk S.* Über den Aspekt in der obersorbischen Volksprache // Zfsl, IV, 1959.

- Michalk 1962 – *Michalk F.* Der obersorbische Dialekt von Nuestadt. Bautzen, 1962.
- Michalk 1962' – *Michalk S.* Der Einfluss der Deutschen auf die Stellung des verburn finitum im sorbischen Satz // *Zfsl*, VII, H. 2, 1962.
- Michalk 1963 – *Michalk F.* Wo změnje při přijimanju substantiwow z němčiny do serbšćiny // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*, R. A., 1963, č. 10/2.
- Michalk 1968 – *Michalk S.* Přinošk ke kwantifikaciji rěčneje interferency // *Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft*. Bautzen, 1968.
- Michalk 1969 – *Michalk S.* Über den Einfluss des sorbischen auf das Neulausitzische // *Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur*. Berlin, 1969.
- Michalk 1970 – *Michalk S.* K prašenjam slowoslěda w serbskich dialektach // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*, R. A. 17. Bautzen, 1970.
- Michalk 1971 – *Michalk S.* Mundart und Umgangs-Sprache der Bilingualen von Gross Partwitz im Kreis Hoyerswerda // *Zfsl*. XVI, H. 1. 1971
- Michalk-Protze 1967 – *Studien zur sprachlichen Interferenz*. B. I. Bautzen. 1967.
- Michalk-Protze 1974 – *Studien zur sprachlichen Interferenz*. B. II. Bautzen 1974.
- Nedo 1976 – *Nedo P.* Wo wuwicu žiwjenskich poměrow a duchowno – kulturneho žiwjenja na wsach // *Rozhlad*, 1976, čo. 10, S. 361–376.
- Radłowski 1968 – *Radłowski M.* Z zagadnień bilingwizmu na Lužycach // *Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft*. Bautzen, 1968.
- SS 15 – *Sorbisher Sprachatlas*. 15. Bautzen, 1996.

Summary

The Features of the German-Sorbian Interference in the Sorbian Dialects

The article, based on the sources containing materials for researches in German-Sorbian interference, observes some results of this interference in the realm of grammar, lexicology and, partly, of syntax. More or less these results characterize all the Sorbian dialects which deal with certain types of the German-Sorbian language contacts.

К проблеме стратификации венгерских заимствований в карпатославянских диалектах

Проблематика славянско-неславянских языковых взаимодействий и интерференции в карпатской области, в частности – выяснение места и роли иноязычных элементов в славянских языках/диалектах, привлекает внимание исследователей прежде всего в связи с изучением *истории* этих идиомов. На современном этапе развития науки существует ясное представление о том, что необходимо различать иноязычные элементы двух видов. С одной стороны – это элементы, проникшие письменным путем и отмечаемые ныне преимущественно в книжной / литературной форме языка, а с другой – элементы, первоначально усвоенные в процессе непосредственных живых контактов между носителями разных языков и представленные, как правило, в территориальных и социальных диалектах. Благодаря успехам, достигнутым в последние десятилетия диалектологией и лингвогеографией, созданы благоприятные условия для активизации изучения именно диалектного и ареального аспекта интерференции, поскольку сформирована во многом качественно новая по характеру и объему данных, сугубо синхронная фактографическая база.

С другой стороны, анализ межязыковых отношений актуализирует проблему более четкого разграничения вопросов *происхождения* (=генезиса) того или иного иноязычного элемента (лексемы, аффикса, семантики и под.) и *путей* (условий) его *распространения* в различных языках – осуществлялось ли оно в результате прямых контактов или через посредство третьих языков. Это предполагает помимо изучения собственно хронологической стратификации также и учет пространственного распределения заимствованных элементов.

При изучении взаимодействия и взаимовлияния языков в собственно карпатской зоне необходимо иметь в виду следующее. Эта зона во многих отношениях – географическом (=природо-хозяйственном), историческом, этнокультурном – тесно связана с балканской, образуя с ней определенное единство. Поэтому в в пределах всей карпато-балканской макрзоны очевидны результаты славяно-неславянских контактов

Наиболее длительным, постоянно действующим в карпатской области является фактор *славянского* этно-культурного и языкового влияния. Оно отмечается здесь на протяжении более чем 1,5 тысячелетий и находит отражение, например, в наличии значительного пласта лексических славизмов различной хронологии в румынском и венгерском языках. Не менее важно

для истории языков данной зоны и *восточнороманское* (resp. румынское) влияние. Первые контакты славян с романизованным населением Дакии относятся, по-видимому, к первым столетиям н. э. Однако более заметное румынское влияние на языки и культуру карпатских славян связано с периодом так называемой «валашской» колонизации. Ее начало датируется XIII–XIV вв., когда восточнороманское население, практиковавшее трансгумантное (отчасти и номадное) пастушество, мигрировало из центральных регионов Трансильвании на север и далее на северо-запад Карпат, достигнув в XVI в. области Валашская Моравия. Следствием подобных миграций явились достаточно многочисленные «румынизмы» в карпатославянских диалектах, чем определяется их специфика в сравнении с диалектами соответствующих языков за пределами Карпат (ср., например, ситуацию в польских и украинских диалектах в карпатской зоне, с одной стороны, и вне этой зоны, с другой). Иной в целом характер имели румынско-венгерские взаимоотношения. Они носили локальный характер, активно осуществляясь на протяжении длительного совместного проживания лишь в некоторых областях зоны Карпат (Трансильвания, Банат), где в венгерских диалектах фиксируются многочисленные румынские заимствования (Schubert 1999: 687, 692–694, 697).

Как достаточно сильное оценивается в карпатской зоне прямое и опосредованное влияние *венгерского* языка. Начало этого влияния датируется эпохой завоевания венгерскими племенами Среднего Подунавья («обретение родины», Landnahme X в. н. э.) Уже в первые века существования государства династии Арпадов, благодаря его колонизаторской, экспансионистской политике, а также в результате всемерного развития товарообмена, носители венгерского языка вступают в интенсивные контакты с другими народами не только в карпатской зоне, но и на Балканах. Известно, что в Средние века именно через Венгрию проходили торговые пути из областей, находящихся к северу от Карпат, на юг на Балканы. По поводу посреднического значения экономических отношений в сложном процессе взаимодействий и взаимовлияний этносов, культур, языков в этот период замечено следующее: «...Торговля является так сказать нейтрализатором различий не только социального, но и особенно этнического характера» (Schubert 1999: 685). Этим объясняется относительно широкое распространение в карпато-балканской зоне в целом унгаризмов, относящихся к таким лексико-семантическим группам, как государственное управление, право, военное дело, денежное обращение и подати, принципы организации городской жизни, а также ремесла и торговля. Такие унгаризмы были заимствованы, как непосредствен-

но из венгерского, так и через посредство других языков (немецкого, южно-славянских и др.).

В настоящее время существует ряд серьезных трудов, посвященных венгерскому влиянию на отдельные языки карпато-балканской макрзоны. Как собственно лингвистический, так и широкий экстралингвистический контекст процесса заимствования исследуется в таких работах, как (Décsy 1961; Hadrovics 1985; Schubert 1996; Tamás 1966). О венгерских заимствованиях как в карпато-балканских, так и других языках см. Schubert 1982. Существуют обобщающие работы, в которых анализируются венгерские заимствования специально в южнославянских языках (Л. Хадрович, Кобиларов-Гетц и др.).

При этом все больше внимания уделяется изучению венгеро-славянских связей на диалектном уровне как наиболее перспективном. Детально изучено венгерское влияние на карпатоукраинские диалекты в трудах П. Лизанца (Lizanec 1970; Лизанец 1976; Лизанец 1976). Опыт изучения заимствований из венгерского в славянские диалекты по материалам ОЛА содержится в (Siatkowski 2004: 87–95). Важно иметь в виду и результаты работ, анализирующих венгерские элементы в румынском (например, Tamás 1966), поскольку это позволяет в ряде случаев более точно устанавливать реальные пути заимствования некоторых унгаризмов в карпатославянские диалекты.

Длительность контактов венгерского с другими языками карпато-балканской макрзоны предполагает возможность заимствования венгерских лексических элементов на протяжении всего периода этого взаимодействия. Этим обуславливается актуальность задачи хронологической стратификации заимствований. При ее решении важную роль играют показания лингвистической географии, которые можно интерпретировать как развернутую в пространстве диахронию, когда на синхронной плоскости располагаются по-разному хронологически маркированные явления. На этой основе возможно переосмысление некоторых пространственных отношений в качестве временных. Ср. в этой связи идею, согласно которой разновременные по происхождению явления на диалектной карте могут хронологически маркироваться, что даст возможность отразить на карте не только пространственное, но и временное соотношение картографируемых диалектных явлений, для чего предложен термин «хроно-топо-изоглосса» (Аванесов 1963). В то же время следует иметь в виду, что в соответствии с известной нелингвистической «нормой», имеющей, впрочем, скорее «индикативный» характер, более старые явления / заимствования территориально представлены обычно более обширными ареалами различной конфигурации (компактного, разорванного и др. типов), а узкие локализмы, соответственно, должны рассматриваться как более поздние заимствования.

Установление пространственной характеристики большого числа унгаризмов в пределах карпато-балканской зоны является в настоящее время вполне реальной задачей. Уже существуют полилингвальные атласы, репрезентирующие материалы более чем одного национального языка. Это – ОКДА, специально ориентированный на изучение последствий взаимодействия языков карпатской зоны; информация подобного же рода содержится в ОЛА и ЛАЕ. Большое значение имеют сведения, содержащиеся в национальных и региональных лингвистических атласах зоны Карпат (украинских, словацких, польских и др.), которые дают возможность описать существенные фрагменты карпатской ареальной ситуации. Чрезвычайно ценными в этой связи следует признать показания словацкого национального атласа (ASJ), а также регионального украинского закарпатского атласа П. Лизанца, специально посвященного венгерским заимствованиям / «мадьяризмам» (Лизанець 1976).

Поскольку в Южной Словакии и на юге Закарпатья и в настоящее время компактно проживает достаточно значительное венгерское население, то здесь имеют место прямые славяно-венгерские этно-языковые контакты и разные формы двуязычия. Именно поэтому в словацких и закарпатских украинских говорах отмечаются не только хронологически *более ранние* заимствования (известные в той или иной степени также иным карпатославянским говорам – бойковско-лемковским, южномалопольским и др.), но и новые заимствования, «неологизмы», отражающие явления современной жизни, быта. Также можно говорить о существовании прямых венгерско-румынских контактов: прежде всего, имеются в виду венгерские анклав («чангэу» говоры) на территории Румынии в Трансильвании, Кришане, Банате и под.

Сформулированное выше понимание связи между характером (=типом) ареалов и хронологией репрезентированных в них явлений (в данном случае это заимствования из венгерского) требует изучения и каталогизации максимально большого числа подобных ареалов. Это создаст необходимую базу для поэтапной интерпретации заимствований в диахроническом плане. Имеется в виду: (1) установление центра (центров) иррадиации той или иной лексической единицы, (2) выяснение обстоятельств ее вхождения в тот или иной язык – было ли это следствием прямых или опосредованных контактов. Фактор опосредованных контактов является весьма актуальным для карпатского региона. Ср. в этой связи определение карпатской ситуации, данное О. Н. Трубачевым еще полвека назад: «...диалекты различных языков, расположенных на землях, прилегающих к Карпатам, в результате многократных

перекрестных заимствований выработали целый ряд общих слов и значений, характерных только для этой области»; еще более ярко выражена ситуация языковой конвергенции и интерференции на Балканах (Трубачев 1959: 19).

Проиллюстрируем сказанное некоторыми примерами. Прежде всего, укажем лексемы, которые позволяют достаточно полно характеризовать, на основании данных многих атласов, распространение унгаризмов в самой карпатской зоне и вместе с тем указать их параллели в балканской.

I. Широкое распространение в карпатской зоне (часто и за ее пределами) характерно для унгаризмов, восходящих к венг. *határ, gazda, bunda, vám*.

Венг. *hatar* 'граница', 'владение' и др. (< др.-ур. *hat* – MНyTESz 2: 73-74; иначе Skok 1: 666 и под.), по данным ОКДА (7, № 31), заимствовано в карпатославянские диалекты со значениями 'граница (села, страны, между двумя владениями)' и 'земля, входящая во владение общины' 'кусок поля; пахотная земля' и под. Отмечен и ряд семантических локализмов. Ср. словц. 'xotar 'дорога', укр. *xi'tar* 'окраина села'; в моравских, некоторых польских говорах представлены формы с начальным *k-*: п. 'kotar, мор. 'kota:r. В румынских диалектах оба основных значения лексемы *hotáru* (*цотáру*) отмечены на западе и юге, а на востоке – только 'граница'. На Юге Славии более частотно значение 'земля, кусок поля', ср. серб. *áta:r, áta:r, 'atar*, мак. 'a'tar 'то же' и 'граница' (ОКДА; Видоески 1999: 16); болг. *отар* 'граница села' отмечено на северо-западе (р-н Видина), со значениями 'то же' и 'земля' – в Румынском Банате (БЕР 4: 954; см. также Клепикова 2003: 369).

Венг. *gazda* 'хозяйство', 'хозяин', 'владение' (< слав. **gospoda* – MНyTESz 1: 1038) заимствовано, по данным ОКДА (5, № 35), в большинство карпатославянских диалектов. Ср. п., мор., словц., укр. 'gazda '(богатый) хозяин, крестьянин', 'муж, супруг' (о географии словц. *gazda* см. ASJ IV/1). Возможно, в части украинских говоров лексема появилась через румынское посредство (Vrabie 1967: 144). В самом румынском языке слово *gazdă* '(богатый) крестьянин' и др. фиксируется на западе Румынии (Трансильвания, также: Тамás 1966: 370), известно оно и в говорах Молдовы. В балканославянских говорах: серб., мак. 'gazda – также со значением '(богатый) крестьянин'. В болг. *газда* определяется как 'главатар на градинарска дружина в чужбина' (БЕР 1:224; Клепикова 2003: 369).

Венг. *bunda* 'вид верхней одежды' и под. (вероятно германское происхождение от *bunt* 'пестрый' – MНyTESz 1: 389) получило достаточно широкое распространение в карпатской зоне (ОКДА 2, № 2). Ср. карпатослав. 'bunda (об укр. закарп. *бунда* см. Лизанец 1976: 350), рум. *bundă, boandă* и

др. с тем же и близкими значениями ('зимняя верхняя одежда', ' меховая одежда', 'безрукавка' и др.); слово отмечается и на Балканах: серб., мак. *bunda* (см. Клепикова 2003: 334).

Венг. *vám* 'таможня' (иранского происхождения, ср. н.-перс. *wām* – MNyTESz 3: 1080) фиксируется, по данным ОКДА (5, № 44), только в карпатоукраинских говорах ('*vama* – Закарпатье, редко на Гуцульщине, в Буковине) и широко – в румынских: *vamă* 'то же', но и 'плата за помол муки' (ОКДА; Tamás 835). При этом вероятно румынское посредство для укр. '*vama*. На Балканах лексема *vama* представлена в некоторых болгарских говорах, о ее географии см. (Младенов 1983, № 15); ее семантика – 'такса при продаже скота' (р-н Б. Слатины), 'таможня' (Добруджа), 'плата за помол' (северо-запад) и др. (см.: БЕР 1: 117; Клепикова 2003: 369).

Достаточно распространены, хотя и в меньших ареалах, чем выше названные лексемы, следующие унгаризмы.

Венг. *dohány* 'табак' (этимология в MNyTESz 1: 653), по данным ОКДА (1, № 68-70), хорошо отражено в словацком ('*doha:n*, '*dohan*') (см. также ASJ VIII/5), в карпатоукраинских (Закарпатье и соседние говоры '*duhan*, '*douhan* и др.; см. также Лизанец: 594), единично – в польских ('*duhon*). Данный унгаризм последовательно фиксируется и в западнорумынских говорах (*duhán*, *du[ɟ]án* – ОКДА 1, № 70; Tamás 1966). На Балканах это заимствование представлено во многих сербских говорах: *duhá:n*, *dáva:n*, '*duvan* 'то же' (ОКДА).

Венг. *vályú* 'вид корыта; жолоб' и др. (древнетюркского происхождения – MNyTESz 3: 1084) заимствовано, по данным ОКДА (2, № 46), в ряд карпато-славянских диалектов с тем же значением: мор. *va:lof*, словц. *va:lov* (=ц) (детально об этом унгаризме см. в ASJ IV/2, V/15), укр. *va'l'ic*, *va'luц* и под. 'то же'. Ср. наличие данного заимствования в сербских говорах: '*valov* 'корыто (разного назначения)', но и 'овраг, долина' (ОКДА).

Венг. *szállás* 'жилище', 'ночлег' и др. (< венг. *szál* + *-as* – MNyTESz 3: 661) нашло отражение во всех языках карпатского ареала. Ср., по данным ОКДА (1, № 27): п. '*sašaš* ('*saças*), мор. '*sašaš*, словц. '*salaš* ('*sašaš*), укр. '*sašaš* ('*xa'laš*) (подробнее в Лизанец 1976, № 174); также и рум. *sălaș* ('*sə'laš*) с широкой семантикой: 'пастушеская стоянка (или постройки на ней)', 'временная постройка', 'хозяйственная постройка' и под., а в некоторых румынских говорах данный унгаризм имеет значение 'гроб'. Значительно распространено это заимствование в сербских говорах: *sála:š* ('*salaš*, '*saloš*) 'хозяйственная постройка' и др. (ОКДА); см. Клепикова 2003: 334.

Венг. *szerszám* 'средство, принадлежность' (< др.-ур. *szer* + *szám* – MNyTESz 3: 791) вошло во многие карпатославянские диалекты, но его рас-

пространение не является в них компактным. Обычно в ОКДА (5, № 60) оно приводится в таких специальных значениях, как 'инструменты (лесоруба, ремесленника и др.)', реже – 'конская упряжь' (ср., например, п. 'sarsan, слвц. 'sarsa:m, укр. гуцул. sər'sam). Известен унгаризм и в румынских говорах: sársámur¹, țărțámur¹ 'сельскохозяйственные орудия' (Tamás 1966: 691) saŕ'səmuri 'бахрома' (!) (Молдова). На Балканах, по ОКДА, не отмечено; однако слово sersen 'конская упряжь' приведено в (Skok 3: 225). См. также Клепикова 2003: 389.

Следующие заимствования из венгерского отмечены, по данным ОКДА, в диалектах карпатской зоны на относительно небольшой территории, при этом часто репрезентирующей «разорванные» ареалы. Но эти ареалы охватывают как некоторые славянские, так и румынские говоры.

Венг. beteg 'больной', 'болезнь' (неясного происхождения – MNyTESz 1: 209) находит отражение, с той же семантикой, лишь в отдельных карпато-славянских говорах. Единично в польском ('beteh), несколько шире в словацком ('bet'ax), довольно редко – в украинских говорах ('bet'ix, be't'ižnyj, be'teha). Этот же унгаризм зафиксирован в Западной Румынии (beteag, betegos и под., см. и Tamás 1966) и в говорах Молдовы (be'tjag) (ОКДА 4, № 20), На Балканах как будто неизвестен.

Венг. bakancs 'грубый (солдатский) ботинок' и под. (< boka ? – MNyTESz 1: 222, 327) заимствовано в карпатославянские диалекты (ОКДА 2, № 30). Ср. п. ba'gañće (=ñće), мор. 'baganče (=že), слвц. 'bakanče (bo'ganči), укр. bo'kanci (bo'gancy) 'то же' (бокочні, боганчі – Лизанець 1976, № 288). С тем же значением лексема bosánci, bosani представлена в некоторых западнорумынских диалектах. Многие вторичные значения унгаризма – 'обувь', 'тапочки' – известны в говорах Молдовы (bo'kanš' и др.). Данный заимствованный элемент отражен в отдельных сербских говорах в виде báka:nže и др. ('солдатские) ботинки' (ОКДА).

Венг. karika 'кольцо, кружок, звено цепи' и под. (этимология в MNyTESz 1: 382) заимствовано, по данным ОКДА (2, № 25) в некоторые карпатославянские диалекты с близкими значениями. Ср. слвц. 'karika, укр. 'karika (подробнее о географии лексемы см. в ЛАЗГ). Спорадически ОКДА отмечает данное название в румынских говорах Трансильвании: cărică (cărigă), при очевидном его отсутствии в говорах Молдовы. С другой стороны, в близких значениях унгаризм зафиксирован и в ряде сербских говоров со значениями, конкретизирующими обобщенное 'кольцо, обруч', ср. karika (б/у), ka'rika.

Венг. fajta 'сорт, порода' (< faj + tő – MNyTESz 1: 830) вошло в некоторые польские говоры в виде fajt(a). Широко известно в словацких и украин-

ских (закарпатских, редко в соседних с ними) говорах – 'fajta 'то же' (ОКДА 3, № 57; Лизанец 1976: 629). ОКДА показывает отсутствие заимствования в говорах Молдовы, но не содержит сведений из собственно румынских говоров – эти данные могут быть извлечены из материалов Л. Томаша (Tamás 1966).

Венг. *bölcso* 'колыбель' (этимологии в MNyTESz 1: 361) хорошо представлено, по данным ОКДА (1, № 43), на словацкой языковой территории в виде 'belcoy, 'belcof (подробнее о географии заимствования см. в ASJ IV), в украинских говорах Закарпатья – byl'cuц (о локализации названия в западно-центральной ареале см. Лизанец 1976, № 106; Лизанец 1976: 578) и редко в северо-западных укр. говорах.

Венг. *gerenda* 'балка' и под. (< слав. *gręda – MNyTESz 1: 105) заимствовано в некоторые польские, словацкие ('ge'renda) и украинские (ge'ren'da) говоры, где фиксируются значения '(продольная, поперечная) балка в конструкции дома', 'бревно' и др. (ОКДА 1, № 6); об укр. закарп. re'рэндá см. ЛАЗГ № 131); В восточнороманских говорах данный унгаризм не фиксируется, поскольку обычным в них является славизм *grindă* 'то же' (также из слав. *gręda). ОКДА единично отмечает форму *ge'renda* 'поперечная балка' и в македонском регионе.

II. Можно привести значительное число и иных унгаризмов, не зафиксированных полилингвальными атласами ОКДА и ОЛА в карпатских диалектах. Эти унгаризмы позволяют представить общую картину распространения заимствований в зоне, хотя многие из них и не образуют значительных ареалов. Это – лексемы, являющиеся рефлексам венг. *aldomas, bosorkany, falat, golya, hacsur, haszon, lencse, marha, pitvar, varos, vasar, zseb* и др.

III. Для изучения географии многих из тех унгаризмов, которые в карпато-балканской зоне не зафиксированных в ОКДА и ОЛА, могут быть использованы данные национальных и региональных атласов. Особенно ценны в этом отношении Атлас словацкого языка (ASJ IV), атласы И. Дзэндзелевского (ЛАЗГ) и П. Лизанца (Лизанец 1976). Хотя в этом случае картина бытования подобных элементов оказывается менее полной, за счет отсутствия сопоставимых сведений, с одной стороны, из моравских, польских (часто и восточнороманских) говоров, а, с другой, – из южнославянских языков. Ср., например, рефлексы таких венгерских лексем, как *dugo, hordo, kancso, kapu, rantotta, rojt, tölcser* и под., зафиксированные в словацко-украинской (resp. закарпатской) зоне.

IV. Наконец, упомянутые выше словацкий национальный и украинские региональные атласы содержат данные о венгерских заимствованиях, которые могут быть квалифицированы как *локализмы* в пределах того или иного диалектного континуума.

Так, следующие унгаризмы в украинских говорах Закарпатья локализованы: только на **юге** (р-н Виноградово) – *он’ог* ‘материя’, *олвошови* ‘четки’, *багарія* ‘тонкая кожа’, *ив* ‘пояс’, *конт’ол’овати* ‘укладывать косу’, *гобверив* ‘приспособление для сбивания крема’, *кеновч* ‘вакса’ и др.;

на **юге** и в некоторых **центральных** говорах – *шерн’овка* ‘зонт’, *гойташ* ‘складка’;

только в **центре** Закарпатья – *пачмаги* ‘штаны’, *лабош* ‘кастрюля’;

на **западе** – *гаракал* ‘дятел’, на **западе** и **юге** – *чот* ‘заколка’, на **западе** и в **центре** – *можсар* ‘ступка’ и др.,

на **всей** территории Закарпатья, кроме севера и востока – *бивнойе* ‘широкое’, *фат’ол* ‘покрывало’, *бичак* ‘нож’.

Регионализмы венгерского происхождения могут быть прослежены и в словацких говорах. Таковыми являются:

на **востоке** Словакии – *šerek* ‘стадо’, *reselovat* ‘тереть’, *furoc* ‘сверло’, *čutak* ‘тряпка’, *kavač* ‘щебень’, *fijomak* ‘можжевельник’, *jalč* ‘плотник’, *valal* ‘село’;

в различных по величине ареалах, находящихся в **центре** – *kefa* ‘щетка’, *sarup* ‘мыло’, *ročka* ‘подойник’, *gereg*, *geregiňa* ‘арбуз’ и др.;

в **западной** (юго-западной) части страны – *egreš* (< Agrest) ‘крыжовник’, *serdik* ‘кислое молоко’.

Сказанное выше дает основание для следующих выводов. Сопоставительное изучение фактов, отраженных в диалектных атласах разного типа, вносит существенные уточнения в наши представления об особенностях локализации многих унгаризмов в пределах карпато-балканской зоны. А это, в свою очередь, способствует установлению хронологии появления и продвижения этих заимствованных элементов в соответствующих языках. В этой связи можно считать, что пространственно-временная стратификация пласта венгерских элементов является одним из важных компонентов углубленного исследования этно-языковых и этно-культурных взаимодействий в карпатской (и шире – карпато-балканской) области *в целом*.

Литература

Аванесов 1963 – Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, 1963). Доклады советской делегации. М., 1963.

- БЕР – Български етимологичен речник. I–IV. София, 1964–1978.
- Видоески 1999 – *Видоески Б.* Геогрфската терминологија во дијалектата на македонскиот јазик. Скопје, 1999.
- Клепикова 2003 – *Клепикова Г. П.* Карпатское языкознание и «Общекарпатский диалектный атлас» // *Studia slavica Hungarica* 48/4. Budapest, 2003.
- ЛАЗГ – *Дзєндзелівський І. О.* Лингвистичний атлас українських говорів Закарпатської обл. УРСР. Т. I–II. Ужгород, 1960, 1962.
- Лизанец 1976 – *Лизанец П. Н.* Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатя. Будапешт, 1976.
- Лизанец 1976 – *Лизанец П. М.* Атлас лексичных мадьяризмов та їх відповідників в українських говорах Закарпатської обл. УРСР. Ужгород, 1976.
- Младенов 1983 – *Младенов М.* Българско-румънски езикови ареали // *Die slavischen Sprache*. 5. Salzburg, 1983.
- Трубачев 1959 – *Трубачев О. Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования // ВЯ, 1959, № 1.
- ASJ – *Atlas sloveského jazyka*. IV. Bratislava, 1984.
- Dečsy 1961 – *Dečsy Gy.* Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache. Wiesbaden, 1961.
- Handrovics 1985 – *Handrovics L.* Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Köln-Wien, 1985.
- Lizanec 1970 – *Lizanec P.* Magyar-ukrán nyelvi kapesolatok. Uzshorod, 1970.
- MNYTESz – *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*. 1–3. Budapest, 1967–1976.
- Schubert 1982 – *Schubert G.* Ungarische Einflüsse in der Terminologie des öffentlichen Lebens der Nachbarsprachen. Berlin, 1982.
- Schubert 1996 – *Schubert G.* Ungarn und Rumänen. Sprache, Kultur, Ideologie // *Sprache und Politik. Die Balkansprachen in Vergangenheit und Gegenwart*. München, 1996.
- Schubert 1999 – *Schubert G.* Der Einfluss des Ungarischen in Südosteuropa // *Hanbuch der Südosteuropa – Linguistik*. Wiesbaden, 1999.
- Siatkowski 2004 – *Siatkowski J.* Studia nad wpływami obcymi w Ogólnosłowiańskim atlasie językowym. Warszawa, 2004.
- Skok – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. 1–3. Zagreb, 1971–1974.
- Tamás 1966 – *Tamás L.* Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänische. Budapest, 1966.
- Vrabie 1967 – *Vrabie E.* Influența limbii române asupra limbii ucraine // *Romanoslavica XIV*. București, 1967.

Summary

On the probleme of stratification of Hungarian borrowings in Carpathian-Slavic Dialects

A comparison is made between the data indicating the areal characteristics of Carpathian-Balkan dialectal space as shown in different types of dialectal atlases. On this basis the localization of Hungarian borrowings in Carpathian-Slavic dialectal zone is discussed. Peculiarities of space expansion of Hungarian loan elements are specified as showing the time of their borrowing in different Slavic languages/dialects.

О некоторых новых возможностях изучения финно-угорского субстрата в севернорусских говорах

Исследование финно-угорского субстрата с применением методов лингвистической географии показало перспективность такого рода трудов и надежность выводов, осуществленных на этой базе при анализе лексического субстрата в контактном регионе. К настоящему времени автором предлагаемой статьи подготовлено 2-е издание «Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» (АСЗЛ, 2003). К проблемам осмысления, дифференциации и идентификации типов прибалтийско-финского субстрата в севернорусских говорах и определения более точных границ пермского воздействия, ранних саамских данных и т.п. добавились задачи выявления архаических ареалов прибалтийско-финского воздействия. Примером этого могут быть рефлексы глагола *kehitta* 'хотеть, желать'. Так, например, материал соответствующей карты представляет глагол **кѣхтать**, с вариантом **тѣхтать** и два деривата: **покѣхтать**, **кѣхтовать**. Распространение данного гнезда в русских говорах носит общеприбалтийско-финский характер: гдовские говоры, говоры Новгородской области, Белозерья, Прикубенья, Бежецкого района Тверской области. Хотя для каждого из этих ареалов возможен свой автохтонный источник в виде кар. твер. *kehata* 'иметь желание что-либо делать; не лениться' (СКЯП: 93), ливв. *kehata* 'желать, хотеть что-либо делать, не лениться' (СКЯМ: 131). В прибалтийско-финских языках фиксируются также соответствующие лексемы, ср.: фин. *kehdata* 'хотеть', кар. *kehtoa-*, ливв. *kehata* 'хотеть, желать', вепс. *kehitta*, люд. *kiehtada* 'хотеть', хотя для варианта **кѣхтовать** возможно сопоставление с ливв. *kehstavuo* 'хотеть, желать' (SKES: 175), кар. *kehstavuo* 'то же' (KKS 2: 113). Глагол **кѣхтать** обычно фиксируется в выражении «не кехтать что-либо делать». Отмечается он также и в других сходных значениях: 'иметь желание, охоту к чему-либо' Арх. (Подвысоцкий): 'мочь, быть в состоянии' Валд., Крестец., Маловишер. (НОС). Тихв., Петрозав. (КСРНГ). Вариант **кѣхтовать** отмечается в значениях: 'иметь желание' (Бежецк.) (КСРНГ); 'понимать' Валд. (КСРНГ). Ср. также **закѣхтать** – *Ни одни палец не кехтует*. Гдов. (ПОС 14: 102). Отмечаются также дериваты: **закѣхтать** 'захотеть' Лодейноп., Подпорож. (СРГК), 'хорошо в чем-либо разобраться' Чудов. (СРГК); **покѣхтать** 'пожелать, захотеть (сделать что-либо)' Новг. (КСРНГ), 'захотеть, задумать' Бабаев. (СРГК 5: 40).

Кроме того, весьма интересно сопоставление результатов нашей работы с данными лингвогеографических исследований на материале прибалтийско-

финских языков. Так, вышедший в 2004 году «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» (Atlas Linguarum Fennicarum – Itämerensuomalainen kielikartasto) и насчитывающий 107 основных карт¹, имеет несколько карт, вопросы которых сопоставимы с отраженными на наших картах. Вопросник ALF включает в себя следующие темы:

- I. Жилье, жизнь, строения.
- II. Занятия, народные промыслы: 1) Земледелие. 2) Животноводство.
- 3) Рыболовство. 4) Охота.
- III. Кустарные ремесла, приготовление пищи.
- IV. Человек: 1) Анатомия и физиология. 2) Духовная и эмоциональная сфера и ее особенности. 3) Названия и термины родства.
- V. Фауна.
- VI. Флора.
- VII. Средства передвижения, передвижение.
- VIII. Страны света, географические термины, рельеф.
- IX. Время.
- X. Местоимения, союзы, частицы.
- XI. Имена общего характера.
- XII. Глаголы общего характера.

Вопросник был опубликован в 1989 г. под названием «Itämerensuomalainen kielikartasto». Kyselysarja. Сбор языкового материала осуществлялся по этому вопроснику либо в архивах, либо непосредственно от информантов. Финские и эстонские материалы являются исключительно архивными, как и значительная часть ижорского, водского и ливского материала, а карельские и велские материалы почти целиком собраны в полевых условиях.

Весьма интересным может быть сопоставление некоторых совпадающих вопросов «Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» и «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков».

Один из таких сходных вопросов касается реалии 'брус оконной или дверной рамы'. В Тихвинском и Медвежьегорском районах отмечается лексема **пéлька**, имеющая соответствие в велском языке и карельских диалектах. Ср. велс, *pel'* 'притолока, косяк (дверной, оконный)' (СВЯ:

¹ Так, например, для карты № 24 (представлена тремя вариантами) отмечается, что названия зимнего укрытия для крупного рогатого скота могут обозначать в прибалтийско-финских языках либо все строение, либо только его теплую часть. Карта 24.1 представляет общий обзор названий теплого зимнего помещения для крупного рогатого скота; карта 24.2 – более точное распространение некоторых лексем; карта 24.3 – двойное значение лексемы *läävä* 'хлев' (ALF 1: 160-164).

407), кар. сев. *pieli* ‘оконный, дверной косяк, рама’ (KKS 4: 261), люд. *piel* ‘то же’, ливв. *pielīne* ‘косяк (дверной, оконный)’ (СКЯМ: 264), при фин. *pieli* ‘край, сторона, столб, косяк (дверей, окна, ворот), основной брус лестницы’, ‘кол стога’ (SKES: 537). Следует отметить, что в прибалтийско-финских языках значение ‘подушка (для спанья)’ представлено словами, в основе которых лежит эта же корневая морфема. Ср. кар. твер. *pielus* ‘подушка’ (СКЯП: 206), ливв. *pielus* ‘подушка, основание, опора, колодка’ (СКЯМ: 264), вепс. *pöluž* ‘подушка, опора, подкладка, подоконник’ (СВЯ: 456), фин. *pielus* ‘подушка’ (ФРС: 459). Однако, в данном случае, вряд ли следует предполагать семантическое взаимодействие, поскольку и русск. **поду́шка** и фин. *pielus* функционируют в рамках семантической доминанты этих единиц в своих языках.

Лексема **бѣль** образует ареал на востоке региона, в говорах, непосредственно контактирующих с коми языком, и восходит к удорскому диалекту – ср. коми удор. *бѣль* ‘косяк’ (ССКЗД: 173). Причем в литературном коми языке функционирует в этом значении лексема русского происхождения: коми *курич* ‘косяк’, *ödzöc курич* ‘дверной косяк’ (КРК: 318), ср. русск. **курчина** ‘воронец’ (КЭСКЯ, 147). Однако, и слово *бѣль* в коми языке неисконно, а представляет собой древнее заимствование вепсского типа (КЭСКЯ: 38).

Еще одно слово, происходящее из коми языка, фиксируется в Холмогорском и Пинежском районах – это слово **зы́нза**. Основной, более частотный вариант **зы́нза** имеет значение ‘полка в доме над окнами во всю длину стены’. А. Подвысоцкий выдвинул немецкую версию происхождения данного материала, ср. *gesims* (Подвысоцкий: 57), к которой присоединился М. Фасмер, приводя также польск. *gzymś* (Фасмер 2: 109). Однако, даже более близкое по форме немецкое слово *Sims* ‘выступающий край, выступ на постройке’, связанное с латин. *sīma* ‘сточный желоб, верхняя часть колонны’ (EWD: 1634), вряд ли может служить источником для русского диалектного слова, ввиду локальности и отдаленности его ареала. Кроме того, следует исключить и возможность перстратного влияния (через культурное, книжное воздействие, через проникновение из плотницкой терминологической системы). Фиксация слова вне зоны возможных морских контактов исключает также в качестве источника и скандинавский материал, ср. норв., швед. *gesims* ‘карниз’ (EONDS: 219). Таким образом, коми ижем. *сымызы* ‘шесты, устанавливаемые в чуме стойки для подвешивания крюков над костром (к ним подвешиваются поперечные шесты)’ (ССКЗД: 353) следует трактовать как источник для русского слова. На коми почве данная лексема также не является исконной, ср. ненец. *сымызы* ‘вертикальный шест

внутри чума, к которому прикрепляются концы поперечных тестов для подвешивания крюков над костром' (КЭСКЯ: 268).

Точечный ареал образует слово **камáй**, отражающее ливвиковское влияние, ср. ливв. *kamai* 'перемычка, притолока, верхний дверной или оконный косяк' (СКЯМ: 122), при кар. твер. *kamaja* 'притолока' (СКЯП: 86), кар. сев. *kamoa*, люд. *kama*, *kamai* 'дверной, оконный косяк' (KKS 2: 43), при фин. *katana* 'притолока', саам. кольск. *katme* 'то же' (SKES, 153).

Таким образом, лексическая манифестация показывает незначительность финно-угорского материала – вепсского, вепско-карельского, ливвиковского и коми типа – в севернорусских говорах.

Манифестация лексемы **пéлька** находит соответствие на картах ALF, в котором вопрос «Дверной косяк» представлен на карте № 11. Данный материал представлен на 4-х картах.

На 1-й карте (11.1 *pieli* и старые заимствования) представлены гнезда корней *pieli*, имеющего широкое распространение на прибалтийско-финской почве, *hago* (балтийское заимствование), *piena*, *piina* (германское заимствование), *piit* (скандинавское заимствование). Как видно из материалов карты корень *pieli* имеет широкий прибалтийско-финский ареал.

На 2-й карте (11.2) представлены рефлексy шведских заимствований: *karmi*, *raami*, результаты русского влияния: *kosakat*, *stoikka*

На 4-й карте (11.4) представлена лексическая манифестация гнезда *pieli*, в вепском регионе представлена единица *pel*.

Карта АСЗЛ «Куча камней на пашне» также совпадает с картой ALF 94 «Куча, груда камней». Вследствие каменистой почвы в ряде районов Северо-Запада трудовая деятельность в прошлом на земле часто была связана с очисткой ее от камней. Ср.: *Если же их (камней) много, землю нужно косоровать, разделять косым ручным крюком*. Повен. Олон., Пришвин. (СРНГ 15: 68). Данная реалья имеет лесические манифестации только в западной части обследуемого региона. По нашим материалам только одна лексема представляет собой данные не исконного происхождения – **рóвница**, отмечаемая в Медвежьегорском, Пудожском, Сегежском, Кондопожском, Беломорском районах. Лексема **рóвница**, зафиксированная в Обонежье, на карте ALF имеет соответствия в финском ареале, в смежных карельских диалектах в настоящее время доминирует единица *ruoras*. В этимологическом плане, тем не менее, русское слово сопоставляется с кар. *raun'ivo*, при фин. *raunio* 'куча камней на пахотном поле' (Kalima 1915: 203). Ареальная дистрибуция подтверждает версию Калимы. Несомненно также и то, что в русских говорах лексема подверглась контаминационному воздействию и, возможно, переосмыслению, ср. **ровница** 'ровное место' у Куликовского.

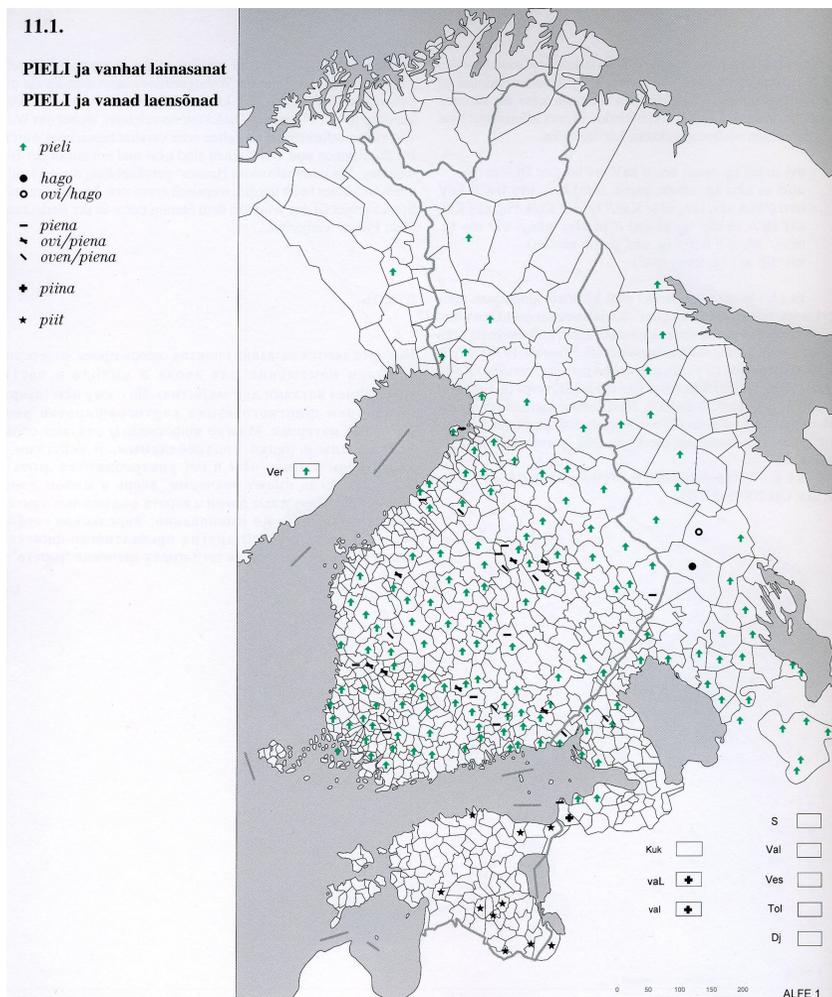
Другие исконные прибалтийско-финские синонимы – ливв. *kobareh* (СКЯМ: 147), *kiviruopas* ‘груда камней’ (СКЯМ: 145), кар. твер. *kiviruopaš* (СКЯП: 105), ижор. *müttö* (IMS: 324), *röökkü* (IMS: 498), не повлияли на русскую лексическую систему подсечно-огневого земледелия.

Фиксируются также новые карельские данные – ср. кар. *raunivo* ‘куча камней’ (Кестеньга, Ухта) (KKS 5: 42), ливв. *raunivo* ‘куча камней’, при вепс. *kiviroŋg* ‘груда камней на поле’ (СВЯ: 211), однако они не находят отражения на картах ALF. Отсутствуют также на картах ALF следующие лексемы: ливв. *kobareh* (СКЯМ: 147), *kiviruopas* ‘груда камней’ (СКЯМ: 145), кар. твер. *kiviruopaš* (СКЯП: 105), ижор. *müttö* (IMS: 324), *röökkü* (IMS: 498).

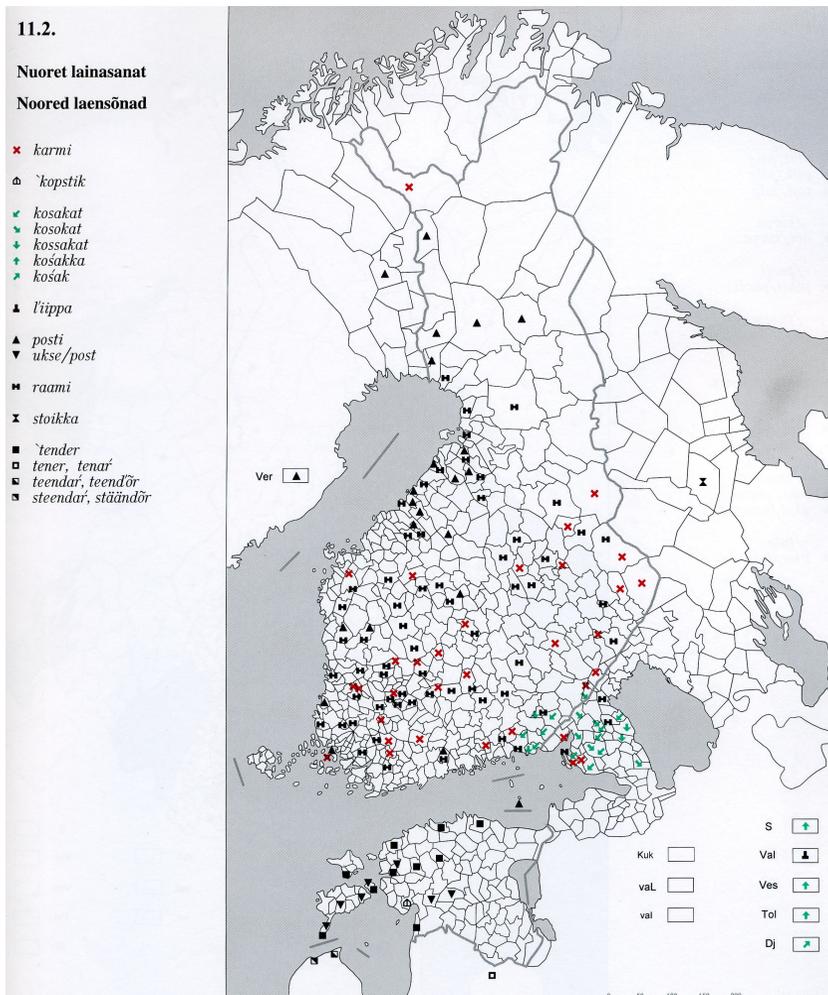
Лексема **рѡпас** отмечается в Олонецком уезде (Ведлозеро, Видлицы) (Куликовский: 101). Однако на этой территории в данных населенных пунктах проживали и проживают карелы и эта территория нами не включена в сетку обследования. На наш взгляд это может быть запись карельского *ruopas*.

При сопоставлении карт АСЗЛ и ALF ясно видно, что в контактных русско-карельских зонах в настоящее время доминирует кар. *ruopas*, а в русских говорах отмечается **рѡвница**, при распространении исходных данных для этого слова фин. *raunio* на территории Финляндии, хотя и в карельских говорах фиксируется исходный этимон *raun’ivo*. Таким образом, в русских говорах представлена более ранняя картина единого карельско-финского ареала. В настоящее время на карельской почве отмечаются инновационные поздние данные.

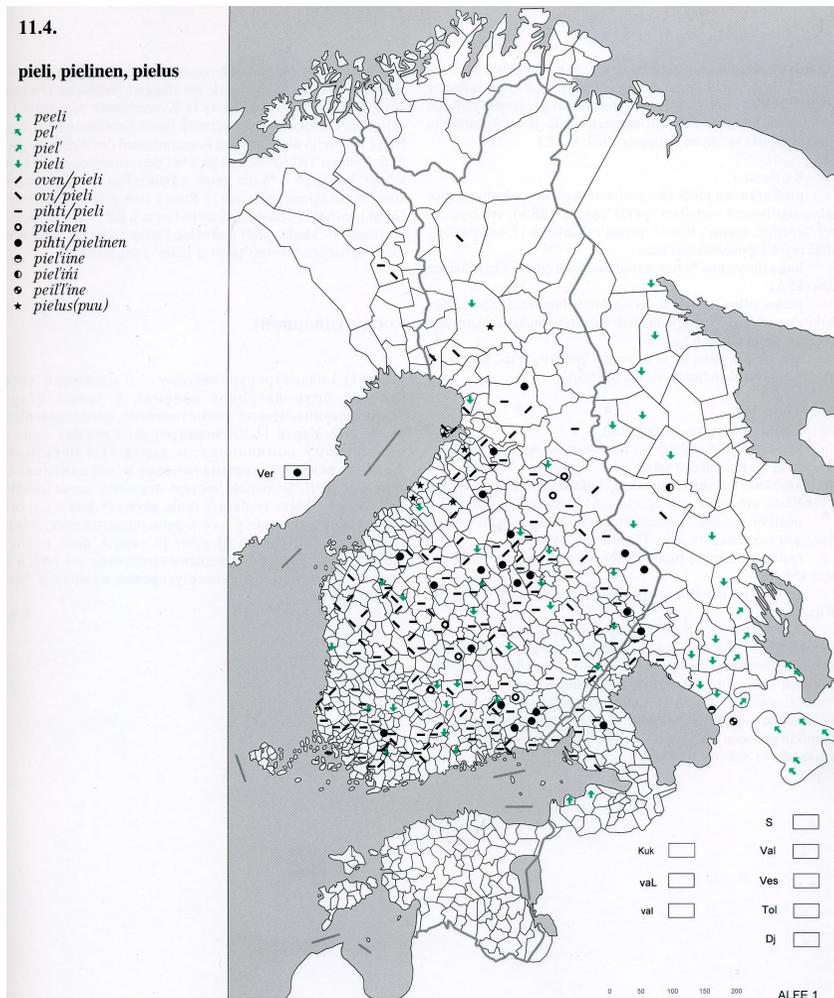
Дальнейшие лингвогеографические исследования русских говоров Северо-Запада (в том числе и по Программе ЛАРНГ) и сопоставление полученных результатов с данными прибалтийско-финской лингвогеографии позволят проводить более тщательные этимологические разыскания с их надежной верификацией. Сопоставление сходных или тождественных карт поможет получить «данные о географическом распространении заимствованной и субстратной лексики, может указывать на районы контактов русского и иноязычного населения и тем самым служить источником для воссоздания старой языковой и этнической географии Севера» (Дерягин, Комягина, 1972: 32–33).

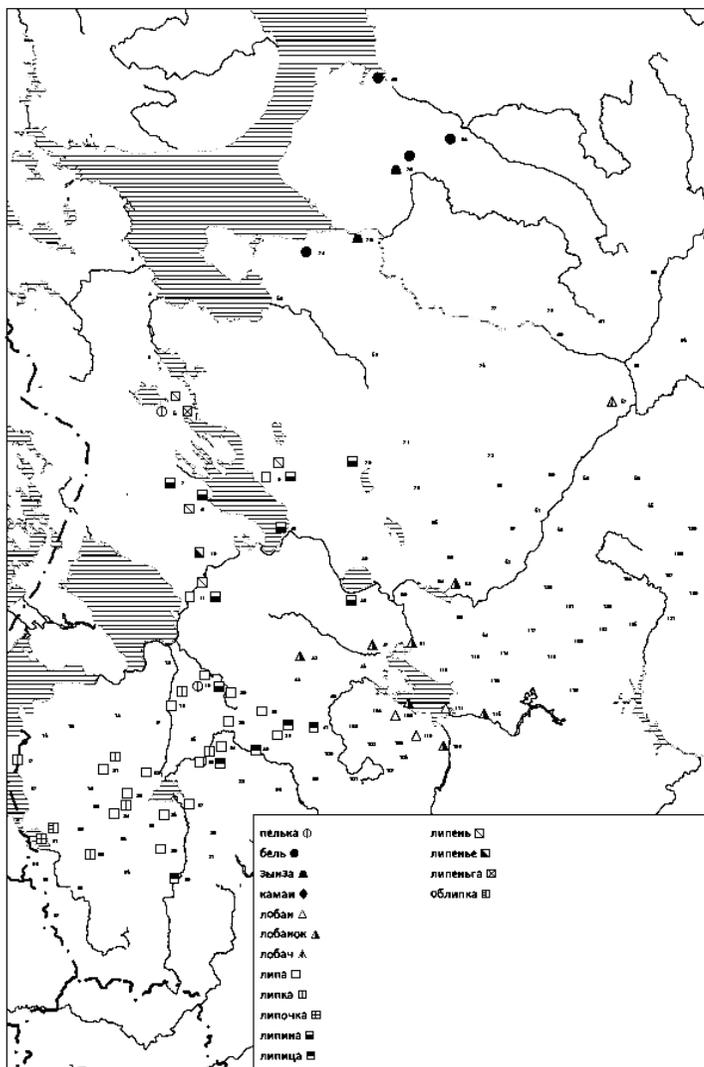
Карта № 11.1 Косяк, дверной брус и старые заимствования (ALF)

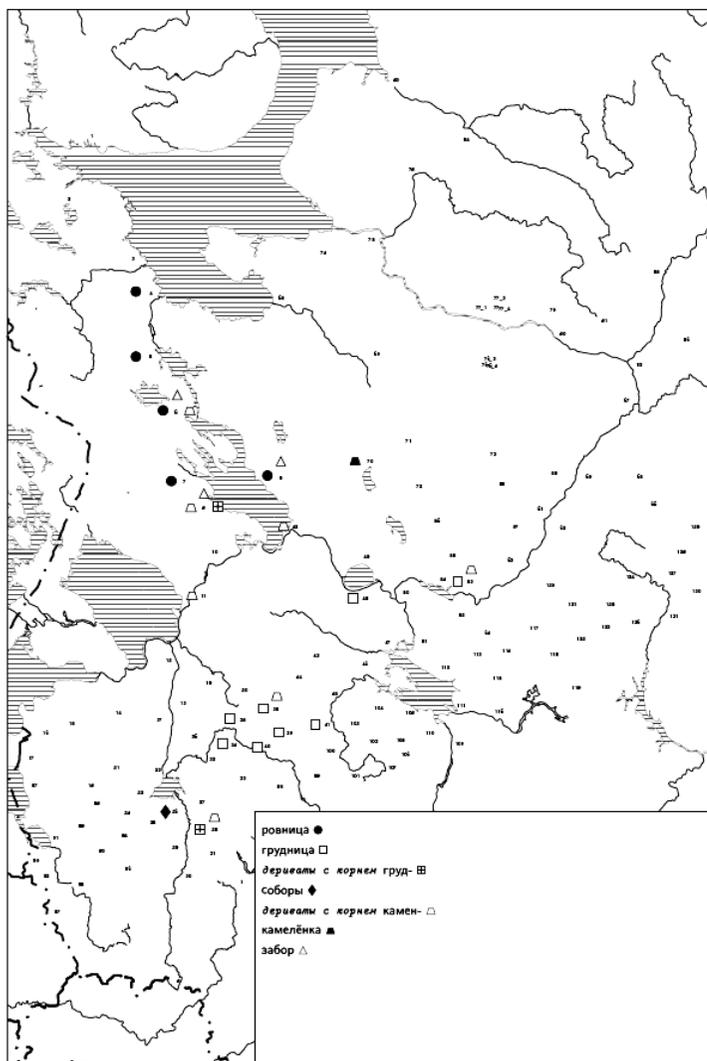
Карта № 11.2 Косяк – новые заимствования (ALF)

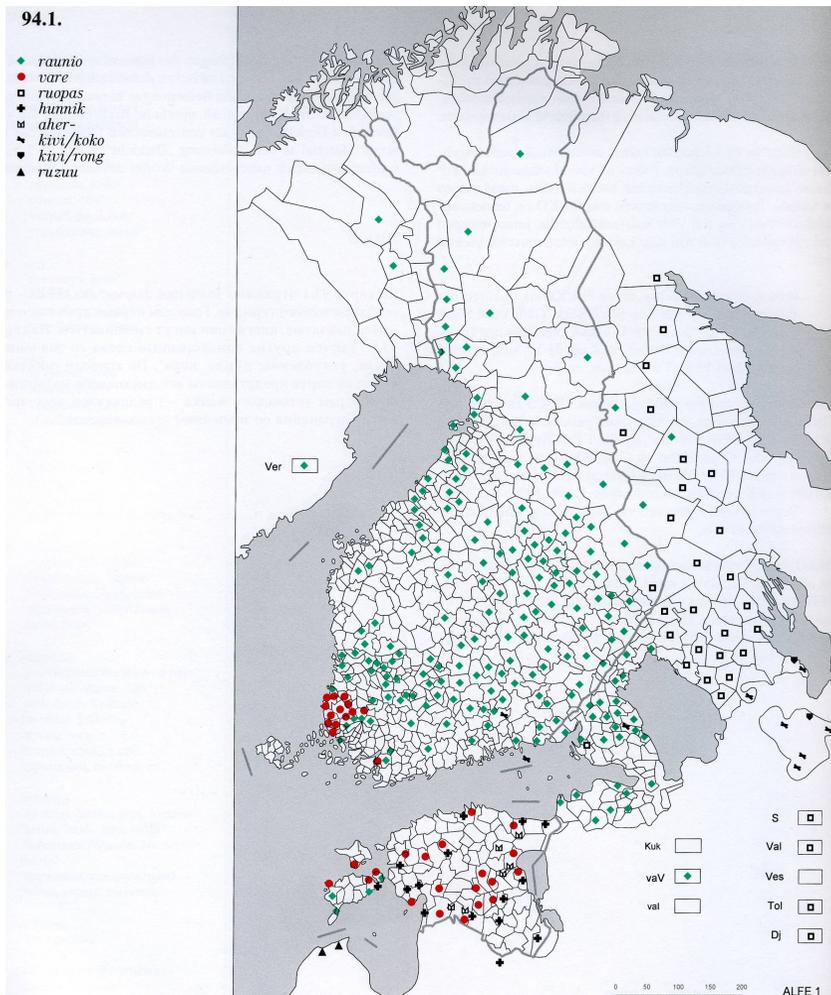
Карта № 11.4 Вариативность лекси́мы *pieli* (ALF)

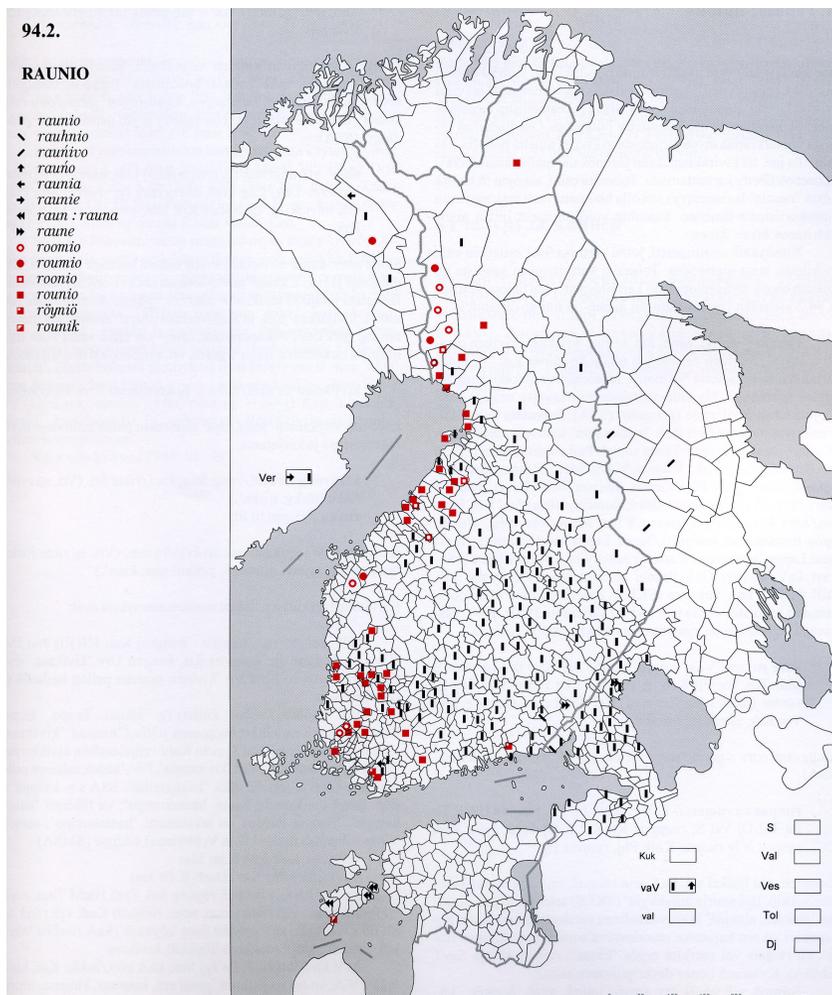
Карта АСЗЛ «Косяк двери, окна»

Карта АСЗЛ «Куча камней на пашне»

Карта № 94.1 Куча, гряда камней (ALF)

Карта № 94.2 Гнездо *raunio* (ALF)

Литература

- АСЗЛ 2003 – *Мызников С. А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2003. 360 с.
- Дерягин, Комягина 1972 – *Дерягин В. Я., Комягина Л. П.* Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах // Вопросы изучения русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972. С. 32–49.
- КРК – *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-роч кывчукöр. Сыктывкар, 2000. 814 с.
- КСРНГ – Картоотека Словаря русских народных говоров. Хранится в ИЛИ РАН.
- Куликовский 1898 – *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСЯЯ – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- Подвысоцкий 1885 – *Подвысоцкий А. О.* Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 197 с.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–16. Л.; СПб., 1967–2005.
- Программа ЛАРНГ – Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1–2. СПб., 1994.
- СВЯ – *Зайцев М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972. 745 с.
- СКЯМ – *Макаров Г. Н.* Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990. 495 с.
- СКЯП – *Пунжина А. В.* Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994. 396 с.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- Фасмер 1964 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- ФРС – Финско-русский словарь. Под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. Таллин, 1996. 815 с.
- ALF – Atlas Linguarum Fennicarum – Itämerensuomalainen kielikartasto. Helsinki, 2004. 464 S.
- EONDS – *Folk H., Torp A.* Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. Oslo, 1999. 1089 S.
- EWD – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin, 1989. В. 1–3.
- IMS – *Nirvi R.E.* Inkeröismurteiden sanakirja // LSFU. 18. Helsinki, 1958.
- Kalima 1915 – *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. 0.1–6. Helsinki, 1968–2005.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. 0.1–7. Helsinki, 1955–1981.

*Summary***On the New prospects in Research of Finno-Ugric Substratum
in the North Russian Dialects**

The list of adopted and substratum lexemes in Russian dialects localized in North-Western Russia and being of Finno-Ugric origin is elaborated on the basis of the linguistic geographic data.

Некоторые особенности фразовой фонетики в мещерском говоре¹

В современном состоянии говоров Рязанской Мещеры² в разной степени отражено историческое взаимодействие финно-угорского и русского языков, диалектов Ростово-Суздальской и Рязанской земель, современных диалектов Рязанской (Восточной) группы говоров, восточных среднерусских акающих и окающих говоров. Эти контакты определяют развитие среднерусских говоров вообще и мещерских говоров в частности.

Материалом для статьи послужили записи речи, сделанные в 1999–2005 гг. преимущественно в д. Уляхино (сейчас это Гусь-Хрустальный район Владимирской области, несколько раньше поселение относилось к Курловскому району). Деревни сельского поселения расположены на территории Мещерского края, на юге Владимирской области, в 15 км от современной границы с Рязанской областью. Это бывшая Парахинская волость Касимовского уезда Рязанской губернии.

Говор бывшей Парахинской волости находится на территории восточных среднерусских акающих говоров по классификации 1970 г. (Диалектное членение 1970).

Надо сказать, что этот район отмечен значимыми диалектологическими событиями. Деревня Уляхино, говор которой подвергнут подробному анализу в ранних работах О. Н. Мораховской, расположена приблизительно в 40 км от границы с б. Егорьевским уездом в бассейне реки Гусь, которая в среднем течении служила административной и диалектной границей ареалов оканья и аканья (в 10 км на севере и северо-востоке расположены окающие Владимиро-Поволжские говоры), в непосредственной близости от Уляхино (в 50 км к западу) находятся д. Лека (сейчас Шатурский район Московской области), известная по описаниям А. А. Шахматова – С. С. Высотского – Л. Л. Касаткина (Шахматов 1913; Высотский 1949а; Касаткин 1999, 378 и след.), с. Пустоша (Бубрих 1913, 1914; Тер-Аванесова 2001), с. Тихоново (Гвоздев 1949), д. Липовые Поляны³ и др. населенные пункты в междуречье

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 05-04-04118а «Говоры Мещерского края», и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», проект «Язык и традиционная культура русского крестьянства».

² Это не единственная группировка. Известны, например, мещерские говоры на территории Пензенской области (Бахилина 1957: 220–290).

³ В 2000 г. мною были сделаны записи в селе Тихоново (б. Ягодино). Сейчас это почти

Оки–Клязьмы (Строганова 1950; 1957), а также с. Новоселки и д. Деулино (ССРНГ) и др.

Первым большим и подробным трудом, анализирующим «диалектальные» особенности некоторых говоров Мещеры, явилась докторская диссертация казанского профессора Е. Ф. Будде «К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губ.» (Казань, 1896 г.) (Будде 1896, 28). Е. Ф. Будде особое внимание обратил на малоизвестные в то время говоры северных пределов Рязанской губернии, в которых был обнаружен ряд архаических фактов, заново, по его мнению, освещающих историю всего русского языка и судьбу древнерусских племен.

Одними из самых любопытных фактов из области вокализма являются особые дифтонги: «местами (особенно в Парахинской волости) встречаются дифтонги $\bar{y}o$, $\bar{y}a$ при известных условиях» (имеется в виду позиция заударного конечного слога. – И. И.). Однако методы лингвистического анализа материала, применяемые Е. Ф. Будде в работе, не учитывают позицию звука в слове (не позволяют различать вариации и варианты, основные и не основные представители фонем) и не позволили исследователю сделать необходимых выводов о природе неоднородных в артикуляционном отношении гласных (как ударных, так и безударных) и системных отношениях между ними, так что примеры, приводимые в качестве иллюстрации, нуждаются в иной квалификации и классификации.

* * *

В предлагаемой статье предметом рассмотрения является вокализм заударной части словоформы в говоре д. Уляхино.

Некоторые замечания к транскрипции: буквы в верхнем индексе в транскрипции имеют значение призвука. Например, [вóду^в] – после [у] следует краткий и слабый звук [э]; [п'át'^с] – ослабленная смычка у [т'], фрикативный призвук.

Гласные верхнего подъема (<и>, <у>) представляют самое устойчивое звено безударного вокализма в акающих говорах. Редукция носит, как правило, количественный характер, практически не сказывается на качестве гласного.

В уляхинском говоре дело может обстоять иначе.

исчезнувший населенный пункт, в котором остаются только дачники. Деревня Липовые Поляны (или Липовка, по-местному), уже исчезла и уникальный говор Липовки (см. ниже) уже исчез. В 2006 и 2007 гг. мною сделаны записи в соседних нас. пп., в которых нет прежних черт.

1. Неконечный заударный слог после мягких согласных

Гласные фонемы верхнего подъема <и>, <у> обычно реализованы в гласных [и], [у] соответственно: *в-ул'áх'инэ||, с'ифсэфск'ийь||, вэ-влад'ím'ур'ь||, нав'эс'илэс', с-малáйк'инэй||, аста́в'илэ, в-ул'áх'инэ||, пр'иход'ицэ-т, акс'бнэфск'ийь||, в-ул'áх'ин'ь||, б'ьзабрáз'н'ик'и-тэ, рабóч'ийи-т'и, с-акс'бнэфск'им'и||, вэ-влад'ím'ур'ь||, гас'т'ин'ицы, пэ-ул'áх'инск'и||, н'ьдарáз'в'итый'и||, малáйк'ина||; д'ер'эвн'у-тэ||, кáт'с'у-тэ||.*

Кроме звука полного образования [и] в соответствии с <и> может употребляться звук пониженного образования [и³] ([ь]) или гласный среднего подъема [е]: *вэ-влад'ím'ьр'ь||, йэз':ьл'ь* (ездили), *дэ-жэ́н'ьных||, сьб'ира́л'ес'ь||, н'а-нра́в'ьцэ, гатóв'ьл'ь||, н'ит'ьнк'и* («нитенки», деталь ткацкого стана), *праз'н'ек-т⁰||, балáн'д'енем||* (Баландиным), *н'и'лáz'ьл'ь||, л'йтк'еня||* (лидкина), *ба́р'еньвь||, ба́р'еньвь||, вьрьс':ьл'ь||* (вырастила). Эта особенность заударного вокализма отмечена в говорах на юго-востоке Московской и северной части Рязанской области, в д. Уляхино⁴. Появление *е* или *а* на месте *и* прежде фиксировалось лишь в конечном закрытом слоге (Аванесов 1949б: 121–122)⁵. Сегодня эти факты отмечаются и в открытом неконечном слоге. Можно предположить расширение сферы функционирования вариантов фонемы <и> – [ь] | [е] в заударном неконечном слоге.

С. С. Высотский указывал на возможность редукции гласных верхнего подъема в говоре Ялмоти (старое название волости по реке Ялма, в которую входила д. Лека) и соседних районов. Им ставятся в связь следующие явления: 1) значительное ослабление гласного (вплоть до полной редукции, выпадения): *на ул'цу, ул'ца*; 2) понижение *и* в подъеме и ослабление звучания до гласного [ь] в словах мужского рода «с формативом *-ин, -ик*»: *ба́р'ьн, татáр'ьн, ма́мк'ьн, папáн'ьн, ча́йн'ьк, ма́л'ч'ьк, па́л'ч'ьк*. Это явление служит источником характерных ошибок в тетрадах учеников.

Не известно, случайно ли, что все приведенные С. С. Высотским примеры редукции гласного и имеют общее условие – положение в 1-м заударном слоге после *á* (Высотский 1949а: 38–39).

Примерно половина исключений от общего числа в группе с [ь, е] в уляхинском говоре отмечены в слове *Владимир*.

⁴ (Аванесов 1949б: 121). Этому вопросу посвящен отдельный § 113 этого труда.

⁵ Надо полагать, что слово *ба́р'ен*, к примеру, прежде при склонении меняло реализацию фонемы <и> – [е] ([ь]) или [а] на «обычное» [и]: *ба́р'ен*, но *ба́р'ина*?

2.1. После твердых согласных

Гласные верхнего подъема <i>, <u> представлены звуками [ы (ы')], [у (у')] соответственно в зависимости от того, перед твердым или мягким согласным они находятся: *жанáтый, пр'ирóдный, гарáздыи́лл, прóшлый, с'ýл'ный, нэ-пáбóч'ный, н'ýдарáз'в'итыхлл, нэ-ч'ет'в'óртый, устáлый, цéлый, знáкóмый, сáмых, jáгáды-т, ф-п'ёрвый, прóшлый, на-п'áтый, гáтó:выйл, гáл'ýн'иных, кудр'áфцывыхл, дэ-жéн'ьныхл, ад'ýнэцтыйл; зáмуш, пр'ийéдут, зáмуш, ч'ýркнул, зэ-áфтóбус, пр'ýмутлл, т'áннутлл, ч'ó-н'убут'л.*

Отступления: *балáн'д'енемлл* (Баландиным), *стáрейлл* (старый), *стáрехлл* (старых). Известная уже фразовая позиция (ll) и гласные, пониженные по подъему относят примеры этой группы к случаям фразовой редукции (изменения) гласных типа *бáр'ен, плóт'н'ек*, описанных выше.

2.2. После мягких согласных гласные верхнего подъема <i>, <u> реализованы звуками [и], [у] соответственно: *нач'ýс'т'ит'лл, вэ-влад'ýм'ир'лл, с'ýфс'эфск'ий, с'м'ейáл'ус'л, кýрлэфск'ий, вэ-влад'ýм'ирлл; правóд'ут, зэкупáйутл, таргýйут, зэкупáйут, н'е-нóс'утлл, нóс'утлл, нэзывáйут.*

Во всех примерах с отклонениями прослеживаются два известных условия. Первое – конец фонетической фразы, а второе – обязательное понижение подъема языка при образовании гласного.

[ь]: *залóбк'ьнлл, хóд'ьт, разгрúз'ьмлл, пр'ихвáт'ьилл, настáв'ьиш, в'ýд'ьш, н'ь-застáв'ьш, раз'jéxэл'ьс'лл, нав'ёрин'ьклл, бáр'ьн; [е]: пл'ем'án':еклл, плóт'н'еклл, плóт'н'ег бýллл, кóрм'емлл, вып'ет'лл, м'ьл'енкóфск'ей'лл, jéz':емлл, с'евóд'н'ьшин'ьй, мál'ин'к'ейлл, н'е^a-кóс'ет^hлл, jéz'ел, дóжд'еклл, дóжд'еклл, трудэустрóел'ес'лл, малóд'ьн'к'ехлл, рэскудáкэл'е[с']лл, пóмн'емлл, прáв'емлл, сат'ó'ýл'ес'лл, смóтр'емлл, д'в'é'эт'ехлл, гутáр'емлл, выхóд'емлл, смóтр'емлл, п'рихóетлл, нац'áл'н'ек зап'ýсвэ^л'ес'лл, раз'jéxэл'ес'лл, настáв'еиш, напрóт'ьф, брóс'и'т'л, мál'с'ек (мальчик), байáл'ес'лл, байáл'е'с'лл, эт'амл, пó'стáв'еиш, прáз'н'еклл, прáз'н'ег, прáз'н'ег б, н'ь-нахóд'емлл, хвáстыетлл, н'а-пóвн'емл, пóвн'ем, нав'ёрин'еклл, сáд'еклл, астáв'ет'лл, рэзвэд'ýл'ес'лл, рэзвэд'ýл'ес'?лл, нар'ád'н'ин'к'ейлл, бáр'енлл, бáр'енлл, д'è бáр'енлл, з'д'éиш'ейлл (здешний), з':éиш'ейлл, балáн'д'енлл, бýл балáн'д'енлл, кáлым'еллл, кáлым'еллл, jéz':еллл, пòтэкалым'еллл, вьýцыс':емлл, нав'эс'ет'лл, н'ь-застáв'ьш, грúз'ет'лл, пáдм'эт'еллл, хóд'етл, л'ýс'енлл, пр'ијéd'ьт, хóд'еишл; [э, а]: нав'эйиш'эклл, гòд'аклл.*

Гласный в соответствии с <i> может быть представлен целым спектром звуков в диапазоне от [и^е] и [ь] до [е] и [а] (*эт'амл*). Примеры употребления гласного *a* «в соответствии с ударенным *и*» в случаях типа *вýл'ал* (ср. *л'ýл*), *н'é-п'ал*, *вып'ал* (ср. *п'ýл*) и др. были отмечены в говорах Рязанской мещеры

Р. И. Аванесовым (Аванесов 1949а: 171). Материал говоров, находящихся на юге от Уляхино, «ставит под сомнение фонетический характер этой замены», так как употребление гласного [а] в соответствии <и> наблюдается только в определенной грамматической категории (прошедшее время глаголов мужского рода единственного числа). Л. П. Смолякова не соглашается с точкой зрения Р. И. Аванесова, она видит фонетический процесс, который шел следующим образом: *вѣп'ил* > *вѣп'иел* > *вѣп'ел* > *вѣп'ал*. Последнее представляется Л. П. Смоляковой закономерным на общем фоне акающего вокализма (Смолякова 1977: 135–136).

Фонему <у> в особых фразовых условиях представляет лабиализованный гласный среднего подъема [о]: *ругайотл*, *рѣз'б'ирайотл*, *д'эльйотл*, *мойотл*, *сѣб'ирайотл*, *нѣматайотл*, *замот'отл* (замочат), *гатѣв'отл*, *фтыкайотл*, *н'ь-падлѣжывьйотл*, *н'е-знайотл*, *кракѣйотл*, *ругайотл*, *выкѣпѣйотл*, *руб'отл*, *стаѣв'отл*, *выкѣпѣйотл*. Лишь в одном случае это дифтонгоид с первой частью в виде гласного [о], а второй – с кратким редуцированным гласным (призвук) непереднего ряда [ъ] *знайотл*. Похожие примеры понижения гласных фонем у и и как после твердых, так и мягких согласных отмечены Л. П. Смоляковой в говорах Волго-Камья, а также в муромских говорах летом 1966, 1967 гг. и зимой 1967 г.: *мѣдне*, *сл'ѣзе*, *зап'ил'е*, *увод'и* *н'ев'ѣсто*, *нѣ мойу-тъ ногѣ*, *н'ѣто*, *в ѣту стѣроно*, *он'и посѣд'от*, *вѣн он'ѣ квѣхч'от* (куры), *ткѣне шубѣ*, *сырафѣне*, *пѣлушѣлк'е*, *згор'ѣл'е*, *убспѣд'е*, *в н'ѣд'ѣл'ѣ*, *н'е в'ѣжо*, *из гѣродо*, *дл'а стѣрѣх*, *вел'ѣл'е*, *замуцѣл'ес'* (Смолякова 1977: 136–137). «Явное структурное сходство» фактов расширения гласных верхнего подъема и их дифтонгизация дает основания Л. П. Смоляковой для вывода об общности происхождения указанного явления на территории Волго-Камья, в муромских говорах и говорах Рязанской Мещеры (материал в нас. пп. Парахино, Сивцево, Астахово, Уляхино, Фомино, а также в д. Ванилово Воскресенского района Московской области собран в экспедиции летом 1965 г.). Важным структурным условием особой реализации этих гласных, совпадающим во всех трех диалектных ареалах, является положение гласного в заударном конечном слоге. Наиболее распространенным признается переход *и>е* в прошедшем времени глагола (*бѣл'е*, *хад'ил'е*); к редким чертам относится переход *у>о* и *ы>е* (Смолякова 1977: 133).

3. В заударном конечном открытом слоге

3.1. После твердых согласных гласные фонемы верхнего подъема <и>, <у> реализуются в звуках [и], [у] соответственно: *мѣжывы*, *трѣбы*,

зап'исъныл, байцобылл, боръзды, лапаты, шахты, ав'ины, штобы; спрафкулл, кварт'иру, н'а-б'уду, пь-другому, на-выстьфкулл, инструм'ьнтулл, дъ-шь-пърашб'ку, косу, зъ-в'ер'обфу, н'етулл.

Отступления в реализации гласных фонем верхнего подъема связаны с фразовой фонетикой. К случаям фразового понижения подъема гласных верхнего подъема следует, видимо, относить пример у-ан:е?л – «у Анны?», бр'овnell – «брвенн» (в-л'асу драва п'ил'ил'ил бр'овnell), калхозы^елл. Но прежде всего такие отступления характеризуют реализацию фонемы <у>:

[о, о^у]: нь-дарозолл, косо наб'иул, бутылку^олл, косо^ллл, сторъно^ллл, сразолл, асново^ллл, эт'о ватолл (эту вату), л'иш сунолл (лишь суну).

[ӯ, уа, о̄, о̄^у]: н'е-б'удӯлл, н'а-б'удуа^ллл, ну-варьфкуа^ллл (на (=в) Уваровку), пад-ру^м с'кӯ^ллл, н'етӯ^ллл, в-ызбӯ^ллл, кад'еч'ко̄^ллл (сказочку, подражание детской речи), скаско̄^ллл, кад'еч'ко̄^ллл, нь-работд̄^ллл, ат'н'имд̄^ллл (отниму^д), рад'у-тӯ^ллл (рожу-то), ат'н'имд̄^ллл, н'ето̄^ллл, пьлав'инкӯ^ллл, зарплатд̄^ллл, нь-работд̄^ллл, н'ето̄^ллл, на-лавъцукӯ^ллл, каропкӯ^ллл, каропко̄^ллл.

[о^в,ъ]: асново^ллл, на-свад'б̄ (на свадьбу).

Здесь обнаруживается тот же процесс понижения подъема гласного верхнего подъема в конце фонетической фразы с сохранением ряда образования гласного. В некоторых случаях можно отметить дифтонгический или дифтонгоидный характер гласного, соответствующего фонеме <у>, который отражает переходные фазы образования звука. Эта особенность заударного вокализма в наибольшей степени присуща носителям традиционного слоя говора и, соответственно, старшей нормы произношения.

Пониженное образование фонемы <у> (в т. ч. с дифтонгизацией) факультативное явление в говоре, но достаточно частотное. Здесь любопытно сопоставление примеров, встреченных как в позиции конца фонетической фразы, так и не в этой позиции: 1) йа̄ш:ык'и ф-сторъну ухб̄тлл а йа̄ ш'ыт̄а̄йу скб̄к̄ йа̄ш:ык'ф там пр'имутлл; в-эту сторъну и ф-тӯ сторъно̄^ллл, 2) ја̄ так-ть н'е-б'удӯ^ллл пь-сканда̄лу н'эт н'эд гвар'улл пь-сканда̄лу гурр ја̄ н'а-б'удӯ^ллл; а йа̄лл ја̄й б'удӯ ждас'л капалкӯ^ллл кад̄а̄лл.

3.2. После мягких согласных.

Гласные верхнего подъема <и>, <у> в конечном открытом слоге после мягких согласных реализуются в звуках [и], [у] соответственно: рад'ит'ьл'и, эт'и, был'и, гр'атк'и^ллл, д'эль'и, д'эн'г'и, дал'и, давал'и^ллл, зарьбьтк'и^ллл, за-йа̄йцъм'и^ллл, залб'к'и^ллл зна̄йу, н'ь-быва̄йу^ллл, прбишлуйу, пракорм'улл, шейу.

⁶ Только при замедленном воспроизведении гласный конечного открытого слога воспринимается как дифтонг. При обычном скоростном режиме он оценивается как узкое, закрытое [ô].

Отступления в реализации гласных фонем верхнего подъема связаны с особым характером их фразовой реализации. Так фонема <и> в конце интонационного единства может быть реализована шкалой звуков от монофтонга переднего ряда [и] через средний подъем до гласного [е] и дифтонгов [иа] ([иь]) и [еа] ([еь]), в которых первая часть представлена гласным верхнего или среднего подъема переднего ряда, а вторая – гласным ниже-среднего или нижнего подъема среднего ряда.

[ь]: *пар'áтк'ь*, *бы́л'ь*, *уйа́ж:áл'ь*, *бу́тыл'к'ь*, *н'ет'^дéл'ь*, *аткázал'ь*, *д'^дéвч'к'ь*, *са-сп'ич'к'им'ь*, *плат'ыл'ь*, *д'én'г'ь*, *д'én'г'ь*, *йéс'ь*, *спра́шывэл'ь*, *сáм'ь*, *зъ-гр'ибáм'ь*, *мáт'ьр'ь*, *мáт'ьр'ь*, *у-мáт'ьр'ь*, *брáл'ь*, *звáл'ь*, *йéз':ьл'ь*, *йéз':ьл'ь*, *п'ил'ыл'ь*, *пáзвáл'ь*, [три] *н'ет'^дéл'ь*, *сáжáл'ь*, *пáб'édьл'ь* (пообедали), *д'в'éc':ь*, *с'-н'эм'ь*, *пр'иеж:áл'ь*, *з'д'éc'у-бáуик'ь*, *гвар'ыл'ь*, *пр'áтк'ь*, *у-п'лав'ын'ь*, *ым'ьрл'ь*, *ламáм'ь*, *дá-пáлк'ь*, *на-вáр'ыик'ь* (на vareжки), *с'ид'эл'ь*, *зар'эзъл'ь*, *ым'ьрл'ell*, *пъп'исáл'е*, *дáч'н'ик'ell*, *пáбрáр'ь* (побрали), *пл'иты-т'ь*, *раш'^сч'áсывэл'ь*, *затóв'ьл'ь*, *éc'л'ь*, *мáт'ьр'ь*, *тáк'ь р'эзъл'ь*, *к-мáт'ьр'ь*.

[е]: *с-нám'el*, *нáцыйell* (нации), *пр'ьтс'адáт'ьл'el*, *н'ь-бáмб'ыл'ell*, *сушы́л'ell*, *бы́л'ell*, *раш'ч'áсывэл'ell*, *рúшыл'ell*, *мáлól'ell*, *засóхл'ell*, *ис''-н'éч'к'ell*, *пр'áл'ell*.

[еь, иь, иа]: *ткáл'е^ь*, *п'ьр'еп'эл'е^ь*, *бы́л'и^ь*, *эт'им'е^ь*, *нуч'ыл'е^ь* (научили), *пáймáл'еá*, *кáтáлс'е^ь*, *д'эвч'к'е^ь*, *аб'урáл'е^ь*, *хтó да-скóл'к'и^ь*, *кáтáл'е^ь*, *зашл'áлс'и^ь*, *а у-мáйэй-т'и^ь*, *нóкт'е^ь*, *атабрáл'е^ь*, *дáл'е^ь*, *пълушáл'к'е^ь*, *пълушáлк'е^ь*, *эт'е^ь*, *эт'е^ь*, *узр'ыл'и^ь*, *пáлк'и^ь*, *пáйл'и^ь*, *л'уд'иá*.

[а^ь, ь]: *н'ь-нас'ыл'а^ь*, *н'е-вз'áл'ь*.

[е]: *рúк'ell*, *н'ит'инк'ell*, *рукáм'ell*, *с'ém'йell*, *далб'ыл'ell*, *кац'áл'ell*, *ткáл'ell*, *сб'ирáл'ell*, *с-кpужавáм'ell*, *клáл'ell*, *л'уд'ell*, *бы́л'ell*, *зъкрывáл'е*, *зъп'ирáл'ell*, *н'ь-в'ел'эл'el*, *бáмб'ыл'ell*, *р'ьс'т'илáл'el*, *сушы́л'el*, *тап'ыл'ell*, *смáзывэл'ell*, *наб'ылк'ь*, *жéз'д'ил'ь*, *сáм'ell*, *бы́л'el*, *в-áр'ми'jell*, *вз'áл'el*, *д'в'é р'эч'к'el*, *уjэхъл'ell*, *буkáшк'и-т'ell*, *пáпáдъл'ell*, *дáйл'ell*, *пр'ьвáжáл'ell*, *т'ep'èз'-ул'цү-т'ь*, *п'ьр'áр'адáл'ell*, *стару́х'и-т'el*, *узр'ыл'ell*, *гвар'ыл'el*, *нъзывáл'ell*, *зъдар'ыл'ell*, *гъвар'ыл'el*, *нъуч'ыл'el*, *бы́л'ell*, *р'ьзавáр'ивэл'el*, *дó-с'м'ирт'ь*, *вывад'ыл'ell*, *нас'этк'и-с'е'?*, *пл'асáл'ell*, *пукáл'ell*, *д'в'эс'к'ell*, *а вóт нав'эриш'н'ик'ell*, *бы́л'е*, *пар'эзъл'ell*, *д'^дв'él' д'эвч'к'ell*, *сáм'ell*, *нън'имáл'ell*, *с'ид'эл'ь*, *д'эл'ьл'ell*, *манáтъвы-т'^сell*, *бы́л'ell*, *жéз':ил'ell*, *атабрáл'ell*, *р'ашы́л'ell*, *н'е-вз'áл'ь*, *у-кóл'и-т'ell*, *у-с'ар'óг'и-т'^сell*, *пáхáл'ell*, *пáхáл'el*, *важ:áм'ell*, *у-мáт'ьр'el*, *бы́л'ell*, *бы́л'ell*, *у-кáт'и-т'el*, *з'д'эл'ьл'ell*, *у-шур'и-т'ell*, *дар'ыл'e*, *на-мáт'ьр'ь*, *ат-рабóт'ell*, *зар'эзъл'ell*, *бы́л'ell*.

Как видно из примеров, фонема <и> реализуется звуками, которые различаются 1) степенью напряженности и, соответственно, подъемом образования; 2) степенью развернутости компонентов сложного гласного: [и], [и̃], [иа], [е], [е̃], [еа], [ь], [а^б], [ь]. Очевидно, что, например, *узр'и́л'и̃* и *узр'и́л'el* – явления одного порядка, но представленные различными функциональными вариантами.

То же можно сказать относительно фразовой реализации фонемы <у>. Она также может быть представлена рядом вариантов (монофтонгов, дифтонгов и дифтонгоидов): *таку́йô ð̃m̃ll*, *ад'евáйу̃^оll*, *з'эм̃л'oll*, *в-руч'ну́йoll*, *дл'и:н̃йoll*, *в-ыстón'ийoll*, *д'ер'эвн'oll*, *д'ъв'ит'им'эс'ьш':ну́йoll*, *з̃м'еш':áйôll* (замечаю), *смóтр'у̃ll*, *н'а-смóтр'òll*, *смóтр'òll*, *н'а-знáйôll*, *какúйôll*, *ч'итáйôll*, *ч'итáйôll*, *н'а-знáйôll*, *кóрм'òll*, *ат'н'ímôll*, *ат'н'ímôll*, *пáйéd'òll*, *рад'ý-ту̃ll*, *кóрм'òll*, *накóрм'oll*, *н'этòll*, *р̃ьстáп̃ьр'у̃ll*, *н̃-н'ед'эл'oll*, *выруц'áйôll*, *н'а-пóмн'oll*, *фтару́йoll*, *акóс'ol*, *акóс'oll*, *п'ján'п'ján'jòll*, *какúйol*. В слове *таку́йô ð̃m̃ll* появление [ð] объясняется межсловными фонетическими процессами ассимиляции, влиянием губной артикуляции ослабленного *w* (на него указывает узкий начальный монофтонг в слове *вот* – [ð]т как «артикуляционная память» о губно-губном согласном).

Важно заметить, что финальный гласный, например, в слове *ат'н'ímòll*, только при замедленном воспроизведении воспринимается как дифтонг: *ат'н'ímôll*. При обычном скоростном режиме он может оцениваться как узкое (закрытое) [ð]⁷.

В 1947 г. была проведена диалектологическая экспедиция в бывшую Парахинскую волость, где примерно через 50 лет после Е. Ф. Будде в трех селениях (с. Парахино, дд. Уляхино и Астахово) были вновь сделаны записи речи. С. С. Высотский показывает, что дифтонгоиды *уô*, *иe* мало употребительны и встречаются только «в архаическом слое говора, которому свойствен медленный темп речи» (Высотский 1949б: 85). Характерные особенности «дифтонгов» и долгих гласных, описанные им, следующие. Во-первых, растяжение гласных отмечается в конечном слове «синтагмы». Это универсаль-

⁷ Вот как описывает это явление в говоре дд. Астахово, Парахино, Уляхино С. С. Высотский: «Неоднородность гласных в местном говоре может выражаться более или менее плавным понижением степени их подъема. Особенно характерно проявляется деформация верхних гласных *у*, *и* (*у* – после твердых и мягких согласных; понижение *ы* в примерах сейчас не отмечено). В результате образуются сложные гласные типа *уô*, *иe*, иногда – с несколько ослабленной звучностью первой или второй части. Встречается и довольно четкое звучание конечных *е*, *о*, однако *о* здесь обладает ослабленной лабиализацией, порою совсем стирающейся <...>» (Высотский 1949а: 85–86).

ная возможность используется всеми гласными, но особенно подвержен модификации гласный *a*. Во-вторых, очень важным оказывается «признак местного вокализма» – подвижность артикуляции при образовании гласного. Как правило длительность долгого гласного равна длительности дифтонга, но зафиксированы и заударные дифтонги с незначительным продлением. Отмечены все описанные выше типы фразовой редукции гласных: дифтонгоиды, дифтонги и монофтонги типа *n'étu^ob*, *n'ét^ob* (нету) или *našo^t*, *s'éj^ob**t*. Здесь кажется очень важным замечание С. С. Высотского относительно употребления гласного *o* в заударной позиции: «к оканью это не может иметь прямого отношения, поскольку здесь деформируется фонема *y*, но фонема *o* в таком положении варьируется по обычной системе аканья» (Высотский 1949б: 86).

Любопытно, но даже через 50 лет после экспедиции С. С. Высотского и О. Н. Мораховской оказывается, что черты безударного вокализма, которые оценивались как архаичные еще в 1947 г., и сегодня остаются функциональными и являются наиболее активными в речи информантов, обладающих высоким темпом речи. Видимо, специфическая редукция гласных связана все же не столько с темпом речи, сколько с особой интонацией завершения (фразы или речевого такта).

3.4. После мягких шипящих фонемы <i>, <u> реализуются звуками [i], [ʷ]: *бывáлч'и*, *тыш'и*, *бывáлч'и*, *тр'и нбѳ'ы*, *на-дáч'у*ll

Отмечены и отклонения в реализации этих фонем. Прежде всего следует сказать, что редукции в этом положении подвержен гласный *y* (в виде дифтонга или сжатой реализации дифтонгической дуги с быстро сменяющимися друг друга частями, образуемыми на малом артикуляционном пространстве), причем только в речи представителей среднего и старшего поколения: *пр'áжуѳ*ll, *хлыш*:oll, ср. *хлыш*:y; *м'эл'н'еѳ*ll, ср. *в-бал'н'иѳу*; *палѳжолл*, *палѳжѳлл*, ср. *палѳжу*; *бармѳѳ'*ol; *кар'м'ил'иѳѳ*ll, ср. *кар'м'ил'иѳѳ*l. Фонема <i>: *n'ján'целл*, особого внимания требует слово *бѳду кар'м'иѳ:ыѳ*ll – ‘буду кормиться’. Здесь фонема <a> реализована понижающимся дифтонгом [ыѳ]. Ср. также редкий пример, иллюстрирующий редукцию гласного <i> в конечном открытом слоге после твердых согласных *бр'ѳвне* – ‘бревны’.

В отношении специфической редукции гласных верхнего подъема в заударных слогах следует заметить, что решающим здесь оказывается не столько положение заударного гласного в открытом или закрытом, конечном или неконечном слоге (эти словесно-просодические факторы оказываются

лишь сопутствующими, сказывающимися в известной мере на артикуляции и акустике звука⁸), сколько положение слова в конце интонационно-ритмического единства.

Основные изменения гласных заударных слогов связаны с действием причин интонационного характера. В работе О. Н. Мораховской часто можно видеть замечания относительно интонационной обусловленности тех или иных вариантов. Вот, например, типичное и абсолютно справедливое замечание о вариативном характере гласных [ъ]||[a] в заударном конечном открытом слоге: «Появление того или иного звука, по-видимому, не вполне факультативно, но определяется условиями ритма и мелодии речевого потока; употребление *a*, кажется, преобладает в конце интонационно-ритмических единиц» (Мораховская 1957: 182).

Влияние диалектной просодии на фонетический облик слова – несмотря на отдельные имеющиеся материалы – до сих пор изучено слабо. Между тем русские говоры могут представлять в этом отношении любопытный материал для изучения истории русского языка и сопоставительных исследований как с точки зрения синхронии, так и диахронии.

Во многих акающих говорах Рязанской мещеры и в окающих говорах Владимирской области, граничащих с этой территорией, отмечаются более длительные и «ясные» гласные заударного конечного открытого и закрытого слога, приближающиеся «по качеству и силе» к гласному первого предупредительного слога: *гóрат, гóрьдам, л'и́шьва, свѣбад'и́т'ьл'а*. Такая просодическая структура слова отмечается при «замедленном темпе речи, например, в конце синтагм» (Высотский 1949б: 71–72). При том же интонационном условии образуются безударные гласные конечного слога с «расплывчатой артикуляцией» (дифтонги и дифтонгоиды) (Высотский 1949а: сноска 1 к с. 21) в соответствии литературным монофтонгам.

Следы «царства дифтонгов» в «стране древних вятичей» (Будде 1896: 28, 37) и продление гласного в заударном конечном слоге, обнаруживаются и сегодня в говорах юга Владимирской области (б. Парахинская вол. Касимовского уезда Рязанской губ.), которые являются периферийными для мещерского ареала, но до сих пор сохраняют указанные черты в системе вокализма.

В говоре д. Уляхино отмечены отступления в реализации гласных фонем неверхнего и верхнего подъема в заударных слогах (после твердых соглас-

⁸ В закрытом слоге, например, артикуляционное «скольжение гласного по дуге» будет несколько ограничено консонантной смычкой в конце звучания, в чем проявляется консонантная природа согласного-ртосмыкателя.

ных в соответствии гласным фонемам неверхнего подъема обычно отмечается редуцированный гласный непереднего ряда [ъ], а после мягких согласных – редуцированный гласный переднего ряда [ь] (если исключить случаи грамматической аналогии); в соответствии фонемам <и>, <у> произносятся [и (ы)], [ʹу (у)]. Каждая из гласных фонем <а, о, е, и, у> в заударном конечном слоге реализуется также вариантами, появление которых не может быть объяснено только лишь действием просодии отдельного слова (в данном случае – нормативной редуциацией безударных гласных).

В заударном конечном слоге факультативные разновидности гласных фонем были представлены следующими вариантами.

<а>: долгий [a:] – неравномерный гласный [ã] – гласный [à] с побочным ударением;

<и>: [и:] – [и̃е] – [и̃е̃] – [е̃а] – [е] – [ä] – [а] ([ы] – [ы̃а] – [ы̃а] – [ы̃е] – [е̃а] – [е] – [а]);

<у>: [у̃о] – [у̃а] – [о̃а] – [о] – [а]. В закрытом слоге встречены как дифтонги, так и монофтонги, а в открытом слоге монофтонги почти не отмечены.

Фразовые реализации гласных фонем представляют собой многочленную, как правило, градационную шкалу (парадигму), доминантой которой является «нормативный» вариант, а крайним членом – звук, подвергшийся максимальной модификации в результате действия специфической фразовой просодии.

Сегодня:

а) Конечный закрытый слог после твердых согласных:

<а, о, е>: [ъ] – [ъ^а] – [а].

<у>: [у] – [у^о].

<и>: [ы] – [ы] – [а].

б) Гласные заударного конечного закрытого слога после мягких согласных.

<у>: [у] – [о] – [о^ь].

<и>: [и] – [е] – [и^ь] – [ь] – [ъ] – [а].

в) Заударный конечный открытый слог после твердых согласных.

<а, о, е>: [ъ] – [ъ^а] – [а^ь] – [а] – [а:].

Отдельные случаи различения <о> – <а> в постпозитивной частице *то*.

<у>: [у] ([у^о] – [о^ь]) – [у̃а] – [у̃а^ь] – [у̃ь] – [ôь] – [о̃ь] – [ô^ь] – [о^ь] – [о] – [ъ].

<и>: [ы] – [ы^ь] – [е].

г) Заударный конечный открытый слог после мягких согласных.

<а, о, е>: [ь] ([и] – [е^ь] – [е] – [е̃ь] – [е̃^ь].

<у>: [у] ([у^ь] – [у̃ь] – [ô] – [о]) – [ỗь] – [ô^ь] – [о̃ь] – [ô^ь] – [а^ь].

<и>: [и] – [иа̃] – [и̃а] – [и̃^б] – [ь] ([е] – [еа̃] – [е̃а] – [е̃^б]).

Модификации гласного в открытом слоге сегодня гораздо богаче аналогичного варьирования в закрытом слоге, т.к. артикуляционное «скольжение по дуге» понижения подъема не ограничено консонантной смычкой в конце звучания. Здесь отмечены как дифтонги и дифтонгоиды, так и монофтонги. Надо сказать, что варьирование гласной фонемы <и> после твердых согласных сегодня представлено немногочисленной шкалой.

Подвергнув анализу случаи отступлений от генеральной закономерности заударного вокализма (с учетом положения фонетического слова во фразе), удалось выяснить, что абсолютное большинство таких примеров обнаруживает общее условие – позицию в конце фонетической фразы или речевого такта.

Анализ современной фонетической системы говора д. Уляхина и опубликованных диалектологических материалов по соседним мещерским говорам позволяет предположить, что в мещерских говорах примеры типа *гóрат*, *гóрьдам*; *плóт'н'ек*, *плóт'н'ак*, *двóрн'е̃к*; *руб'и́л'иа̃*, *то́п'о̃в̃* (*топо* – ‘топлю’) и проч. – явления, связанные между собой. Анализ факультативных вариантов гласных в подсистеме заударного слога в говоре Уляхина позволяет проследить градуальные изменения качества и количества звука. Здесь снимается зачастую неразрешимая задача восстановления самого фонетического процесса, который бывает представлен в говорах лишь своим конечным результатом, когда «исследователь может констатировать факт замены данного звука другим, может определить откуда исходило влияние, принесшее новый для говора звук, но как осуществлялось но как осуществлялось вытеснение исконного и усвоение нового для говора звука – нередко остается неизвестным» (Пеньковский 1967: 196).

Направление реализации гласных фонем в заударном конечном слоге слова, находящемся в конце интонационно-ритмического единства, в говоре Уляхина можно представить так: достаточно протяженное во времени понижение подъема гласного с сопутствующим ослаблением напряженности артикулирующих органов. Именно это создает «певучесть» уляхинского говора (Мораховская 1951; 1957). Указанная черта является, по-видимому, финским наследием (Смолякова 1975; 1977; 1979), но сегодня она органично развивается на русской артикуляционной базе. Относительно просодического оформления слова важно заметить, что «долгота и растянутость некоторых гласных» (имеется в виду [а]), отмеченная Е. Ф. Будде и О. Н. Мораховской, квалифицировалась ими как побочное ударение, которое может быть достаточно сильным (*ма́ла*, *н'а бо́л'нь ну́жна̃*; *дъж:ык-а́т* – ‘дождик-то’). Сегодня

подобные факты могут быть отмечены лишь в речи старейшего представителя говора – Ратниковой Д. Т., а в речи среднего и старшего поколения отмечается только «растянутость», то есть долгота гласного [a] (из *o, *a), превышающая обычную длительность гласного в заударном конечном открытом слоге. Прежде все гласные в конечном слоге слова (прежде всего открытом) могли быть представлены неоднородными гласными с артикуляционным понижением подъема. Все, кроме гласного [a], так как артикуляционное понижение подъема гласного [a] невозможно, но в результате специфической фразовой редукции этот гласный может получить продление, свойственное дифтонгизированным гласным, находящимся в конце фразы.

Важно заметить, что большинство редких диалектных черт в этом говоре проявляются именно в конце фразы.

Интонационная особенность говора отражается, например, и на реализации согласных фонем. Смычные согласные *m, m', d, d'*, следуя правилу ослабления напряженности в конце фонетической фразы, получают фрикативный призвук, также могут преобразовываться в аффрикату или фрикативный звук.

К этому располагает некогда широко распространенное шепелявое произношение свистящих и фрикативная реализация зубных *m, m', d, d'* вне зависимости от позиции во фразе.

Ниже даны отдельные примеры употребления аффрицированных и шепелявых согласных, соответствующих [т], [т'], [д], [д'], а также примеров с придыханием в последнем слоге слова. Большинство таких примеров встречено в конце фонетической фразы или речевого такта.

[т^с]

- йему́ н'ел'з'á дъв'ер'áт^{'с} | зъ-с'игар'э́тъм'и хад'ít['] ||
- хоч'у́-уш и'áйн'ич'ьк настáв'ит' | т^{'ш} айку́ пап'ít^{'с} ||
- э́т твайá мáт^{'с} | рабóтъл
- йá-бы н'а-ста́ль с'-н'ьм жы́т^{'с} ||
- ја́иць плат^{'с} э́л'и | м'áсь со́рък к'илазрám ||
- wút тў́т вóт э́т'и вòт | ја-т'ь зwуйу́ | вòт манáтъвы-т^{'с} e ||
- а йá гъ^w р'у́ а мóй хтò б'уд'ьт аб'ирáт^{'с} ||
- а вòт у-с'ар'òг'и-т^{'с} e ||
- а в-аб'э́т^{'с} йа пашлá да́йт^{'с} | анá м'òртвьйь ||
- а д'э́с'ьт' ч'ьлав'э́к ф-п'ьр'ед'и́ т^{'с} áнут ||
- а тó дн изб'лавлáлс'ь в'инò п'ít^{'с} ||

- ап'ёт'л бу| бӯд'ьш плат'^{с'}ит'^{с'}зá:| зь-рыхл'ён'йь| и за-куч'ивън'ийь⁹||
- бай'ёц|| а он ы ч'ьлав'эк-ть кӯр'ицы бай'алс'ъ гольву атруб'ит'^{с'}||
- вóт ана аб'ягн'илс'| мн'е-бы н'е-надь йей хл'ёбь-ть давáт'^{с'}| да^в-атруб'ей-ть||
- вóт кáт'ъ-ть жев'óт| ть| знáьш кáт'^{с'}у-то||
- вóт'^{с'}с'евóд'н'ы| дв'енáцтвъ мáйь ат'ёц ым'ьр||
- г'ёнъ| пьмаг'и мн'е кас'ит'^{с'}||
- гд'е ц'овó с'д нàт пькас'ит'^{с'}||
- дá| ын нърабóт'ицъ| нáдь-бъ ад:ахнүт'^{с'}| а у^н с'-н'им'и с'ид'ёл||
- зар'ёзъл'ь йаwб^в|| вьитъи:ет'^{с'}||
- зь-налóг зьплат'ит'^{с'}||
- н'ид'ёл'и д'в'е-бы нáдь jó вадóй пáйт'^{с'}||
- нү й лáднъ| стáл'и за-н'ей пьдзр'авáт'^{с'}||
- нал'ит'^{с'}?||
- на-рьнък-ть нáдь в'ес'т'^{с'}и|| нáдь машыну| зь-афтóбус нáдь плат'^{с'}ит'^{с'}||
- н'ьр'абóрк'и-т'^{с'}и н'е-быль||
- плат'^{с'}ил'и||
- плат'^{с'}ил'ь| за-д'ён'г'и рабóтъл'и дá:ат||
- тáк'já и н'е-^фспóмн'илъ| кáг звáт'^{с'}||
- ты-ш:ъ жыв'óш гур'у ч'ужьым ыз'д'е^нв'ёнцъм¹⁰ нъ-мајей гу^р с'п'ин'е с'ид'ишл и бӯд'ьш ты нъда-мнóй камáндъвът'^{с'}||
- д'и нàм н'ь-бал'ёт'^{с'}11||
- у-нáz былá т'^{с'}óт'^{с'}ь||
- ф-с'ьл'сав'ёт'^{с'}ь||

[Г^{с'}]

- дáъ|| пь-другóму гъвар'áт'^{с'}||
- н'е:т'^{с'}|| сас'ёт' ф-с'ифсвъ'ь кóс'ьт мáт'ьр'ь||
- кáг друг'ийь н'ёт| мът'ер'ей-ть б'јут'^{с'}||
- йá н'-дáмс'ь б'и^м'с'||
- а в-аб'ёт' йа пашлá дайт'^{с'}| ана м'óртвъйь||
- а д'ётствъ-т^{с'}ь былъ вáјен:ыйь||
- кхъ| дъ-пáжáлуй-шт'ь||

⁹ За окучивание.¹⁰ Иждевенцем.¹¹ Вот где нам не болеть?

- и вóт^с самá зы| зы-сабóй зъм'еи':áйбѣ||
- а н'е-йá-бы| н'е-знáй т^сò и д'эльт^с||
- йá н'-дáмс'ъ б'и^с||
- а тўт-ш вòт йаи:ò бўш плат^сй^мс'||

[с'] (в том числе [с'т']>[с'])

- тáм астáльс' нáйн дамóв д'эс'ьс'||
- јéс'||
- óн жен'ýлс'еѣ| и жен'э н'э-гд'ь рабóтъс'||
- óн н'ь-пáйд'òт кас'ýс'||
- а йéхът' нàдъ с'-н'òм| рабóтас'||
- а д'эфк'и знáй пл'асáс'||
- а нóн'ц'ъ и н'е-знáй кáк мн'è дайт'ýс'||
- ан'ý мóжъд дóм'ик кўн'ут тáм д'э-н'ьс'||
- ан'ý-жъ бўдут нъ-кварт'ёр'ь жыс'||
- ансáмбъл'-тъ јéс'||
- и клáс' вòт јéс'||
- и мал'ýнъ јéс'||
- кáк шé:с'|| и т'емнó шèс'||
- л'ýткь-т в-зыпк'ь кас'áльс'¹²||
- м'эс'ьц с-ц'эм'-н'ес'||
- мá:н'ьн'к'иу| зьставл'áл'и рабóтас'||
- мáт' ýш:у| гвар'ýт| т'òмнъй нóс'||
- нъ-н'евó с'уды вòт нъд'áйўт| кал'áсъч'кў какуй-н'ьс'||
- пл'асáл'и|| јá т'è| јá т'è гор'ý нóгу по^астáв'еиш скар'эй-бы пъл'асá^мс'||
- с'в'акрòф'-т' анá| ум'эль пр'áс'||
- с'-н'ò д'эн'з'и н'а-брáт^с||
- тáк ан'ý и јéс'||
- тáм камў с'энь гр'èс'||
- тут'ушкъс'||
- у-м'ен'á катушкь јéс'||
- хат'эль зажéс'||

С придыханием

- пр'ушóл ка-мн'е^м||

¹² Качалась.

йá jéiǎll já вон бы jéiǎ ná цэдз¹³ бы сагналэ ф кэнурыйл а с':эну бы атламáлэ и гур н'э:тll já тák тэ н'е б'удуэлл пэ скандáлу н'эт н'эд гвар'уǎll

Куда б согнала?

пэ скандáлу гуру já н'а б'удуáll вòт сас'эткэ тóжэ в'ербавáлас' ll óтl р'áдаэмll ауáл а у нас с'н'эй былá бáн'аl аднáll нэ гарóд'елл ид'óm с'н'эй в бáн'уl анá и гвар'ит мн'éll сас'эткáл сас'эткáll куды мы с'табóй jéd'еáмll какáйэ у нас с'т'абóй усáдбá:¹⁴ á ?ll и мы рас:тáн'ьмэ'э с'н'эй ?ll тák мы и н'ь р'ашы́л'улл а jéz':ил'у т'и н'е знáй скóкэ| с'б' ll ну| тákóй вòт нац'áл'н'ек с'б jéz':илл с'б нас угавáр'ивэлл тák уш мы и атлажы́л'улл йáл зап'úсывлас'| и брáт мòй зап'úсвэлс'э| вòт как'ий вэ влад'им'ир' уjéxэл'ell а йá н'ь пáйэхэлэ| и эн'и н'и хтó н'ь пáйэх[ал]ll

мн'б':гəll

мн'б':гə зап'úсвэ'л'ес' ll

а этэ облас' рэзр'ашы́лэ ...ll

а патóm уш стáл'и мы т'уд в'д'ер'ев'н'ь т'ь жы́т' тэ| ман'эн'к'э пакурáт'н'ей с'е¹⁵ll ан'и фс'э кáил'ис'| на кóй мы уjéxэл'улл

Там не лучше?

н'éетll ф стóх рáс хужы'ы тáмll т'ут с'òтк'и свáйá рóд'енэ| и с'б свáйóll кáк рóд'ь с'б свáйó ч'уствуйцəll

ан'и тáм ф пасл'éd'н'э вр'ém'э стáл'и хэрашó жы́т' ll ан'и| тáм ... [пáднэүэр'йл':э] ll и ф ков'рóф уjéxэл'и в гóрэтll

и ф каврóф фс'э раз'jéxэл'ес' ll мнóгэ раз'jéxэл'ьс' ll кáк уш т'ут| аб'ед'н'эймll п'jáн'целл

ктó пab'едн'эйll с'х'ém'йь бал'шы́йьll

wó бyкáшк'и т'ell сp'ézэл'и стар'уху|

Много?

ý::ылл вòт фцера́ йá прыскáлэ эт'им'едəll фцарáл измáзэлэс'| вòт пэлáт'йá¹⁶ ап'ес' с'б над'элэll ауáл н'ь ад'ин н'ь ад'ин' н'и у'пáлл já: брызгáлa и н'ь аб'ирáлэлл а с'awóд'н'э ан'и агр'обныйь на эт'иу бэразóáxll агр'обныйьл прòстэ агр'обныйьll

эт мóр плахóйll

¹³ На цепь.

¹⁴ Тв. [ð].

¹⁵ Поаккуратней-то.

¹⁶ Слово произнесено со смехом.

каéишн¹⁷ плахóйлл тада́ како́ м'ьс' стáрейлл тада́ так так'и́ т'и брálл
 в_эус'èлл кáк папáдэл'èлл а йá т''ó м'ут''илэс' талл с' в'адрóм тэ н'ика́к
 н'е мо́ц пэ м'ажé т'и прайт'и́т'лл а с'áс с'ó аб'ира́йу д'у́рэ jàl д'у́рэлл
 аб'ирáлэ бы и аб'ирáлэ йàлл é шó¹⁸ в_в'ед'óркэ хлыш:у и хлыш:oll рукóйл
 в'én'ис'кэмлл рукóйлл

... карóв дай́л'èлл

на_этэл кáк! ...

нэ [балд'áх]лл а карóвы т'и и л'ага́йуца́ òтл и хлыш:этл хвастóмлл

ругáйуц:э дайáрг'и́ т'и́лл

а м'ы с'ò мáтэмл с'ò мáтамлл ...лл

òн этэл óнл ... кака́й т т'ру́л т'ру́пкэ былáлл так óт в_рóт патáв'ьт¹⁹лл ...лл

н'этл кака́й т кэлат'у́шкэ у_н'ó былáлл ...

м'ы прэважáл'и этэ́ в'у́тл вас'к'áлл

Кого?

вас'к'áл òн тáм в_áрм'ийу́лл в_áрм'ий прэважáл'èлл а кóл'э с'ын мóй тáм
 былл а у_н'ó тóжэ така́й тэ вòт наéрнэл ц'ó тэ зап'исывáйт'лл ну́ йá
 п'эс'н'у сыгрáлал а н'ь харóшэйу сыгрáлэ [смех]лл óн ы фкл'уч'и́:лл
 фкл'уч'и́лл ну́ вóд гва'р'у́й вóт анá гвар'у́ [смех]лл aháll

... пл'асу́н'йа:лл а с'áс у́ш с'^шóл нóшк'и н'ь пэдымáйуц:oll <...>

... прáз'н'икэ н'ис'авòэлл рáн'шел мэлад'óш тэл з_гармóшкэйлл тáм
 на_клу́лл т'ер'èз' у́л'цу_т'ь бы́лэ д'инò^òлл фс'á мэлад'óш сэб'ирáлэс'
 к_н'æм'у́лл з_гармóшкэй вы́до'т'лл а б'вáлэ пл'асáт' тэл нóгу вòт тák
 пастáв'ешл скар'ей́ бэл вы́б'ьжэс':! кавó бэ абагнáс'лл òàлл а ш'áс с'òлл ш'áс
 ы пл'есáт' тэ н'е знáйут пайд'у́т'лл пл'асáт' тэ пэд_гармóшкэ
 н'ь пáдлáжывэйот'лл мэлад'ы...! мэлад'óш талл ан'и́ н'иц'ó н'е знáйот'лл
 тэнцавáт' ймлл

и ф_т'ру́шк'инэ хай́л'! и в_ыл'ич'óф'к'и хай́л'! и ф_с'и́фцэвэ хад'йл'и́лл а
 тó нэ_р'ак'у пайд'у́т' <...>лл

а м'ы хад'йл'и́л вóтэл

нэ_р'ек'у́лл

ну_вáрэфк'уа²⁰лл вòд дз'é ц'и́рквэ тэ тáм былáлл туды^òлл

на_б'éлы́йэлл гд'é б'éлы́йэл былá

¹⁷ Конечно.

¹⁸ Я все.

¹⁹ Гиперизм явления с'т'/ст > с':/с:

²⁰ На Уваровку = в Уваровку.

нзыв'ал'ис' | нзыв'ал'ис'э б'элыйэ|| пайд'омт'ь на б'элэвэлл в'от паиш... |
пайд'о:м! ч'эр'ьс' р'акү: | пабл'и́же! н'ьр'бр'ад'ал'елл

Почему называли так: «белая»?

н'а зн'ай <...>|| пайд'омт'ь на б'элэвэлл а паш'амү н'а зн'ай||
<...>|| в'от у нас! мала́хэвэ нэзыв'а́ьцә|| в'од запрүдә [түт]|| а т'ам в'он
с'и́фцәвэл т'ам нзыв'ал'эс' у м'о:стә! т'о́жә хайл'и т'ам|| <...>

на м'и́тр'ий ив'анч'э м'э́л'н'е́цүэ||

ра́н'шь в'ьс'ал'э́йә былә! н'а к'ак с'ич'ас||

а с'ас ц'ав'о́лл с'ас пр'аз'н'ек' т'о́лл м'ы т'о́ старүх'и т'е! пәд ак'н'ом
ув'ид'ем|| то́л' т'ил'ив'и́з'ьр' н'аз завл'о́кл н'а зн'ай|| а й'а а й'а в'ы́йду
пәд ак'но́! пәг'л'е́жү... | д'э́н'ь коо́ н'э́т ы й'а: : дам'о:й <...>||

нү ка́дә пр'идүт|| х'то пр'ид'о́т а к'то и н'э́т||

к'то н'рид'о́т пәд ак'но́ тә||

... [д]а́! та́м с'ә²¹ с'о́ р'э́м'ә! с'ү́ ж'ы́с' с'әб'ира́йүцә на то́м кан'ц'е́л

А здесь почему не так?

н'е зн'ай||

<...> друго́й нар'о́т [смех]||

нү з'э́с' нар'о́т прои:ы! в'от на э́т'им кан'ц'е́л! з'о́'эс' прои:ы! та́м х'ужы
нар'о́т|| ја ат:о́дәвәл та́м х'ужы! ја с'уды́ в'от ә! в'ы́шлә з'амүш! и мн'э́ тү́т
лү́тшы пандр'ав'илэс' ||

... в'от к'ат'ә тә́ жев'о́т! т'ы́ зн'а́шы к'ат'с' у то́лл

в'од д'э́ э́тә с'аз заслү́жын:э́йә та! гус'о́нкәвә таәл! в'о́т! пат':и́ напр'о́т'ьф
јей тү́т п'ет'ис':э́н:ый д'о́м||

о́н е э́тәл||

ана́ а ан'ы́т пәкүп'ал'и д'о́м тә́ на́ш||

... уј'эхәл'и вә́ влад'и́м'ирл! ма́т' тә́ ум'ар'лал! а с'астра́ уја́ж:а́ләл! та́:кл
а́һал! <...> [покупал] м'ин'о́к да́ ?|| м'ин'о́к! ат'э́ц' и́ейо́л! а тү́т уи
м'ин'о́к тә́л! ат'э́ц' а зар'э́зәл! зар'э́зәл л'и́лл гәвар'а́т н'э́т! ана́ сам'алл а
зар'э́зәл о́н јей'о́лл ан'и́ н'и́л'елл зар'э́зәл ы ат'э́ц' по... | ма́т' тә́ зар'э́зәл
н'ар'о́т! ат'э́ц'! по́шл'и²² по́м'ерл! и аста́лэс' к'ас'ә в э́т'им дам'я́л||

... [это] у гус'о́нкәв у́ ан:е ?|| э́тә в'от у́ заслү́женә́йлл м'ы о́ с'о́
заслү́жынә́й зав'о́м! ана́ ан'и́ жы́л'и в'ыл'ис'²³ о́фк'и́лл э́д го́лу атруб'и́л'и́
э́т ф! пар'а́х'ин'елл атруб'а́л||

... н'е п'ја́ный бы́лл||

²¹ Там-то.

²² После.

²³ Голову, рефлекс *w.

Не в уме?

н'е зная́лл с'э́ с'э́ рэс':ес':а́л итдл'лл е́тл вѳт е́т пара́х'инə́лл и́е²⁴ и́е и́у
зна́лэ е́т'и и́ л'у́д'иал а вѳд забы́лэ шы́лл

<...> с'ѳ гəвар'и́лл э́д эр'эх'јео²⁴ пап'утə́лл ѳтлл у'н'и́у бы́лэ ру́ч'калл а́на́
а́н':и т'и н'е рѳднə́йлл

пагрѳмч'ь гəвар'и́лл

мајей́ с'а...лл <...>лл а мн'е́л мајей́ с'астр'е́л а́на́ дѳц'лл дəвəјурднə́йлл ѳ́тлл ил
нарѳт тə́ гəвар'а́тл нуч'и́л'еэ²⁵ пəджыгə́д' д'ер'евн'олл а́на́ пəджыгə́лэ
д'ер'евн'олл ил'ич'ѳфку сəжгə́лл ф'трушк'инə́й пəджыгə́лэлл дѳр згəрə́лл
дə́ ?лл патѳм у'на́л к'на́м в ул'а́х'инə́ п'ьр'еи́лл к'на́м в ул'а́х'инə́ пр'еи́лл
у́тл з'д'эс' бəпкə́ жы́лə́лл с'эм'ис'ə́д дѳ'м иш'а́с гд'э́ лар'исə́ м'ихə́лнə́
жєв'ѳтлл т'үд бəушкə́ жєлə́лл вѳт а́на́ у'н'ей́ нə́ц'авə́лэлл нə́ц'авə́лэ²⁶лл илл тѳт
ѳт јѳ́ е́тəлл јейѳ уэр'и́л'и́лл уэр'и́л'елл а́на́ и́лэ с'кн'и́шкə́йлл с'кн'и́шкə́йлл и
хат'элə́лл вѳ́тə́ а́на́ ма́йə́ снахə́лл а́на́ ум'арлə́лл вѳ́т с'а́с т'үт л'и́д'и́й
эр'игѳр'ь²⁶нə́ жыв'ѳ́т в э́т'им дѳ́м'ьлл с'ѳ́ дн бы́л ма́::л'ин'к'и́й дѳ́м тə́лл э́тə́
и²⁶йѳ астрѳил'и²⁶ тəкѳй тəлл дə́лл и тѳ́жə́ хат'элə́ тə́м пəж:э́ч'лл а́на́ и
гəвыи́тлл дə́ хтѳ́ тə́ прышѳ́лл гə́т к'на́м с'кн'и́шкə́йлл а́н'а́ зная́ гə́т хтѳ́лл
а паи́лə́лл а́на́ тə́мəлл вѳ́т'лл ²⁶јей́ н'ь удалѳ'с'лл а патѳ́м уш'ейѳлл а́на́ и
гəвар'и́тлл а́на́ и а́на́ пəджыгə́етлл и́ай бѳ́х а́на́лл т'үт м'ил'и́цый пр'и́эхə́лэлл
а́на́ с'н'и́м'и́д'ѳ́тл па́д ру́²⁶с'к'у́элл вѳ́:тл ктѳ́й т пəджыгə́етл тəв'ѳ́ ба
в əгѳн' брѳ́с'и́т'л а самə́лл дə́лл н'у́ и́ лə́днə́лл стə́л'и́ за н'ей́ пə́дзр'авə́т'²⁶лл
стə́л'и́ за н'ей́ пə́дзр'авə́т'лл вѳ́т в ьл'ич'ѳф'к'и́д'н'бумл хат'элə́ зəжэ́с'лл
в əнбə́р'еə́лл з':элə́лэ́ кəкѳ́й тə́ фə́к'елл уш'пѳ́с'л'е́ с'ѳ́ гəвар'и́л'елл на́ пə́лку
нə́батə́лə́лл э́т'ѳ́ вə́тə́лл б'ен'з'и́намлл и в əкѳи́щкə́лл сəвə́лэ́ вѳ́т кудə́лл
н'а́ в ы́збу́а:!

ф'пѳ́тпə́лл

в əмбə́р'л əмбə́р'лл əмбə́ры рə́н'шы нəзывə́л'елл а́на́лл вѳ́т и́ейѳ́ тə́м сас'э́ткə́
ув'и́дə́лэлл сас'э́ткə́ ув'и́дə́лэ́ зəкр'ис'а́лə́лл и с'эм' рə́ска́зə́лэ́ и јейѳ́ пə́ймə́л'еə́лл
ув'ез'л'и́:лл а н'и́ тѳ́ л'уш' с'ѳ́ зə́дар'и́л'и́лл н'е зная́лл дə́ кан'э́шнə́
зə́дар'и́л'елл и јей́ н'ис'ѳ́ н'е́ бы́лэлл в бə́л'н'и́у пə́лəжы́л'и́ на с'кѳ́кə́ тəлл и
фс'ѳ́лл гə́лəв[ой] пə́лѳ́лл

... а́л а́ л'у́д'и́ з' гəвар'и́л'елл э́тə́лл нə́уч'ѳ́ ѳ́ныйə́лл нə́уч'ѳ́ и́л'и́ гə́т и́ейѳ́ а́на́ и
пə́ж:ы́гə́лэ́лл а т'ѳ́ нə́уч'и́л'елл ц'ə́м'у́ н'а́ зная́емлл у'на́з ѳ́лл у'м'ен'ə́ бы́л'и́

²⁴ Частое явление переноса ударения на предыдущий слог при выпадении интервокального согласного.

²⁵ Научили.

²⁶ Отстроили.

р'ьб'ет'ишк'и мán'ьн'к'ийә́ была́ старухә́ с'л'анайә́|| с'в'екрѳ²⁷|| aháll
л'йткә́ т <...> в зыпк'ь кас'алә́с' || <...>|| а эт вут утл || н'эйвэй²⁷|| мál'с'ек
ван'ушкә́ кóлә́ талл ан'и́ уж б'ыл'елл н'у́ уш н'ь н'ь пар'адэиныйә́ а шә́
мál'ин'к'ий с'э́ б'ыл'елл над'энут п'инжач'к'и па'йдү́:ттл с'э́ выхад'ил'ил²⁸ с'э́
Фс'э́ выхад'ил'и изл

краул'ил'ил

краул'ил'ил фс'у́ нбч'и с'ид'эл'и в агарбд'ьл

вон анал вон ана́ гә́т хойтл || вон ана́ вон ана́л

а д'э́ т:там́ д'э́ т'омно²⁸ || у́ бán'и у́гә́л тә́ т'омнайл || вон ана́ вон ана́
в угу́ стайтл

Пугали друг друга?

байáл'ес' || н'ь пугáл'и а байáл'ес' || вә́ вла'им'ьр'ь ујэхә́лә́ в'ишлә́ зáмуш
тáмл || в'ишлә́ зә́ харбшә́вә́л || <...> || а с'астра́ тә́ астáв'илә́ йейб́
д'в'ит'им'э́с'ьш':нуйбә́л || прасты́лә́ || <...> | а рán'ше́л пómәшы́ т
н'ь нас'ил'ә́л пә́ рас'ә́л бс'ин'и́у праи́лә́ пс'икб́м²⁹ || и у́ н'эй пр'икл'уц'ылә́с'
крд'вә́из'л'ийán'ийә́л ум'арлá мә́ладáйә́л || харубшә́й[а бы́лә́] || <...>

Наученая?

дáлл нәүч'бнә́йә́ ац:б́м | а јаш:б́ т туд б'ылл э́та: || кáк уш д'фам'ил'ә́ тә́л
ейб́ шыкáлә́в дә́ шыкáлә́ с'б́ йовб́л || ал'екс'эй шыкáлә́фл || дн рán'ше́ <...>
рабб́тә́лл

гус'бнкә́фл

гус'бнкә́ф ? || в'ёрнә́ л'и ? ||

<...> | хаз'áин тә́ бра́д раднб́йл

т'и́ авб́ тыл' гарбд'иш талл д'ь́ л'бшкә́ тә́: | э́тә́ тә́ шыкáл тә́л

дá^h ||

д́ он сафс'эм н'е э́тә́й рад'н'и́л у́ н'б́ мáл э́тә́л <...> дә́б'арү́с' || кáкб́й
шыкáл јаму́ рад'н'áл шыкáл сафс'эм н'е э́

тә́й рад'н'и́³⁰ ||

эт э́р'тә́т нán' јермб́шә́ [куван ?] ||

дáл э́т јармб́шә́ [кувáн] || а шыкáл тә́ | а шыкáл тә́ дн цейлл | јá уш вбд за-
былә́ дн ч'ейл́ он ту́т нáш тд́жә́л || бн т'б́тк'ь мáр'и́ә́л д'н шыкáлә́вә́йл || с'ь^hнл
т'б́ткә́ мáр'и́ә́л анá вб́т рад'н'áл э́т'ам́ балán'д'енемл || <...> | л'акс'эйу́ [она́
двоюродная] || мь́ с' н'эй свáйл рад'н'á: ||

²⁷ Первый.

²⁸ При медленном прослушивании слышится дифтонг [оу].

²⁹ Босиком: редукция до нуля с оглушением.

³⁰ Ср. два примера совсем не этой родни.

<...> у н'о т'н'эр' пám'ьт' харóшэйа а гд'э шл плахайа|| йá гд'э с'о палóжолл спрас'уд' бы вон у д'ет с'ó³¹ пóмн'ет|| д'ет| ты н'ь в'идал ?|| [смех]|| и вóт^с самá зэл зэ сабóй зэм'еш':áйод|| óт:| kawó| зд'умэйус'э назвác'|| н'икák н'икák н'икák н'ь мoгу| вьт ы знáйу| пр'ámэ знáйу|| а назвát' н'икák н'ь ма'гу|| ад'ин рáс óт ч'ótэ с' н'óm рэзгавáр'ивэл'el тám прэ адн'ых|| тák já и н'е^оспóмн'илэл кáг звát'^с|| и н'ь нэзвалд|| жаму раскáзвлэл а н'икák н'|| а утpам вэт спóмн'елэл

<...> л'юд'³[?] кадá пайу́т|| а тák йá забылэ фс'óл пám'ьт'^м плахайа|| <...>||дэ| т'ьл'ив'íz'ьр вóтэл паду́шкэл и гл'ажу т'ьл'ив'íz'ьр||

А что смотрите то?

дà тсó смóтр'у| и к'инó смутр'уэл| а этвэ дуракá т пакáзвэт| ун уш нэдáйил| йá иво н'ь гл'ед'у||

Это который?

а вóтэл э'тэвэл

[поле чудес то ?]

да н'ёл дэ óт к'инó тэ ыд'óт^л|| кáк ужэ звát' тэл вóт уш já забыла:|| т'э сказát'| йá уш фсó забыла|| дэ вóт к'инó тэ ыд'³óт| аднó давнó и^вд'óт||

«Воздушные замки» что ли?

дà дà дэл| йá ёво н'е смóтр'óл| йá к'инэ т'ел з'имбóй смóтр'óл| д'элэт' н'э ц'эвэл| с и':ác кáкóй к'инóл| устан'ьш дó с'м'црт'эл| а з'имбóй д'элэт' н'э ц'эвэл| у нас скат'ин н'этуэл| адны курэч'к'ул| кур'ей тэ ш с'в'ел'у| <...> нэ с'ьнавáл| за jáйцэм'у тр'у рáз^оэл| тр'у д'н'á нán н'и^е лáz'ьлэл

сад'áц:э óт мнóгэл| óт| крáкэйот|| а с'ác уш пóзнэ ы^л|| сажáлэ жàл д'ан'и мálэ вывэд'ил'el снах'э сажáлэ адну́л| анá тóл'к ш'ьтыр'óх вьв'елэл| аднá самá вьв'ьлэл| н'ь сажáлэл пр'ив'елэл

Вы их не купаете?

кадà нас'этк'и с'е ?|| (óн пат тас палóжóл| тр'у д'| тр'у нóц'ы пэс'ид'ит| ы^л с'бу| бóл'шы н'ь сад'иц:эл

Литература

Аванесов 1949а – Аванесов Р. И. Очерки диалектологии рязанской Мещеры. I. Описание одного говора р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.–Л., 1949.

Аванесов 1949б – Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1.

³¹ Омофоны [с'ó] – все и [с'ó] – что (ч'ó).

- Бахилина 1957 – *Бахилина Н. Б.* Мещерские говоры на территории Пензенской области // Труды Института языкознания. Т. VII. М., 1957.
- Бубрих 1913 – *Бубрих Д. В.* Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. уезда Владимирск. губ.) // Изв. ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4.
- Бубрих 1914 – *Бубрих Д. В.* Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. уезда Владимирск. губ.). Отдельный оттиск. СПб., 1914.
- Будде 1896 – *Будде Е. Ф.* К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.
- Высотский 1949а – *Высотский С. С.* О говоре д. Лека: (по материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.–Л. 1949. Т. 2.
- Высотский 1949б – *Высотский С. С.* Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка / АН СССР. М.–Л., 1949. Вып. 6.
- Гвоздев 1949 – *Гвоздев А. Н.* Два говора одного села // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.–Л., 1949.
- Каринский 1903 – *Каринский Н. М.* О говорах восточной половины Бронницкого уезда // Изв. ОРЯС. Т. 8. Кн. 1, 2. СПб., 1903. [Отдельный оттиск].
- Касаткин 1999 – *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Мораховская 1951 – *Мораховская О. Н.* Говоры Мещерского края. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1951.
- Мораховская 1957 – *Мораховская О. Н.* Говор деревни Уляхино Курловского района Владимирской области // Труды Ин-та языкознания АН СССР. 1957. Т. 7.
- Пеньковский 1967 – *Пеньковский А. Б.* О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов (в связи с вытеснением севернорусского взрывного [г] фрикативным [γ] в южнорусском окружении) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Смолякова 1975 – *Смолякова Л. П.* К вопросу о гласных *у, и, ы* в конечных заударных слогах в русских говорах рязанской Мещеры и в говоре д. Ванилово Воскресенского района Московской области. // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Смолякова 1977 – *Смолякова Л. П.* Формирование фонетической системы русских говоров волго-камья (с учетом иноязычных влияний). М., 1977.
- Смолякова 1979 – *Смолякова Л. П.* Формирование фонетической системы русских говоров волго-камья: с учетом иноязычных влияний. Дисс. ... д. филол. н. Казань, 1979.
- Строганова 1950 – *Строганова Т. Г.* Говоры междуречья Оки–Клязьмы. Дисс. ... к. филол. н. М., 1950.
- Строганова 1957 – *Строганова Т. Г.* К изучению говоров междуречья Оки–Клязьмы // Труды Ин-та языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 7.
- Тер-Аванесова 2001 – *Тер-Аванесова А. В.* Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша (существительные мужского рода) // Русский язык в научном освещении. № 2, 2001.
- Шахматов 1913 – *Шахматов А. А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Изв. ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4.

Summary**Some features of the phrasal phonetics
in the Meschora dialect**

The article is devoted to the non-standard realizations of high vowels in the post-stress positions in the middle-Russian Meschora dialect. It is possible to consider that all these variants appear due to Russian-Finn contacts.

Балканские концепты в народной мифологии современной Греции и славянобалканского ареала

Греческий язык и культура всегда находились в условиях тесного контакта с языками и культурой славянских народов, населяющих Балканский полуостров. Этим обусловлено большое число лексических заимствований – как славянских в греческом языке, так и греческих в болгарском, сербском и македонском языках.

В интересующей нас области народной мифологии среди славянских заимствований в новогреческом языке можно отметить такие бесспорные случаи как *σμεός* [zmeos] (Πολίτης 1994: 267–271) – от *змея* в значении ‘дракон’ (в южнославянской мифологии атмосферный демон, защитник посевов от непогоды, покровитель села, мифологический любовник, который мог вступать в связь с женщиной: болг. *змея*, *змай*, макед. *змеј*, *змех*, серб. *змај*, *змеј*, см. Плотникова 2004: 223); *βίλα*, *σαμοβίλα* [vila, samovila] – от славянских *вила*, *самовила* (женское мифологическое существо, близкое к новогреческой не-реиде; название *вила* встречается в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Черногории, Сербии, Македонии, а *самовила* – в Македонии, Болгарии и Сербии (Плотникова 2004: 200–201). Имена *βίλα*, *σαμοβίλα* встречаются в приграничных областях Греции – в Эпире, греческой Македонии и Фракии, имеют локальный характер и на территории остальной Греции не употребляются.

Помимо такого рода заимствований, происхождение которых не вызывает сомнений, есть спорные случаи. Например, «большой этимологический вопрос» словаря греческой народной культуры – слово *βρικόλακας*, которое в греческой научной традиции возводилось исключительно к греческим корням: от *βούρκος* – *болото* и *λάκκος* – *яма*, от *μορμολόκη* – *страшилище*, *тугало*, от диал. *βουρβούλας* – «пузыри, образующиеся во время насморка у ноздрей при дыхании», от древнегр. *Βρίκελος* – *трагическая маска* (Климова 2003: 274–275). Однако наиболее вероятной представляется версия славянского происхождения этой лексемы, скорее всего, из болгарского языка: ср. болг. *Върколак*, *врколак*, *вракулак* и т. д. (Плотникова 2004: 212). Здесь также следует упомянуть спорную этимологию имен *μόρος* [moros] и *σμερδάκι* [zmeḗdaki], но, поскольку эти вопросы являются темой отдельного исследования, подробно мы остановимся на них в другой раз.

С другой стороны, в славянских языках также встречаются грецизмы (Климова 2006: 124–125).

Кроме лексических заимствований в словаре народной культуры Греции и балканских славян, обнаруживаются слова, имеющие сходную внутрен-

ную форму, но звучащие совершенно по-разному в греческом и славянских языках. Их этимология восходит к определенным свойствам, характеристикам мифологического персонажа, общим для греков и славян. Поскольку был упомянут термин «внутренняя форма слова», необходимо сразу оговориться, что мы под ним подразумеваем. А. А. Потебня определяет внутреннюю форму слова как «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» (Потебня 1989: 98). Он различает «внешнюю форму, то есть членораздельный звук, *содержание*, объективируемое посредством звука, и *внутреннюю форму*, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» (Потебня 1989: 160). В соответствии с концепцией Потебни, мы также понимаем под «внутренней формой» первое, самой близкое этимологическое значение слова, раскрывающее его символическую сущность.

Итак, нами будут рассмотрены несколько корней-культурных категорий и производные от них слова, встречающиеся в мифологической лексике новогреческого и славянских языков и отражающих народные поверья, представления о том или ином явлении действительности, о его символическом и мифологическом значении.

{ТЕНЬ}

Мы уже обращали внимание на сходство греческих названий демона-хранителя места, происходящих от *σκια* 'тень', и славянских имен аналогичного мифологического персонажа, происходящих от **sĕn* (ср. греч. *Ἰσκιος*, *ἰσκιος* 'дух постройки', 'дух дерева', 'дух-хранитель дома', с.греч. *ἰσχυοῖα* 'дух-хранитель дома' (Зайковские 2001: 178) и имена из юго-западной Болгарии и южной Македонии: *сѣнк'а*, *сѣн'ѣа*, *сениште*, *сенчиште* 'демон постройки, происходящий от тени, замурованной при строительстве', 'демон постройки, являющийся в виде тени'; подробнее см. Климова 2006: 125).

Для Болгарии и Сербии характерны мотивы «недобровольного» превращения человека в духа-хранителя постройки через «кражу» его тени: с тени человека снимают мерку и замуровывают ее в основании дома, чтобы дом «стоял», не разрушился; при этом человек, с тени которого была снята мерка, через некоторое время (обычно указывается период в 40 дней) умирал, и его душа становилась хранителем этого дома (Георгиева 1983: 172; Зечевић 1981: 109–111). Помимо упомянутых примеров, в Болгарии также встречается имя духа-покровителя постройки *сенища* (Георгиева 1983: 171), поверия о душе, являющейся после смерти в виде тени: *сянка*, *сенчица* (Георгиева 1983: 178–179). Общность происхождения этих названий обусловлена тем,

что в народной культуре и греков, и болгар, и македонцев существуют представления о демоне-хранителе, происходящем из чьей-либо тени или появляющемся в виде тени. Примечательно, что названия, происходящие от слова «тень», встречаются на территории всей Греции, даже на Ионических островах, наименее всего связанных с Балканами (Πολίτης 1904: 255, 256).

Слово «тень» используется также для обозначения вурдалака, или ходячего покойника. На о. Сими (Додеканезы) встречается название *νησκά* [niskja] – диалектный вариант слова *σκιά* ‘тень’, так как считали, что вурдалак, нападающий на человека и убивающий его, появлялся в виде второй, дополнительной тени: «Василис... видит перед собой тень, а луна была перед ним – не должно было быть спереди тени. Оглядывается назад, видит и там свою тень» (Πολίτης 1904: 606). Представления о вурдалаках, появляющихся в виде тени, зафиксированы и в других областях Греции (Дафья, Палеокипос) (Μουζάκης 1989: 17, 20). У балканских славян аналогичные представления о ходячем покойнике как тени обусловили возникновение наименований, образованных от **sěn*/**iěnj*. А. А. Плотникова выделяет три компактные южнославянские зоны, где зафиксированы лексемы этого типа: сербско-болгарское пограничье (в.-серб. *тенџ*, з.-болг. *тенџ*, *тенчоморац*, *тенец* в значении ‘вампир, ходячий покойник’), зоны в Черногории (*тенац*, *тѐнац*, *потеченѝк* ‘вампир’) и Македонии (*сениште*, *сенка*, *senka* в значении ‘вампир’) (Плотникова 2005: 215-216).

В болгарской традиции МП, названия которых содержат корень *сен-*, могут иметь и другие характеристики, помимо указанных выше. Например, *сянка* - «злой дух, который вредит беременным женщинам и вызывает у них преждевременные роды» (БМ 1994: 352). Однако такое свидетельство встретилось нам только один раз, и частная характеристика этого демона может быть вписана в общую характеристику вурдалака.

Среди других названий демонов, имеющих сходную внутреннюю форму, можно особо выделить имена, связанные с категорией времени – одной из основных характеристик мифологического персонажа.

{ПОЛДЕНЬ}

В Греции на Милосе привидений-хранителей старых развалин называли *Μεσημεριάτες* [mesimerjates] – ‘полуденные’, так как они показываются на своих развалинах в летний полдень и вредят прохожим (Πολίτης 1904: 293). В д. Хрисовица женских демонов, которые появляются в летний полдень, мучают прохожих и похищают детей, называют *Μεσημέρες* [mesimeres] – ‘полдни’ (Σάββας 1983: 179). Эти демоны женского пола, и по описанию

внешнего облика очень похожи на nereид. К тому же функция мучить прохожих и похищать детей в большей степени свойственна именно nereидам, и время появления – полдень – также часто особо отмечается в отношении nereид: в полдень они устраивают совместные пиршества, танцуют, сидят под деревьями, заманивают юношей, нападают на прохожих, похищают их (Климова 2004: 174). Вообще время появления, активизации, наибольшей опасности со стороны мифологических существ обычно определяется как полночь (ночь) и полдень, причем это характерно не только для nereид, но и для вурдалаков, стихью, каликандзаров и т.д. У малоазийских греков прилагательное *полуденный* использовалось в качестве устойчивого эпитета мужского МП *мор*, его называли *Μεσημεριάτικος μόρος* [mesimerjatikos moros] – ‘полуденный мор’. Считалось, что это черное привидение, живущее на развалинах старого дома, показывалось только в полдень (Αικατερίνης 1984: 394). Кроме слов мужского и женского рода, обозначающих МП женского и мужского пола соответственно, встречается название демона с такой же внутренней формой в среднем роде: *Μεσημεριανό* [mesimerjano] – демон, похищающий в полдень детей и лишаящий их дара речи (Οτκοβομόπουλος 1999: 153).

В народной культуре славян (здесь нам придется немного отступить от обозначенного в заглавии работы ареала, выходя за рамки Балкан, но оставаясь в славянском культурном континууме) также присутствуют представления об особых демонических существах, активизирующихся в полдень, например, у восточных славян известен МП *полудница*. По определению Э. В. Померанцевой: «полудница – это дух женского рода, связанный с полднем, показывающийся во ржи или в огороде, охраняющий посевы, враждебный людям, особенно детям» (Померанцева 1978: 146). Далее в своем исследовании Э. В. Померанцева сравнивает *полудницу* с *русалкой*, отмечая среди сходных признаков этих персонажей характерное преобладание белого цвета, длинные распущенные волосы, обнаженные груди, злокозненные действия по отношению к человеку (губят, мучают, шекочут) и т. д. Время, когда, как считалось, появлялась *полудница*, не ограничивалось исключительно полднем: «Полудница лежит до двенадцати часов, потом идет людей косить... В полночь, у кого не были затворены ставни, полудница разбивала стекла, а если кого встречала на улице, косила его» (Померанцева 1978: 149). В Полесье встречается название мужского персонажа, опять же производное от слова «полдень» – *полудзенник*: «Женщина, копавшая картошку, вдруг увидела страшного черного человека. Она кинула тяпку, хотела закричать, бежать, но не смогла. Спаслась она тем, что произнесла: «Господи, помоги».

Когда она рассказала о случившемся с ней матери, та сказала, что это был полудзенник, и прибавила, что по полудни ходят умершие нечистой смертью» (Померанцева 1978: 151). Представления об аналогичных персонажах со сходными названиями бытуют и у других славянских народов, причем практически всегда это персонажи женского пола: ср. чешская *polednice*, польские *poludnica*, *przepoludnice*, *poludniowka*, серболужицкая *prípoldnica*, словенская *poludnica*, словацкая *polednice*. В своей статье Э.В. Померанцева выделяет доминантные черты этих персонажей: женский пол, соляренный характер, связь с полднем, враждебность по отношению к людям, в частности к детям, характерную трансформацию образа от верования к средству воспитательного воздействия («полудницей» пугали непослушных детей) (Померанцева 1978: 151).

При сопоставлении новогреческих персонажей, названия которых имеют внутреннюю форму {полдень}, с соответствующими персонажами славянской мифологической традиции, необходимо сразу выделить их основное, принципиальное отличие. Славянская *полудница* тесно связана с рожью, пшеницей, злаками вообще, с жатвой, сенокосом, растительностью, причем эта связь является одним из отличительных признаков персонажа. Для новогреческих демонов, объединенных общим корнем *полдень*, этот признак не характерен. С другой стороны, можно отметить любопытные параллели в образе *полудницы* и женских демонов *Μεσημεριάτες/Μεσημέρες*: существа женского пола, с длинными распущенными волосами, в белых длинных одеждах; время появления: полдень, лето; совершают вредоносные действия по отношению к людям: похищают детей, мучают, пугают прохожих; связь этих МП (близость образа) с русалками/нереидами.

{СУББОТА}

Основная лексема из словаря современной греческой мифологии, содержащая корень *суббот-* – *σαββατογεννημένος* (*σαββατογεννημένος*, *σαββατογεννημένους* Зайковские 2001: 179), *σαββατίανος* (Седакова 2003: 270), *σαββατιανός*¹). Внутренняя форма этого слова – ‘рожденный в субботу’ – отражает народные представления о родившемся в субботу как о человеке, обладающем особыми свойствами. Главной способностью такого человека чаще всего считают умение видеть МП, слышать их речь, вступать с ними в контакт, иногда бороться с ними (Климова 2004: 177; Μουζάκης 1989: 30).

¹ См. www.electrowave.gr/forum/showthread.php?t=...
и www.clubs.pathfinder.gr/se_opoion_arsei

Набор характеристик «рожденного в субботу» в зависимости от локальной традиции варьируется от положительных (сбываются его пожелания, он может победить МП, он чрезвычайно удачлив, не поддается порче и сглазу) до отрицательных (сбываются его проклятия, он легко может сглазить, он находится в тесном контакте, сговоре с МП, «нечистью» и т. д.). Причем наличие положительных качеств этого человека в одной и той же традиции не исключает одновременного присутствия отрицательных качеств. Ср. *σαββατογεννημένος* – «некоторые утверждали, что рожденные в субботу защищены от порчи и сглаза, но некоторые утверждали, что рожденные в субботу могут сглазить» (Зайковские 2001: 179); *Σαββατογεννημένος* – человек, рожденный в субботу, не может сглазить и сам не подвергается сглазу (Σάρρας 1985: 408). На Хиосе верили, что люди, рожденные в субботу, после смерти превращаются в вурдалаков, а в других областях Греции – что они никогда не могут стать вурдалаками (Μουζάκης 1989: 30) В быличке из Араховы (Ливадия) в сборнике Политиса подробно описывается способ избавления от вурдалака, причем основным действующим лицом в этом обряде должен был выступать *σαββατογεννημένος*, так как только он обладал достаточной силой, чтобы победить вурдалака, и только он знал верный (и довольно сложный) способ обезвреживания этого МП (Πολίτης 1904: № 954). Представления о «субботнем» человеке (как и сама лексема *σαββατογεννημένος*) живы и в настоящее время и широко распространены во всем греческом мире, причем не только среди носителей традиционной, крестьянской культуры, но и среди городских жителей, в том числе молодежи².

Помимо лексем *σαββατογεννημένος*, корень *суббот-* мы находим в диалектных названиях МП. Например, в Мани верили, что вурдалаки бывают

² Частотность использования слова *σαββατογεννημένος* можно проследить хотя бы по данным Интернета. Это название упоминается в многочисленных форумах, посвященных обсуждению паранормальных явлений, сверхъестественных сил и т.д. Причем, с одной стороны, участники дискуссии пытаются доказать, что у людей, рожденных в субботу, есть особые способности, а с другой стороны, пытаются этот миф развенчать. (См. www.dotnetzone.gr/cs/forums/2/8315/PrintPost.aspx; www.esoterica.gr/FORUMS/topic.asp?TOPIC_ID=8639; www.chatting.gr/vbforum/showthread.php?t=1225; www.dartheir.blogspot.com/2005/09/blog-post.html и пр.)

Кроме того, это слово, *σαββατογεννημένος*, употребляется в повседневной речи, в языке журналистов и т.д. наряду с *αλαφροϊκιωτος* и *σιχτοφρόδης* (человек со сросшимися бровями) как метафорическое обозначение необычайно удачливого человека, все пожелания и проклятия которого немедленно исполняются; причем *σαββατογεννημένος* упоминается значительно чаще двух других названий.

двух видов: *ριχτός* – ‘бросающийся’, который мог выходить из своей могилы в любой день недели, и *Σαββαίτιανός* – ‘субботный’ (Κάσσης 1981: 186), который появлялся только по субботам и был гораздо опаснее ‘бросающегося’ вурдалака, «он же может пить кровь только один раз в неделю, поэтому он голодный и злой»³. Интересно, что в Ливадии считали, что вурдалак по субботам не выходит из могилы, и именно в этот день можно было от вурдалака избавиться, выкопав его из могилы и вынув его сердце (Πολίτης 1904: № 954).

Связь вурдалака с субботой, в народной культуре греков четко ассоциирующейся с «днем мертвых» (ср. название поминальных суббот *Ψυχοσάββατα* – ‘субботы души’), прослеживается и в вербальной формуле, заклинаящей вурдалака, из Ахладокамбоса: «*Λίκος Σαββατιανός να σε φάει!*» («Пусть тебя съест субботний волк!») (Μουζάκης 1989: 3).

Среди славянских народов, проживающих на Балканах, эти поверья также распространены. Например, на сербско-болгарском пограничье: *суботњак, соботњак, съботњак, суботарџи* ‘рожденный в субботу и способный видеть нечистую силу человек’ (Плотникова 2004а: 132-134), болг. *съботник, саботник, събутник, съботниче, съботничав, съботарник, съботенче*, серб. *суботник, суботан, суботњан, суботњак, соботњак* (Седакова 2003: 270).

Южнославянский ‘рожденный в субботу’ описывается так: «полагают, что, когда вырастают, они начинают видеть духов болезней и демонов (при этом важно, что эти мифологические персонажи – типично балканские) и вступают с ними в контакт. «Субботный» человек способен защитить дом, село от нечистой силы и даже уничтожить некоторых демонов. Нередко отмечается, что рожденный в субботу наделен недобрым взглядом и способен «портить» людей и скотину. В некоторых регионах представления о «субботных» иные: говорят, что они становятся постоянным объектом сглаза, болезненны, неживучи, несчастливы, одиноки, по ночам их мучают кошмары» (Седакова 2007: 274–275).

И. А. Седакова в представлениях о свойствах рожденных в субботу людей выделяет следующие существенные мотивы: «1) мотив **зрения** –

³ Собственные записи автора из восточной Мани в 2000-2001

⁴ Эта же формула зафиксирована на Пелопоннесе, в Аркадии (Ιστορία Καριών κ.α.) как распространенное проклятие, номинально не привязанное ни к какому МП. См. www.arcadia.ceid.upatras.gr/arkadia/culture/ekfraseis/index.html и www.isiomakaryon.gr/isioma_html/katares.htm.

видения (видеть нечистую силу, духов болезней). Ср. именование собак «четырёхглазыми» – с черными пятнами под глазами – и их способность видеть вампиров (особенно в Македонии и южной Болгарии – Вражиновски 1995: 135). Сюда же относятся представления об особом взгляде «субботних» и о сглазе, а также о ночных кошмарах и видениях. 2) мотив **знания**: «субботные» не только видят, но и распознают колдунов, ведьм, нечистую силу, находят клады. 3) мотив **прорицания** – совмещение видения и знания, ясновидение, вещие сны. 4) мотив **защиты**, оберега – охрана пространства и находящихся в нем людей. Сверхъестественная сила, необыкновенные умения, ум и хитрость. 5) мотив **борьбы** – способность бороться и побеждать нечистую силу. 6) **оборотничество** (могут превращаться в змеев, караконджол). 7) мотив **греховности** – из-за своих контактов с нечистой силой «субботные» после смерти сами становятся вампирами. 8) **уязвимость** «субботных» – их болезненность, подверженность сглазу, слабость, недолговечность» (Седакова 2003: 274).

Подобные верования встречаются не только у греков и славян, а также у неславянских народов Балкан (арумын и албанцев), и комплекс этих поверий принято рассматривать как яркий балканизм, так как подобные представления практически не встречаются у других европейских народов (Седакова 2003: 267).

Как мы видим из приведенных выше примеров, у мифологического образа «субботного» человека в новогреческой культурной традиции очень много общего с соответствующим южнославянским образом: способность видеть нечистую силу, вступать с ней контакт, обладание особыми знаниями (например, как избавляться от вурдалака), выполнение охранной функции, подверженность и активное нанесение сглаза, порчи, представления о том, что «субботный» после смерти сам превращается в МП (вурдалака). Также нужно отметить, что особым, главным общевалканским признаком такого человека, обуславливающим его сверхъестественные свойства, является время его рождения – суббота, что специально подчеркивается, закрепляется в его названиях. Безусловно, приведенные нами новогреческие примеры не в полной мере описывают рассматриваемый образ, и его более детальный анализ с привлечением большего количества материала может выявить большее число сходных черт новогреческого и южнославянского «субботного» человека.

{ВЕТЕР}

Следующая группа мифологических персонажей, которую мы будем рассматривать, связана с персонификацией ветра. Так, в северной Греции демо-

нов, вызывающих вихрь, называли *Ανεμικά* [anemika] – ‘ветреные’ (ср. мн.ч.), а в Наусе этим же словом, но в женском роде – *Ανεμικές* [anemikes] – обозначали nereid, которые, как считалось, живут в вихре (Μπουσιπούκης 1983: 91). В греческой Македонии существуют поверья об *Ανεμικές* [anemikes] – вредоносные женские демоны весны, активизирующиеся в марте (Λουκόπουλος 1917: 113), возможно, связанные с *Δρίμες* (Климова 2008), в Этолии *Ανεμικό* – женская болезнь, сопровождающаяся общей слабостью и бледностью, считалось, что ее насылали демоны, лечились от этой болезни специальной травой *ανεμόχορτα* [anemohorta] – ‘ветряная трава’ (Λουκόπουλος 1938: 53). В с. Эратира в греческой Македонии зафиксирован термин *ανιμί* [animki] ‘вихрь-воплощение нечистой силы’ (Зайковские 2001: 178). Согласно греческим представлениям, ветер, и особенно вихрь (*ανεμοστρόβιλος*), так или иначе связан с nereidami (nereida появляется в виде вихря, перемещается с помощью вихря, насылает вихрь, танцует в вихре, nereidy играют свадьбу в вихре) (Климова 2004: 169); nereida дует и создает вихрь, который даже может так и называться – *νεραϊδοφόσιμα* [neraidofisima] – ‘дуновение nereidy’ (Οικονομόπουλος 1999: 166). С этими поверьями можно также соотнести такие термины как *ανεμοχορεΰτρα* [anemohoreftra] – ‘танцующая в ветре/с ветром’ и *ανεμοκυκλόποδα* [anemokukloroda] – ‘окруженная ветром’, которыми обозначают женщину, оставившую мужа и детей ради другого мужчины, или неверную жену, которая «при первой возможности торопится изменить мужу» (Οικονομόπουλος 1999: 40). Считалось, что на такое поведение женщины повлияли nereidy, лишившие ее разума (ср. русское «ветренная женщина»). В этом можно наблюдать перенесение на человека функции nereid «заманивать юношей и вступать с ними в связь» и характерного мотива о непрочности брака nereidy с человеком (юноша крадет платок nereidy, подчиняя ее себе, женится на ней, у них рождаются дети, но потом nereida выпрашивает спрятанный платок или находит его, бросает мужа и детей и снова отправляется жить к другим nereidam) (Климова 2004: 176-177, 180).

В «Греческом фольклорном словаре» Х. Иконоμopoulos описывается довольно много слов, содержащих корень *-ανεμ-*, а также *-αερ-* (имеющий значение ‘ветер’ или ‘воздух’), и тем или иным образом связанных с представлениями о демонах в виде ветра: *αερογκάστρομα* [aerogastroma] – ‘ветряная беременность’ или ‘воздушная беременность’, ‘ложная беременность’. Считалось, что женщина, у которой случилась ложная беременность, «вступала в интимную связь с демоном» (Οικονομόπουλος 1999: 32). В этом слове корень *-αερ-* можно было бы интерпретировать не как ‘ветер’, а как ‘воздух’, то

есть как ‘ничто’, метафорическое описание отсутствия явления. Однако этой лексеме, встретившейся нам только один раз в словаре Икономопулоса, соответствует другой вариант названия мнимой беременности от рассматриваемого корня *-ανεμ-* (‘ветер’), который не имеет значения ‘воздух’ – *ανεμογκάστρι* [anemogastri]⁵. Слово *ανεμογκάστρι* активно используется в новогреческом языке как в прямом (Οικονομόπουλος 1991: 40), так и в переносном значении (о каком-либо явлении или событии, которого долго ждали, о котором много говорили, но которое так и не произошло, например, об обещаниях предвыборной кампании⁶). В словаре также упоминается слово *ανεμόγαλα* [anemogala] – ‘ветряное молоко’; «свернувшееся от мастита или застоя в груди молоко (красноватого цвета и непригодное для кормления младенца)» (Οικονομόπουλος 1999: 40). Известно, что, согласно народным поверьям, наиболее опасными для роженицы мифологическими персонажами представляются нереиды, которые, в частности, могут «отнимать» у роженицы молоко⁷. Чтобы молоко не потерять, женщины носили на шее осо-

⁵ Стоит отметить, что в современном греческом фольклоре есть некий тип анекдотов на эту тему, где употребляется слово *ανεμογκάστρι*, но «объясняют» это название тем, что в животе у женщины находится не ребенок, а воздух. Например: «Катиньо и Михальос – пара. Катиньо, возможно, беременна.

– Михальос, я, по-моему, беременна.

– Ты уверена, Катиньо? Нам сейчас не время обзаводиться детьми, у нас финансовые трудности.

– Я просто так думаю, но схожу и к врачу для полной уверенности.

Врач: – Катиньо, ты не беременна, а ребенок – не ребенок, а воздух.

– То есть, доктор, это была «ветряная беременность»?

– Да, Катиньо!

Через некоторое время радостная Катиньо звонит мужу на работу. Он работал в автосервисе. Она просит какого-то механика позвать Михальоса к телефону, но того не было на месте.

Тогда радостная Катиньо говорит коллеге своего мужа:

– Когда придет Михальос, скажите ему, что ребенок был не ребенок, а воздух.

Вечером расстроенный Михальос говорит своей жене:

– Ну зачем ты так сказала моему коллеге?

– А ты не обрадовался, Михальос, что я не беременна?

– Обрадовался, но после того, что ты ему сказала, мне все кричат: «Эй, Михальос, не пойдешь, шину не накачаешь?»

См. http://www.jokes.gr/view_joke.html?c=70&a=3531&page=104.

⁶ Например см. <http://www.ppol.gr/fullarticle.php?id=1608>, а также

http://ta-nea.dolnet.gr/print_article.php?e=A&f=18628&m=N64&aa=1.

⁷ В Эпире, в деревне Фурка, верили, что роженица должна трижды в день есть особым способом приготовленный мед с добавлением целебных трав и трижды переkreшивать

бый оберег, цветной полудрагоценный камень – *ανεμόλιθαρo* [anemolitharo] – ‘ветряной камень’ (Οικονομόπουλος 1999: 40). Можно предположить, что в этих словах – *ανεμόγαλα* и *ανεμόλιθαρo* – составляющая ‘ветер’ (ср. упомянутое выше название *Ανεμικές*), указывает на наличие представлений о неких вредоносных демонах (нереидах), являющихся персонификацией ветра, которые могут «забрать» у роженицы молоко. Считалось, что эти вредоносные демоны были опасны не только для роженицы, но и для новорожденного, и для ребенка вообще, что также отразилось в народных названиях болезней: *ανεμοπύρωμα* [anemopirōma] – ‘ветряное воспаление’, рожа, рожистое воспаление (Οικονομόπουλος 1999: 40) или воспаление уха, флюс⁸; *ανεμοσύρισμα* [anemosirisma] – ‘утаскивание ветром’, смерть ребенка⁹; *ανεμονέρι* [anemoneri] – ‘ветряная вода’, вода из источника, где живут нереиды, которую нельзя давать ребенку, иначе он заболит (Οικονομόπουλος 1999: 40).

У славянских народов ветер может выступать как самостоятельный мифологический персонаж, с ним также связан целый ряд демонов, имена которых восходят к слову ‘ветер’: «*Ветреник* и опасные для людей и скота *поветрули*, при полете которых поднимается ветер (карпат.), *випрэныця* – красивая молодая женщина с длинными золотисто-зелеными волосами, быстро переносимая на большие расстояния, при исчезновении которой поднимается сильный ветер (Ивано-Франковская обл.); в Словакии известны *vitornik* или *vitroplavec* – чародей-волшебник (карпат.), *veternica... ветроу, ветрошиње* – злые духи (мужские и женские), которые, нападая на людей, вызывают душевные болезни (серб.)» (СД-I: 359); макед. *ветроуитини* ‘нечистая сила, причиняющая вред человеку’ (Плотникова 2002: 137). Особая связь с ветром или вихрем женских персонажей южнославянской демоноло-

соски, чтобы у нее не «забрали» молоко *Λερική*.

<http://www.fourka.gr/PortletID,MagikiGiatrosafia,Lang,en.jsp>.

⁸ <http://www.fourka.gr/PortletID,MagikiGiatrosafia,Lang,en.jsp>

⁹ Конечно, мотивация использования корня -ветер- в этих двух словах могла быть более «реальной»: лицо больного или ухо воспаляется из-за того, что «ему надуло» ветром, «его продуло», маленькие дети тоже часто умирали от простуды, от того, что их «продуло» ветром, но, во-первых, в народном сознании причина этих заболеваний всегда четко обозначена как мифологический персонаж (нереида, «ветренные») а во-вторых, традиционные способы лечения этих болезней, помимо использования традиционных оберегов от нечистой силы, представляют собой заклятие (то *ανεμοπύρωμα* *ξορκίζου*), пугание (φοβίζου то *ανεμολύρωμα*) болезни, а иногда даже просто название имени болезни – «ветряное воспаление», то есть, таким образом, название ее причины (см. <http://www.egrigoros.gr/book/a41.asp>

и <http://www.fourka.gr/PortletID,MagikiGiatrosafia,Lang,en.jsp>).

гии типа «вила» (самовила, самодива, юда) также неоднократно отмечалась исследователями и даже выделялась в качестве одного из главных признаков этого персонажа. В Болгарии, Македонии и Сербии вилы отождествляются с вихрем, появляются, танцуют в нем и т. д. (Плотникова 2005: 204-206). Конкретнее, в Болгарии связь вихря и вилы проявляется в том, что вихрь является ипостасью вилы (причем иногда отдельно указывается место появления вихря-вилы – перекресток, гора) (Георгиева 1983: 114, 117, 130); самодива создает вихрь (Георгиева 1983: 114), самодивы или юды играют и смеются в вихре (Георгиева 1983: 117). В болгарских народных песнях вихри описываются как сестры самовил (в сюжете, где самовила призывает сестер-вихрей помочь ей в битве во Стояном, и побеждает его) (Георгиева 1983: 117). Иногда оговаривается, что этот МП появляется в виде вихря только днем, в то время как ночью она предстает «като самодива» (Георгиева 1983: 114). Отождествление вихря и вилы в народных представлениях болгар проявляется и на лингвистическом уровне – И. Георгиева пишет, что во многих местах в Болгарии «вихрушката и така се нарича, *самовила, самовиличка, юда*» (Георгиева 1983: 117). С другой стороны, *самодиву* называют *ветрогонка, ветрища, вихрогонка* (БМ 1994: 305). Создателем ветра, помимо вилы, мог считаться и орел, особенно «кръстат орел». Так, И. Георгиева, ссылаясь на Л. Каравелова¹⁰, приводит следующую любопытную быличку, в которой орел-производитель вихря, кстати, опосредованно связан с вилой: одна женщина ночью на Русальной неделе пошла в поле, где встретила самодив, которые шептали¹¹ над глиняной миской. Завидев женщину, те испугались и убежали. «Но жената била любопитна и отворила паницата, макар една самодива да ѝ забранила. В паницата видяла рошава глава, над която стоял кръстат орел. И главата, и орелът духали из паницата и произвеждали вихрушки. Орелът се обърнал към жената и духнал и тя се вкаменила» (Георгиева 1983: 117). Персонификацией ветра может также служить *кръстаи* – зооморфная кукла с четырьмя крыльями¹² (Георгиева 1983: 46) или ламя:

¹⁰ Л. Каравелов. Записки за България и българите. София, 1933, с. 47.

¹¹ В оригинальном тексте употребляется глагол *бъбря*, который часто используется для обозначения магического «шептания», «бормотания», например, при заговоре (по инф. И. А. Седаковой).

¹² «В одрински села на Бъдни вечер срещу Коледа правят камила от различни кърпи и парцали и я носят по къщите, дето им дават хляб, сирене, пари. Та камила има четири криле и се нарича *кръстаи*. Като я донесат в някоя къща, момичета и момчетата плашат с нея стопанина и пеят:
Петре, ветре,

«когда ламя взлетает, поднимается сильный вихрь, который вырывает с корнями вековые деревья, поднимает на воздух копны сена и людей» (Георгиева 1983: 89). В восточной Болгарии верили, что в вихре пребывают души умерших (Георгиева 1983: 130). Из прочих МП создание вихря приписывается хале (але), «глухому старцу», «слепой бабушке», св. Илье или Господу (БМ 1994: 76), дьяволу, змею; верили, что в вихре «играют караконджоли, играют таласъми» (Колев 1980: 78).

Аналогичные поверья о ветре, вихре и его связи с МП бытуют в Сербии, а в словаре сербской мифологии встречаются лексемы, производные от 'ветер': *ветровњак* и *вјетрушница*. Словом *ветровњак* обозначали, с одной стороны, мифологического предводителя грозовой тучи, происходящего из души покойника (СМР: 63), а с другой стороны, человека-защитника села, во время сна которого его душа покидает тело и борется с демонами непогоды (Зечевић 1981: 148). *Вјетрушница* – женщина (ведьма), душа которой во время сна (подобно ветровњаку) покидает тело и вредит другим людям (СМР: 71).

Как показал анализ нескольких концептуальных корней-символов мифологической лексики новогреческого и современных славянских языков, в культуре Греции и Славии, особенно Южной, присутствуют сходные представления о демонологических персонажах или мифологических явлениях, так или иначе связанных с символами {тьень}, {полдень}, {суббота}, {ветер}. В языках новогреческом и славянских встречаются названия мифологических персонажей, которые обладают сходной внутренней формой слова, сходной этимологией, при том, что основные характеристики этих персонажей также во многом сходны. Например, упоминавшиеся греч. *ίσκιος, ήσκιος, ίσκηιοца* и болг. макед. *сѣнк'а, сѣн'ћа, сенишите, сенчишите* – 'демон постройки, происходящий от замурованной тени, являющийся в виде тени'; греч. *υψικιά, οκιά* и серб. *тенъц, тенац, тѣнац, потеченик* болг. *тенъц, тенчоморац, тенец*, макед. *сенишите, сенка, senka* – 'вампир, ходячий покойник'; греч. *αυεσικιά, αυεσικέс, αυεσικό* и макед. *ветроитини*, серб. *ветрои, ветрошиње* – 'вредоносные демоны, нападающие на людей и насылающие

не кърши върбе,
не троши врата,
не губи арман.

Ако селото е по-голямо, правят по няколко кръстаха, които се бият помежду си. На тия кръсташи дават различни имена: Страшко, Белчо, Горньо, Резко, а с тия имена отъждествяват имената на ветрове»

болезни»; греч. *σαββατογεννημένος, σαββαϊανός* и болг. *съботник, саботник, събутник, съботниче, съботничав, съботарник, съботенче*, серб. *суботник, суботан, суботњан, суботњак, соботњак* – ‘рожденный в субботу человек, обладающий сверхъестественными способностями’; отчасти греч. *Μεσημέρες, Μεσημεριάτες* и слав. *полудница*.

Дальнейший более подробный анализ характерных черт этих МП в новогреческой и славянской демонологии позволит с большей достоверностью утверждать, что мы имеем дело с параллельными (иногда полностью идентичными) мифологическими образами.

Однако уже сейчас отметим, что в некоторых случаях сходство персонажей, их функций, свойств, внешнего облика, генезиса, пространственно-временных характеристик настолько полно, что можно говорить о балканизме, об общебалканском МП. Это – «субботные» люди с внутренней формой {суббота}, ‘вампир, ходячий покойник’ с внутренней формой {тьень} и ‘демон-хранитель постройки, происходящий от замурованной тени’ с внутренней формой {тьень}.

В других случаях при сходной этимологии названия наблюдается только частичное совпадение характеристик МП: «полуденные» демоны, основной, заглавный признак которых определяется их названием (время появления – полдень), а прочие характеристики могут как совпадать, так и не совпадать.

В третьем случае сходная внутренняя форма названий МП определяется типологической общностью представлений о том или ином явлении, например о ветре, который мифологизируется в любой культуре. Особенностью рассмотренных нами МП, связанных с ветром, является то, что ни один из них не имеет определенного, индивидуализированного образа. Практически всегда эти персонажи описываются просто как «вредоносные демоны, так или иначе связанные с ветром, особенно с вихрем», и мы не можем восстановить ни их внешний облик, ни их происхождение, ни их свойства и т.д. Связь с ветром прослеживается и у многих других известных МП (вилы/нериды, лама, змей, караконджол, дьявол). Это свидетельствует об отсутствии общего для греков и славян оформленного персонажа, но об общности мифологизированного представления этого атмосферного явления.

Литература

- БМ 1994 – Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 1994.
Георгиева 1983 – *Георгиева И.* Българска народна митология. София, 1983.

- Зайковские 2001 – *Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // ИСД 7. М., 2001.
- Зечевић 1981 – *Зечевић С.* Митска бића српских предања. Београд, 1981.
- Климова 2003 – *Климова К. А.* Вурдалак в народной культуре современной Греции // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М., 2003.
- Климова 2004 – *Климова К. А.* Нереиды в традиционной культуре Греции // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран юго-восточной Европы. СПб., 2004.
- Климова 2006 – *Климова К. А.* Стихьо – дух-покровитель места в новогреческой мифологии и некоторые параллели в славянских диалектах // ИСД 12. М., 2006.
- Климова 2008 – *Климова К. А.* Что такое *Δρίμης*? // Московия. М., 2008, в печати.
- Пономарченко (Климова) 2001 – *Пономарченко К. А.* Из материалов по этнолингвистической программе МДАБЯ с островов Родос и Карпатос (Южная Греция) // ИСД 7. М., 2001.
- Пономарченко (Климова) 2003 – *Пономарченко К. А.* Восточные мотивы в новогреческой мифологии // В поисках «ориентального» на Балканах. Тезисы и материалы VII Балканских чтений. М., 2003.
- Колев 1980 – *Колев Н.* Народни представи и вярвания за вихрушката // Въпроси на етнографията и фолклористиката. БАН. София, 1980.
- Плотникова 1996 – *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.
- Плотникова 2002 – *Плотникова А. А.* «Видимая» и «невидимая» нечистая сила: мифологические образы у балканских славян // Признаковое пространство культуры. М., 2002.
- Плотникова 2004 – *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Плотникова 2004а – *Плотникова А. А.* Мифологическая лексика сербско-болгарского пограничья. // ИСД10. М., 2004.
- Померанцева 1978 – *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор. М., 1978.
- Потебня – *Потебня А. А.* Мысль и язык. Москва, 1989.
- Седакова 2003 – *Седакова И. А.* Рождение и жизненный сценарий: «субботние» люди на Балканах // Славянское и балканское языкознание. М., 2003.
- Седакова 2007 – *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. М., 2007.
- СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. М., 1995–2004.
- СМР 1970 – *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1970.
- Αικατερίνης 1984 – *Αικατερίνης Γ.* Χαμένες πατρίδες. Το χωριό μας η Αγία Παρασκευή του Τεσεμέ (το Κιοστέ), Σκιάθος, 1984.
- ΕΔΤ 1947 – *Ελληνικά δημοτικά τραγούδια.* Μέρος Α΄. Αθήνα, 1947.
- Ζάππας 1978 – *Ζάππα Τ.* Ευβοϊκά. Β΄. Αθήνα, 1978.
- Ιωάννου 1989 – *Ιωάννου Γ.* Παραλογές. Αθήνα, 1989.
- Κάσσης 1981 – *Κάσσης Κ.* Λαογραφία της Μέσα Μάνης. Τόμος Β΄, Αθήνα, 1981.
- Λουκόπουλος 1917 – *Λουκόπουλος Δ.* Σύμμεκτα λαογραφικά Μακεδονίας // Λαογραφία. Τ. ΣΤ. Εν Αθήναις, 1917.
- Λουκόπουλος 1938 – *Λουκόπουλος Δ.* Σύμμεκτα λαογραφικά εξ Αιτωλίας // Λαογραφία. Τ. ΙΒ. Θεσσαλονίκη, 1938.

- Μουζιάκης 1989 – *Μουζιάκης Σ. Α.* Οι Βρυκόλακες, Δοξασίες, Προλήψεις και παραδόσεις σε καταγραφές από τους αρχαίους – βυζαντινούς και μεταβυζαντινούς χρόνους. Αθήνα, 1989.
- Μπουσμπούκης 1983 – *Μπουσμπούκη Α. Δ.* Αυθεντικές ιστορίες παραφυσικών φαινομένων από την Πίνδο. Αθήνα, 1983.
- Ξηροτύρης 1987 – *Ξηροτύρη Ζ.* Έθιμα και δοξασίες του λαού μας. Τόμος Α΄. Αθήνα, 1987.
- Οικονομόπουλος 1999 – *Οικονομόπουλου Χ. Θ.* Ελληνικό λαογραφικό λεξικό για τη μάνα και το παιδί. «Εκδόσεις Φυτράκη», Αθήνα, 1999.
- Πολίτης 1871 – *Πολίτη Ν. Γ.* Μελέτη επί του βίου των Νεωτέρων Ελλήνων. Τόμος Α΄. Νεοελληνική μυθολογία. Μέρος Α΄. Αθήνα, 1871.
- Πολίτης 1904 – *Πολίτη Ν. Γ.* Παραδόσεις. Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Τόμος Α΄. Αθήνα, 1904.
- Πολίτης 1991 – *Πολίτη Ν. Γ.* Εκλογή από τα τραγούδια του ελληνικού λαού. Αθήνα, 1991.
- Πολίτης 1994 – *Πολίτη Ν. Γ.* Παραδόσεις. Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Τόμος Β΄. Αθήνα, 1994.
- Σάββας 1983 – *Σάββα Α. Τ.* Μελετήματα του Ξηρομέρου. Ιστορικά και λαογραφικά στοιχεία της Χρυσοβίτσας Ξηρομέρου. Αθήνα, 1983.
- Σάρρας 1985 – *Σάρρα Γ. Γ.* Ιστορικά, λαογραφικά περιοχής Ηγουμενίτσας, 1500–1950. Αθήνα, 1985.
- Τσιτσέλης 1976 – *Τσιτσέλη Η. Α.* Γλωσσάριον Κεφαλληνίας. Αθήνα, 1976.
- Τσούγλου 1993 – *Τσούγλου Κ. Ι.* Λαογραφικά της Τσακονιάς. Αθήνα, 1993.
- Φαρμακίδης 1915 – *Φαρμακίδης Ξ. Π.* Κυπριακαί δοξασίαι και παραδόσεις. // Λαογραφία Ε΄. 1915.

Summary

Some parallels in the folk mythology of the Modern Greece and Slavic-Balkan area

In the article analogies between some Greek mythological characters and corresponding characters from other Balkan traditions are drawn, also some lexical loans and words with similar etymology common internal forms as 'shadow', 'midday', 'Saturday', 'wind' are examined. The similarity of the described mythological characters in many cases can be explained by common Balkan folk tradition.

Славянское *zъь на Балканах*

Семантическое наполнение славянского культурного термина *zъь и корреспондирующий мифический образ имеют свою специфику на Балканах, как у южных славян, так и в контактных культурно-языковых традициях, т. е. у румын и греков. Албанцам лексема *zъь не известна, однако бытуют народные представления о змее-драконе, сходные с южнославянскими.

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» мифическому образу змея посвящены две словарные статьи: «Змей огненный» о восточнославянском и западнославянском персонаже, называемом *змеј*, *змий*, *огненный змеј*, и «Змей летающий» о южнославянском персонаже, атмосферном демоне¹. Основанием для разделения образа на «особые» персонажи послужила патронажная функция покровителя села, борющегося против демонов непогоды, в южнославянской традиции и отсутствие таковой в западнославянской и восточнославянской традициях. Полевой материал, собранный в различных южнославянских регионах, архивные и опубликованные этнографические, фольклорные и диалектные источники² свидетельствуют, что образ змея во всех славянских традициях имеет общие черты. Во-первых, идентичной является функция мифологического персонажа (далее – МП), именуемого *zъь, вступать в любовную связь с женщинами, что ведет к их болезни и смерти, во-вторых, всем славянам знаком устойчивый внешний облик мифологического персонажа по имени *zъь с крыльями и хвостом, огненного, рассыпающегося искрами в воздухе, а на земле имеющего облик человека.

Так, например, в сербских регионах до сих пор можно записать тексты следующего содержания (восточная Сербия, тимокские говоры):

Змеј. Код жѣну ѓде мѹж, код девѹјку ѓде момѹк и запрѣти јо(ј) га не казује, ел ако кѹже, он че је умѹри, то сѹм такѹ чѹла. И она не смѣ да кѹже. Ако примѣте нек ѹни ју лѣче. Цигѹнско донесуѹ: од цигѹнку лѣб, од цигѹнку дрѣју – омрсе ју и он нѣче више да добди. Сѹмо од врата: “Нѣчу, нѣчу – смрдѹиш!” То је такѹ код девѹјку. ...**Летѹ, вели, виде га, сѹја, вели, кѹо, кѹо слнце.** ...Кад примѣте онѹ, чѹла сам тѹ од стѹрији, кѹже, у кѹцу вѹду тѹре, и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Лексические, семантические и культурные балканизмы: структура и география», проект № 05-04-04070а.

¹ Автор обеих статей – Е. Е. Левкиевская (СД 2: 330–333.)

² По южнославянским традициям, данные которых в данном случае имеют первостепенное значение, см., например, (Плотникова 2004, там же литература).

он кад по́де т́уда код н́у, он се уда́ви. Тако́ј се ле́чи. Или се навлч́е у циганско, она́ или он. Он тад не́че да й́де: смрд́и му на циганско. (К женщине приходит мужчина; к девушке – парень и запрещает ей говорить о нем, угрожая, что ее уморит. Но окружающие замечают неладное и начинают ее лечить. Приносят вещи от цыганки: хлеб, одежду. Тогда змей не может к ней подступить: ему мешает запах цыганки. Так же поступают и с мужчиной, например, одевают в платье цыгана. Другой способ избавления от змея: ставят на входе кадку с водой, полагая, что змей утопитсЯ в ней. Когда змей летит, то сияет, как солнце.)³ (ИСД 10: 111–112).

Вместе с тем, у южных славян в образе мифологического персонажа, называемого **zmbjъ* наблюдаются значительные отличия, обусловленные общим балканским контекстом, в который вписываются болгарская, македонская и сербская традиции.

Так, на большей территории **Сербии** змей (серб. *змај*, в.-серб. *змеј*), чаще это человек с чертами змея – *змајевит човек*, *змејав човек*, выступает как положительный герой, защищающий свое селение или край от прозорливой «алы», стремящейся пожрать, проглотить, уничтожить урожай.

В смежной **болгарской** традиции сюжеты воздушной битвы змееподобных персонажей, вызывающих ненастную погоду, находят свое продолжение, особенно известны они в Западной Болгарии. Когда гремит гром и сверкает молния, надвигаются градоносные тучи, полагают, что «добрый» змей вступает в жестокую битву с «халой» (БМ: 383). Таким образом, у сербов и болгар известен и противоположный отрицательный образ змея-дракона, называемого ⁺(*h*)*ala*. Новый этимологический словарь сербского языка с полным правом трактует происхождение слова как «южнославянский, а возможно, еще и праславянский диалектизм», приводя помимо серб., болг., мак. лексем также и кашуб. *hala* ‘живое существо или вещь огромного размера’ (ЕРСЖ 1: 97). У балканских славян ⁺(*h*)*ala* – наиболее распространенное обозначение атмосферного демона-дракона, вызывающего непогоду⁴.

Для **македонской** народной традиции характерен тот же сюжет воздушной битвы, участники которой – положительный герой *змеј* и вредоносная *ала* или *ламја* (культурный грецизм, известный многим европейским языкам).

Если в балканославянской части Южной Славии отмечаются особые черты змея как демона-защитника села от непогоды, то по мере удаления на

³ Село Равна в восточной Сербии, район Княжеваца.

⁴ Подробнее см. (Плотникова 2004: 222–231, 666–676).

з а п а д Южной Славии меняется образ «балканского» змея. Лишь в некоторых хорватских областях известны черты змея как воздушного демона. Так, по данным Архива «Этнологического атласа Югославии» (ЕАЈ)⁵, в районе Карловаца верят, что *змај* является в облике сильного ветра, может унести человека, в соседних районах полагают также, что *змај* – это «черная туча», что во время непогоды два змея бьются друг с другом, бросаясь кусками льда, отчего выпадает град. В Славонии (восточная Хорватия) те же признаки отрицательного мифического персонажа, вызывающего непогоду, приписываются персонажу, называемому *ала*, *аждаја*, как и у сербов, болгар. На крайнем западе Южной Славии лексема *змај* практически уже не связывается с образом погодного демона и вообще встречается не очень часто в народных говорах (можно найти редкие словенские записи в Архиве ЕАЈ типа: «*Змај* живет в воде, имеет облик змеи с крыльями»).

Таким образом, совершенно очевидно, что мотив воздушной битвы двух змеев-драконов за урожай и процветание своего края характерен именно для балканских традиций, что вне славянской их части подкрепляется обильным материалом албанских и румынских народных верований.

В албанских поверьях участники воздушной битвы, вызывающей непогоду, – *dragoj* и *kucedra*, при этом *dragoj* – это по сути тот же человек-змей, младенец, рожденный с крылышками и обладающий сверхъестественной силой, чтобы защищать свое село. «Кучедра», «кулышедра» – змей-дракон женского пола, может выступать и как ведьма, и как вредоносный дракон.

В греческой Македонии и в Эпире у куцовлахов отмечено славянское заимствование *σμεός* [zmeos] в качестве наименования духа-хранителя озера, обладающего сверхъестественной силой и умеющего летать; с этим образом связывается и мотив битвы снегом, жиром⁶, однако у греков все же отсутствует образ змея как демона непогоды.

⁵ ЕАЈ – Etnološki Atlas Jugoslavije. Архив «Этнологического атласа Югославии», хранится в Загребе, на философском факультете Университета. Автор выражает благодарность сотрудникам Университета за возможность использовать материалы Архива в работе.

⁶ О мифическом персонаже *σμεός* у греков фиксируются следующие свидетельства: «Демон описывается как хранитель озера, обладающий сверхъестественной силой, он происходит от пастуха, вкусившего чудесной пищи, которую едят другие демоны под именем *σμεός*. Так, в одной быличке, из Македонии, рассказывается, что два демона *σμεός* сражаются, бросая друг в друга комья снега с жиром и солью...» (Климова 2006: 122); «В Македонии *σμεός* прилетает в деревню верхом на туче и забирает с собой свою невесту, с которой он был помолвлен до того, как стал демоном» (Климова 2006: 123). Таким образом, прослеживаются лишь отдельные отголоски характерных для южнославянских традиций

В румынской народной традиции к змееподобным персонажам – демонам непогоды относятся мифологические существа, называемые *baláur*,⁷ в целом ряде случаев – *zmeu*, а также (*h*)*ala* (часто с локальными пометами); реже именно для обозначения данного МП с указанными функциями употребляется наименование *zburător*.

Balaur представляется как огромная, гигантская змея, которая движется через облака; змея с крыльями или с крыльями из кости, летающая по воздуху в облаках (Muşlea, Bîrlea 1970: 185). По описаниям из разных областей, это существо с телом змеи (или человека), головой и хвостом крокодила, или наполовину змея, наполовину человек, с рыбьей или змеиной чешуей и головой коня, живущее в озерах, болотах, непроходимых лесах, но поднимающееся в облака и вызывающее град (Bîrlea 1976: 23–24). Происхождение «балаура» связывается со змеей, у которой отпадает хвост, вырастают ноги в результате каких-либо необычных обстоятельств, например, у змеи, которая не была замечена ни одним человеком в течение 7, 9, 15 лет или больше (Muşlea, Bîrlea 1970: 185). *Zmeu* часто представляется как конечный образ метаморфозы «обычная змея – «балаур» – змей», т. е. это «балаур», которого никто не видел в течение следующих 7 лет, или «балаур», который высосал черную корову, и т. д. (Bîrlea 1976: 458). При этом представления о персонажах «балаур» и змей часто смешиваются в народной традиции (Muşlea, Bîrlea 1970: 185; Fochi 1976: 371). Змей, как и «балаур», представляется в облике большой змеи с крыльями, обитающей на деревьях, движущейся в облаках (Muşlea, Bîrlea 1970: 182), вместе с тем, известны и антропоморфные черты данного персонажа: похожая на человека внешность, способность говорить, наличие жены, детей (Şăineanu 1922: 598; Калужская 2001: 81). Для змея характерно эротическое стремление к молодым девушкам, женщинам. В этом качестве он близок демоническому существу, называемому *zburător*. *Zburător* (от *zbură* ‘летать’) по внешнему облику может быть близок змею, «балауру», имеющему облик змеи с крыльями и обладающему способностью летать (Muşlea, Bîrlea 1970: 191; Bîrlea 1976: 448), иная ипостась демона – мужчина или женщина, жаждущие любви и прилетающие к своим жертвам по ночам во сне, подстерегающие их где-либо, и под. (Muşlea, Bîrlea 1970: 189, 191; Bîrlea 1976: 448; DELR: 390). По данным из Баната, Олтении и некоторых частей Мунтении, *zburător*, превратившись в человека, приходит

мотивов воздушной битвы «змеев».

⁷ Подробную этимологию слова с обращением к древним пластам балканской мифологии см. в работах: (Калужская 2001: 71–91; Калужская, Цымбурский 2002).

ночью к экзальтированным девушкам и женщинам (Muşlea, Bîrlea 1970: 183). Отметим характерное значение румынских лексем *zburător* (*sburător*), *zmeu* (*smeu*) – женская болезнь, крайнее истощение, помешательство, вызванное посещением змея или «збуратора» (Şăineanu 1922: 570, 598).

По румынским народным представлениям, различные атмосферные явления тракуются как результат действия летающего змея, называемого различным образом – *balaur*, *zmeu*, *zburător*, а также (*hala*), например, по одному из определений, «*ala* – в Олтении вид «балаура», который вызывает яростный ветер или бурю» (Şăineanu 1922: 14). В Толковом словаре румынского языка *hala* имеет значения ‘буря, ураган’, ‘чудовище, монстр, привидение’ (DELR: 390). Уместно указать и на производные от *hala*, связанные с представлениями о вредоносной силе «нечистого» ветра: *haluit* ‘взятый халами, парализованный’ (Şăineanu 1922: 289). Очевидно, в данном случае наблюдается заимствование из балканославянских языков как на уровне лексики, так и на уровне характеристик самого мифологического образа.

Описания мифологических персонажей, именуемых *balaur*, *zmeu*, часто даются посредством той же лексики: «*Zmeii* (şi *balaurii*) sînt “hale sau vijelii”»; *zmeii* = «hale»; «*Zmeii* produc hale şi harhalii» (Muşlea, Bîrlea 1970: 184). С движущимися в облаках змеями связываются ветер, вихрь, буря, молния, дождь, град, а также и засуха. Летающий в облаках *balaur* идентифицируется с темной градоносной тучей; считается, что он приводит, приносит облако, «нагруженное» градом, проливным дождем; говорят также, что он падает с облаков в дождливую погоду вниз головой или бьет по деревьям хвостом, из которого течет дождь (Muşlea, Bîrlea 1970: 186–187). *Zmeii*, по народным представлениям, бывают разного типа: змеи «дождя», змеи «засухи» или «ветра»; *zmeu* – также и название падающей звезды (Muşlea, Bîrlea 1970: 183; Bîrlea 1976: 458). Отметим, что *zburător* может являться к жертвам своей любви в облике огненного столба, снопа света, падающей в дымоход звезды; его полет вызывает сильное и быстрое движение воздуха (Muşlea, Bîrlea 1970: 190–191, 194).

В румынской народной традиции сюжет воздушной битвы, результатом которой становятся различные непогодные явления, также связывается с МП, называемыми *balaur*, *zmeu*. «Балауры» в определенное время года (летом, осенью, в день св. Петра, «во время воспроизводства») собираются вместе и бьются, борются, «едят друг друга» (Muşlea, Bîrlea 1970: 186); от их драки в облаках начинается буря, гроза (Muşlea, Bîrlea 1970: 187); от напряженного дыхания «балауров» во время воздушной битвы образуется и выпадает на землю град (Bîrlea 1976: 24). «Балауры», как и «змеи», могут быть

змеями «дожда» и «засухи». От победы одних над другими зависит наступление засухи или выпадение сильного дождя (Muşlea, Bîrlea 1970: 187,183). По поверьям из некоторых областей, *zmeii* борются в облаках до тех пор, пока св. Илия, их хозяин, не обрызгает их водой или не поразит громом; от битвы змеев возникает молния (поэтому при виде молнии говорят: *se bat zmeii*), после чего гремит св. Илия (Muşlea, Bîrlea 1970: 183–184).

Все сказанное указывает на высокую языковую контактность в северо-балканском ареале, объединяющем румынскую, сербскую и болгарскую традиции. Как видим, сразу два южнославянских названия змееподобного МП, вызывающего непогоду, заимствованы румынским: **zmbjъ* и серб., болг., мак. ⁺(*x*)*ала*.⁸ Заметим, что сфера функционирования общеславянской лексемы (*змеи*) в румынском языке значительно шире, чем южнославянской (*хала*), и по географическому распространению, и по объему значений. Возможно, это связано с временной разницей в заимствовании этих южнославянских лексем, т.е. предположительно *hala* – более поздний славизм в румынском. Г. Михэилэ в работе «Древние южнославянские заимствования в румынском языке» (1960 г.) рассматривает *zmei* наряду с другими южнославянскими заимствованиями из сферы народных верований и обычаев, которые относит к VI–XI вв. (Mihăilă 1960: 149). Следует отметить при этом, что для лексемы *zmei* в румынском фиксируются и такие вторичные значения, как ‘герой-витязь’, ‘храбрый воин’, ср. *a se lupta ca un zmei* ‘храбро сражаться’, букв. ‘бороться, как змей’ (DELR: 1047), соотносимые с южнославянскими народными представлениями о змее и соответствующей лексикой и фразеологией (серб. *Zmaj Oгњени Вук* и под.).

Анализ дополнительного комплекса признаков позволяет определить смысловые локальные варианты в этом общем для всех балканских традиций сюжете. Сюжет борьбы рассматриваемых МП (защитника села, области и его противника) за процветание края и, соответственно, **принадлежность данных МП к демонам – защитникам локусов** характерна для албанской, македонской, сербской традиций. Этот признак практически не просматривается в болгарских и особенно – в румынских народных поверьях. В румынской традиции мотив борьбы между «своими» и «чужими» атмосферными демонами встречается лишь эпизодически и опосредованно, например,

⁸ В ЕРСJ отмечены и иные значения рум. *hala*: ‘злой дух, привидение’, ‘чудовище, монстр’, ‘обжора’ при трактовке лексемы как заимствования из южнославянских языков (ЕРСJ: 96–97). Д. Гэмулеску рассматривает рум. *ală* как заимствование из сербохорватского (Gămulescu 1974: 78).

в районе Майдана (румынский Банат) *şolomonar*, предводитель «балаура» (и его мифический двойник), может представляться как человек со сверхъестественными способностями – *vilva*, который борется с «вылвой» другого села (Muşlea, Bîrlea 1970: 187). Соответственно, в румынских представлениях слабо выражена и тема героизма данных МП во время сражения, столь характерная для сербской, черногорской, македонской и албанской традиций.

Наличие мифического предводителя атмосферного демона – признак, широко представленный в румынской традиции, а также в соседних карпатских традициях (венгерской, западноукраинской) и лишь эпизодически – в южнославянских. У румын повелитель «балаура» – *şolomonar*, имеющий силу подниматься в воздух вместе с «балауром» и направляющий его в нужном направлении; у сербов в районе Бача (Воеводина) – *černoknjažik*, летящий верхом на змее, называемом *šarkan*. Румынский *şolomonar*, не без основания рассматриваемый учеными как «антропоморфный двойник самого балаура» (Калужская 2001:81), известен преимущественно в северных и западных областях Румынии (Нямту, Сучава, Молдова, Ардял, Банат). В других балканских традициях представления о предводителе змееподобного атмосферного демона отсутствуют.

В южнославянских регионах, преимущественно у сербов, широко распространены поверья о том, что **душа человека-змея оставляет тело на время воздушной битвы** и устремляется в облака на борьбу с вредоносным демоном непогоды, после боя же возвращается в свою телесную оболочку. Подобные верования отмечаются и в румынской традиции, где они связываются как со «змеем», так и с «балауром», причем в обоих случаях речь идет о «злом», «нечистом» духе, который оставляет тело. Так, по поверьям из области Долж, *zmeii* образованы от злого духа людей, которые во время сильной бури умирают, а их дух поднимается в облака, где борется с тучами, особенно градоносными, пока не разобьет их, после чего снова возвращается в человека, и человек тотчас воскресает (Muşlea, Bîrlea 1970: 184). *Balaur* преимущественно происходит от душ нечистых людей: во время сна души поднимаются в облака в облике «балауров», где борются с другими «балаурами» (Bîrlea 1976: 23).

Вода как возможная сфера обитания атмосферных демонов – один из признаков, который регулярно встречается в балканских народных традициях. По румынским представлениям, «балаур» может обитать в озерах и болотах (Bîrlea 1976: 24), а также в лесах и горах возле воды и колодцев, больших рек и болот, на островах, у бездонных озер (Muşlea, Bîrlea 1970: 185), змеи – в морях, откуда облака пьют воду и случайно выпивают и змеев

(Muşlea, Bîrlea 1970: 182). По другим поверьям, они сами выпивают воду из морей, которая рассеивается в небе, наполняет облака и в виде дождя падает на землю (Bîrlea 1976: 24). Аналогичные представления отмечены и у банатских болгар (Телбизови 1963: 202). В сербской народной традиции обитание змееподобного чудовища называемого *аждаја*, часто связывается с глубокими озерами, так, *аждаја* живет в горных и подземных озерах, например, в «бездонном» озере, в Скадарском озере и многих других (СМР: 4–5). С мифологическим образом *ала* подобные поверья соотносятся реже, но в них особенно четко проявляется многогранная природа этого персонажа как одновременно водного и воздушного демона, а также и демона-покровителя места у сербов. Например, по народным верованиям с Копаоника, пока в этих горах жила *ала*, урожай везде был большой: она стерегла урожай этого края от других «ал», приносящих град, однако римляне заковали поверхность озера балками с железными шипами, повернутыми к воде. С тех пор «ала» пропала, а урожай заметно уменьшился, потому что теперь град уничтожает посевы (Раденковић 2001: 559–560).

В сербских, болгарских и македонских, как и в румынских представлениях вредоносный демон непогоды (рум. *balaur*, серб. *аждаја*, болг. *хала*, *ламя*, макед. *ламја*) может выступать как хозяин водных источников – озер, рек, ключей, которые он «закрывает» от людей, пока те не принесут ему жертву (Şăineanu 1922: 50; СМР: 4; ПК 1980: 473).

В ы в о д ы. Очевидна общая основа народных представлений об МП – змееподобном демоне непогоды – во всех рассмотренных балканских традициях. Базовый инвариант этих верований можно сформулировать как «воздушная битва змееподобных МП, результатом которой оказываются различные непогодные явления». Вместе с тем, помимо отличий в наименованиях персонажей, выделяются следующие содержательные варианты народных верований: в северной части Балкан (румынская традиция), практически не актуализирована принадлежность данных МП к классу демонов – защитников села, области, края, и, наоборот, ярко выражена их принадлежность к миру природы (в противопоставлении пространству человека), а именно – воздушно-водной стихии. В отличие от иных балканских традиций, в румынских, как и в других карпатских верованиях, хорошо известен мотив мифического предводителя (и двойника) змееподобного демона атмосферы в облике человека (*solomonar*). Продолжение данного культурного текста, аналогичного типа (*černoknjažik*, летящий на «шаркане») или модифициро-

ванного (связанного с управляющим тучами реального человека, называемого *градобранитель, облачар, вѣтровъѣак*)⁹, обнаруживаются в северных южнославянских регионах (Бачка в Воеводине, восточная Славония в Хорватии, западная Сербия). С сербской и отчасти с болгарской народными традициями румынскую традицию связывает также общий мотив оставления душой тела во время воздушной битвы МП, хотя и здесь наблюдается отличие в народной оценке данного мотива у румын. Для этой традиции характерна трактовка духа, души данного МП как «нечистых», обусловленная отсутствием румынских представлений о «добрых» героях-змеях, принадлежащих к классу демонов места и отчаянно борющихся за урожай и процветание своего края.

Славянское культурное заимствование *зтьѣ получило достаточно широкое распространение на Балканах, особенно в румынской традиции, где семантическое наполнение термина включает такой характерный для южнославянских традиций компонент, как 'герой-витязь', 'храбро сражающийся воин'. С другой стороны, слав. *зтьѣ в румынском становится синонимом к *balaur* в значениях 'мифический демон непогоды', 'вихрь, ураган', а также фиксируется и в значении 'падающая звезда', что, видимо, связано с общеславянскими народными представлениями о змее, падающем с ночного неба в облике снопа искр, звезды, кометы и под. Таким образом, *зтьѣ на Балканах, и в славянских, и неславянских традициях, приобретает дополнительный семантический признак, связанный с балканской идеей борьбы воздушных демонов непогоды, как борющихся за урожай и процветание края, так и нейтральных по отношению к защите «своего» села от «чужих» демонов.

Литература

- БМ – Българска митология. Енциклопедичен речник. София, 1994.
ЕРСЈ – Етимолошки речник српског језика. 1. Београд, 2003.
ИСД 10 – ИСД 10. Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М., 2004.
Калужская 2001 – *Калужская И. А.* Палеобалканские реликты в современных балканских диалектах. М., 2001.
Калужская, Цымбурский 2002 – *Калужская И. А., Цымбурский В. Л.* Беллер помимо Беллерофонта. (Фрагмент мифологической культуры Северных Балкан и Древней Европы) // *Studia classica et indo-europea*. СПб., 2002. С. 87–140.

⁹ Мотив предводителя туч (но не змея) имеет иные славянские продолжения – у западных славян (например, пол. *planetniki, chmurniki, przewodniki*).

- Климова 2006 – *Климова К. А. Стихъо – дух-покровитель места в новогреческой мифологии и некоторые славянские параллели // ИСД 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 114–130.*
- ПК – Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
- Плотникова 2004 – *Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.*
- Раденковић 2001 – *Раденковић Љ. Хала // Словенска митологија. Енциклопедијски речник. Београд, 2001.*
- СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2.
- СМР – *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970.*
- Телбизови 1963 – *Телбизов К., Векова-Телбизова М. Традиционен бит и култура на банатските българи. София, 1963 (Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, 51).*
- Бîrlea 1976 – *Bîrlea O. Mică enciclopedie a poveștilor românești. București, 1976.*
- DELR – *Dicționarul explicativ al limbii române. București, 1975.*
- Fochi 1976 – *Fochi A. Datini și eresuri populare de la sfîrșitul secolului al XIX-lea. București, 1976.*
- Gămulescu 1974 – *Gămulescu D. Elemente de origine sîrbocroată ale vocabulului dacoromân. București, 1974.*
- Mihăilă 1960 – *Mihăilă G. Împrumuturi vechi sud-slave în limba română. București, 1960.*
- Mușlea, Bîrlea 1970 – *Mușlea I., Bîrlea O. Tipologia folklorului. Din rîspunsurile la chestionarele lui B. P. Hasdeu. București, 1970.*
- Șăineanu 1922 – *Șăineanu L. Dicționar universal al limbei române. București, 1922.*

Summary

Slavic *zmbjъ in the Balkans

The article explores semantic content of Slavic cultural term *zmbjъ in the Balkans and corresponding folk image that is also characterized by specific features in the data area. Semantic peculiarities of the term and extralinguistic signs of image under investigation are different a little in South-Slavic traditions and Romanian and Greek traditions in spite of the fact that lexical unit *zmbjъ is borrowed by Romanian and Greek traditions from Slavs. On the whole Balkans (unlike in Northern Slavic languages and traditions) *zmbjъ is linked with the concept of struggle between the demons of weather; in Serbian, Bulgarian, Macedonian and Romanian folk beliefs victory or defeat of one of the party leads to good or bad weather. So in Romanian tradition lexical unit zmeu may be used in the meaning of 'hero', 'brave warrior' that corresponds to South-Slavic meanings of *zmbjъ. Romanian *hala* in close meanings of weather-demon is apparently later borrowing from Southern Slavs.

Иноязычные заимствования в свадебной терминологии болгар

В качестве материала для настоящей статьи были выбраны несколько болгарских сел, находящихся в зонах языкового пограничья, обследованных автором в период с 1998 по 2005 гг. Сведения собирались по единой, специально разработанной программе для изучения народной культуры балканославянского ареала (Плотникова 1996). Несмотря на то, что программа была задумана как часть МДАБЯ, вот уже несколько лет она живет самостоятельной жизнью, по ней собираются материалы учеными в разных регионах Славии: Сербии, Болгарии, Македонии, Хорватии, Словакии¹, на Украине.

Сбор данных по общей программе позволяет нам эффективнее исследовать в сопоставительном аспекте интересующий нас пласт лексики, точнее обрядовой терминологии, которая традиционно считается консервативной, а потому содержащей, вероятно, некоторые архаичные элементы.

Для исследования были взяты отдельные пункты в разных регионах Болгарии: это северный ареал (зона болгаро-румынских контактов) — с. Градец в области Видина, расположенное на крайнем северо-западе страны, с. Селановцы в области Оряхово, центральная Болгария, и с. Калипетрово в области Силистры (северо-восточная часть); южный ареал (зона болгаро-греческого пограничья) — с. Гега в обл. Петрича, с. Аврен в обл. Крумовграда, с. Брышлян в обл. Малко Тырново; восточный ареал (черноморское побережье, граница с Турцией) — с. Брышлян, с. Козичино в обл. Бургаса, с. Калипетрово; западный (болгарско-сербское и болгарско-македонское пограничье) — с. Градец, с. Глоговица в обл. Трына, с. Гега. Таким образом, ряд сел являются точкой пересечения двух ареалов.

Эффективность метода выбора для анализа сел-репрезентантов территориальных диалектов убедительно была доказана авторами Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ) и представлена на XII съезде славистов в Кракове в 1998 году (Домосилецкая, Плотникова, Соболев 1998), а также в статье А. А. Плотниковой «Балканославянский ареал через призму этнолингвистической программы», где автор аргументированно по-

¹ Автором статьи в июне 2007 г. осуществлены полевые исследования в Средней Словакии в районе г. Мартин, регион Турец, в рамках работы по Программе Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Карпато-балканский диалектный ландшафт»).

казала соотношение полной и краткой этнолингвистической информации о культурных диалектах балканских славян и высокие репрезентативные возможности отдельных краев данного ареала (Плотникова 2001: 43). В нашем исследовании был использован также и метод таблиц, который предоставляет возможность наглядного сравнения терминов.

Интерес к изучению заимствованной лексики в болгарской науке был неизменно высок. Существует много работ по истории заимствований и в болгарском литературном языке, и в диалектах (Мирчев 1952; Стоянов 1952; Филипова-Байрова 1969; Милев и др. 2000; Стаменов 2004; Кръстева 2003). Широко известна работа М. Младенова о распространении грецизмов в болгарских говорах, основанная на материале бытовой лексики и включающая 12 карт (Младенов 1991). Приведенные автором лексемы группируются в несколько ареалов, не только на юге, но и на севере, востоке и западе (там же, с. 33). Здесь представлена и интересующие нас лексемы из сферы свадебного обряда: *калитата* и *калимана* 'посаженый отец и посаженная мать', для которой указан южный ареал распространения (карта № 1).

Соотношением болгарской и румынской свадебной терминологии занималась исследовательница В. Алексова, которая, на примере обозначений «брака» и связанных выражений, обозначающих вступление в брак (Алексова 2002), а также названий обряда послесвадебного посещения молодыми родителей невесты, так наз. *повратки* (Алексова 2000), пришла к выводу о том, что заимствования характерны главным образом для румынского языка, тогда как болгарский почему-то остается «закрытым» для румынского влияния в системе свадебной терминологии.

Терминология обряда возвращения невесты в дом родителей после свадьбы, который нередко отмечает окончание свадебного комплекса и особенно важен для невесты, поскольку «он, по мнению Байбурина, завершает ее обрядовый путь до полной схемы обряда перехода: туда и обратно, но уже в новом статусе (Байбурин 1993:87). Ритуал известен балканским и многим европейским народам. Нас же интересуют его названия, имеющие идентичную (или сходную) мотивацию в балканских языках.

К 1 типу относятся термины с семантикой «начала», мотивированные признаком «первого посещения» невестой родительского дома.

В румынском языке термины с данной внутренней формой «начала» являются наиболее распространенными в южной, центральной, восточной и сев.-вост. Румынии. Это названия типа *Călea primară*, *căle primăre* букв. 'первый, начальный путь', встречающиеся в Мунтении, Молдове, Банате, Буковине. Обратный путь, который проходит невеста с молодым супругом в

родительский дом, одновременно является и первым для них обоих как семьи.

Подобные названия встречаются в южно-болгарских диалектах, в македонском и сербском (*първиче, првиче и првиџенче*), они образованы от числит. *первый*. Сходная модель представлена также в словосочетании *порву гост'е*, зафиксированном в Средних Родопах. По мнению исследовательницы Яшар-Настевой, эти названия представляют собой структурную кальку турецкого термина *ilklik* с тем же значением, где *ilk* означает 'первый'. Албанские термины *parë, parëti* также образованы от числительного *i parë* 'первый'. В арумynском отмечено заимствованное из болгарского наименование ритуала *parjiçea* < болг. *първиче*.

Ко **2 типу** относятся термины, мотивированные признаком «возвращения», что связано с толкованием обряда как обратного пути из потустороннего мира в мир живых. В рум. известны такие наименования, как *întorsûri* (Олтения, окр. Вылча и Арджеш), *întorcatûri* (Сучава), образованные от гл. *a (se) întoarce* 'возвращаться'. Ср. широко распространенные в Болгарии названия обряда *возвратки, завратки, одвратки, повратки*. Наиболее ясна исходная мотивация в атрибутивном словосочетании *călea întoârса* — букв. 'обратный путь', встречающемся спорадически в различных р-нах (Арджеш, Олт, Сучава, Трансильвания). В нем ярче всего отражена аналогия «свадьба-смерть», соотносимая с хорошо известным обозначением смерти, букв. *călea neîntoârса* 'путь без возвращения'. В целом, ареал распространения названий с внутренней формой «возвращения» в румынском языке ограничен южными и восточными областями (Мунтения, Олтения и Молдова), в болгарском же подобные термины представлены во всех диалектах. Рассматриваемая модель отмечена и в арумynском в термине *turnarea nveastil'ei* — букв. 'возвращение невесты', и в греческом: *επιστροφή, επιστροφική* 'возвращение' (Ксанти, сев. Греция), *απούρσιμα* 'поворот' (сев. Греция), а также в албанском: *pasi* от *pas* 'сзади, следом, после' и в сербском — *површићане* (Кашуба 1988:128).

Поскольку в болгарском языке ареал распространения подобных терминов очень обширен, можно предположить, что исходным пунктом возникновения рассматриваемой модели является именно болгарский (или южнославянские языки в целом), откуда она распространилась на соседние территории. Однако нельзя исключать возможность возникновения одинаково мотивированных названий в указанных балканских языках независимо друг от друга на основе сходного восприятия обряда как «возвращения» по пройденному свадебным поездом пути.

Что касается румынских терминов типа *întorsúri*, более вероятным нам кажется калькирование болгарских названий (*новрамки*), в пользу чего говорит и их более позднее появление, и распространение в южных и восточных районах Румынии, где в XIX в. обосновались болгарские переселенцы (подробнее см. Алексова 2000:57).

Сходные замечания о большей открытости румынского к славизмам, нежели обратно, были высказаны С. Б. Бернштейном и Г. П. Клепиковой в докладе на XII Международном съезде славистов, где были приведены примеры славизмов в румынском в сфере свадебной обрядности: обозначения посиделок и шафера — *дружка* (ср. с.-вост.-рум. *drúscă* ‘шафер на свадьбе’, Бернштейн, Клепикова 1998: 57). Наш материал подтверждает выводы о непроницаемости для румынизмов свадебной терминологии болгар. Исключение представляет собой лексема *зестра*, происхождение которой болгарские этимологи видят в румынском *zestre* ‘имущество, богатство’ (БЕР 1: 636).

Подробный анализ таблиц показал, что болгарская свадебная терминология достаточно устойчива и мало подвержена влиянию заимствованной лексики. Более всего открыты для проникновения группы обрядовых предметов (реквизита) и частично группы чинов/персонажей. Минимально количество заимствований из греческого: *калитата/калимана* ‘посажены отец/мать’ и *прикя* ‘приданое невесты’. Наибольшее число заимствований — из турецкого, однако не в северо-восточной Болгарии, как это ожидалось и традиционно отмечалось в лексике, а в средне-западной части страны (области Софии и Кюстендила). Северный ареал не содержит румынизмов, здесь присутствуют единичные турцизмы. Южный ареал характеризуется наличием грецизмов, у помаков отмечено обилие турцизмов, что вполне оправдано. Подробнее см. карту и таблицу.

Summary

The Loan-words in the Bulgarian wedding terminology

The article is based on the materials, gathered during the field exploration in 8 villages from various parts of Bulgaria in 1998–2005. The specific features of dialectal terms of the selected villages partly depend on its geographic position — on the cross of Bulgarian, Romanian, Turkish, Greek, Serbian and Macedonian borders.

The study is devoted to the investigation of loan-words in the wedding terminology. The analysis reveals that the Bulgarian wedding terminology is not permeable and very resistible for foreign language influence.

ТЕРМИНЫ ОБРЯДОВ,

Обряд, персонаж, реалия	<i>Северо-запад</i> с. Градец, обл. Видина	<i>Средне-зап.</i> с. Глоговица, обл. Трына	<i>Север</i> с. Селановци, обл. Оряхово	<i>Северо-восток</i> с. Калипетрово, обл. Силистры
помолвка	<i>годеж</i>	<i>годеж</i>	<i>годеж</i>	<i>годеж</i>
Посещение роди- телей невесты молодыми	<i>старо госте</i>	<i>на гости</i>	<i>повратки</i>	<i>одратки</i>
подписание брач- ного договора				
шафер	<i>деверньов</i>	<i>девер</i>	<i>девер</i>	<i>заложник</i>
золовка	<i>зълва</i>	<i>зълва</i>	<i>зълва</i>	<i>зълва</i>
невеста	<i>невеста</i>	<i>булка</i>	<i>булка</i>	<i>булка</i>
жених	<i>младоженяк</i>	<i>младоженя</i>	<i>младоженик</i>	<i>зет</i>
сваты	<i>годежари</i>	<i>годежари, тъкменджи</i>	<i>сваата, годежари</i>	<i>женийли, женовари</i>
посажёные отец/ мать	<i>кръстник, кръстница, кум/кума</i>	<i>кум/кума</i>	<i>крстник, крстница</i>	<i>кръстник, кръстница</i>
фата невесты	<i>валтъ, превез</i>	<i>превез</i>	<i>вал</i>	<i>вало, було</i>
приданое	<i>чеиз, руба</i>	<i>руба, чеиз</i>	<i>чеиз, руба</i>	<i>чеиз</i>
свадебный барашек				
свадебное знамя		<i>барйак</i>	<i>оруглица</i>	<i>байрак</i>
хлеб/ дробленое зерно <i>кешкек, булгур</i>	<i>кравай</i>	<i>погача</i>	<i>кравай</i>	<i>кравай, меденик</i>
свадебное деревце		<i>башча</i>		<i>дъб</i>

ПЕРСОНАЖЕЙ, РЕАЛИЙ

Юг помаки с. Аврен, обл. Крумов- града	Юго-зап. обл. Кюстендила	Юго-зап. обл. Софии	Юго-зап. с. Гега, обл. Петрича	Юго-вост. с. Брышлян, обл. Малко Тырново	Восток с. Козичино, обл. Бургаса
главене, главеш	тъкмеж	годеж	углава, годеж	главеж	года, годеж
повренки, гостие	госк'е	големо повратке	отвратки	повратки	водвратки
никях, венчавка					
девер	девер	девер, шафер	девер	девер	девер, заложник
зълва	зълва	шаферка	зълва	зълва	зълва
невеста	невеста	невеста, булка	невеста	булка, глевеница	бул'ка, сгуденца
зет, младоженец	младоженец	младоженец, младенец	младоженец	зет, младоженец, глевеник	зет, сгуденик
дюнюрджии	тъкменджии	годежници, углавджии	просци, стройници	шлюбници	женийли, годаре, годежаре
	кум/кума	кум/кумица	калимана/ калитата	кал'мана кал'та-та	крестник, крестница
дувак	дувак, прекрофка	превес, було, дувак, вало	прекровка, вало	тул, було	було
пирке, прике	руба, чеиз	чеиз	чеиз, руба, прикия	зестра, прике	чеиз, руба
+			+		
байряк	байрак	байрак, оруглица	феруглица	пряпор	байряк
кешек, клинье, цал ляп	бахча	колак, гълбник	цал леп, колак	колаке, булгур, трахана	меденик
	бахча	бахча, теферич, бор	вейка		елх'е

Литература

- Алексова 2000 — В. Алексова. Първото посещение на младоженката в бащиния дом. Названия на обряда в българския и румънския език // Съпоставително езикознание. Год. XXV, Кн. 2. София, 2000. С. 33–61.
- Алексова 2002 — В. Алексова. Термини за «встъпвам в брак» в българския и румънския език // Съпоставително езикознание. Год. XXVII. Кн. 3. 2002. С. 16–58.
- Алексова, в печати — 1. Общи елементи в българската и румънската сватбена терминология: бълг. *погъзей* рум. *rosinzeu* // Балканско езикознание. София. 2. Общи елементи в българската и румънската сватбена терминология: бълг. *окроп*, *уacroп* / рум. *uncrop*, *oncrop*, *incrop* // Сборник в памет на проф. М. Младенов. София.
- Бернштейн, Клепикова 1998 — С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. Славяно-румънски езикови контакти в свете новых данных славянской лингвистической географии // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М., 1998. С. 47–68.
- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–. София, 1971–.
- Домосилецкая, Плотникова, Соболев 1998 — М. В. Домосилецкая, А. А. Плотникова, А. Н. Соболев. Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М., 1998. С. 196–211.
- Кръстева 2003 — В. Кръстева. Тълковен речник на турцизмите в българския език (с илюстративен материал от литературата, фолклора, пресата, радиото и телевизията). София, 2003.
- Милев и др. 2000 — А. Милев и др. Речник на чуждите думи в българския език. Изд. 5. София, 2000.
- Мирчев 1952 — К. Мирчев. За съдбата на турцизмите в българския език // Известия на Института за български език при БАН. Кн. 2. София, 1952. С. 117–127.
- Младенов 1991 — М. Младенов. Ареална характеристика на гръцките заемки в българските диалекти // Език и литература. XLVI, 3. София, 1991. С. 31–47.
- Плотникова 1996 — А. А. Плотникова. Материали для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.
- Плотникова 2001 — А. А. Плотникова. Балканославянский ареал через призму этнолингвистической программы («зверинье» праздники) // Исследования по славянской диалектологии 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 30–51.
- Плотникова 2004 — А. А. Плотникова. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Стаменов 2004 — М. Стаменов. Съдбата на турските заемки в българския език като отражение на някои характерни черти на националния менталитет // Език и менталитет. София, 2004, 75–139.
- Стоянов 1952 — Л. Стоянов. За турцизмите и диалектизмите в българския литературен език // Известия на Института за български език при БАН. Кн. 2. София, 1952. С. 118–119.
- Филипова-Байрова 1969 — К. Филипова-Байрова. Гръцки заемки в съвременния български език. София, 1969.

О Пробном выпуске Лексического атласа русских народных говоров

Выход в свет в 2004 г. прекрасно изданного Пробного выпуска Лексического атласа русских народных говоров, (см. ЛАРНГ 2004) является значительным событием в области русской и славянской диалектологии и лингвогеографии. Тот уровень развития диалектологии в целом и диалектной лексикологии в частности, который характеризует отечественное и славянское языкознание в последние десятилетия, закономерно подвел русских диалектологов к пониманию важности и актуальности серьезного изучения диалектной лексики русского языка и необходимости создания Лексического атласа русских говоров (далее – ЛАРНГ). Пробный выпуск – это начало реализации данного научного проекта.

Необходимо отметить, что еще в 1957 г. в предисловии к «Атласу русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», Р. И. Аванесов, обращая специальное внимание на несистематичность и случайный характер лексического материала в этом Атласе, писал: «в дальнейшем, по мере развития монографического изучения лексики русских диалектов и выявления словарных и семантических диалектных различий, возможно создание новой серии атласов русских говоров, посвященных лексике и семантике» (АРНГ, комментарии 1957: 8).

И только в 1972 г. идея создания ЛАРНГ (с системным, а не атомарным подходом к картографируемому материалу) была четко сформулирована И. А. Поповым. Проспект этого атласа вышел в свет в 1974 г. (Попов 1974). В нем была представлена в главных чертах картографическая концепция ЛАРНГ, разработаны принципы составления программы (вопросника) обследования говоров, а также определены территория, подлежащая обследованию, сетка населенных пунктов, хронологические рамки и методы сбора диалектного материала. В Проспекте также отмечалось, что главная задача Атласа заключается в том, чтобы «показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров – лексические и семантические диалектизмы разных тематических и лексико-семантических групп (элементы микрополей), семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования» (Там же: 3).

В 1993 г. важным этапом в теоретическом осмыслении проблематики Атласа и в оценке практических возможностей в реализации этого масштабного проекта на современном этапе развития русской (и шире – славянской) лингвогеографии и лексикологии явился коллективный доклад «Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов», пред-

ставленный на IX Международном съезде славистов в Братиславе (авторы: Попов И. А., Азарх Ю. С., Вендина Т. И., Герд А. С., Мораховская О. Н., Петрова З. М.) (Попов и др. 1993). В докладе отмечалось, что в настоящее время все еще отсутствуют сведения о границах распространения большинства диалектных слов, в то время как процессы изменения говоров и, следовательно, утраты в них специфически диалектных черт протекают особенно интенсивно. В связи с этим особое внимание необходимо уделить квалифицированному сбору материала по максимально полной программе, составленной на базе всех последних достижений в области русской (и славянской) диалектной лексикологии и лингвогеографии, а также на основе того системного подхода, который был разработан в целом ряде монографических исследований, посвященных различным проблемам в области лексики, и прежде всего при подготовке ДАРЯ.

В 1994 г. публикуется Проект ЛАРНГ (Проект 1994) и Программа (Программа 1994). Именно с этого времени силами кафедр русского языка подавляющего большинства вузов Европейской части России начался активный и планомерный сбор диалектного материала. Стоит с сожалением отметить, что Институт русского языка РАН, сотрудники которого являлись активными авторами теоретической концепции, Проекта и Программы Атласа, в настоящее время не участвует в работе над ЛАРНГ.

Известно, что содержание программы/вопросника определяет тип и характер исследования. Этот первый этап работы чрезвычайно важен, так как именно в нем должна быть отражена концепция будущего труда. Поэтому содержание вопросника обсуждалось авторами особенно тщательно. К его составлению они подошли с большой ответственностью и только тогда, когда теоретическая концепция Лексического атласа была ими уже разработана. Программа ЛАРНГ, полный текст которой включен в Пробный выпуск Атласа, направлена на лингвогеографическую интерпретацию лексико-семантического материала с целью выявления *системных* отношений между лексическими единицами, функционирующими в пределах русского диалектного континуума. Необходимо отметить, что в Программе удалось вполне последовательно провести системный подход к отбору материала.

В написанном Т. И. Вендиной Предисловии к Пробному выпуску ЛАРНГ, в основу которого положен упомянутый выше коллективный доклад на IX МСС, говорится: «Сама логика развития лингвистической географии..., успехи, достигнутые славянской лингвистической географией, в том числе белорусской и украинской, со всей остротой поставили перед отечественной диалектологией вопрос о необходимости создания лексического атласа общерусского масштаба, атласа, построенного на принципиально иной

основе. Таким принципиально новым подходом должен был стать системный подход к принципам отбора и картографирования материала и отказ от атомарного подхода» (ЛАРНГ 2004: 9).

Выход в свет Пробного выпуска ЛАРНГ очень важен в научном отношении. Необходимо отметить, что он осуществлен в значительной степени благодаря усилиям Т. И. Вендиной – ею, кроме написания Предисловия и составления ряда карт с комментариями, был разработан компьютерный алгоритм картографической программы и система знаков и на основе этого выполнены все карты.

Из данного выпуска мы узнаем о территории обследования (Европейская часть России до Урала, т. е. до 60° в. д.), о сетке населенных пунктов (1064 опорные точки на карте), о хронологических границах Атласа (с 60-х годов XX в. вплоть до окончания работы над Атласом), о количестве вопросов в Программе (более 5000). В Предисловии дана оценка того уровня развития отечественной, славянской и отчасти европейской лингвогеографии и лексикологии, который обусловил уверенность в реальности создания ЛАРНГ. Сформулирована теоретическая концепция Атласа; описаны методы ее реализации как при сборе материала, так и при лингвогеографической интерпретации; освещен и целый ряд других, относящихся к работе над Атласом, вопросов. Кроме того, справедливо отмечено, что материалы ЛАРНГ дают возможность вплотную подойти и к реализации такой актуальной в настоящее время научной задачи, как моделирование языковой картины мира, поскольку именно в языке сельского населения наиболее ярко отражается, сохраняется и передается из поколения в поколение традиционная народная культура (ЛАРНГ 2004: 14).

Также важной и вполне реальной представляется сформулированная в Предисловии *перспектива* изучения лексико-семантических различий на материале диалектов трех восточнославянских языков (русского, белорусского и украинского) путем использования диалектных данных опубликованных лексических атласов белорусского и украинского языков (Там же), тем более, что опыт такого исследования (и не только лексико-семантических, но и фонетических, морфологических, словообразовательных и синтаксических явлений) уже имеется. См. ВСИ 1995; ВСИ-2 1998; ВСИ-3 2000; ВСИ-4 2006.

Все вышесказанное позволяет оценить данный труд не только с точки зрения наличия в нем удачных решений заявленных проблем, но и коснуться отдельных спорных моментов, которые в последующих выпусках могли бы быть учтены. Именно возможность обсуждения вопросов, возникших в результате знакомства с Пробным выпуском, который представляет собой ре-

лизацию в миниатюре всего масштабного проекта в полном объеме, поможет авторам ЛАРНГ при работе над следующими выпусками в плане усовершенствования методов картографирования и теоретической интерпретации лексических диалектных различий. Об этом же говорится и в Предисловии: «Основная цель его (Пробного выпуска – Т. II.) – проверить и уточнить теоретические принципы, положенные в основу Атласа, его картографическую концепцию и методику составления карт в компьютерном варианте» (ЛАРНГ 2004: 20).

Программа ЛАРНГ нацелена на выявление системных отношений между лексическими единицами, функционирующими в пределах русского диалектного континуума. Вопросы в Программе сформулированы по ономаσιологическому («от значения к слову») и по семасиологическому («от слова к значению») принципам, что дает возможность выявить структурно-семантические и словообразовательные (деривационные) различия этих единиц.

Для раскрытия системных отношений в сфере лексики вопросник, в основу составления которого «был положен критерий значимости реалии в традиционной материальной и духовной культуре» (Там же: 12), должен обеспечить сбор необходимого материала по: «а) тематическим группам слов; б) лексико-семантическим группам слов в их взаимной связи и обусловленности; в) семантической структуре слова; г) семантической структуре слова и лексико-семантическим группам в их взаимной связи и обусловленности; д) словообразованию...Программа построена на основе семного анализа. Она не ставит перед собой задачи дать исчерпывающее представление обо всей диалектной лексике, в то же время она не является закрытой. Программа предусматривает сбор материала по следующим тематическим группам слов: 1. природа (растительный и животный мир, ландшафт, метеорология); 2. человек (анатомические названия, особенности и характеристика личности, социальные отношения, традиционная духовная культура и др.); 3. трудовая деятельность; 4. материальная культура; 5. питание; 6. пути сообщения, транспортные средства; 7. семантика и ареалы (список слов для проверки их значений и географии)» (Там же: 17–18).

Программа содержит более 5000 вопросов, «касающихся лексики, типичной для социального уклада, среды обитания и быта сельских жителей и отражающей специфику русской языковой картины мира» (Там же: 12). Важно подчеркнуть, что значительная часть лексики, которая связана с явлениями природы, быта и материальной культуры, относится к наиболее древнему пласту славянского лексического фонда.

Лингвогеографическая интерпретация собранной по программе лексики должна показать на картах Атласа не только ареалы распространения лексических, семантических и словообразовательных различий в рамках русского диалектного континуума, но и системные связи единиц лексического уровня в их пространственной проекции. Ср. замечание Н. Толстого: «Необходимо картографирование типов хотя бы небольших семантических полей (т. е. семантических групп – *Т. П.*) с определением дистрибуции лексем и их словообразовательных-деривационных возможностей» (Толстой 1997: 113).

Для реализации указанной задачи авторы ЛАРНГ предусматривают разработку следующих типов карт: лексические; семантические; лексико-семантические; карты, посвященные структурно-семантическим и лексико-семантическим диалектным различиям, осложненным этнографическими (и вообще внеязыковыми) различиями; различные типы словообразовательных карт; мотивационные; номинативные; историко-лингвистические карты; разные типы сводных карт (ЛАРНГ 2004: 12–13).

Очевидно, что составление на высоком научном уровне всех перечисленных типов карт возможно только при наличии соответствующего *качества* диалектного материала, и это предъявляет к подготовке эксплораторов особые требования. Авторы ЛАРНГ прекрасно понимают, что при картографировании лексических и особенно семантических признаков, диалектный материал, несмотря на свой массовый характер, призван отвечать требованиям современного состояния лексикологии, диалектологии и лингвогеографии. Поэтому составители карт должны дать квалифицированную оценку собранному материалу, обработать его в лингвогеографическом (т.е. пространственном и содержательном) аспекте, подготовив его для картографирования, и, наконец, прокомментировать. Ср.: «широкий круг проблем, связанных с пространственным изучением лексико-семантического уровня языка, может быть решен только при условии всестороннего охвата диалектного материала и более углубленного подхода к его собиранию и описанию» (Там же: 11).

Сказанное свидетельствует о том, что создание ЛАРНГ – это своевременный, чрезвычайно ответственный и сложный проект как по своим научным, так и практическим задачам.

В Пробном выпуске ЛАРНГ представлены 36 карт, на которых показаны лексические, семантические и словообразовательные различия по тематическим группам «Растения» и «Животный мир» раздела «Природа». Все карты снабжены комментариями и полными индексами. Карты должны показать пространственное распространение родовых и видовых наименований (см., например, вопросы Программы: Л 1 лес (о.н.) и Л 4 хвойный лес), совидовых

наименований с противоположными значениями (например, Л 20 молодой лес и Л 21 старый лес), наименований части и целого (например, Л 35 сухое дерево и Л 37 сухая вершина дерева), а также наименований, связанных с различными деривационными отношениями (например, Л 188 медведь, ЛСЛ 189 медведица, ЛСЛ 190 медвежонок, ЛСЛ 191 большой медведь, ЛСЛ 192 (ум.-ласк.) небольшой медведь), т. е. всех тех лексических, семантических и словообразовательных признаков, по которым можно судить о структуре и функционировании диалектной лексической системы русского языка.

Таким образом, Пробный выпуск ЛАРНГ, содержащий подробное изложение теоретической концепции Атласа, карты с комментариями и индексами, а также исчерпывающий список всех справочных материалов и полный текст Программы, производит впечатление фундаментального труда, который позволяет судить как о его достоинствах (о них вкратце было сказано выше), так и о некоторых досадных (но вполне устранимых в последующих выпусках) недостатках. Я отдаю себе отчет в том, что на обсуждаемые далее проблемы может существовать и иной (не совпадающий с высказанным мною) взгляд.

Известно, что организация лексической системы языка (по сравнению с системами других уровней) характеризуется наибольшей сложностью. Н. И. Толстой обращал на это специальное внимание: «Семантическая система языка, которую часто по традиции называют «лексической», остается и поныне малоизученной областью общей лингвистики... Причина этого кроется, вероятно, прежде всего в практически трудно исчисляемом количестве единиц этой системы (лексем), в ее максимальной открытости и зависимости от внеязыковой ситуации – от «системы» или просто конкретного набора реалем, если понимать под реалемой некий инвариант референтов, инвариант реалий». Он подчеркивал, что в отличие от фонологической и грамматической систем, в которых набор единиц весьма ограничен и характеризуется полной независимостью от внеязыковой действительности, «в семасиологии «субстанция» дает о себе знать постоянно, и изучение целого ряда лексических пластов приводит прежде всего к моделированию «культуры» – различных понятий или реалий, функционирующих среди носителей того или иного языка» (Толстой 1997: 44–45).

В связи со сказанным необходимо еще раз обратить специальное внимание на то, что чрезвычайная сложность организации лексико-семантического уровня языка требует от диалектолога (как собирающего материал, так и обрабатывающего собранный материал) самой серьезной предварительной подготовки и достаточно высокой квалификации. Именно поэтому четкое и

непротиворечивое изложение теоретической концепции ЛАРНГ приобретает особое значение.

Однако в Предисловии при формулировании основных пунктов этой теоретической концепции некоторые из них оказались не вполне точно или не полностью раскрытыми. Поэтому считаю возможным остановиться подробнее на отдельных ключевых вопросах теории лингвострановедения, а также обратить специальное внимание на ряд положений этой теории, которые имеют непосредственное отношение к сбору и лингвострановедческой интерпретации лексико-семантического материала.

Следует специально подчеркнуть, что решающее значение в понимании системной организации лексического уровня языка и в окончательном оформлении (осмыслении) теоретической концепции Атласа имела деятельность московских диалектологов во главе с Р. И. Аванесовым. В связи с работой над ДАРЯ ими для русского языка была создана теория диалектологии и лингвострановедения, не потерявшая своей научной значимости и сегодня – см. коллективную монографию (ВТЛГ 1962).

Центральной идеей указанной теории являлось понимание национально-го языка, как единой, особым образом организованной системы, что позволило ввести в научный оборот понятие *системы диалектного языка*, т. е. своеобразным образом организованной системы многих *частных диалектных систем*. Как известно, идея диалектного языка была сформулирована Р. И. Аванесовым для фонетического фрагмента русского языка еще в 1947 г. (Аванесов 1947). Такая система систем (или диасистема) содержит, с одной стороны, черты общие, стабильные, устойчивые, а с другой, неустойчивые, подвижные, реализующие диалектные различия. Ср.: «Русский диалектный язык в его пространственной проекции представляет сложное единство в многообразии. На любой территориальной точке он обладает своей системой. Системы диалектного языка на разных территориальных точках обладают, с одной стороны, чертами, общими для них, с другой стороны – чертами, их различающими. При рассмотрении системы диалектного языка на более или менее обширной территории обычно выделяются, с одной стороны, такие его части, которые характеризуются комплексом одинаковых черт...или соотносительных с ними черт..., с другой – такие, по которым проходят границы этих соотносительных черт, обычно неодинаковые» (ВТЛГ 1962: 9).

Таким образом, *система диалектного языка* в отличие от любой моно-системы (литературного языка или отдельного диалекта), представляет собой *конструкт*. Ср.: «Различие между частной диалектной системой и системой диалектного языка состоит в том, что первая представляет собой ре-

альность в системе коммуникативных связей, вторая является чисто научным построением. Вследствие этого частная диалектная система и система диалектного языка не сопоставимы на одной плоскости» (Калнынь 1970: 421–422). Поэтому все системные отношения между языковыми единицами моносистемы являются иными, чем системные отношения между единицами такого конструкта, каким является диалектный язык. При этом важно понимать, что *единицы, принадлежащие конструкту, и сами являются абстрактными (научными) построениями.*

В (ВТЛГ 1962) отмечалось, что наиболее сложной и малоизученной в диалектном плане являлась на тот период времени (да является и сейчас, о чем говорилось выше) лексическая система. В этой монографии вопросам лингвогеографического изучения лексики посвящена специальная глава «Лексические диалектные различия и их картографирование». Несмотря на то, что все основные понятия лексикологии разрабатывались лишь в применении к отдельной частной языковой системе и поэтому взаимоотношения слов одной частной диалектной системы с соответствующими элементами лексики других частных систем в составе языка как целого почти не изучались (Там же: 147–148), данная глава содержит чрезвычайно важные положения, имеющие самое непосредственное отношение к вопросам картографирования различительных элементов лексического фрагмента системы русского диалектного языка.

В связи с этим Р. И. Аванесов писал: «Словарный состав языка, как и все другие его стороны, образует систему. Слова одной системы (например, диалекта) по своим значениям и структуре связаны друг с другом. Они могут образовать определенные семантические группы. Одни слова данной частной языковой системы могут быть связаны с другими словами той же системы по признаку тождественности, близости или противоположности значения, по признаку разграничения слов в разных сферах языковой деятельности... Однако проблема изучения словарного состава как системы даже в пределах одной частной разновидности языка (например, в пределах одного диалекта) изучена еще очень слабо. Тем более не изучена она в более широких границах языка как целого, как системы частных языковых систем, где предметом изучения должно быть не только функционирование слова в каждой из частных языковых систем, но также и соотношение соответственных лексических элементов разных частных систем» (Там же: 150). Нельзя не отметить, что теоретическая концепция ЛАРНГ также исходит из признания системы диалектного языка: «В совокупности диалектная лексика русского языка представляет собой систему...многих частных систем» (ЛАРНГ 2004: 17).

В последние годы неопределимое значение как в исследовании лексических различий, характеризующих русский диалектный континуум, так и в теоретическом осмыслении структурных и функциональных особенностей лексических единиц в русских говорах, имела работа над лексическим выпуском ДАРЯ (ДАРЯ 1996; ДАРЯ 1997; ДАРЯ 2004). Это позволило О. Н. Мораховской (которая является и одним из авторов концепции ЛАРНГ) существенным образом продвинуть вперед теоретическую разработку основ лингвогеографического изучения диалектной лексики русского языка с ее вариативностью, динамизмом лексических номинаций и высокой степенью проницаемости в результате взаимовлияния разных коммуникативных структур (ДАРЯ 1996).

Важную роль в развитии отечественной теории диалектологии и лингвогеографии, начиная с 60-х гг. XX в., сыграли исследования Н. И. Толстого. Это была новая ступень в теории диалектных различий, которая касалась самой неразработанной в тот период области – области лексикологии и семасиологии, особенно в применении к нескольким говорам.

Н. И. Толстой сформулировал понятие семантического микрополя как амплитуды колебания значений одной лексемы в пределах исследуемого диалектного континуума: «Границы микрополя определяются величиной семантической «амплитуды колебания» одной лексемы, которая называется опорной. Амплитуда колебания устанавливается в результате *диасемного обследования* (Курсив мой – Т. П.), т.е. выяснения, что значит данная лексема во всех привлекаемых для рассмотрения в синхронном плане диалектов или языков. В конструированном микрополе большинство лексем будут иметь определенную (большую или меньшую) амплитуду колебания. Опорной лексемой будет лексема с максимальной амплитудой» (Толстой 1997: 54–55).

Остановился он и на чрезвычайно важном понятии дифференциальных признаков лексической системы: «Дифференциальные признаки..., их количество и расположение выявляются в результате установления альтернатив в всех исследуемых диалектах, т.е. в итоге рассмотрения всего диалексемного и диасемного инвентаря (при учете соотношения «лексема : семема»).... Семантический дифференциальный признак считается релевантным для данного диалекта (языка), если при его выражении выступает отдельная лексема» (Там же: 55).

На конкретных примерах Н. И. Толстой показал, в чем заключается *метод* построения сетки-модели семантического микрополя, с помощью которой могут быть определены (в рамках исследуемого диалектного континуума) точный (а, следовательно, и сопоставимый) семантический объем (се-

мантический спектр) анализируемых лексем, дистрибуция лексем и их словообразовательно-деривационные возможности. Тем самым Н. И. Толстым было, во-первых, доказано преимущество изучения больших групп слов (лексем), связанных между собой рамками семантического микрополя и, следовательно, системными отношениями, во-вторых, продемонстрировано на конкретном материале, что те взаимосвязи между словами, которые существуют в лексико-семантической сфере языка, имеют системный характер, и, в-третьих, убедительно показана реальность и перспективность изучения лексико-семантической системы диалектного континуума с помощью предложенного метода.

Как известно, непротиворечивость любой теоретической концепции в немалой степени зависит от последовательного употребления необходимых терминов и понятий. Выше было показано, что картографическая концепция ЛАРНГ базируется на теоретических достижениях отечественной лингвогеографии с ее центральной идеей о системе диалектного языка, сформулированной в основных чертах Р.И. Аванесовым и развитой впоследствии московскими диалектологами, с введенной в научный оборот Н. И. Толстым теорией семантического микрополя, как амплитуды колебания значений одной лексемы в пределах исследуемого диалектного континуума, с разработкой четкой системы терминов и понятий, относящихся к области диалектной лексикологии и лингвогеографии.

Однако в Пробном выпуске, характеризующемся в целом продуманной теоретической концепцией, принцип строгого употребления всех основных терминов и понятий современной теории лингвогеографии и лексикологии проведен не всегда последовательно, т.е. отмечается нетерминологическое употребление некоторых определений.

Так, очевидно, что в работах, которые исследуют лексическую макросистему на материале говоров определенного диалектного континуума, необходимо разграничивать понятия, обозначаемые терминами *слово*, *лексема* (или *звуковая оболочка*) и *семема* (или *значение*), а также яснее и четче определять различие между понятиями *полисемия* и *омонимия* применительно к одной ЧДС и к собранию нескольких (более одной) ЧДС.

На это в свое время указывал еще Р. И. Аванесов, который писал: «Значительная часть противопоставленных различительных элементов выделяется на базе материальной общности – это может быть общность слова, корневой морфемы, общность словообразовательной морфемы, общность флексии или системы флексий... Например..., диалектное различие *кут* ‘угол в доме’ : *кут* ‘лавка’ : *кут* ‘зуб’ ... выделяется на базе материальной общности слова. Однако... с точки зрения современных языковых отношений было бы

вернее говорить не столько об общности слова, сколько об общности звуковой оболочки разных слов (Подчеркнуто мной – Т. П.)» (ВТЛГ 1962: 14–15). Ср. также: «Разнодиалектные слова – члены соответственного явления, обладающие семантической общностью, – различаются своей звуковой оболочкой» (Там же: 17). При этом Р. И. Аванесов специально подчеркивал, что слово представляет собой единство определенного звукового комплекса (звуковой оболочки) и значения: «понятие тождества слова складывается из тождества этих двух его сторон. Если в пределах одной частной системы... в составе разных высказываний мы находим звуковые комплексы, одинаковые по своей звуковой оболочке и значению, то они представляют несомненно то же слово. Если одна из этих сторон различна – перед нами разные слова. Ср. *конь* и *лошадь*... Или: *ключ* ‘для отпираания замка’ и *ключ* ‘родник’... В первом случае это синонимы, во втором – омонимы; в обоих – разные слова» (ВТЛГ 1962: 148).

К этому же вопросу неоднократно обращался и Н. И. Толстой, который писал: «Слово в аспекте лексикологическом, или, вернее, семасиологическом, является единством лексемы и семемы. В плане выражения слово – лексема, в плане содержания – семема. Под лексемой, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, под семемой – его содержание. В этом отношении омонимы – одна лексема с двумя семемами..., синонимы – одна семема с двумя лексемами... Семемы – абстрактные понятия, которые манифестируются лексемами» (Толстой 1997: 46).

Отсюда следует, что термин *слово* обозначает реальную единицу лексического уровня языка, а термины *лексема* (звуковая оболочка слова) и *семема* (значение слова) – абстрактные понятия, научные построения; поэтому термин *слово*, с одной стороны, и термины *лексема* и *семема*, с другой, не могут замещать друг друга (т.е. они «на одной плоскости несопоставимы»).

Тем не менее, в ряде случаев в Пробном выпуске атласа термин *лексема* заменяется термином *слово* (хотя следует подчеркнуть, что в большинстве комментариев этот термин употреблен правильно). Ср.: «Семантические карты..., репрезентирующие значения *одного и того же слова*» (ЛАРНГ 2004: 6); «...различия связаны... с разной семантикой *одних и тех же слов*» (Там же: 7); «ср., например, *разные значения слова бирюк*» (Там же: 13); «дистрибуция значений *слова бирюк* в русских говорах» (Там же: 50); «на карте получила отражение и лексема *дичь*, являющаяся во всех пунктах, где она отмечена, *абсолютным синонимом слова зверь*» (Там же: 76); «семантические карты: посвящены значениям *одного и того же слова* или слов, имеющих одну и ту же звуковую оболочку» (Там же: 18) и т.д. Ср. также и следующее высказывание: «На семантических картах найдут отражение

диалектные различия в значениях одного и того же слова (в случае полисемии) или же слов, имеющих одну и ту же звуковую форму (в случае омонимии); ср., например, разные значения слова *бирюк*, среди которых 'волк', 'медведь', 'барсук', 'угрюмый человек', 'злой человек', 'ленивый человек' и др., а также 'страшилище, которым пугают детей'» (Там же: 13) (Курсив везде мой – Т. П.).

Такая небрежность в употреблении указанных терминов, причем в работе, относящейся к лингвогеографическому жанру, где рассматриваются только научные построения, конструкции, не имеющие однозначного соответствия с речью (это диалектный язык и различного рода соответственные явления, или междиалектные соответствия, реализованные лексическими и семантическими дифференциальными признаками с географической характеристикой), вряд ли допустима.

В связи со сказанным представляется вполне уместным задать вопрос о том, какие явления картографируются и какие единицы анализа могли бы быть применены в лексическом атласе?

Рассмотрим самые простые (первичные, или исходные) карты: это так называемые лексические карты (ономасиологического характера: «от значения к слову») и так называемые семантические карты (семасиологического характера: «от слова к значению»).

На *лексических картах* показана варьирующаяся серия фигур (или других картографических знаков), обозначающих разные лексемы, реально употребляющиеся в разных ЧДС. Эти лексемы «связаны» между собой одной «обобщенной» семемой, которая на карте не показана. Обозначения разных лексем – это соответственное явление, которое является вариативным звеном диалектного языка; а «закадровая» семема представляет собой постоянное звено диалектного языка.

На *семантических картах* изображена варьирующаяся серия фигур, обозначающих семемы, зафиксированные в разных ЧДС. Семемы «связаны» друг с другом одной «обобщенной» лексемой, которая на карте не показана: иными словами, семантическая карта представляет в пространственном аспекте разные семемы (значения) одной абстрактной лексической единицы – лексемы. В данном случае разные семемы, изображенные на карте – это вариативное звено диалектного языка, т.е. соответственное явление, а одна лексема («общая» для всех ЧДС) – это его постоянное звено.

Напомню определение Р. И. Аванесовым понятия *соответственное явление*: «Соотносительные различительные элементы разных частных диалектных систем выделяются именно как противопоставленные благодаря тому, что они находятся в определенных закономерных отношениях друг к

другу, представляя собой тожество в одном отношении и различие в другом (Подчеркнуто мной – Т. П.). Благодаря этим соотношениям такие различительные элементы образуют то, что мы ... называем соответственным явлением. Последнее представляет собой такой элемент общей системы языка, который в отдельных частных системах выступает в разных своих проявлениях, в разных своих членах. Поэтому соответственное явление всегда дву-членно или многочленно. При этом разные члены одного соответственного явления в принципе взаимно исключаются в одной частной системе и, напротив, замещают друг друга в разных частных системах, образуя своего рода тожество в каком-либо отношении при одновременном различии в другом отношении» (ВТЛГ 1962: 13–14).

Из сказанного следует, что в лексических атласах картографируются *не слова*, а лишь их лексические или семантические *дифференциальные признаки*, т.е. абстрактные единицы лексического уровня – *лексемы* и *семемы*, которые манифестируют вариативные звенья лексико-семантического фрагмента системы диалектного языка. Причем степень абстракции этих единиц в диалектном языке значительно выше, чем в отдельной ЧДС (где лексемы и семемы являются ДП *конкретных слов*), поскольку как в вариативном звене, так и в постоянном обобщены семемы и лексемы всех ЧДС данного диалектного ареала.

Важно отметить, что при чтении карты можно для каждой ее точки (= говора) сконструировать «слово», соединив один из ДП, характеризующий в качестве члена соответственного явления данную точку на карте, с другим ДП, который представляет собой постоянное звено. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что в лексическом атласе посредством картографирования диалектного лексического материала, как бы ни было высоко его качество, невозможно получить полную информацию о лексико-семантической системе каждого из обозначенных на карте говоров. Как невозможно получить и полную картину лексико-семантической сферы диалектного языка, основываясь лишь на изначально дифференциальном характере любой лингвогеографической программы (в том числе и лексической, которая также направлена на изучение *только* различительных диалектных признаков).

Таким образом, предметом картографирования в лексическом атласе являются дифференциальные признаки слов – лексемы и семемы, но не конкретные слова. Что касается *единиц* лингвогеографического анализа лексико-семантической системы, то, возможно, ими могли бы быть две единицы: для семантического уровня – это набор соответственных семем, объединенных одной «обобщенной» лексемой (или «диалексемой»); для лексического

уровня – это набор соответственных лексем, объединенных одной «обобщенной» семемой (или диасемемой). Ср. также упоминавшийся выше метод конструирования микрополей с помощью сетки-модели, квадраты (клетки) которой обозначают такие единицы описания лексико-семантического уровня ряда диалектов, как дифференциальные признаки лексической диасистемы, т.е. лексем, и амплитуды колебания их значений: «При вычленении из семантической сферы языка отдельного микрополя, особенно при проведении этой операции на материале языков или диалектов со значительной степенью сходства..., можно с успехом оперировать следующими основными показателями: а) инвентарь, т. е. набор семем, определяющийся количеством соответственных лексем; б) дистрибуция лексем на семантической сетке-модели; в) конфигурация лексем, т. е. результат их дистрибуции». При этом: «Дифференциальные признаки, т. е. наличие клеток (квадратов) микрополя, их количество и расположение выявляются в результате установления альтернатив во всех исследуемых диалектах» (Толстой 1997: 49, 55).

Необходимо остановиться вкратце и на понятии *полисемия*, которое также имеет разное содержание в зависимости от того, рассматривается ли оно в моно- или диасистеме (т. е. в ЧДС или в диалектном языке). Р. И. Аванесов так определяет понятие полисемии в отдельной частной языковой системе: «Центральной проблемой лексикологии является проблема тождества слова... Не нарушают тождества слова разные употребления одного и того же звукового комплекса, имеющие связанные друг с другом разные частные значения, представляющие собой как бы разновидности единого общего значения – его общего семантического ядра: они образуют явление полисемии» (ВТЛГ 1962: 148). В коллективном докладе о Лексическом атласе русских народных говоров о полисемии – при картографировании семантических явлений – говорится следующее: «Представляя собой в структурном отношении явление, подобное полисемии моносистемы, они (семантические диалектные различия – Т. П.), однако, отличаются тем, что члены их – разные значения одного слова – функционируют в разных коммуникативных общностях и по-разному участвуют в системных связях частных диалектных систем (ср. *бирюк* ‘волк’ и *бирюк* ‘угрюмый, нелюдимый человек’)» (Попов и др. 1993: 333). Аналогичное определение значения термина полисемии, данное в Предисловии, приведено выше.

Действительно, каждая семема как член соответственного явления имеет свою географическую характеристику (свою точку на карте), и ряд конкретных семем данного диалектного различия объединяется некоей абстрактной лексической единицей – лексемой, но никак не конкретным, реальным словом, о чем уже говорилось ранее. Поэтому в лингвогеографии при изучении

диасистемы термин *полисемия* не может быть употреблен в значении, «подобном полисемии в моносистеме». Дело в том, что в рамках системы диалектного языка весь полный набор (инвентарь) различных семем, имеющих статус дифференциальных признаков и объединенных одной абстрактной лексемой, реализует соответственное явление; в рамках же отдельной ЧДС (т. е. в моносистеме) такой набор вряд ли бы мог принадлежать одному слову, т. е. представлять собой «семантическую нагрузку» одной конкретной лексемы: скорее всего в этом случае каждая из семем относилась бы к одному из целого ряда отдельных слов, характеризующихся тождественной лексемой и разными семемами (значениями) и являющихся поэтому омонимами.

Таким образом, если имеется в виду *одна частная диалектная/языковая система*, то в ней могут реально существовать конкретные полисемичные слова, и каждое такое полисемичное слово является единством, объединением одной лексемы и нескольких связанных друг с другом по смыслу значений (например, нескольких сем одной семемы). В пределах же *системы диалектного языка* соответственное явление, которое состоит из различных самостоятельных семем с разной географической характеристикой и имеющих статус диалектных дифференциальных признаков (диасемема), а также лексема, объединяющая их (диалексема), демонстрирует не полисемичное слово, а семантическое диалектное различие, т. е. конструкт, объединенный другим конструктом – «обобщенной» лексемой. Ср.: «Понятие «семемная нагрузка» относится к языку (конкретному диалекту), а «амплитуда колебания» – к языку описания ряда диалектов, т. е. к метаязыку» (Толстой 1997: 98).

В свое время С. М. Толстая, анализируя работы по белорусской диалектной лексикографии, также поднимала этот вопрос, который актуален не только для лексикографии, но и для лингвогеографического изучения лексики; поэтому полезно напомнить следующее ее рассуждение: «В теоретическом плане актуальной проблемой современной диалектной лексикографии оказывается...то пока еще недостаточно понятое различие, которое существует между моносистемным словарем (словарем одного говора или литературного языка) и полисистемным словарем (словарем нескольких говоров, диалектной микрзоны и более крупных территорий). Существенно...то, трактуется ли каждая словарная единица как элемент одной лексико-семантической системы с соответствующими семантической, стилистической и т. д. характеристикой или как некий конструкт, отражающий хотя и реальные, но все же совсем иные, чем в пределах одной системы, отношения между лексемами разных говоров. Отличие полидиалектного словаря от мо-

нодиалектного отнюдь не количественного свойства. Полидиалектный словарь имеет в качестве объекта совершенно иную языковую единицу, чем словарь моносистемный. Эта единица еще не получила теоретического осмысления, и к ней нередко слишком прямолинейно применяют те мерки и тот подход, которые выработаны в лексикологии для единицы лексической системы языка (слова). Аналогично этому совсем иной характер носит и та лексико-семантическая «система», в рамках которой трактуется слово полидиалектного словаря, и то, что соответствует семантике, семантической структуре, отдельному значению такого слова, понятиям полисемии и омонимии. Незаработанность этих вопросов в теоретическом плане тормозит развитие методики и практики диалектной лексикографии и прежде всего отражается на толковании слов в полидиалектном словаре» (Толстая 1985: 299–300).

Встречается в Пробном выпуске ЛАРНГ и не характерный для теории лингвогеографии термин «общерусское просторечие», значение которого не раскрыто. Ср.: при системном подходе к отбору материала предполагается «равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия» (ЛАРНГ 2004: 11, 13); то же в (Попов и др. 1993: 329) Отсутствует такой термин и в социолингвистических концепциях, описывающих языковую ситуацию в России.

Так, например, в системе современного русского языка исследователи выделяют такие реальные (конкретные) формы его существования, как литературный язык, разговорная речь (РР), городское просторечие, полудиалекты, территориальные диалекты, а также различные профессиональные и социальные жаргоны – см., например, (Нещименко 2003: 148–174). Еще ранее о взаимоотношениях между словами русского литературного языка, с одной стороны, и просторечными словами и диалектизмами (в рамках литературного языка), с другой, писал Ф. П. Филин (Филин 1973: 372–377). По его мнению, «теперешние просторечие или полудиалекты состоят из правильно или неправильно освоенных средств литературного языка, остатков старого городского просторечия, разного рода неизменно возникающих в устной речевой стихии новообразований и неодинаково устойчивых диалектизмов. И современное просторечие так или иначе диалектно окрашено..., но это вовсе не значит, что мы можем смешивать в просторечии его общенародные и диалектные особенности. Утверждение, что есть такие просторечные слова, которые имеют изоглоссы, было и остается nonsensom» (Там же: 376). К определению понятия «просторечие» обращалась и Л. И. Баранникова, под-

черкивая его функциональную близость к РР: «Функцию повседневного, непринужденного, неофициального общения в русском языке выполняет разговорная речь, являющаяся составным компонентом литературного языка, и просторечие..., т. е. общерусское койне, стоящее за пределами литературного языка. Объединяет эти два вида страт прежде всего сходство (но не полная идентичность) их функций, наддиалектность, спонтанность, устная форма существования, определенное сходство принципов структурной организации, порожденное сходством экстралингвистических признаков» (Баранникова 1985: 55).

Иными словами, в работах, затрагивающих вопросы функционирования и взаимодействия различных форм национального языка, термину «просторечие» придется разное значение; обычно этот термин обозначает понятие, которое определяется как особый социальный компонент языка, не относящийся к системе диалектного языка и находящийся частью на периферии литературного языка, а частью за его пределами. В связи с тем, что авторы ЛАРНГ термин «общерусское просторечие» никак не разъясняют, а в социолингвистической литературе однозначного понимания значения этого термина не существует, вряд ли целесообразно употреблять его в диалектологических работах.

Непонятно также и употребление терминов «московское городское койне» и «диалектная база литературного языка» (без специального разъяснения их значений) во фразе: «Признание сегодня московского *городского* койне в качестве *диалектной* базы литературного языка... (Курсив мой – Т. П.)» (ЛАРНГ 2004: 13).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что некоторые термины, встречающиеся в Пробном выпуске ЛАРНГ, следовало бы употреблять более внимательно и снабжать их, когда это необходимо, специальными пояснениями.

Хотелось бы остановиться вкратце и на вопросе о содержательной «полноте» Программы, в которую включено, как указывалось выше, более 5000 вопросов. Такой ее объем обусловлен, по словам авторов, «системным подходом к отбору материала». В результате «в Программе нашли отражение, с одной стороны, внелингвистические признаки (взаимосвязанные природные или социальные явления), а с другой, – собственно лингвистические (разнообразные дифференциальные и интегральные признаки слов, входящих в одну лексико-семантическую группу или семантическое поле)» (ЛАРНГ 2004: 12).

Программа действительно содержит настолько исчерпывающий материал, что ее можно рассматривать не только как вопросник для Атласа. Эта

Программа могла бы быть использована для изучения лексико-семантической сферы языка во всех исследовательских жанрах: и в лингвогеографии, и в лексикографических трудах различного типа, и в монографических описаниях лексико-семантической системы одного говора в целом или отдельных ее фрагментов и т. д., т. е. она, в сущности, является как бы универсальной Программой для любого изучения лексики и семантики в русских диалектах.

Однако если представить себе, что эксплораторы в каждом из 1064 нас. пунктов должны собрать для ЛАРНГ материал по всем вопросам данной Программы, то становятся очевидными, во-первых, нереальность выполнения такого намерения в обозримом будущем, а во-вторых, сомнение в получении диалектного материала необходимого высокого качества. При этом не следует забывать о том, что программы всех без исключения диалектологических атласов, по определению, являются дифференциальными, так как они должны обеспечить сбор материала для картографирования одних лишь диалектных различий (т. е. только вариативных звеньев диалектного языка). Поэтому «универсальный» характер данной Программы, возможно, стоило бы каким-то образом трансформировать в вопросник, специально предназначенный для сбора материала для ЛАРНГ, придав ему более строгую лингвогеографическую направленность (может быть путем разделения вопросов на обязательные и факультативные) и облегчив, тем самым, сбор самого диалектного материала.

В упоминавшейся уже выше работе С. М. Толстой о направлениях в изучении белорусской диалектной лексики автор совершенно справедливо замечает: «Атлас такого масштаба (Лексический атлас белорусского языка – Т. П.), ориентированный прежде всего на лексические ареальные противопоставления в рамках национального диалектного массива, не должен и не может брать на себя задачу исчерпывающего охвата и всестороннего освещения всего лексического богатства белорусских говоров. Такую задачу могут решить лишь многочисленные региональные словари разного масштаба и разного типа...Создание таких региональных словарей значительно облегчится и научное качество их неизмеримо возрастет с появлением лексического атласа белорусских говоров, который даст необходимую основу и ареальную перспективу для частных локальных и региональных лексикографических предприятий» (Толстая 1985: 297). Кстати, составители ЛАРНГ также понимают целесообразность именно комплексного – лингвогеографического и лексикографического – изучения русской диалектной лексики.

Важным является и вопрос о соответствии точки на карте реальному населенному пункту, в котором был собран диалектный материал (или о воз-

возможности под одной точкой подразумевать несколько нас. пунктов). Этот вопрос возник в связи с тем, что в Предисловии не разъясняется, каким образом интерпретируется материал, собранный в «однотипных» и «разнотипных» говорах. Ср.: «При однотипности говоров выбирается, как правило, один населенный пункт в районе, при разнотипных говорах – несколько, и материалы будут относиться к одной цифре, что обусловлено размером и масштабом карты-основы. Это дает возможность использовать в пределах района весь собранный материал и привязать его к определенному населенному пункту» (ЛАРНГ 2004: 18). Неясно также, какие говоры считаются «однотипными» и какие «разнотипными». Нет ли опасности, что при таком вольном отношении к локализации диалектного материала варианты, зафиксированные в «разнотипных» говорах (т. е. хотя и собранные «в одном районе», но принадлежащие к разным ЧДС), будут интерпретированы в качестве односистемных вариантов (т. е. принадлежащие к одной ЧДС), что в определенной степени может снизить информативную ценность карты?

Не указано и сколько населенных пунктов уже обследовано, как и по какому плану идет сбор материала и его обработка в настоящее время, а также когда можно ожидать выхода в свет новых выпусков ЛАРНГ.

Несомненно, что центральное по значимости место в Атласе занимают *карты*. Именно они показывают, в какой степени удалось реализовать на практике основные положения теоретической концепции ЛАРНГ.

Пробный выпуск содержит 36 карт. Большинство из них являются лексическими (10 карт) и лексико-словообразовательными (24 карты); на них картографируются названия (лексемы) реалий и понятий внеязыковой действительности. Составлены также две семантические карты (показаны значения лексемы «бирюк» – №№ 3, 4), две номинативные (иллюстрируют различия в способах номинации реалий внешнего мира: «здоровый лес» № 12 и «мертвый лес» № 26) и две мотивационные (выявляют диалектные различия в мотивировочных признаках в членах одной ЛСГ: «больной лес» № 5 и «здоровый лес» № 11). Представлена также одна лексико-этнографическая карта № 34 «Типы гумён и их названия», составленная на основе не только синхронного, но и диахронического диалектного и этнографического материала. Другие типы карт, а именно, лексико-семантические, посвященные картографированию микрополей, историко-лингвистические, изоглоссные, в Пробном выпуске отсутствуют.

Итак, чтобы составить представление о том, насколько последовательно теоретическая концепция Атласа реализована при картографировании диалектного материала, рассмотрим некоторые карты, вошедшие в Пробный выпуск.

Известно, что из всех типов карт *семантические* карты признаются в лингвогеографии одними из самых сложных. В этом случае при интерпретации диалектного материала фактически отсутствуют какие-либо формальные критерии, по которым можно было бы определить именно семантические дифференциальные признаки (и отделить их, например, от так называемых «контекстных значений» или от сем одной семемы). Тем больший интерес вызывают две семантические карты, посвященные картографированию значений лексемы *бирюк*, зафиксированных в обследованных русских говорах. См. Карту № 3 СМ 187 *Бирюк* и Карту № 4 СМ 187 *Бирюк* с общими комментариями, иллюстрациями и индексом. В комментарии отмечается, что решение о включении в Атлас двух карт на одну тему вызвано чисто техническими причинами (чтобы избежать визуальной перегрузки карты).

В содержательном комментарии к картам обосновывается произведенная классификация исходного синхронного диалектного материала по трем семантическим регистрам (зооморфный, мифологический и антропоморфный), выделяемым в семантической структуре диалексемы *бирюк*. Обратившись к диахроническому аспекту, автор убедительно показывает, как путем определенных трансформаций в исходной семеме 'волк' лексемы *бирюк* (т. е. в результате актуализации и детализации некоторых ее сем, например, 'одинокий', 'хищный' и т. п.) появились не только новые семемы (значения) в зооморфном регистре (это 'медведь', 'барсук', 'хищный зверь', а также 'волк-одиночка' и 'матерый волк'), но и такие значения, которые сформировали другие семантические регистры (например, семема 'страшилище, которым пугают детей' в мифологическом регистре или семема, обозначающая различные прозвища человека в антропоморфном регистре). Однако в Атласе, как известно, картографируются только синхронные данные; сам же механизм семантических сдвигов, которые претерпела исходная семема 'волк', на карте изображаться не должен (так как это уже диахрония).

Логика употребления знаков при картографировании дистрибуции значений лексемы *бирюк* в русских говорах могла бы быть следующей: фигуры обозначают семантические регистры, например, квадрат (зооморфный регистр), треугольник (мифологический), круг (антропоморфный); цветом обозначаются отдельные самостоятельные семемы, т. е. семантические дифференциальные признаки лексемы *бирюк* в каждом из семантических регистров (например, в зооморфном – это 'волк', 'барсук', 'медведь', 'хищный зверь', в антропоморфном – это 'ленивый', 'одинокий', 'нелюдимый' и т. п.), а штриховкой или различными типами заливок – сочетание основной семемы и дополнительной семы (например, 'волк-одиночка', 'матерый волк').

К сожалению, логическая строгость картографических знаков и обозначаемых ими семем на карте № 3 до конца не выдержана. Так, вполне логично на карте зеленым квадратом с различными штриховками обозначены семемы 'волк', 'волк-одиночка' и 'матёрый волк', а красным квадратом – семема 'медведь'; но почему-то квадратом с зеленым контуром показана семема 'крупный хищный зверь', а синим ромбом – семема 'барсуk'. (Следует заметить, что во многих легендах и к другим картам строгость в соблюдении иерархии знаков также до конца не выдержана).

На карте № 4, посвященной картографированию антропоморфного семантического регистра лексемы *бирюк*, т. е. значениям различных прозвищ человека, выделение некоторых прозвищ в качестве самостоятельных семантических дифференциальных признаков не всегда убедительно.

Так, придав цвету функцию обозначения отдельного семантического дифференциального признака, на карте черным кругом и кругом с разной черной заливкой картографируются семемы 'угрюмый', 'неразговорчивый' и 'злой' (?); красным кругом и кругом с красной заливкой показаны семемы 'нелюдимый' и 'одинокый' (?). В то же время в целом ряде нас. пунктов отмечено устойчивое сочетание некоторых значений, например: 'угрюмый' и 'неразговорчивый' (нас. пп. 43, 44, 266, 286, 442, 742); 'угрюмый', 'замкнутый' и 'неразговорчивый' (нас. п. 736); такие пункты отмечены на карте двумя или даже тремя знаками. Однако семемы 'угрюмый', 'неразговорчивый', 'замкнутый', 'нелюдимый' могут быть восприняты как очень близкие по значению и поэтому в лингвогеографическом аспекте не являющиеся самостоятельными семантическими дифференциальными признаками: их стоило бы, скорее всего, картографировать одним цветом с разными заливками или штриховками. Кстати, в рамках одной моносистемы они, по-видимому, могли бы быть разновидностями единого общего значения, реализуя семантическую нагрузку лексемы *бирюк* в полисемичном слове и представляя тем самым явление полисемии. Все перечисленные семемы вместе взятые явно противопоставлены семемам 'одинокый' и 'злой', которые, вероятно, можно было бы рассматривать в качестве самостоятельных дифференциальных признаков (обозначенных каждый отдельным цветом), а не привязывать их к другим, как это сделано в легенде к карте.

Высказанные замечания по картам №№ 3 и 4 свидетельствуют о том, что труднейшая задача, связанная с картографированием семантического материала, могла бы быть облегчена, а факт субъективной оценки сведен до минимума, если бы был применен при этом метод составления (моделирования) семантического микрополя той или иной лексемы, разработанный Н. И. Толстым (см. выше).

Материал отдельных карт частично перекрещивается между собой, что дает возможность сопоставить их данные как с точки зрения представленности идентичного материала на разных картах, так и в плане характеристики качества самого собранного материала, приведенного в индексах и в иллюстрациях.

Как оказалось, данные этих карт не всегда совпадают между собой, что можно проиллюстрировать на примере сопоставления материала следующих карт: а) № 3 СМ 187 *Бирюк*, № 6 ЛСЛ 191 'Большой медведь' и № 21 Л 188 'Медведь', б) № 3 СМ 187 *Бирюк*, № 6 ЛСЛ 191 'Большой медведь', № 20 ЛСЛ 189 'Медведица', № 21 Л 188 'Медведь', № 22 ЛСЛ 190 'Медвежонок' и № 30 ЛСЛ 'Небольшой медведь' и, наконец, в) № 3 СМ 187 *Бирюк* и № 7 ЛСЛ 186 'Волчий (хвост, след, мех)'.

а) Так, одним из значений лексемы *бирюк* (карта № 3) является значение 'медведь'; оно отмечено в 14 нас. пунктах. Это небольшие ареалы, образованные рязанскими говорами (нас. пп. 466, 472, 608, 618), восточными среднерусскими говорами (нас. пп. 400, 440, 478, 479, 556), западными среднерусскими говорами (нас. пп. 175, 232, 281) и двумя говорами на севере (нас. п. 31 и нас. п. 51). На карте № 6 значение 'большой медведь' обозначено лексемой *бирюк* только в 4 нас. пп.: 14, 242, 440 и 539. На карте № 21 лексему *бирюк*, имеющей значение 'медведь', находим в нас. пп. 41, 140, 187, 246, 290, 345, 354, 440, 763, 779, 948.

Материал трех карт (№№ 3, 6, 21) совпадает (т. е. показывает наличие лексемы *бирюк* и значений 'медведь' или 'большой медведь') лишь в одном нас. п. 440, в остальных же перечисленных нас. пунктах совпадения отсутствуют.

Расхождения отмечены не только на картах, но и в индексах к этим картам. Так, в индексе к карте № 6 в нас. п. 440 приведены лексемы *бирюк*, *большой бирюк*, *большой медведь*. Однако на карте сочетание лексем *большой медведь* не показано. В индексе к карте № 6 в нас. пп. 14 и 242 зафиксирована лексема *бирюк* в значении 'большой медведь'; однако на карте № 3 для лексемы *бирюк* в этих пунктах отмечено только значение 'крупный хищный зверь'. В иллюстративном материале к карте № 6 из нас. п. 539 имеется пояснение: «Бирюком у нас зовут большого медведя, бирюк – хищный зверь». Однако на карте № 3 в нас. п. 539 изображена только одна семема – 'крупный хищный зверь' и т. д.

б) Сопоставление между собой карт №№ 3, 6, 20, 21, 22, 30, на которых показаны дифференциальные признаки ЛСГ «медведь», выявляет определенную закономерность: в тех говорах, в которых семема 'медведь' выражена лексемой *бирюк* (это карта № 3 – см. номера нас. пунктов выше), производные, как правило, образуются не от лексемы *бирюк*, а от лексемы *мед-*

ведь, а именно: карта № 6 ‘большой медведь’ – лексемы *медведь, медведице, большой медведь*, и только в нас. п. 440 отмечены лексемы *бирюк, большой бирюк, большой медведь*; карта № 20 ‘медведица’ – лексемы *медведица, медвежица, медведиха, медвежиха*, и только в нас. п. 440 находим лексемы *бирючиха, медведиха*; карта № 21 ‘медведь’ – лексемы *медведь, мишка, ко-солапый*, и только в нас.п. 246 – лексемы *бирюк, медведь, мишка, лесовик* и в нас. п. 440 – лексемы *бирюк, медведь*; карта № 22 ‘медвежонок’ – лексемы *медвежонок, медведёнок, медведёныш, пестун*; карта № 30 ‘небольшой медведь’ – лексемы *медвежик, медвежонок, медведик, медведюшка, медведь, пестун* и только в нас. п. 440 – лексема *бирючок*.

Однако данная ситуация ни в одном из комментариев не только не комментируется, но даже и не затрагивается. Это может свидетельствовать о том, что при составлении указанных карт материал не был сопоставлен и проанализирован с точки зрения системной организации этой конкретной лексико-семантической микрогруппы (т. е. с целью выявления в ее рамках лексических, семантических и словообразовательных связей).

в) Сопоставление карт № 3 СМ 187 *Бирюк* и № 7 ЛСЛ 186 ‘Волчий (хвост, след, мех)’ также свидетельствует о значительных расхождениях, которые составителями карт никак не объясняются.

Карта № 3 показывает, что на картографируемой территории лексема *бирюк* в значении ‘волк’ (а также ‘волк-одиночка’ и ‘матерый волк’) распространена в большинстве говоров (в 135 нас. пунктах), образуя достаточно компактный ареал, протянувшийся с севера на юг. Однако прилагательное от *бирюк* в значении ‘волчий’ (в виде лексем *бирючий, бирючачий, бирючинный*), судя по карте № 7, находим только в 34 нас. пунктах. Это означает, что почти в 100 пп. при употреблении лексемы *бирюк* в значении ‘волк’ прилагательное со значением ‘волчий’ (в каждой из этих ЧДС) образовано не от слова *бирюк* ‘волк’, а от слова *волк* ‘волк’, т. е. – *волчий, волчинный, волков*.

Можно отметить также и следующие заслуживающие внимания «соотношения»: в нас. п. 341 лексема *бирюк* имеет значения ‘крупный хищный зверь’ и ‘прозвище человека’ (к. № 3), а значение ‘волчий’ выражено прилагательными (лексемами) *бирючий* и *волчий* (к. № 7); в нас. п. 948 лексема *бирюк* характеризуется также семемами ‘крупный хищный зверь’ и ‘прозвище человека’ (к. № 3), значение же ‘волчий’ передается лексемами *волчинный, бирючинный* (к. № 7); в нас. п. 763 лексема *бирюк* означает ‘прозвище человека’ (к. № 3), а значение ‘волчий’ выражено лексемами *волчий, волчинный, бирючий* (к. № 7); в нас. п. 975 лексема *бирюк* имеет семему ‘волк’ (к. № 3), а значение ‘волчий’ передается лексемами *волчий, волчинный* (к. № 7) и т. д.

Материал этих двух карт (№ 3 и № 7) вызывает ряд вопросов (не раскрытых в комментариях). Так, наличие около 100 нас. пунктов, в которых имеется лексема *бирюк* со значением 'волк', но отсутствуют лексемы *бирючий*, *бирючинный*, *бирючачий* со значением 'волчий' (вместо них употребляются лексемы *волчий*, *волчинный*, *волков*) позволяет либо предположить невысокое качество собранного материала (не выявлены все лексемы со значением 'волчий'), либо поверить в факт существования данного соотношения (а именно – *бирюк* 'волк', но *волчий*, *волчинный*, *волков* 'волчий'); в последнем случае очевидно, что какое-то звено в словообразовательной цепочке не выявлено при сборе и при обработке материала, и этот факт, к сожалению, не получил объяснения и в комментариях.

Употребление лексемы *бирюк* со значениями 'крупный хищный зверь' и 'прозвище человека' при лексемах *бирючий*, *бирючинный*, *волчий*, *волчинный* со значением 'волчий' (например, в нас. пп. 341 и 948) также заставляет думать и о невысоком качестве собранного материала, и о поверхностной его обработке, и об отсутствии его всесторонней интерпретации при картографировании. О достаточно низком качестве собранного диалектного материала свидетельствует и отмеченная в большинстве говоров для лексемы *бирюк* семема 'прозвище человека' (без оценочной характеристики самого человека – 'ленивого', 'толстого', 'злого' ...), о чем совершенно справедливо говорится и в комментарии к картам №№ 3 и 4 (ЛЯРНГ 2004: 50).

В некоторых комментариях (например, к картам №№ 3 и 4) авторы обращаются к историческим, в частности, к этимологическим данным. Такая направленность в лингвогеографическом исследовании лексики русских говоров является в большинстве случаев необходимой. Однако не во всех комментариях дается историческая интерпретация картографируемого материала. Примером могут служить четыре дубля карты № 20 и карта № 21, на которых лексемы с комплексами *медв-* и *ведм-* картографируются разными, противопоставленными друг другу, знаками (зеленый и красный цвет). Действительно, данные лексемы в синхронном плане правомерно рассматривать в качестве самостоятельных, разных лексем, несмотря на то, что обе они восходят к **medvǣdъ*. Справедливость такого решения подтверждается лингвогеографической аргументацией: указанные лексемы имеют четкую географическую прикрепленность (*медведь*, *медведица* и под. – на севере, *ведмедь*, *ведмедьца* и под. – на юге). Однако для обоснования различий в фонетическом облике лексем с *медв-* и *ведм-* следовало бы обратиться к историческим данным и объяснить, что **medvǣdъ* признается вторичным названием 'медведя', «над которым продолжает тяготеть табу, вызывающее метатезы согласных и даже местные запреты на все слово в целом... Природа у слав.

**medvĕď* иносказательная, оно представляет собой сложение **medv-ĕd-*, относительное с соответствующим словосочетанием **medĕ ěsti...*, т.е. 'поедатель меда'» (ЭССЯ 1992: 66); см. также: (ЕСУМ 1982: 344; ЭСБМ 1980: 298). Непонятно также, как производится морфологическое членение картографируемых современных лексем (в частности, лексем *медведица* и *ведмедь*), и на каком основании отрезки *мед-* и *вед-* считаются «корневыми морфемами» или «начальными корнями» – см. (ЛАРНГ 2004: 4-ый дубль карты № 20 и комментарий, с. 114).

Приведенные замечания (они могут быть отнесены в определенной степени и к другим картам и комментариям Пробного выпуска) подтверждают обоснованность как высказанных выше соображений о необходимости очень серьезной предварительной (теоретической и практической) подготовки эксплораторов и авторов карт, так и опасений относительно того, что слишком большой вопросник (свыше 5000 вопросов) может отрицательно повлиять на качество собираемого материала.

Несколько удивляет порядок распределения карт в Пробном выпуске Атласа (хотя, возможно, в этом и есть какой-то особый смысл), однако целесообразность и логика именно такого их порядка никак и нигде не оговаривается. Дело в том, что карты, посвященные картографированию лексических единиц определенных лексико-семантических групп или микрогрупп, расположены не рядом друг с другом, а вразбивку. Ср. карты следующих лексико-семантических групп:

лес, растительный мир (карты №№ 5, 8, 9, 11, 12, 16, 18, 19, 24, 25, 26, 28, 32, 33, 36); *животный мир* – волк (карты №№ 3, 4, 7, 29), медведь (карты №№ 3, 4, 6, 20, 21, 22, 30), дикое животное, зверь (карта № 10), белка (карта № 1), хорь (карта № 35), мех, шкура хоря (карта № 27), мелкая рыба (карта № 23);

жилище животного – берлога (карта № 2), нора небольшого зверя (карта № 31), кучка земли, нарытая кротом (карта № 17);

см. также карты: *иней* (№ 15) и *типы гумён и их названия* (карта № 34).

Такое расположение карт в Атласе очень затрудняет работу с ними, их анализ и особенно сопоставление аналогичного материала, представленного как на разных картах, так и в разных комментариях.

В заключение необходимо подчеркнуть, что вышеизложенные замечания и рассуждения касаются лишь наиболее сложных, недостаточно разработанных и дискуссионных вопросов, которые связаны с теорией и практикой лингвогеографического изучения русской диалектной лексики. Указанные замечания ни в коем случае не снижают общей значимости Пробного выпуска в реализации масштабного научного проекта ЛАРНГ. Этот выпуск, пред-

ставляющий собой, без сомнения, важное событие в отечественной лингвогеографии и диалектной лексикологии, убедительно продемонстрировал, что изучение на высоком научном уровне вариативных звеньев лексико-семантической системы русских говоров является вполне реальной и выполнимой задачей. Хочется надеяться, что в ближайшее время будут опубликованы и новые выпуски Лексического атласа русских народных говоров.

Литература

- Аванесов 1947 – *Аванесов Р.И.* Вопросы фонетической системы русских говоров и национального языка. Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. IV, вып. 3. М., 1947.
- АРНГ, комментарии 1957 – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи. Комментарии. М., 1957.
- Баранникова 1985 – *Баранникова Л. И.* О месте разговорной речи в функциональной парадигме русского языка // Функциональная стратификация языка. М., 1985.
- ВСИ 1995 – Восточнославянские изоглоссы 1995 / Под ред. Т. В. Поповой. М., 1995.
- ВСИ-2 1998 – Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2 / Под ред. Т. В. Поповой. М., 1998.
- ВСИ-3 2000 – Восточнославянские изоглоссы. Вып. 3 / Под ред. Т. В. Поповой. М., 2000.
- ВСИ-4 2006 – Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4 / Под ред. Т. В. Поповой. М., 2006.
- ВТЛГ 1962 – Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1962.
- ДАРЯ 1996 – Диалектологический атлас русского языка. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат / Отв. ред. О. Н. Мораховская. М., 1996.
- ДАРЯ 1997 – Диалектологический атлас русского языка. Вып. III. Ч. 1. Лексика (карты) / Отв. ред. О. Н. Мораховская. Минск, 1997.
- ДАРЯ 2004 – Диалектологический атлас русского языка. Вып. III. (Ч. 2). Синтаксис. Лексика (карты). Редактор выпуска О. Н. Мораховская. М., 2004.
- ЕСУМ 1982 – *Етимологічний словник української мови. Том перший.* А-Г. Київ, 1982.
- Калынь 1970 – *Калынь Л. Э.* О задачах и предмете описательной диалектологии // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка, т. XXIX, вып. 5. М., 1970.
- ЛАРНГ 2004 – Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / Отв. ред. И. А. Попов, Т. И. Вендина. СПб. «Наука», 2004. 304 с.
- Нешименко 2003 – *Нешименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.
- Попов 1974 – *Попов И. А.* Лексический атлас русских народных говоров. Проспект. Л., 1974.
- Попов и др. 1993 – *Попов И. А., Азарх Ю. С., Вендина Т. И., Герд А. С., Мораховская О. Н., Петрова З. М.* Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., Наука, 1993.
- Программа 1994 – Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Части 1, 2 / Под ред. И. А. Попова. СПб., 1994.
- Проект 1994 – атлас русских народных говоров. Проект / Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.

- Толстая 1985 – *Толстая С. М.* О новых направлениях в белорусской диалектной лексикографии // ОЛА. МИ. 1982 / Отв. ред В. В. Иванов. М., 1985.
- Толстой 1963 – *Толстой Н. И.* Из опытов типологии славянского словарного состава // ВЯ, 1963, № 1.
- Толстой 1997 – *Толстой Н. И.* Избранные труды. Том I. Славянская лексикология и семасиология. М.: «Языки русской культуры», 1997.
- Филин 1973 – *Филин Ф. П.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии // Славянское языкознание. VII МСС. Доклады советской делегации. М., 1973.
- ЭССЯ 1992 – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 18. М., 1992.
- ЭСБМ 1980 – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Вып. 2. Мінск, 1980.

Домашний скот в обычаях восточных славян. II (из диалектных записей Селижаровского р-на Тверской обл.)*

Предлагаемая подборка продолжает публикацию диалектных текстов из восточнославянской диалектной фонотеки Института славяноведения на темы традиционного скотоводства и связанных с ним представлений (первую часть см. в предыдущем выпуске ИСД¹). Тексты записаны в Селижаровском районе Тверской области во время экспедиций под руководством С.Л.Николаева в 1999–2006 гг.

Расшифровка магнитофонных материалов выполнена в орфографической записи, принципы которой разработаны С.Л.Николаевым в результате исследований фонетических систем карпатоукраинских говоров².

Тексты приводятся в двух видах: кроме диалектной записи дается запись в литературной орфографии. В последней по возможности отражаются морфологические особенности диалектной речи; однако она не претендует на точность, имея целью лишь облегчить зрительное восприятие диалектного текста для читателя, заинтересованного только в его содержании.

Используются следующие условные обозначения: [...] означает пропуск в записи или в расшифровке, .. — «естественную» паузу в речи; диалектный текст в квадратных скобках — не вполне ясные отрезки речи; в угловые скобки заключены вопросы, обращенные к информанту, в квадратные — пояснения к тексту. Знаки препинания отражают фразовую интонацию и синтаксическое членение текста.

д. Холм³

Егорий

А мы práznъvъl'i mnóga práz'n'íkъf.
Vót.. t'ap'ér' Pásxu práznъvъl'i fs'é, pa-
tóm G'aór'g'ijif d'én', éta šastónъ májъ.
(Это Егорьев день?) Jagór'jiv d'én', éta
tóže.. skót vьn'isut, fs'é práznъvjut,
d'én' n'i rabótъjut, n'íktó. Skót vьgan'á-
jut, u nás skót vьgan'ájut.. tám f Xalmú u
náz byváľ pastúx apxód'it s.. G'aórg'ijъ
Pъb'idanóscъ ikónъm, i abnós'ut fst'r'éc'
sóncu, tr'í ráza. Iz rúžyj str'al'ájut, a

А мы праздновали много праздников.
Вот.. теперь Пасху праздновали все, по-
том Георгиев день, это шестого мая.
(Это Егорьев день?) Егорьев день, это
тоже.. скот вынесут, все празднуют,
день не работают, никто. Скот выгоня-
ют, у нас скот выгоняют.. там в Холму
у нас бывало пастух обходит с.. Георгия
Победоносца иконам, и обносят встречь
солнцу, три раза. Из ружей стреляют, а

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Подготовка к публикации корпуса диалектных текстов Селижаровского р-на Тверской обл.», № 04-04-00113а) и Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта»).

báby staját Xr'istá pajút. F kúč'i. A vot túd v Dúbrǫfkǫx uže drugój zakón. Ěť.. t'ap'ér' b'arút ыкóну, skót ѓтых карóf fs'ěx vygan'ájut, a rán'sы-ть i ľšad'ěj vyvad'íl'i, i av'ěc, fs'ěx vm'ěst'e vygan'ájut, i vót kruk stádъ ón tr'í ráza arxód'i vot ták vot. Kák patxód'it ѓťъ, pastúx – u pьstuxá u ѓťъъ któ.. nu t'ap'ér'-ть n'ětu pьstuxóf, sám'i žen's'č'ьны ыкóну nós'ut. A.. i srázu str'al'ájut. A ľóšd'i-ть dáže ná duby [так!] vzv'ivál'is'ъ rán'sы. Kák.. us.. vьstr'íl-ть. Nu an'ě xľastыí, u jíx b'iz ѓтых, b'ez drób'i, tól'kъ rógъ ad'ín, a báxjút-ть gúlkъ. Nu vót, a t'ap'ér' vót i z'd'ěs' takój zakón. B'arút ikóну, i idút. I žen's'š'ьны stanóv'усь.. tám, pó tr'i žen's'ьны, idút ot adná zъ annój i pajút Xr'istá. Tr'í ráza съ Xr'istóm i s ыкóпъm arxód'ut kruk karóf. Patóm ѓťъmu pьs.. A str'al'ájut, a str'al'cú rán'sъ pьstuxú jájcy klál'i, a t'ap'ér' pьstuxú.. aj ѓťъmu, str'al'cú. Jaíc nskładút kúč'u. Vot.

[...] práznъvьs'ъ, vot ták práznъv'í. Gas't'ěj n'ě byľ. <Выгоняют скот?> Skót vьgьn'ut, tám Xr'istá pajút, s ыкóпъm i xód'ut, vьnós'ut ыкóну, G'ad'g'ija Pьb'i-danósa, arxód'ut krugóm stáda, u kavó rúžje jés't', b'arút ružjó, zar'ažájut fxľastúju – drób'i n'i klál'i. N'i drób'i, n'i púl', n'ič'avó. Tól'ka rógъ ы pьš. V ѓť ružjó, f patrónы zьb'ivál'i. Nu vót patxód'ut.. stьnav'íls'i pastúx dáže пъ kal'én'i. Tr'í rázъ пъ kal'én'ъx stanav'ílsъ, Bógu mal'ílsъ, štor ľaspót' spás ы pam'íľъvьl stádъ. Fs'ó, at valkóf, ѓť.. varš'é, at.. i č'už.. ѓť, i ľúd'i, i z'v'ér'i, fs'ó byváiť. Vot ѓť jés', an'ě tagdá.. vot ón kák patxód'it, a tút ot pr'im'ěrnъ, ón uš ы aršól vot ták vьt, a vot kák mь s'id'ím, tút staját mъžыk'ý s ružjóm. A ikóna vot.. ták ы ikónъ móže býť, uže kák vot g zabóru patxód'im. Vót anы i nač'nút pa-

бабы стоят Христа поют. В куче. А вот тут в Дубровках уже другой закон. Это.. теперь берут икону, скот этих коров всех выгоняют, а раньше-то и лошадей выводили, и овец, всех вместе выгоняют, и вот круг стада он три раза обходит вот так вот. Как подходит этот, пастух – у пастуха у этого кто.. ну теперь-то нету пастухов, сами женщины икону несут. А.. и сразу стреляют. А лошади-то даже на дубы [так!] взвизывались раньше. Как.. уж.. выстрел-то. Ну оне холостые, у йих без ѓтых, без дроби, только порох один, а бахают-то гулко. Ну вот, а теперь вот и здесь такой закон. Берут икону, и идут. И женщины становятся.. там, по три женщины, идут от одна за одной и поют Христа. Три раза с Христом и с иконам обходят круг коров. Потом этому пас.. А стреляют, а стрелцу раньше пастуху яйца клали, а теперь пастуху.. ай этому, стрелцу. Яиц накладут кучу. Вот..

[...] праздновался, вот так праздновали. Гостей не было. <Выгоняют скот?> Скот выгонют, там Христа поют, с иконами ходют, выносят икону, Георгия Победоносца, обходят кругом стада, у кого ружья есть, берут ружьё, заряжают вхолостую – дроби не клали. Ни дроби, ни пуль, ничего. Только порох и пыж. В это ружьё, в патроны забивали. Ну вот подходит.. становился пастух даже на колени. Три раза на коленях становился, Богу молился, чтоб Господь спас и помиловал стадо. Всё, от волков, от.. вообще, от.. и чуж.. это, и люди, и звери, всё бывает. Вот это есь, оне тогда.. вот он как подходит, а тут от примерно, он уж и обшёл вот так вот, а вот как мы сидим, тут стоят мужики с ружьём. А икона вот.. так и икона може быть, уже как вот к забору подходим. Вот оны и начнут па-

l'ít, báh, báh! A iš'č'ó m.. vót f Xaľmú-
 tь málin'k'æ, býváľh i ľšad'ěj vyva-
 d'íl'i. Ёbnas'íl'i tóže, ý že f pól'ó vad'íl'i
 fs'ó nъ'avát'. I vót, a mýladých-ťь pr'i-
 vód'ut, nú, padrás's'ivút s'ab'é ét'ix.. ľš-
 ad'ěj-ťь malód'in'k'ix. An'í aš nъ dyby
 fstánut. Kak všístr'il'nut, any ták ыs-
 pugájussь. A fs'ó gъvar'íl'i stьr'ik'í-ťь –
 étь хъrašó, kagdá vot pugáicssь skót.
 Atrúgъvъjut étь.. i z'v'ar'ěj at jíx. A n'a
 znáju, étь já n'ič'ó n'a znáju, já n'í.. v
 ét'im.. d'él'i n'i pь.. n'ič'ьbó n'a znáju, ták,
 štó l'úd'i gъvar'íl'i, to.. nú, takójь d'ěť.
 A t'ar'ér' štó, u nás-ťь i s'ič'ás str'al'ájut,
 ikónь.. s ыkónъj xód'ut k.. no odn'ěx ka-
 róf. Býváľh, i av'éc vlygъn'ut, ы.. u kavó
 t'al'áty, parán'šy, i t'al'átъ'ik vygan'ájut
 tudý, arxód'ut fs'ó s ыkónъj. A t'ar'ér'
 že n'i t'al'át f pól'ь n'i puskájut, av'éc
 puskájut add'él'na, vm'és't'i n'e vygan'á-
 jut s karónъm.. ták fs'ó d'ěťicssь.

[...] d'ěťl'i. I t'aé skazú, vot já f č'a-
 tyr'óy d'ir'avn'ax t'ar'ér' žyvú. F Xaľmú
 d'ěvъč'kъj býlá, ták. F Xaľmú vót ja i
 gъvar'ú, štó tagdá.. iš'š'ó kaľxózъf n'é bý-
 ľ, i vyvad'íl'i.. nu štó tam, naětnъ taká
 kák Sáša Kurág'inъ býlá, gadóf p'át'-
 šés'. Nu [x] p'ěrvu óč'ir'it' kr'ósnyj –
 zakón'č'ň škólu s Jav.. dáže jamú Javán-
 g'il' dál'i. Javó pr'im'írъvъl'i, ón s xaró-
 šym atm'ětkъm. – Vot ón.. u náz býlá
 ikóna G'aórg'ijъ Pъb'idanos'ic. Ón b'ar'ót
 buxánku xl'ěbъ, v buxánke xl'ěbъ vot ták
 vьp'azáit, vót. Takój vot ugól'n'ik. Uga..
 uga.. tr'iugóln'ič'ik takój vьg'ízyt, i tudá
 sól'i fs'ýp'it; b'ar'ót v'ěrбу, ot pós'l'i-
 záftra Věrbnъæ vъskr'as'ěnjъ, étь v'ěr-
 bu.. f cěrkъf had'íl'i, sъ s'v'ač'ónъj v'ěr-
 bъj. T'ar'ér' zъžygái s'v'ač'ú, a vygan'ái
 tút va dvór.. tó xl'ěf jés't', a étь dvór
 bal'šój, u fs'ěx býl'i rán'se. Vygan'áit va
 dvór étъx karóf, t'al'át, i av'éc – u nás

лить, бах, бах! А ещё м.. вот в Холму-
 то маленькая, бывало и лошадей выво-
 дили. Обносили тоже, их же в поле води-
 ли всё ночевать. И вот, а молодых-то при-
 водют, ну, подрашивают себе этих.. ло-
 шадей-то молоденьких. Они аж на дыбы
 встанут. Как выстрельнут, оны так испу-
 гаются. А всё говорили старики-то –
 это хорошо, когда вот пугается скот.
 Отпугивают это.. и зверей от йих. А не
 знаю, это я ничё не знаю, я не.. в этом..
 дели не по.. ничего не знаю, так, што
 люди говорили, то.. ну, такое дело. А
 теперь што, у нас-то и сейчас стреляют,
 икона.. с иконой ходют к.. но одних ко-
 ров. Бывало, и овец выгонют, и.. у кого
 теляты, пораньше, и теляточек выгоняют
 туды, обходят всё с иконой. А теперь
 же ни телят в поле не пускают, овец
 пускают отдельно, вместе не выгоняют
 с коровам.. так всё делается.

[...] делали. И тебе скажу, вот я в че-
 тырёх деревнях теперь живу. В Холму
 девочкой была, так. В Холму вот я и
 говорю, што тогда.. ещё колхозов не бы-
 ло, и выводили.. ну што там, на(в)ерно не бы-
 ло как Саша Курагина была, годов пять-
 шесть. Ну (в) первую очередь крестный –
 закончил школу с Ев.. даже ему Еван-
 гель дали. Его премировали, он с хоро-
 шим отметкам. – Вот он.. у нас была
 икона Георгия Победоносца. Он берёт
 буханку хлеба, в буханке хлеба вот так
 вырезает, вот. Такой вот угольник. Уго..
 уго.. треугольник такой вырезет, и ту-
 да соли высыпет; берёт вербу, от после-
 завтра Вербное воскресенье, это вер-
 бу.. в церковь ходили, со свячёной вер-
 бой. Теперь зажигае свечу, а выгоняе
 тут во двор.. то хлев есть, а это двор
 большой, у всех были раньше. Выгоняет
 во двор этих коров, телят, и овец – у нас

karóvň b'iz ro.. n'iragáti býl'i, nu vót, kamóňi. Vot étýt kr'ósněj b'ar'ót.. ikónu étu, stáv'.. étý, xl'ébušku d'éržyt, na xl'ébušku stáv'it ták ыkónu g grud'í, í k ыkónы k étýj s'v'ěč'ku zžygáit, dl'á G'aórg'ijň[f] Pьb'idanó[s'ic]. I vót ón tr'í ráza iš's'ó vь dvar'é abajd'ót krugóm svaivó.. svajó stádъ fs'ó ъbn'as'ót. (А икона на хлебе?) Ikónъ na xl'éb'e. I.. nú pr'i-m'ěrnъ.. kák vot étý pl'ónkъ vót. On.. jěty ottút xl'ép, d'éržyt ón, a ikónu vot ták vot. Nu aná m'ěň'se etъ. Vot ták vьt k ыkónы ón s'v'ěč'ku pr'íkl'ěivýt, nu vót ták ы nós'it—ikóna i xl'ébuška. A tút fp'ir'ad'í.. i étý, i sól' tút u javó, vьr'izьna, i xl'ébuš.. étýt.. buxánkъ-tъ štó, z'd'ěs' asta-jócssы. Vót ón ы n'as'ót, ыkónu i xl'ébušku, fs'ó d'éržы vm'ěs't'i. I arxód'i tr'í ráza krúk.. vь dvar'é. F svajóm. Patóm i ľša-d'ěj ón abajd'ót, nú ľšad'ěj n'i vypuskál'i vь dvar'é tut vm'ěst'i s karóvňm. Nu ón.. v jixňju.. pьm'as'č'ěň'ije захód'it. Tám býť pьlav'ínъ dvará adgaróžьň ím. Ón zajd'ó tám, patóm vьxód'id, d'v'ér' zьkryváit, varóty, í arxód'it ы karóv z'd'ěs', ap'át'. Tr'í rážы. Nu ót ы.. t'ap'ér' ládň, étý uš pús' já.. (А говорят что-нибудь?) Nú tam ón pr'i s'ab'é.. p'él Xr'istá, tóže. On sá.. ad'ín had'íľ vь dvar'é.

Ták. T'ap'ér'ъ vót já f San'ónv sašlá. I f San'ón'v i bnas'íl'i skót. Étý vajná biňá, a fs'ьravno ъbnas'íl'i skót. T'ap'ér' vьištъ zámuš is San'ónv v Dór—tóže. Ót f Xaľmú stajál'i žén's'č'íny p'él'i Xr'istá, i muš'č'íny p'él'i, ták kúč'kьj staját. A rás žén's'č'ьны pьp'rajút Xr'istá, rás muš'č'ьны. I ták ot ы fstr'ač'ál'i.. ét'ix, kr'astóf. Rás žén's'č'ьны pьp''avájut, пь fтарój rás muš'č'ьны. Ap'át' žén's'č'ьнь — muš'č'ьны. Ták p'él'i. I jěty.. ták.. stajál'i f kúč'i, p'él'i Xr'istá. A t'ap'ér'a vót pr'íšlá s'udbý ot pr'ijěxьl'i mьí f San'.. v

коровы без ро.. нерогатые были, ну вот, комолые. Вот этот крестный берёт.. икону эту, став.. это, хлебушку держит, на хлебушку ставит так икону к груди, и к иконы к этой свечку зажигает, для Георгия Победоносца. И вот он три раза ещё во дворе обойдёт кругом своего.. своё стадо всё обнесёт. (А икона на хлебе?) Икона на хлебе. И.. ну примерно.. как вот эта плёнка вот. Он.. это тут хлеб, держит он, а икону вот так вот. Ну она меньше это. Вот так вот к иконы он свечку приклеивает, ну вот так и носит — икона и хлебушко. А тут впереди.. и это, и соль тут у его, вырезано, и хлебуш.. этот.. буханка-то што, здесь остаётся. Вот он и несёт, икону и хлебушку, всё держи вместе. И обходи три раза круг.. во дворе. В своём. Потом и лошадей он обойдёт, ну лошадей не выпускали во дворе тут вместе с коровам. Ну он.. в йихную.. помещение заходит. Там было половина двора отгорожено им. Он зайдё там, потом выходит, дверь закрывает, ворота, и обходит и коров здесь, опять. Три раза. Ну от и.. теперь ладно, это уж пусь я.. (А говорят что-нибудь?) Ну там он при себе.. пел Христа, тоже. Он сá.. один ходил во дворе.

Так. Теперь вот я в Санёво сошла. И в Санёве обносили скот. Это война была, а всё равно обносили скот. Теперь вышла замуж из Санёва в Дор—тоже. От в Холму стояли женщины пели Христа, и мужчины пели, так кучкой стоят. А раз женщины пропоют Христа, раз мужчины. И так от и встречали.. этих, крестов. Раз женщины пропоют, на второй раз мужчины. Опять женщины — мужчины. Так пели. И это.. так.. стояли в куче, пели Христа. А теперь вот пришла сюды от приехали мы в Сан.. в Дубровки. Тут

Dúbgrfk'i. Túd drugój zakón. Pǝstuxám nas'íl'i rán'sy, vot pǝn'al'ís' pǝstux'í, já dažná sp'ěč' p'iróg bal'sój. Takój p'irók sp'ěč'. Í jajíc. Tám eťt.. p'rišlá mát', éťvǝ pǝstuxá. S't'él'it. salf'ětk'i, rán'sy kl'ajónǝk n'é byľ, s't'él'it salf'ětku. Na.. ót, i p'rišófsy u fs'ěx zav'ěrnuta f pǝlat'ěnce éťy, p'irag'í, p'ri'n'ěs'inǝ i žěn's'ě'ǝnǝ d'ěržut nǝ rukáx ot ták, nǝ ruk'é p'irók. I ót nǝkladút.. jes'.. bal'sájatǝ, i tút vǝnas'íl'i, pa p'ěrvǝs't'i býl'i pǝstux'í, – vó nałóžut kakój kas't'ór p'iragóf. D'ar'ěvnǝ ž bal'sájǝ, fs'é pǝ p'iragú, któ p'irók, któ buxánu x'l'ěba, któ.. í jajíc nakládǝvjut. Vót. Patóm.. éť pǝstuxú, a str'al'cám jájǝc adn'é, tóže klál'i. Nú, sámǝ māťǝ pǝru, a tó i p'atók, ы skól'kǝ. Któ skól'kǝ. Nu vót. [...] dáľ'sǝ éť d'ěť d'ěťt'. A u nás fs'ó vřém'i. I f San'ón'i ták ы mǝ abnas'íl'i i str'al'ál'i, iz ružjá. A éť n'ě znáju.. n'ě znáju. I ták vót s' k'ém řgzgavár'ivǝš, il'i vót tút.. rán'sy-tǝ, řǝvar'í – "ǝbn'as'íl'í skót, vot já i pǝb'azáľ k t'a-b'é, prav'ědǝt".

[...] (А вербой скотину выгоняли на Егория?) U nás na éť vǝskr'as'ě'nǝ búdut łamát'. F cěrkǝvy sv'at'át jajé. I éťǝ s'v'atój v'ěrbǝj vǝgan'ájut i abnós'ut skót.

[...] Nu n'a káždyj znáľ, žyvatú.. náď kák pras'ít'. (А были знахари, которые наговаривали на хлеб с солью?) Býl'i. Býl'i. Já n'a znáju, já n'i atnášvǝň. Řǝvar'íľ búťtǝ by majá sv'akróf pěrvǝ, što náď pras'ít' pǝl'avónǝ, vǝd'anónǝ haz'áina, i dvřevónǝ, "atpǝs't'ít'i, pǝl'avój i l'isavój i vǝd'anój haz'áin, majú žyvót-nǝju. A já t'ab'é, jákǝby, pǝgraždáju x'l'ěbju sól'ju [так!]" . Ták il'i n'é, n'a znáju. Tóč' nǝ n'a znáju.

другой закон. Пастухам носили раньше, вот нанялись пастухи, я должна спечь пирог большой. Такой пирог спечь. И яиц. Там этот.. пришла мать, этого пастуха. Стелит.. салфетку, раньше клеёнок не было, стелит салфетку. На.. от, и пришёвши у всех завернуто в полотенце эти, пироги, принесено и женщины держут на руках от так, на руке пирог. И от накладут.. есь.. большая-то, и тут выносили, по первости были пастухи, – во наложут какой костёр пирогов. Деревня ж большая, все по пирогу, кто пирог, кто буханку хлеба, кто.. и яиц накладывают. Вот. Потом.. это пастуху, а стрельцам яйца одне, тоже клали. Ну, самое малое пару, а то и пяток, и сколько. Кто сколько. Ну вот. [...] дальше это дело делать. А у нас всё время. И в Санёве так и мы обносили и стреляли, из ружья. А это не знаю.. не знаю. И так вот с кем разговариваешь, или вот тут.. раньше-то, говори – "обносили скот, вот я и побежала к тебе, проведать".

[...] (А вербой скотину выгоняли на Егория?) У нас на это воскресенье будут ломать. В церкви святят ее. И этой святой вербой выгоняют и обносят скот.

Относ

[...] Ну не каждый знал, животу.. надо как просить. (А были знахари, которые наговаривали на хлеб с солью?) Были. Были. Я не знаю, я не отнашивала. Говорила будто бы моя свекровь первая, што надо просить полевого, водяного хозяина, и дворового, "отпустите, полевой и лесовой и водяной хозяин, мою животную. А я тебе, якобы, награждаю хлебу солью [так!]" . Так или не, не знаю. Точно не знаю.

Колдуны в Чистый четверг

⟨Говорят, на Чистый Четверг колдуны бесятся?⟩ *Dá. Í gъvar'át.. pьгаí, nu któ š etь mn'e gъvar'ít-ть.. dáže sьn, i gъvar'át, is púl'i jajx n'i ub'jós, nádъ m'édnъ púgv'icu zьr'azát'. Já ták etь slyxála rán'sы. Nu.. étъ.. sьn-ть n'a zná, što mátkъ kałdún'jъ. "Nu pajd'óm kьra-úl'it' kьłdunóf". I mátkъ.. łáz'il'i tak'íi stróil'i azaródy, vysók'ii. [...] I vót.. gъvar'í, aná i vl'ézъ nъ-zaróf. A sьn-ть i xłópn'i. A ъkazáťs' što mátkъ. Tagdá iš'č'o bьítъ, gъvar'ít, étъ давнó, f stьr'ínú. Táк, pьm'arlá, pьm'arlá i.. i zьstr'a-l'ít. A tó i raskázъvut ы.. mьłakó s'm'e.. š'č'ás ы másъ pьđajút. Vót gъvar'át vot na Č'ístъj č'at'v'érk atьmájut ъt karóf mьłakó. ⟨Как?⟩ A na pь'igavór, ót gъvar'í łáz'ijut nъ azaróf ы kr'ic'át, tám, Zór'k'ъj, xat'á u m'an'é karóva Zór'k'ъj zváнь, kr'i-č'át – "Zór'kь, Zór'kь! Tьóк, тьóк, тьóк, sól', sól', id'í s'udá". I vót an'é pь'igavár'ivut, a patóm vot étъ n'ač'ístъ s'íla i xód'id daít' karóf. l'ótъit étъt n'ač'ís't'ik. I vót ón pь'inós'it jéj mьłaká. A mьłakó – patóm aná kudьí.. I vót raskázъvьl'i, nъ bazár'i zná ad'ín muš'č'ínъ. Pьđajót bába másъ, a ón id'ó m'ímъ jéj, a u javó pózъk. Nav'érmъ kaká.. kakój-n'ibьt' nádъ st'íy znát'. Vot ták prav'ót pa más-łu, i.. rastópl'ínъe másъ, n'a sl'ívъč'ínъe. Attúđъ, gьr'í, króf ы pašlá. Étъ, gьr'í, kałdónъn.. u kьłđъ.. u kałdófk'i at-n'átъe másъ. A jés' i karóvъ-ть, n'i da-jút mьła., spórt'uccь. Pórt'il'is'. Vót što l'úd'i gъvar'íl'i. Štó l'úd'i gъvar'íl'i, tó i já gъvar'ú. N'a znáju, pьrávđъ etь il'i n'a-pьrávđъ.. Móže ы n'apьrávđъ. M'an'é ѱas-rót' m'íľъvьl, i já.. Sášъn'kь! đьragáľъ mьjá, já i n'i žaláju na jétu t'ému.*

⟨Говорят, на Чистый Четверг колдуны бесятся?⟩ Да. И говорят.. пого(ди), ну кто ж это мне говорил-то.. даже сын, и говорят, из пули [е]их не убьёшь, надо медную пуговицу заряжать. Я так это слышала раньше. Ну.. это.. сын-то не знал, што matka колдунья. "Ну пойдём караулить колдунов". И matka.. залили такие строили озороды, высокие. [...] И вот.. говори, она и влезла на озород. А сын-то и хлопни. А оказалось, што matka. Тогда еще было, говорит, это давно, в старину. Так, померла, померла и.. и застрелил. А то и рассказывают и.. молоко сме.. щас и масло продают. Вот говорят вот на Чистый четверг отымают от коров молоко. ⟨Как?⟩ А на приговор, от говори лязют на озород и кричат, там, девки (хотя у мене корова Зорькой звано), кричат – "Зорька, Зорька! {Тпрок, тпрок, тпрок}, соль, соль, иди сюда". И вот оне приговаривут, а потом вот эта нечистая сила и ходит доить коров. Лётает этот нечистик. И вот он приносит ей молока. А молоко – потом она куды.. И вот рассказывали, на базаре знал один мужчина. Продаёт баба масло, а он идё мимо ей, а у его ножик. Наверно кака.. какой-нибудь надо стих знать. Вот так провёл по маслу, и.. растопленное масло, не сливочное. Оттуда, гри, кров и пошла. Это, гри, колдован.. у колдо.. у колдовки отнятое масло⁴. А есь и коровы-то, не дают моло.., спортются. Портились. Вот што люди говорили. Што люди говорили, то и я говорю. Не знаю, правда это или неправда. Може и неправда. Мене Господь миловал, и я.. Сашенька! дорогая моя, я и не желаю на эту тему.

д. Подберёзье⁵

Отбирание молока

Nu rán'shy-ta býl'í étyk'ii l'úd'í. Býl'í. Kýldavál'í. Ёt karóf mýlakó atýmál'í, vót tóže. (Порчу наводили?) А n'a tókъ pórč'u, n'í.. karóva-ty u nás, éty-ty ot na maím v'idú býl'ь. Ёты иšč'ó máma býlá žýva, d'aržál'í мы tr'í karóv'í. Nu иšč'é tagdí safxó.. kalxózъf n'é býl'ь. Lóšet' svajá. Lóšet'-ty prapála, a paxát' rólъsu-ty náda. Náda š karóvu pгъdavát', a ka-n'á pъkupát'. Í vód z Gъrad'íšč'a ženšč'ena p'r'íslá.. Našl'í kan'á, lóšed' gd'é kup'ít'. Vон там v Darú, zá vъs'im' k'í-lóm'itъf, lóšet' pгъdajó, a u javó s'astrá v Gъrad'íšč'í. Ón s s'astrój p'r'íšól nášых karóf gl'ad'ét'. Nú, rás.. nádъ lóšet', b'ar'é l'ubúju karóvu, kakúju xóš. Nu aní там v'ál'í étu karóvu, [...] nú pъgl'ad'éla karóf. Vz'ál'í karóf.. D'v'é karóv'í astá-ly's'a, i mýlaká n'étu. Í ad dvóх-ty karóf mýlakó t'n'al'í. Pъkupál'í takój sъxar'ín pгъdavál'í tak'ím l'ap'óšec'kъm, nas'íl'í pгъdavát'. Vót étыt sъxar'ín pъzvad'íl'í dъ č'ajkú pъp'ivál'í. Nu vot našl'í étyх.. paslál'í jaje mámu kudy-n'íbut' kudýt' sxad'ít', štóp vot éty, k vъražám-ty. Ёná sxad'ílъ, pъšaptál'í na sól' там, na štó l'. Ёná skazálъ éty vъražéjka, – vót p'r'idó k t'ab'é tót č'elav'ék, ty smatr'í, n'ič'avó n'í daváj. Í p'r'íslá éta, z Gъrad'íšč'a ženšč'ena, štó-ty pras'ílъ. I v ízbu-ty n'í vašlá, á pъd aknóm. "Dušnъ, dáj i fs'ó". Máma skazála, "já gr'í t'ab'é k'ip'atkm ъbal'ju". Nú a karóv'ы-ty spót'il'is', mýlakó n'í davál'í. Ёt'n'alá mýlakó. Vot éty v'id'ís l'í. A там v'adrám davála karóvъ mýlaká. V'ad'ér'n'icъ. Mýlakó t'n'alá. (Ну они, может, и снять порчу могли? Колдуны?) А xtó jiy znáí, vó, kák any.. Any gъvar'á, vót na étyj Č'ístyj č'at'-v'ér'k éty kýlduny-ty, šč'ó-ty xad'á sь

Ну раньше-то были такие люди. Были. Колдовали. От коров молоко отымали, вот тоже. (Порчу наводили?) А не только порчу, не.. корова-то у нас, это-то на моем виду было. Это ишчо мама была жива, держали мы три корове. Ну ишчо тогды совхо.. колхозов не было. Лошадь своя. Лошадь-то пропала, а пахать поло-су-то надо. Надо ж корову продавать, а коня покупать. И вот с Городища женщина пришла.. Нашли коня, лошадь где купить. Вон там в Дору, за восемь кило-метров, лошадь продаё, а у его сестра в Городище. Он с сестрой пришел наших коров глядеть. Ну, раз.. надо лошадь, бе-ри любую корову, какую хошь. Ну они там взяли эту корову, [...] ну поглядела коров. Взяли коров.. Две корове остано-ся, и молока нету. И от двох-то коров молоко отняли. Покупали такой сахарин продавали таким ляпёшечкам, носили продавать. Вот этот сахарин разводили да чайку попивали. Ну вот нашли этих.. послали ее маму куды-нибудь кудыть сходить, штоб вот это, к ворожам-то. Она сходила, пошептали на соль там, на што ль. Она сказала, эта ворожейка, – вот при-дё к тебе тот человек, ты смотри, ничего не давай. И пришла эта, с Городища жен-щина, што-то просила. И в избу-то не вошла, а под окном. "Душно, дай и всё". Мама сказала, "я, гри, тебе кипятком оболью". Ну а коровы-то спортились, мо-локо не давали. Отняли молоко. Вот это видишь ли. А там ведрам давала корова молока. Ведерница. Молоко отняла. (Ну они, может, и снять порчу могли? Кол-дуны?) А хто йих знае, во, как оны.. Оны, говоря, вот на этый Чистый четверг эти колдуны-то, шчо-то ходя, собирают вся-

b'irájut' fs'ákыž žyvatóf, a n'a znáju. Bóx v'es't'. Dáj žósp'rd'i i n'a znáju.

ких животных, а не знаю. Бог весть. Дай Господи и не знаю.

д. Плѣсково

Егорий⁶

A kák že, žyvatóf vypruskál'i, ърхад'í-l'i krugóm jix, ikónьj. Vot Jagór'jim Pьb'idanos'em.. A v Jagór'ij Pьb'idanos'ic byvái što éta.. máľъ travь-ta, nu мы гьг'ím, "N'ikafáj Cudatvóric pr'id'ó s vozьm k nám".

P'él'i š "Xristós vaskrés"..

[...] <А пастуха угощали?> Ab'azát'il'нь. A kág že, štóбы sьbl'udát žyvatóf nášьx. Davál'i, jajč'ik i.. p'akl'í p'irag'í, xtó štó. Nьb'ar'ó mnóуž, céľу šárku nab'ar'ó pastúx. [...] davál'i, i užó мы stál'e.. gón'ims'i, napr'im'ér majá oč'ir'it', i tó báby vynós'ut p'irag'í.. jáicy. Já gr'u, "atstán't'i vьi, u mn'á svaí jés't'ь". – "Nu kág ža, palóžen.." <А стреляли?> Ётъ str'al'ál'i давнó. A užó как мы stál'i, n'a stál'i str'al'át', ётъ stьg'ik'ý str'al'ál'i. An'ý vьív'adut ы kan'ěj, skót vьípus't'ut, i str'al'ál'i. A мы тут užé [astáfšь] [...] тут astál'is'a bab'ónk'i, kój štó..

А как же, животных выпускали, обходили кругом их, иконой. Вот Егорьем Победонос(ц)ем.. А в Егорий Победоносец бывае што это.. мало травы-то, ну мы грим, "Николай Чудотворец придет с возом к нам".

Пели ж "Христос воскрес"..

[...] <А пастуха угощали?> Обязательно. А как же, штобы соблюдал животных наших. Давали, яичек и.. пекли пироги, хто што. Наберё много, целую шапку наберё пастух. [...] давали, и ужо мы стали.. гонимся, например, моя очередь, и то бабы выносят пироги.. яныц. Я грю, "отстаньте вы, у меня свои естя". – "Ну как же, положен.." <А стреляли?> Это стреляли давно. А ужо как мы стали, не стали стрелять, это старики стреляли. Они выведут и коней, скот выпускают, и стреляли. А мы тут ужо оставши.. тут остались бабёнки, кой што..

Колдуны⁷

Á-a, kьldunь-tь? Dá-a! Bьíl'i tóže, bьíl'i. U náz bьíľ dvá kan'á. [...] I adná, kák vьt гьvar'ítsь, i kaldún'jь-tь kuľ nás g'ádьm ы žьľá. Aná z'd'ěľъž nám – patk'ínuľ kь dvarú, takój garšóc'ik s kak'ím-tь m'ásьm. Nazáftгæ pьv'al'ý kan'á, kón' nógu i slamál. Vój, kako.. a kón'tь kakój bal'šúšč'(j).. Ыí vót. Bьíl'i kьldunь, fs'ó i karónьm d'ěľьl'i, i fs'ó. Dá-a. T'ar'ér-tь n'ít. N'ič'ó, byváľ хьt' karónьm tám kьk z'd'ěľьjut' il'í.. A vo t'ar'ér' kak'íi kьldunь, t'ar'ér' kьldunóf n'ét n'ikak'íx.

А-а, колдуны-то? Да-а! Были тоже, были. У нас было два коня. [...] И одна, как вот говорится, и колдунья-то кул нас рядом и жила. Она сделала нам – подкинула ко двору, такой горшочек с каким-то мясом. Назавтрае повели коня, конь ногу и сломал. Вой, како.. а конь-то какой был большущ(ий).. И вот. Были колдуны, всё и коровам делали, и всё. Да-а. Теперь-то нит. Ничё, бывало хоть коровам там как сделают или.. А во теперь какие колдуны, теперь колдунов нет никаких.

[...] Na Č'ístyj-ть ó, na Č'ístyj č'at'-v'ér'k vot, búd'e ot s'ič'ás, p'ir'at Páskъj, Č'ístyj č'at'-v'ér'k. [...] xad'íl'i nъ m'až-n'ík aní. Kak sónce nъ zakát [...] i tám, gъvъr'í, i kr'ič'á. Ja-ть n'a znáju, no l'úd'i gъvâr'át. (На Чистый четверг именно?) A? Dá, na Č'ístyj č'at'-v'ér'k. Xad'íl'i, gъvъr'í, kълдуны. Ётъ. Štо anы там d'éft'í, nъ m'až-n'ík xad'íl'i. Bóx jý znáji, štо anы там d'éft'í. [...] F Suxašýnъx, v nášyj d'ar'évn'i adná býhá. F Suxašýnъy býhá. (Колдунья?) Kълдún'ъ, dá. Nú uš jéj f céркъv n'i dъpuskál'i. Šóp aná n'i pъpadáť. Kълдún'ъ.

[...] kълдуны, rán'шы bý'i anы, kълдуны, katórei eta.. mъlakó atымáli ыт карóf. (A как?) A kák ot, kák anы p'ídút.. na dvór, i ták vot d'éft'í skatú tóžo. D'éft'í. Nu vò p'rijšlá k nám, patk'ínuť kakój-ть garšók s' m'ásъm, nazávtrъæ pъv'al'í kan'á, a aná.. on nógu i slamáť. Vó kak'í kълдуны bý'i. Ýóspъd'i, spas'í, ýóspъd'i, un'as'í ýóspъd'i at étvъ. Dá. Ót, rad'ímъj. Vót anы tak'í kълду(ны). Bывáť, žn'óš – бывáť, žál'i, rán'шы-ть znáeš kág býť, s'éjel'i ws'é, ws'í pal'á zas'éjut, í l'nom, í étm.. pъšan'ícej, í rózju, i afsóm, i žýtъm. Nas'éjut, rad'ímъj, vót ы ub'iráeš. A pajd'óz zát'-ть, á u kълдунá.. prazáť, fs'í róťsy prazáť. T'ú kudы, i Bóx javo znái, kudы ón.. ётъ d'aváť fs'ó. Kák ыn, štó d'éft'í. [...] takój, nú vot já žnú xъd' bъ róťsu, aná majá pъľasá prazáť, tak'ím s'ar'póm. S'er'pám rán'шы žál'i, rán'шы š n'é býť tr.. ётыx, tráktъrъf. Paxál'i nъ kan'áx. Bъgnavál'i š ы navós vaz'íl'i na z'éml'u, fs'ó d'éft'í. Vót, rad'ímъj. Xъrašó býhá..

[...] mal'č'šk'i бывáť-ть.. i mы xad'íl'i slúšýt' – mál'in'k'i išč'o býli, – gъvâr'ít', "id'ít'e kълдунóf slúšýt'", pajd'óm, náđъ s'avódn'ъ it'í, on n'a slúšýt. (A как это

[...] На Чистый-то о, на Чистый четверг вот, буде от сейчас, перед Пасхой, Чистый четверг. [...] ходили на межник оны. Как солнце на закат [...] и там, говори, и крича. Я-то не знаю, но люди говорят. (На Чистый четверг именно?) A? Да, на Чистый четверг. Ходили, говори, колдуны. Это. Што оны там делали, на межник ходили. Бог йих знае, што оны там делали. [...] В Сухошинах, в нашей деревне одна была. В Сухошинах была. (Колдунья?) Колдунья, да. Ну уж ей в церков не допускали. Шоб она не попадала. Колдунья.

[...] колдуны, раньше были оны, колдуны, которые это.. молоко отымали от коров. (A как?) A как от, как оны придут.. на двор, и так вот делали скоту тожо. Делали. Ну вот прийшла к нам, подкинула какой-то горшок с мясом, назавтрае повели коня, а она.. он ногу и сломал. Во какие колдуны были. Господи, спаси, Господи, унеси Господи от этого. Да. От, родимый. Вот оны таки колду(ны). Бывало, жнёшь – бывало, жали, раньше-то знаешь как было, сеяли все, вси поля засеют, и льном, и этым.. пашеницей, и рожью, и овсом, и житом. Насеют, родимый, вот и убираешь. А пойдёшь жать-то, а у колдуна.. прожато, вси полосы прожато. [Гю] куды, и Бог его знае, куды он.. это девал всё. Как он, што делал. [...] такой, ну вот я жну хоть бы полосу, она моя полоса прожат(о), таким серпом. Серпам раньше жали, раньше ж не было тр.. этих, тракторов. Пахали на конях. Борновали ж и навоз возили на землю, всё делали. Вот, родимый. Хорошо было..

[...] мальчишки бывало-то.. и мы ходили слушать – маленьки ещё были, – говорить, "идите колдунов слушать", пойдём, надо сегодня идти, он не слышит. (A как

слушать?) А аны і гьвар'а, на Ч'ыстыј
 čat'v'ér'k vyxód'ut kr'ič'át', kr'ič'á karó-
 vьm. Mьlakó vot 'vdb'irájut, гьр'í, на Ч'ís-
 тыј č'at'v'ér'k, i kr'ič'á: tám, "Pastr'óхъ"..
 tám "Kras'óхъ", гьвр'г'í, – i мь paš'í'í. É
 durak'í-ть бьí'í. <Куда пошли?) Нь м'а..
 náđь nám it'ít'-ть нь м'аžn'ík, a мь-ta
 kuł dómu s'id'él'í. A náđь na м'аžn'ík,
 rad'ímьj. It'ít'. <А колдуны где кричат?)
 Nú ot na м'еžn'ik'é-ть на ётмь ы kr'ičát.
 Там pas'í'í vó рь'í. [...] A мь išč'o má-
 l'in'k'ii бьí'í. "Pajd'óm šúšьt'", a štó
 šúšьt', аны.. v'íš ётвь, vyšowšь нь
 м'аžn'ík, a мь kuł dómu. Durak'í-ta, гьс-
 рь'd'í, o durak'í-ть бьí'í. Da. Vot pat-
 k'íđvьjьjut štó-n'ibьt', vot ёты kьldunь
 s'íč'ás.. ёть vó.. štó-n'ibьt' na dvóг pat-
 k'ínut, štóбы skat'ín'инь zdóхь. I.. nám
 patk'ínul'í kakój-ta gar'šók s' m'ásьm, a
 u náz dv'é lósed'í бьí(ь), lósed'í харóšei,
 nu vót. U nás s'am'já dv'anáccet', бьváль
 рь dv'anáccet', рь t'ináccet' č'ilav'ék
 s'émj-ть бьí'í. A t'ap'ér'-ть annú đь j tó
 bajácssь. Nu vót, a бьváль.. s'émj-ть bal-
 šьí бьí'í, ó-ój. [Pò]xl'ěбушку [?] takúju
 krúglуju s'p'ak'óm, aná бь'á. Aná dušь-
 tьæ, ráхn'it' хьраšó. Ój, хьраšó. Karón
 d'aržál'í, pas'l'í, рьstuxá d'aržál'í. Pas'l'í.
 I patpástuxь davál'í рьstuxú. On tóže
 pás.. d'én'g'í plat'íl'í. Stáđь bal'šóe vy-
 гьn'it, u fs'ix u kavó dv'é karón'í, u kavó
 tr'í karón'í. Вьíть..

д. Пырошня⁸

Егорий; первый выгон; пастухи

А ёть đь Jagó'г'ь. Šastónь májь, Jagó-
 r'г'ь. Vot n'al'z'á. Гьrad'íd' зьгарóды. Ёть
 гьвар'íd dóž зьгарóд'íš, dažd'á n'a búit.
 N'el'z'á. Nú a t'ap'ér' n'í рьn'imájut. [...] <
 Это значит, что будет засуха?) Дá, гь-
 var'ád zásuxь búit. Nu t'ap'ér'-ть fs'ó

это слушать?) А оны и говоря, на Чистый
 четверг выходят кричать, крича коро-
 вам. Молоко вот отбирают, гри, на Чис-
 тый четверг, и крича: там, "Пестрѣха"..
 там "Красѣха", говори, – и мы пошли. Э
 дураки-то были. <Куда пошли?) На ме..
 надо нам итить-то на межник, а мы-то
 кул дому сидели. А надо на межник, ро-
 димый. Итить. <А колдуны где кричат?)
 Ну от на межнике-то на этом и кричат.
 Там пасли во поле. [...] А мы ещё малень-
 кие были. "Пойдѣм слушать", а што
 слушать, оны.. вишь этого, вышовши на
 межник, а мы кул дому. Дураки-то, гос-
 поди, о дураки-то были. Да. Вот подки-
 дывают што-нибудь, вот эти колдуны
 сейчас.. это во.. што-нибудь на двор под-
 кинут, штобы скотинина сдохла. И.. нам
 подкинули какой-то горьшок с мясом, а у
 нас две лошади был(о), лошади хорошие,
 ну вот. У нас семья двенадцать, бывало
 по двенадцать, по тринадцать человек
 семьи-то были. А теперь-то одну да и то
 боятся. Ну вот, а бывало.. семьи-то боль-
 шие были, о-ой. [Пол]хлебушку [?] такую
 круглую спекѣм, она была. Она душис-
 тая, пахнет хорошо. Ой, хорошо. Коров
 держали, пасли, пастуха держали. Пас-
 ли. И подпастуха давали пастуху. Он то-
 же пас.. деньги платили. Стадо большое
 выгонит, у всих у кого две корове, у кого
 три корове. Было..

А это до Егорья. Шестого мая, Его-
 рья. Вот нельзя. Городить загороды. Это
 говорит дож загородишь, дожда не бу-
 дет. Нельзя. Ну а теперь не понимают.
 [...] <Это значит, что будет засуха?) Да,
 говорят засуха будет. Ну теперь-то всё

s'm'ašáľs'. T'ap'ér' r'ětkъ štó patxóit pь stьr'ínb. T'ap'ér' on tám l'óťjut spútn'ík'i, anb.. fs'ó p'ir'iv'arnúli.

[...] <А вот когда корову выгоняли весной?> A karónvy vygan'ál'i ot tóže w Jagór'ij. Dá. U Jagór'ij vygan'ál'i, pastúx ružjó b'ar'ót, tapór za rójis, valkóv at-púgъvьt'. Nu xtó znáľ, mal'ítvu č'itáľ'i. <Какую?> Sv'atónv Jagór'ja pras'íl'i, étъ š'ьt nъ Jagór'ij. Nu náďv i takájv ikóna, Jagór'ij. Étъ fp'ar'ót id'ót ikóny n'as'ót, a zžádu pastúx. Kak krúk ъbajdút, ták on str'al'áit. Ružjó búx, štop valkóv pugát'. A kagdá wžé tr'i rázv abajdút, tagdá i tapór uw z'ém'l'u. I ap'át' str'al'áit. Étъ vot.. t'ap'ér' n'i apxód'ut, a tó fs'ó vrém'e ъpxad'íl'i, já vot kadá dáže f Són'in'i žnía, u m'aě sv'akróv apxad'íľa. I vót fs'ó vrém'e bьváľv skót apxód'ut. I skót céľ. I z'd'ěs' ъpxad'íl'i! Fs'á d'ar'ěvn'ь, vьgan'ájut.. i z'd'ěs' užé, étъ t'ap'ér' užé stárgi ram'ór'l'i, á mľad'óš.. ták, sьb'arúcsь.. A tó Xr'istá p'ěľi. <А "Христа" как поется?> Á, "Xr'istós vaskr'ěs", kák u cěrkvi.

Xr'istós vaskr'ěs

S'm'ěr't'ju s'm'ěr't' papráv

I súš's'i va grab'ě žyvód dьgъvьt'.

Vot étъ vot "Xr'istós vas'kr'ěs".

[...] <Это тоже вот когда коров собирают?> Dá, étъ vьt.. Nu tám kakúju-tъ mal'ítvu č'itájut étъ xtó apxód'it, s Jagór'jem, étъ tám drugájv mal'ítvъ.

<А пастух это нанимался пастух или как?> Nu pastúx.. gd'ě nп'ímáľ'i, a tó ták pa óč'ir'id'i pas'l'i. Pa pėgvъs't'i nп'n'ímáľ'i, padróstk'i.. F škóľu š.. kamú jés' vazmóžnъs' xad'ít', a kamú i n'ivazmóžnъs', išč'ě n'i.. vot bьváľv č'atúľ'i klásъ kón'č'it í w pьstux'í rajdút. Pь tak'ím pь d'ir'avn'am. Vot u Pьrьšn'i w nás rómn'u s Salóx'inъ, s Ёpal'ónыš.

смешалось. Теперь редко что подходит по старины. Теперь он там лѣтают спутники, оны.. всё перевернули.

[...] <А вот когда корову выгоняли весной?> А коровы выгоняли от тоже в Егорий. Да. В Егорий выгоняли, пастух ружьё берет, топор за пояс, волков отпугивать. Ну кто знал, молитву читали. <Какую?> Святого Егорья просили, это ж от на Егорий. Ну надо и такая икона, Егорий. Это вперѣд идѣт иконы несѣт, а сзадупастух. Как круг обойдут, так он стреляет. Ружьё бух, чтоб волков пугать. А когда уже три раза обойдут, тогда и топор ув землю. И опять стреляют. Это вот.. теперь не обходят, а то всё время обходили, я вот когда даже в Сонине жила, у мене свекрова обходила. И вот всё время бывало скот обходят. И скот цел. И здесь обходили! Вся деревня, выгоняют.. и здесь уже, это теперь уже старые помѣрли, а молодежь.. так, соберутся.. А то Христа пели. <А "Христа" как поется?> А, "Христос воскрес", как в церкви.

Христос воскрес

Смертью смерть поправ

И сущи во гробе живот даровав.

Vot это vot "Христос воскрес".

[...] <Это тоже вот когда коров собирают?> Да, это вот.. Ну там какую-то молитву читают это хто обходит, с Егорьем, это там другая молитва.

<А пастух это нанимался пастух или как?> Ну пастух.. где нанимали, а то так по очереди пасли. По первости нанимали, подростки. В школу ж.. кому есь возможность ходить, а кому и невозможность, еще не.. вот бывало четыре класса кончит и в пастухи пойдут. По таким по деревням. Вот у Пьрошни у нас помню с Солохина, с Опалёньш. Па-

Patsán, č'atyŕ'i klása kón'č'ih'í bý pás karóv. I vót arxad'íl'i. Xtó znáit. (И это он с ружьем идет, пацан?) Dá, i fs'é ravnó, i jétmu pŕtsaná ružjó. Ón žo pastúx. Ón t'v'ac'áit. I xŕašo, a n'éktyŕy znál'i, vot pómn'u i š's'ó u nás u Rýgšn'i pás'l'i vot s Xm'al'ówk'i pastúx. Bývát abajdút, karów vygŕn'ut, i pajd'ót kudý xóč'it. Karóvy gul'ájud gd'é xóč'it, n'jad'ácss' i fs'é pŕidút k v'éč'eru damój. Vót kak arxód'it. Nu ét' ón.. r'étk' tak xtó znáit. (Это вот из-за того, что он знает, как обойти?) Dá, xtó n' s'v'at[úu] Jagór'j' arxód'it. I vólk n'a trón'í, í n'i pŕ'ar'áicss' n'igd'é skót. Sv'atój Jagór'ij ét' š s'íla. G'eór'g'ij R'v'edanós'ic. (А как там, в какую сторону ходят?) Na sónce.

тсан, четыре класса кончил и пас коров. И вот обходили. Кто знает. (И это он с ружьем идет, пацан?) Да, и все равно, и этому пацану ружье. Он жо пастух. Он отвечает. И хорошо, а некоторые знали, вот помню ещё у нас у Пырошни пасли вот с Хмелёвки пастух. Бывало обойдут, коров выгонют, и пойдёт куда хочет. Коровы гуляют где хочет, наедятся и все придут к вечеру домой. Вот как обходит. Ну это он.. редко так кто знает. (Это вот из-за того, что он знает, как обойти?) Да, кто на свят(ое) Егорье обходит. И волк не тронет, и не потеряется нигде скот. Святой Егорий это ж сила. Георгий Победоносец. (А как там, в какую сторону ходят?) На солнце.

Относ

... i tút. Nu u nás tut tak'ix syč'ás n'étu. Xtó t'nas'íl, xtó-t' atnas'íl, tút v adnój.. s'v'in'já ušlá. S'v' dvará. Dúmal'i, što ukrál'i. No pam'ór tód d'éť. Tút u nás u Rýgšn'i žyí, ón sám ыз G'vavátk'i. Al' ét' w Maks'ímkv'í žyí. On sám g'vav-r'íl patóm na róč'ty, "Jés'l'i p n'a já, g'vav'it, Tán'ina p s'v'in'já n'i pŕ'íšlá". Vót ón atnas'íl atnós. A aná k stádu, k karóvŕm i pŕ'íšlá fs'l'et. Atnas'íl'i. Ét' t'nas'íl'i vot já iš'sho býlá d'éfk'j, a mámt' m'já karów uxážev'la. Kałxózn'æ karón'v pŕapála. Nú iskál'i, iskál'i, a náda.. pŕ'éžd'í.. č'ém pán'iku n'vad'ít' v l'asú iskát' fs'éj d'ar'éwn'ij, nádt' snač'á-ť atnós atn'és'. A aný sabŕál'i fs'ú br'igádu, paš'l'í pŕač'ós'v'yt' l'és. Šúmu na-d'éťl'i. A patóm atnós atn'as'l'í, paš'l'í, a jajé naš'l'í.. as'ín'v p'val'íwšy, i t'na pŕ'ám g'vavój ragám uw as'íny, w súč'ji up'ix-nút' i zád'n'ic's kv'érxu. Vót kág d'éťjut. Naš'l'í n'izyv'uju. (А куда относ-то относят?) Nu ét' uš s'íl'n'v strášn'v, n'i

... и тут. Ну у нас тут таких сычас негу. Кто *относил*, хто-то относил, тут в одной.. свинья ушла. Со двора. Думали, што украли. Но помер тот дед. Тут у нас у Пырошне жил, он сам из Гороватки. Аль это, в Максимкове жил. Он сам говорил потом на почты, "Если б не я, – говорит, – Танина б свинья не пришла". Вот он относил относ. А она к стаду, к коровам и пришла вслед. Относили. Это относили вот я ещё была девкой, а мама моя коров ухаживала. Колхозная корова пропала. Ну искали, искали, а надо.. прежде.. чем панику наводить в лесу искать всей деревней, надо сначала относ отнесь. А оны собрали всю бригаду, пошли прочёсывать лес. Шуму наделали. А потом относ отнесли, пошли, а ее нашли.. осина поваливши, и она прям головой рогам ув осины, в сучья упихнуто и задница кверху. Вот как делают. Нашли неживую. (А куда относ-то относят?) Ну это уж сильно страшно, не

znáju, еть хтó znáit, тьк.. Нь м'езн'ík, гьвѣр'ít, нóс'ju vot хóд'ѣт. Еть хтó atnós'it, óн с хаз'áиньм с тым гьзгавár'ivѣт. Дá. Ёть от máма тóžo гьвар'íла, хтó-тъ там в Азаньв'и. Рán'шы ётъвѣ д'éла č'ástь sluč'áньс'. Гьвѣр'ít, прapáла карóва, и pašlá..

Дá. Vót atnós еть máмь гaskázьвѣ. Atn'as'í'í karóvu. I pašlá ѣна с хьз'áj-кьj.. karóны, бáркь ѣтnas'í'í. Atn'as'í'í там, aná vьízьвѣ, пьгьвар'í'í – с хьз'áиньм, хьз'áин jés' i в í'asú. Хтó atnós'it, óн v'íd'it tavó хьз'áинь. Í paš'í'í abráтнь. Óн skazáł što.. karóvu ѣddám. Í paš'í'í. Aná wp'ar'ót, a хаз'ájkь karóны byzzádu, гьвѣр'ít, "Id'í, ni agl'ádьvьjs'e.. nazát. Jé-s'í'í пьgl'an'óss'i, to karóны n'a búd'it". A jéj že хóс'icce, aná slыšит šč'o.. knutóm ššólkьit, pastúy gón'it. "Dáj пьgl'ad'ét'", aná gl'át' nazát – kag gón'it pastúx stáď. Karów. I fs'ó, i karóvu n'i addál'í. (Запрет такой?) Дá, takój zapr'ét. Aná гьвѣр'ít, éта katóрь atnas'í'í – "Já š t'e гьвар'í'í, n'i gl'ad'í nazát, a t'ab'é хat'éньс' пьgl'ad'ét'? Пьgl'ad'í t'ap'ér', karóны tva-jéj n'a búd'it". Аны ap'át' пьv'armúl'is', šš'ótnuł, пьv'arnuł stáď í uynáł. Í pr'i-šl'í n'i š' č'ém. Ёть d'éнь бьíть vot.. prá-v'edнье. Vot takójъ d'éнь.

Vot já жыла в Пьгьш'и, a там Šédьwka dvá k'ílam'этъ бьл'í, vot там бáркь znáть, vot éта Gan'эхъ. Aná vapš'é i mnó-гь kój-č'áo znála. I пь d'at'ám бьvаľъ jajé vod'ut. Kamú n'i пьm'ar'ét', ot jajé пр'ivad'íl'í. Aná takú mal'ítvu znála, štop óн.. javó p'ir'iv'arnuť skar'ěj. I vót aná atnós ѣtnas'í'íла. – Nu íy жы dawnó n'ét.

«А относ это несут что?» Štó-тъ там nós'ut. Ёть нь м'езн'ík хóд'ut. Nós'ud, гьвѣр'ít. N'i znáju štó, a štó-ta nós'ut, xl'ebušкь célyj nav'этнь п'akút takój mál'in'кьj. Óн zadáрьм n'i addás', jamú

знаю, это хто знает, так.. На межник, говорит, ночью вот ходят. Это хто относит, он с хозяином с тым разговаривает. Да. Это от мама тоже говорила, хто-то там в Азанове. Раньше этого дела часто случалось. Говорит, пропала корова, и пошла..

Да. Вот относ это мама рассказывала. Отнесли корову. И пошла она с хозяйкой.. коровы, бабка относила. Отнесли там, она вызвала, поговорила – с хозяином, хозяин есь и в лесу. Хто относит, он видит того хозяина. И пошли обратно. Он сказал што.. корову отдам. И пошли. Она вперёд, а хозяйка коровы изаду, грит, "Иди, не оглядывайся.. назад. Если оглянешься, то коровы не будет". А ей же хочется, она слышит шчо.. кнудом шёлкает, пастух гонит. "Дай поглядеть", она глядь назад – как гонит пастух стадо. Коров. И всё, и корову не отдали. (Запрет такой?) Да, такой запрет. Она говорит, эта котора относила – "Я ж те говорила, не гляди назад, а тебе хотелось поглядеть? Погляди теперь, коровы твоей не будет". Оны опять повернулись, щёлнул, повернул стадо и угнал. И пришли ни с чем. Это дело было вот.. праведное. Вот такое дело.

Вот я жила в Пьрошне, а там Шедовка два километра были, вот там бабка знала, вот эта Ганеха. Она вообще и много кой-чего знала. И по детям бывало ее водют. Кому не помереть, от ее приводили. Она таку молитву знала, штоб он.. его перевернуло скорей. И вот она относ относила. – Ну их же давно нет.

«А относ это несут что?» Што-то там несут. Это на межник ходют. Несют, говорит. Не знаю што, а што-то несут, хлебушко целый наверно пекут такой маленький. Он задаром не отдасть, ему

tóže haz'áinu náda dát'. Štò-t' n'ós'ut, xl'ěbuško. (И как-то он им отвечает сзади, да?) Тóč'нь n'i magú skazát', nó fákt tót, što.. haz'áin tám jés' tóžo, v l'asú. Vót gr'epadájut. Vot syč'ás u nás.. u Gr'íšym'i éwъn karóvъ. I v'íd'ut. Kág by jaé tám n'i pr'in'ál'i. Na dvór n'ikák n'i zagn'át'. Í gr'epad'ót srázu. A.. a vót atnós atn'és' n'ěkъmu, štop ták jajé.. kъ dvarú-t'ь pr'iuč'ít', vot n'a znáju, s'ьb'i-rál'is' str'al'át'. N'a v'ížu ból'sy dajárku, z'str'al'íl'i aná il'i n'é. Tudá n'a pr'in'i-l'i, i z'd'és' na dvór n'i puskájut. I š'č'áz dážы takójъ, nó r'ětkъ byváiť. A vot étъ ot štó vot étъ vot, vot étъ vot uš mámkа raskáz'vъla, tám aná kadá.. w jajěpъm vózrъs't'i, étъ.. étъ tóč'нь byló. "N'i gl'a-d'í nazát'".

Хъз'áin jés' v'az'd'é. Haz'áin i v dóm'i, i vъ dvar'é, i w l'asú, i u vad'é, v'az'd'é jés' haz'áin. Káždъmu svajó. I étъ tóč'нь navěpъ.

тоже хозяину надо дать. Што-то несут, хлебушко. (И как-то он им отвечает сзади, да?) Точно не могу сказать, но факт тот, што.. хозяин там есь тоже, в лесу. Вот пропадают. Вот сычас у нас.. у Гришине эвон корова. И видют. Как бы ее там не приняли. На двор никак не загнать. И пропадѣт сразу. А.. а вот относ отнесь некому, штоб так ее.. ко двору-то приучить, вот не знаю, собирались стрелять. Не вижу больше доярку, застрелили оны или не. Туда не приняли, и здесь на двор не пускают. И щас даже такое, но редко бывает. А вот это от што вот это вот, вот это вот уж мамка рассказывала, там она когда.. в ееном возрасте, это.. это точно было. "Не гляди назад".

Хозяин есь везде. Хозяин и в доме, и на дворе, и в лесу, и у ваде, везде есь хозяин. Каждому своѣ. И это точно на-верно.

Розыск скота; относ; полевой и лесовой хозяин⁹

⟨А вообще, если потеряется вот раньше корова, то что делать?⟩ А, тóžы d'ě-lal'i, étъ užé wъt.. kák upákъiš, atnós t'p-nas'íl'i. Já rómn'u iš's'í dъ vajny.. mъja mъmka dajárkъj bylá, nó n'i w mъmk'i-pъm stád'i, karówa p'ьt'ar'áts'. Nú pr'ě-žd'i č'ém.. byló nádъ.. n'a nádъ šum pъ-dымát' u l'asú. Náđъ tak'íx l'ud'ěj, xto znáit, tak'í báp'k'i byl'ý – t'ap'ér'-t'ь jix kan'ěšнь móže byť i n'ět – srázu it'ít' k tóј báp'k'i. Aná uznáit. Jés'l'i.. jajé karó-vu vz'al'i – haz'áin v'it' v'az'd'é jes', i v' l'asú jes' хъz'áin, i f pól'i, v'az'd'é jes'. Et t'ap'ér' n'i p'n'imájut étъvъ, a haz'áin v'az'd'é jes'. I w dóm'i, i f pól'i, i v' l'asú i u vad'é, v'az'd'é. Ót bápka skážet. Što n'ětu, ón gr'ъi n'i w haz'áinъ. A jés'l'i skážyt' u haz'áina, to ъná pъgavár'ivyit.

⟨А вообще, если потеряется вот раньше корова, то что делать?⟩ А, тоже делали, это уже вот.. как упакаешь, относ относили. Я помню еще до войны.. моя мамка дояркой была, но не в мамкин-ном стаде, корова потерялась. Ну прежде чем.. было надо.. не надо шум подымать у лесу. Надо таких людей, кто знает, таки бабки были – теперь-то йих конечно може быть и нет – сразу итить к той бабке. Она узнает. Если.. ее корову взяли – хозяин ведь везде есь, и в лесу есь хозяин, и в поле, везде есь. Эт теперь не понимают этого, а хозяин везде есь. И в доме, и в поле, и в лесу и у воде, везде. Вот бабка скажет. Што нету, он, гри, не у хозяина. А если скажет у хозяина, то она наговаривает.

I idút na róstyň'i i karóvu addadút. A ót takój d'ěť byť. Znáč'it' éta bápka.. pašlá, náď s haz'ájkyj, č'já karówa pŕ'a-r'áťs'. A it'ít' náda nóč'ju. I paš'í nŕ m'ažn'ík. Aná gŕvŕ'it – nazát n'i abarác'ivŕjs'i. Nŕ haz'ájku. Ót pŕ'iš'í, tám aná štó z'd'ěťla, padárŕk s'n'aslá haz'áinu – haz'áin vŕígnŕ štáď. Karóvu jajénu atluč'íť. A jěj náď pŕyġ'laét', šo jajénuju karóvu atluč'íť il' n'ě. Gl'át' nazát! Ón ap'át' kák knutóm ššóľnuť, i karóvu jajénuu ugnáť. I ták ы n'i řđďáť ból'sŕy. Takój d'ěť tóže byť. Á vot u nás f Pŕyŕiš'ň'i tóž karónŕ pŕ'a-r'áťs', nu étŕ užě kaľxózňja, pŕ'i kaľxóz'i. Tóže šúm padn'ál'i. Náď byť g bápki. Ęw fs'ú d'ar'ěv'n'u sabŕál'i, xťó s sabákŕm'i, z bykóm, štob byk tóže č'ústvŕet, gď'é karóva tám, jés'l'i z'v'ěr'. I karóvu naš'í. As'ína pŕval'íwšŕy, a aná pŕ'am řagám tudŕ gŕľavój v as'ínu up'axnúť. N'ízŕvŕju. Ęť vot užó na majóm v'ákú ták sluč'áťs'(s). <А межник это между деревнями?> Dá, m'ěždu d'ir'avn'ám'i étŕ m'ažn'ík. Nŕ m'ažn'ík řán'se xad'íť. <А там что?> Nu tám tak'íť m'ěžŕ d'ěťl'i. <А из чего?> S kámn'a. Kam'én'n'i tudŕ.. ot m'ěždu d'ir'avn'ám, štóp ná pŕŕŕ, i kámn'i. Ęť m'ažn'ík, řan'řu d'ěťl'i. <На поле, да?> Dá. Vot étŕ m'ažn'ík, m'ěždu d'ir'avn'ám'i. Paľá. <А какой подарок-то ему относили, хозяйну?> А xťó tam, jŕ n'a znáju.

И идут на ростани и корову отдадут. А от такое дело было. Значит эта бабка.. пошла, надо с хозяйкой, чья корова потерялась. А итить надо ночью. И пошли на межник. Она говорит – назад не обращайся. На хозяйку. Вот пришли, там она што сделала, подарок снесла хозяйну – хозяин выгнал стадо. Корову еену отлучил. А ей надо поглядеть, шо ееную корову отлучил иль не. Глядь назад! Он опять как кнутом щёлнул, и корову ееную угнал. И так и не отдал больше. Такое дело тоже было. А вот у нас в Пырошне тоже корова потерялась, ну это уже колхозная, при колхозе. Также шум подняли. Надо было к бабке. Эв всю деревню собрали, хто с собаками, с быком, штоб бык тоже чувствует, где корова там, если зверь. И корову нашли. Осина поваливши, а она прям рогам туды головой в осину упихнут. Неживую. Это вот уже на моём веку так случилось. <А межник это между деревнями?> Да, между деревнями это межник. На межник раньше ходили. <А там что?> Ну там такие межн делали. <А из чего?> С камня. Каменья туды.. от между деревням, штоб на поле, и камни. Это межник, границу делали. <На поле, да?> Да. Вот это межник, между деревнями. Поля. <А какой подарок-то ему относили, хозяйну?> А хто там, я не знаю.

Пропажн людей от нечистой силы

<Бабка что-то знала?> Dá, étŕ bápka. Nu xľ'ěbušŕ tam fs'agdá b'arút, xľ'ěbušŕk cěťj. Ap'ad' že i náď znát', štó nŕgŕvŕar'ít'. Nu xťó ęťym d'ěťľm zŕn'imáicsŕ, tót kan'ěšň znáit. Vó. A býl'i tak'íť ot slúč'ei, wót v Azánŕv'i i dážě i mál'č'ik pŕ'a-r'áľs'i. Tóže naš'í řavó n'ízŕvónŕ. Nu řatóm užó mŕľadŕŕ n'a stál'i v'ěr'it'.

<Бабка что-то знала?> Да, эта бабка. Ну хлебушко там всегда берут, хлебушко целый. Опять же и надо знать, што наговорить. Ну хто ęťым делом занимается, тот конечно знает. Во. А были такие от случаи, вот в Азанове и даже и мальчик потерялся. Также нашли его неживого. Ну потом уже молодые не стали верить.

Vot v Azánv'i bylá mьs't'arskáe, tám takájь Dubavájь рѣд garú, i z Dubavój m'ixъn'izátъr pr'ijexъl damój, рѣab'édъl, a patsán d'v'anácъt' l'ét: "Páp, рѣkat'í m'an'é nъ mъtасыkъl". Nú pápa рѣsad'íl javó nъ mъtасыkъl, рѣkat'íl, a ratóm ssad'íl – nav'érnъ, takájь č'as'ínъ parála, mál'č'ьk n'i pr'isól damój. Vót tr'í dn'á iskál'i, srázu, a vot f S'al'ís's'i, rómn'u, tút XvыZыvÓ byló. Kák škóla FeZevÓ, tut uč'íl'i. fs'ó. Vót étъx fezeušn'ikъw fs'эх vьzvъhъ, m'il'icsъju.. nú naš'l'í mál'-č'ika n'izъvónъ, n'a nádъ byhъ étъ d'étъ'. Naš'l'í na sópъč'k'i i glásk'i vьkаtъn, nú w varónъx užó vьk'l'uvъn. Vót. Tak vot étъ báp'k'i, byváhъ, nakázujut, što "šúm n'i рѣdъmáj't'i". I ratóm vot jaš'č'ó.. étъ užó vot pr'i mn'é. Sa mnój gul'ála. Br'az-gúška tám takájь bylá v Azánv'i. D'év-ч'ьkъ. Aná byhá kъdъfъs's'ikóm má't'. Nú kak abyč'ъ mъ.. pr'islá nъkъladnъii na stól. Nъ stal'é l'ažál'i. A d'évч'ьka, p'ád gadów, S'vétka, nъkъladnúju étu vz'alá, nu što tam aná jajó.. móžyt parváhъ, móžyt рѣp'isáhъ. I kak rás v'étъd d'én' nádъ v gós't'i jéxъt', práz'n'ik, kakój-tъ práz'n'ik byl. Aná jajé рѣrugála, i rajéxъl'i k má't'er'i k svajéj, ot Nás'c'a rajéxъhъ w Br'azgúšku.. u gós't'i. Nú kák r'ib'at'íšk'i, étъ i u nás tóžы ták. Bápka dalá p'iragá, a mъ i jés't' n'a xóč'im, s' p'iragóm paš'l'í na úl'icu. A wže d'étъ-tъ k v'éc'ьeru byhó. Anъ s'él'i za stól. Éta adná d'évч'ьkъ pr'islá, a S'v'ét[k'i] n'i pr'islá. "Gd'é S'v'étka?" – "S'v'étkъ pašla z' d'édúškъj Ván'ej jagъdy sъb'irát'". S'v'étku ždál'i-ždál'i, n'ét. Tút fs'ú nós' n'a spál'i, fs'i kalóccы paš'l'í, fs'ó v'az'd'é v akruг'i paš'l'í, n'i naš'l'í S'v'étku. Vót aná n'ikudá n'i ъbrač'ás' ды vot k étъj, w Šédъfk'i u nás takája Gan'ëxa bylá. K étъj Gan'ëx'i. Aná gr'i – žyva d'évч'ьkъ.

Вот в Азанове была мастерская, там такая Дубовая под гору, и с Дубовой механизатор приехал домой, пообедал, а папсан двенадцать лет: "Пап, прокати мене на мотоцикле". Ну папа посадил его на мотоцикл, прокатил, а потом ссадил – наверно, такая часина попала, мальчик не пришел домой. Вот три дня искали, сразу, а вот в Селище, помню, тут ФЗО было. Как школа ФЗО, тут учили.. всё.. Вот этих фзэушников всех вызвала, милицию.. ну нашли мальчика неживого, не надо было это делать. Нашли на сопочке и глазки выколол, ну у воронах уже выклован. Вот. Так вот эти бабки, бывало, наказуют, што "шум не подымайте". И потом вот ещё.. это уже вот при мне. Со мной гуляла. Брезгушка там такая была [деревня] в Азанове. Девочка. Она была кладовщиком мать. Ну как обычно мы.. пришла, накладные на стол. На столе лежали. А девочка, пять годов, Светка, накладную эту взяла, ну што там она её.. может порвала, может пописала. И как раз в этот день надо в гости ехать, праздник, какой-то праздник был. Она ее поругала, и поехали к матери к своей, от Настя поехала в Брезгушку.. в гости. Ну как ребятишки, это и у нас тоже так. Бабка дала пирога, а мы и есть не хотим, с пирогом пошли на улицу. А уже дело-то к вечеру было. Оны сели за стол. Эта одна девочка пришла, а Светки не пришла. "Где Светка?" – "Светка пошла с дедушкой Ваней ягоды собирать". Светку ждали-ждали, нет. Тут всю ночь не спали, все колодцы прошли, всё везде в округе прошли, не нашли Светку. Вот она куда не обращайся ды вот к этой, в Шедовке у нас такая Ганеха была. К этой Ганехе. Она гри – жива девочка. Най-

Najd'óm. I tút pь t'il'ifónu pьzvan'íl'i, w Pыžówsk'ij s'il'sav'ét, tut v'az'd'é. Što jés'l'i v'id'id d'évč'ck' s' l'ésu, p'ijut'ít'i jaé. I aná v'íšla, ot v'ív'yl'i jajé uf Pыžówsk'im s'èl's'av'ét'i. Tóp'id žén's'inь p'éc'ku, gьvьr'it, aná v'id'it, d'évč'ka. A n'é byt' jajé s' n'ad'él'u dóma. V'ýskč'it, pьr'g'ad'ít, štь d'ar'évna n'i nášь, i ap'át w l'és. A wže étь byt'ь sьp'š'č'ón. Vot žén's'ina pašlá tudý – id'í s'udá, id'í s'udь, d'évč'ck'ь, skaž'í, kák t'ab'é zvát'?" Aná gьr'it' étь snač'átь étь kák pьbajá-hьs', a patóm p'rišlá, nu iš'ó n'ad'él'u, n'amnógь, iš'ó aná sav'sém n'i ъd'ic'ála. P'rišlá. "Kák t'ab'é zvát'?" – "Sv'éta". – "A mámu tvajú kág zvát'?" (fs'ó užo pь t'èl'ifónu byt'ь skázan), – "Nás't'a". – "A pápu?" – "Vás'ь". Vót aná jajé damój p'ri-v'álá, dь s'udь v' Azánьvь pьzvan'ít'ь, ra-d'ít'íl'i za jéj p'rijéx'li, vz'al'i d'évč'ku. Tak u jéj u karmánьx v' adnóm karmášk'i móx, .. móx ja dúm[ul], íl'i v' abóix karmánьx. A Nás't'ь gьvar'it, já gьr'it spras'íla – "Štò w t'ab'é étь?" – "Étь búlku davát' d'édušk' Ván'ь". D'édušk' Ván'ь vot jajé ták vad'ít. Vot takójь byt'ь d'étь étь vot.. n'i tág dawnó.

⟨Это хозяин, да?⟩ Dá. Nu n'ič'ívó jej n'i z'd'étьs'ь. Vot anь patóm p'ir'ajéx'li f' S'èl'izaгьvь, i kák-ть мы s' jéj l'ázál'i v' bal'n'icsь, já u jéj sprášьv'la – "Kák tva-já S'v'étь?" – "N'ič'ó, gьvьr'i, zámys' v'íš'ь". N'ič'ó jéj n'i puwl'ijábь. Uš' jéj byt'ь p'ád' gadów. Aná f'so k s'ercu n'i p'ri'n'ímá'ь ъš'š'ó.

⟨Так бывает же и взрослый заблудиться, да, может?⟩ Bьvájut. Bьvájut i vzrós'ьi. A étь vot mámtь majá raskázь-v'la, kagdá iš'š'ь máma bylá. I užé d'ét'i w jéj byl'í. Étь kak jéd'ьš' v' Akóvcsь, t'ap'ér' darógь z'd'étь. A tám móx, Pód-mыšьnsk'ij móx. I tám bolótь óč'en'

дём. И тут по телефону позвонили, в Пыжовский сельсовет, тут везде. Што если выдет девочка с лесу, приютите ее. И она вышла, от вывели ее ув Пыжовским сельсовете. Топит женщина печку, говорит, она выйдет, девочка. А не было ее с неделю дома. Выскочит, посмотрит, што деревня не наша, и опять в лес. А уже это было сообщён. Вот женщина пошла туды – "Иди сюда, иди сюда, девочка, скажи, как тебе звать?" Она говорит это сначала это как побоялась, а потом пришла, ну ещё неделю, немного, ещё она совсем не одичала. Пришла. "Как тебе звать?" – "Света". – "А маму твою как звать?" (всё ужю по телефону было сказано), – "Настя". – "А папу?" – "Вася". Вот она ее домой привела, да сюды в Азаново позвонила, родители за ей приехали, взяли девочку. Так у ей в карманах в одном кармашку мох, .. мох я думаю, или в обоих карманах. А Настя говорит, я, грит, спросила – "Што у тебе это?" – "Это булку давал дедушка Ваня". Дедушка Ваня вот ее так водил. Вот такое было дело это вот.. не так давно.

⟨Это хозяин, да?⟩ Да. Ну ничего ей не сделалось. Вот оны потом переехали в Селижарово, и как-то мы с ей лежали в больнице, я у ей спрашивала – "Как твоя Света?" – "Ничего, – говорит, – замуж вышла". Ничего ей не повлияло. Уж ей было пять годов. Она всё к сердцу не принимала ещё.

⟨Так бывает же и взрослый заблудиться, да, может?⟩ Бьвают. Бьвают и взрослые. А это вот мама моя рассказывала, когда ишшо мама была. И уже дети у ей были. Это как едешь в Оковцы, теперь дорога сделан. А там мох, Подмошенский мох. И там болото очень боль-

bal'šójь. S Ródmyšja. I s Ródmyšja éta i d'éfktь pьt'ar'átьs'. Tóže prakl'ál'i jie, xto-tó prakl'ál'. N'a w č'ás skazál. I jéj byló.. nu ot kák-ьt.. f tak'íy gadáx, s'amnácьst'ь-vьs'amnácьst'ь gadów. Í prapála. I kák ie dólgy vad'íl'i. Patóm užo tút f cérkv'i zakázь[l'i on] mal'éb'in, fs'ó. Tút uš pašl'í pь car'kv'am, skazál'i što "slu-žít'". Jajé atpus't'íl'i. Nu aná óč'en' užo mnógь w jíy bylá, užé d'at'éj пьžыhá. <Как "детей нажила"?> Nu étь š kak č'ér't'i, dá. Anы žыwút i w balót'i, pьd mastóm, i aná tam s jím žылá góгьa. I pa-tóm anы jajé тьлuč'íl'i ть s'ab'é. Vot má-ma гьвар'ít – бьвaть, pь'idút – d'ét jajé vad'íl' pó m'íru. Kр'ósnyj. Et tókь móžьt kр'ósnyj z'd'éfьt', vot kр'ósnyj jajé i fs'ó atmál'ívьt. Kak vajd'ót' v ызbú – "mal'íz' Bógu!" Aná гьвр'ít' kak stán'it' mal'ícce – étь uš máma гьвар'íла мьjá, étь uš tóč'нь быть, – a d'ét n'a v'íd'it jíx, a aná v'íd'it. Anы jaó rás pь ruk'é, štoр aná n'i mal'íтьs' Bógu. Nu č'ér't'i. Xad'íl'i. I vód гьвр'ít' kagdá.. jédud damój, kák pad étьm móstьm, aná pláč'it. "Kl'ó-kl'ó-kl'ó", aná užé n'i гьвар'íла, a vot ták tókь, "kl'ó-kl'ó", "мы-мы-мы". Užé aná j r'éc'ь pьt'ar'ála. A rajmál'i jajé na r'íg'i, gd'é тьлат'íl'i, v av'ín'i. U jéj vóгьсы da s'ix pór, i góлуju. Vot aná fs'ó vr'ém'ь pь'átь-тьs', jajé v'íd'il'i mnógь rás, i n'ikák n'i magl'í rajmát'. Aná ad'ič'эwьsь, бьвaть, šč'ás ы pьt'ar'ájut, ы uxód'it. A patóm fs'ó-тьk'i rajmál'i, akužыл'i тьжук'í, jajé rajmál'i. Гьвр'ít' – máт'исы tak'ím vót, bálk'í. Í vót aná vz'ómьsь ták rukám i ka-č'áicьsь, i vóгьсы pa póлу. Étь vot Z'ínь takájь vót.. Dawnó, no d'éfьtь быть еть pьáwдь. Nu patóm aná užé tut n'amnógь, pьm'ar'íá, aná uže spórč'ínь былá. Vot z' d'éfьtьm pьxad'íть aná pó m'íru, kar'm'í-сь-ть náda byló. D'ét ot vad'íl' jajé, pь-

шое. С Подмошья. И с Подмошья эта и девка потерялась. Тоже проклиjali ее, кто-то проклиjal. Не в час сказал. И ей было.. ну от как-от.. в таких годах, сем-надцать-восемнадцать годов. И пропала. И как ее долго водили. Потом уже тут в церкви заказы(вали он молебен, всё. Тут уж пошли по церквям, сказали што "слу-жите". Ее отпустили. Ну она очень уже много у йих была, уже детей нажила. <Как "детей нажила"?> Ну это ж как черти, да. Оны живут и в болоте, под мостом, и она с им жила голая. И по-том оны ее отлучили от себе. Вот мама говорит – бывало, придут – дед ее водил по миру. Крестный. Это только может крестный сделать, вот крестный ее и всё отмаливал. Как войдёт в избу – "молись Богу!" Она, говорит, как станет молиться – это уж мама говорила моя, это уж точно было, – а дед не видит йих, а она видит. Оны ее раз по руке, штоб она не молилась Богу. Ну черти. Ходили. И вот, говорит, когда.. едут домой, как под этим мостом, она плачет. "Клэ-клэ-клэ", она уже не говорила, а вот так только, "клэ-клэ", "мы-мы-мы". Уже она и речь потеряла. А поймали ее на риге, где молотили, в овине. У ей волосы до сих пор, и голую. Вот она всё время пряталась, ее видели много раз, и никак не могли поймать. Она одичевши, бывало, счас и потеряют, и уходит. А потом всё-таки поймали, окружили мажуки, ее поймали. Говорит – матицы такие вот, балки. И вот она взёмши так рукам и качается, и волосы по полу. Это вот Зина такая вот.. Давно, но дело было это правда. Ну потом она уже тут немного, померла, она уже спорчена была. Вот с дедом походила она по миру, кормить-ся-то надо было. Дед от водил ее, по-

davál'i m'fьstyn'u. Patóm užó um'arľá. (А как же дети, Вы говорите?) А kak'íi d'ět'i tám? Pьd mastóm? Kak'íi d'ět'i? Tak tám anьi i n'ixtó ix i n'i v'idáľ. Vót ты gьvar'is, étь aná tól'kь – "kl'ó-kl'ó-kl'ó-kl'ó", v'id'ihь jíx. (А кто ж ее проклял так?) Nu xtó jajé.. Prakl'át' móžьit l'ubój, takája f káždьm č'asú худáьj m'inúť jés'. (Да?) Dá! (Что если попадет на это время?) Dá! Vot kák ot.. avár'ii бьvájut. Vot хьt' mój i sьn tóže raz'b'f-s'i. Takáьj m'inúta rapáľa jamú. Dь nь sparáx, jamú gьvar'át mužuk'í "n'a jéz'-d'i" – "já sьč'ás pr'ijedu!" Vót ы n'a náďь бьhó gьvar'ít', nò.. mь š fs'o s próstu d'ětim. Vót rapáľь taká худáьj m'inúť, vót t'e i fs'ó, i n'i pr'ijéxáľ. (Так и эту Свету тоже поругала мама?) Vót máma pьrugáľa, vót ы n'a f č'ás rapáľa. Takáь m'inúť rapáľь худáьj. "A já, – gьvг'ít', – jjié i rugáľь-ть n'i óč'en". Za vóľьsь pь-taskáľa – "Zač'ém ты браľь, étь ž đьku-m'ént mój!" Nu r'ab'ónьk, p'ád' gadóf. Vót jajé j vz'ál'i. Takáь m'inúť rapáľь худáьj.

Nú t'ar'ér' sláva t'i yósp'rd'i, t'ar'ér' ja dúmьju što n'étu étьvь. Étь fs'ó-ťk'í užó prašľó, ja dúmьц, gadów tr'fcsьt', kák vot étь vot.. išš'ó já-ťь бьhá mьľadáьj.

Чистый четверг; отбирание молока

(А почему Чистый четверг так называется?) А Č'istьj č'at'v'ér'k ot kák rán'šь pьзыváťs' ix.. kuľdunьi, étь kьľdunów, gьwьr'it, práz'n'ik. Kьľdavál'i. Vot na Č'istьj č'at'v'ér'k na étьt n'ikadá n'ič'ió davát' n'a náda. Nú.. xtó prastój č'ilav'ěk, ón ы n'i pajd'ót n'ikadá j' pras'ít'. A kьľdunьi jím n'i wt'ar'pét', anьi vot štón'ibút' náďь k kamú-ta sxad'ít', štob wz'át', i wz'át' nьws'agdá. Ot бьváľь étь wьť.. пьkáзьvьjut, "n'i davájt'i v Č'istьj

давали милостынню. Потом уже умерла. (А как же дети, Вы говорите?) А какие дети там? Под мостом? Какие дети? Так там оны и ништо их и не видал. Вот ты говоришь, это она только – "клё-клё-клё-клё", видела йих. (А кто ж ее проклял так?) Ну кто ее.. Проклять может любой, такая в каждом часу худая минута есть. (Да?) Да! (Что если попадет на это время?) Да! Вот как от.. аварии бывают. Вот хоть мой и сын тоже разбился. Такая минута попала ему. Ды на спорах, ему говорят мужики "не ездь" – "Я сьчас приеду!" Вот и не надо было говорить, но.. мь ж всё с просту делаем. Вот попала така худая минута, вот те и всё, и не приехал. (Так и эту Свету тоже поругала мама?) Вот мама поругала, вот и не в час попала. Такая минута попала худая. "А я, – говорить, – ее и ругала-то не очень". За волосы потаскала – "Зачем ты брала, это ж документ мой!" Ну ребенок, пять годов. Вот ее и взяли. Такая минута попала худая.

Ну теперь слава ти господи, теперь я думаю што нету этого. Это всё-таки ужо прошло, я думаю, годов тридцать, как вот это вот.. ещэ я-то была молодая.

(А почему Чистый четверг так называется?) А Чистый четверг от как раньше называлось их.. колдуны, это колдунов, говорят, праздник. Колдовали. Вот на Чистый четверг на этот никогда ничего давать не надо. Ну.. хто простой человек, он и не пойдэт никогда и просить. А колдуны – им не втерпеть, оны вот што-нибудь надо к кому-то сходить, штоб взять, и взять навсегда. От бывало это вот.. наказвают, "не давайте в Чи-

č'at'vér'k". Prastój č'ihav'ék n'i pajd'ót. A jím n'i wt'ar'p'ét'. Kъldavál'i ot, mъlakó ътымál'i. Í ws'ó ътымál'i. (А что, например, они могут попросить?) Nu l'ubójbъ. N'ič'ó n'i daváj. Dáže kusók xl'ébъ il'i tám kakúju tr'ápku, n'ič'ó n'i daváj. Aný zъgadájut štó. Vot na Č'ístyj č'at'v'ér'k étъ vot pr'im'éta. Aný i syč'ás jes' kъlduny, jes'l'i stáryi znál'i, tъg znájut ы mъladýji rъkal'ényjæ. I ot.. vot pr'im'ét't'i, kagdá vôt. Kъda Páska, Č'ístyj č'at'v'ér'k. Nъ Strašnoj n'ad'él'i. Móžut' xtó i n'a znáit ы sprastá pr'id'ót.. N'a znáju. (Так это они могут и вот молоко так отобратить?) Dá! Dы kág d'ěly'i. Ot u nášj d'ar'ěwn'i w Rыгъšn'i, aná ž bylá bal'sája, rán'sы š.. etъ iš'ó v ad'inal'ič'istv'i mámka raskázvъla, d'aržál'.. dъ p'at'í karów. Mнóгъ karów бытъ. I vót adná takáæ быhá kaldún'jъ, štó atымáľъ mъlakó. Vod dážо mámkъ mъjá bylá d'ěvč'kъj, žылá v adnyx, u Mъrač'áx. A tak'í is't'órk'i был'í kák ambáry. K nóč'i, gъvar'ít, nastáv'it gъrланów i pavés'it uzdú. Što na lošet'. Obrъt', uzdá. I s étъj uzdy t'ak'ót u garlán mъlakó. "A já, – gъvг'it', – vot étъ mámk'iny slává, cárstvy jěj n'ab'ěsnъ, uš aná vrát' n'a búdet. Gъvar'ít etъ, – já rъtkъraul'ila, kudá š t'ótka xód'it? Kák k nóč'i, tág gъrланы i rъn'as'ót tudá. A rъtkъraul'ily – tám ot takóe". A nazáwt'r'e útrъm vynós'it céľы gъrланы mъlaká. Vót aný i atымál'i č'uzóe mъlakó. I vót v nášj d'ar'ěwn'i takája bylá bába. I ws'é tъp'irájuce. Tak vot fs'á d'ar'ěwn'a sabrál'i.. fs'ú d'ar'ěwn'u, pastáv'il'i dugú, kák ľšad'ěj zъpr'agájut, pъd dugú ľáz'il'i. Étъt kaldún n'i padl'éz'it pъd dugú. Zacép'it. Fs'á d'ar'ěwn'a padl'ězla, a jaé pas'l'éd'n'uju at-práv'il'i. A na jajé dugá.. i pav'ísla. Vot jěj i pr'idupr'ad'íl'i – "zast'rél'im". I xl'ép

стый четверг". Простой человек не пойдет. А им не втерпеть. Колдовали от, молоко отымали. И всё отымали. (А что, например, они могут попросить?) Ну любое. Ничё не давай. Даже кусок хлеба или там какую тряпку, ничё не давай. Они загадают што. Вот на Чистый четверг это вот примета. Они и сейчас есь, колдуны, если старые знали, так знают и молодые поколения. И от.. вот приметьте, когда вот. Когда Паска, Чистый четверг. На Страшной неделе. Можеть хто и не знает и спроста придёт.. Не знаю. (Так это они могут и вот молоко так отобратить?) Да! Ды как делала. От у нашей деревне у Пырошне, она ж была большая, раньше ж.. это ещё в единоличестве, мамка рассказывала, держали.. до пяти коров. Много коров было. И вот одна такая была колдунья, што отымала молоко. Вот даже мамка моя была девочкой, жила в одных, в Морочах. А таки истёбки были, как амбары. К ночи, говорит, наставит горланов и повесит узду. Што на лошадь. Обротъ, узда. И с этой узды текёт у горлан молоко. "А я, – говорит, – вот это мамкины слова, царство ей небесно, уж она врать не будет. Говорит это, – я подкараулила, куда ж тётка ходит? Как к ночи, так горланы и понесёт туда. А подкараулила – там от такое". А назавтре утром выносит целые горланы молока. Вот оны и отымали чужое молоко. И вот в нашей деревне такая была баба. И все отпирajúce. Так вот вся деревня собрали.. всю деревню, поставили дугу, как лошадей запрягают, под дугу лазили. Этот колдун не подлезет под дугу. Зацепит. Вся деревня подлезла, а ее последнюю отправили. А на ее дуга.. и повисла. Вот ей и предупредили – "застрелим". И хлеб

атымájut, fs'ó атымájut. I d'én'g'i аты-
мájut.. Ётъ рán'шы был'ы так'и, нò рán'шы
рaбòл'шы иу былò кълдунòw, t'ap'ér' mò-
žыт' аны.. p'ir'am'òr'l'i. T'ap'ér' tavò mò-
žыт' i n'e d'élъjut, a mòžыт' xтò pьт'ixar-
r'á i мълadój d'élъit, xтò иу znáit, u kavò-
тъ vot žыv'óm, u kavò-tò óč'un' spòrkò, a
w kavò i n'a spòrka. I n'ikág d'én'ik n'i
na.. ётъ, n'i nъ mag'fku s'ab'é, na gróp
n'i nъkap'ít'. A u drug'ix.. i vót kak kò
p'isce. Mòžыт' i znájut. Xтò jiy znájit. Nu
Bòx jim sud'já ws'ím. <А хлеб это я
слышала там что-то ломают как-то или
как?> Xто zn.. Nú já n'a fs'ó znáju, xтò jiy
znájet. Nu w ópš'im znáju tó što bьváľ
máma skážыt, što fs'ó móгут атn'át'. Fs'ú
spòrsь', na ws'ó.

... <Это в праздник надо или когда?>
N'é, ja dúмъu w búд'in d'én' aná gьva-
r'fла, sabrál'is'. Vot ták fs'é, što.. fs'é stá-
l'i.. žáľъвссы, što.. karów pòr't'ut. Vot
aná i pòr't'fла. A jfх, kág by skazát', č'òrt
kaľót'it. Jím uzé.. n'a tó šть ím náda. A
rás onы tómu v'érъjut, tój stьranы, jím
náda. Vót аны атымájut. <А куда она
столько денет-то молока?> T'fú, pras't'ý
ты Ÿòspьd'i. Dáj Bòx štòp jfх ы n'i былò.
Vod za tó v'íd'iš ikónы-тъ v'az'd'é. Xót'
étъ kьl'indar'f, dak fs'ó. Já i z'd'és'.. dóm-
тъ stárgj. A tút v mъjóm dóm'i.. znáľ [тъ
étъ].. хьz'áin dóma. Nu аны tút r'áďm
žыf'f. A užò ón pьm'iráľ-тъ v'etъm dóm'i,
tak já vot fs'ó vr'em'ъ vot s mal'ítъju,
xьt' kak'íi, vaskr'ésъny.. Pa pьrvъs't'i
xaz'áin pam'òr, tak já adná atstáľaz', ba-
jáľas'. A nóč'ju p'fòxъ spl'ú, vod bьv'áľ
fstánu, v'az'd'é zьam'ín'u, vaskr'ésъny pь-
gьvar'ú, – nu Bòx m'fъvъľ, n'ikagdá dúžы
худòvъ n'ic'avó. Nu rás samá n'ic'avó n'i
s' k'ím n'a s'v'ázъьpъ s tak'ím, k'óm'i
Ÿòspьdъ Bòуъ. Mn'é dážы ot.. v'fš tám
nъ s't'аны G'iór'g'ij Pòb'edanós'ic. Kák

отымают, всё отымают. И деньги отыма-
ют.. Это раньше были такие, но раньше
побольше их было, колдунов, теперь мо-
жетъ оны.. перемёрли. Теперь того мо-
жетъ и не делают, а можетъ хто подтиха-
ря и молодой делает, хто их знает, у ко-
го-то, вот живём, у кого-то очень спор-
ко, а у кого и не спорко. И никак денег
не на.. это, не на могилку себе, на гроб
не накопить. А у других.. и вот как ко-
пится. Можетъ и знают. Хто йих знает.
Ну Бог им судья всем. <А хлеб это я
слышала там что-то ломают как-то или
как?> Xто zn.. Ну я не всё знаю, хто йих
знает. Ну в общем знаю то, што бывало
мама скажет, што всё могут отнять. Всю
спорось, на всё.

... <Это в праздник надо или когда?>
Не, я думаю в буден день, она говорила,
собрались. Вот так все, што.. все ста-
ли.. жаловаться, што.. коров портют. Вот
она и портила. А йих, как бы сказать, чёрт
колотит. Им уже.. не то што им надо. А
раз оны тому веруют, той стороны, им
надо. Вот оны отымают. <А куда она
столько денет-то молока?> Tьфу, прости
ты Господи. Дай Бог штоб йих и не было.
Вот за то, видишь, иконы-то везде. Хоть
это календари, дак всё. Я и здесь.. дом-
то старый. А тут в моём доме.. знаľ[то
этот].. хозяин дома. Ну оны тут рядом
жили. А ужò он помирал-то в этом доме,
так я вот всё время вот с молитвою,
хоть какие, воскресную.. По первости
хозяин помёр, так я одна отсталась, бо-
ялась. А ночью плохо сплю, вот бывало
встану, везде зааминю, воскресную по-
говорю, – ну Бог миловал, никогда дуже
худого ничего. Ну раз сама ничего ни
с каким не связана с таким, кроме
Господа Бога. Мне даже от.. вишь там
на стены Георгий Победоносец. Как

uf kьr'idór, kák s'udá. Ó, at n'ač'ístьj s'ыны <смех>. Хѣд' бы dúmъtu majó-тъ n'í атымáл'и, mn'é č'uzóe n'a náda, a xód' бы majó-тъ pas'l'éd'n'e n'í ътымáл'и. <А ведь были же и которые могут это исправить?> Выл'и, móžed быт'. Еть d'ěть t'a-r'ér'.. t'ap'ér' fs'é kołduný. Fs'э č'ěrt'и. T'ap'ér' ѣaspóđ dál vól'u ws'ém.

ув коридор, как сюда. О, от нечистой силы <смех>. Хоть бы, думаю, моё-то не отымали, мне чужое не надо, а хоть бы моё-то последнее не отымали. <А ведь были же и которые могут это исправить?> Были, может быть. Это дело теперь.. теперь все колдуны. Все черти. Теперь Господь дал волю всем.

д. Быково¹⁰

Егорий (первый выгон)

[...] éta, ikóna, já ѣbnas'ыa, ётъвъ, ikónы náda pьstuxú, któ p'ěrvyj gón'it, u nás pa óč'ir'id'и pas'l'ís'a, i gan'áls'и, ón s tóvu kráju, V'ít'a, a тут, "n'э, t'ótkъ N'ú-гъ, vaz'm'í tы, n'э, tы u nás kák stárgьsta, b'ar'í tы"; nu já b'arú ikónu, akrúk tr'í ráza=apxazú, pajút, a aný báby staját pь[jút] Xr'ístá. <А как у вас Христа поют? Можете спеть?> – "Xr'ístós vaskr'és ыз m'ěrtvьx s'm'ěrt'iju s'm'ěrt' papráf, i súš's'im въ grab'é žьvót đьravá". Vót aný fs'э pajút ták, i já xazú pajú, akrúk. A kagdá któ, muš's'ыna, Kól'ъ kák-тъ выган'áls'и p'ěrvyj, Kól'a sám, já gr'ú, uš náda kák muš's'ыны. A patóm стьргьваž-dáiš; óспьđ'и.. xr'estóm xr'és't'is'и, i já гьvar'ыa "s'v'atój, jěть, cár'..." u, yóспьđ'i! [...] "fs'u króv javó, i xval'ú ѣóспьđa.", é, vót pám't'ь-тъ xudáe stáa u m'a-n'é, pьgad'í, š's'ás já spómnu [...] "...cár-bát'уška i pь'avájь car'ícь-mátуškъ" – ót tág gl'ad'ís, i já p'ir'axr'ěš's'ivъhs', rás já akrúk stáđь=apxad'ыa, – "i fs'á króvъ tvajá, p'rim'ít'и nášьy žьvatóf f svajó stáđь, nьpaít'и, nьkar'm'ít'и, i damój p'ri-gan'ít'и", vót ták, tr'í ráz'ikъ skažú, fs'ó.

[...] a ták, s v'ěrbuškьj id'óš i fs'ó [...] Был пастух, a t'ep'ér' n'эт pьstuxá, pa óč'ir'id'и, na kóm óč'ir'it' ѣstьnav'ыts' ós'in'ju, patóm užé id'ót, p'er'ědn'ij ót.

[...] эта, икона, я обносила, этого, иконы надо пастуху, кто первый гонит, у нас по очереди паслися, и гонялся, он с того краю, Витя, а тут, <не, тётка Нюра, возьми ты, не, ты у нас как староста, бери ты>; ну я беру икону, округ три раза обхожу, поют, а оны бабы стоят поют Христа. <А как у вас Христа поют? Можете спеть?> – "Христос воскрес из мертвых смертию смерть поправ, и сущим во гробе живот дарова". Вот оны все поют так, и я хожу пою, округ. А когда кто, мужчина, Коля как-то выгонялся первый, Коля сам, я грю, уж надо как мужчины. А потом сопровождаешь; осподи.. хрестом хрестиси, и я говорила "святой, это, царь.." у, господи! [...] "всю кров его, и хвалю Господа...", э, вот память-то худая стала у мене, погоди, шас я спомню [...] "...царь-батюшка и полевая царица-матушка" – от так глядишь, и я перехрещивалась, раз я округ стада обходила, – "и вся крова твоя, примите наших животов в своё стадо, напоите, накормите, и домой пригоните", вот так, три разика скажу, всё.

[...] a так, с вербушкой идёшь и всё [...] Был пастух, а теперь нет пастуха, по очереди, на ком очередь остановилась осенью, потом уже идёт, передний от.

Ad'ín rás já zypasála, a patóm g'ádm sas'étka, a nu nón'ič'i pas'l'édn'ij dóm, krájn'ij, t'ei pasl'í pas'l'édn'ii.

Один раз я запасала, а потом рядом соседка, а ну нонече последний дом, крайний, теи пасли последние.

Первый выгон

Vypuskáiš vòt p'érnyj rás ы gьvar'ís bьgьslav'ás', i.. ъbajd'òš okruk jéj, Xr'istá pьgьrajòš, i paprýskýiš s'v'atòj vad'ič'kьj, "Spas'í t'ab'é Ÿòspьd'í", nu tág gьvar'ís štó, štòp spás at fs'ákiy z'v'ar'ěj, étь svajú žyvótnьu ták uš vygan'áiš, i patóm byváit vygan'áiš, šób damój had'íla, v étьt, f parók tórgьl'i tapór. <Это когда?> Эть kagdá p'érnyj rás vygan'áiš skat'ínu, šòp aná šlá. <После того как выгнали, топор торгали?> N'ét, n'ét-n'ét-n'ét, šób aná izь dvará šlá č'ér'is' tapór. Nu étь uže tapór kàk.. tóže at fs'эх kàg z'v'ar'ěj, zlój, šòp aná jix fs'эх p'ir'say-níla, n'a v'íd'íla. Éta tóžь m'an'è t'ótka Dún'ь пьuč'íla, i étьva, t'al'òпьč'ik u m'a-n'è damój n'i had'íl, ъt mál'in'kij, t'al'íf-šь byl, patóm damój n'ikák, ub'ažál. A aná i gьvar'ít, vót tórn'i tapór v étu, f parók, šòp p'ig'ašòl skót, i ofсы, búdut had'íd' damój, i karóva. Vót étь d'éhl'i. Já... m'an'è uč'íl'i i já uč'íla, l'ud'ěj, l'u-d'ám gьvar'íla, tóžь òt tak'ím mьladým, i an'í d'éhl'i i gьvar'íl'i – dá, karóvy, étь, i ofсы, já g'étka kagdá iš's'ú, n'a búdu i gьvar'ít', b'agút srazу fs'é..

[...] zbòr пьзыváls'i, zbòr. <А что это?> Nú, któ šó n'as'ót, któ p'irók, któ xl'eba, któ búlki, któ jaic étь uže... ón gьs't'íhál saffétku tám il'i kakúju svajú tr'apku. (Kót! étь gd'é-ть sl'adóf nad'éhlь, v l'a-žánku znat' byl vl'és's'i, il'i f p'ěč'ku, vón b'élja, kák it't'í f kúxn'u-ta). I klá-l'i.. <Кто что, да?> Dá, któ štó. Któ xl'é-бь, któ p'iragá, któ búlki, i jaic, uš jaic étь kážьdьj. <Яиц обязательно?> Ъb'a-zát'il'na. <Яица не красили на Егория?>

Выпускаешь вот первый раз и говоришь богословясь, и.. обойдёшь округ ей, Христа пропоешь, и попрыскаешь святой водичкой, "Спаси тебе Господи", ну так говоришь што, штоб спас от всяких зверей, это свою животную так уж выгоняешь, и потом бывает выгонишь, шоб домой ходила, в этот, в порог торгали топор. <Это когда?> Это когда первый раз выгоняешь скотину, шоб она шла. <После того как выгнали, топор торгали?> Нет, нет-нет-нет, шоб она изо двора шла через топор. Ну это уже топор как.. тоже от всех как зверей, злой, шоб она йих всех перешагнула, не видела. Это тоже мене тётка Дуня научила, и этого, телёночек у мене домой не ходил, от маленький, телюши был, потом домой никак, убежал. А она и говорит, вот торни топор в эту, в порог, шоб перешёл скот, и овцы будут ходить домой, и корова. Вот это делали. Я.. мене учили и я учила, людей, людям говорила, тоже от таким молодым, и они делали и говорили – да, коровы, это, и овцы, я редко когда ишу, не буду и говорить, бегут сразу все..

[...] Сбор назывался, сбор. <А что это?> Ну, кто шо несёт, кто пирог, кто хлеба, кто булки, кто яиц это уже.. Он растянул салфетку там или какую свою тряпку. (Кот! это где-то следов наделал, в лежанку знать был влезши, или в печку, вон белая, как идти в кухню-то). И клали.. <Кто что, да?> Да, кто што. Кто хлеба, кто пирога, кто булки, и яиц, уж яиц это каждый. <Яиц обязательно?> Обязательно. <Яица не красили на Егория?>

N'ét, dúmьisъ javó... nu któ var'ónьæ, któ ták, var'ónьæ u kavó, ón tág гъvar'íl, klad'ít'í ad'él'na. A n'a krás'il'í ra-mójmu. (А пастух яйца не катал?) Kák tám kagdá vygan'ácca? Já šó-ть n'a rómn'u [...] takój abyč'ъj, a u nás n'é быѡа ётъва.

Нет, думается его.. ну кто варёные, кто так, варёные у кого, он так говорил, кладите отдельно. А не красили по-моему. (А пастух яйца не катал?) Как там, когда выгоняться? Я шо-то не помню [...] такой обычай, а у нас не было этого.

Запрет выгонять скот вилами

Nu òt tág гъvar'íl'í, šò n'é, kaydá vygan'ájusъ, n'í daváj v dótk n'ikamú n'í-č'avó, n'í b'ar'í. (Это в Егория, да?) Dá, v Jagór'ij, i patóm štó... štóp n'í badáls'í skót, já zabýla, któ-ть vygan'ál karóvu – i n'íkák n'a vygnýt', stajál'í v'íly, s' v'ílám, aná s' v'ílám tám maxála, ój kág báby rugál'is'ъ, "nú, gr'í, i skód búd'id badáccy! samá-ть, gr'í, rugáckъa, da iš'í", a móžь aná kakú [gr'iv'ězu] znála. I s' v'ílám iš'ó vygan'áit skót p'ěrvyj rás. A mý i tág dúmьim, n'a vygnýt'ь by, aj móžь v'íly ftórnuty, maxnú by i fs'ó. Vót ётъ быѡь u nás. Z'd'ěs' vьt užé já быѡа, vygan'ály t'ótka Dún'a rakójnъja, aná takája.. báby-ть, kák nazvát'? sьmatóšnъja takájь, kák vygvьt'it'-ть mn'é? n'amnóškъ kák n'iput'óva kák-ть, n'íkadá u jéj n'ětu, šóp tám skap'ít' il'í f práz'n'ik kakúu-ть z'd'eufьt' palút'šy, štó užé fs'ó, a u jéj fs'ó ad'ín, ad'n'ím tónьm. Nu òt mátmъ i majá byvály vòt k ётъmu, k P'at-rú-ть, it' tóžь karónь ž byѡа, i s'amjá byѡа, a s'í ravnó skóp'it' šó-ть, z'd'ělyt, a u jéj štò [bún'n'd'í] tò d'én', vòt éta vot báby-ть i vygan'ála s' v'ílám karóvu. Tьk vót.. Ój, tút ták srázu.. ták fs'é žén'sš'íny skazál'í, gr'át, "ét šó š takójь-ть, Dún'a, gьr'ít, s' v'ílám vygan'áit karóvu, nu i búdut skat.. skót badáccь".

Ну от так говорили, шо не, когда выгоняются, не давай в долг никому ничего, не бери. (Это в Егория, да?) Да, в Егорий, и потом што.. штоб не бодался скот, я забыла, кто-то выгонял корову – и никак не выгнать, стояли вилы, с вилам, она с вилам там махала, ой как бабы ругались, "ну, гри, и скот будет бодаться! сама-то, гри, ругацкая, да еще", а може, она каку [примету] знала. И с вилам еще выгоняет скот первый раз. А мы и так думаем, не выгнать бы, ай може вилы вторнуто, махнул бы и всё. Вот это было у нас. Здесь вот уже я была, выгоняла тётка Дуня покойная, она такая.. баба-то, как назвать, суматошная такая, как выговорить-то мне? немножко как непутёва как-то, никогда у ней нету, шоб там скопить или в праздник какую-то сделать получше, што уже всё, а у ей всё один, одним тоном. Ну от мама и моя, бывало, вот к этому, к Петру-то, ить тоже корова ж была, и семья была, а всё равно скопит шо-то, сделает, а у ей што [буден-день], то день, вот эта вот баба-то и выгоняла с вилам корову. Так вот.. Ой, тут так сразу.. так все женщины сказали, грят, "эт шо ж такое-то, Дуня, грит, с вилам выгоняет корову, ну и будут скот.. скот бодаться".

Запрет выгонять/встречать скот простоволосой

[...] i vapš'é skót sьb'irát'ь pьgьstьvałóskъj n'il'z'a. (А почему?) Skót n'a búd'it

[...] и вообще скот собирать простоволоской нельзя. (А почему?) Скот не бу-

xad'íd' damó.j. <А скот собирать – это что значит?> Nu òt kadá is pól'x gón'ус-сы, vòd býváid z góтьj гълавój хòд'иш, òn t'òрть, i fstr'ač'áиш skót, n'al'z'á. <Это вообще всегда, да?> Dá, náda šòp ska-r'ej nak'ínut' там платóч'ик хьт' kakój l'íba, a šòb býть nak'ínutъ гълавá. Ёть узé já, m'an'é tóже uč'иъ, ёть V'era, aná t'ap'er' rakójnjja, i ётьva, i já гъvar'иъ Klávd'i, aná òt fs'ó i b'égьit, съb'iráje skót, kr'ič'ít, av'éc ы jagn'át, jà gr'ú, ты n'e.. a aná s.. bý'šьynsvó tàk ёть, платók máъ nas'иa, i aná fs'ó z góтьj.. гъ'ú, pažálustъ [...] I štò vyгнaлъ skót, s ётым, s платóч'кьm, i fstr'ač'áj, šòp нь гъlavы býла nakр'ýt. "N'úгъ, já pa-tvóimu d'ётьju", – "Nu ót i d'ётьj".

дет ходить домой. <А скот собирать – это что значит?> Ну от когда из поля гоню-тся, вот бывает с голой головой ходишь, он тёпло, и встречаешь скот, нельзя. <Это вообще всегда, да?> Да, надо шоб ско-рей накинуть там платочек хоть какой-либо, а шоб было накинута голова. Это уже я, мене тоже учила, это Вера, она теперь покойная, и этого, и я говорила Клавде, она от всё и бегаёт, собирае скот, кричит, овец и ягнят, я грю, ты не.. а она с.. большинство так это, платок мало носила, и она всё с голой.. грю, пожалуста [...] И што выгнала скот, с этим, с платочком, и встречай, шоб на головы было накрыт. "Нюра, я по-тво-ему делаю", – "Ну от и делай".

Запрет бриться пастуху

[...] dá, dá, n'i paká pas'ót, a skól'кь-ть vr'ém'a n'a br'ícсь, n'al'z'á. <А сколько время?> N'a znáju, zabýла, znáju štò n'a br'óишы pastúy.. dažón vyгнeъ n'a br'óишы, i skókъ там vr'ém'ъ jamú гъ-r'ašòna, il'i kák. <А почему это было, не знаете?> Nú tút ётьвъ n'i magú skazát'. A jéть ыt já znáju, slyš'ыла štò pastúx n'a bróиce.

[...] да, да, не пока пасёт, а сколько-то время не бриться, нельзя. <А сколько время?> Не знаю, забыла. Знаю, што не бровиши пастух.. должен выгнаться не бровиши, и сколько там время ему разрешёно, или как. <А почему это было, не знаете?> Ну тут этого не могу сказать. А это от я знаю, слышала, што пастух не брoицея.

Пасти скотину подпоясавшись

[...] i kadá òt хьт' i mý pa óč'ir'id'i ga-n'áиms'i, štòb býъ ы radv'ázьп ръjasòk, ёть šòp vròd'i бы akрúk t'ab'é skót v'иs'i. <То есть пояс нужен обязательно?> Dá, там r'ém'in' il'i póиs, ёть òd býть, гъva-r'и'i, tút ус ёть òt pr'i mn'ё ёть узé býла. I u náž зь túd býл'i рьstux'í, i najómниi, i ъc'ir'adниi, a ус fs'iravnó, vygan'áиs'ъ kák-ть fs'iravnó, pr'id'ёръvьl'is' k ётьj k сть'ины. A štò pač'óm ёть узé n'i magú skazát', a ráz.. býъ takójæ, тьg býла.

[...] и когда от хоть и мы по очереди гоняемся, шоб был и подвязан поясок, это шоб вроде округ тебе скот вился. <То есть пояс нужен обязательно?> Да, там ремень или пояс это от был, говори-ли. Тут уж это от при мне это уже было. И у нас же тут были пастухи, и наёмные, и очередные, и уж все равно, выгоняешь-ся как-то все равно, придерживались к этой к старины. А што почём это уже не могу сказать, а раз.. было такое, так было.

О найме пастуха и выпасе

[Пастух] gd'ě najd'ós któ, kakój [...] s v'asny da ós'in'i, paká gan'ájusť karóny, xad'íl pa óč'ir'id'i, ab'édy. (По очереди?) Dá, ab'édy, i abuváiš.. (А ночевал?) I u nás i nač'úit, dajóš ad'óžu jamú, abúfku i ab'ét, fs'ó. Была, знач'ит, d'v'é kúč'i u m'an'é jés', živ'ód dvá dn'á, karóva i d'v'é afcé, éta búd'id dvá dn'á. (А "две кучи" это что значит?) Nu vót karóva kúč'a pьзыváťs' tak, a... n'é, d'v'é afcé – palkúč'i, č'atyr'i afcé, kagdá karónv-ť. Nu vót i žyv'ót, pьpr'im'ér pražyíl zь karóvu d'én', v étvд dvá, a v drugúju óč'i-r'it' ón užé ad'ín d'én' tól'ka. (Потому что полкучи, да?) Dá, palkúč'i, zь palkúč'i ón znáč'it vót tak. (А козы тоже считаются?) А козы, já j n'a znáju, dójka-ť kák t'ap'ér-ť š's'itájut' kág zь karóvu? il'i n'ét? Káždyj d'én' pasút, i šó-ť já i n'a znáju s'ič'ás-ť.. n'ét. Dójka-ť n'ikák tóža kág zь karóvu, dójka, kazá-ta [...] (Любая, которая доится?) Dá-dá-dá-dá [...] u nás vm'és't'i pasúcsь, gd'ě-ť jés' i ad'él'нь pasúcsь, a u nás vm'és't'i fs'ú žyíz'n'. I pastúx, пьн'imáli kadá pьstuxá, a pьstuxá byváit, ón z Gьl't'iná byíl, tó kák-ť attúď dal'ókь-dal'óka byíl, хьгаšó pás. То š tóžь i iš's'ut rabótu i kar'móška š, i fs'ó š taki pьstuxú i пьrav'is i s sabój dát' šó-ť pahúč'šь. А já i š's'ás ót пьн'imáju, u m'à afcá i dvá jag-n'ópьč'ka, i já ót l'étьm n'i pasú, pr'ijaž'-ž'áit' vnúk, ón pas'ót, a kagdá, đь javó il'i pós'l'i javó, пьн'imáju, drug'ix, ót tóžь pár'in' pas'ót u m'an'é. [...] Drugój xó-d'it' pь d'ir'avn'am, iš's'it, a tó tág gd'ě-ť rasprašyvn'iš. А tó kák-ť u nás i ad'ín dólgь pás v Z'al'én'in'i, byíl ón pr'ivýk-šь k nám, pás u nás. А tó iz Gьl't'iná byíl, potóm iz-za Sьl'izágvь kakój-ť byíl pastúx..

[Пастух] где найдёшь кто, какой [...] с весны до осени, пока гоняются коровы, ходил по очереди, обедал. (По очереди?) Да, обедал, и обуваешь.. (А ночевал?) И у нас и ночуют, даёшь одёжу ему, обувьку и обед. Была, значит, две кучи у мене есь, живёт два дня, корова и две овце, это будет два дня. (А "две кучи" это что значит?) Ну вот корова куча называлась так, а.. не, две овце – полкучи, четыре овце, когда корова-то. Ну вот и живёт, например прожил за корову день, в этот два, а в другую очередь он уже один день только. (Потому что полкучи, да?) Да, полкучи, за полкучи он значит вот так. (А козы тоже считаются?) А козы, я и не знаю, дойка-то как теперь-то считается? Как за корову? Или нет? Каждый день пасут, и шо-то я и не знаю сейчас-то.. нет. Дойка-то никак тоже как за корову, дойка, коза-то [...] (Любая, которая доится?) Да-да-да-да [...] у нас вместе пасутся, где-то есь и отдельно пасутся, а у нас вместе всю жизнь. И пастух, нанимали когда пастуха, а пастуха бывает, он с Гольтина был, то как-то оттуда далёко-далёко был, хорошо пас. То ж тоже и ищут работу и кормёжка ж, и всё ж таки пастуху и норовишь и с собой дать шо-то получше. А я и шас от нанимаю, у мя овца и два ягнёночка, и я от летом не пасу, приезжаеть внук, он пасёт, а когда, до его или после его, нанимаю, других, от тоже парень пасёт у мене. [...] Другой ходит по деревням, ищет, а то так где-то спрашиваешь. А то как-то у нас и один долго пас в Зеленине, был он привыкши к нам, пас у нас. А то из из Гольтина был, потом из-за Селижарова какой-то был пастух..

[...] p̄stux'í znájut, znájut. <Они как-то договариваются?> Dá, u nás òt P'ét'a v Gry'ankóv'i [...] znál, što us an'í tam znál'i, pr'igavór kakój, a znál'i p̄stux'í. Ón s'id'ít, a skót pa l'ésu, vón tam u nás tudý g Z'al'en'ínu l'és, [...] patóm vl'azáid byvái na kryš'u, saráj tám býít, kák krík'n'i "γó-γó-o-o-oey!" vót ták, "γó-γó-o-o-o!" i gl'adíš iz l'ésu, étý us n'a tó štý.. mý sámý vót xad'íl'i daít' karóf, i tš'a-v'ýssy, já i kalxóznyx daíla karóf, – i an'é p̄=adnój, p̄=adnój fs'é idút. Nu byváid dš ab'eda-tš pad'éržyt, paká daít' karóf, a tó òt ták kág zьkr'ič'ít, i an'é fs'é. A tó kák-tš býít, garmón'ij igrál, patóm pr'iuč'íl karóf, kág v garmón'u zыigráit, a an'é vьxód'ut iz l'ésu, pr'ám ták òt adná id'ót, kák s'š'ás v'ížu, i któ atkúdy, fs'é sьb'irájussь s'udá, k jamú. A v Z'al'en'in'i býít pastúx Nik'íta l'agótka, a étýva, z Žyl'ina, tót v rók, ót an'í u m'á gd'é s'id'át, róg dl'ínnyj takój, iz b'ar'és-ty-tš nav'éřč'ina. <Из бересты?> Dá, p'érvь tút mál'in'kьj ražók, òt takój, móžt, vьg'azál'i, kák šóp, jamú éta, rul'ít-ta. Vьg'azál'i, iš' č'avó any vьg'azájut? Tý na' znáiš? S kakóv d'éř'iva? Vьkruč'iv'li. It' étý v'ív'ir'n'iš, astajóssь tám [... póc'kь] tól'ka, patóm any r'ězyl'i ét'i vót, na ét'i vьg'azál'i, šóp, náda vòt ták. <Дырочки?> Dá, dьrč'ki. Byváit i vьgavár'iv'jut: "Már'-já, spuskáj karóf, Már'-já, spuskáj karóf", vót ták, [gd'é s't'ixnut] tám, vòt ták. Ón us rók svój n'i davál n'ikamú, a jés'l'i któ, dá, palóžyt, klátki býl'i bal'šly u nás tam, vьsókii, na klátki palóžyt jés'l'i č'ut' mal'en'kь štó, Bóže spas'ý, šóp ón, vót an'í u m'á, skážy, gd'é. Vòt ták b'ar'éstym nav'éřt'it, nav'éřt'it, dal'ókь, dal'ókь [...] A k étý[v]u, k kancú òt takóe užé. <Широкий, да?> Dá, šyrokь, i anó dajód gul' [...], ón

[...] пастухи знают, знают. <Они как-то договариваются?> Да, у нас от Петя в Голенкове [...] знал, што уж они там знали, приговор какой, а знали пастухи. Он сидит, а скот по лесу, вон там у нас туды к Зеленину лес, [...] потом влезает, бывае, на крышу, сарай там был, как крикне "го-го-о-о-о!" вот так, "го-го-о-о-о!" и глядишь из лесу, это уж не то што.. мы самы вот ходили доить коров, и очевидцы, я и колхозных доила коров, – и оне по одной, по одной все идут. Ну бывает до обеда-то подержит, пока доить коров, а то он так как закричит, и оне все. А то как-то было, гармоней играл, потом приучил коров, как в гармонию заиграет, а оне выходят из лесу, прям так от одна идёт, как счас вижу, и кто откуда, все собираются сюда, к ему. А в Зеленине был пастух Никита Леготка, а этого, с Жилина, тот в рог, от они у мя где сидят, рог длинный такой, из бересты-то наворачено. <Из бересты?> Да, перво тут маленький рожок, от такой, может, вырезали, как шоб, ему это, рулить-то. Вырезали, из чего оны вырезают? Ты не знаешь? С какого дерева? Выкручивали. Ить это вывернешь, остаётся там [... почка] только, потом оны резали эти вот, на эти вырезали, шоб, надо вот так. <Дырочки?> Да, дырочки. Бывает и выговаривают: "Марь-я, спускай коров, Марь-я, спускай коров", вот так, [где стихнут] там, вот так. Он уж рог свой не давал никому, а если кто, да, положит, кладки были большие у нас там, высокие, на кладки положит, если чуть маленько што, Боже спаси, шоб он, вот они у мя, скаже, где. Вот так берестом навертит, навертит, далёко, далёко [...] А к это(му), к концу от такое уже. <Широкий, да?> Да, широко, и оно даёт гул [...], он обяза-

ъb'azát'il'ně òt. <Это он коров подзывал этой?> Dá, dá. <А утром, когда собирал коров, тоже в нее трубил?> Éta, s' l'u-d'ěj, l'ud'am-ť, dá, kagdá kák, a patóm n'a stál'i. T'ap'ér' z'd'es' u nás Kól'a kák-ť p'rub'íl, užé kák vród'i st'g'inú spóm'n'íř, a t'ap'ér' stuč'át' stál'i. <Во что?> Nu p'đ aknó vót stúkn'íš, "daváj karóvu!" il'i "skót vygan'áj!". Patóm vrém'a užé gl'ad'íš, vót víd'íš p'gl'a-d'íš, pašól, vygan'áiř karóvu. Vót ták. Mnóga rán'sy býla..

тельно от. <Это он коров подзывал этой?> Да, да. <А утром, когда собирал коров, тоже в нее трубил?> Это, с людей, людям-то, да, когда как, а потом не стали. Теперь здесь у нас Коля как-то потрубил, уже как вроде старину спомнил, а теперь стучать стали. <Во что?> Ну под окно вот стукнешь, "давай корову!" или "скот выгоняй!". Потом время уже глядишь, вот выдешь поглядишь, пошёл, выгоняешь корову. Вот так. Много раньше было..

Молоко для пастуха

[...] vót jamú i pa oč'ir'id'i, kaydá had'íl, m'ľaká n'ľiváiř, i ón jést, i nas'íl'i, i pas'ós, ét'ť, daít' p'rid'ós, jés' pastúx karóv'i n'étu nan'át'ť vót pas't'í ř, mal'č'ířka mój pás, já jamú n'ľiváju m'ľaká, karóvu p'đajú i nal'jú m'ľaká jamú.

[...] вот ему и по очереди, когда ходил, молока наливаєшь, и он ест, и носили, и пасёшь это, доить придешь, ешь пастух корове нету нанято вот пасти ж, мальчишка мой пас, я ему наливаю молока, корову подою и налью молока ему.

Угощение пастуха в Петров день

[...] vopř'im káždyj znáit šò p'raz'n'ik, P'atróvd'én' kák, p'ľav'ínu šòp atrpás ón, nu i któ šò tam dajót užé v rukáx, któ jajcá tam, któ p'iragá, v'ťt ták. n'a tó šò ón g'ťs's't'ilál kák v Jagór'ij, já g'ťvar'ířa. <Не расстилал, да?> N'é-n'é-n'é, a ták, b'ar'ót, il'í móž'ť karz'ínk'ť vz'áta, jés'l'i. f karz'ínku któ klad'ót jajcó il'í tam p'iragá, d'ěľh'í, d'ěľh'í ét'ť. <Вынос это называется?> N'é, v'ňp'ť p'zyv'ál'í éta kadá p'ěrv'j ráz gón'ic'ť v Jagór'ij, a éta p'róst'ť, kák ugař's'ěn'je, któ dajót, a któ n'ét. <А называлось это как-нибудь?> A já n'a znáju, kák ы p'zyv'ájut' ét'ť.

[...] в общем каждый знает, шо праздник, Петровдень как, половину шоб отпас он, ну и кто шо там дает уже в руках, кто яйца там, кто пирога, вот так. Не то што он расстилал как в Егорий, я говорила. <Не расстилал, да?> Не-не-не, а так, берет, или може корзинка взята, ели.. в корзинку кто кладет яйцо или там пирога, делали, делали это. <Вынос это называется?> Не, *вынос* называли это когда первый раз гонится в Егорий, а это просто как угощение, кто дает, а кто нет. <А называлось это как-нибудь?> А я не знаю, как и называют это.

Ивановские цветы и закорм скота на Покров

(Иванов день) býl jař's'ó, jés' takój tam? <Иванов? ну это раньше.> Rán's'ť P'atrá? P'atróvd'n'a? A tút an'í kák-ť, Iván'vd'én' i P'atróvd'én' na tr'ět't'ij d'én' il'í na ftarój d'én', któ-ť fp'ar'óž=ž

(Иванов день) был еще, есть такой там? <Иванов? ну это раньше.> Раньше Петра? Петрова-дня? А тут они как-то, Иванов день и Петров день на третий день или на второй день, кто-то вперед

u n'íx, il'í Iván? (А на Ивана что делали?) A vót nъ Ivána kъldavál'i kъlduný. (Колдуны?) Dá, katóгы, nú i mý, vót cv'aty rvál'i. (Какие?) A vót, éta, Ivándь-Már'ja, ét'i, patóm, étъd býh, kák javó? Mý zval'i bagdát'inki, vót étы, vó, patóm... nu vóps'im cv'atóf, a patóm nъ Pakróf kúč'ic'kъj, súč'.. ruč'ók nar'v'ós, výsušýš, palóžыš gd'é-'it', a na étъt, nъ Pakróf zakármli'ivъš skót. Vót tám, nъ-pr'im'érmъ, afcá jés', t'al'ónъk, karón'i, хъt' ръn'amnóšku, a vót ták, razdáš étъt.. (Что раздашь?) Nu òt étъt, c'v'éti'kъ-tъ kusóč'ik. (Богдатинку?) A bagdát'inki mý l'ic'нъ tóгыl'i pad má'ticu, vót ták tudá, v dýbgč'ku, n'é býть ž zakl'éin-tъ rán'šы, vòt èпъ tudá vl'azáta.. (Это на Ивана?) Dá, étъ na Ivánъvd'èn'. Č'já bagdát'inkъ гъsc'v'at'ót, tód búd'id žyf, a č'já n'i гъsc'v'at'ót, tót skar'éj pamr'ót, étъ kák mý.. (Загадывали так?) Dá, zagádvъl'i, nu býváit, aná takája, znáiš, tý jò n'a znáiš, cv'ét-ть? Patóm ыš's'ó vòt ták rás i xlópn'it. (А богдатинка, она какая?) Vót já t'ab'é i хаč'ú ijò гъskazát'. Aná vòt kagdá iš's'è n'i rasc'v'ófšы, jéj dážь móžna, aná fs'á zakúpr'ifšы takájъ, kák f škarhúbъč'ki, patóm vòt tág býváit xlópn'iš, rás, aná tám i xlópn'it. A ták aná tak'ím pušýnkъj cv'at'ót. (Беленькой, да?) N'i safš'ém b'él'in'kъjъ, takájъ, prъžыttavát'in'kъja, i ras't'ót aná ból'šы nъ pъstur'áx, na garúšыč'ki. Vòt u m'an'é raslá, nъ m'azé tъ Natóli, a vót já sarváть, znát' i kór'in' v'és', il'í skas'fá, i n'a stalá rós'. A an'ý tóžь n'a v'az'd'é b'arút, étъ, rastút. A z'd'és' u n'íy brál'i, štó mý zval'i záič'ji lápki. (А богдатинки где брали, в Быкове?) V Выkón'i rasl'í za nášым ъgaróčьm, i v Z'al'én'in'i asób'inna býl'i, kagdá-ть býl'i.. býlá páš'n'a, patóm zapús's'ina, tám š's'ab'ó-

же у них, или Иван? (А на Ивана что делали?) A вот на Ивана колдовали колдуны. (Колдуны?) Да, которые, ну и мы, вот цветы рвали. (Какие?) A вот, это, Иванда-Марья, эти, потом этот был, как его? Мы звали богдатинки, вот эти, во, потом... ну в общем цветов, а потом на Покров кучечкой, сучь.. пучок нарвешь, высушишь, положишь где-ить, а на этот, на Покров закармливашь скот. Вот там, напримерно, овца есь, теленок, корове, хоть понемножку, а вот так, раздашь этот.. (Что раздашь?) Ну от этот, цветика-то кусочек. (Богдатинку?) A богдатинки мы лично торгали под матицу, вот так туда, в дырочку, не было ж заклеено-то раньше, вот эню туда влезало.. (Это на Ивана?) Да, это на Ивановдень. Чья богдатинка расцветет, тот будет жив, а чья не расцветет, тот скорей помрёт, это как мы.. (Загадывали так?) Да, загадывали, ну бывает, она такая, знаешь, ты ее не знаешь, цвет-то? Потом еще вот так раз и хлопнет. (А богдатинка, она какая?) Вот я тебе и хочу её рассказать. Она вот когда еще не расцвёвши, ей даже можно, она вся закупоревши, такая, как в шкорлубочке, потом вот так бывает хлопнешь, раз, она там и хлопнет. А так она таким пушинкой цветет. (Беленькой, да?) Не совсем беленькая, такая, прожелтаватенькая, и растет она больше на пастурях, на горушечке. Вот у мене росла, на меже от Натоли, а вот я сорвала, знять и корень весь, или скосила, и не стала рость. А они тоже не везде берут, это, растут. А здесь у них брали, што мы звали заячьи лапки. (А богдатинки где брали, в Быкове?) В Быкове росли за нашим огородом, и в Зеленине особенно были, когда-то были.. была пашня, потом запущено, там щебеноч-

пѣ'ка, ú-u-u tám skól'kь mnóуь jíx! I mý užé fs'agdá rvál'i na étъt, na Ivánъv d'én', i tórgъl'i vót pad má't'icu. (И в Быкове и в Зеленине?) Dá. (А здесь их не было?) A d'és'.. d'és' já n'i v'íd'íla n'i-gd'é, tól'ka rás, býl'i пь majéj m'ázé, i fs'ó. A z'd'és' rvál'i, гъ'ú, tak'íi, kák étъi.. zaič'ji lápki raspús't'icy, vót ták, mnóga, at adnavó suč'ká, vót ták, i aný raspús't'icy, právdь aný kák m'áyin'ki, kák lápki, a z'd'és' vót étъ rvál'i. (А какого цвета?) A c'v'ét tóžъ n'i saf's'ém b'é-lyj štór, a ták, kák s'er'jó, s'éryn'ki, ták n'amnóškъ ъс'v'vála, i an'í tóžъ ot, tó l'i f'tapl'é, tó l'i ták pr'igavór uš il'í štó Ivánъvd'én', an'í tóžъ гъspuskál'is'. (А эти как назывались?) Záič'ji lápki пъ-zývál'i. (Заячьи лапки?) Dá, пъзыvál'i. Z'd'és', a u nás vót kák-тъ пъзыvál'i bag-dát'inki, v Быkón' i i v Z'al'én'inъ, vót ták ы пъзыvál'i bagdát'in'ki. [...] N'é, kastrý n'a žgl'í [...] ..kák пъ Украíны, a u nás sprakójnъ šó-тъ býla, n'ič'avó étъvъ n'é býлъ tám, m'éždъ sabój štó-n'ibъd' gd'é f s'am'jé, zagádъv'l'i, vót já i гъvar'ú, vót étъt, c'v'atóf fs'ak'íx puč'ók rvál'i, sušыл'i, fs'ákix, jíx pь adnavó c'v'ét'iku, gd'é najd'óš kakója. (А сушили-то какие цветики?) Nu vót étъt puč'ók, štó parv'óš. (А какие цветы-то?) Vót štó jéz' gd'é tût u nás tût, c'v'atóf, já užъ n'i xad'íla dal'ókъ f pól'ъ, a šó v'egaród'i jés'. (Любые?) l'ubýi, dá. (А потом их в Покров...) V f Pakróf ót, zakárm'l'ivъut skót пъзыváisъ, i jý davál'i skatú, ja гъ-r'ú, jés'l'i afcá jés', afcé tám тъš'ipn'óš, t'al'ónъp'ik – t'al'ónku, karón'i. Uš kan'éj tût n'é býla. Éta ot mý jaš's'ъ.. zvátъs'ъ zakárm'l'ivъn'ijъ. Kák uš.. (А зачем это делали?) A vót uš kák pastъnóvl'inъ u stъr'íkóf, пъ Ivánъv d'én'-ta, ták.. i býl'i, d'élъna..

ка, у-у-у там сколько много йих! И мы уже всегда рвали на этот, на Иванов день, и торгали вот под матицу. (И в Быкове и в Зеленине?) Да. (А здесь их не было?) А десь.. десь я не видела нигде, только раз, были на моей меже, и всё. А здесь рвали, грю, такие, как этие.. заячьи лапки распустятся, вот так, много, от одного сучка, вот так, и оны распустятся, правда, оны как мягеньки, как лапки, а здесь вот это рвали. (А какого цвета?) А цвет тоже не совсем белый штоб, а так, как серье, серыньки, так немножко отцветало, и они тоже от, то ли в тепле, то ли так приговор уж или што Ивановдень, они тоже распускались. (А эти как назывались?) Заячьи лапки называли. (Заячьи лапки?) Да, называли. Здесь, а у нас вот как-то называли богдатинки, в Быкове и в Зеленино, вот так и называли богдатинки. [...] Не, костры не жгли [...] ..как на Украины, а у нас спокойно шо-то было, ничего этого не было там, между собой што-нибудь где в семье, загадывали, вот я и говорю, вот этот, цветов всяких пучок рвали, сушили, всяких, йих по одному цветику, где найдешь какое. (А сушили-то какие цветики?) Ну вот этот пучок, што наврешь. (А какие цветы-то?) Вот што есь где тут у нас тут, цветов, я уже не ходила далёко в поле, а шо, а шо в огороде есь. (Любые?) Любые, да. (А потом их в Покров..) В Покров от, *закармливают скот* называется, и йих давали скоту, я грю, если овца есь, овце там отщипнэш, теленочек – теленку, корове. Уж коней тут не было. Это от мы еще.. звалося *закармливание*. Как уж.. (А зачем это делали?) А вот уж как постановлено у стариков, на Иванов день-то, так.. и были, делано..

Закарм скота на Покров

[...] ták ы gvál'i vьs'il'ók étь, i fs'ó. (А василек зачем рвали?) А эть уš kák vгó-d'i kág dl'i krьsatы, пь Ivánъvd'èn' tóže, pastáv'iš ыx v этьт, f stakán, il'i tàm f kakú vázьč'ku, ón staíd dólъgъ. А рьтóm tóže skatú ъddaváла, já, l'íč'na. (А его тоже только на Иванов день васильки рвали?) Já n'i znáju, nu ták próstь, kák paj-d'óš, kák рь put'í-ть vгó'd'i бы i sarv'óš vьs'il'ók, c'v'atók kras'ivыj vas'il'ók, va rъbь. "I zač'ém, гьвьr'í, zavl'ók, i dl'i č'a-vó, skaъzь". (А потом скоту отдавали?) Dá, ták, ššóp n'i vьk'íдыvьt' i ъddavál'i skatú, tàm uš kakój-ть móže któ i pr'igavór d'arъžál, a vót, štó vót puč'ók, dь sušыл'i, étь uš tút kakój-ть pr'igavór náda, zakárm'l'ivьt'. (Еще что-то говорили при этом?) Dá, pr'i étьm гьвьr'íl'i.. I рьgad'í, já i kláла, хr'és't'íkьm klad'óš-ть, i s'éna pr'inas'ítь is saráъj, iza fs'эх č'ityr'óх ugóлуškf-ts, пь Ivánъv.. étь, пь Pakróf, пь Pakróf. I klad'óš.. ták, a ratóm хr'és't'íkьm klad'óš. (И сено крестнакрест кладется?) Dá, klad'óš хr'és't'íkьm. (Во всех углах?) N'i w.. étь, w jás'l'i, v jás'l'i, karóvuški klad'óš, a f saráji pr'id'óš, s'éna-ть пь adnój стьгьны, пь drugój, vót ы vaz'm'óš tàm, tàm, i na étьj стьгьны, č'atyri, tàm pr'át', f p'at'í m'astáx, f sarái-ть byváid že, v róz'n'icu pałóženzь; uš rás fs'ém... i sałómъ žьt-пья, étь g žьt'jú. Žьtь-ть mьlat'íl'i, sałómki pałóžыš tóže хr'és't'íkьm. (Это все на Покров?) Эть fs'ó пь Pakrón, dá. (А приговор какой?) Vót já i tó... А pr'igavór próstь kák p'ir'axr'és't'iz'] dь "vót, t'ab'é [zakármьvut], bút' сыtá, t'ab'é klad'óm fs'ákъj trav'ínki, f'sákъj sałóm'ínki", vót ták próstь, já samá гьvьar'íла, a n'a znájú kák.

[...] так и рвали василёк этот, и всё. (А василек зачем рвали?) А это уж как вроде как для красоты, на Иванов день тоже, поставишь их в этот, в стакан, или там в каку вазочку, он стоит долго. А потом тоже скоту отдавала, я, лично. (А его тоже только на Иванов день васильки рвали?) Я не знаю, ну так просто, как пойдёшь, как по пути-то вроде бы и сорвёшь василёк, цветок красивый василёк, во ржи. "И зачем, говори, завлёл, и для чего, скажи". (А потом скоту отдавали?) Да, так, шоб не выкидывать и отдавали скоту, там уж какой-то може кто и приговор держал, а вот, што вот пучок, да сушили, это уж тут какой-то приговор надо, закармливать. (Еще что-то говорили при этом?) Да, при этом говорили.. И погоди, я и клала, хрестиком кладёшь-то, и сена приносила из сарая, из всех четырёх уголушков-то, на Иванов.. это, на Покров, на Покров. И кладёшь.. так, а потом хрестиком кладёшь. (И сено крестнакрест кладется?) Да, кладёшь хрестиком. (Во всех углах?) Не в.. это, в ясли, в ясли, коровушке кладёшь, а в сарае придёшь, сено-то на одной стороны, на другой, вот и возмёшь там, там, и на этой стороны, четыре, там пять, в пяти местах, в сарае-то бывает же, в розницу положено. Уж раз всем.. и солома житная, это к житью. Жито-то молотили, соломки положишь тоже хрестиком. (Это все на Покров?) Это все на Покров, да. (А приговор какой?) Вот я и то... А приговор просто как перехрестишь да "вот, тебе закармливают, будь сыта, тебе кладем всякой травки, всякой соломинки", вот так просто, я сама говорила, а не знаю как.

Конский день

Jés' kónskǵj d'én', kan'ěj kupájut. <А что это за день такой?> Já dúmъju, Kupála-ть ётът, kakój-ть jés'. <Конский день, так называется?> Dá, kakój-ть. Kák-ть пъзыváтъ, já n'a rómn'u. I vad'íl'i kan'ěj uv r'ěku i kupál'i. Kák myl'i jǵx tám. А ётъ n'i зъpl'atál'i, n'a rómn'u štór. Móžьd býт' kagdá býтъ jid'inal'íc'naæ jěsl'i, a f kalxóz'i užé n'ét, n'ič'avó. Ták, зъgan'ál'i, býváíd, v r'ěku jǵx..

Есть конский день, коней купают. <А что это за день такой?> Я думаю, Купала-то этот, какой-то есь. <Конский день, так называется?> Да, какой-то. Как-то называло(сь), я не помню. И водили коней ув реку и купали. Как мыли йих там. А это не заплетали, не помню штоб. Может быть когда было единоличное если, а в колхозе уже нет, ничего. Так, загоняли, бывает, в реку йих..

Про теряющуюся скотину

[...] šó-ть znáit, uš ràs pastúy da, kák tám, il'í z Bóгъm, il'í s n'ač'ístъj s'íъj, i aná skazátъ štó, pr'igavór, vьgan'ájusъ, pr'igavór kakój-ть v'adút, jamú i n'a núzym ы któ-ть tám xad'ít', a s'ó гьпó skód býváit t'ar'áicce, t'ar'áls'i.

[...] шо-то знает, уж раз пастух да, как там, или с Богом, или с нечистой силой, и она сказала што, приговор, выгоняются, приговор какой-то ведут, ему и не нужен и кто-то там ходить, а все равно скот, бывает, теряется, терялся.

"Относ"

[...] skatú šób damój-ть pr'íšóf? kan'ěš-нь, šó-n'it' móžнь, Vaskr'ésnuu mal'ítvu č'itál'i, mn'é-ть n'i pr'ixad'íъs', já pr'i... lóšъt' tudá býlá ušófsъ. Já гъvar'íла, a mn'é n'ič'avó n'i гъvar'íl'i, štò č'itát', tó s'nas'í òd za m'ěžu, pьлаžы, xl'ěr ётът, krómъč'ku ьт сёлъвъ xl'ěbъ ьb'azát'il'нь, pьsal'í. <Обязательно кромочку?> Dá, ьb'azát'il'нь at сёлъva xl'ěba atr'ézъt', i vót my d'ěhl'i ták.

[...] скоту шоб домой-то пришёл? конечно, шо-нить можно, Воскресную молитву читали, мне-то не приходилось, я при... лошадь туда была ушовши. Я говорила, а мне ничего не говорили, што читать, то снеси от за межу, положи, хлеб этот, кромочку от целого хлеба обязательно, посоли. <Обязательно кромочку?> Да, обязательно от целого хлеба отрезать, и вот мы делали так.

[...] ták pałóžыš xl'ěr, a tám któ, il'í saróka, il'í žыvótnъæ kakájъ s'jís' il'í z'v'ěr, ták rólnъj xl'ěr.. nu kák atr'ézъt' krómku, užé n'i žal'ěiš, pьsal'íl' i pьлаžыt'. Vót t'aé, pr'ixad'í s'udá i s'jís'.. ётъ žъ.. kák.. kabьlъu-ть u náz býтъ zvát', já zabыла. Nu vót тут, pr'ixad'í, vót t'ab'é xl'ěrca pr'in'as'l'i [n'i s'jél'i], búd'íš jís' i damój pr'id'óš, vót ták, ётъ uš já kák samá ьт s'ab'é гъvar'íъ.

[...] так положишь хлеб, а там кто, или сорока, или животная какая съись или зверь, так полный хлеб.. ну как отрезал кромку, уже не жалеешь, посолил и положил. Вот тебе, приходи сюда и съишь, это же.. как... кобылу-то у нас было звать, я забыла. Ну вот тут, приходи, вот тебе хлебца принесли [не съели], будешь йись и домой придешь, вот так, это уж я как сама от себе говорюла.

[...] aná kakój-ťь pr'igavór, ót tóžь aná móžь býť náda býła výmъs étьt, x'l'érсь atła... tóžь ar'át' šó-ťь рьšartát', gьva-r'ít', i býl'i š tak'íi žen'š'š'iny..

[...] она какой-то приговор, от тоже она може быть надо было вынос этот, хлебца отло.. тоже опять шо-то пошептать, говорить, и были ж такие женщины..

Отъем молока – ножом по молоку

[...] nu vót i gьvar'íl'i, štó там самы sabój, a jés' nóžьkьm, pravód'ud d'est-v'ít'íl'ňь рь мьлакú. <Что получается?> Nu òt éta an'í šó-ťь kàk мьлакó ътымá-jut, ták uš мь р'it'p'lagál'i.

[...] ну вот и говорили, што там самы собой, а есь ножиком, проводят действительно по молоку. <Что получается?> Ну от это они шо-то как молоко отымают, так уж мы предполагали.

Передача молока

[Молоко] vòt pr'in'ós haz'áin, ъb'azát'il'ňь pastáf нь stól, a n'a tó šťь srazú v rúki vaz'm'òš. <Это какой хозяин, когда?> Nu òt mn'é s'ivón'ňь pr'in'ós Gьl'áz'in m'ьлакá, ón pr'in'ós pastáv'il na stól javó, vòt i fs'agdá náda stáv'it' na stól. <А если в руки дашь, что будет?> Nu kàk-ťь vòt štó-ťь там n'a ládna, n'a nádь v rúki, p'érvь pastáit' na stól, patóm ы búd'i haz'áin brát'. Nu já jím samým uč'íla, gьvar'íla, ràs mn'é tág gьvar'íl'i, i já jím gьvar'ú.

[Молоко] вот принёс хозяин, обязательно постав на стол, а не то што сразу в руки возьмёшь. <Это какой хозяин, когда?> Ну от мне севоння принёс Галязин молока, он принёс поставил на стол его, вот и всегда надо ставить на стол. <А если в руки дашь, что будет?> Ну как-то вот што-то там не ладно, не надо в руки, перво поставить на стол, потом и буди хозяин брать. Ну я им самым учила, говорила, раз мне так говорили, и я им говорю.

Излечение коровы

[...] vad'íl'i, kakájь-n'id' bápka sum'ei n'amnóškь šartát', "рьšart'í ты mné, u nás òt", pьp'p'ьskьit' karóvu.. ats'édьva, z gьlavьi, patóm vòt ták ò pal'ít', рь x'r'art'íny ták x'r'astóm, i vьl'it' vódu. <Полить, а чем полить?> Nú vòt étьj šar-č'ónьj vadój, s adóin'kьj, s adóin'kьj. Pal'jòš.. [...] vót рь s'p'in'é-ťь ргьv'ad'òš, i x'és't'ikьm pajd'òš там хьt' rukój pьp'p'ьskьiš, a patóm pr'ixad'ít', étu fs'ó vódu vьl'it' f p'it'nik'í, v d'v'ér', vòt gd'é d'v'ér' na p'étl'ьx xód'it, i č'ášku aprak'ínut'.

[...] водили, какая-нить бабка сумее немножко шептать, "пошепти ты мне, у нас от", попрыскает корову.. отседова, с головы, потом вот так о палить, по хребтины так хрестом, и вылить воду. <Полить, а чем полить?> Ну вот этой шепченой водой, с одоинкой, с одоинкой. Польешь.. [...] вот по спине-то проведёшь, и хрестиком пойдёшь там хоть рукой попрыскаешь, а потом приходить, эту всё воду вылить в питники, в дверь, вот где дверь на петлях ходит, и чашку опрокинуть.

[Кровь в молоке –] znáč'it p'íč'ka ргьl'at'éla m'ímь vьm'a, m'éždu vьm'a

[Кровь в молоке –] значит, птичка пролетела мимо вымя, между вымя и

i nók, byváit v'it' p't'íč'ki p'ь za'ml'é šó-n'it, karóna jés'l'i jést, an'í i p'gyl'at'át tudá. <А какие птички?> А p't'íč'ka i fs'ó, i b'az' étv'a – tám l'ástč'ka il'í š któ, a p't'íč'ka. Ётъ já tóžy, ётъ mn'é d'éty'l'i, já dařla f suč'ók, n'i v'is'ít òn u m'an'é s'i-č'ás? [...] p'ytamú šť kadá ty tám naj-d'ós, v étyx, š's'ěpki užé, kagdá dróvy kól'is, p'p'rad'óssy kàk rás, i.. a tó òn ták atkól'icy, nu byváit vòt takój vó, i sú-x'in'k'j, ón i v'ys'k'č'it, já t'b'azát'il'ny xran'řla řx. <На всякий случай, да?> Dá, na fs'ákij sluč'ij.

Подкуривание после отела

Dá, znáč'it t'al'řts'a, id'ós kadá dařt', karónu patkúr'ivl'i, kàk rán'sy gavar'ř-l'i. <А как подкуривали?> Nú vòt klál'i étyt, kàk f c'ér'kv'i mařát, ét'im, ka-d'řjz-ť, tudá š klad'óssy vósk kakój-ť takój pařúč'ij, nu vót y ét' na bl'úd'ič'k'ь p'řažyř, zažók, i ták òt, pavód'iš pad vřtm'ym-ť. Ётъ p'řyřivál'i patkúr'ivl' karónu, ét' užé vród'i by kàk ót šóp n'i-kakój n'ěč'is't'i n'é byř, n'i p'řvl'ijála, ták y glás i fs'ó, a já uš étv'ny n'i d'ěřla. <Это когда телилась она?> Dá, t'al'řts', kaydá id'óz dařt'. <Первый раз?> Dá, p'ěrvyj-ť rás iř'v'éta ládny, a kagdá užé k s'a.. mřlakó šòb v'z'át', anó it' na tr'é-t'řij rás. <На третий раз можно было брать молоко?> Dá, na tr'é't'řij rás, il'i mřlakó u kavó xaróšřæ u kakój karóny, tó užé j b'ar'ós s'ab'é. Мы-ť xđ' d'ét'i rómnu u mām'i i jél'i užé javó, anó xť vród'i kàk i syřavátřæ, a tr'ř řaza p'řdař-ť, užé i lút'sy. Dá, ét' patkúr'ivl'i, móže byt' i s'ič'ás któ d'ětyt ét', a patkúr'ivl'i, ét' ták y byřla, "náda karónu patkúr'ivl'ť", vód brál'i tám n'ь skřvarót-ki, il'i na č'uřnyň, n'éd, ból'sř na étytm, savók, savók šó sór il'í uřl'i gr'ab'ós, òt tám p'řažyř, an'í òt tak'ím kamóč'k'ym.

ног, бывает ведь птички по земле шонить, корова если ест, они и прилетят туда. <А какие птички?> А птичка и все, и без этого – там ласточка или ж кто, а птичка. Это я тоже, это мне делали, я доила в сучок, не висит он у мене сейчас? [...] потому што когда ты там найдешь, в этих, щепки уже, когда дровы колешь, попадётся как раз, и.. а то он так отколется, ну бывает вот такой во, и сухенький, он и выскочит, я обязательно хранила их. <На всякий случай, да?> Да, на всякий случай.

Да, значит телилася, идёшь когда доить, корову *подкуривали*, как раньше говорили. <А как подкуривали?> Ну вот клали этот, как в церкви махает, этим, кадилой-то, туда ж кладется воск какой-то такой пахучий, ну вот и это на блюдечко положил, зажгёт, и так от, поводишь под выем-то. Это называли *подкуривал корову*, это уже вроде бы как от шоб никакой нечисти не было, не повлияло, так и глаз и всё, а я уж этого не делала. <Это когда телилась она?> Да, телилась, когда идёшь доить. <Первый раз?> Да, первый-то раз еще это ладно, а когда уже к с'а.. молоко шоб узять, оно ить на третий раз. <На третий раз можно было брать молоко?> Да, на третий раз, или молоко у кого хорошее у какой коровы, то и уже берёшь себе. Мы-то хоть дети помню у маме и ели уже его, оно хоть вроде как и сыроватое, а три раза подоила, уже и лучше. Да, это подкуривали, може быть и сейчас кто делает это, а подкуривали, это так и было, "надо корову подкуривать", вот брали там на скородки, или на чугуны, нет, больше на этом, совок, совок шо сор или угли гребёшь, от там положил, они от таким ко-

⟨А что клали?⟩ Vót klál'i-tъ štó bát'a kad'ít, kad'ítj-tъ, ot étýt, il'i s'v'éc'kъ vón jés', s'v'éc'ku, vót ssap'éfšy aná, n'amnóškъ astáfsy, zaž'óš jajé. ⟨А какую свечку, любую или с какого-нибудь праздника?⟩ N'ét, nu tám móžet ы s práž'n'íkъ i jés' kak'í tám máł'in'kii astátъč'ki i jés', s práž'n'ika já n'a znáju, il'i ták, býváit kagdá d'éřžut s'v'éc'ku-tъ, já zabýla f kak'í práž'n'iki-tъ. Nu ot u m'an'é býtъ, nu já n'i d'éřla karóvy, n'i patkúr'ivъtъ, n'a búdu i gъvar'ít'. Máma já pómnu u d'éřtъ étъ, a já n'ét.

[...] brъž'ž'av'él'n'iku, n'i u káždъvъ jés' vót étъ jés', vòd brъž'ž'av'él'n'ik slamáł, brъž'ž'av'él'n'ik étъd býváit flórnuta š' Š'ístva č'it'v'argá, vót pad mát'icej, tám pълam'ít n'amnóškъ kusóškъf, tóže zažók, i ták ot ы ravód'iš pa vým'u, šóp v'az'd'é pъdъm'íla.

Корова не по двору

[...] n'a ró dvъgu. ⟨А что это значит?⟩ Nú, jés'l'i sám s'v'étъj, a skód d'éřžyš karóvu t'ómnu, nú ot n'a ró dvъgu, aná u t'ab'é n'a ró dvъgu, nu tó ot šó-n'ibъt' slúč'icy, tó tóe, tó drugóe, kaká-n'it' fs'ó b'adá slúč'icy, i gъvar'íl'i, štó n'a ró dvъgu, n'a náđъ býtъ č'órnъju, t'ómnuju, p'óstrъju p pъkupát karóvu, il'i tám zъvad'ít, étъ gъvar'íl'i – i da s'éx rór gъvar'át, štó n'a ró dvъgu, karónъ n'a ró dvъgu.

[...] i gъvar'ú, štó-n'ibut' f pól'i, tó zъxramá, tó býdan'ót jajé, tó kús'it, tó ub'ažýt kudá-tъ, vót ták kakájъ-n'it' i fs'ó b'étka slúč'áts', i gъvъ'ú, "n'é, aná t'ab'é n'a ró dvъgu". ⟨А что надо делать, штоб по двору была?⟩ Nu ot, štó d'éřt'?? Náda m'an'át' i pъkupát xъt' p'óstrъju kakúju-tъ, a n'a č'órnъju safš'ém. Il'i sám č'órnъj, a karóva s'v'étъæ – tóžъ p'íbl'i-z'ít'il'na ták p'rid'éřžyvn'is'e. ⟨То есть так по цвету корову подбирают?⟩ Дá.

мочкам. ⟨А что клали?⟩ Вот клали-то што батя кадит, кадилой-то, от этот, или свечка вон есь, свечку, вот ссопéвши она, немножко оставши, зажгёшь ее. ⟨А какую свечку, любую или с какого-нибудь праздника?⟩ Нет, ну там может и с праздника и есь, с праздника я не знаю, или так, бывает когда держут свечку-то, я забыла, в какие праздники-то. Ну от у мене была, ну я не делала коровы, не подкуривала, не буду и говорить. Мама, я помню, делала это, а я нет.

[...] брожевельнику, не у каждого есь вот это есь, вот брожевельник сломал, брожевельник этот бывает вторнуто с Чистого четверга, вот под матицей, там поломил немножко кусочков, тоже зажёг, и так от и поводишь по вымо, шоб везде подымило.

[...] не по двору. ⟨А что это значит?⟩ Ну если сам светлый, а скот держишь, корову, тёмную, ну от не по двору, она у тебе не по двору, ну то от шо-нибудь случится, то тое, то другое, кака-нидъ всё беда случится, и говорили, што не по двору, не надо было чёрную, тёмную, пёструю б покупал корову, или там заводил, это говорили – и до сех пор говорят, што не по двору, корова не по двору.

[...] и говорю, што-нибудь в поли, то захромае, то боданёт ее, то кусит, то убежит куда-то, вот так какая-нить и всё бедка случалась, и говорю, "не, она тебе не по двору". ⟨А что надо делать, штоб по двору была?⟩ Ну от, што делать? Надо менять и покупать хоть пёструю какую-то, а не чёрную совсем. Или сам чёрный, а корова светлая – тоже приблизительно так придерживались. ⟨То есть так по цвету корову подбирают?⟩ Да.

Примечания

¹ Домашний скот в обычаях восточных славян (из диалектных записей). Публикация М. Н. Толстой // Исследования по славянской диалектологии 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 344–379.

² О знаках фонетической транскрипции см.: Славяноведение, № 3, 1995, с. 107, или в кн.: В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. М., 1993: 330. В настоящей публикации за фонетику и морфологию отвечает С. Л. Николаев, за лексику и синтаксис — М. Н. Толстая.

³ Информант Королева Александра Ильинична, 1921 г. р. (мать из Выжлѣтнково; жила замужем в Санѣво, затем в Дору, ныне живёт в Дубровках; 3 кл. образования). Запись А. С. Архиповой, 1999 г. Расшифровка М. Н. Толстой. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассеты Р-дбр.048, Р-дбр.049, Р-дбр.056.

⁴ Т. е. отнятое колдовкой.

⁵ Информант Тихомирова (Смирнова) Анастасия Леоновна, 1906–2002, 1 кл. образования. Запись Д. О. Кузнецова, 2000 г. Расшифровка М. Н. Толстой. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассета Р-дбр.016.

⁶ Информант Зайцева Евпраксия Ивановна, 1914 г. р., 1–2 кл. образования, родители из Плоскова. Запись А. С. Архиповой, 1999 г. Расшифровка М. Н. Толстой. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассета Р-дбр.056.

⁷ Информант Зайцева Анастасия Павловна, 1915 г. р. Запись Ф. Р. Минлоса и Д. О. Кузнецова, 1999 г. Расшифровка М. Н. Толстой. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассеты Р-дбр.047, Р-дбр.022.

⁸ Информант Соколова Екатерина Николаевна, 1927 г. р., живёт в дер. Максимково. Запись С. Л. Николаева, М. Н. Толстой, 2004–2005 г. Расшифровка М. Н. Толстой. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассеты Р-дбр.140, Р-дбр.142. Публикацию текстов из Пырошни см. также: Живая Старина, 2006, № 4.

⁹ Этот текст представляет собой пересказ того же сюжета, записанный спустя год.

¹⁰ Информант Батазѡва Анна Федоровна, 1924 г. р. (мать из Мѡрыно Осташковского р-на; с 1936 г. жила в Зелѣнино Селижаровского р-на, вышла замуж в Бураково; 4 кл. образования). Запись А. И. Рыко, Д. О. Кузнецова, 2000 г. Расшифровка А. И. Рыко. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассеты Р-брз.026, Р-брз.027, Р-брз.031.

Публикация С. Л. Николаева и М. Н. Толстой

Summary

**Cattle in traditions of East Slavs. II
(dialectal records from Tver' region)**

It is a publication of East-Slavic dialectal materials concerning traditional cattle breeding (turning cattle out in spring, searching of cattle, wood-goblin, witches taking away milk, treatment of cattle etc.) from several villages of Russian Tver' region. First part was published in the previous issue (Исследования по славянской диалектологии, 12, 2006).

¹ Домашний скот в обычаях восточных славян (из диалектных записей). Публикация М.Н.Толстой // Исследования по славянской диалектологии 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 344–379.

² О знаках фонетической транскрипции см.: Славяноведение, № 3, 1995, с. 107, или в кн.: В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. М., 1993: 330. В настоящей публикации за фонетику и морфологию отвечает С.Л.Николаев, за лексику и синтаксис — М.Н.Толстая.

³ Информант Королева Александра Ильинична, 1921 г. р. (мать из Выжлятниково; жила замужем в Санёво, затем в Дору, ныне живёт в Дубровках; 3 кл. образования). Запись А. С. Архиповой, 1999 г. Расшифровка М. Н. Толстой. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассеты Р-дбр.048, Р-дбр.049, Р-дбр.056.

⁴ Т. е. отнятое колдовкой.

⁵ Информант Тихомирова (Смирнова) Анастасия Леоновна, 1906–2002, 1 кл. образования. Запись Д. О. Кузнецова, 2000 г. Расшифровка М. Н. Толстой. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассета Р-дбр.016.

⁶ Информант Зайцева Евпраксия Ивановна, 1914 г. р., 1–2 кл. образования, родители из Плоскова. Запись А. С. Архиповой, 1999 г. Расшифровка М. Н. Толстой. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассета Р-дбр.056.

⁷ Информант Зайцева Анастасия Павловна, 1915 г. р. Запись Ф. Р. Минлоса и Д. О. Кузнецова, 1999 г. Расшифровка М. Н. Толстой. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассеты Р-дбр.047, Р-дбр.022.

⁸ Информант Соколова Екатерина Николаевна, 1927 г. р., живёт в дер. Максимково. Запись С. Л. Николаева, М. Н. Толстой, 2004–2005 г. Расшифровка М. Н. Толстой. Публикацию текстов из Пырошни см. также: Живая Старина, 2006, № 4.

⁹ Этот текст представляет собой пересказ того же сюжета, записанный спустя год.

¹⁰ Информант Батазובה Анна Федоровна, 1924 г. р. (мать из Мърыно Осташковского р-на; с 1936 г. жила в Зелёнино Селижаровского р-на, вышла замуж в Бураково; 4 кл. образования). Запись А. И. Рыко, Д. О. Кузнецова, 2000 г. Расшифровка А. И. Рыко. Источник в диалектной фонотеке Института славяноведения — кассеты Р-брз.026, Р-брз.027, Р-брз.031.

Памяти Галины Петровны Клепиковой (1931–2006)

Галина Петровна Клепикова была одним из основателей издания «Исследования по славянской диалектологии», которое регулярно выходит с 1992 г. по настоящее время. Опубликовано 12 выпусков, 13-ым является настоящее издание. Г. П. Клепикова – известный специалист в области славянского языкознания, особенно в той его сфере, которая связана с разного рода языковыми контактами на лексико-семантическом уровне. Ее исследования в этом плане карпато-балканской языковой ситуации в значительной степени способствовали формированию специального направления современной лингвистики – карпатского языкознания. В частности, статьи Г. П. Клепиковой, посвященные разным аспектам изучения карпатской и карпато-балканской общности, регулярно публиковались в выпусках ИСД.

Свой большой опыт исследования карпато-балканской проблематики Г. П. Клепикова планировала обобщить в виде монографии «Очерки карпатской лексикологии».

В состав книги «Очерки карпатской лексикологии» должны были войти как отчасти уже опубликованные, так и новые исследования процессов межъязыковых влияний и взаимодействий в карпато-балканской зоне, которая понималась как единство в геофизическом, этнографическом и лингвистическом отношении. В этих работах изучались славянские, румынские, венгерские, греческие, германские по своему происхождению лексические компоненты карпато-балканской зоны с точки зрения времени и путей их распространения, а также ареалы их локализации. Были сделаны выводы об особом статусе карпатской языковой общности, как общности конвергентного типа.

К сожалению, Г. П. Клепикова не успела завершить работу над книгой в целом. Но, помимо указанных публикаций, отражающих основные идеи, наблюдения и результаты карпатологических разысканий, Г. П. Клепиковой были написаны такие части книги, как Предисловие и Введение, в которых излагаются не только принципы исследования, но и взгляды автора на важнейшие проблемы, связанные с разными аспектами изучения диалектных форм языка.

Редколлегия сочла необходимым поместить в данном выпуске эти фрагменты неоконченной монографии, будучи уверена, что они привлекут внимание тех лингвистов, которые интересуются проблемами языковых взаимодействий в регионе Карпат и Балкан.

Очерки карпатской диалектологии

Предисловие

Настоящая монография, первоначально задуманная как совместная с профессором С. Б. Бернштейном (1911–1997) публикация, призвана подвести первые итоги работы над «Общекарпатским диалектологическим атласом» (ОКДА). Своевременной реализации этого плана помешали многие обстоятельства, в частности то, что не все материалы Атласа были доступны, поскольку отдельные его выпуски готовились к печати различными национальными коллективами ОКДА. Кроме того, многие теоретические аспекты книги были еще недостаточно разработаны, и потребовался целый ряд предварительных публикаций для их прояснения. Приступая к работе над монографией, мы постарались учесть все мысли и идеи С. Б. Бернштейна, связанные с рассматриваемой темой и отраженные в его статьях, помещенных в сборнике «Из проблематики диалектологии и лингвогеографии» (2000 г.).

В данной работе стоит задача сопоставительного исследования значительного по объему фонда лексики, общей для всех или части языков/диалектов карпатской (resp. карпато-балканской) зоны. Наличие этой группы лексики служит одним из аргументов в пользу существования в указанной зоне особой языковой общности конвергентного типа, возникшей в ходе длительных и сложных процессов взаимовлияния и интерференции языков, «многократных перекрестных заимствований» вследствие не только прямых, но и опосредованных контактов. Вопросы становления, развития и функционирования этой общности являются предметом изучения в рамках карпатского языкознания.

Материалом для книги послужили в первую очередь данные полилингвального ОКДА. Наряду с этим широко используются и такие источники, как лингвогеографические труды по отдельным языкам, историко-этимологические и диалектные словари, исследования по диалектной лексикологии и др. В определенном смысле мы рассматриваем работу как своеобразный комментарий к Атласу. Поэтому в центре внимания находится *ареалогическая* проблематика, которая диктует и специальную форму изложения большого количества пространственно маркированных диалектных данных и этим способствует, на наш взгляд, наиболее полному раскрытию заявленной темы. Очевидно, что при любой иной форме презентации тех же данных, например, в виде инвентаря (словаря) атомарно рассматриваемых фактов, удалось бы лишь зафиксировать присутствие конкретных лексем с их более частотной семантикой в отдельных группах говоров, обследованных в

ОКДА, и указать язык-первоисточник (= этимологию) этих лексем. Но невозможно было бы компактно и наглядно представить все имеющиеся в нашем распоряжении сведения о распространении изучаемых лексем, а главное – сопоставить их ареалы.

Между тем только сравнительное изучение множества ареалов, выявляемых Атласом в генетически гетерогенном лингвистическом пространстве зоны Карпат, эксплицирует в той или иной степени их *взаимоположение* ~ *взаимосвязь* ~ *взаимодействие*, а также некоторые закономерности их распределения в указанной зоне. Общая картина структурированности / дифференциации карпатской диалектной области может служить основой для последующих разысканий диахронического характера с целью переосмысления некоторых пространственных соотношений в качестве временных и для установления «хроно-изоглосс» в результате анализа «топо-изоглосс» (Аванесов 1963: 299). Так могут быть определены центры иррадиации и траектории движения тех или иных лексических единиц, образующих общий пласт в языках / диалектах соответствующей зоны.

Книга имеет название «Очерки карпатской лексикологии», однако она значительно отличается от традиционных штудий подобного рода.

Во-первых, в качестве основных, подлежащих рассмотрению проблем выбраны прежде всего собственно лексикологические. При этом мы придерживаемся точки зрения Н. И. Толстого, который, как известно, последовательно отстаивал необходимость четкого разграничения задач лексикологии, с одной стороны, и семасиологии, с другой, предлагая рассматривать словарный состав в двух планах: выражения (лексикология – аспект *лексем*) и содержания (семасиология – аспект *семем*) (Толстой 1997: 12, 70). Обычно же исследователи лексико-семантической сферы языка (в том числе и многие слависты) расширяли компетенцию лексикологии путем включения некоторых явлений как раз содержательного плана (синонимия, омонимия, полисемия и др.).

Во-вторых, лексикологические проблемы в нашем случае рассматриваются и решаются главным образом на диалектном уровне. При этом материалы ОКДА, основной базы данной работы, подтверждают гипотезу, на которой базируется концепция Атласа. Согласно этой гипотезе, диалекты родственных и неродственных языков карпатской (resp. карпато-балканской) области определенным образом упорядочены и выступают не как механическая сумма идиомов (= частных диалектных систем), а как структурированная лингвистическая протяженность – *континуум* (= диасистема). Системные отношения на этом уровне несомненны, по крайней мере, в сфере лексики (и семантики).

Вместе с тем, в данной работе элиминируются все вопросы, связанные с отношениями между диалектами и литературными языками, функциональным расслоением лексики и др. В этом отличие от диалектной лексикологии *одного* языка, где важнейшим аспектом может стать именно изучение результатов контактирования диалектов и кодифицированной формы языка, в том числе адаптации диалектами литературной лексики, характера вариативности, образования дублетно-синонимических рядов и под. (ср., например, книгу Т. С. Коготковой «Русская диалектная лексикология» М., 1979).

В-третьих, в центре внимания находится не вся совокупность лексики диалектов карпатской общности, но лишь ее *часть*, входящая в состав упоминавшегося фонда специфических единиц, который и является базой языковой общности конвергентного типа.

Наконец, ввиду достаточно конкретной направленности данного исследования в нем специально не затрагиваются проблемы теоретического аспекта лексикологии. Однако наше отношение к некоторым из этих проблем нашло отражение, в частности, в понимании многих используемых нами терминов.

Таким образом, задачей «Очерков карпатской лексикологии» является:

1) *описание* выявленного на основе лингвогеографического изучения диалектов различных языков карпатской зоны общего для них *пласта лексических единиц* (с их семантикой), которые могут быть прямо или опосредованно возведены к славянскому, восточнороманскому, венгерскому, а также германскому источнику (с выяснением роли и некоторых иных языков);

2) *сопоставительный* анализ ареалов указанных единиц с целью их хронологической стратификации в зоне в целом и/или в отдельных ее частях (микрizonaх). Соответственно, книга состоит из Введения, четырех глав, посвященных роли отдельных языков в формировании общего лексического фонда в диалектах карпатской области, главы, рассматривающей результаты ареалогической презентации указанной лексики и их значение для понимания процесса становления карпатской языковой общности.

Введение

Предварительно считаем необходимым рассмотреть некоторые общие и частные проблемы изучения той особой группы лексики, которая составляет специфический фонд языков / диалектов карпато-балканской области.

1. Карпатское языкознание. Последние десятилетия XX в. характеризуются становлением и быстрым развитием карпатского языкознания (= КЯ)

(1). Это – новое направление в ареально-типологической лингвистике, которое формулирует и решает задачи описания и интерпретации результатов длительных взаимодействий и интерференции генетически гетерогенных языковых идиомов, их *конвергентного* развития в лингвистическом пространстве Карпат и соседних регионов. При этом КЯ последовательно учитывает достижения в области индоевропеистики (= славистики, романистики, албанистики и др.), финно-угроведения, основные усилия которых направлены на исследование *дивергентного* развития отдельных языковых семей, а также историко-этимологическое, лингвогеографическое, топонимическое и под. изучение входящих в них языков (в нашем случае – ряда славянских, румынского, венгерского и др.).

Карпатское языкознание в настоящее время является существенной частью *карпатистики* (карпатоведения, карпатологии), представляющей собою обширный междисциплинарный круг наук по преимуществу историко-филологического цикла. В рамках карпатистики комплексно изучается ситуация в зоне Карпат с точки зрения материальной и духовной культуры, языка, фольклора и др. Это в конечном счете позволит надежно подтвердить (или, напротив, поставить под сомнение) реальность существования здесь особой лингвистической и этно-культурной общности, идея которой во многом стимулирует интенсивные научные исследования в этой области с конца XX в. и до настоящего времени.

Анализ различных сторон карпатской ситуации свидетельствует, что рассмотрение фактов тех или иных языков / диалектов (и их совокупностей) изолированно, лишь в рамках собственно карпатского лингвистического пространства, оказывается недостаточным как в синхронном, так и, особенно, в диахроническом (историко-генетическом) аспектах.

Отмечаются, по крайней мере, два важнейших миграционных процесса – из карпатской области на юг на Балканы и позднее с Балканского полуострова на север. Эти процессы способствовали установлению и укреплению связей между карпатской и балканской областями. Поэтому КЯ видит свою задачу в постоянном обращении к балканскому материалу, который, разумеется, в полном объеме исследуется балканским языкознанием (БЯ). Цель подобного обращения, с одной стороны – установление в балканских языках явлений, корреспондирующих с карпатскими, и истолкование подобных сходжений, с другой, напротив – констатация в обеих зонах несоответственных явлений (Бернштейн 2000: 257). Кроме того, балканское языкознание сыграло важную роль в становлении КЯ как особого раздела языковедческой науки. Именно привлечение данных балканского языкознания позволило

создать оптимальную модель эффективного изучения контактов и взаимовлияния родственных и неродственных языков в определенном ареале (в контексте широкого взаимодействия культур), постулировать и исследовать функционирование конвергентной языковой общности (= «языкового союза») (2).

Важность изучения подобных зон тесного взаимодействия неблизкородственных языков / диалектов (и этносов), ведущего к возникновению конвергентных общностей различных типов, в настоящее время подчеркивается многими учеными (3). В качестве примера можно назвать зону балтийско-славянских контактов, ставшую предметом интенсивного изучения во второй половине XX в. Программа лингвистического исследования этой зоны, предложенная В. Н. Топоровым, может быть, на наш взгляд, использована при описании типологически сходных ситуаций. Эта программа включает следующие аспекты: (1) *инвентаризация* всех иноязычных элементов (прежде всего лексических заимствований) в указанной зоне, (2) выявление точных *ареалов* этих элементов, (3) хронологическая *интерпретация* данных об их локализации, (4) диалектная *идентификация* иноязычных элементов, т. е. установление того, *из каких* именно диалектов языка-донора вошло то или иное заимствование и, соответственно, какими диалектами языка-реципиента оно было усвоено (Топоров 1995: 49–53).

Зарождение КЯ происходило в недрах славистики. Оно стало, с одной стороны, следствием осознания *своеобразия* карпатских говоров отдельных славянских языков (польского, украинского и др.), обособленного положения этих говоров в совокупности диалектов того или иного языка и – одновременно – *близости* между карпатскими говорами разных языков. С другой стороны, ученые обратили внимание на значительное число лексических (но также и грамматических) параллелей между, например, карпатоукраинскими говорами и южнославянскими языками. Эти факты вызвали особенно оживленные дискуссии в первой половине XX в., поскольку убедительное истолкование данного явления позволило бы прояснить ряд важных вопросов истории многих славянских языков. Так, нужно было ответить на вопрос, являются ли указанные схождения следствием прямого, вплоть до начала Средних веков, южнославянского влияния на севернославянские (= карпатские украинские) говоры (так полагали В. Погорелов, И. Панькевич, Б. Кобылянский, И. Дзендзелевский и др.) или же они – частично – результат общих процессов, происходивших в позднепраславянскую эпоху и отразившихся сходным и независимым образом в диалектах некоторых восточно- и южнославянских языков, а частично – следствие *более позднего* влияния

балканских языков, которое связывается с массовыми миграциями населения Балканского п-ва на север (Иллич-Свитыч 1960; Бернштейн 2000) (4).

Наконец, исследователи проявляли постоянный интерес к конкретному изучению в славянских языках / диалектах лексических единиц, датируемых эпохой «балканских» миграций. Среди этих единиц особое внимание привлекали элементы, определяемые как заимствования из румынского (см., например, труды Crânjală 1938; Vrabie 1967; Nița-Armaș 1968 и др.) (5); активно изучалось также венгерское (Лизанец 1976: 55 и сл.; Schubert 1999) (6) и немецкое влияние (7).

Как следствие существования полярных оценок указанного выше карпатославяно-южнославянского параллелизма, в начале 60-х гг. возникла идея описать географию явлений, фигурировавших в научных трудах в качестве примеров подобных сходжений, в виде лингвистического атласа. Первым этапом реализации этой идеи стало обследование карпатоукраинских говоров для «Карпатского диалектологического атласа» (= КДА) (8). Благодаря КДА исследователи впервые получили точные сведения о распространении соответствующих лексико-семантических единиц в карпатоукраинской зоне, что позволило приступить к их сопоставлению с южнославянскими материалами (см. работы М. Младенова, М. Онышкевича, К. Гутшмидта, Г. П. Клепиковой и др.).

Отметим, что примерно в то же время чешский лингвист А. Вашек обратился к изучению влияния языка так называемых «валашских» колонистов, считавшихся потомками мигрантов с Балканского п-ва и достигших Моравской Валахии в XVI в., на грамматический строй и лексику восточночешских (моравских) говоров (Vašek 1967¹).

Таким образом, благодаря накоплению новых сведений о диалектах карпатской зоны, совершенствованию исследовательских методов (в частности, широкому применению ареалогического подхода при описании диалектных материалов и под.), постепенно стало очевидным, что, наряду с некоторыми частными проблемами, связанными с особенностями исторического развития карпатских диалектов *отдельных* славянских языков, существуют проблемы, которые затрагивают языки / диалекты зоны в целом и что эти проблемы могут быть решены лишь в процессе их сравнительно-сопоставительного анализа, т. е. в рамках особого направления ареальной (ареально-типологической) лингвистики, подобного балканскому языкознанию. Это направление С. Б. Бернштейн предложил называть карпатским языкознанием. Впервые развернутая формулировка КЯ дана им в Предисловии к КДА (Бернштейн 2000: 141–147). Однако определение содержания

данной дисциплины как изучения взаимодействия славянских и неславянских языков находим и в более ранних работах того же автора. Ср., в частности, мысль о том, что «в результате карпатской миграции славян возникла очень важная *локальная* группа диалектов, характеризующаяся многими общими особенностями»; и далее – «...Сравнительное изучение всех этих языков (или диалектов) *вместе* с румынским и венгерским языками даст возможность вскрыть те процессы, которые привели в свое время к формированию "карпатизмов"» (там же, 119–120; курсив наш – Г. К.). Ныне это название данного исследовательского направления является наиболее употребительным; известен и термин «лингвистическая карпатология» (ЛК), введенный и используемый А. Вашеком (Vašek 1967¹: 15) (9).

С. Б. Бернштейну принадлежит и заслуга определения круга первоочередных проблем, который должны разрабатываться в рамках КЯ на этапе его становления и в дальнейшем. Это следующие позиции.

(1) Диалектологическое и прежде всего лингвогеографическое изучение карпатской (карпато-балканской) зоны в *целом*, что вытекало из достаточно успешного развития соответствующих исследований во всех странах, полностью или частично входящих в зону Карпат и Балкан (10). Обосновывалась необходимость и реальность создания многоязыкового атласа – «Общекарпатского диалектологического атласа», который дал бы синхронное описание прежде всего общих для ареала единиц, лексико-семантических *по преимуществу* (ср.: «...менее ясен фонетический и грамматико-синтаксический аспекты..., и в этом отношении предстоит большая работа» – Бернштейн 2000: 296). Именно атлас дает возможность установить инвентарь черт, определяющих своеобразие данного континуума, распространение отдельных явлений, и определить типы ареальной дифференциации обследованного региона.

(2) Наряду с этим необходимо развивать изучение топонимики Карпат, также с использованием ареальных методов, чему способствовали бы активная работа в области славянской ономастики, публикация частных монографий, подготовка Славянского ономастического атласа и др. Данная проблематика интенсивно разрабатывается в различных странах региона, но пока не создан серьезный синтетический труд, обобщающий, например, топонимические данные из отдельных (микро)зон в общекарпатском масштабе (11).

(3) В задачи КЯ, параллельно с анкетированием и обработкой собранных материалов, должно входить осмысление теоретических вопросов языкового контактирования и интерференции, которые решались бы на примере зафиксированных Атласом явлений. Особое внимание следует уделять проблеме

моделирования самого механизма формирования и функционирования общности конвергентного типа, что, в свою очередь, могло бы способствовать более точной интерпретации имеющихся фактов и их корректному картографированию. Надо подчеркнуть, что данный аспект всегда был в поле зрения лингвистов-карпатистов, и примером этого является деятельность самого С. Б. Бернштейна, который посвятил названной тематике большое число публикаций, выступлений на съездах славистов и под.

(4) Перед КЯ также стоит сложная задача историко-этимологического анализа карпатской лексики, учитывающего различный вклад отдельных языков ареала (не только бытующих поныне в зоне, но и древних) в создание *общего* пласта лексико-семантических единиц, а также путей их распространения в карпато-балканском пространстве. Следует учитывать возможную *множественность* источников заимствования и *многократность* актов заимствования одних и тех же лексем. Ср. в этой связи замечание О. Н. Трубочева: «диалекты различных языков, расположенных на землях, примыкающих к Карпатам, в результате многократных перекрестных заимствований выработали целый ряд общих слов и значений, характерных только для этой области» (Трубочев 1959: 19). Начавшаяся в конце 80-х годов реализация проекта «Ареально-этимологического словаря карпатской лексики» была, к сожалению, приостановлена и далее не возобновилась (12).

(5) Важное значение имеет и изучение языка памятников письменности, отражающих особенности говоров разных языков карпатского ареала; эта работа ведется в некоторых центрах, однако она пока никак по-настоящему не координируется в масштабах всей карпатской области (Бернштейн 2000: 207, 216 и др.; Клепикова 2003: 361) (13).

Вероятно, в дальнейшем проблематика КЯ может быть расширена, поскольку осознание и формулирование новых задач зависит от хода и темпов развития КЯ.

Из перечисленных задач КЯ наибольшее внимание исследователей привлекла (и привлекает до сих пор) первая из них. Именно в ее решении КЯ достигло больших успехов. Создан *полилингвальный, гетерофамильный, региональный* ОКДА – первое ареальное описание некоторого числа лексико-семантических единиц, образующих общий фонд в словарном составе языков / диалектов зоны. Это описание представляет современную базу сопоставимых данных, с помощью которой могут решаться различные задачи в рамках КЯ.

2. Карпатская (resp. карпато-балканская) языковая общность. Аре-

альные исследования языков карпатской и балканской зон, ведущиеся активно со второй половины XX в. и реализованные в значительной мере в виде создания ОКДА, помимо заметного увеличения объема сведений о конкретных диалектных особенностях соответствующих языков (прежде всего в лексико-семантической сфере), дали новые аргументы в поддержку основанного на научной интуиции предположения о существовании особой *карпатской языковой общности*. Эта общность сформировалась в результате интенсивных контактов и интерференции, и имеет конвергентный характер. В типологическом отношении она сходна с «языковым союзом», наиболее репрезентативным примером которого считается балканский языковой союз (= БЯС) (14), но не тождественна ему, если принимать определенный вариант концепта БЯС, исходящего из принципиально важных условий, сформулированных Т. В. Цивьян в ряде работ. Эти условиями сводятся к следующему.

Признание *конвенциональности* концепта (и термина) (Б)ЯС, который понимается прежде всего как способ описания и анализа последствий взаимодействия балканских языков / диалектов (Цивьян 1979: 5; 1992: 6; 1992¹: 60 и др.).

О существовании ЯС можно говорить лишь при наличии некоторого числа схождений (= «балканизмов») на *различных* языковых уровнях (морфосинтаксическом, фонетическом, лексико-семантическом и др.).

БЯС – единая система с особым строением, особыми закономерностями, определяемыми самой системой. Ядром системы является *общая модель* синтаксической структуры (= особого рода язык-посредник), на которую ориентированы структуры отдельных языков (Цивьян 1979: 274). Словарь БЯС рассматривается в качестве системы с высокой степенью синонимичности, поскольку каждой «металексеме» может соответствовать несколько лексем (не считая диалектных вариантов). Следовательно, общность БЯС, базирующаяся на единой структурной схеме, обладает и определенным лексическим (лексико-семантическим) *инвентарем* для ее реального воплощения (Цивьян 1979: 263–264 и др.).

Допускается, что разноуровневые «балканизмы» могут охватывать *все* языки / диалекты БЯС или их часть. Возникновение общих и локальных балканских соответствий – следствие не только прямых контактов, но и опосредованных (= «балканистических процессов») (Цивьян 1979: 272–274 и др.). Редуцировано значение задачи поиска «источника» балканских схождений.

Концепт БЯС предполагает тесную связь в изучении языковых и неязыковых структур. Последние анализируются с помощью концепта «модель мира» как на уровне универсалий, так и их проекции на конкретные тради-

ции (Цивьян.1990: 65, 67 и сл.). При этом язык выступает как «важный фактор культуры, хранитель и создатель культурных ценностей» (Цивьян 1992¹: 63–65).

Сравнение карпатской языковой общности (= КЯО) и БЯС, с учетом приведенных выше критериев, позволяет констатировать, что КЯО обладает рядом черт, присущих и БЯС. КЯО – конвенциональна и является следствием длительных контактов различных языков (этносов, культур) и интенсивных миграций в Центральной Европе, начиная с IV–I вв. до н. э. (15). При этом корпус общих элементов характеризует общность *в целом*, однако в ее пределах каждый из элементов может иметь различное распространение. На лингвистическом уровне функционирование КЯО поддерживается сходениями в сфере материальной и духовной культуры. Ср., например, карпатский тип отгонного пастушества и его близость (= генетические связи) с балканским типом (Клепикова 1974: 16–19; Домосилецкая 2002: XXI–XXVII).

Однако существуют и различия в статусе обеих общностей. КЯО характеризуется фондом общих явлений лишь на лексическом (лексико-семантическом) уровне (16) (на иных уровнях они нуждаются в дополнительных разысканиях), т. е. КЯО – общность конвергентного типа, лексико-семантическая по преимуществу. Поскольку в формировании корпуса указанных общих элементов большую роль играли лексические заимствования, проблема их изучения становится центральной, а его результаты – достоверными только при условии строгого разграничения *генезиса* явлений и *источника* их иррадиации (Трубачев 1959: 19), стратификации прямых и опосредованных иными языками заимствованных единиц, с учетом сложных путей их распространения в карпатской и в соседних с нею областях, а также возможных ситуаций, когда полицентризм источников дополняется полицентризмом рецепции результатов заимствования (подробнее см. Топоров 1995: 47).

Существование сходства общностей конвергентного типа в карпатской и балканской зонах дает основание изучать их в некоторых аспектах как определенное *единство* и постулировать карпато-балканскую общность (= КБО) по характеру функционирования (разумеется, во многих других аспектах они автономны по отношению друг к другу и изучаются соответственно в рамках КЯ и балканистики). Специфика КБО (и КЯО как ее части) становится более ясной, если сопоставить ее по некоторым характерным чертам, с одной стороны, с БЯС, а, с другой, – с так называемым «балтийско-славянским союзом» (= БСЛЯС) (17).

(1) КБО, как и БСЛЯС, оценивается все еще как *гипотетическая* общность,

как способ «теоретической интерпретации» имеющихся лингвистических, преимущественно диалектных данных, позволяющий рассматривать многочисленные схождения (общие элементы) плана выражения и содержания в качестве определенного единства, которое, по крайней мере, в отдельных фрагментах обладает системной организацией. Поэтому реальность указанных общностей пока допускается далеко не всеми. Функционирование же БЯС, с теми или иными оговорками (см. Schaller 1975: 149 и сл.), признается значительно большим числом ученых. Предложено и описание синтаксической модели БЯС, а также ее проекция на процессы коммуникации (Цивьян 1979: 279 и сл.).

(2) КБО и БЯС можно представить как базирующиеся в основном на *результатах* взаимодействия языков, реализовавшихся в результате прямых и опосредованных контактов. БСЛЯС манифестирует прежде всего *процесс*, конкретную ситуацию прямого контактирования, формирование корпуса общих элементов и под., т. е. в БСЛЯС «происходит синтез балто-славизмов, а языковой союз становится доступным наблюдению *in statu nascendi*» (Судник, Цивьян 1983: 204).

(3) В отличие от ситуации в БЯС, которая позволила выработать большое число соответствий на различных языковых уровнях, и в отличие от БСЛЯС, где они прогнозируются (на основании предварительного изучения диалектов разных языков в балтийско-славянском пограничье), для КБО (resp. КЯО), как уже говорилось, пока отмечены схождения (соответствия) лишь на лексико-семантическом уровне (Клепикова 1985: 69–70).

Единство карпато-балканской общности рассматривается как следствие наложения, суммирования двух противоположно направленных иррадиационных движений, «волн». История языковых и этнических контактов в карпато-балканском пространстве свидетельствует, что первоначально «центром иррадиации» была карпатская зона, в пределах которой, начиная с глубокой древности, складывались специфические тождества, общие элементы. В дальнейшем (I в. н. э.) в результате миграции населения, в частности, продвижения предков южных славян в Паннонию и далее на Балканы («карпатская миграция славян», подробнее о ней: Иллич-Свитыч 1960), эти элементы проникли далеко на юг и ныне, в той или иной степени, они представлены в болгарском, македонском, сербском языках / диалектах. Роль этой первой «волны» в становлении как балканославянских языков, так и карпато-балканской конвергентной общности чрезвычайно велика (18).

Позднее, в Средние века «центром иррадиации» элементов, приобретших статус балкано-карпатских схождения, становится балканская зона. Вторая «волна», распространявшаяся в русле массовых миграционных движений

балканского населения в направлении с юга на север (и северо-запад), имевшая серьезные социально-исторические и экономические причины, укрепила конвергентные тенденции в карпато-балканской макроне (Бернштейн 2000: 183–185 и др.; Клепикова 1974: 22 и сл.; Клепикова 1998: 170) и значительно увеличила число общих лексико-семантических элементов. В этой связи отмечается сильное южнославянское влияние на языки / диалекты карпатской зоны (однако, по-видимому, прежде всего опосредованное румынским языком, см. Клепикова 1995: 107).

Особо подчеркивается роль восточнороманского элемента, который благодаря мобильности восточнороманского этноса весьма активно участвовал в (этно)языковой интерференции на Карпатах и влияние которого фиксируется в результатах так называемой «валашской (пастушеской) колонизации» в обширных областях севернее Карпатской горной дуги, вплоть до Моравской Валахии (19).

Таким образом, отношение «центр ~ периферия» выступает применительно к карпато-балканской области как относительное понятие. Если вначале для карпатского «центра иррадиации» периферией оказались области к югу (но не к северу!) от Карпат, вплоть до Балканского полуострова, то позднее для балканского «центра» такой периферией является карпатская зона. Именно в *двойной* – на протяжении веков – локализации «центра иррадиации» явлений, образующих ныне общий фонд форм и значений карпато-балканской макрообщности, следует усматривать основание для максимального использования балканского материала при изучении собственно карпатских явлений.

Рассмотренная выше особенность соотношения карпатской и балканской частей КБО в истории ее формирования важна и для точного понимания содержания таких терминов, используемых в карпатологии, как «карпатизм» и «балканизм».

При изучении *истории* данной ареальной общности возникает необходимость трактовать общие элементы как собственно карпатские – «карпатизмы» – т. е. элементы, происхождение (центр иррадиации) которых может быть локализовано в пределах карпатского лингвистического пространства (древнего или современного). В практике же *синхронных*, в том числе лингвогеографических, исследований, «карпатизмы» – это **все** специфические элементы, характерные для языков / диалектов карпатской зоны (или некоторых ее субзон) на современном этапе их развития, в том числе и так называемые. «балканизмы», – та часть общего фонда карпатской лексики, которая вошла в него вследствие миграции балканского населения в Средние

века на север от Дуная. Таким образом, термин «балканизм» в КЯ имеет особое значение по сравнению с тем, которое ему придано в балканистике, где он означает 'изменения (явления), проходящие по всем языкам или группе языков и даже в отдельном языке' (Цивьян 1979: 272 и сл.). Следовательно, если предметом исследования является лишь *карпатская* часть КБО, а материал балканской играет роль «контекста» для более полного понимания карпатских фактов, то существует потребность в двояком – синхронном и диахроническом понимании термина «карпатизм» и специфическом истолковании термина «балканизм», что позволяет более корректно осуществить процедуру хронологической стратификации единиц общего фонда.

Однако если явления, зафиксированные в КБО, изучаются сквозь призму *балканской* ситуации (и данные карпатских диалектов образуют своеобразный «фон» этих разысканий), то упомянутая выше терминология оказывается неприемлемой. В этом случае целесообразно оперировать терминами «балкано-карпатизмы» (общие для макрзоны элементы), а также «балканизмы» и, соответственно, «карпатизмы», т. е. элементы, характерные для *каждой* из зон в отдельности. Таким образом, применительно к языкам балканской зоны (например, балканославянским) нельзя говорить о наличии в них «карпатизмов» (20). Из сказанного также следует, что «балкано-карпатизмы» могут быть интерпретированы в рамках всего макропространства, тогда как локализмы («карпатизмы», «балканизмы») выступают в его пределах как асимметричные, поскольку их ареалы оказываются «вписанными» в границы соответствующих зон.

3. Ареалогическое изучение диалектов карпатской зоны. Изучение общего фонда словаря диалектов, образующих карпатскую языковую общность, с помощью картографических методов осуществляется в двух аспектах – лингвогеографическом и ареалогическом. Вслед за многими отечественными диалектологами, мы полагаем целесообразным рассматривать лингвогеографию и ареалогию как самостоятельные исследовательские направления пространственной лингвистики (Бородина 1980: 12–22) (21). Вместе с тем надо понимать их тесную связь, поскольку они исследуют один объект, например, в нашем случае – карпатский диалектный континуум, репрезентированный на конкретных лингвистических картах. Как отмечено в (Блумфилд 1968: 356), «если не считать полного и систематического описания отдельного местного диалекта, географическая карта – это наиболее четкий и компактный способ констатации тех или иных явлений. Диалектологический атлас – набор таких карт – позволяет нам сравнить распределение различных

явлений путем сопоставления различных карт». При этом основную задачу *лингвистической географии*, возникшей на базе полевой диалектологии и являющейся ее продолжением, в общем виде можно формулировать как интерпретацию диалектных материалов, собранных по определенной программе (обеспечивающей их сопоставимость) и последующее их картографирование (22). В результате этого исследуемое лингвистическое пространство манифестируется в виде множества *вариантов* диалектного ландшафта, которые отличаются специфическим распределением *изолиний*, очерчивающих территорию тех или иных явлений (= «ареалы»). Задача *ареалогии* – описание и классификация разновидностей ареалов, эксплицированных с помощью лингвогеографии (23), и далее – в зависимости от целей исследования – их сопоставление. Само понятие ареала – формальной единицы, которой оперирует ареалогия – определяется как «точные контуры, полученные при исследовании границ распространения лингвистического явления определенного уровня» (Бородина 1980: 23). В качестве границ ареала выступают *изолинии* (изоглоссы, изосемы и под.) (24), но необходим также учет и содержательной стороны. Поэтому «под ареалом следует понимать пространственно-временную и социальную единицу (территорию), противопоставленную по определенным признакам остальному лингвистическому континууму» (там же: 8). Исследователи отмечают известную неопределенность (неоднозначность) смысла и употребления термина «ареал» (25), что находит отражение и в нашей работе. Заметим, что, например, в трудах многих ученых московской диалектологической школы данный термин практически не используется, и наряду с термином «изоглосса» (26) предпочтение отдается различным наименованиям описательного характера – «определенная группа говоров», «территория, выделяемая пучком изоглосс», «объединение говоров, которое выделяется пучком изоглосс» и под. (Вопросы 1962: 25, 217–218, 237, 241).

Существуют различные классификации ареальных типов, обозначения которых базируются на обобщении особенностей внешних контуров ареалов. Удачной представляется детальная их типология, разработанная М. А. Бородиной с учетом соответствующего зарубежного опыта на основании анализа материалов «Атласа французского языка» Ж. Жильерона и Э. Эдмона. Во внимание принимаются несколько основных параметров и дополнительных признаков лингвистических ареалов. Это – I. *конфигурация* (непрерывный ~ разорванный); II. *величина* (большой ~ средний ~ малый); III. *число и характер языков* (полилингвальный ~ монолингвальный; родственные ~ неродственные); IV. *динамика* (устойчивый ~ неустойчивый);

V. *положение относительно центрального ареала* (сопредельный / латеральный ~ дистантный) и под. (Бородина 1977: 113–117). Описание наиболее частотных типов, учитывающих минимум релевантных признаков, дано в (Бородина 1980: 30–34), где упоминаются центральные и маргинальные, островные, волнообразные / клинообразные, разорванные / размытые и под. ареалы. Этот набор обозначений далее используется нами для характеристики территории распространения отдельных лексико-семантических единиц в карпатском (карпато-балканском) диалектном континууме.

Однако в задачи лингвистической ареалогии входит не только описание и сравнение синхронно выявленных ареальных типов, но и их диахроническая интерпретация, представляющая значительные трудности. Исследователи в той или иной мере признают принципиально важный тезис основателя «неолингвистической» школы М. Бартоли о существовании взаимоотношений между географическим распределением языковых явлений и временем их возникновения. Это означает возможность, во-первых, разграничения более старых (=архаизмы) и более новых явлений (=инновации), и, во-вторых, установления центров иррадиации новых явлений. Применительно к ситуации с лексическими заимствованиями решение этих проблем существенно облегчается – именно по причине очевидности во многих случаях языка-источника соответствующих элементов.

Отметим, что закономерности соотношения типов ареалов и хронологии самих явлений (=«ареальные нормы») (27), сформулированные М. Бартоли на материале романских языков, имеют скорее индикативный характер, т. е. они лишь указывают на *возможность* истолкования явления, например, как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в значительных по территории областях (28). Как справедливо отмечал Р. И. Аванесов, «...из лингвистических карт нельзя *непосредственно* вывести историю языковых явлений и диалектов. Однако лингвистическая география оказывается чрезвычайно важной для истории языка и исторической диалектологии и может *помочь* (курсив наш. – Г. К.) установлению пути развития данного явления, времени его возникновения и первоначальной территории его распространения, если одновременно с территориальным распространением языкового явления изучается внутренняя история данного явления во всех его разновидностях, учитывается относительная хронология языковых явлений, используются данные языка письменных памятников и все эти языковые данные сопоставляются с данными истории, материальной культуры, исторической географии, археологии разных эпох» (Вопросы 1962: 25; курсив наш. – Г. К.) (29).

Поскольку лингвистическое пространство существует как единый про-

пространственно-временной континуум – «хронотоп», то любое языковое явление проецируется на обе оси – пространственную и временную. Таким образом, соответствующие противопоставленные явления «одновременно представляют собой различия, *существующие и следующие* друг за другом во времени: в первом случае они характеризуют диалектный язык одного времени на разных территориях, во втором – разного времени на одной территории» (Вопросы 1962: 11; курсив наш – Г. К.). Следовательно, единство «пространство & время» означает *возможность* (и указывает на «механизм») «развертывания» синхронии в диахронии, когда «временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции» (Толстой 1968: 15). Данный феномен, определяемый также как диахрония, «опрокинутая» в синхронию (Бородина 1966: 6), служит основанием для выведения «хроно-изоглосс ретроспективно, путем критического изучения современных топо-изоглосс» (Аванесов 1963: 314), или, иными словами, для переосмысления некоторых пространственных соотношений в качестве временных (30).

Трудности диахронической интерпретации фактов, синхронно зафиксированных на лингвистических картах, порождены, в частности, тем, что информация о временной стратификации представлена на картах в «закодированном» виде: исследователь может лишь констатировать самый факт «специализации времени» (31). При «декодировании» проблематичны, по крайней мере, два момента. С одной стороны, исследователь, на базе синхронных фактов, строит чисто *логическую* модель диахронических отношений, что вовсе не означает адекватного отражения соответствующих процессов (32). С другой стороны, пока не удастся точно сформулировать процедуру «дешифровки» хронотопической информации, содержащейся в двухмерном пространстве (плоскости) лингвистических карт, которая может способствовать достоверному восстановлению стадий в истории тех или иных явлений. Поэтому на современном уровне развития ареалогии приходится использовать далеко несовершенные трактовки ареальных ситуаций, предложенные неолингвистикой.

4. Источники. Основным источником фактических данных, на которых базируется настоящая работа, является «Общекарпатский диалектологический атлас» (33), созданный международным коллективом диалектологов стран карпато-балканского региона (34) и России. Этот атлас явился успешным развитием особого направления в славянской лингвогеографии, посвященного пространственной характеристике явлений, отражающих результа-

ты языковых контактов в карпатской области.

Впервые это направление представлено в книге Д. Крынжалэ – *D. Crânjălă. Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštním zřetelem k Moravskému Valašsku* (Прага, 1938; далее Crânjălă). В ней автор, опираясь на все известные к тому времени данные о заимствованиях из румынского (апеллативах, топонимах и под.), сформулировал проблему не только *количественного* аспекта их изучения в карпатской зоне (= сколько подобных элементов во всех языках ареала – Crânjălă XVI), но и их *распределения* по отдельным языкам и группам языков. Так, перечислены: (1) лексемы, отмечаемые во всех языках зоны, (2) лексемы, зафиксированные в некоторых из них, (3) лексемы, известные в одном языке (например, украинском) (35). Тем самым был реализован первый опыт ареальной типологии иноязычных элементов в указанной диалектной области. Дальнейшие исследования значительно детализировали представления о характере этих «ареалов» – например, было установлено, что лишь некоторые румынизмы отмечены на значительной и компактной территории, чаще же всего они фиксируются в виде небольших островных и «разорванных» ареалов и под.

Следующим существенным этапом ареального изучения славяно-неславянских связей стал КДА. Его Вопросник позволил впервые выявить распространение в карпатоукраинской зоне географию таких румынизмов, как *вурда, гуша, кляг / гляг, копил* и др., а материалы 10 румынских (молдавских) и 2 венгерских говоров, включенные на карты Атласа, несомненно, способствовали более глубокому изучению языковых взаимодействий. Однако наиболее полно проблема контактов и процессов интерференции языков / диалектов исследована именно в ОКДА.

Его проект был изложен С. Б. Бернштейном в докладе «Проблемы интерференции языков Карпато-Дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии» на VII Международном съезде славистов Варшаве в 1973 г. (Бернштейн 1973). Проект был признан Съездом в качестве важной задачи славянского языкознания. Ныне может быть дана всесторонняя характеристика этого лингвогеографического труда.

Подготовка и реализация ОКДА, первого регионального атласа Центральной и Юго-Восточной Европы, потребовала принципиальных предварительных обсуждений многих сложных научных, методических и технических аспектов. В результате концепция Атласа в полной мере воплотила основные принципы карпатского языкознания. Так, в качестве исходной теоретической предпосылки была принята идея о существовании в карпато-балканской макроне лингвистического континуума, который образован диа-

лектами родственных и неродственных языков и сформировался в ходе длительных этно-языковых контактов и интерференционных процессов. Цели Атласа были сформулированы следующим образом: «...выявить... сходные элементы разного происхождения именно на диалектном уровне, доказать определенную непрерывность их репрезентации (или отсутствие таковой) в диалектах карпато-балканской зоны» (ОКДА-ВВ: 9). Решение этой задачи позволяет ныне более обоснованно, с учетом большого количества новых данных, говорить о существовании в указанной зоне общности конвергентного типа – карпатской языковой общности. Концепция ОКДА предполагала изучение схождения лишь в лексико-семантической сфере. Было также решено, что ОКДА создается именно как диалектологический атлас, т. е. он не должен быть, например, комбинированным, лингво-этнографическим, поскольку расхождения между двумя направлениями исследования – лингвистическим и этнографическим – в общетеоретическом и практическом отношении весьма существенны (см. Бернштейн 2000: 195–199, 296–298 и др.; ОКДА-В: 14 и под.).

Вопросник ОКДА содержит 785 вопросов, объединенных в 14 лексико-семантических групп. С его помощью собраны материалы, на основе которых составлено более чем 750 карт и так наз. «некартографируемых материалов» (=НМ). Вопросы для него были отобраны в результате сопоставления «национальных индексов» карпатских лексических единиц, зафиксированных исследователями в карпатославянских (и их соответствий – в балканославянских) диалектах. При этом было решено включать в Вопросник схождения, (1) представленные более чем в двух контактирующих языках, (2) в диалектах двух неконтактирующих языков, (3) отдавалось предпочтение лексемам, связанным с традиционным народным бытом, занятиями и культурой населения макрорегиона. В Вопроснике представлено примерно равное число вопросов, сформулированных «от слова к значению» и «от значения к слову». Вопросник Атласа оценивается в целом как «плод усилий всего международного коллектива» (ОКДА-В: 16). Вместе с тем следует иметь в виду, что Вопросник не свободен от недостатков, что могло сказываться при сборе материала; в частности, он невелик по объему (36) и за его пределами остались многие существенные для карпатистики явления. Однако это же позволило провести анкетирование 150 (из 210) населенных пунктов сетки обследования в сжатые сроки (1978–1981 гг.). Для остальных пунктов на территории Румынии диалектные данные были эксцерпированы из некоторых общерумынских атласов (=ALR I–II, ALRsn и под.) и затем рекартографированы на картах ОКДА (37).

ОКДА, таким образом, – особый вид атласа нового поколения, он может

быть определен как *полилингвальный, гетерофамильный, региональный*. В настоящее время известны еще два проекта, которые во многом близки к ОКДА; это «Атлас Средиземноморья» М. Деановича (38) и «Малый диалектологический атлас балканских языков» (=МДАБЯ) (39). Иной тип манифестирует «Лингвистический атлас Европы» (40)

Указанные три атласа объединяет сходная задача – описать, с той или иной степенью детализации, последствия контактирования родственных и неродственных языков / диалектов в определенном регионе и создать фактографическую базу для специальных исследований различной направленности. Однако если ОКДА и Атлас М. Деановича имеют по преимуществу лексический характер, то в МДАБЯ отражены и иные языковые уровни (грамматико-синтаксический) (41).

Уже на протяжении многих лет материалы ОКДА широко используются для разработки важнейших вопросов КЯ. В том числе таких, как изучение в ареалогическом аспекте *вклада* отдельных языков карпато-балканской области в формирование общего фонда лексико-семантических единиц карпатской (=карпато-балканской) языковой общности, установление зон (=«центров»), оказывающих достаточно сильное интерферирующее воздействие на остальные части макрзоны, траекторий распространения в ней «карпатских» элементов различного происхождения и др. (42). На фактах, отраженных в ОКДА, базируются и труды, ставящие задачу верификации версии о существовании карпатской языковой общности конвергентного типа и под. Именно с учетом этих направлений анализируются данные Атласа в нашей работе. Изучение материалов Атласа также может способствовать созданию программы дальнейших исследований в области таких проблем, которые недостаточно разработаны в нем (например, детальное описание ряда микрзон, отдельных лексико-семантических групп и др. – Клепикова 2003: 372).

Однако следует иметь в виду, что, помимо главной информации, «запрограммированной» концепцией Атласа и касающейся проблематики контактирования языков / диалектов, ОКДА, как и любой атлас, содержит определенный объем «незапрограммированной» информации. Карты Атласа отражают сведения, которые, как правило, отсутствуют в национальных, национально-региональных атласах, а также в таких полилингвальных как ОЛА, и эти сведения могут быть учтены специалистами по отдельным языкам (ср., например, Клепикова 2002). Несомненно, возможны и иные направления исследований с привлечением данных ОКДА как в рамках КЯ, так и за его пределами.

Из лингвогеографических трудов важны для нас также МДАБЯ и осо-

бенно ОЛА, поскольку эти атласы содержат такие сведения, которые позволяют уточнить распространение многих специфических «карпатских» элементов *за пределами* территории ОКДА. Этой же цели (применительно к Северной Славии) служит обращение к материалам некоторых национальных атласов (Атлас української мови 1–3. Київ, 1984–2001; Mały atlas gwar polskich I–XIII. Wrocław, 1957–1970 и др.).

С другой стороны, региональные атласы карпатоукраинских говоров, а также Атлас словацкого языка (ASJ III, IV) имеющие, в сравнении с ОКДА, значительно более густую сетку обследования, позволяют в ряде случаев существенно уточнить ареалы многих «карпатских» элементов. Используются и публикации, в которых рассматриваются отдельные лексемы (или группы лексем), причисляемые к «карпатизмам». Наибольшие проблемы возникают при выяснении ареалогической ситуации в болгарской диалектной зоне. Отсутствие на картах Атласа соответствующего материала, приходится восполнять за счет иных источников – данных «Болгарского диалектного атласа» (БДА, БДА ОТ), диалектологических монографий и словарей (особенно важны в этом отношении материалы, включенные в последние тома БЕР) и др. К сожалению, во многих случаях не удалось установить «точную» географию многих лексем в соответствии с сеткой болгарских пунктов в ОКДА.

Для определения языка-источника тех или иных лексем и их происхождения используются этимологические словари славянских и неславянских языков.

5. Некоторые вопросы терминологии. Выше отмечалась целесообразность (и корректность) четкого разграничения предмета исследования в лексикологии и семасиологии. Так, «...лексикология – дисциплина, рассматривающая словарный состав языка с его формальной стороны, т.е. лексемный инвентарь конкретного языка и структуру лексем..., семасиология же – дисциплина, рассматривающая словарный состав языка с его внутренней стороны, т.е. значения лексем (их предметную соотношенность) и их взаимное соотношение» (Толстой 1997: 70).

При этом в целом справедливо и утверждение, что «...все основные понятия лексикологии разрабатывались лишь в применении к отдельной частной языковой системе (пусть даже такой, как система литературного языка), но не к диалектному языку как целому, которое представляет собой... своеобразную систему частных диалектных систем» (Вопросы 1962: 147) (43). Обращение к изучению, например, лексико-семантической сферы в подоб-

ной совокупности частных диалектных систем (=ЧДС) в генетически гомогенном континууме (манифестирующему какой-либо «диалектный язык» (44) или его фрагмент) актуализирует потребность в пространственной характеристике языковых фактов. В результате предметом исследования становится не только функционирование лексических (семантических) единиц в каждой из единичных систем, но и сопоставление соответственных элементов (= «территориальных вариантов»), отмеченных в разных единичных системах данного языка (Вопросы 1962: 148). В связи с этим возникает необходимость – применительно к подобной ситуации – в уточнении некоторых понятий (и терминов) (45). Сходная проблема существует также при конфронтативном изучении близкородственных языковых идиомов, имеющих статус «отдельных (диалектных) языков». Если исследователь прибегает к построению «сопоставительной модели» на основе максимального набора зарегистрированных на том или ином уровне явлений и во всей совокупности обследованных ЧДС (46), то при необходимости может корректироваться содержание некоторых терминов. Наконец, еще очевиднее, что специфика изучения в сопоставительном плане неблизкородственных языков (в рамках генетически гетерогенного континуума, возникшего в ходе конвергентного развития соответствующих языков / диалектов) также влечет соответствующие уточнения формулировок понятий (и терминов).

Далее мы используем небольшое число «базовых» терминов лексикологии (и семасиологии) в интерпретации Н. И. Толстого (Толстой 1968). Так, *слово* – единство лексемы и семемы; *лексема* – звукоряд, оболочка слова; *семема* – его содержание. Таким образом, «...В плане выражения слово – лексема, в плане содержания – семема» (47). Единственной реальностью является слово, зафиксированное в речи носителя языка в определенной «форме» и имеющее некоторое «значение» (48). Лексема и семема (и ее дифференциальные признаки – «семы») – абстракции, не существующие вне конкретного слова и вычлняемые из него искусственно для изучения лексико-семантической сферы отдельных языковых систем (и их совокупностей), в первом случае – плана выражения, во втором – плана содержания. В рамках диалектного континуума, сформировавшегося в результате языковой конвергенции, лексема может выступать как своеобразный «тип» (= «металексема» / «метаформа»), в котором обобщены конкретные звуковые оболочки слов, зафиксированные в отдельных ЧДС, и – соответственно – *семема* – как «семантическая амплитуда» (= набор «семем», отмеченных в ЧДС данного континуума). Такое понимание указанных терминов оказалось удобным при составлении Вопросника ОКДА, а в дальнейшем – при

обработке (интерпретации) собранного материала и его последующего картографирования.

Это нашло отражение в записи «форм» в вопросах типа «от слова к значению» (= «семантических»). Таким вопросам предшествует знак ⁺, указывающий именно на известное *обобщение* звуковых оболочек слов, реально записанных в говорах (и ни в коем случае – на этимологическую реконструкцию «праформы», обозначаемую обычно знаком *). См., например: ⁺bUrdeJ (вопрос 4), ⁺pOd= (16), ⁺Salaš (38), ⁺strUNGa (50), ⁺ČergA (78), ⁺gaČ= (129), ⁺šOrc (145), ⁺bAGanČ= (158) и др.; с помощью заглавных букв отмечается возможность фонетических вариаций в диалектах разных языков (ОКДА-В). Далее такие же «метаформы» приводятся и на картах. Семантическая амплитуда подобных «металексем» передана в Вопроснике ОКДА в виде описания дискретных единиц семениного инвентаря, установленного по различным источникам в процессе составления «национальных индексов» (отдельные его единицы подвергались определенной инвариантизации): ⁺ž()Leb ‘длинное корыто для кормления коров, коней и под.’, ‘выдолбленный продолговатый сосуд для молока’, ‘продолговатое углубление, вырытое водой, русло ручья’, ‘жолоб в водяной мельнице’... (вопрос 198), ⁺saGan ‘вид глиняной посуды – большой горшок, миска’, ‘вид деревянной посуды – ведро’, ‘медный (широкий) сосуд’... (199), ⁺гOVaš ‘палочка с зарубками для обозначения податей, долгов, количества молока или молочных продуктов, которое пастухи давали хозяевам скота, пасшегося на горном пастбище’, ‘шрам, рубец (после удара кнутом)’ (...) и под. Разумеется, в легендах к картам отмечаются лишь реально зафиксированные «значения», также подвергавшиеся некоторому обобщению; вместе с тем в комментариях реальные значения приводятся по возможности в «индивидуализированном» виде.

Примечания

- (1) Со второй половины XX в. активные разыскания в указанных областях науки координирует Международная комиссия по изучению народной культуры Карпат и Балкан (см., например: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 239 и сл.). Информация о работе над многими проектами, осуществлявшимися в рамках Комиссии, публиковалась в специальном ее издании “*Carpatobalcanica*” (Bratislava) и в других изданиях.
- (2) Ныне задачи балканского языкознания понимаются как, во-первых, изучение *типологических* схождений между родственными и неродственными языками балканской зоны, а также *отношения* систем отдельных языков друг к другу и к системе языка-посредника (= «метасистеме») лингвистической общности конвергентного ти-

- па, обозначаемой конвенционально понимаемым термином «балканский языковой союз» (= БЯС); во-вторых, рассмотрение балканских языков как важной составной части балканистики в целом, занимающейся «составлением цельной «общевалканской» картины мира из мозаики частных «балканских» (Цивьян 1979; Цивьян 1992; Клепикова 2005).
- (3) Подробнее см.: *Эдельман Д. И., Цивьян Т. В.* Языковые союзы и ареалы языковой и этнокультурной конвергенции на территории Евразии // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). М., 2005.
 - (4) Детальный критический анализ литературы по данной проблематике содержится в: Бернштейн 2000: 121–124, 134–141, 160–163 и др.; ср. *Нимчук В. В.* Карпатоукраинско-южнославянские параллели и тождества (история и перспективы проблемы) // ОЛА МИ, М., 1988.
 - (5) Подробный анализ соответствующих трудов см. в Vašek 1967.
 - (6) Ср. также *Štolc J.* Slovenská dialektologie. Bratislava, 1994, s. 134–136; *Balogh I., Bańczerowski J., Posgay I.* Węgierskie elementy leksykalne w językach regionu karpackiego // PF 45, 1999; *Siatkowski J.* Językowe wpływy węgierskie w Atlase ogólnosłowiańskim // Hungaro-Slavica 2001. Studia in honorem Iani Bańszewski. Budapest, 2001; ср. и Siatkowski 2004: 87–95.
 - (7) Один из последних по времени обзоров по данной проблематике см. в *Siatkowski J.* Językowe wpływy niemieckie w Karpatach // Witold Doroszewski. Mistrz i Nauczyciel. Łomża, 1997; *Idem.* O nemeckých vplyvoch v materialoch Celokarpatského dialektologického atlasu // Nárečia a národný jazyk. Bratislava, 1999; Siatkowski 2004: 11–52.
 - (8) В создании Вопросника атласа и анкетировании пунктов сетки обследования принимала участие большая группа диалектологов Украины, России, Молдавии. После довольно длительного перерыва в последнее десятилетие возобновилась публикация материалов, собранных в 60-е гг. и оставшихся неопубликованными в Атласе. Ср.: *Клепикова Г. П.* Карпатоукраинские диалекты и проблемы словообразования. 1. Дериваты с суффикса *.-ic(a)* // ИСД 1, 1992; *Она же.* Карпатоукраинские диалекты и проблемы словообразования. 2. Дериваты с суффикса *.-l'(a)* // Діалектологічні студії 3. Львів, 2003; *Она же.* Материалы к «Карпатскому диалектологическому атласу». 1. Рельеф // ИСД 6, 2005; *Она же.* Материалы к «Карпатскому диалектологическому атласу». 2. Из глагольной лексики // ИСД 12, 2006.
 - (9) Целью лингвистической карпатологии (= ЛК), по А. Вашеку, является изучение (1) лингвистических последствий «валашской пастушеской колонизации» (XVI–XVII вв.) (в частности, воздействия грамматических структур языка колонистов на язык коренного населения Моравской Валахии, а также усвоение пастушеской лексики) и (2) последствий взаимоотношения различных языков карпатского ареала (Vašek 1967: 15); таким образом, вне ЛК как будто остаются проблемы, связанные с позднеславянским периодом, карпатской миграцией славян, взаимодействием славян и древне-го населения карпатской области.
 - (10) Перечень атласов, исследовавших карпатские говоры различных языков и использовавшихся при подготовке Вопросника ОКДА, приведен в: Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981, с. 19–20 (= ОКДА-В). Упомянем такие из них, как *Atlas językowy polskiego Podkarpacia* К. Нича и М. Малэцкого (1934); *Mały atlas gwar polskich* (1957–1970); первые тома издания *Atlas językowy Śląska*

- А.Зарембы (1969–); *Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski* К. Дейны (1951–1953); *Atlas językowy Dawnej Łemkowszczyzny* З. Штгера (1956–1964); Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської обл. УРСР. I–II І. А. Дзензелевського (1958, 1960); *Magyar-ukrán nyelvi kapcsolatok* (1970); Атлас лексичних мадьяризмів та їх відповідників в українських говорах Закарпатської обл. УРСР П.Н. Лизанца (1976); *Atlasul lingvistic român* С. Попа, Э. Петровича (1938–1942); новая серия ALR (под ред. Э. Петровича) (1956–1971); Атласул лингвистик молдовенеск (под ред. Р. Удлера) (1969–1973); первые тома *A magyar nyelvjárások atlasza* (под ред. Г. Барчи) (1968–). Ныне число изданий лингвогеографического характера значительно увеличилось – опубликован ряд атласов польских диалектов карпатской и смежных областей (подробнее о них см.: *Reichan J., Woźniak K. Polskie atlasy dialektologiczne i etnograficzne*. Kraków, 2004) и карпатоукраинских говоров – *Atlas gwar bojkowskich* (под ред. Я. Ригера) (1980–1999); *A Lexical Atlas of the Hutsul Dialects of the Ukrainian Language* (1996); ”Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини В. Лагты (1991); Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини З. Ганудель (1989–1999); Атлас українських говірок Північної Буковини К. Германа (1995, 1998); издан 3-й том Атласа И. А. Дзензелевського, опубликован 4-й том в серии *Atlas slovenskeho jazyka*, посвященный лексике (1984), завершается публикация румынских областных атласов (*Atlasul lingvistic român pe regiuni*). Издан БДА (1964–1981).
- (11) Ср., в частности, труды М. Майтана, см., например: *Majtán M. Z lexiky slovenskej toponímie*. Bratislava, 1996; упомянем и его специальную малоизвестную работу по карпатской топонимике: *Майтан М. Топонимика и ОКДА // Справочно-информационные материалы по ОКДА*. М., 1978.
 - (12) Из публикаций по этой теме см. *Гиндин Л. А., Калужская И. А.* Реконструкция карпатского регионального компонента позднеславянского лексического фонда // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1992; *Они же*. Роль Карпат в этногенезе славян позднеславянского периода в свете историко-филологических и лингвистических данных // *Славистические исследования*. Доклады к XI Международному съезду славистов. М., 1992.
 - (13) Например, об исследованиях языка памятников западноукраинской письменности см.: *Можжева И. Е.* Библиографический указатель работ по украинским говорам карпатского ареала, опубликованных в СССР с 1946 по 1969 гг. // КДО: 490–496; Лизанец 1976: 15. Краткие сведения о трудах венгерских славистов в этой области, написанных в последние годы, см. в *Udvári I. Szlavisztikai kutatások a Bessenyei György Tanárképző Főiskolán // Ювелейний збірник на честь 70-річчя від дня народження професора Петра Лизанца*. Ужгород, 2000.
 - (14) Ср. критику С. Б. Бернштейном точки зрения А. Рота, полагавшего, что можно говорить о «карпатском языковом союзе» (*Рот А. М.* Особенности взаимодействия языков и диалектов Карпатского бассейна и венгерско-украинская языковая интерференция // *Studia slavica*. XIII.1967, с. 260–262). С. Б. Бернштейн в этой связи писал: «...Единство ряда языков и диалектов карпатского ареала – факт бесспорный, однако определить характер этого единства не так легко... Спорным представляется... утверждение о существовании самостоятельного карпатского языкового союза... При

- современном уровне наших знаний мы можем говорить о карпатском (северном, периферийном) типе «балканского языкового союза»» (Бернштейн 2000: 157–158).
- (15) О древних миграционных процессах в этой части Европы см. *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древних славян. Лингвистические исследования. М., 2002, с. 22–31. Подробно о роли отдельных древних и новых языков в формировании карпато-балканского лингво-культурного единства см. Бернштейн 2000: 166–172, 175–177, 118–120, 125–126, 141–142 и др.
 - (16) Специально об особенностях карпатской языковой общности как одним из типов конвергентных общностей см. *Клепикова Г. П.* К определению статуса карпатской языковой общности // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). М., 2005, с. 96–97.
 - (17) Подробнее о БСЛЯС см. *Судник Т. М., Цивьян Т. В.* К типологическому сопоставлению механизмов двуязычия (балто-славянский и балканский языковые союзы) // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. IX МСС. М., 1983.
 - (18) Бернштейн 2000: 119, 182 и др.
 - (19) Об этом см., например, в *Грацианская Н. Н.* Этнографические группы Моравии. М., 1976, с. 84, 86, 170; там же – обзор литературы; *Грацианская Н. Н., Королук В. Д.* Проблемы этногенеза моравских валахов в современной чехословацкой историографии // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
 - (20) Бернштейн 2000: 131, 142, 214 и др.; ОКДА-В: 10; Клепикова 1986: 75.
 - (21) Ср. противоположную точку зрения, изложенную в коллективном труде «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований» (= ОЯ) (М., 1973, с. 120): «...Содержание термина «ареальная лингвистика» не отличается достаточной ясностью и определенностью, так как с чисто логической точки зрения ареальная лингвистика – это та же лингвистическая география. Не случайно, что в известном труде Э. Косериу «La geografía lingüística» никаких разграничений этих двух терминов не производится, хотя Косериу затрагивает проблемы, которые отдельные исследователи относят к области ареальной лингвистики.
 - (22) Ср. и следующую характеристику: «Лингвистическая география имеет дело с территориальными вариантами стилистически нейтральной речи в ее бесписьменных формах» (Вопросы 1962: 26). Соответственно понятие «интерпретации» может быть понято более конкретно, например, как «изучение структуры диалектного языка в его территориальном варьировании и выделение ... диалектов» (там же, 27).
 - (23) В работе с лингвистическими картами, созданными по принципам романской школы лингвогеографии, предварительным этапом ареалогического исследования является рекартографирование (= «метакартографирование») (Бородина 1980: 21–22).
 - (24) Сходное стремление видеть в ареале лишь «картографическую протяженность, ограниченную изоглоссой и соответствующую территории распространения языкового (диалектного) объекта» см. в *Назарова Т. В.* К проблематике типологии ареалов // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 85.
 - (25) Возможно, в этом отражается значительная по объему семантика англ. *area*, что проанализировано М. А. Бородиной на примере следующего положения, сформулированного А. Вейнхеном: «...When, in linguistic *area*, two or more *areas* can be found with the same phenomenon, this is an indication that this phenomenon once also existed in

- the *area* between them» (курсив наш. – Г. К.). Она пишет в этой связи: «...слово «area» употребляется в трех разных значениях: 'пространство', 'ареал', 'территория'. Соответственно в точном переводе эта фраза звучала бы так: "Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление некогда существовало на промежуточной между ними территории» (Бородина 1980: 34).
- (26) Изоглосса рассматривается как «результат проекции диалектного различия на территорию» (Русская диалектология. М., 1965, с.14 и сл.); об изоглоссе как линии, отделяющей районы, где фиксируется какое-либо явление см. и в (Блумфилд 1968: 65). Пучок изоглосс – «результат группировки сходных (близких) по конфигурации изоглосс» (Вопросы 1963: 211, 241; ср. и Блумфилд 1968: 375).
- (27) См.: «Ареальные нормы являются средством установления отношения между двумя и большим количеством лингвистических явлений... Хронологическое отношение между двумя явлениями может быть установлено путем применения разных средств, которые в основном сводятся к двум – хронологии текстов и *географическому положению ареалов*» (Bartoli M., Vidossi G. Lineamenti di linguistica spaziale. Milano, 1943, p. 35; курсив наш. – Г. К.).
- (28) Типические ареалогические ситуации описываются с помощью таких «норм», как «норма изолированных областей», «норма периферийных областей», «норма большей области» (= «norma dell'area maggiore»), «норма верхнего слоя» (= «norma della fase sopraffatta») и др. (Bartoli M. Introduzione alla neolinguistica. Genève, 1925, p.3, 6, 10, 13 и др.; также в ОЯ: 129–131, 140–141 и сл.).
- (29) При решении некоторых задач могут не учитываться тот или иной или даже оба параметра. При «выключенном» времени в синхронной совокупности частных диалектных систем исследуется круг явлений, связанных отношением вариативности и расположенных на топологической оси; при «выключенном» пространстве изучаются соответственные явления на хронологической оси; наконец, в последнем случае исследуются явления, образующие структуру единичной языковой системы (= частной диалектной системы, системы литературного языка), характеризующей точку в пространстве и времени (Аванесов 1963: 299 и сл.).
- (30) См.: Иванов Вяч. В., Топоров В. Н. Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы // Структурная типология языков. М., 1966, с. 16. Ср. сходные идеи в этнологии: «...когда отсутствует историческое измерение, то это часто можно восполнить, прибегнув к сравнительно многочисленным современным формам, благодаря которым... пространственное измерение вполне заменяет отсутствие временного» (Левин-Стросс К. Структурная антропология. М., 1984, с.55, 13).
- (31) О «специализации» времени (и – соответственно – о «темпорализации» пространства) см.: Топоров В. Н. Пространство и текст // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2004, с. 59.
- (32) Например, указанные процессы не сводятся к «линейной» эволюции; они могут, по-видимому, включать в себя вероятность скачкообразных «сдвигов», часто не имеющих логических мотиваций. Во всяком случае, следует учитывать гипотетический характер модели диахронных отношений. Ср. в этой связи следующее замечание Вяч. В. Иванова и Ю. К. Лекомцева: «...синхронное описание языка дает возможность реконструировать несколько *условных* схем описания, одна из которых

- совпадает с исходной для диахронического развития» (Лингвистическая типология восточных языков. М., 1965, с. 23; курсив наш. – Г. К.).
- (33) Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 1. Кишинэу, 1989; вып. 2. М., 1994; вып. 3. Warszawa, 1991; вып. 4. Львів, 1993; вып. 5. Bratislava, 1997; вып. 6. Budapest, 2001; вып. 7. Београд-Нови Сад, 2003.
- (34) Из стран карпато-балканского региона в работе над ОКДА участвовали диалектологи Польши, Чехии, Словакии, Украины, Венгрии, Молдовы, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Югославии (=Сербии и Черногории), Македонии, а до начала 80-х гг. и Болгарии. Однако затем, к сожалению, болгарские ученые более чем на 20 лет приостановили свое участие в создании Атласа (поэтому ни в одном из выпусков ОКДА нет болгарского диалектного материала). Лишь в 2005 г. болгарская сторона выразила желание продолжить работу над данным научным проектом, и в настоящее время результаты обследования болгарских диалектов по Вопроснику ОКДА готовятся к печати в виде отдельного от Атласа издания.
- (35) О начальных этапах работы международного коллектива см.: ОКДА-В 1981; ОКДА-ВВ 1987; см. также *Клепикова Г. П.* Карпатское языкознание – состояние и перспективы международного научного сотрудничества // Зарубежная историография славяноведения и балканистики. М., 1986; *Клепикова* 2003: 363 и др.
- (36) Для сравнения укажем, что Вопросник ОЛА насчитывает свыше 3 тыс. вопросов, лексическая часть Вопросника МДАБЯ – более 2 тыс., Вопросник Румынского атласа – несколько тысяч вопросов.
- (37) Подробнее о значении эксцерпированных румынских материалов см. ОКДА, вып. 2, с.7; *Клепикова Г. П.* Рекартографирование в «Общекарпатском диалектологическом атласе // ИСД 9. М., 2004.
- (38) См.: *Saggio dell'Atlante linguistico mediterraneo.* Firenze, 1971.
- (39) Подробнее о нем: *Домосилецкая М. В., Плотникова А. А., Соболев А. Н.* Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание. Доклады российской делегации. XII МСС. М., 1998; *Соболев А.Н.* Балканская лексика в ареальном и ареально-типологическом освещении // ВЯ, № 2, 2001, с. 72 и сл. Уже издано несколько выпусков: МДАБЯ. Пробный выпуск. München, 2003; МДАБЯ. Серия грамматическая, с преимущественным вниманием к структуре балканославянских языков (под ред. А. Н. Соболева). Т. 1. München, 2005; МДАБЯ. Лексика духовной культуры (под ред. А. Н. Соболева). München, 2005.
- (40) Atlas Linguarum Europae. VV.1/1–1/5. Assen; Maastricht; Roma etc., 1983–1994. Этот Атлас репрезентирует данные всех языков Европы, относящихся к разным языковым семьям. Он посвящен исследованию не столько *субстанции* явлений в соответствующих языках, сколько *репертуара* грамматических категорий, моделей фонетических и грамматических структур, а также ономаσιологическому и семасиологическому анализу лексических единиц, – прежде всего выявлению общего / различающегося в их *мотивации* (см., например, *Брозович Д.* и др. Название дуба в европейских диалектах // ОЛА МИ. М., 1989, с. 85–86).
- (41) Разумеется некоторые данные о последствиях языковых контактов, отраженных в пласте заимствованной лексики славянских диалектов, содержатся в национальных атласах и в ОЛА (ср., например, изучение заимствований в 8-ом Лексико-словообра-

- зовательном выпуске ОЛА в: Siatkowski 2004), однако эта тематика не является для указанных трудов центральной.
- (42) Так, данные ОКДА о карпатоукраинских говорах могут быть использованы украинистами, например, при изучении их специфических черт – в сравнении с иными говорами украинского языка, т. е. *внутри* украинского диалектного континуума, и тем самым дополнить лексико-семантическую информацию АУМ и других источников (в первую очередь за счет сведений о географии иноязычных элементов) и др. Подробнее об этом: *Клепикова Г. П.* Карпатоукраинские говоры как объект лингвогеографического изучения // ИСД 8. М., 2002.
- (43) При том, что часто сама система выводится «на основе одного ее признака – синхронности ее элементов, отнесенности последних к одному времени и в связи с этим к одному коллективу», т. е. система понимается как «величина, не имеющая измерений, как величина однородная, всегда равная самой себе» (Вопросы 1962: 8).
- (44) О понимании «диалектного языка» как «системы систем» см.: Вопросы 1962: 8–12 и сл.; Аванесов 1963: 296 и сл.; также: *Калнынь Л. Э.* Диалектологический аспект проблемы «Язык и диалект» // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 35, 1976, № 1, с. 43 и сл.
- (45) Специфику таких явлений, как синонимия, омонимия, полисемия, с одной стороны, в единичной диалектной системе, а, с другой, – в совокупности подобных систем видят многие исследователи. Так, если в первом случае «абсолютная» синонимия и под. считается невозможной (ср.: «подлинных синонимов в действительности не существует» – Блумфилд 1968: 148), то во втором, например, полное совпадение означаемых вполне обычно и передается разными терминами – говорят о «межсистемной разнодиалектной синонимии / омонимии» в противоположность «внутрисистемной синонимии / омонимии» (Вопросы 1962: 151), о «междиалектной синонимии / омонимии» (Г. П. Клепикова), о «диалектных лексических / семантических множествах» (М. Младенов), о «гетеронимии / гетеросемии» (Я. Гоосенс), «диатопической синонимии / омонимии» (Х. Холиолчев) и под. (см. *Клепикова Г. П.* Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем // Советское славяноведение, 1980, № 1, с. 79–80).
- (46) Для характеристики «сопоставительной модели» (= СМ) необходим учет такого параметра как «гомогенность» / «аллогенность», или, в терминах вариантологии, – «константность» / «вариативность», что позволяет устанавливать общие (= постоянные) и варьирующиеся звенья (макро)системы. Подробнее о возможности построения и использования СМ в: *Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981, с. 10 и сл. Ранее идея СМ была сформулирована Л. Э. Калнынь следующим образом: «...В качестве системы систем могут быть интерпретированы не только диалекты одного языка, но и диалекты родственных языков... В этом случае понятие системы систем может быть плодотворно применено при типологическом сопоставлении родственных языков» (*Калнынь Л. Э.* О задачах и предмете описательной диалектологии // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 29, 1970, № 5, с. 421). Ярким примером использования СМ при изучении явлений грамматического уровня БЯС служит работа Цивьян 1979.
- (47) Толстой 1997: 28–29, 46, 70 и др. *Он же.* Славянская географическая терминология. М., 1968, с. 19 и др. Отсюда синонимия определяется как соответствие двух лек-

сем одной семеме, а омонимия – как соотношение одной лексемы и двух семем (там же, с. 46 и др.).

- (48) Особенность диалектологической практики состоит в том, что «значение» диалектного слова фиксируется эксплоратором-собирателем как правило в полевых условиях и представляет собой, в сущности, достаточно субъективный способ словесной реализации соотношения «лексема» ~ «семема», более или менее адекватно учитывающей набор семантических дифференциальных признаков (= «сем»), вычленяемых в семеме и соотносящихся с признаками самой реалии (при том, что предлагаемое значение не равно описанию самой реалии) (подробнее об этом в Клепикова 1974).

Литература

- Аванесов 1963 – *Аванесов Р. И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V МСС. М., 1963.
- АУМ – Атлас української мови. Т. 1–3. Київ, 1984–2001.
- БДА – Български диалектен атлас. Т. I–IV. София, 1964–1981.
- БДА ОТ – Български диалектен атлас. Обобщаващ том. София, 2001.
- БЕР – Български етимологичен речник. I–IV. София, 1964–1978.
- Бернштейн 1973 – *Бернштейн С. Б.* Проблемы интерференции языков карпато-балканского ареала в свете данных сравнительной диалектологии // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. VII МСС. М., 1973.
- Бернштейн 2000 – *Бернштейн С. Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- Блумфилд 1968 – *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Бородина 1966 – *Бородина М. А.* Проблемы лингвистической географии. М.–Л., 1966.
- Бородина 1977 – *Бородина М. А.* Понятие маргинального ареала в лингвистическом континууме // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. М., 1977.
- Бородина 1980 – *Бородина М. А.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов. Л., 1980.
- Вопросы 1962 – Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.
- Домосилецкая 2002 – *Домосилецкая М. В.* Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь. Скотоводческая лексика. СПб., 2002.
- Домосилецкая, Плотникова, Соболев 1998 – *Домосилецкая М. В., Плотникова А. А., Соболев А. Н.* Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание. Доклады российской делегации. XII МСС. М., 1998.
- Илич-Свитыч 1960 – *Илич-Свитыч В. М.* Лексический комментарий к карпатской миграции славян // Изв. АН СССР Серия литературы и языка. 1960, № 3.
- Клепикова 1974 – *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках балканского ареала. М., 1974.
- Клепикова 1985 – *Клепикова Г. П.* К проблеме взаимоотношений языков центральной и периферийных зон балкано-карпатского ареала // ОЛЯ МИ. М., 1985.
- Клепикова 1995 – *Клепикова Г. П.* Румынизмы славянского происхождения в карпатославянских диалектах // ИСД 4. М., 1995.

- Клепикова 1998 – *Клепикова Г. П.* Изоглоссы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала – типологический аспект // ИСД 5. М., 1998.
- Клепикова 2002 – *Клепикова Г. П.* Карпатоукраинские говоры как объект лингвогеографического изучения // ИСД 8. М., 2002.
- Клепикова 2003 – *Клепикова Г. П.* Карпатологический аспект славянской лингвистической географии // Славянское языкознание. Доклады российской делегации. XIII МСС. М., 2003.
- Клепикова 2005 – *Клепикова Г. П.* К определению статуса карпатской языковой общности // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). М., 2005.
- Лизанец 1976 – *Лизанец П. Н.* Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межязыковые связи. Будапешт, 1976.
- ОКДА-В – Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981.
- ОКДА-ВВ – Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје, 1987.
- ОЯ – Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / Отв. ред. Б. А. Серебrenников. М., 1973.
- Толстой 1968 – *Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской лексикологии // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. VI МСС. М., 1968.
- Толстой 1997 – *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
- Топоров 1995 – *Топоров В. Н.* О балтославянской диалектологии (несколько соображений) // ИСД 4. М., 1995.
- Трубачев 1959 – *Трубачев О. Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования // ВЯ 1959, № 1.
- Трубачев 2002 – *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.
- Цивьян 1979 – *Цивьян Т. В.* Синтаксическая структура Балканского языкового союза. М., 1979.
- Цивьян 1990 – *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Цивьян 1992 – *Цивьян Т. В.* Концепт языкового союза и современная балканистика. АДД. М., 1992.
- Цивьян 1992¹ – *Цивьян Т. В.* О концепте языкового союза и современной балканистике // Славистические исследования. Доклады к XI МСС. М., 1992.
- ALR – Atlasul lingvistik român II. București, 1940.
- ALR sn – Atlasul lingvistik român. Serie nouă. T. I–IV. București, 1956–1965.
- ASJ – Atlas slovenského jazyka. III, IV. Bratislava, 1981, 1984.
- Nița-Armaș – *Nița-Armaș et al.* L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves // Romanoslavica. XVI. București, 1968.
- Schaller 1975 – *Schaller H.* Die Balkansprachen. Heidelberg, 1975.
- Schubert 1999 – *Schubert G.* Der Einfluss des Ungarischen in Südosteuropa // Handbuch der Südosteuropa – Linguistik. Wiesbaden, 1999.
- Siatkowski 2003 – *Siatkowski J.* Językowe wpływy niemieckie w VIII tomu Atlasu ogólnostwiańskiego // PF 45, 2003.
- Siatkowski 2004 – *Siatkowski J.* Studia nad wpływami obcymi w Ogólnostwiańskim atlasie językowym. Warszawa, 2004.

-
- Vašek – *Vašek A.* Jazykové vlivy karpatske valašnické kolonizace na Moravě. Konfrontačně-komparativistická studie karpatologická. Praha, 1967.
- Vašek¹ – *Vašek A.* Sur la méthodologie des recherches carpatologiques linguistiques // Romanoslavica. XIV. București, 1967.
- Vrabie – *Vrabie E.* Influența limbii române asupra limbii ucrainene // Romanoslavica. XIV. București, 1967.

Библиография трудов Г. П. Клепиковой 2003–2008

В ИСД 8 (М., 2002) был опубликован список трудов Г. П. Клепиковой за 1957–2002 гг. Здесь дается список ее трудов с 2003 г.

2003

Общекарпатский диалектологический атлас. Серия лексико-словообразовательная Вып. 7 / Международная редколлегия. Београд – Нови Сад, 2003 (6 карт, 4 НМ).

Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 8 / Международная редколлегия. Warszawa, 2003 (1 карта).

Полилингвальные атласы и изучение славяно-неславянских языковых контактов // *Proceeding of 3rd International Congress of Dialectology and Geolinguistics*. Lublin.2003 (p. 327–348).

К ареальной характеристике лексико-словообразовательных вариантов на картах ОЛА (материалы ответов на вопрос № 2008 Вопросника ОЛА) // ОЛА МИ. М., 2003 (с. 33–49).

Карпатолингвистический аспект славянской лингвогеографии // *Славянское языкознание. Доклады российской делегации. XIII ММС / Отв. ред. А. М. Молдован*). М., 2003 (с. 323–338).

Авторство «Поучений Нягое Басараба своему сыну Феодосию» как проблема исторически конкретной реализации концепта *Nomo Balcanicus* (Балканы и Время) // *Славянское и балканское языкознание / Отв. ред. И. А. Седакова, Т. В. Цивьян*. М., 2003 (с. 131–158).

Карпатоукраинские диалекты и проблемы словообразования. 2. Дериваты с суфф. *-l'(a)* // *Діалектологічні студії*. 3. Львів, 2003 (с. 202–212).

Стратификация заимствований из турецкого в диалектах карпато-балканского ареала // *Балканские чтения 7. В поисках «ориентального» на Балканах. Тезисы и материалы / Ред. И. А. Седакова, Т. В. Цивьян*). М., 2003 (с. 69–74).

Малый диалектологический атлас балканских языков и македонская диалектная лексикография // МДАБЯ. 5-е рабочее совещание / Ред. А. Н. Соболев, А. Ю. Русаков) СПб., 2003 (с. 53–60).

Карпатское языкознание и Общекарпатский диалектологический атлас // *Studia Slavica Hungarica*. 48/4. Budapest (с. 357–374).

[Рец.] Гуцульські говірки. Львів, 2000 // ОЛА МИ. М., 2003 (с. 219–222).

Круглый стол «Методы изучения территориальных диалектов» // *Славяноведение*, 2003, № 5 (соавт.) (с. 115–118).

Круглый стол, посвященный памяти проф. С. Б. Бернштейна // *Славяноведение*, 2003, № 6 (с. 115–116).

2004

Рекартографирование в ОКДА // ИСД 9. М., 2004 (с. 71–92)

Новые работы о славянском влиянии на языки карпато-балканского ареала // ИСД 9. М., 2004 (с. 304–315).

Некоторые вопросы украинского диалектного словоизменения: интерпретация диалектного материала, собранного в одной частной диалектной системе. 1. Глагол (формы инфинитива и презенса) // ИСД 9. М., 2004 (соавт.) (с. 159–198).

Из карпатоукраинской диалектной лексики. 2. *нустара* и родств. // ОЛА МИ. М., 2004 (с. 205–215).

Славянская диалектология: некоторые итоги и перспективы // ОЛА МИ. М., 2004 (соавт.) (с. 356–377).

Пастушеская терминология двух македонских говоров зон Охрида и Велеса // ИСД 10. М., 2004 (с. 38–91).

К проблеме изучения восточнороманского влияния на языки балканского ареала // Доклады российской делегации. IX конгресс по изучению стран

Юго-Восточной Европы / Отв. ред. В. К. Волков, А. Ю. Русаков. СПб., 2004 (с. 138–163).

Особенности румынского влияния на языки карпато-балканского ареала // Проблемы изучения межъязыковых влияний в истории славянских языков и диалектов. Тезисы / Отв. ред. Т. И. Вендина. М., 2004 (с. 52–56).

[Рец.] В. Радева. Увод в ареалната лингвистика. София, 2001 // ОЛА МИ. М., 2004 (с. 402–407).

Вопросы диалектологии на XIII Международном съезде славистов // ВЯ 2004, № 2 (соавт.) (с. 111–122).

2005

Стратификация славянских заимствований в румынских диалектах // ИСД 6. М., 2005 (с. 157–172).

Материалы к «Карпатскому диалектологическому атласу». 1. Рельеф // ИСД 6. М., 2005 (с. 225–268).

В. М. Иллич-Свитыч и карпатская диалектология // ИСД 6. М., 2005 (с. 269–278).

[Рец.] К. Ф. Герман. Атлас українських говірок Північної Буковини. II. Чернівці, 1998 // ИСД 6. М., 2005 (с. 343–346).

[Рец.] Ювілейний збірник на честь 70-річчя від дня народження проф. П. М. Лизанця. Ужгород, 2000 // ИСД 6. М., 2005 (с. 352–354).

К определению статуса карпатской языковой общности // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие / Отв. ред. М. Е. Алексеев, Д. И. Эдельман, В. Ю. Гусев. М., 2005 (с. 92–106).

Из болгарской диалектной лексики: страндж. *гугла*, *гугул* / *кукул* и под. // Littera scripta manet / Отв. ред. П. Пашов. София, 2005 (с. 108–115).

Турецкие заимствования в языке Софрония Врачанского // Пуристические тенденции в истории славянских литературных языков. Сб. тезисов. М., 2005 (с. 28–32).

К проблеме изучения германизмов в языках балкано-карпатского ареала // Балканские чтения 8. В поисках «западного» на Балканах. Предварительные материалы / Отв. ред. И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М., 2005 (с. 70–73).

2006

Материалы к Карпатскому диалектологическому атласу. 2. Из глагольной лексики // ИСД 12. М., 2006 (с. 147–191).

К завершению проекта «Общекарпатский диалектологический атлас» // ОЛА МИ. М., 2006 (с. 52–79)

[Рец.] J. Reichan. Polskie atlasy dialektologiczne i etnograficzne. Kraków, 2004 // ОЛА МИ. М., 2006 (с. 261–265).

Названия укладок снопов в восточнославянских диалектах // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4 / Отв. ред. Т. В. Попова. М., 2006 (с. 167–171).

Дифференциация восточнославянского диалектного континуума и «Общеславянский лингвистический атлас» // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4 / Отв. ред. Т. В. Попова. М., 2006 (с. 10–29).

«Общеславянский лингвистический атлас» (=ОЛА) и македонские диалекты // Славянский лингвистический атлас. Списание на катедра за славистика при Филолошкиот факултет «Блаже Конески» за 2006 година брой 12. На професор Рина Павловна Усикова по повод нејвината 70-годишнина. Скопје, 2006 (с. 109–113).

2007

Межъязыковые влияния в языках карпато-балканского ареала // Межъязыковые влияния в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект / Отв. ред. Т. И. Вендина. М., 2007 (с. 301–350).

Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». М., 2007.

О стратификации и географии германизмов в языках балкано-карпатского ареала // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти В. Н. Топорова. М., 2007 (с. 190–200).

[Рец.] J. Siatkowski. Studia nad wpływami obcymi w Ogólnostowiańskim atlasie językowym. Warszawa, 2004 // Славяноведение, № 2. М., 2007 (с. 103–107).

2008

К проблеме стратификации венгерских заимствований в славянских диалектах // ИСД 13 (с. 203–212).

Публикация подготовлена Л. Э. Калнынь

Научное издание

Исследования по славянской диалектологии

13

**Славянские диалекты
в ситуации языкового контакта
(в прошлом и настоящем)**

Сборник статей

Ответственный редактор выпуска
доктор филологических наук
Л. Э. Калнынь

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН
27 ноября 2007 г.

*Компьютерная верстка –
Ф. Б. Людоговский, М. Н. Толстая*

Подписано в печать 25.03.2008. Печ. л. 24,0. Тираж 300 экз.

Заказ № . Цена договорная.

ООО «Пробел – 2000»

г. Москва, ул. Поварская, 36.

**Исследования по славянской
диалектологии**

13

**Славянские диалекты
в ситуации языкового контакта**